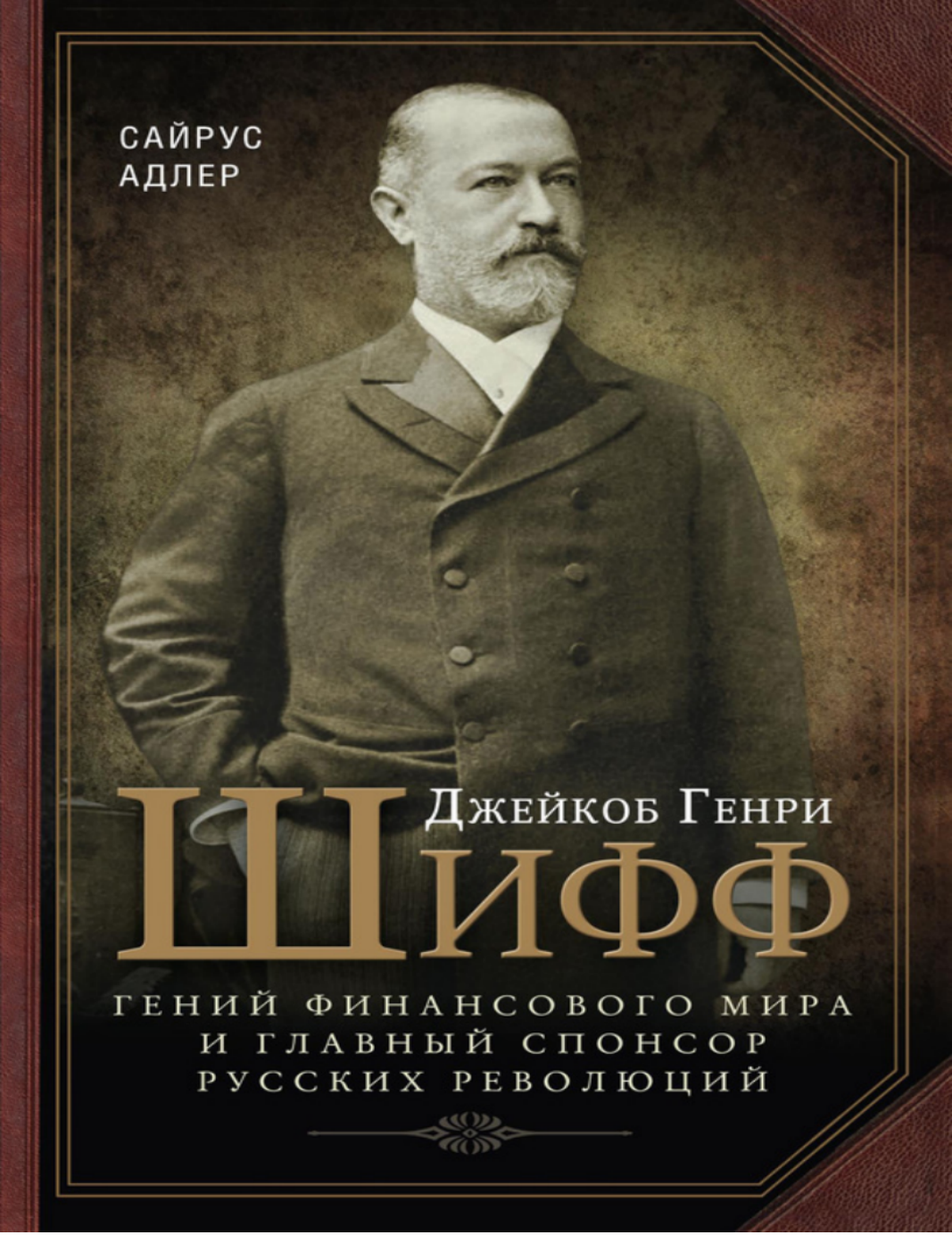
САЙРУС
АДЛЕР
Джейкоб Генри
ШИФФ
ГЕНИЙ ФИНАНСОВОГО МИРА
И ГЛАВНЫЙ СПОНСОР
РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джейкоб Генри Шифф (1847–1920) – знаменитый американский банкир, филантроп и общественный деятель. С 1885 г. управлял банкирским домом «Кун, Лёб и К°» – одним из самых успешных в США, который участвовал в финансировании многих крупных проектов, в том числе сети железных дорог. Шифф проявил себя и как политический деятель. Это касается, в частности, самодержавной России, в отношении которой он вел непримиримую борьбу, активно противодействуя получению ею займов от США. Он бурно приветствовал Временное правительство и готов был вести переговоры о предоставлении ему финансовой помощи. То же касалось и Японии, которую Шифф всячески поддерживал во время Русско-японской войны. В книге приводятся интересные факты биографии Шиффа и письма, которые свидетельствуют о его разносторонних интересах и деятельности.

- Адлер Сайрус
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Пролог
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
  - ○ Часть вторая[32]
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
    - ■ Глава 17
    - ■ Глава 18
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

Адлер Сайрус
Джейкоб Генри Шифф. Гений финансового мира и главный спонсор русских революций

CYRUS ADLER

Jacob H. Schiff
HIS LIFE AND LETTERS

Предисловие

Возможно, многие из тех, кто знает, с какой пылкой неприязнью мой отец относился к личной славе, сочтут странным выход в свет этой книги. В самом деле, отец всю жизнь решительно выступал против любой саморекламы или самовосхваления, однако его интересы и сферы деятельности были столь разнообразны, что мы все же решили запечатлеть его достойную жизнь на бумаге. Замысел представить его биографию широкой публике вызван не гордыней и не тщеславием по поводу его достижений, но лишь стремлением напомнить о том вдохновении, какое черпали близкие в его поступках и идеалах. Мы старались избежать панегириков и домыслов – факты способны говорить сами за себя; мы хотели нарисовать портрет банкира, добившегося успеха на избранном им поприще. Однако главной целью его жизни стала не нажива, а стремление, с помощью своих средств и возможностей, послужить стране, в которой он жил, и помогать тем, кому повезло меньше, чем ему.

Подготовка данной книги стала непростой задачей. Мы неоднократно просили отца написать автобиографию или по крайней мере отмечать на бумаге некоторые важные события его жизни, но он этого не сделал в силу своей невероятной скромности. К счастью, отец очень любил писать письма, и хотя сведений о его ранних годах сравнительно мало, сохранились его тетради с копиями документов начиная с 1887 года, которые и стали главным источником сведений о нем. Стараясь сделать книгу более полной, всеобъемлющей, мы связались с людьми, которые поддерживали близкие отношения с отцом в различных областях его деятельности; мы попросили их поделиться воспоминаниями в целом и особенно любыми имеющимися в их распоряжении конкретными фактами, а также ссылками на интересные события, которые указывают на отношение отца к тем или иным вопросам. Помощь друзей отца оказалась очень ценной; благодаря им мы получили значительное число уникальных материалов. Подготовку рукописи мы поручили доктору Сайрусу Адлеру, давнему другу отца. Ему предстояла трудоемкая работа; потребовалось прочесть и оценить более 80 тысяч писем и просмотреть множество записей, сделанных как в Соединенных Штатах, так и за границей. Свидетельством тому, что доктор Адлер выполнил свою задачу тщательно, ответственно и с любовью, служит эта книга. Он проделал огромный труд, и невозможно подыскать нужные слова, способные выразить ему нашу благодарность и нашу признательность за понимание, с

каким он распорядился материалами, оказавшимися в его распоряжении.

У моего отца была любимая пословица: «На вершине горы сходятся все тропы». Такой была его жизненная философия, и мы, члены его семьи, считаем, что благодаря широкому кругозору, разносторонним интересам и любви к людям он достиг своей вершины. Не мне, сыну, оценивать его жизнь, как бы ни был я предан памяти отца. Но если эти страницы помогут кому-то найти нужное направление в жизни, я буду считать, что наша цель достигнута и публикация книги оказалась полезной.

Мортимер Л. Шифф

Пролог

Данную книгу можно назвать почти автобиографией.

Более тридцати лет тесного сотрудничества с Джейкобом Г. Шиффом во многих областях, за исключением чисто деловых, убедили меня, что его биографию необходимо записать для будущих поколений. Вначале моя точка зрения не нашла поддержки у близких Джейкоба Шиффа, и, разумеется, я не думал, что справлюсь с подобной задачей в одиночку.

Когда все же было решено написать биографию моего друга, его переписка показалась мне необъятной. Я стремился отобрать самые яркие письма, способные дать представление о характере и разнообразных интересах Джейкоба Шиффа. По мере возможности я старался предоставить слово ему самому, вставляя от себя лишь необходимые пояснения некоторых фактов его биографии, чтобы рассказ получился по возможности связным. В моем подходе нет ничего нового: переписку литераторов и государственных деятелей издают достаточно часто. Впрочем, биографии банкиров и бизнесменов пока появляются достаточно редко.

Работая с письмами, я имел в виду еще один аспект. В течение пятидесяти лет Джейкоб Шифф жил полной и разносторонней жизнью, имея дело с высокопоставленными лицами – политиками, государственными деятелями, финансистами, филантропами, педагогами и учеными. Надеюсь, что представленные записи послужат иллюстрациями к истории той эпохи, которой он принадлежал. Иногда переписка проливает свет на такие стороны важных вопросов, которые до сих пор оставались неизвестными.

Я в долгу перед многими людьми за их неоценимую помощь. Почти все они упоминаются на страницах данной книги. Родственники Джейкоба Шиффа оказали большую честь, предоставив в мое распоряжение его архивы, а его сын, Мортимер Л. Шифф, проделал огромную работу, разъясняя мне тонкости банковского дела, которые я бы не понял без его помощи в силу недостатка знаний.

С. А.

Часть первая

Глава 1

В книге регистрации актов о рождении Франкфурта-на-Майне за 1847 г. имеется следующая запись: «10 января, в воскресенье, в 5 часов утра, Клара, урожденная Нидерхофхайм, жена Моисея Шиффа, купца, гражданина Франкфурта еврейского происхождения, родила законного сына Якоба Генриха».

Событие произошло в доме, который теперь имеет номер 39 и стоит на Шнургассе, а в то время имел номер L-80.

Еврейская община Франкфурта возникла примерно в середине XIII в. – позже, чем в других немецких городах. К концу XV в. Франкфурт стал городом, где проживала крупнейшая еврейская община Священной Римской империи; на Юденгассе во Франкфурте находилось одно из известнейших еврейских гетто в Европе. Евреи имели право жить в определенном количестве домов; для того, чтобы, не нарушая закона, увеличить число жителей, дома строились с перегородками внутри, но под одной крышей и имели по два входа; в каждом доме проживало по нескольку семей.

Старую Юденгассе полностью реконструировали, и современная улица, расположенная на ее месте, носит название Бёрнерштрассе. Из старых домов сохранился лишь один, под номером 26 (ранее 148), известный как «Дом Ротшильда». Он превращен в частный музей. Первоначально, однако, на нем был герб в виде зеленого, а не красного, щита, как на том доме, где Ротшильды жили в XVII в. От этого герба они образовали свою фамилию («Roth» – красный, «shield» – щит). В «Доме зеленого щита» начиная с 1690 г. жила семья Шифф. Свою фамилию они образовали от герба в виде корабля, который украшал дом, где они жили ранее.

В 1765 г. Давид Тевеле Шифф переехал в Лондон, где стал раввином Большой синагоги. Очевидно, до 1784 г. дом во Франкфурте принадлежал ему, так как в том году Шифф выставил свою половину дома на торги и продал ее Мейеру Амшелю Ротшильду, предложившему самую высокую цену. В конце следующего года Ротшильд купил «вторую половину «Дома зеленого щита» у брата Тевеле, раввина Меира Соломона Шиффа, и жены последнего, Мате»[1]. Потомки Мейера Амшеля Ротшильда жили в доме до недавнего времени. Интересно, что две эти семьи, давшие жизнь стольким выдающимся финансистам, но в то же время и людям, не чуждым науке и образованию, занимали один и тот же дом в течение долгого периода времени, хотя зачастую и не обитали под одной крышей

одновременно. По сей день над двумя входами в дом можно увидеть корабль и щит, вырезанные в камне.

Семья Шифф зарегистрирована в числе домовладельцев в списках франкфуртских евреев, опубликованных еще в 1608 г. Джозеф Джейкобс, подготовивший родословную семьи для «Еврейской энциклопедии», считает, что первым представителем семьи можно считать Якоба Коэна Зедека Шиффа, родившегося около 1370 г., – возможно, это самая ранняя дата, от которой можно проследить историю любой современной еврейской семьи.

Среди его прямых потомков можно найти многих раввинов, ученых и несколько купцов, которые часто вели дела общины. Несколько раввинов были выдающимися учеными; наверное, самым известным среди них можно считать Меира бен Якоба (также называемого Махарамом) Шиффа из Фульды (1608–1644), который написал комментарий к Талмуду. Его комментарий, опубликованный примерно через сто лет, до сих пор включают во все стандартные издания.

Отец Джейкоба Шиффа, обладавший высоким чувством долга, пунктуальный и строгий, неукоснительно следовал религиозным обрядам и требовал того же от своих детей. Мать была доброй и ласковой по натуре и стремилась к миру в семье.

Мальчика отправили в школу Еврейского религиозного общества (Israelitische Religionsgesellschaft), основанную в 1853 г. и отделившуюся от школы Еврейской общины (Israelitische Gemeinde), называемой также «Филантропин». «Филантропин» был основан в 1804 г., и Якоб короткое время посещал это учебное заведение до того, как открылась новая школа, созданная Самсоном Рафаэлем Гиршем, основателем неоортодоксального течения в иудаизме. Недовольный соглашательством некоторых еврейских общин Германии, которые допускали изменения в религиозных обрядах, этот авторитетный лидер призывал к сочетанию религиозных предписаний с участием в жизни окружающего нееврейского общества.

Якоб Шифф посещал школу до четырнадцати лет. Точно неизвестно, какие предметы он изучал, но в их число, помимо общеобразовательных, а также, возможно, расширенного курса немецкой литературы, входили древнееврейский язык, Библия и основы веры. Вероятно, в число преподаваемых предметов входили также французский и английский языки. Во всяком случае, мальчиком Шифф получил такую хорошую общеобразовательную базу, что позже благодаря чтению, путешествиям и широкому кругу знакомств стал высококультурным человеком. По отзывам, он не был особенно прилежным учеником, хотя в 1859 г. сыграл роль Валленштейна в

спектакле, поставленном в честь столетия Шиллера. Он испытывал склонность к сфере бизнеса. Судя по всему, после школы прошел период ученичества: в восемнадцатилетнем возрасте, решив уехать в Америку, он написал письмо в Сент-Луис, Р.Л. Штрауссу. В письме спрашивал относительно места и писал об опыте своей работы:

«Франкфурт, 12 июня 1865 г.

Пишу Вам с одобрения отца и надеюсь, что Вы отнесетесь к моему поступку благосклонно, так как мне известно о Вашей дружбе с отцом. Некоторое время назад мой отец писал Вам, что я испытываю сильное желание поехать в Соединенные Штаты, но, прежде чем пойти на такой шаг, я хотел бы подыскать себе постоянное место в каком-либо из крупных городов. Поэтому я взял на себя смелость попросить Вас помочь мне найти такое место.

С этой целью опишу вкратце свой предыдущий опыт работы: годы ученичества я провел в одной из лучших торговых фирм Франкфурта, а затем поступил в банк моего зятя, где и тружусь до сих пор. Поэтому я могу совершенствоваться в любой из двух этих областей.

Я знаю, что главнейшая трудность возникнет для меня в связи с днем отдохновения в субботу, но, возможно, Вам удастся найти мне такое место, где я смогу отдыхать в этот день, потому что я хочу надлежащим образом соблюдать религиозные обряды.

С нетерпением жду Вашего ответа. Я достиг того возраста, когда должен решить, чем заняться в будущем. Заранее благодарен Вам за Вашу доброту…

Искренне ваш, *Якоб Шифф*».

Это письмо, судя по всему, ни к чему не привело, но Якоб был решительно настроен на то, чтобы уехать в Америку, независимо от того, ждало его там место или нет. Хотя он писал в Сент-Луис с одобрения отца, когда наступило время отъезда, отец не сразу дал ему свое благословение. В последнюю минуту юноша вел трудную борьбу с самим собой; он должен был решить, ехать ему или нет. Даже когда у дверей его ждал экипаж, отец колебался, а Якоб не хотел уезжать без отцовского благословения. Отец смирился лишь после общей просьбы всех членов семьи.

В то время путешествие в Нью-Йорк занимало около четырех недель; должно быть, Якоб покинул Германию в начале июля. Его первое сохранившееся письмо из Нью-Йорка написано через день после прибытия:

«7 августа 1865 г.

Дорогой дядя!

Вчера после спокойного и приятного путешествия я благополучно прибыл в Нью-Йорк, о чем и спешу сообщить. Филипп, наверное, расскажет о подробностях моего путешествия, я же просто хочу поблагодарить Вас за добрые рекомендации. Маркузе и Балтцер приняли меня очень хорошо и обещали мне помочь. Надеюсь вскоре с их помощью получить место, так как праздность мне претит.

Вы, наверное, уже вернетесь из своей поездки, когда получите мое письмо. Надеюсь, она была благоприятной. Мне доставит огромное удовольствие, если Вы будете часто мне писать, ибо Вы можете представить, как радуют меня письма из дома. Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания Вашей жене и детям. Передайте Генриху, что я пришлю ему редкие марки, если он будет хорошим мальчиком.

На сегодня кончаю. С наилучшими пожеланиями…»

В то время, летом 1865 г., в Нью-Йорке жил Уильям Б. Бонн из Франкфурта, впоследствии вступивший в фирму «Спейер и К°». Один знакомый послал ему письмо, в котором написал, что юноша по фамилии Шифф приедет в Нью-Йорк впервые, и просил присмотреть за ним. Они не были знакомы, но, помня, какими одинокими чувствуют себя вновь прибывшие, Бонн встретил молодого Шиффа на причале. Вечером он отвез юношу в небольшой отель, где снял для него номер, и собирался уйти, чтобы Шифф отдохнул. Но Шифф, благодарный новому знакомому за доброту, упросил его немного посидеть с ним и поговорить о «новой стране и прежней родине». Поэтому Бонн поднялся в его номер. Всякий раз, как он порывался уйти, Шифф просил его побыть еще немного. За разговорами прошла вся ночь. Так началась дружба, которая длилась всю жизнь.

Рекомендательные письма, которые привез с собой Шифф, пригодились не сразу, но вскоре он поступил клерком в посредническую контору «Фрэнк и Ганс». Хотя в то время Шиффу было всего 19 лет, Адольф Ганс сразу заметил его финансовые способности. Якоб (Джейкоб) действовал энергично и активно; он заключил целый ряд сделок с государственными облигациями США.

Ближе к концу 1866 г. Шифф заключил партнерское соглашение с Генри Баджем из Гамбурга, тогда жившим в Нью-Йорке, а затем ставшим членом фирмы «Халлгартен и К°», и с Лео Леманном, который тогда находился в Европе, но по настоятельному совету Уильяма Бонна вернулся в Америку и

поступил в новую фирму. 1 января 1867 г., когда Джейкобу не исполнилось и двадцати лет, открылась посредническая контора «Бадж, Шифф и К°». По словам Баджа, Шифф демонстрировал здравомыслие и энергию. Он добивался успеха с самого первого дня и сам вел значительную часть дел. В 1872 г., когда Бадж находился в Европе, умер его отец, и он, по просьбе матери, решил остаться в Европе, сообщив своим партнерам, Шиффу и Леманну, о решении оставить фирму, которую после ухода Баджа в конце того же года пришлось ликвидировать.

Шифф собирался обосноваться в Америке и с этой целью получил американское гражданство. Его натурализация прошла в Суде общегражданских исков в городе и округе Нью-Йорк 8 сентября 1870 г. В 1872 г. Шифф вступил в Торговую палату штата Нью-Йорк. После ликвидации фирмы «Бадж, Шифф и К°» Шифф поехал в Европу, хотя ненадолго приезжал оттуда в Америку, чтобы помочь в ликвидации фирмы «Бадж, Шифф и К°». В то время Мориц Варбург из гамбургской фирмы «М.М. Варбург и К°» искал представителя для «Лондонско-ганзейского банка» (теперь Лондонский коммерческий банк). В число основателей Лондонского банка входили Гамбургский коммерческий и дисконтный банк и другие партнеры; несколько его директоров были родом из Гамбурга. Они в основном занимались акцептованием векселей для гамбургских фирм. Поскольку желательно было, чтобы банк представлял один человек, Варбург еще в 1873 г. воспользовался случаем и предложил Шиффу должность управляющего, который уполномочен был отчитываться перед банковским комитетом в Гамбурге. Назначение Шиффа зафиксировано в циркулярном письме банка от 1 мая 1873 г. Однако в Гамбурге он оставался недолго. После смерти отца Джейкоб переехал из Гамбурга во Франкфурт, чтобы быть с матерью. Его отставка зафиксирована в протоколе заседания совета директоров от 4 сентября 1873 г.

Во Франкфурте Шифф пробыл около года, а затем Абрахам Кун, старший партнер фирмы «Кун, Лёб и К°», который тогда приезжал в гости во Франкфурт, предложил ему переехать в Нью-Йорк и вступить в фирму. Шифф согласился не сразу, так как не хотел покидать овдовевшую мать. Но она понимала настроения сына и бескорыстно посоветовала ему вернуться в Соединенные Штаты, сказав: «Ты создан для Америки». Поэтому он вернулся в Нью-Йорк и с 1 января 1875 г. приступил к работе в фирме «Кун, Лёб и К°».

За два года до этого, во время тогдашнего пребывания в Нью-Йорке, Шифф познакомился с Терезой, старшей дочерью Соломона Лёба, хотя в то время видел ее всего один раз. После

того как он вступил в фирму ее отца, молодые люди познакомились ближе и 6 мая 1875 г. поженились. Их союз можно назвать по-настоящему счастливым. Иногда Шифф бывал занят работой или поглощен собственными мыслями; но стоило жене войти в комнату, как менялись его поведение и настроение. Семья играла в его жизни главную роль. Всеми доступными ему способами он заботился об удобстве близких и старался по мере сил оградить их от трудностей и тягот жизни.

Он очень любил своих детей, старшую дочь Фриду, впоследствии миссис Феликс М. Варбург, и сына Мортимера. Неустанно заботился о здоровье, счастье и образовании дочери; внимательно следил за ее развитием, находя в ее характере и внешности сходство с собой. Случалось, днем девочка высказывала мнения, которые совпадали с мнением отца, когда он вечером возвращался домой.

Мортимер занимал в мыслях и душе Джейкоба то место, какое в любой семье отводится единственному сыну, и все же отец относился к нему довольно придирчиво. Однажды на рыбалке в Адирондакских горах тринадцатилетний Мортимер поймал лосося весом в двадцать три фунта. Шифф тут же написал о важном событии своему другу Касселю в Лондон. Предметы, которые мальчик изучал в колледже, иностранные языки, подготовка к будущей карьере в бизнесе – все становилось предметом обсуждения с друзьями и знакомыми Шиффа. Один из них, Джеймс Дж. Хилл, взял Мортимера в свою контору, где тот имел возможность увидеть, как управляется крупная железная дорога. Позже его послали в Англию и на время поручили заботам Касселя; у Мортимера появилась возможность поработать под руководством этого выдающегося финансиста. Всем своим старшим друзьям Шифф в письмах с гордостью сообщал о деловой сметке сына; он выражал надежду, что Мортимер «встанет в один ряд с добрыми и серьезными людьми своего поколения».

Далее станет понятно, что Шифф обладал широким спектром интересов. Первая глава книги посвящена карьере Шиффа в банковской сфере, однако не стоит думать, что события данной биографии располагаются в хронологическом порядке. Будучи еще молодым человеком, погруженным в трудные дела, а также воспитание детей, Шифф продемонстрировал интерес к разнообразным общественным занятиям, которые стали для него не менее важными, чем карьера в бизнесе. Помогая людям, он не ждал того времени, пока скопит большое состояние или достигнет среднего возраста.

Вскоре после вступления в фирму «Кун, Лёб и К⁰» Шифф

занялся благотворительностью. Возможно, он приступил к этому еще раньше, когда трудился в фирме «Кун, Лёб и К°», однако письменные свидетельства о том времени до нас не дошли. В 1878 г. он стал казначеем Американского комитета, который собирал средства для помощи евреям Османской империи во время Русско-турецкой войны. В 1882 г. тридцатипятилетний Шифф, человек уже достаточно известный в Нью-Йорке, с готовностью согласился пожертвовать своим временем и стал уполномоченным Министерства просвещения. Его первые сохранившиеся письма относятся к концу 80-х гг. XIX в.; они дают некоторое представление о его повседневном распорядке. В то время Шифф принимает самое активное участие в целом ряде предприятий: больниц, библиотек, колледжей, музеев, политических и общественных реформ.

В 1875 г., в двадцативосьмилетнем возрасте, после семи лет проживания в Америке, обладавший острым умом и европейской подготовкой, полный энергии, Шифф энергично занялся делами банка «Кун, Лёб и К°».

Основатели фирмы – Абрахам Кун и Соломон Лёб. Они образовали товарищество в Лафайетте (штат Индиана) около 1850 г., а позже переехали в Цинциннати, где много лет успешно торговали товарами смешанного ассортимента, а также предоставляли широкие торговые кредиты. Они удалились от дел в 1865 г. и переехали в Нью-Йорк. Когда стремление возобновить дела стало непреодолимым, их мысли, естественно, обратились к коммерческому банковскому делу, в котором оба имели большой опыт, и 1 февраля 1867 г. в Нью-Йорке была образована банковская фирма. Однако вскоре партнеры решили уделить больше внимания ценным бумагам и постепенно создали рынок государственных и железнодорожных облигаций. К тому времени, как в фирму вступил Шифф, партнеры значительно расширили сферу деятельности, хотя их по-прежнему затмевали некоторые более старые банкирские дома Нью-Йорка.

Неясно, какую точно роль сыграл Шифф в стремительном росте фирмы. Его личные тетради до 1887 г. исчезли, и период в 12 лет, с 1875 до 1887 г., невозможно описать так же всесторонне, как последующие годы. Более того, не сохранилось почти никаких письменных свидетельств, датированных ранее 1880 г. О раннем периоде деятельности Шиффа в какой-то степени можно судить по его переписке с Эрнестом Касселем из Лондона, начавшейся в 1880 г. Сохранилось около 1500 писем Шиффа к Касселю, и даже первые письма дают представление о том уникальном месте, какое занимал Кассель и его фирма в кругу партнеров Шиффа.

Эдуар Нетцлин, почетный президент Парижского и

Нидерландского банков, вспоминает случай, имевший большое значение для последующих финансовых операций Шиффа. В Европе, через посредничество Бишоффсхаймов из Парижа и Голдсмидов из Лондона, был образован синдикат с капиталом примерно 12 млн долларов с целью инвестиций в Америке. После финансового краха 1873 г. прекратилось поступление доходов от некоторых видов ценных бумаг, и синдикат решил послать в Америку Нетцлина, чтобы тот лично во всем разобрался. Перед второй поездкой Нетцлина в Америку его друг Кассель предложил ему навестить Джейкоба Шиффа, подающего надежды молодого банкира. Так Нетцлин и поступил, но вначале отношения Нетцлина и Шиффа оставались сугубо личными. Пока Нетцлин следил за ходом судебных процессов и в целом ждал изменения обстановки, Шифф намекнул ему, что перспективным местом для инвестиций может стать Мексика, и предложил съездить туда. Нетцлин последовал его совету и в один из своих приездов в Мексику организовал там Национальный банк.

В 1875 г. фирма «Кун, Лёб и К°» завязала отношения с английскими, и особенно с шотландскими, инвесторами, когда Шифф познакомился с Робертом Флемингом, который и сейчас играет активную роль в лондонских финансовых кругах. Тогда один банк получил в качестве залога крупное поместье в Данди. Естественно, в Новом Свете процентная ставка была выше, чем в Великобритании, и Флеминга послали в Америку, чтобы тот разместил вырученные средства в ценных бумагах американских железных дорог. Шиффа ему рекомендовали как энергичного молодого банкира; Флеминг познакомился с ним. По возвращении в Шотландию Флеминг организовал в Данди Американско-шотландскую инвестиционную компанию. В последующие годы он перенес сферу своей деятельности в Лондон, где занимался размещением акций американских железных дорог. Деловые и личные отношения между Флемингом и Шиффом укрепились, они часто виделись, так как Флеминг совершил около 82 поездок в Америку, а Шифф часто посещал Европу.

Несмотря на недостаток материала, из разных источников становится очевидно, что даже в очень ранний период Шифф, хотя и был в то время младшим партнером фирмы, часто выступал от ее имени. Уже в 1882 г. Кассель спрашивал у Шиффа совета об американских условиях и обычно писал не старшим, а младшему партнеру фирмы. Четкость формулировок, широкий кругозор и стремление установить прочные связи с Лондоном видны в письме к Касселю от 28 мая 1883 г.: «По ряду причин мы ищем в Лондоне другого посредника, и, хотя нам ежедневно

поступает много предложений, специфика нашей работы требует от посредников определенных качеств. Точно выполнять инструкции на фондовой бирже, в конце концов, способны многие. Мы же ждем от наших посредников, чтобы они всегда были начеку, прекрасно разбирались в конъюнктуре американского рынка (чему нетрудно научиться после небольшой практики) и привлекали наше внимание к перспективным операциям в Лондоне. Их ответственность и репутация не должны подвергаться ни малейшему сомнению, ведь мы намерены доверять им большие денежные суммы; они должны без труда дисконтировать наши переводы и получать для нас пролонгации на самых благоприятных условиях».

В 1885 г. Соломон Лёб в силу возраста практически отошел от дел, и Шифф, которому тогда исполнилось 38 лет, стал бесспорным главой фирмы.

Глава 2

Под руководством Шиффа фирма быстро развивалась, хотя своего пика достигла лишь в конце XIX в., после успешной реорганизации железнодорожной компании «Юнион Пасифик».

7 февраля 1893 г. Шифф написал Касселю о скорой смене адреса (ранее штаб-квартира фирмы размещалась в доме 30 по Нассау-стрит): «Мы приобрели несколько старых строений на Пайн-стрит, недалеко от отделения Казначейства. После их сноса планируем построить на том месте новое здание для себя. По моим расчетам, переезд состоится в мае 1894 г. Надеемся оказать Вам в новом здании такой же теплый прием, как и в старом».

Здание по адресу Пайн-стрит, 27 было признано просторным и удобным для обитания. Между прочим, «Кун, Лёб и К°» стали первым нью-йоркским банком, который устроил в своей штаб-квартире собственную систему хранилищ. Вскоре банку стало тесно и в новом доме; весной 1902 г. был куплен еще один участок на углу Пайн-стрит и Уильям-стрит, где построили 22-этажное здание, призванное, как писал Шифф, соответствовать «нашему развитию, а также по настоятельной просьбе наших младших партнеров, которые особенно страдают от нехватки места». Современная штаб-квартира фирмы была открыта в мае 1903 г.

Что касается активного управления фирмой и определения ее политики, после отставки Лёба больше всего помощи Шифф получал от одного партнера, Абрахама Волффа, который поступил в фирму в том же году, что и Шифф.

В преддверии 50-летнего юбилея Шиффа он неустанно находился в трудах, совмещая профессиональную деятельность с многочисленными благотворительными и общественными проектами, отчего у него оставалось очень мало времени на отдых и покой. Еще в 1891 г., после того, как вышел в отставку еще один партнер, Льюис С. Волфф, Шифф начал подыскивать ответственного помощника. В 1894 г. партнерами фирмы стали Джеймс Лёб, сын основателя, и Луис А. Хайншаймер, племянник Соломона Лёба, который много лет был связан с «Куном, Лёбом и К°». Позже, в 1897 г., партнерами стали Феликс М. Варбург, в 1895 г. женившийся на дочери Шиффа, и Отто Х. Кан, который в 1896 г. женился на старшей дочери Абрахама Волффа. Феликс Варбург был сыном Моритца Варбурга из Гамбурга; члены его семьи в течение долгого времени возглавляли старейший частный банкирский дом в Европе. Благодаря их связям укрепились отношения банка «Кун, Лёб и К°» с немецкими

финансовыми кругами. Отто Кан также был выходцем из Германии, из старинной банкирской семьи; он обладал тем преимуществом, что до вступления в «Кун, Лёб и К°» успел поработать в нескольких коммерческих банках в Англии, Германии и Соединенных Штатах.

Естественно, большие надежды на будущее фирмы Шифф связывал с единственным сыном, Мортимером Л. Шиффом. Когда сыну было всего 19 лет, Шифф писал Касселю: «Как только Морти станет на несколько лет старше, надеюсь удалиться от активной работы… К счастью, он демонстрирует хорошую сообразительность и выказывает большой интерес к своей подготовке».

И на следующий год: «Мое положение немного отличается от вашего. У меня есть обязательства по отношению к моим партнерам, а также в связи с репутацией фирмы… Считаю своим долгом перед Морти поддерживать на высоком уровне репутацию фирмы до тех пор, пока он не возьмет бразды правления в свои руки. Я более не утруждаю себя повседневными делами, и должен сказать, что молодые партнеры, Хайн-шаймер, Кан, Феликс Варбург и Джеймс Лёб прилагают большие старания, дабы освободить меня от частностей».

1 января 1900 г. Мортимер Л. Шифф стал партнером фирмы; желание Шиффа сбылось: единственный сын пошел по его стопам, и сотрудничество продолжалось до конца его жизни.

Хотя Лёб отошел от дел в сравнительно раннем возрасте, он по-прежнему помогал другим партнерам советами почти до своей смерти в 1903 г. И все же главным помощником Шиффа в ранний период стал Абрахам Волфф. Они работали бок о бок на протяжении более четверти века, до внезапной смерти Волффа 1 октября 1900 г. Шифф отдал дань личности и деловым качествам Волффа в письме, написанном 7 октября 1900 г. Джеймсу Стиллмену, главе «Нэшнл Сити Банк»:

«Дорогой мистер Стиллмен!

Я получил много писем с соболезнованиями по поводу понесенной мной утраты, но, пожалуй, больше других тронули меня слова из Вашего письма, которое я получил в прошлую пятницу.

Никто не в состоянии понять, как много я потерял из-за внезапной кончины моего дорогого друга и партнера, с которым мы проработали в тесном сотрудничестве почти 26 лет и никогда не испытывали разногласий, никогда не обменялись ни одним недобрым словом… Ежедневно я имел возможность восхищаться его великодушием… Воспоминания я считаю главным наследием

мистера Волффа; рядом с ним и я сам невольно становился лучше.

Вполне естественно, сейчас я грущу и чувствую себя одиноким, потому что м-ра Волффа больше нет, но я стал бы плохим продолжателем его дела и не отдал бы дань его памяти, если бы не стремился сохранить то, что мы построили вместе и чем, в последнее время более чем когда-либо, он особенно гордился. Мои младшие партнеры всерьез стараются заполнить образовавшуюся после него пустоту, и я считаю, если не всецело, то отчасти и со временем им это удастся.

Не могу закончить письмо, не вспомнив, как мистер Волфф восхищался Вами и как он всегда гордился тем, что именно он, в начале вашего президентства в «Сити Банке», предсказывал огромное влияние, какое Вы будете оказывать на финансовые дела; особенно его радовало, что между нами завязались теплые дружеские отношения. Надеюсь, что эти отношения продолжатся, и позвольте еще раз выразить глубокую признательность за Ваши дружбу и сочувствие…

Искренне ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

И Касселю: «Вам уже сообщили телеграммой, что наш верный партнер, м-р Волфф, 1 октября внезапно скончался от болезни сердца. В полдень бедняга присутствовал на обеде, который я давал в честь лорда Ревелстоука. На обеде присутствовали представители финансовых и железнодорожных кругов. Он был в прекрасном настроении и уехал в 4 часа к своим детям за город. В 10 часов вечера мы получили печальную весть, что он неожиданно упал и мгновенно умер. Правда, он умер легкой смертью, но тому, кто проработал с ним двадцать шесть лет и был его близким другом, с этим трудно свыкнуться».

В 1902 г. Пол М. Варбург, бывший партнером фирмы «М.М. Варбург и К°», перенес свою резиденцию в Нью-Йорк и стал партнером фирмы, заняв место отошедшего от дел Джеймса Лёба.

С течением времени работы не убавлялось, а только прибавлялось, и Шифф почти не имел свободного времени. Характер его был таков, что он не мог перепоручить все дела помощникам, как бы он им ни доверял. Уезжая из Нью-Йорка даже в так называемый отпуск, он регулярно поддерживал с ними контакт. Примечательный случай связан с первым «японским займом» 1904 г., когда он, оказавшись в Лондоне, лично повел переговоры. Вместе с тем он всегда больше заботился о других партнерах, чем о себе, и, когда кто-либо из них уезжал, он подробно писал ему обо всем происходящем, обычно уверяя, что

все под контролем, и прося уехавшего отдыхать и не думать о делах.

Определенные обязанности он возлагал на более молодых людей, что приносило ему большое удовлетворение: он не только избавлялся от части работы, но и обретал надежду, что когда-нибудь работа сможет продолжиться и без него. В 1906 г., когда Шифф находился в Японии, фирма договорилась о размещении в Париже серии облигаций Пенсильванской железной дороги. В июне, по возвращении, он писал Полу Варбургу, который тогда предпринял поездку в Европу: «Сейчас я снова сижу за своей конторкой, а Япония и Корея вернулись в сферу географии. Но там было очень красиво, и путешествие, несомненно, значительно обогатило наш кругозор. В том, что касается фирмы «Кун, Лёб и К°», я нашел все дела в удовлетворительном состоянии… по поводу займа для «Пенсильвании» в Париже, больше всего меня радует, что сделка была заключена в мое отсутствие, во-первых, потому что у меня растет уверенность, что фирма может договариваться о крупных сделках… когда меня нет на месте, и, во-вторых, потому, что именно Вы позаботились об этом деликатном и трудном деле и получили возможность почувствовать себя одним из четырех колес, на которых едет телега».

Еще одним ударом стала для Шиффа внезапная смерть младшего партнера, Луиса Хайншаймера, 1 января 1909 г. 7 января Шифф писал Касселю: «В прошлый понедельник Хайншаймер провел весь день на работе, и в четыре часа мы с ним попрощались. В тот же вечер мне позвонил его врач и сообщил, что везет его в больницу для срочного удаления воспалившегося аппендикса. Я виделся с ним перед самой операцией и нашел его вполне бодрым и полным отваги. В ходе операции оказалось, что его состояние внушает опасения, но даже в первые два или три дня после вмешательства врачи считали, что его еще можно спасти. Я навестил его за два часа до смерти; он находился в полном сознании и не сомневался в своем выздоровлении, хотя за несколько часов до того врач предупредил меня, что он не протянет и дня…

Треть столетия Хайншаймер работал со мной бок о бок, сначала посыльным, затем клерком, позже поверенным, а последние 15 лет – партнером. Он был человеком совершенно бескорыстным, стремившимся всем угодить; вдобавок он обладал очень острым умом и здравым смыслом и как работник был неутомим».

В январе 1912 г. в фирму был принят Джером Дж. Ханауэр, чему Шифф особенно радовался, так как Ханауэр, как

Хайншаймер, начал свой путь с низов. Шифф писал президенту Гарвардского университета Чарлзу У. Элиоту: «Мы, насколько возможно, положили за правило учить сотрудников… с нижней ступени лестницы, принимая их, как правило, на место посыльных и пытаясь внушить им не только наши методы, но и сильный кастовый дух… так, один из тех, кого мы взяли на работу посыльным около четверти века назад, дорос до партнера фирмы».

Когда Пола Варбурга назначили членом Совета управляющих Федеральной резервной системой, он вышел из партнеров «Куна, Лёба и К°». Шифф понимал, что должен радоваться такому повышению зятя и что его назначение стало косвенным признанием заслуг их фирмы. Тем не менее размышления о разделении не были приятными. 7 мая 1914 г. он писал доктору Элиоту: «Конечно, то, что Пол Варбург должен переехать в Вашингтон, – не только резкая перемена для него самого и его жены, но и большая утрата для нашей фирмы и семьи. Однако после того, как президент Вильсон сделал ему такое предложение, ни он и никто из нас ни на миг не подумал, что он может отказаться».

Есть значимые различия между банком, который преимущественно занят приемом депозитов и выдачей коммерческих займов, и банкирским домом или фирмой, специализирующихся на размещении ценных бумаг. В некоторых случаях обе функции соединены в одном учреждении, но до сравнительно недавнего времени, и особенно в годы молодости Шиффа, именно частный банкир или банкирский дом занимался финансированием государственных нужд путем продажи облигаций и акций широкой публике. Именно таким был род деятельности, каким занимались Шифф и «Кун, Лёб и К°». Они привлекали инвестиции для финансирования перспективных предприятий.

Банкир сам по себе не является безграничным источником капитала; как и любой другой коммерсант, он покупает товар для перепродажи. Он финансирует потребности клиентов благодаря сохранению ликвидности своих средств. В обязанности банка-эмитента входит оценка тех или иных ценных бумаг – он определяет, можно ли предлагать их к продаже, и назначает цену, справедливую как для государства или корпорации, берущих заем, так и для инвесторов. От того, насколько успешно банк справляется со своими обязанностями, зависит его репутация и последующие капиталовложения. Банкир, ревностно пекущийся о своей репутации и престиже, обязан не только отказать в ссуде клиентам, если их цели не являются ясными и справедливыми, но

и защищает их, заботясь о том, чтобы законные требования удовлетворялись в соответствии с условиями договора. Именно такое стремление к двойной ответственности, стремление поступать по справедливости по отношению к эмитентам и покупателям ценных бумаг отличало Шиффа на протяжении всей его жизни.

Когда государство или корпорация обращалось к банку «Кун, Лёб и К°», Шифф считал своим долгом не только добыть деньги на самых выгодных условиях и проконсультировать клиентов о наилучшем способе их вложения – все это было для него само собой разумеющимся. Не менее важной была забота о том, чтобы, если понадобится, – а в его время так случалось чаще, чем сейчас, – изыскать необходимые средства на случай неожиданного краха инвесторов. Необходимо было поддерживать ликвидность активов фирмы, чтобы она могла оказать такую услугу в трудные времена. Естественно, поэтому приходилось часто отказываться от рискованных, хотя и соблазнительных проектов, которые особенно часто возникали во время кризисов. О последнем Шифф особенно заботился, о чем свидетельствует его письмо епископу Г.К. Поттеру, написанное в январе 1898 г.: «На своем долгом опыте я убедился: то, что сейчас в целом называется «Уолл-стрит», существует немногим более тридцати лет… Многие фирмы, которые тридцать и двадцать лет назад занимали первые ряды, усохли и сжались, зато другие, которые два и три десятилетия назад были мелкими, вышли вперед и стали ведущими во внутренних и международных финансах… Причина, по-моему, заключается в том, что вторые оказались *честнее*, чем многие прежние крупнейшие банки… Они были честнее… по отношению к тем, кто доверил им свои финансовые дела, например ценные бумаги корпоративных предприятий, которые эти банкиры предлагали широкой публике, или наоборот; честнее в сохранении собственного капитала от застоя, стремясь к тому, чтобы их кредит и престиж не подвергались сомнению во времена финансовой опасности и неопределенности; честнее в том, что они, не вожделея лишь к сиюминутной материальной прибыли, работали на перспективу, укрепляя доверие к себе и свой престиж».

Поскольку обычно инвестиционные банки рассматривают крупные проекты, причем через произвольные промежутки времени, обычно в их распоряжении имеются большие или меньшие суммы, которые тем не менее они не могут себе позволить держать в виде мертвого груза. Шифф, как и другие банкиры, естественно, выдавал займы, но в общем и целом руководствовался мыслью, что заем должен быть одновременно

надежно застрахованным и подходящим для реализации. 24 апреля 1903 г. он пишет Касселю: «Вы совершенно верно предположили, что моя фирма не стремится размещать средства за границей – и даже в Соединенных Штатах – с единственной целью получить высокий процент».

Почти само собой разумеется, что именно банкир должен судить о надежности соискателей кредита. Представитель банка-эмитента, который продает ценные бумаги третьей стороне, сталкивается с особенно трудной задачей. Если его оценка окажется неверной, пострадают инвесторы, купившие те или иные ценные бумаги, и – справедливо или несправедливо – будут им недовольны. Надежность суждений Шиффа почти вошла в пословицу среди его современников. Три из его помощников в Европе[2] – Флеминг, Нетцлин и Макс Варбург – выразили одинаковую точку зрения: успех Шиффа основывался как на его невероятно глубоком понимании поставленных перед ним задач, так и на его необычайной смелости; будучи по характеру консерватором, он все же часто шел туда, куда боялись заходить другие; тем не менее он редко допускал ошибки в делах.

Шифф верил в рост и развитие Америки и помогал ей в таком развитии, даже когда – а так бывало часто – ему предлагались более выгодные условия в других местах. Так, несмотря на неудачи и разочарования, связанные с железными дорогами, он всегда верил, что любые ошибки в этой области можно исправить, а развитие должно продолжаться. Такой оптимизм стал до определенной степени его кредо. Макс Варбург вспоминает обед, который Шифф устроил в его честь. На обеде присутствовали около сорока финансистов: «Он попросил меня сказать несколько слов, и я решил, что исполню свой долг, если представлю основанный на фактах отчет о недавних событиях в Европе и выскажу в заключение свои предположения о будущем… После того как я произнес речь и сел, он дружелюбно, но строго заметил: «Слишком кратко и недостаточно оптимистично».

Действуя в соответствии со своими взглядами и часто выступая в роли доверенного лица для своих клиентов, Шифф, естественно, руководствовался в первую очередь строго деловыми соображениями. Однако на его решения влияли также соображения личного характера. Самым ярким примером такого подхода могут служить так называемые «русские займы», в которых, несмотря на их заманчивые финансовые перспективы, он непреклонно отказывался участвовать.

Шиффа привлекали сильные личности. Если он кому-то верил, то полагался на суждения такого человека даже в вопросах очень большой важности. Он всецело доверял Касселю, его

привлекали имперские взгляды Джеймса Дж. Хилла, активность Гарримана, сдержанность и осторожность Стиллмена. С гамбургским банком Варбургов его связывали тесные семейные отношения. Все это сочеталось с его отношением к крупным совместным операциям.

Следует упомянуть и об условиях, в которых он работал, потому что они в нескольких важных аспектах отличаются от тех, которые преобладают сегодня. Шифф начинал после Гражданской войны, когда государственное казначейство еще не вернулось к выплатам наличными. Более того, валютная и банковская система по старому Закону о национальных банках довольно сильно отличалась от той, что получила распространение после учреждения Федеральной резервной системы. Не вдаваясь в подробности, можно лишь отметить, что старая система по сравнению с новой была неорганизованной и неконтролируемой, и во многом из-за такой дезорганизации колебания в деловой и финансовой сферах были больше, чем в наши дни. Когда наступала депрессия, невозможно было предсказать, насколько суровой она окажется. Сколь бы благоразумно ни велись дела, временами возникали опасения, что все могло в любой момент окончиться крахом. Более того, тогдашнее положение Америки на экономической карте мира сильно отличалось от нынешнего. И дело не только в том, что ее население было менее многочисленным и менее состоятельным. Главное различие заключается в том, что, по сравнению со «старыми» странами, особенно странами Западной Европы, Америка скудно снабжалась капиталом и обычно занимала в Европе, в то время как сегодня Соединенные Штаты чаще выступают в роли кредитора.

Наконец, необходимо помнить, что в прошлом американские железные дороги считались более важным фактором на финансовых рынках, чем сейчас. До конца XIX в. крупные промышленные объединения не играли такой роли, как в наши дни, и заемщиками чаще всего выступали железные дороги; их ценные бумаги можно было размещать с наибольшей выгодой.

Фирма «Кун, Лёб и К°» занималась главным образом выпуском неспекулятивных ценных бумаг, облигаций, обеспеченных правом удержания собственности и оборудования. Даже в 1899 г., когда промышленные объединения находились на пике подъема, Шифф делился с Касселем своими сомнениями относительно новой, неопределенной сферы: «Хотите ли Вы участвовать в размещении ценных бумаг промышленных компаний? Это большой риск, но мы не можем удержаться от участия, до скромной степени, во многих сделках».

Как только банк брал на себя обязательства, важной задачей,

как в интересах заемщика, так и в интересах инвестора, было способствовать финансовому успеху заемщика. Такая важная услуга не вменялась по закону в обязанность какой-либо из сторон; однако ее необходимо было оказывать для конечной общей выгоды. Банки стремились соблюдать интересы инвесторов, которые искали у них совета, в том числе и через участие в правлении или совете директоров концерна, для которого они выпускали заем. Шифф предпочитал, как правило, не прибегать к такому методу. Ему казалось, что с помощью непосредственного обмена мнениями и оценками он может сделать столько же, сколько и путем официального представительства; если правление той или иной компании не склонно прислушиваться к его мнению, оно пренебрежет им независимо от того, войдут его сотрудники в состав правления или нет; более того, если его или другого сотрудника его фирмы будут открыто отождествлять с той или иной компанией, в обществе сложится мнение, будто он одобряет любые предпринимаемые компанией действия. Кроме того, Шифф считал, что заседания правлений различных компаний отнимают время, необходимое для основной работы.

Время от времени особые обстоятельства требовали отойти от подобной практики, и он или кто-то из его партнеров, с его одобрения, входил в правление той или иной финансируемой ими компании. Любопытен его ответ на предложение войти в совет директоров Луисвилльской и Нэшвилльской железной дороги (письмо Касселю от 23 сентября 1889 г.): «По настоятельной просьбе Нортона и ввиду значительных общих интересов, которые у нас есть в дороге, я согласился войти в состав совета директоров. Тем не менее я дал ему понять: он не должен ожидать моего согласия со всем, что предлагает».

Хотя и не расположенный к публичности, Шифф в основном получал, что называется, благоприятные отзывы в прессе. Его личность привлекала редакторов и репортеров. Он никогда не отказывался от интервью, если требовалось разъяснить те или иные финансовые вопросы. Хотя Шифф редко откликался на публикации финансового раздела, но состоял в переписке со многими корреспондентами в США и особенно за рубежом. Он информировал их о положении дел, обосновывал свои взгляды и делал срочные, а иногда и долгосрочные прогнозы.

В целом решающим фактором ему представлялась урожайность – что вполне естественно, если вспомнить, что в тот период Соединенные Штаты были преимущественно аграрной страной, а железные дороги, особенно на Западе, процветали в зависимости от того, был урожай хорош или нет. Следующим по

важности фактором после урожайности он считал политическую обстановку, как в США, так и во всем мире. В периоды валютных потрясений эта проблема часто затмевала все остальные. Время от времени Шифф делился с зарубежными корреспондентами своими взглядами об отношении внутренней и внешней политики их государств к финансовым условиям.

Колебания на фондовом рынке обычно не представлялись ему особенно важным фактором. Хотя иногда он и называл фондовую биржу барометром деловой конъюнктуры, ему казалось, что биржа зависит от собственных психологических факторов и потому зачастую ненадежна. К сложной проблеме отношений бизнеса и рынка ценных бумаг он обычно подходил так: когда промышленность и торговля на подъеме или даже развиваются, по его мнению, слишком бурно, в сфере продажи акций и особенно облигаций наблюдается спад; когда в бизнесе наступает застой и промышленные предприятия часто не сулят успеха, все стремятся вложить деньги в ценные бумаги с целью спекуляции.

Хотя многие взгляды на сферу финансов были присущи отнюдь не одному Шиффу, имеет смысл привести избранные отрывки из его переписки, так как они представляют мнение высокопоставленного банкира на финансовое развитие. Некоторые его взгляды стали историческими. Характерный анализ положения дел и прогноз содержатся в письме Касселю от 14 мая 1884 г., во время больших финансовых потрясений: «Относительно Вашего вопроса, разумно ли сейчас покупать акции, отвечу Вам так, как я говорю многим. Уверен, что Вы не станете возлагать на меня ответственность за мой совет в том случае, если он окажется дурным. Естественно, хорошие акции дешевы, если у кого-то хватит терпения держаться за них. Рынок может еще немного просесть, но мы стремительно приближаемся ко дну. Если урожай окажется неплохим, котировки ближе к концу года значительно повысятся. Однако держитесь подальше от хлама; гораздо надежнее можно заработать на качественных ценных бумагах».

В 1885 г. акции сильно выросли за пределы того, что он считал их законной ценой, и 11 июня он писал Касселю из Мариенбада: «Я настолько серьезно подхожу к диете, что за первую неделю потерял три фунта. Что ж, рано или поздно все падает!»

25 ноября 1890 г., через несколько дней после краха банка «Бэринг Бразерс и К⁰ лимитед», последствия которого были смягчены лишь благодаря энергичным действиям лондонских банкиров, Шифф писал Касселю: «Сегодня все выглядит лучше, но кажется, публика уже забыла урок последних недель. Лично я до

сих пор так ясно представляю себе пропасть, в которую заглянул финансовый мир и которую, к счастью, удалось преодолеть отважным вмешательством лондонских финансистов… что пока не способен радоваться при мысли об очередном росте котировок.

Нет сомнений, что положение значительно прояснилось и что большое количество акций здесь и там перешли в крепкие руки, особенно малыми лотами. Больше всего я боюсь, что из-за финансовых послаблений здесь и попыток привлечь как можно больше золота в Английский банк нам скоро придется отправлять большие партии золота. Если это произойдет, последствия будут весьма неблагоприятными, ибо здешний денежный рынок, хотя и получил временные послабления благодаря экстренным мерам банковского сообщества, никоим образом не перенесет потери наличных».

Как только завершились осенние экспортные поставки американской продукции и Россия, заручившись европейскими займами, начала привлекать займы со всего мира, возникла утечка золота из Америки; процесс продолжался на беспрецедентном уровне до середины 1891 г. Шифф так описал положение дел Касселю: «Даже при самых лучших намерениях… истинного улучшения не произойдет до тех пор, пока не прекратится или по крайней мере не сократится вывоз золота. Самым гнетущим фактором остается то, что никто не знает, сколько еще золота Европа у нас заберет».

Положение на американском финансовом рынке временно облегчило совпадение крупнейшего в Америке урожая зерновых в истории и серьезного дефицита зерна за границей. В сентябре золото стало возвращаться в Америку из Европы. Но необычайно богатый урожай лишь отсрочил день расплаты. В конце 1892 г. Шифф писал Волффу: «Наше положение нельзя назвать особенно радужным. Очевидно, завтра золото начнет уходить, а когда процесс начнется, возможно, нам придется посылать большие суммы в Европу, поскольку Англия и Франция предпринимают величайшие усилия для того, чтобы получить наше золото, а спекуляция хлопком у нас откладывает любой крупный экспорт… Хотя я не уверен в том, что мы получим за золото больше, все говорит о том, что вскоре придется предпринять решительные меры, чтобы этого избежать. При данных обстоятельствах невозможно сдерживать валютный курс, и мы, во избежание риска, должны позаботиться о том, чтобы иметь достаточно кредитов, обеспеченных золотом».

Во время большого кризиса на следующий год, 23 июня 1893 г., он писал Хиллу: «Требование денег на перевозку урожая наверняка увеличивает уже существующую нагрузку, и всем

следует соблюдать крайнюю осторожность в приведении дел в порядок до осеннего дефицита… С тех пор как приступил к работе, я еще ни разу не оказывался в подобном положении; надеюсь лишь на то, что худшее удастся преодолеть, хотя я вовсе в том не уверен».

За кризисом 1893 г. последовал долгий период застоя – более длительный, чем предвидели многие эксперты, в том числе и Шифф. Восстановление, начавшееся после победы Маккинли на президентских выборах, привело к почти невероятным изменениям в финансовом положении Америки. 1 сентября 1897 г. Шифф писал Флемингу: «Возрождение, которого ждали мы с Вами, пришло с избытком, и уже на этом раннем этапе спекуляция угрожает порвать со здравым смыслом. Похоже, не за горами то время, когда почти любой напечатанный сертификат, что бы он ни представлял, завоюет рынок, и по этой причине я считаю необходимым проявлять значительную осторожность.

С облигациями положение несколько иное. Правда, все инвестиционные долговые обязательства и спекулятивные облигации значительно выросли в цене, но… я считаю, что все классы хороших облигаций еще не достигли наивысшего уровня…

Поглощение большого количества европейских ценных бумаг, по моему мнению, – большая удача для нашей страны, тем более выгодная, что Европа покупала и покупает наши ценные бумаги. Если бы не этот постоянный поток, некоторые облигации, большое количество которых удерживается Англией, теперь стоили бы значительно дороже, чем они стоят сейчас».

Первые сражения между англичанами и бурами в Трансваале побудили его 24 сентября 1899 г. написать Касселю: «Буры, наверное, будут испытывать затруднения на биржах, ибо, если начнется война, которая кажется неизбежной… обладателей ценных бумаг, связанных с разработкой месторождений, ждет разорение».

И 11 марта 1900 г., когда казалось, что Англо-бурская война закончилась, он написал: «Похоже, беспорядки в Южной Африке почти прекратились. Будем надеяться, что основу для прочного мира можно будет заложить без особых трудностей. До тех пор финансовые рынки повсюду, скорее всего, останутся довольно вялыми. Соединенные Штаты по-прежнему процветают, а промышленность на подъеме, и если, как кажется, последний закон о финансировании повлечет за собой значительный рост циркуляции банкнот, не удивлюсь новому периоду крупной спекуляции сразу после окончания президентских выборов».

После переизбрания Маккинли 26 ноября 1900 г. Шифф писал Полу Варбургу: «Как Вам уже известно, здесь наблюдается

крупное повышение курсов всех ценных бумаг. Подъем очень быстро прекратился, но вскоре, насколько я могу судить, он возобновится, после более или менее резкого понижения. Промышленность и торговля также, возможно, значительно расширятся, и все это вместе, по-моему, вызовет еще более высокие ставки, чем преобладали до недавнего времени. Я не верю, что скоро у нас будут по-настоящему высокие ставки, поскольку на это нужно время, особенно в случае промышленности… но неплохо помнить об этом при заключении финансовых сделок».

Подъем действительно энергично возобновился, и 20 марта 1901 г. Шифф снова выражает опасения в письме Касселю: «Конечно, есть веские причины для роста котировок, что сейчас характерно и для железнодорожных, и для прочих ценных бумаг… но осторожный эксперт почти с ужасом думает о том, как стремительно вырос рынок, как он движется прыжками и скачками. За этим должно последовать резкое понижение цен; это лишь вопрос времени».

9 мая, после приобретения контрольного пакета акций компании «Нозерн Пасифик», на бирже началась паника. Как Шифф писал потом Моргану и другим, он думал, что в любом случае произойдет резкий перелом – возможно, более серьезный, если случится позже.

В письме к Нетцлину 16 марта 1903 г. он предсказывает некоторые будущие трудности и предлагает меры для избавления американского рынка от «излишков ценных бумаг». Свое предложение он развил через несколько дней в письме к Флемингу: «Если мы не можем, как кажется в данном случае, сами привести в порядок наши ценные бумаги, то должны продать их тем, кто готов их у нас купить, как сейчас происходит в Европе, пусть даже потом придется выкупать то, что теперь продаем, по более высокой цене».

9 июня 1903 г., когда на горизонте замаячила мрачная тень паники «богачей», Шифф писал Касселю: «Наверное, мне придется соблюдать осторожность, ввиду недавних финансовых потрясений… Пока было возможно… мы тоже в течение некоторого времени избавлялись от излишков ценных бумаг и потому смотрим на происходящее сейчас довольно хладнокровно. Я вполне допускаю, что… американские ценные бумаги будут котироваться ниже их подлинной цены, как раньше они котировались выше. Сама страна тем не менее в хорошем положении, и доходы от железных дорог по-прежнему остаются весьма удовлетворительными».

За несколько дней до того он писал Флемингу: «Я не верю,

что у нас начнется паника или, того хуже, все начнут распродавать ценные бумаги, однако… коммерческая и промышленная деятельность значительно сократятся, что, в свою очередь, удешевит деньги и привлечет их в финансовый сектор, откуда они изымались последние два или три года. Каким бы странным это ни казалось, рост цен на акции и облигации, по моему мнению, начнется, когда в коммерции и промышленности начнется спад по сравнению с нынешней высокой отметкой».

В начале 1906 г., перед тем как отплыть в Японию, Шифф выражал особое беспокойство по поводу валютно-банковской сферы. В июне, по возвращении, он писал Полу Варбургу: «Я решительно против того, чтобы сейчас вкладывать деньги во что-либо, потому что валютные условия повсюду весьма сомнительны, а здесь особенно много волнений против всех корпораций, и никто не знает, что принесет завтрашний день».

Его дурные предчувствия оправдались: следующий год отмечен большой биржевой паникой и последовавшей депрессией. 14 февраля 1907 г. Шифф писал знакомому в Европу: «Скоро во всем мире начнется спад в коммерческой сфере и промышленности, ввиду роста денежных курсов, дефицита рабочей силы (и вытекающего из этого роста заработной платы), а также роста цен на сырье и промышленные товары. Каким бы парадоксальным это ни казалось, лучшие условия в финансовой сфере возникнут только после того, как начнется спад».

25 августа он писал Касселю из Бар-Харбор: «Никто не отрицает, что мы переживаем тяжелые времена; но не только и не столько президент Рузвельт в ответе за это, хотя ему и предъявляют такие обвинения. Кризис случился бы даже без его нападок на корпорации (точнее, на их засилье); возможно, он начался бы немного позже, но был бы более суровым»[3]. Все хорошее вернется к прежней цене, а нечестные, патологические разрастания отпадут. Если бы только Рузвельта можно было убедить не так мстительно относиться к тому, что уже сделано – в конце концов, в те дни такова была общепринятая практика, – и сосредоточить свои усилия на защите будущего, уверенность вернулась бы быстрее.

Сомневаюсь, что мы достигли поворотного пункта. Перелом не наступит, пока коммерция и промышленность не создадут значительные резервы (добровольно или инстинктивно, хотя последнего я опасаюсь), чтобы объемы сократившегося капитала приспособились к нашим нуждам. Пока ничего невозможно предпринять; остается лишь хладнокровно ждать. В этой связи я всегда вспоминаю слова Франка Уорка, которого спросили после большой паники: «Вы много потеряли, мистер Уорк?» – на что он

ответил: «Я ничего не потерял, просто усох на несколько миллионов». Вот что происходит сейчас почти со всеми собственниками».

Состояние напряженности на денежном рынке осенью было в те времена типичным явлением, вполне переносимым при обычных обстоятельствах. Однако в таких масштабах кризис сильно ударил по всем. В письме Такахаси 25 октября Шифф надеялся, что худшее уже позади: «Невозможно пока сказать, сколько продлится недоверие, частично бессмысленное, которое завладело публикой и вызвало нападки на банки и трест-компании и требование новых жертв. Министерство финансов, ведущие банки и банкиры делают все, что в их силах, чтобы удержаться во время паники, и я надеюсь и верю, что, прежде чем мое письмо дойдет до Вас, Вы получите телеграмму, в которой будет сказано, что паника более не вызвала никаких серьезных последствий».

21 ноября он писал Касселю: «Хотя невозможно предложить никаких особых доказательств, финансовое положение как будто понемногу нормализуется; в то же время бизнес в целом, как промышленный, так и коммерческий, начинает ощущать на себе последствия кризиса, и похоже, нам придется долго страдать от продолжительной рецессии в целом по стране. Реакция наступила так быстро и стала столь острой, что люди до сих пор не могут и не хотят поверить, что нам приходится считаться с другими условиями по сравнению с теми, которые преобладали довольно долго, до самого последнего времени».

Как и ожидалось, после кризиса наступил долгий застой в промышленности и торговле, но к июню следующего года финансовое положение начало понемногу оживать. 2 июня 1908 г. Шифф писал Касселю: «Спрос на облигации первого класса продолжается, хотя время от времени случается затишье, что вполне естественно после происшествий последних недель. В спекулятивных ценных бумагах, особенно в области ведущих акций, объем сделок подчас огромен – что, по-моему, не очень хорошо в настоящее время… Перерыв в работе конгресса и принятие в последнюю минуту Чрезвычайного закона о валюте, который, как ожидается, станет панацеей во время кризисов и крайней напряженности на денежном рынке, также сыграли свою роль для начала повышения курсов».

И еще – 7 августа: «Общие условия и доходы от железных дорог вовсе не оправдывают бума, но на фондовой бирже предчувствуют скорый подъем после богатого урожая и выборов Тафта. Будем надеяться, что результаты их не разочаруют».

Неожиданно затянувшийся спад в промышленности, вместе с

неопределенностью американской политики, вскоре вызвали уныние на рынке ценных бумаг. 21 сентября 1910 г. в письме Такахаси Шифф так обрисовывает финансовую ситуацию: «Начался общий застой… и вследствие этого денег скопилось в избытке, несмотря на богатый урожай, которым снова одарена страна и который в целом, когда бизнес активен, требует привлечения капиталов… Все считают, что, пока наши политические лидеры выступают против корпораций… у нас не будет общего оживления промышленности, несмотря на то, что экономика страны на подъеме».

12 декабря того же года в письме европейскому другу Шифф признается, что не испытывает пессимизма по отношению к условиям бизнеса, даже после недавних решений суда и ноябрьских выборов в конгресс, окончившихся поражением администрации Тафта. Благоразумие и сдержанность – вот то, что безусловно требуется, но «денежный рынок настолько подешевел, что после конца года у нас, возможно, будет неплохой спрос на инвестиционные ценные бумаги. Это само по себе послужит стимулом для новых предприятий, особенно железных дорог, и промышленность будет развиваться быстрее, чем сейчас кажется вероятным».

Долгая стагнация и Балканские войны, в ходе которых были уничтожены огромные объемы вложений, снова осложнили мировой рынок капитала. 9 апреля 1913 г. Шифф писал Касселю: «Не могу представить, как всему миру удастся собрать необходимые ему деньги, потому что требуются громадные суммы. Особенно это будет важно после того, как заключат мир».

Еще больше затруднила положение дел крупная авария на железной дороге Сент-Луис – Сан-Франциско. На многих рынках снова началась паника. 3 июня Шифф писал Касселю: «Долг всех почтенных финансистов теперь заключается в том, чтобы сохранять присутствие духа и придерживать ценные бумаги, пожертвовав мусором».

28 июля он пишет Флемингу: «Думаю, ваши шотландские друзья правы, когда, пользуясь преимуществом нынешних условий, образуют еще одну инвестиционную компанию, ибо в настоящее время доход от лучших американских инвестиций наиболее заманчив».

В начале 1914 г. он писал Сэмюэлу Ри: «Финансовые дела идут хорошо, но, возможно, не так прекрасно, как кажется извне. Однако, поскольку решение по железнодорожным акциям отложено на шесть месяцев – деньги очень дешевы, – не удивлюсь, если рост на инвестиционном рынке хотя бы продолжится, если не ускорится».

И Касселю – 10 апреля: «Пока нет решения по долгожданному повышению фрахтовых ставок, не нужно ждать особого роста ценных бумаг, и можно лишь надеяться, что Комиссия по торговым отношениям между штатами выкажет проницательность и согласится поднять курс, так как страна в целом нуждается в этом укрепляющем средстве даже больше, чем железные дороги».

Шифф упорно отказывался давать частные консультации по вопросам инвестиций и принимать дискреционные приказы даже от своих братьев. Конечно, это не мешало ему свободно обмениваться мнениями о ценных бумагах со своими деловыми партнерами, однако они в конце концов должны были принять независимые решения и принимать меры против неизбежных потерь или пережидать до тех пор, пока потери можно будет превратить в прибыль.

Глава 3

Сейчас трудно осознать, насколько Шифф оказывался впереди своего времени, когда неуклонно поддерживал полюбовные соглашения между железными дорогами, что вело к тому, что получило название «План общности интересов». В начале своей активной деятельности, когда правилом поведения в бизнесе было: «Конкуренция – двигатель торговли», соперничество между железными дорогами приводило к тому, что они не получали прибыли. Конкурирующие линии иногда прибегали даже к физическому насилию. Так, когда руководству «Питтсбург – Коннеллсвиль», дочерней ветке «Балтимор – Огайо», пришло в голову, что через реку Мононгахила переброшен мост другой компании, который на два дюйма заходит во владения «Балтимор – Огайо», мост был сброшен в реку.

Шифф публично возражал против такого расточительства, и его мнение внесло больший вклад в промышленную и общественную жизнь Америки, чем его участие в размещении бумаг железнодорожных компаний, которыми он в то время занимался. Хотя вследствие принятых мер в экономике появились крупные промышленные объединения и на период около десяти лет в американской экономике воцарился хаос, все же политика взаимопонимания в конце концов возобладала, хотя и в измененном виде. 2 августа 1899 г. Шифф писал по этому поводу Марвину Хьюитту, главе «Чикаго – Норс Уэстерн»: «Я боюсь одного, что может принести нам процветание железных дорог, а именно новой и ненужной конкуренции… которая причинила столько ущерба в прошлом и которая, в случае повторения ситуации, нанесет еще больший ущерб в будущем».

31 января 1900 г. он писал Флемингу, что приближается время, когда железные дороги сольются в ограниченное число групп[4].

Когда конгресс рассматривал вопрос о целесообразности поручения Комиссии по торговле между штатами устанавливать железнодорожные тарифы, Шифф в письме к президенту Рузвельту призывал к определенности:

«12 января 1905 г.

Уважаемый господин президент!

Ничто не наносит публике такого ущерба, как нерешительность… Следовательно, можно надеяться на то, что на нынешней сессии конгресса не будет принято окончательного решения по закону, предложенному Комиссией по торговле

между штатами – возможно, в силу важности предмета и краткости времени, – и Вы созовете дополнительное заседание конгресса сразу после 4 марта. Я призываю своих друзей, связанных с железными дорогами, согласиться с общественным мнением, а не противостоять ему, и если, как я надеюсь, такая точка зрения возобладает среди железнодорожников, конгрессу не составит труда принять закон, который удовлетворит и народ, и железнодорожные корпорации. Я вполне уверен, что на таких людей, как Кассатт, Гарриман, Хьюитт, Рипли и пр., можно положиться с точки зрения рассмотрения этого важного вопроса, который касается не только железных дорог… Нет причин и сомневаться в том, что народ в целом и корпорации убеждены: люди, стоящие во главе правительства, будут равно справедливы к интересам народа и корпораций… Стране необходима передышка после волнений, которые, в том или ином виде, то и дело вмешиваются в деятельность, нацеленную на коммерческое и промышленное превосходство нашей страны.

Искренне ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

Во время кризиса 1907 г. он снова делился с президентом своими взглядами:

«24 марта 1907 г.
Уважаемый господин президент!

Когда, примерно месяц назад, я имел честь беседовать с Вами, Вы сказали мне: «Мистер Шифф, мне не за что мстить, но я хочу, чтобы в будущем мы были защищены от оскорблений, нанесенных в прошлом». В этом все добропорядочные граждане согласятся с Вами и поддержат Вас, и мне кажется, что пришло время действовать в духе сказанного Вами тогда. Речь идет уже не о теории, но об условиях. Ситуация стремительно меняется.

Наше положение серьезно до такой степени, что, если срочно не принять меры… страну ждут нешуточные страдания. Доверие к ценностям поколеблено; ценные бумаги, даже самые надежные, не продаются ни внутри страны, ни за ее пределами; и, если срочно не преодолеть выросшее в последнее время недоверие, вскоре придется заморозить важную работу по ремонту существующих железных дорог и строительству новых. Такой шаг влечет за собой тяжелые последствия и скажется на положении всей страны. Я не паникер и не пессимист, но с опасением смотрю на то, как нас стремительно несет течением…

Можно не сомневаться в том, что следующий конгресс примет любые законы, связанные с железными дорогами, которые

потребует принять администрация. Более того, учитывая накал страстей, не вижу ничего невозможного в том, что конгресс пойдет дальше, чем Вы того, возможно, желаете, и внесет изменения в свод законов, о чем позже можно будет только сожалеть. В корне растущего недоверия – не вопросы, связанные с деньгами, которые вскоре, несомненно, разрешатся, но неуверенность в том, каков будет окончательный исход настоящих волнений. Если допустить продолжение подобных настроений до окончания зимней сессии конгресса… создастся невыносимое положение. Публичное заявление с вашей стороны… способно до какой-то степени утихомирить бушующие страсти, но, если мне позволено будет заметить, его действие окажется недолговременным.

Насколько я могу судить, есть лишь одно средство, способное исправить ситуацию, в которой мы очутились: срочное примирение железных дорог и народа, при взаимном стремлении исправить ошибки по инициативе вашей администрации. Судя по тому, как развиваются события, можно почти не сомневаться в том, что представители железных дорог охотно поддержат любые разумные законы, направленные на исправление вскрытых недостатков и злоупотреблений, и обеспечение предложенных мер безопасности.

Я убежден: если Вы сочтете нужным пригласить к себе представителей железных дорог и представителей Комиссии по торговле между штатами с целью выработки законодательных мер, которые будут одобрены вашей администрацией и представлены на следующей сессии конгресса, Вы укрепите связь между народом, с одной стороны, и железными дорогами – с другой, связь, которой не было прежде. Сама попытка достичь такого примирения вскоре восстановит уверенность и развеет тучи, собравшиеся на нашем небосклоне. Если мои предложения удастся воплотить в жизнь с помощью Вашей инициативы… страна будет избавлена от многих страданий…

Искренне ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

«28 марта 1907 г.

Уважаемый господин президент!

Позвольте поблагодарить Вас за полный и подробный ответ на мое письмо от 24 марта сего года[5]. Кроме того, благодарю Вас за высланную копию Вашего прошлогоднего послания конгрессу с подчеркнутыми фразами… Позвольте снова заверить Вас в том… что лично я не только знаю, но и всецело понимаю искренность и правомерность Вашей позиции. Может быть, Вы

вспомните, как совсем недавно я говорил Вам при личной встрече – и я не желаю ни на йоту отступать от своих слов, – что, по моему мнению, следующее поколение будет жить лучше и счастливее благодаря избранию Вас президентом. Кроме того, я выразил опасения, что теперешнему поколению еще предстоит перенести много страданий, исходя из Вашей строгой и бескомпромиссной позиции в важных вопросах и того, как проводятся перемены в экономике, которые, по Вашему мнению, вполне назрели.

Пять лет назад, после того как по Вашему приказу было открыто судебное производство по делу холдинга «Нозерн Секьюритиз Компани», Вы оказали мне честь и обсуждали со мной предпринятые Вами меры, а также позволили изложить Вам и генеральному прокурору Ноксу мои взгляды на сложившееся положение. Возможно, Вы вспомните, что, среди прочего, я тогда говорил: мне кажется, что мы вступаем на тернистый путь, который в конце концов приведет к расцвету радикализма. Сейчас я не могу не сознавать, что мы стремительно движемся к такому положению. Более осторожный подход к трудным экономическим проблемам, которые, как Вы еще пять или более лет назад справедливо заметили, требуют решения, помог бы надолго сохранить материальное процветание страны, которое в конечном счете лежит в основе счастья народа.

К сожалению, человек по натуре склонен приобретать многое за бесценок вместо того, чтобы платить достойную цену, и, в то время как я искренне понимаю, что поддержка таких взглядов для Вас является совершенно чуждой, большинство в наши дни полагает, что с их стороны справедливо требовать от корпораций такого возмещения, какое продиктует народ. Сейчас мы стоим на распутье, и оба пути одинаково желанны. Один путь короткий, но ведет через скалы и пропасти, и, если мы пойдем по нему, нам придется страдать и устать прежде, чем мы достигнем пункта назначения. Другой путь, возможно, несколько длиннее, но он идет в обход многих опасных мест; он дает возможность для отдыха по пути, и, хотя приведет нас к месту назначения немного позже, мы прибудем туда без особых усилий, готовые следовать дальше без продолжительного отдыха и восстановления сил, которые потребовались бы, выбери мы первый, короткий путь.

Нужно ли, господин президент, разъяснять такое сравнение? Конечно, теоретические выкладки и правила, которые оказались неприменимыми к железным дорогам, следует исправить как можно скорее – и положить конец порочной практике и злоупотреблениям. Но стоит ли без разбора и быстро менять то, что создавалось в течение полувека? Более того, разве тех, на

кого изменения повлияют в большей степени, владельцев компаний и их опытных представителей, не следует пригласить для консультации по вопросу о том, как наилучшим и самым безопасным способом производить важнейшие изменения, которые впоследствии облекутся в форму закона? Мистер Морган – несомненно, большая величина, – возможно, действовал несколько порывисто, но я вполне понимаю, о чем он думал, когда недавно предлагал Вам пригласить на совещание представителей железнодорожных корпораций.

Если, вместо Моргана, в конечном счете представителя того класса, к которому, к сожалению, относятся с большим предубеждением, Вы, будучи главой американского народа… предложите, чтобы Комиссия по торговле между штатами, как авторитетный орган правительства, и представители железных дорог, избранные способом, какой отражал бы их интересы, собрались вместе и решили возникшие затруднения, я буду считать, что результат такого решения пойдет во благо для всех. Вы уже предпринимали действия в несколько сходном положении… когда осенью 1902 года заключили мир между владельцами антрацитовых шахт и горняками, мир, который не нарушается почти пять лет. Могу лишь повторить, что, если не принять мер – тех, которые указал я, или других, которые покажутся Вам правильными, – положение с железными дорогами не восстановится достаточно быстро для того, чтобы привлечь инвесторов не только в Соединенных Штатах, но и за рубежом. Необходимо, чтобы железные дороги и народ примирились, разрешили существующие проблемы на основе взаимного доверия, стремления к справедливости для всех. Иначе нас ждет самый тяжелый… период в нашей экономической истории.

Повторяю, денежный вопрос в настоящее время играет второстепенную роль. Мудрая позиция секретаря Кортелью и предпринимаемые им благоразумные меры вскоре восстановят равновесие на денежном рынке. Более того, если нынешнее положение затянется, мы вскоре столкнемся с обилием ссудного капитала. Сейчас необходимы меры, направленные на то, чтобы снять взаимное напряжение и отменить вредные законы, восстановить доверие народа к железнодорожным компаниям и продолжить строительство и развитие крупных торговых и коммерческих путей, а не создавать серьезных препон для процветания страны и счастья народа.

Господин президент, еще раз прошу Вас простить мою откровенность. Пожалуйста, примите мои уверения: если я вмешиваюсь в то, что принято считать «сферой Уолл-стрит», я искренне убежден, что у Вас нет иного намерения, кроме как

действовать в интересах народа, к какому бы классу ни принадлежали его представители и какое бы положение они ни занимали.

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

Прежде всего Шифф ознакомился с деятельностью железнодорожных компаний «Эри», «Луисвилл – Нэшвилл», «Норфолк – Запад» и «Денвер – Рио-Гранде», хотя связи его фирмы с «Чикагской и Северо-западной железнодорожной компанией», судя по всему, возникли еще раньше, примерно в конце 1877 г. Ими в основном занимался его партнер Волфф. Однако позже крепкая дружба связала Шиффа с Марвином Хьюиттом, многолетним президентом, а затем председателем «Чикагской и Северо-западной железнодорожной компании». Их дружба укрепилась в ходе реорганизации «Юнион Пасифик». Их переписка довольно скудна, так как они часто виделись лично. Самое примечательное письмо написано 7 октября 1908 г. в ностальгическом духе:

«Дорогой господин Хьюитт!

…Уверен, у Вас есть все основания радоваться результатам, полученным в трудных условиях… Изучив балансовые отчеты и другие финансовые документы, я вижу, что на следующий год подходит срок платежа по облигациям, выпущенным в 1884 г. и реализованным через посредство нашей фирмы. Это напомнило мне о том, как быстро мы растем… однако мне доставляет большое удовлетворение сознавать, что отношения, столь приятные для нас, много лет существуют между нашей фирмой, ее партнерами и лично Вами, главой компании «Чикаго – Северо-запад». Надеюсь, что, невзирая на наш с Вами возраст, нам будет даровано еще много лет дружеских отношений. Примите мои наилучшие пожелания,

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

Следующие ссылки на финансовые отношения Шиффа с корпорациями и государством охватывают, как правило, лишь довоенный период. Они не являются ни историей, ни хроникой деятельности фирмы «Кун, Лёб и К°». Ссылки делаются по необходимости и лишь в той степени, в какой они проливают свет на характер Джейкоба Шиффа и на его точку зрения на некоторые важные вопросы, которые ему пришлось решать. Начало Первой мировой войны в 1914 г. и вступление в нее Америки в 1917 г.,

послевоенный период, когда возникли новые проблемы, и участие Шиффа в их разрешении раскрываются в другой главе.

Судя по сохранившимся письменным источникам, Шифф впервые принял участие в делах железных дорог в связи с компанией «Эри», в правление которой он входил до 1884 г. В мае 1884 г. он подал в отставку, но, по настоятельной просьбе президента компании Джуэтта, отозвал свое прошение «на некоторое время». В 1882 г. и позже дела компаний «Эри», «Нью-Йорк», «Пенсильвания – Огайо» и особенно «Чикаго – Атлантика» требовали личного участия Шиффа. В письме Касселю в сентябре 1882 г. Шифф сообщал о практическом завершении новой ветки «Чикаго – Атлантика», благодаря которой у компании «Эри» появилась независимая возможность связи с Чикаго, и выражал свое согласие со взглядами Джуэтта и Джорджа Р. Бланшара относительно рентабельности новой ветки с первого дня эксплуатации.

Одновременно велись переговоры между «Эри» и представителями облигационеров компании «Нью-Йорк, Пенсильвания и Огайо». Шифф 9 ноября писал Касселю, что рекомендации «экспертов» компании «Нью-Йорк, Пенсильвания и Огайо» кажутся ему невыполнимыми. Сам он предлагал объединить «доходы от всех линий к западу от Саламанки, которые относятся к системе «Эри», то есть «Нью-Йорк, Пенсильвания и Огайо», «Цинциннати, Гамильтон и Дейтон», а также «Чикаго – Атлантика», притом что «Эри» обязуется направлять транспортные потоки по этим веткам». Однако его предложение не прошло.

1 марта 1883 г. Шифф писал Касселю о том, что представители британских акционеров наконец договорились о сдаче в аренду линии «Нью-Йорк, Пенсильвания и Огайо» компании «Эри», и это он считал выгодным для обеих компаний, хотя, по его мнению, больше всего преимуществ от сделки получит «Чикаго – Атлантик». В мае – июне 1884 г. он подробно писал Касселю о состоянии компании «Эри», которая, хотя в целом и не понесла больших убытков, все же была сильно задета вследствие крупных финансовых потрясений.

Управление веткой «Чикаго – Атлантик» со стороны компании «Эри» оказалось неудовлетворительным, и нужно было принимать новые планы. Шифф не сомневался в том, что перспективы у ветки благоприятные, и 12 октября 1885 г. даже посоветовал Касселю купить облигации последней, пояснив на следующий день: «Мне говорят, что развитие на местах идет хорошо. Если бы в «Эри», вместо того, чтобы губить ветку, перенаправляли на нее часть поездов, что оговорено в контракте,

ветка уже сейчас приносила бы прибыль. Но из-за пагубного подхода руководства «Эри» «Чикаго – Атлантик» вынуждена гнать порожняк с запада на восток».

В апреле следующего года Шифф писал, что «Чикаго – Атлантик» наращивает грузопотоки каждый день; если срочно не принять меры по реорганизации ветки, «Эри» вскоре приобретет контрольный пакет «Чикаго – Атлантик», и акционерам придется зависеть от доброй воли последней. Далее он подробно излагал собственный план реорганизации. 27 мая 1886 г. он написал Касселю: «Судя по всему, у нас ничего не известно об успехах «Эри», несмотря на их громкие заявления. Переговоры необходимо вести напрямую с Амстердамом; однако я не думаю, что такое возможно. Мне известно, кто сидит в правлении «Эри», и едва ли можно ждать от них удовлетворительных предложений… Возможно, до принятия окончательного решения нам придется испробовать разные подходы. Главное – убедиться в том, чтобы под видом реорганизации не началось изъятие акций, вот почему я с недоверием отношусь к любой реорганизации «Эри».

Тем временем Джуэтт подал в отставку, и Шиффу показалось, что новое правление «Эри» под руководством Кинга настроено более примирительно. 20 июня он написал Касселю: «Я рекомендовал Бенедикту, новому президенту «Чикаго – Атлантик», заключить с «Эри» соглашение на определенный срок, в течение которого две компании, не беря никаких обязательств на будущее, попробуют объединить транспортные потоки. Тогда удастся на практике продемонстрировать перспективные возможности «Чикаго – Атлантик» и возможные преимущества для «Эри».

В июле 1886 г. Шифф сообщил Касселю об обсуждении проекта соглашения. Он считал, что такое соглашение будет весьма выгодно для «Эри», которая не только полностью окупит расходы, но и сможет выгодно разместить акции «Чикаго – Атлантик». Что касается последней компании, поскольку фиксированный залог «снижен до минимума», вероятно, такой вариант окажется выгодным для акционеров, освобождающихся от необходимости оценки своих авуаров. Через несколько недель он снова написал Касселю, что держатели вторичных закладных не хотят одобрять план и намереваются выступить против него. В это время его личная переписка относительно «Чикаго – Атлантик» внезапно прерывается, и в более поздних письмах ссылок на нее практически нет.

После кризиса 1893 г. «Эри», а с ней и «Нью-Йорк, Пенсильванию и Огайо» снова постигли трудности. Очевидно,

Кассель просил Шиффа о содействии в предоставлении отсрочки для выходящих в тираж облигаций «Нью-Йорка, Пенсильвании и Огайо» с преимущественным требованием, о чем он, Кассель, вел переговоры в Лондоне. Осенью 1894 г. Шифф несколько раз писал Касселю на эту тему, подробно разбирая различные планы и выдвигая собственные контрпредложения. 27 декабря он написал, что формальности, связанные с отсрочкой, очевидно, преодолены, и добавил: «Насколько я понимаю, большинство держателей облигаций воспользуются правом отсрочки… Эта небольшая операция необходима и уместна. Между тем реорганизация «Эри» отложена на неопределенный срок».

Судя по всему, на том закончилось непосредственное участие Шиффа и его банка в делах «Эри», хотя время от времени в его письмах появляются ссылки на эту компанию.

Еще одной компанией, с которой Шиффа связывали прочные отношения, стала «Луисвилл – Нэшвилл», в которой он появляется главным образом ради Касселя. После финансового кризиса 1884 г. банку «Кун, Лёб и К°» предложили скооперироваться с амстердамской фирмой «Вертхайм и Гомпертц» и образовать синдикат для обеспечения новых облигаций и привилегированных акций компании. Хотя фирма «Кун, Лёб и К°» не желала брать на себя моральную ответственность предложения акций широкой публике, Шифф согласился провести с этой целью переговоры в Соединенных Штатах, при условии, что Кассель поступит так же в Англии, однако это предложение не было принято.

В ноябре 1887 г., по приглашению Кимбалла, президента «Норфолк и Уэстерн», а также Нортона, недавно ставшего президентом «Луисвилла и Нэшвилла», Шифф совершил инспекционную поездку на «Новый Юг» по обеим веткам, после чего убедился в их перспективном будущем, особенно «Луисвилла», благодаря возрождению угледобычи в Теннесси и Алабаме. В письме Касселю от 20 декабря 1887 г. он выразил мнение, что компании пока не следует выплачивать дивиденды наличными, но набираться сил и, если можно, накапливать резерв; он считал, что текущие задолженности весьма опасны на этапе строительства.

Наконец он убедил Нортона поддержать свою финансовую программу: отозвать облигации компании и нарастить основной капитал. В письме от 23 сентября 1889 г. он советуется с Касселем, стоит ли перейти к выпуску новой серии акций, снова и снова повторяя, что он уверен в процветании компании. Операцию провели в начале трудного 1890 г. 20 февраля Шифф писал Касселю: «Поразительно, с какой готовностью, несмотря

на… неблагоприятное положение на рынке в целом, разошлись акции на сумму 13 млн долларов, и это доказательство веры общества в правление и будущее «Луисвилла».

Его мнение о перспективах компании было настолько благоприятным, что он изложил Касселю предложение Нортона: чтобы «Луисвилл» выкупил контрольный пакет «Балтимора – Огайо». Он, правда, добавлял, что еще не успел сформулировать определенное мнение о новом плане; однако, ввиду признанных способностей Нортона, его предложение, скорее всего, будет встречено с энтузиазмом. Основная мысль Нортона заключалась в том, что будет лучше, если «Луисвилл», благодаря своей растущей силе, поглотит одну из магистральных линий, а не наоборот.

Компания продолжала процветать выше ожидания, и в июле 1890 г. образовался синдикат при участии швейцарских и немецких банков для выпуска в октябре серии облигаций. Тем временем начались пагубные веяния. Сложное финансовое положение в Аргентине подтолкнуло лондонский кризис в ноябре 1890 г., пошатнувший все рынки, после которого стало нелегко продать даже облигации «Луисвилла». Шифф испытывал дурные предчувствия в связи с финансовой политикой компании, и 5 декабря пожаловался Касселю, что правление «Луисвилла», как, впрочем, и на других железных дорогах, не откладывает прибыль. Правда, на заседании правления ему удалось убедить остальных в своей точке зрения, и задуманное приобретение «Кентукки Сентрал» было отложено.

Однако влияние Нортона оставалось очень сильным, и в конце концов решили выпустить еще одну серию облигаций, хотя Шифф считал такой шаг неблагоразумным. Способы, к каким прибегало правление в размещении облигаций, были ему очень неприятны, и он решил подать в отставку. К счастью, временное оздоровление рынка позволило компании избавиться от облигаций, но Шифф по-прежнему был твердо убежден в необходимости более осторожного расходования средств. 20 и 23 января 1891 г. он писал Касселю, что намерен предложить правлению: прежде чем брать новые обязательства, финансовый комитет должен позаботиться о возможности привлечь необходимые средства не только путем срочных займов. 29 января он с радостью сообщил Касселю телеграммой, что его предложение приняли.

Но резкое расхождение в вопросе о том, какой должна быть разумная финансовая политика, сохранялось, и 10 февраля Шифф писал Касселю: «Правда, что до сих пор, в силу благоприятного стечения обстоятельств, Нортону успешно удавалось руководить

компанией «Луисвилл – Нэшвилл», однако настанут другие времена, и тогда правлению придется отвечать за его ошибки. Мистер Лёб считает: до тех пор, пока возникшее противоречие с Нортоном не будет устранено, мне не следует подавать в отставку; тщательно обдумав вопрос, я решил прислушаться к его совету. Тем не менее, по моему мнению, будет лучше всего при первой же благоприятной возможности оборвать связь, которая доставляет мне мало радости и, как мне кажется, ничего не сулит в будущем».

На следующий день снова возникли разногласия, вынудившие Шиффа немедленно подать в отставку. Между тем Нортон решил, по личным причинам, уйти с поста президента компании, осуществив намерение, о котором он говорил Шиффу за год до описываемых событий. Нортон убедил Шиффа отозвать прошение об отставке. На следующий день Шифф написал Касселю. Для того чтобы предотвратить повторение подобных трудностей, он сразу же после того, как правление приняло отставку Нортона, предложил создать пост председателя, уполномоченного решать все вопросы, кроме, может быть, чисто технических.

Еще в одном письме от 3 марта он писал о выдвижении Огаста Белмонта на пост председателя правления. Шифф считал, что предпочтительнее найти такого человека, который мог бы всецело посвятить себя делам компании; но, поскольку Белмонт «очень умен и консервативен, а также желает поступать правильно», возможно, новое правление ждет успех; кроме того, Белмонту, вероятно, удастся заручиться для «Луисвилла» финансовой поддержкой банков Ротшильда.

Тем временем дела на американском финансовом рынке не стабилизировались, и все больше игроков склонялись к тому, чтобы выкупать в Европе американские ценные бумаги. «Луисвилл» попробовал выпустить облигации, чтобы реструктурировать текущую задолженность, но безуспешно. Шифф объяснил положение совету директоров и 5 марта 1891 г. предложил другое решение, которое было принято единогласно: временно приостановить строительство и ремонт новых объектов. 5 июня он пришел к выводу, что компании следует выпустить больше акций, чтобы ликвидировать краткосрочную задолженность, с которой «необходимо покончить любой ценой». Выпуск новых акций был одобрен советом директоров, и фирма «Кун, Лёб и К°» приступила к подготовке сделки.

В письме от 1 мая 1891 г. новый президент, Милтон Смит, излагает взгляды Шиффа на разделение функций между правлением и владельцами: «Я всегда буду поддерживать то

мнение, что предложения по управлению делами компании должны исходить от президента; но собственники, представленные в первую очередь в лице председателя правления, должны иметь право рассматривать и решать все важные вопросы, связанные с управлением делами компании. Если, следовательно, Вы предлагаете, чтобы председатель мог распоряжаться исключительно финансами компании и чтобы президент консультировался с ним по другим вопросам лишь по своему желанию, наши с Вами мнения расходятся, и я… считаю своим долгом изложить совету директоров мои собственные взгляды».

Приближалась паника 1893 г., и положение дел повсюду казалось печальным. Однако компания «Луисвилл» по-прежнему получала прибыль. Видимо, в ответ на вопрос Касселя, почему такое возможно, Шифф 7 февраля 1893 г. писал: «Прибыль остается неплохой как будто без всяких на то оснований… Возможно, все дело в холодах, из-за которых отчасти прекратилась навигация на Юге».

К началу лета 1893 г. положение в Америке сильно осложнилось, и Шифф начал выражать беспокойство даже в связи с «Луисвиллом». 17 августа он написал Касселю длинное письмо, в котором разъяснял суть некоторых затруднений. Далее он обрисовал предложения, которые делались «Луисвиллу» о приобретении линии «Чесапик, Огайо и Юго-Запад», а затем о собственных трудностях компании: «Кажется довольно нелепым в такое время обсуждать приобретение новых линий, и все же предложение весьма заманчиво… Ветка «Чесапик, Огайо и Юго-Запад» будет всегда оставаться неприятным и угрожающим соседом, а в сильных руках способна причинить немалый ущерб… Если бы «Луисвиллу – Нэшвиллу» не пришлось тратить в следующие десять лет на развитие приобретенной компании свои деньги, было бы желательно обдумать такой план».

29 сентября он снова писал о своей уверенности в том, что приобретение станет разумным шагом; что «Луисвилл» способен управлять новой веткой эффективнее, чем та управлялась, будучи независимой. Тем временем в самом «Луисвилле», вопреки всем надеждам, накопился большой текущий дефицит, а финансовые потребности компании оказались больше, чем он думал вначале. Правление проголосовало за дальнейший прирост капитала, и Шиффу казалось, что в следующие полгода лучше всего занимать средства под новые акции, предоставляя заимодавцам право приобретения на льготных правах. Но объявление о выпуске новой серии ослабило акции на рынке, и в правлении компании снова заговорили о продаже облигаций.

Снова обострилось старое противоречие. Правление, поддержанное председателем совета директоров, выступало за заем; Шифф же считал, что нельзя далее увеличивать накладные расходы, и отказался на сей раз принимать участие в выпуске облигаций. 16 октября он писал Белмонту: «Я придерживаюсь того мнения… что наши действия были благоразумны и направлены на благо компании. Правда, когда совет директоров решил выпустить новые акции, все рассчитывали, что создания нового долга с плавающей процентной ставкой удастся избежать. Однако сейчас, когда рыночная цена акций неуклонно падает, эти ожидания не оправдываются… и все-таки я предпочитаю снова и снова голосовать за наращивание основного капитала компании, а не наблюдать за тем, как постоянно растут ее накладные расходы… Поэтому я не смог бы согласиться на размещение дополнительного количества объединенных облигаций, даже если бы рынок был в состоянии поглотить большие объемы, чего сейчас не наблюдается».

После дальнейших дружеских и хладнокровных дискуссий с другими членами правления Шифф окончательно убедился в том, что компания не сможет продать облигации и предпочтительнее пойти на компромисс и выпустить сравнительно долгосрочный заем, обеспеченный облигациями казначейства, который следует погасить при первой же возможности продажей акций. Однако на заседании 19 октября победила другая точка зрения, и он писал Касселю: «В связи с предпринятыми шагами я останусь в правлении лишь до тех пор, пока это отвечает вашим и, следовательно, нашим интересам… Хотя в перспективе я не вижу непосредственной опасности… боюсь, из постоянного наращивания финансовых и моральных обязательств ничего хорошего не выйдет».

Он намеревался выйти из состава правления, как только компания завершит процесс приобретения «Железнодорожной компании Южной Каролины», хотя ранее этот план был отложен на несколько лет по его же предложению. На следующем заседании, которое состоялось через две недели, правление все же санкционировало продажу новых акций, а те, кто настаивал на выпуске облигаций, выступили в поддержку плана Шиффа. Но, как он впоследствии писал Касселю, они поступили так, «очевидно, с единственной целью сделать вид, будто финансовый вопрос решен, чтобы можно было довести до конца приобретение «Чесапика»…».

Неоднократные призывы Шиффа к благоразумию не прошли даром: хотя компания «Луисвилл» переживала трудности, она осталась одной из немногих американских железных дорог,

которая устояла во время бурь 1893–1894 гг. В целом Шифф был доволен прочным положением компании, хотя по-прежнему считал, что им с Касселем лучше избавиться от лишних забот, которые дались им как банкирам ценой сильных неудобств.

Хотя деловые отношения с «Луисвиллом» прекратились, Шифф сохранял дружеские отношения с членами ее правления. В письме от 24 ноября 1893 г. он сообщил Белмонту, что фирма «Кун, Лёб и К°» готова предоставить облигации «Железнодорожной компании Южной Каролины» в распоряжение «Луисвилла». И хотя банк «Кун, Лёб и К°» не готов на большие жертвы, они сделают все, что можно, чтобы все держатели облигаций пришли к согласию.

В целом Шифф поддержал план приобретения «Чесапика, Огайо и Юго-Запада», и непосредственным поводом к его уходу из правления «Луисвилла» стали разногласия по способам и времени сделки. Однако возникли юридические трудности, и этот проект также был приостановлен. 26 октября 1894 г. он писал Касселю, что, если «Луисвилл» не получит контрольный пакет акций «Чесапика, Огайо и Юго-Запада», единственной владелицей ветки, скорее всего, станет компания «Иллинойс Сентрал», которая ведет довольно агрессивную политику и будет всеми силами конкурировать с «Луисвиллом». Подобный исход Шифф охарактеризовал выражением «из огня да в полымя». Однако в суде компания «Луисвилл» проиграла, и акции «Чесапика» достались «Иллинойс Сентрал».

30 ноября Шифф писал Касселю, что представители «Иллинойс Сентрал» пригласили фирму «Кун, Лёб и К°» финансировать сделку, а через месяц он сообщал о том, что переговоры завершены. Судя по всему, его отношения с «Иллинойс Сентрал» начались именно после той сделки. Они важны не только сами по себе, но еще и тем, что в то время вице-президентом «Иллинойс Сентрал» был Эдвард Г. Гарриман, которому вскоре предстояло заняться реконструкцией «Юнион Пасифик».

Деловые отношения между «Кун, Лёб и К°» и «Луисвиллом» продолжались еще какое-то время. 14 августа 1895 г. Шифф написал Касселю, что они приняли у компании облигаций на 6 млн долларов и почти все их разместили, несмотря на то, что еще один банк, приглашенный к сотрудничеству, отказался от участия в операции. После этого банк Шиффа не имел дел с «Луисвиллом», тем более что через несколько лет компания сменила владельцев.

Начиная примерно с 1885 г. у банка «Кун, Лёб и К°» установились прочные отношения с железнодорожной компанией

«Норфолк – Запад». Хорошее мнение Шиффа о данной ветке подтвердилось после инспекционной поездки, которую он предпринял в ноябре 1887 г. 16 ноября он писал Касселю из Мемфиса (штат Теннесси): «Правление Кимбалла кажется мне разумным, и сама линия находится в превосходном состоянии… Судя по тому, что я увидел, привлеченные средства употребляются с умом».

Одной из главных проблем «Норфолка – Запада», привлекших его внимание еще до поездки, стало приобретение компании «Восточный Теннесси, Виргиния и Джорджия». По мере того как укреплялось положение «Норфолка – Запада», Шифф все больше убеждался в том, что для «Норфолка» будет лучше, если компания купит акции «Восточного Теннесси». Но тем временем ветку сдали в аренду компании «Ричмонд – Данвилл», входившую в систему «Южные железные дороги», и хотя Ф.Дж. Кимбалл, президент «Норфолка», отнесся к произошедшему довольно равнодушно, Шиффу казалось, что за объединением конкурентов необходимо внимательно следить. Он более чем когда-либо стремился к союзу с «Луисвиллом». Друзья «Норфолка» предложили аннулировать аренду линии «Ричмонд – Данвилл» как объединение конкурирующих линий, и вскоре владельцы «Ричмонд – Данвилл» пожелали избавиться от своей доли в акциях «Восточного Теннесси». Шифф всеми силами старался достичь дружеского соглашения и 27 ноября писал Кимбаллу: «Вполне понимаю Ваше желание не позволить включить «Восточный Теннесси» в сферу интересов Ваших конкурентов, но мне кажется неблагоразумной конкуренция железных дорог в такое время, когда тарифы можно защитить лишь дружескими отношениями. Если я имею какое-то влияние на Вас, советую заключить с «Ричмондом» постоянное соглашение, а не вступать в продолжительную схватку, которая не принесет никому из Вас ничего хорошего».

Переговоры о совместной эксплуатации веток, которые велись в то время, сталкивались с непреодолимыми трудностями.

В начале 1889 г. Шифф принял участие в переговорах о финансировании строительства ветки «Норфолка» до реки Огайо. Он советовал Кимбаллу не выпускать облигаций до начала строительства. К выпуску облигации планировалось привлечь амстердамскую фирму «А.А. Буассевен и К°», а также лондонские банки «Вивьен, Грей и К°» и банк Флеминга. В середине лета, в соответствии с общим планом финансирования, предложенным Шиффом, образовали банковский синдикат. По плану Шиффа дальнейшее строительство и ремонт должны были проводиться лишь после успешного размещения облигаций на рынке. Выпуск

первой серии облигаций сопровождался многочисленными отсрочками из-за финансовых затруднений в Лондоне, а затем и в Нью-Йорке, но в феврале 1890 г. облигации, наконец, были выпущены. В августе 1891 г., когда на рынках наблюдался спад и трудно было приобрести новые средства для продолжения работ, Шифф писал уехавшему в Англию Кимбаллу: «Мистер Флеминг, несомненно, согласится с тем, что работы на «Огайо» следует завершить к тому времени, как рост промышленности возобновится, что рано или поздно произойдет. Большая ошибка, которую повсеместно совершает руководство железнодорожных компаний, заключается в том, что дороги закладывают и строят во времена процветания, а начало их эксплуатации, как правило, приходится на период спада. Несомненно, это естественно… но, если бы можно было устроить дела в обратном порядке, возможно, требовалось бы меньше реорганизации.

Кимбалл был решительно настроен на финансовую независимость. Еще в 1890 г. он продал часть привилегированных акций, не поставив в известность Шиффа, который 15 мая писал ему: «Поскольку мы… тесно связаны с Вашей компанией… не следует оставлять нас в неведении относительно важных финансовых сделок. Не считаем мы и справедливым по отношению к нам, что Вы, как президент, даете обещание держать такие сделки в тайне от нас. Мы всегда относились к Вам с предельной откровенностью, и если мы не можем рассчитывать на подобное же отношение с Вашей стороны, мы с сожалением вынуждены будем прервать отношения с Вашей компанией. Напоминаю, что скоро я буду иметь удовольствие видеть Вас, и Вы сможете подробнее объясниться по данному вопросу».

Должно быть, в то время Шифф получил вполне удовлетворившие его разъяснения, но летом 1892 г. он узнал, что с целью приобрести «Железнодорожную компанию Сиото-Вэлли» компания, примерно за полгода до того, выпустила серию облигаций, снова не поставив его в известность. 14 июля 1892 г. он написал Флемингу: «Хорошенькое же положение дел, если, после многолетних отношений, связывавших нас с «Норфолком и Западом», после того, как мы привлекли собственные средства и более или менее поставили на карту свою репутацию, понадеявшись на хорошее правление и успех компании, можно выпустить совершенно новую серию облигаций, не сказав нам ни слова! О том, что облигации проданы, мы узнали случайно, а на наши сдержанные возражения нам отвечают лишь: «Ну и что такого?» В создавшейся ситуации выход возможен только один. Если правление «Норфолка» стремится проводить важные финансовые операции, увеличивающие накладные расходы

компании, не проконсультировавшись вначале с нами о целесообразности подобных сделок, чем раньше мы разорвем отношения с компанией «Норфолк – Запад», тем лучше.

В компанию «Норфолк – Запад» у нас вложены крупные суммы; мы – мажоритарные акционеры, а также держатели их облигаций, которые, возможно, не сумеем реализовать, и по этой причине, а также из-за того, что не желаем предпринимать ничего в ущерб репутации компании, с которой были связаны в течение столь долгого срока и чьи ценные бумаги публика покупала отчасти благодаря нашему авторитету, мы выражаем пожелание, чтобы Вы и мистер Буассевен принимали участие в новых соглашениях с данной компанией, что придаст сделкам необходимый дух консервативности. Нам вполне ясно, что политика постоянного выпуска новых ценных бумаг, будь то облигации или акции, не может продолжаться бесконечно и что, если процесс немедленно не остановить, вскоре разразится катастрофа…

При разрыве отношений с компанией «Норфолк – Запад» мы утешаем себя тем, что, если бы не наша готовность в любое время щедро финансировать нужды компании, к чему Вы и «Буассевен и К°» всегда были готовы присоединиться, компания «Норфолк – Запад» не достигла бы того положения… какое она занимает сегодня; возможно, ей не выделяли бы кредиты, которые она сегодня получает…

P. S. Я не желаю, чтобы вышеупомянутые замечания были истолкованы в том духе, будто мы хотим снять с себя ответственность за шаги, которые в прошлом совершались с нашего согласия… Изменить прошлое невозможно, но, к счастью, сейчас еще не поздно произвести перемены и придерживаться более безопасной и надежной политики. Может быть, впоследствии окажется, что нынешний разрыв даже к лучшему, если в его результате откроются глаза друзей и советников компании и они поймут, куда движется последняя…»

В последующих письмах к Флемингу он время от времени еще упоминает «Норфолк – Запад» и подтверждает точку зрения, изложенную в письме от 4 октября 1892 г.: «Благодарю Вас за информацию относительно финансовых планов президента Кимбалла. Если Вы сумеете в дальнейшем отговорить его от роста заимствований и увеличения накладных расходов и если, в то же время, Вам удастся уговорить некоторых его друзей не искушать президента постоянными предложениями разместить на рынке облигации компании, Вы сослужите хорошую службу интересам компании, как с точки зрения кредиторов, так и с точки зрения акционеров… Уверяю Вас, дорогой мистер Флеминг, если я пишу

так откровенно, то единственно потому, что мы по-прежнему печемся о благосостоянии «Норфолка – Запада», ибо мы ни в коей мере не испытываем желания плевать в колодец, из которого брали воду; наоборот, мы желаем Вашей компании всяческого процветания».

В последовавшие неурожайные годы финансы «Норфолка» оказались недостаточными, и к концу 1894 г. и Флеминг, и Буассевен выступили за реорганизацию, о которой писал Шифф. Реорганизация была завершена в 1896 г., после чего «Кун, Лёб и К°» время от времени вела дела с «Норфолком». В 1901 г. контрольный пакет компании, предоставлявшей доступ к угледобывающим шахтам, приобрела компания «Пенсильванские железные дороги», и позже Шифф интересовался ее делами в основном от имени последней.

Интерес Шиффа к финансам и ценным бумагам «Железнодорожной компании Денвер и Рио-Гранде» впервые упоминается в его письмах в июне 1884 г. В то время «Денвер», как и многие другие железные дороги, переживал трудную реорганизацию, которая завершилась только в 1886 г. Поскольку протяженность дороги увеличилась с 1317 до 1686 миль, выделили существенные резервы на ремонт и новое строительство, а поскольку накладные расходы снизились до вполне сносных показателей, дорога, которая тогда находилась под независимым управлением, начала новый рост.

15 августа 1888 г. Шифф написал Касселю из Бад-Гаштай-на, что фирма «Кун, Лёб и К°» договорилась о выпуске пятипроцентных облигаций с гарантией, что бумаги на сумму не менее 2 млн долларов будут выкуплены акционерами компании и держателями государственных облигаций. Воодушевленный успехом, синдикат немедленно объявил опцион на покупку, которую обеспечил дополнительным выпуском облигаций; но западные железные дороги в целом развивались с трудом, и рынок в некоторой степени утратил интерес к ценным бумагам «Денвера». 26 февраля 1889 г. Шифф пишет Касселю: «Эти облигации, кажется, не пользуются большим спросом, несмотря на все предпринятые усилия, хотя должны быть очень привлекательны для спекуляции по теперешним ценам. Я не считаю их покупку слишком рискованной. Чистый доход компании в любом случае значительно превосходит выплаты по процентам, и если положение на Западной улучшится, «Денвер» также получит прибыль… Мы должны ждать, только и всего».

Дела у компании пошли не слишком хорошо, и в августе 1891 г. Шифф написал Касселю: хотя члены правления производят впечатление людей честных, они некомпетентны. Он предлагал

сменить руководство. Через месяц Кассель упомянул о своем желании назначить внешнюю инспекцию системы и составить официальный отчет, на что Шифф ответил: «Лично я не придаю особой важности расследованию, проводимому профессиональными экспертами, потому что даже самые опытные железнодорожники не способны, на основании всего одной поездки по протяженной линии, составить точное впечатление о ситуации. Чтобы составить настоящее суждение об управлении и возможностях той или иной дороги, комиссия должна работать на протяжении нескольких месяцев. Тогда она заметит все возможные недостатки и сумеет предложить нужные шаги к тому, чтобы исправить положение».

Судя по письму от 24 июня 1892 г., управление компанией и ее положение улучшились и пошли разговоры о выплате дивидендов, в чем сомневались и Шифф, и глава компании Коппелл. Позже в письмах Шиффа ссылки на «Железнодорожную компанию Денвер – Рио-Гранде» появляются лишь время от времени, хотя в 1898–1899 гг. фирма «Кун, Лёб и К°» объединилась с другими банками и купила две серии ценных бумаг «Денвера» на общую сумму 6,5 млн долларов.

В январе 1901 г., отстаивая интересы Коппелла, Шифф одобрил его назначение директором компании, выбор членов исполнительного комитета, а также специального комитета для «проведения срочных переговоров» во главе с президентом И.Т. Джеффри. «Срочные переговоры» относились к приобретению «Денвером» компаний «Рио-Гранде Уэстерн» и «Топливной компании Юты».

Руководство «Денвера – Рио-Гранде» все больше заботил рост компании «Юнион Пасифик», к успеху которой был во многом причастен Шифф. Растущая мощь «Юнион Пасифик» волновала и Гулдов, которые теперь представляли интересы «Денвера». Шиффа попросили стать посредником на переговорах, и 26 февраля 1902 г. он написал Джорджу Дж. Гулду, заверяя, что он с радостью употребит все свое влияние, «чтобы достичь гармоничных отношений между «Юнион Пасифик» и системой «Рио-Гранде», которые столь важны для интересов обеих компаний». Перемирие было заключено – хотя и ненадолго. Директором «Денвера» до 1905 г. был Гарриман, а директором «Юнион Пасифик» – Гулд. Перемирие было резко прервано после того, как Гулды начали прокладывать независимую ветку к Тихому океану.

Самые близкие отношения сложились у Шиффа с железнодорожными компаниями «Пенсильвания», «Грейт Нозерн», «Иллинойс Сентрал» и «Юнион Пасифик». Они

перечислены в том порядке, в каком возникали их деловые связи. Фирма «Кун, Лёб и К°» начала вести дела с «Пенсильванией» еще в 1881 г.[6]. Объем операций в год смерти Шиффа приближался к миллиарду долларов. Почти весь этот период Шифф лично заключал финансовые сделки, поддерживая тесную дружбу с руководством компании. Представители «Пенсильвании», в свою очередь, спрашивали у него совета в связи с финансовыми проблемами дороги. Видимо, Шифф гордился связями своей фирмы с «Пенсильванией», особенно благодаря примечательной длительности отношений, а не количеству успешно проведенных сделок.

Первые совместные операции, не зафиксированные на бумаге, были сравнительно небольшими. Хотя они ни в коей мере не достигали размеров более поздних лет, в 1881–1882 гг. «Пенсильвания» передала фирме «Кун, Лёб и К°» залоговых облигаций под 4,5 % на сумму в 20 млн долларов. Первые указания на заинтересованность Шиффа в расширении «Пенсильвании» появляются в феврале 1892 г., когда он предложил президенту компании Джорджу Б. Робертсу, что, ввиду недавних слияний под эгидой «Ридинга», для «Пенсильвании» было бы важно иметь контроль над веткой «Делавэр – Хадсон» и таким образом получить прямую линию на север штата Нью-Йорк и в Новую Англию, а также большие объемы перевозок угля. Если

Робертс согласится, «Кун, Лёб и К°» употребят свое влияние на то, чтобы вести игру на понижение, поскольку, судя по всему, невозможно купить достаточное количество акций для приобретения контрольного пакета. Конечный результат этих первых пробных шаров в поисках «общности интересов» вскоре даст о себе знать.

«Пенсильвания» – одна из немногих крупных американских железнодорожных систем, которая не была творением или орудием одного человека или одной семьи. Ее президентами почти без исключений становились инженеры-железнодорожники, прошедшие подготовку в самой компании, которые достигали своего поста благодаря повышению в должности. Поэтому непосредственным ведением финансовых переговоров обычно занимались не они, а другие, специально назначенные люди. Именно с ними Шифф имел непосредственные контакты; в начальный период – с капитаном Джоном П. Грином, а позже – с Генри Татнэллом. По словам Татнэлла, самое сильное впечатление на него произвели такие черты Шиффа, как его прямота, отвага и беспристрастность; он никогда не колебался и, как правило, даже крупнейшие сделки оказывались

завершенными за полчаса, а проект договора умещался в несколько строк.

В 1892–1899 гг. «Кун, Лёб и К°» продолжали выступать банкирами «Пенсильвании», и объем операций медленно рос с ростом самой дороги. В июне 1899 г. в должность вступило новое правление. Александер Дж. Кассетт был избран президентом, а Сэмьюел Ри (позже ставший президентом) – одним из вице-президентов. При их правлении «Пенсильвания» начала политику, которая тогда считалась новой. Э. Кларк Фоулер в биографическом очерке, посвященном Сэмьюелу Ри, описывает их замысел и его результаты и цитирует самого Ри, который говорит о роли Шиффа[7]: «Впоследствии будут вспоминать [по словам Ри], что из-за острой конкуренции 1892–1899 гг., сопровождавшейся серьезной финансовой паникой, железнодорожные тарифы настолько снизились, что большая часть железных дорог в стране попала в руки ликвидаторов. Чтобы приостановить эту бессмысленную конкуренцию…

«Пенсильвания» объединилась с другими владельцами по так называемому «Плану общности интересов» и выкупила значительную долю в компаниях «Балтимор – Огайо», «Чесапик – Огайо» и «Норфолк – Запад», а также помогла в нескольких сходных случаях.

Ответственность почти за всю работу [продолжает Фоулер] по надзору за приобретением акций других компаний легла на плечи мистера Ри… В тесном взаимодействии с покойным Джейкобом Г. Шиффом он приобрел 43 % акций «Ридинга», пакета, который был впоследствии поделен поровну между компаниями «Лейк Шор – Мичиган» и «Балтимор – Огайо», так как законы Пенсильвании запрещали приобретение акций «Пенсильванскими железными дорогами». Поскольку «План общности интересов» не получил общественного одобрения и поскольку объекты, в которые делались инвестиции, были к тому времени в основном завершены, «Пенсильвания» впоследствии избавилась от своей доли в компаниях «Балтимор – Огайо» и «Чесапик – Огайо»…

Возвращаемся к словам самого Ри: «По-моему, в 1899–1907 гг. американские железные дороги широко шагнули вперед как в смысле платежеспособности, так и в смысле предоставляемых услуг. Нельзя забывать и о важнейшей поддержке и советах моего друга, Джейкоба Г. Шиффа, которому стольким обязаны железнодорожные инвесторы. На меня произвели глубокое впечатление его способности банкира, его богатый опыт, широкий кругозор, а также стремление к «здоровым финансам» (операциям, характеризующимся сбалансированностью доходов и

расходов) «Пенсильвании» и ее союзников. Его услуги невозможно объяснить корыстными интересами; они оцениваются тем, что он сделал для железных дорог в целом, хотя его труды подчас не приносили прибыли его фирме».

Крупные шаги включали в себя относительно большие финансовые операции, и в соответствии с ними в течение следующих нескольких лет объем сделок «Пенсильвании» с фирмой «Кун, Лёб и К°» вырос до максимума. Только в период правления Кассетта объем сделок приблизился к полумиллиарду долларов. На переговорах, ставших возможными благодаря «Плану общности интересов», Шифф, обладавший широкими связями в железнодорожных кругах, естественно, принимал самое активное участие в переговорах, ставших возможными благодаря «Плану общности интересов». Он вел бесчисленные консультации – как устные, так и в переписке.

Его полное желание поддержать «Пенсильванию» доказывается письмом к Ри от 2 января 1902 г.: «Фирма получила также письмо от капитана Грина, чьи пожелания нас чрезвычайно заинтересовали. Могу добавить, что Вы с капитаном можете распоряжаться нашими средствами и наличностью, как если бы они были вашими собственными».

Среди проектов, в которых Ри играл ведущую роль, – строительство туннелей под Гудзоном и Ист-Ривер, благодаря которым «Пенсильвания» получала прямой доступ на Манхэттен и в Бруклин, и возведение подходящих конечных станций (терминалов). Шифф поддерживал его во всех начинаниях. В совете директоров «Пенсильвании» не было единодушия; некоторые акционеры считали планы Ри экстравагантными и боялись, что в будущем они станут обременительными; кроме того, определенное противодействие наблюдалось в политических и других внешних кругах. Что касается Нью-Йорка, Шифф был уверен, что их планы послужат и к процветанию города; он пользовался своим влиянием, убеждая других в своей правоте. Так, 24 октября 1902 г. он писал Исидору Штраусу: «Несправедливые препятствия, возникшие на пути «Пенсильванских железных дорог», следует как можно скорее устранить… По-моему, все добропорядочные граждане должны помочь в осуществлении плана, который будет способствовать развитию Нью-Йорка».

В 1903 г., с целью поиска дополнительных средств на сооружение туннелей и терминалов в Нью-Йорке, не увеличивая накладных расходов, «Пенсильвания» предложила своим акционерам акции на сумму, чуть превышающую 75 млн долларов (номинальную стоимость), под 120 %. Поскольку в то

время акции шли на рынке под 143 %, правление не сочло нужным гарантировать размещение ценных бумаг. В силу изменившихся рыночных условий и того, что предложение не охранялось гарантийным синдикатом, рыночная цена акций, выпущенных в обращение, резко снизилась. После того как акции упали до 125 %, стало очевидно, что новое предложение обречено на провал, если немедленно не будут предприняты меры по гарантии их продажи. «Пенсильвания» обратилась к банкам, и 27 мая 1903 г. «Кун, Лёб и К°» и «Спейер и К°» образовали синдикат и выкупили все акции, на которые не подписались акционеры, хотя им пришлось труднее из-за того, что выпуск акций не был обеспечен гарантией с самого начала[8]. 10 июля Шифф писал Гарриману: «Я не очень верю в рынок и вижу, что в различных шкафах еще слишком много скелетов. Более того, каждая корпорация, кроме «Пенсильвании», нуждается в деньгах, некоторым требуются весьма значительные суммы, а на ценные бумаги спроса совсем нет».

К осени условия немного улучшились, и фирма «Кун, Лёб и К°» договорилась о выпуске двух серий четырехпроцентных облигаций на сумму в 10 млн долларов каждая для дочерних компаний «Пенсильвании»: «Лонг-Айленд» и «Филадельфия, Балтимор и Вашингтон». Однако этого не хватило для финансирования строительства, и 5 января 1904 г. Шифф написал Касселю: «В этом году компании «Пенсильванские железные дороги» снова понадобится 50 млн долларов на выполнение строительной программы. Для того чтобы собрать такую сумму, они намерены на следующий год выпустить новые акции, и мы договорились пока выплатить им 50 млн долларов авансом».

1 февраля произвели банкнотную эмиссию. Ее причины Шифф указал в письме Кассетту от 10 февраля, перед своим отъездом в Европу: «Теперь, когда Вы получили деньги, которые понадобятся Вашей компании в текущем году, я уезжаю с более спокойной душой, чем уехал бы в ином случае, хотя мои партнеры вполне способны были обо всем позаботиться, случись мне уехать до завершения сделки. Суть в том, что в конце прошлой недели всем нам казалось, что вот-вот начнется война между Россией и Японией, и мы решили ничего не пускать на самотек и обеспечить эти 50 млн долларов, хотя бы и рискуя вмешаться в подписку на облигации «Лонг-Айленда», подготовка к которой к тому времени как раз завершилась. Сейчас же мы распродали облигаций «Лонг-Айленда» почти на 7 млн долларов, и, если бы в день накануне открытия подписки не началась война и одновременно не вспыхнул пожар в Балтиморе, облигации

разошлись бы с огромным успехом. Однако мы совершенно удовлетворены, так как сравнительно небольшой остаток можно распродать постепенно, по мере поступления».

В то время Генри Татнэлл, президент «Фрэнклин Нэшнл Бэнк оф Филадельфия», директором которого был Шифф, стал казначеем штата Пенсильвания и исполняющим обязанности вице-президента по финансовым вопросам. После этого многие крупные сделки заключались на основе прямых переговоров между Шиффом и Татнэллом. По воспоминаниям последнего, через год Кассетт пришел к нему и сказал, что ему придется поехать в Нью-Йорк, чтобы раздобыть 100 млн долларов. Естественно, Татнэлл поинтересовался, где Кассетт собирается получить деньги, и Кассетт ответил: «Сначала обращусь в «Кун, Лёб и К°», а затем, если понадобится, в другие банки». Он поехал в Нью-Йорк и изложил свой план Шиффу, который меньше чем через полчаса согласился найти необходимые деньги. Они договорились о выпуске ценных бумаг под 3,5 %: это были облигации, конвертируемые в обычные акции, – полуспекулятивная мера, которая в то время пользовалась растущей популярностью. Два банкирских дома – «Дж. П. Морган и К°» и «Кун, Лёб и К°», участвовавшие в сделке, – согласились выкупить по номиналу любую часть серии, не выкупленную акционерами.

В то время мировые денежные рынки сотрясали бури, не в последнюю очередь из-за русско-японской войны, и банковскому синдикату в конце концов пришлось выкупить большую часть облигаций. 16 мая 1905 г. Шифф писал сыну, который тогда находился в Европе: «Ты уже знаешь, что облигации «Пенсильвании» не пользуются спросом – другого трудно и ожидать ввиду изменившихся условий на фондовой бирже. Сейчас мы заняты их размещением. Синдикату придется терпеливо выжидать следующего повышения цен».

В январе 1906 г. «Кун, Лёб и К°» разместили еще 20 млн долларов в банкнотах, а в мае того же года еще 50 млн долларов – в то время, когда другие крупные банки считали, что рынок не поглотит эмиссию. Через шесть недель снова понадобились средства (еще 50 млн долларов). Американский рынок, который и до того переживал не лучшие времена, залихорадило. Татнэлл вспоминает слова Шиффа о том, что новый заем невозможно выпустить в Америке и что почти вся Европа в таком же положении; единственная страна, где есть деньги для инвестиций, – Франция. Однако французы были печально известны своим нежеланием участвовать в сделках с долларовыми ценными бумагами, поэтому обсуждалась

возможность предложить заем во франках. Предварительная договоренность была достигнута с помощью старого друга Шиффа, Нетцлина из Парижа. Так для ценных бумаг «Пенсильвании» открылся новый зарубежный рынок. Вскоре был получен заем в размере 250 млн французских франков (около 48 млн долларов).

Во время заключения сделки Шифф находился в Японии. В июне, вернувшись в Нью-Йорк, он писал Полу Варбургу: «Жаль, что на здешней фондовой бирже, в силу положения с деньгами, так неблагоприятно относятся к сделке, и в результате общий эффект не вполне заметен. Тем не менее новость имела благоприятное влияние на сегодняшний рынок, потому что, если бы сделка в конце концов сорвалась, рынок бы полностью рухнул».

Летом «Кун, Лёб и К°» приняли около половины авуаров «Пенсильвании» в акциях «Балтимора – Огайо» и «Норфолка – Запада», а позже также «Чесапика – Огайо». В письме Гарриману от 2 сентября Шифф предложил ему купить авуары «Балтимора – Огайо», так как он считал, что интересы Гарримана и «Пенсильвании» совпадают.

В феврале 1907 г. произвели банкнотную эмиссию на сумму в 60 млн долларов сроком на три года. В том же году случилась крупная финансовая паника, и положение как в Нью-Йорке, так и в Лондоне было таким, что, как вспоминает Татнэлл, старший Морган телеграфировал из Лондона, выступая против того, чтобы «Пенсильвания» выпускала такой большой заем. Шифф также считал, что момент не самый подходящий, но, несмотря на сложные условия, «Пенсильвания» должна довести свой замысел до конца.

Векселя были размещены успешно, но дальнейшее развитие железнодорожной системы «Пенсильвании» и строительство терминалов, начатое Кассеттом и продолженное новым президентом, Джеймсом Маккри, требовали привлечения в следующем, 1908 г. крупного дополнительного капитала. В то время, вскоре после паники 1907 г., широкая публика снова не испытывала склонности вкладывать деньги в ценные бумаги, каким бы высоким ни считалось их качество, а долгосрочные облигации в сколько-нибудь больших количествах практически не пользовались спросом. После продолжительных и очень трудных переговоров Шифф, который в то время оказался в Англии, договорился о единовременном выпуске в Лондоне и Нью-Йорке консолидированных (в действительности первых) ипотечных облигаций сроком на сорок лет, из которых облигации на 4 млн долларов размещались в Лондоне через посредство банков

«Бэринг Бразерс и К°, Лимитед» и «Н.М. Ротшильд и сыновья», а облигации на 20 млн долларов размещались в Нью-Йорке банком «Кун, Лёб и К°». Облигации пользовались большим спросом, но важность сделки заключалась не столько в том, что с ее помощью добыли средства, необходимые «Пенсильвании», сколько в том, что с ее помощью удалось преодолеть застой на рынке облигаций, где наблюдалась своего рода забастовка покупателей, и доверие к американским ценным бумагам было восстановлено.

В ноябре 1912 г. президентом «Пенсильвании» стал Ри; его избрание очень порадовало Шиффа, который писал:

«13 ноября 1912 г.

Уважаемый м-р Ри!

Я только что получил Вашу вчерашнюю записку, которая чрезвычайно обрадовала меня. Вы заняли свой высокий пост благодаря эффективной и неустанной работе; уверен, что, став президентом «Пенсильванских железных дорог», Вы будете пользоваться помощью всех Ваших помощников. Для меня лично – как я уже говорил – радость очень велика. Я живо вспоминаю время нашей с Вами первой встречи – около тринадцати лет назад… Наша дружба, которая с тех пор не ослабевает, всегда служила для меня источником большой радости и одним из самых заветных приобретений в моей коммерческой деятельности. С нетерпением жду, когда официально объявят о Вашем назначении, чтобы телеграфировать нашему общему другу, сэру Эрнесту Касселю, который также будет очень рад…

Остаюсь Вашим другом,

Джейкоб Г. Шифф».

Судя по всему, благодаря связи с «Пенсильванией» Шифф вступил в контакт с компанией «Чесапик – Огайо», которую финансировал в 1903 г., когда «Пенсильвания» приобрела большую долю в правлении «Чесапика». В июле того сложного года Шифф писал Полу Варбургу, что «Кун, Лёб и К°» предоставили компании небольшой заем сроком на один год и что эти новые отношения, возможно, окрепнут, когда положение снова нормализуется.

В декабре 1906 г., когда «Пенсильвания» распродавала свои акции, вложенные в другие дороги, ожидалось, что ее представители уйдут в отставку из совета директоров «Чесапика», хотя Шифф надеялся, что им не придется так поступить. Фирма «Кун, Лёб и К°» приобрела долю «Пенсильвании», и многие хотели, чтобы в правление «Чесапика» вошел Шифф или кто-либо из его партнеров; Шифф объяснял, что это невозможно, поскольку

он и его партнеры уходили в отставку даже с тех руководящих постов, которые тогда занимали.

Представители «Пенсильвании» не покидали совета директоров до февраля 1909 г., когда Эдвин Холи приобрел контрольный пакет акций «Чесапика» у фирмы «Кун, Лёб и К°», которая, впрочем, сохранила за собой долю акций, поскольку, как писал Шифф Джеймсу Стиллмену, он считал, что Холи и его помощник, Фрэнк Трамбалл, стремятся расширять дорогу. Шифф поддерживал теплые отношения с Холи и сам выступал за развитие ветки. Он принимал участие в переговорах с целью помочь «Чесапику» закрепить контроль над «Железнодорожной компанией Хокинг-Вэлли» и способствовал выработке политики компании по вопросу о том, как увеличить производительность дороги, что, можно сказать, и послужило основой ее нынешнего процветания. Лучшим свидетельством его успеха стала покупка в марте 1914 г. фирмой «Кун, Лёб и К°» и действующим совместно с ней «Нэшнл Сити Банком» облигаций на сумму 33 млн долларов на срок пять лет по контракту, в котором, главным образом по настоянию Шиффа, содержалось условие, что «из чистого дохода, полученного после 1 апреля 1914 г., Компания выплачивает Собственнику… ежеквартально… сумму в 2 млн долларов в год до 30 июня 1915 г., в 3 млн долларов в год до 30 июня 1916 г. и по 4 млн долларов в три последующих года до 30 июня 1917, 1918 и 1919 гг. соответственно, каковые суммы в размере 17 млн долларов составляют фонд, который надлежит использовать исключительно на капитальные расходы».

В течение ряда лет, и особенно в ранний период, Шифф поддерживал самую тесную связь с руководством так называемых «дорог Хилла», и отношения, выросшие из них, довольно сильно влияли на его деятельность в последующие тридцать лет. Его отношения с «Нозерн Пасифик» начались по крайней мере за пять лет до того, как он вступил в фирму «Кун, Лёб и К°»; еще в 1870 г. он упоминал о сделке, заключенной «Баджем, Шиффом и К°», когда его фирма, представлявшая немецкий синдикат, купила облигации «Нозерн Пасифик» на сумму от 6 до 8 млн долларов.

Позднейшая переписка показывает, что в 1886 г. Шифф и Джеймс Дж. Хилл стали близкими друзьями, но свидетельств об их более ранних сделках нет. В марте 1889 г. Шифф запросил у Хилла подробности обсуждавшегося тогда продолжения «Восточной железной дороги Миннесоты», дочернего предприятия новой компании «Грейт Нозерн». О том, что такие приготовления велись, становится очевидно из письма, которое Шифф написал Хиллу 6 мая. Он выражал радость от изменений, которые произошли в составе совета директоров, и союзов, которые

удалось заключить, и сообщал, что «Кун, Лёб и К°» способны оценить облигации компании в 4,5 % выше номинала; более того, весь пакет приобретенных облигаций помещен в долгосрочные инвестиции.

Со временем их отношения крепли, и Шиффа все больше занимали дела «Грейт Нозерн». Однако он не осуществлял крупное финансирование дороги, потому что Хилл стремился при возможности привлекать капитал пайщиков, а не широкой общественности.

В то время «Нозерн Пасифик» находилась в руках Генри Вилларда, журналиста и финансиста. Шифф был не слишком высокого мнения о деловых качествах Вилларда, но, как он писал Касселю 23 сентября 1889 г., при надлежащем управлении «нет сомнений в том, что «Нозерн Пасифик» – самое многообещающее предприятие на континенте». В том же году он обсуждал с Касселем предложение «Нозерн Пасифик» выпустить облигаций на сумму в 13 млн долларов. Вилларду он написал 12 декабря, выразив желание фирмы приобрести до половины этого количества, чтобы выполнить уже взятые на себя обязательства. Годом позже они собирались, в составе синдиката, приобрести свыше 120 тыс. обычных акций «Нозерн Пасифик» и 100 тыс. привилегированных акций у обанкротившейся «Норс Американ К°».

В мае 1893 г., по случаю завершения линии от Сент-Пола до Пьюджет-Саунд, был дан обед в честь Хилла. Шифф не смог прийти, но написал письмо оргкомитету, из которого становится ясно, какими в то время были их с Хиллом отношения. В письме он выражает высокую оценку способностям Хилла: «Мистер Хилл – не только великий строитель и управляющий железными дорогами, но и талантливый финансист, человек с безукоризненной репутацией, который всегда отстаивал интересы тех, кто ему доверяет, будь акционеры его большой компании или штаты и сообщества, которых обслуживает его дорога. Именно благодаря таким людям, как м-р Джеймс Дж. Хилл, наша страна стала великой и уважаемой; называть м-ра Хилла согражданином и другом и иметь возможность почтить его – это привилегия, которую, как я рад заметить, ценят жители вашего великого города».

Шиффа выбрали директором «Грейт Нозерн», и в этом качестве он считал нужным получать полную информацию о делах компании. Штаб-квартира компании находилась в Сент-Поле, но финансовое управление перевели в Нью-Йорк. 28 июня 1893 г. Шифф написал Хиллу, что, по его мнению, нью-йоркскую контору держат в неведении, в то время как там должны за

несколько месяцев вперед знать, с чем предстоит иметь дело; позже он написал, что, если нью-йоркский офис не будут надлежащим образом информировать, бесполезно избирать директоров из Нью-Йорка или держать там контору.

К 1894 г. карьера Вилларда пошла под откос. Компания «Нозерн Пасифик» столкнулась с трудностями, и потребовалась реорганизация. Крах компании особенно тяжело повлиял на Европу, где находились крупные пакеты ее акций. Шифф 26 октября писал Касселю о трудностях нескольких крупных железнодорожных линий: «Реорганизация «Нозерн Пасифик» кажется самой трудной задачей, и она, несомненно, затянется на несколько лет, прежде чем можно будет привести в надлежащий порядок финансы компании. Как Вам известно, Э.Д. Адамс, стоящий во главе реорганизационного комитета «Нозерн Пасифик», человек весьма способный, но перед ним стоит сложнейшая задача. По моему мнению, Вашим друзьям из «Дойче Банка» следует посоветовать мистеру Джеймсу Дж. Хиллу проявить пристальное внимание к делам «Нозерн Пасифик К°». Никто лучше него не разбирается в транспортных проблемах территорий, по которым проходят дороги «Нозерн Пасифик», и он уже показал в управлении делами «Грейт Нозерн», чего можно достичь пристальным вниманием и управлением, основанным на строго деловых принципах, даже в самых неблагоприятных обстоятельствах…

Сближение пойдет только на пользу как «Нозерн Пасифик», так и «Грейт Нозерн»; оно увеличит чистый доход обеих компаний, но особенно «Нозерн Пасифик», не на одну сотню тысяч долларов, если вместо поездов конкурирующих линий, которые задирают тарифы… отношения наладятся, компании договорятся о совместной эксплуатации и образуют объединенные агентства. Вы помните многолетнюю войну между «Чикаго – Северо-Запад» и «Чикаго – Милуоки и Сент-Пол»? Она шла до тех пор, пока наконец пайщики обеих компаний не вмешались и не выбрали в состав советов директоров обеих компаний одних и тех же людей. С тех пор правления двух компаний связывают самые тесные отношения, к большой выгоде акционеров… Наши же отношения с реорганизационным комитетом «Нозерн Пасифик» носят самый дружественный характер; более того, мы накапливали и продолжаем накапливать значительные количества ценных бумаг «Нозерн Пасифик» высокого класса, и я считаю, если Вам удастся внести вышеуказанное предложение «Дойче Банку», мы могли бы найти много способов заинтересовать друг друга совместно с Вами в реорганизации, ко взаимной выгоде, но, пожалуйста, не думайте,

будто я желаю, чтобы Вы вносили это предложение на рассмотрение доктора Сименса, если оно не кажется Вам совершенно приемлемым».

18 декабря Шифф просил Хилла о слиянии двух компаний. Через три дня он снова написал Хиллу и представил подробный финансовый план. Его предложение очень важно, так как его можно считать самой первой крупной сделкой железнодорожных компаний. В сущности, Шифф предложил выпустить облигаций на сумму в 150 млн долларов. По его мнению, с помощью такой эмиссии можно было компенсировать убытки от всех просроченных ипотечных облигаций, векселей и сертификатов ликвидаторов, и остался бы резерв в 25–30 млн долларов на необходимый ремонт и текущие расходы. Суть его предложения в том, чтобы сдать «Нозерн Пасифик», после реорганизации, в аренду компании «Грейт Нозерн», с отделом совместной прибыли; на новой основе «Нозерн Пасифик» способна была бы освоить 6 млн долларов накладных расходов. Хиллу в целом понравилось предложение Шиффа, однако он колебался. В том же месяце он поехал в Нью-Йорк, а в феврале был в Англии, где у него состоялась беседа с Касселем. Весной продолжились переговоры Хилла с различными европейскими и американскими финансистами. В мае 1895 г. Шифф посетил Калифорнию и договорился о встрече с Хиллом в Орегоне. Он хотел вместе с Хиллом проехать по линии «Грейт Нозерн», «чтобы разъяснились как старые, так и новые условия». В течение всего лета Шифф старался убедить Адамса найти общий язык с Хиллом.

Возникла необходимость точно определить границы влияния «Грейт Нозерн» по суду, чтобы можно было заранее определить, возможно ли новое соглашение с юридической точки зрения. Дело решили в пользу «Грейт Нозерн», но генеральный прокурор Миннесоты предложил возбудить такой же иск, который в конечном счете рассматривался бы федеральным судом первой инстанции. Второй процесс окончился решением не в пользу предполагаемого слияния, и 18 ноября 1895 г. Шифф посоветовал Хиллу ради интересов «Грейт Нозерн» забыть об этом плане. Некоторые его помощники придерживались того мнения, что результат следует скрыть в ожидании окончательного решения Верховного суда США, но Шифф возражал против такого выхода и высказывался в пользу независимой реорганизации «Нозерн Пасифик». Его точка зрения возобладала, и 10 марта 1896 г. он пишет Флемингу: «Морганы почти готовы участвовать в операции с «Нозерн Пасифик». «Грейт Нозерн» не участвует».

В то время Шиффу яснее, чем когда бы то ни было, казалось, что общность интересов необходима по крайней мере между

крупными железными дорогами на Северо-Западе. Компания «Нозерн Пасифик», совместно с фирмой «Кун, Лёб и К°», которая тем временем занималась реорганизацией «Юнион Пасифик», приобрела 38 тысяч привилегированных акций «Железнодорожной компании Орегона» и намеревалась купить больше, чтобы стать мажоритарным акционером. Эти соглашения Шифф обсуждал с Адамсом и с Чарлзом Г. Костером из банка Морганов, который также оказался сторонником мирового соглашения. 9 февраля 1897 г. Шифф написал Хиллу с просьбой прислать свою санкцию телеграммой: «М-р Костер считает, что будет лучше всего, если «Нозерн Пасифик», «Грейт Нозерн», «Юнион Пасифик» и «Орегон Шорт Лайн» каждая станут владельцами и держателями четверти приобретенных акций и акций, которые предстоит приобрести. Однако ввиду тех усилий, которые, как сообщается, недавно были предприняты в Бостоне, чтобы объединить в общий фонд акции компании «Орегон Шорт Лайн» в интересах «Чикаго, Берлингтон и Куинси» (без особого успеха), я предположил, что может быть опасным, во всяком случае в настоящее время, принять «Орегон Шорт Лайн» в число владельцев железнодорожной компании «Орегон». Моя точка зрения, после дискуссии, была принята остальными».

Однако план совместного владения и эксплуатации транспортных компаний Северо-Запада оказался неосуществимым. «Нозерн Пасифик» предлагала дублировать существующие линии в Айдахо и Вашингтоне, что, как боялся Шифф, выльется в войну всех против всех. В письме Костеру он выразил свой протест – очевидно, успешно. Но вопрос о конкурирующих линиях вскоре обострился, и к спору решительно, хотя и не публично, присоединились два крупнейших железнодорожных магната, Хилл и Гарриман. 12 сентября 1899 г. Хилл в письме Гарриману изложил подробный план достижения гармонии, однако вначале он послал письмо Шиффу, чтобы тот был в курсе их переписки[9]. Шифф не верил, что разногласия двух этих людей непримиримы, и 25 сентября писал Хиллу: «Я получил Ваше письмо с приложением, предназначенным мистеру Гарриману, которое я отправил адресату. Ваше предложение произвело сильное впечатление на мистера Гарримана, хотя, буду, как всегда, откровенен с Вами, должен добавить, что он, по-моему, обиделся на приказной тон, в каком составлено Ваше к нему письмо. Я объяснил ему, что Вы писали его, занимаясь приготовлениями к очередной инспекционной поездке и что Вы, несомненно, лишь хотели подчеркнуть серьезность своих намерений… По-моему, сейчас мистер Гарриман это понимает; думаю, не ошибусь, если скажу,

что, помимо его искреннего желания работать в согласии с Вами и заручиться Вашей дружбой, он, будучи человеком очень способным, всегда признавал Ваши дарования и ценность Вашего опыта и Ваших советов.

Нисколько не сомневаюсь, что не возникнет никаких трудностей в достижении удовлетворительного соглашения между «Железнодорожной компанией Орегона» и «Грейт Нозерн». Заручиться столь ценным союзником, как «Грейт Нозерн», явно в интересах «Орегона», в то время как для «Грейт Нозерн» союз с «Орегоном» в Портленде и других пунктах значительно важнее строительства новых линий или приобретения новых терминалов. Всем нам известно, что главным препятствием служит «Нозерн Пасифик» и ее агрессивное и часто нетерпимое отношение, но я верю и надеюсь, что, при том влиянии, какое Вы способны употребить… и при разумных ожиданиях мистера Гарримана и исполнительного комитета «Юнион Пасифик» будет нетрудно призвать к ответу правление «Нозерн Пасифик», не дать им строить ненужные дублирующие ветки и присоединиться к соглашению, которое станет равно выгодным и для них, и для «Орегона».

Шифф и позже служил буфером между двумя конкурентами. 29 января 1900 г. он писал Хиллу: «Что касается Вашего весьма изобретательного предложения, сделанного «Железнодорожной компании Орегона», я перечитываю его вместе с мистером Гарриманом и стараюсь донести до него Ваши мысли. Разногласия между Вами и мистером Гарриманом могут и должны разрешиться; не сомневаюсь, что трудностей в исполнении Вашего замысла не возникнет при условии, если Вам удастся уговорить представителей «Нозерн Пасифик» присоединиться к Вам. Мистер Гарриман считает, и я полагаю, что в этом он прав, что будет предпочтительнее разделить пакеты акций между «Юнион Пасифик», «Грейт Нозерн» и «Нозерн Пасифик» пропорционально суммам, которые они собираются гарантировать, и что договоры об аренде и гарантии необходимо заключить после раздела пакетов, что будет способствовать нерушимости подобного договора. Лично я считаю, что «Нозерн Пасифик» следует включить в соглашение свои линии от Сиэтла до Портленда, чтобы впоследствии не возникало необходимости «Грейт Нозерн» и «Юнион Пасифик», вместе или по отдельности, строить параллельную линию между Портлендом и Сиэтлом».

В 1900 г. возникла проблема с компанией «Берлингтон», которая еще больше осложняла существующее положение дел. 25 октября Шифф писал Кроуфорду Ливингстону в Сент-Пол: «Что касается «Нозерн Пасифик», мне известно лишь то, что мистер

Хилл весьма таинственно намекал: пройдет совсем немного времени, и он получит контроль над компанией».

В дальнейших письмах Ливингстону Шифф указывал, что больше не доверяет Хиллу в вопросе о «Нозерн Пасифик», и добавлял: очевидно, львиную долю обычных акций выкупают Морганы. 26 декабря он писал: «Мистер Хилл был здесь с пятницы по воскресенье; перед отъездом он приезжал ко мне домой. Я так и не понял, приезжал ли он сюда из-за «Эри» (домой он возвращался по железной дороге компании «Эри») или в связи с другими проблемами, в которых заинтересован он и Морганы».

Пути бывших союзников разошлись.

Необходимо вернуться на несколько лет назад и подробно описать обстоятельства, приведшие к разрыву Шиффа с Хиллом. Железная дорога «Нозерн Пасифик», которая вначале входила в так называемую «империю Гулда», переживала трудности, которые к 1891 г. стали настолько серьезными, что влияли на состояние всей компании. 6 августа того года Шифф писал Касселю, что дороге еще долго не удастся обслуживать текущую задолженность; через несколько дней он писал Хиллу, что компания может в конце концов обанкротиться; позже он писал, что текущую задолженность можно выплатить, хотя его банк отказался участвовать в этом. В течение следующих лет предлагался один план за другим, но все они проваливались. Очевидно, ни одна финансовая группа не была одновременно способна и испытывала желание справиться с задачей, а тем временем дорога «Юнион Пасифик» переживала серьезный раздел.

Однако в 1895 г. Шифф решил предпринять реорганизацию. 3 ноября он написал Касселю, что вынужден прервать поездку в Мексику, к его большому сожалению, «потому что я вынужден руководить приготовлениями к предложенной реорганизации «Юнион Пасифик». Это спокойное объяснение знаменует собой начало взаимоотношений, которые станут главным интересом Шиффа и его фирмы и которые больше, чем любые другие, подчеркнут их роль ведущей финансовой силы в мире.

Успех прошедшей в конечном счете реорганизации «Юнион Пасифик» и связанных с ней дорог во многом стал возможен благодаря гению Эдварда Г. Гарримана, отношения с которым возобновились. Шифф и Гарриман познакомились в 1884 г., вскоре после того, как Гарримана избрали директором «Иллинойс Сентрал», но их тесное сотрудничество началось только в связи с делами «Юнион Пасифик».

Вопреки распространенному мнению, Гарриман не имел никакого отношения к финансовой реорганизации «Юнион

Пасифик»[10]. Ее осуществил комитет, в который входил Шифф; «Кун, Лёб и К°» выступали финансовыми управляющими, вначале по приглашению Уинслоу С. Пирса. Отто Кан утверждает, что «после приобретения реорганизационным комитетом собственности на продаже заложенного имущества м-р Гарриман был избран в первый совет директоров в декабре 1897 г., в соответствии с обещанием, которое дал ему Джейкоб Г. Шифф в ходе реорганизации».

«Юнион Пасифик» (Объединенная Тихоокеанская компания) была создана частной корпорацией, но с помощью займов правительства Соединенных Штатов, поэтому планы реорганизации зависели не только от заинтересованных сторон, но и требовали согласия конгресса. В январе 1897 г. правительство одобрило соглашение, по которому «Кун, Лёб и К°» от имени реорганизационного комитета гарантировали минимальную ставку на продаже заложенного имущества ценой более чем в 45 млн долларов. Шифф надеялся, что конгресс примет закон о финансировании, делавший реорганизацию возможной. 10 января 1897 г. он отправил Пирсу, который в то время находился в Вашингтоне как советник комитета, подробное письмо. Шифф указал, что на раннем этапе самым лучшим выходом из положения стало бы создание комиссии, состоящей из министра финансов и государственного прокурора, которые, с одобрения президента, получали полномочия договариваться о реструктуризации долга «Юнион Пасифик»; однако кажется маловероятным, чтобы вопрос был решен администрацией Кливленда. Далее он писал: «Учтите, что по соглашению с нашими друзьями, по которому либо пройдет закон о финансировании, либо президент вскоре лишит компанию права выкупа заложенного имущества, мы – по-моему, беспрецедентный шаг в финансовой истории – гарантировали в течение трех дней подписку практически на всю сумму в 40 млн долларов, которую мы потребуем в случае, если придется выкупать акции на продаже заложенного имущества… По моему мнению, если столь значительные поручительства пропадут втуне, нас ждет большое разочарование. Осмелимся ли мы еще раз рискнуть тем, что нам труднее и дороже будет еще раз получить крупную сумму для реорганизации?..

Надеюсь, Вы по-прежнему верите в стремление… президента лишить компанию права выкупа, в случае, если не удастся решить дело законным путем. Я предпочел бы, чтобы Вы удержались от замены в виде комиссии… С другой стороны, если у Вас есть основания полагать, что президент будет действовать не так быстро, как мы ожидаем, нам следует согласиться с

формированием такой комиссии и надеяться на лучшее…

Я сознаю, что в настоящий момент Ваше положение весьма трудное и Вам приходится полагаться исключительно на собственное суждение, возможно, без возможности посоветоваться с генералом Фитцджералдом или со мной, но будьте уверены: мы оба все понимаем и заранее одобряем любое Ваше решение. Был бы рад сегодня приехать к Вам, но важно завтра закончить дела с синдикатом… и я не хочу предпринимать ничего, ставящего под угрозу прочное финансовое положение, которое необходимо для реорганизации».

В марте того же года президентом стал У. Маккинли; чтобы соответствовать растущим популистским настроениям в конгрессе, его приближенные предложили ввести своего рода федеральный контроль над железными дорогами. В конце лета было принято судебное решение о продаже компании, но начались новые трудности и проволочки, и в октябре проблема еще обсуждалась в газетах. Продажа железнодорожной магистрали «Юнион Пасифик» произошла 2 ноября, но только после того, как комитет заранее договорился, как писал Шифф, «предложить цену, на 13 млн долларов превосходящую сумму, которую совместно предложили бы «Юнион Пасифик» и «Канзас Пасифик», если бы приняли первоначальный план».

Однако в последнюю минуту правительство настояло на отсрочке продажи «Канзас Пасифик». За несколько недель до того Шифф вел переговоры с Лайманом Дж. Гейджем, министром финансов, и последний выразил готовность пойти навстречу любым разумным предложениям. Поэтому 17 марта Шифф написал Гейджу длинный меморандум, в котором повторил ход переговоров и с администрацией Кливленда, и с администрацией Маккинли. Он напомнил, что комитет выполнил все условия сделки, и попросил администрацию более не чинить препятствий в продаже субсидированной части «Канзас Пасифик»; сообщил, что комитет готов выслушать предложения любого частного покупателя, но не станет предлагать на торгах более высокую цену, чем правительство, которое, в свою очередь, обязано будет объявить компанию государственной собственностью.

Очевидно, представители администрации настаивали на том, чтобы на время разделить вопрос о «Канзас Пасифик» и вопрос о главной магистрали. Переписка Шиффа с Гейджем затянулась. Но в феврале 1898 г. комитет наконец добился успеха, и новая компания вступила во владение имуществом.

В сентябре Шифф послал Гарриману свою переписку, связанную с делами «Юнион Пасифик»; он считал, что переписка поможет Гарриману в переговорах с руководителями дороги.

Гарримана в мае назначили председателем исполнительного комитета, и он поехал на Запад с инспекцией всей системы.

Один из предвестников борьбы 1901 г. возник еще в 1899 г., когда выявились разногласия «Нозерн Пасифик» и «Орегона» на участке Рипария – Льюистон, который тогда находился в совместном управлении Хилла и Гарримана. В письме к Гарриману от 19 июля 1899 г. Шифф подробно рассказал, какие меры принимались за время его отсутствия, чтобы не дать представителям «Нозерн Пасифик» присвоить спорный участок, и добавил: «На предстоящих выборах в «Орегоне» «Юнион Пасифик» получит неоспоримое превосходство, и потом Вы лично можете действовать как председатель исполнительных комитетов всех трех компаний, ведающих линией из Омахи в Портленд».

Начиная с того времени его письма к Гарриману, даже сугубо деловые, по теплоте тона не уступают письмам к Касселю. Когда Гарриман был в Омахе, он подробнейшим образом писал обо всех делах, которыми они занимались совместно. Сближение их позиций подтверждается в письме от 9 августа 1899 г.: «После того как я написал Вам в понедельник, мы завершили переговоры о покупке около 23 тыс. привилегированных акций «Орегона», которые удерживала «Нозерн Пасифик»… Я убежден, что бессмысленно далее вводить кого-либо в заблуждение и что небезопасно позволять этим акциям оставаться в руках «Нозерн Пасифик», поскольку теперь нам известно, что некоторые лица пытаются скупать привилегированные акции «Орегона» не только у «Нозерн Пасифик», но также и у мистера Хилла… Поскольку я считаю важным, чтобы такой крупный пакет акций не оставался или не переходил в руки тех, кто впоследствии способен вмешаться в планы объединения имущества «Юнион Пасифик», я решил наилучшим выходом приобрести их, пока у нас еще есть такая возможность, и я думаю, наряду с прочими соображениями, что, основываясь на действительной стоимости акций, мы совершили очень удачную покупку. Поскольку очень скоро мы снова встретимся лично, чему я очень рад, нет необходимости сегодня писать об этом подробнее, но я надеюсь и верю, что мои действия Вас порадуют».

12 октября 1899 г. он писал Флемингу о непосредственном состоянии дороги: «Дела «Юнион Пасифик» превосходны, но в этом отношении все железные дороги выглядят великолепно, и, по-моему, так будет и впредь… «Юнион Пасифик» снова укрепила свое положение в «Орегон Шорт Лайн» и «Железнодорожной компании Орегона», добавила в свою копилку практически все обычные и привилегированные акции «Орегона» и все акции, а также доходные облигации первого и второго выпуска «Шорт

Лайн». Чистая прибыль трех компаний за последний финансовый год составила почти 16 млн долларов, накладные расходы – около 6 700 000 долларов, что составляет около 9 млн долларов чистой прибыли для привилегированных и обычных акций «Юнион Пасифик». Неплохой результат для железной дороги, менее двух лет назад проданной с лишением права выкупа заложенного имущества».

6 ноября Шифф писал Чарлзу Г. Костеру: «Могу Вас заверить, что и мистер Гарриман, и мы, и исполнительный комитет «Юнион Пасифик» желаем достичь полного взаимопонимания с «Нозерн Пасифик» и «Грейт Нозерн», и, по-моему, едва ли возникнут трудности в нахождении основы справедливой и разумной для всех заинтересованных сторон».

Ранее Шифф периодически проявлял интерес к «Чикаго, Берлингтон и Куинси», в прошлом независимой линии. Так, в декабре 1898 г. он обсуждал с Генри Л. Хиггинсоном из Бостона возможность рефинансирования облигаций «Берлингтона». В 1900 г. и Гарриман, и Хилл пытались приобрести «Берлингтон» после того, как Хилл безуспешно пытался приобрести контрольный пакет компании «Чикаго, Милуоки и Сент-Пол». 14 июня Шифф с помощью Эмерсона У. Джадда из журнала «Рейлуэй Эйдж» получил сводку «нынешнего и перспективного финансового положения» компании «Берлингтон». 25 июня он созвал совещание, на которое пригласил Гарримана, Джеймса Стиллмена и Джорджа Гулда. Вскоре после того состоялись еще несколько сходных совещаний, в результате которых решено было аккумулировать большой пакет акций «Берлингтона». Когда Шифф и Гарриман начали скупать ценные бумаги «Берлингтона», они, похоже, не сознавали того, что Хилл также предпринимает попытки приобрести контрольный пакет, так как они считали, что он намеревается закрепить за собой «Сент-Пол». Однако им стало очевидно, что на рынке невозможно приобрести большой пакет акций, так как цена акций существенно выросла; соответственно, они приостановили покупку и поспешили избавиться от уже приобретенных ими акций.

То, что в то время открытых разногласий еще не было, доказывает письмо Шиффа Хиллу от 4 февраля 1901 г., в котором Шифф сообщал ему, что они получили контроль над «Сазерн Пасифик» (за год до того умер С.П. Хантингтон). В начале марта, когда стало наверняка известно, что Хилл скупает акции «Берлингтона», Гарриман и Шифф, действовавшие от имени «Юнион Пасифик», попросили уступить им часть акций, но получили отказ. Весной противоречия обострились. Гарриман, а вслед за ним и Шифф поняли, что интересам «Юнион Пасифик»

так угрожает контроль «Нозерн Пасифик» над «Берлингтоном и предполагаемое слияние «Нозерн Пасифик» и «Грейт Нозерн», что они решили закрепить за собой право голоса в самой «Нозерн Пасифик», купив акции на открытом рынке.

Уже 8 апреля Шифф открыто возражал против приобретения «Берлингтона» компаниями Хилла:

«Уважаемый мистер Хилл!

Во избежание непонимания моей позиции и отношения считаю своим долгом сообщить: насколько бы наши деловые интересы ни разнились, мне кажется, что сейчас нам уже поздно ссориться лично. Дружба не имеет ценности, если подкрепляется лишь корыстью и рушится после первого столкновения интересов; я со своей стороны уверяю Вас, что с нами такого не произойдет, во всяком случае в том, что касается моих уважения и привязанности к Вам.

Никогда еще ничто не интересовало меня так, как компания «Грейт Нозерн», с которой я связан до сегодняшнего дня, работал в любых условиях много лет, благодаря неизменной вере в Вас. Я всегда говорил с Вами откровенно и говорю теперь: способ, каким осуществляется приобретение контроля над «Берлингтоном», не отвечает интересам акционеров «Грейт Нозерн». Поскольку Вы прекрасно понимаете, что «Берлингтон» будет отчасти контролироваться компанией «Грейт Нозерн», Ваше суждение по данному вопросу является для меня окончательным, но, боюсь, Вы позволили любителям личной выгоды платить заоблачную цену в ожидании будущих прибылей, вместо того чтобы следовать путем, благодаря которому владельцы контрольного пакета были бы избавлены от многих хлопот.

Не сомневаюсь, что компания «Юнион Пасифик» должна сама о себе позаботиться, но, во всяком случае, я хочу убедиться в том, что между нами ничто не стоит, ибо я буду очень несчастен, если такое произойдет.

Остаюсь Вашим другом,

Джейкоб Г. Шифф».

Несмотря на его возражения, 20 апреля «Грейт Нозерн» и «Нозерн Пасифик» совместно купили более 96 % акций «Берлингтона».

В американской финансовой истории, наверное, нет ни единого примера, который породил бы столько волнений и о котором столько писали, как о конкуренции за контроль над «Нозерн Пасифик». В самом деле, событие имело важные последствия, хотя эксперты не считают ее единственной причиной паники 9 мая, которая усугублялась общей вспышкой спекуляции, начавшейся ранее. Более того, в данном эпизоде характерным образом проявились важные фигуры того времени. Позже историю, которая изначально имела чисто экономический характер, неоправданно романтизировали[11]. Несомненно, в эпизоде были задействованы и вопросы личного свойства, ставшие весьма важными факторами, но первоначальной целью со стороны Гарримана и фирмы «Кун, Лёб и К°» было заручиться поддержкой «Юнион Пасифик» против растущей угрозы вторжения «Берлингтона» на их территорию. Если компания «Берлингтон» была опасна как независимый конкурент, она стала бы тем более опасной, войдя в систему «Нозерн Пасифик – Грейт-Нозерн», с которой у «Юнион Пасифик» уже начались трения на севере Тихоокеанского побережья США.

Роль Шиффа в этом историческом эпизоде подтверждается письмом, написанным им 16 мая 1901 г. Дж. Пирпонту Моргану, который тогда находился в Европе. Поскольку письмо написано лишь неделю спустя после так называемой «паники 9 мая» и адресовано одним главным героем другому, кто мог с готовностью подтвердить его слова, письмо можно считать хроникой событий:

«Уважаемый мистер Морган!

Поскольку, как мне сообщили, Вы решили на какое-то время остаться за границей, полагаю, я имею право, заботясь о Вашем уважении и добром мнении, написать Вам в попытке изложить события, которые привели к неблагоприятной ситуации, сложившейся в последнее время, но которые, как я считаю, вызваны не нашими действиями и не нашими намерениями.

Для начала должен заявить, что весной и летом 1900 г. в «Юнион Пасифик» возникло убеждение, что трудно будет достичь полного и постоянного процветания «Железнодорожной компании Юнион Пасифик», не проанализировав тщательно управление ее имуществом, а также имуществом компании «Чикаго, Берлингтон и Куинси». Было решено, что при сравнительно небольших расходах последняя компания может создать и со временем создаст ряд филиалов для управления самыми важными участками магистрали «Юнион Пасифик» и что в конечном счете «Чикаго, Берлингтон и Куинси», скорее всего, продлит свои линии до Огдена и Солт-Лейк-Сити, если не до Сан-Франциско. В интересах «Юнион Пасифик» была предпринята попытка купить достаточное количество акций «Берлингтона» с целью обеспечения контроля или, по крайней мере, влияния, на правление данной компании, но после того, как было куплено около 80 тыс. акций, оказалось, что ценных бумаг на рынке сравнительно мало и приобрести контрольный пакет не удастся, не увеличив цену до цифр, которые показались нам избыточными. Поэтому решено было отложить осуществление наших намерений до более подходящего времени.

Затем, в конце января или февраля, начались крупные и постоянные покупки, независимо от цены, акций «Берлингтона» людьми, близкими к мистеру Хиллу; вскоре за границей распространились известия о том, что «Грейт Нозерн» и «Нозерн Пасифик» хотят получить контроль над «Берлингтоном». Мы с мистером Гарриманом пошли к мистеру Хиллу, и я спросил его, насколько правдивы упорные слухи, на что мистер Хилл ответил, что он ни прямо, ни косвенно не заинтересован в акциях «Берлингтона» и не имеет намерения получить контрольный пакет акций. Наша встреча проходила во второй половине марта. Я поверил этому заявлению мистера Хилла, так как не мог предположить, чтобы человек, которого я знаю и с которым тесно общался на протяжении пятнадцати лет, которого я ни разу не подводил, но которого всегда поддерживал и считал своим другом, намеренно введет меня в заблуждение… Однако скоро стало очевидно, что, несмотря на заверения мистера Хилла, он вел переговоры с представителями «Берлингтона» о приобретении контрольного пакета от имени «Грейт Нозерн» и «Нозерн Пасифик».

Однажды мы узнали, что Хилл, который тогда с семьей находился в Вашингтоне, собирается поехать в Бостон с целью завершения переговоров. Желая сделать все, что в наших силах, чтобы помешать тому, что, по мнению нас и наших партнеров, способно надолго повредить «Юнион Пасифик», я договорился с

Джорджем Ф. Бейкером, что мы встретимся с Хиллом перед тем, как тот сядет в поезд на Бостон, в доме Бейкера и поговорим. Для перестраховки я послал своего сына к парому и велел перехватить Хилла, который ехал из Вашингтона, и привезти его домой к Бейкеру, что и было сделано. В начале разговора я спросил Хилла, почему он уверял меня, что его не интересуют акции «Берлингтона» и он не собирается приобретать контроль над компанией, на что он ответил: ему очень жаль, что пришлось ввести меня в заблуждение, но, зная о моих отношениях с «Юнион Пасифик», он счел необходимым поступить так. Я выразил свое огорчение, но не стал больше обсуждать этот вопрос и продолжал вместе с мистером Гарриманом, который присутствовал при встрече, серьезно убеждать мистера Хилла не покупать контрольный пакет «Берлингтона», не придя вначале к соглашению с «Юнион Пасифик», которая может и хочет защитить последнюю от посягательств на ее законную территорию. На это мистер Хилл отвечал банальностями и вскоре отправился в Бостон.

Поняв, что нам не удалось переубедить мистера Хилла, я позвонил к Вам в контору в надежде, что мне удастся обсудить дело с Вами, но мне сообщили, что Вы собираетесь ехать в Европу и не хотите ни о чем говорить, но будете рады, если я пришлю Вам свои планы и соображения в Лондон на рассмотрение. Вместо этого я решил, что лучше обсудить дело с Вашим партнером, мистером Бэконом, который заявил мистеру Гарриману, что «Юнион Пасифик» пока не выдвигала никаких предложений, а до тех пор трудно понять, что можно сделать. Контракт с «Берлингтоном» тогда еще не был окончательно подписан. Я заявил мистеру Бэкону, что «Грейт Нозерн» и «Нозерн Пасифик» совершат большую ошибку, если купят «Берлингтон», которая отразится почти на всех дорогах к западу от реки Миссури и столкнет интересы системы «Нозерн», обладающей большим влиянием, и всех трансмиссурийских железных дорог, также создаст ситуацию, которая будет постоянно угрожать интересам «Юнион Пасифик». Далее, я заявил мистеру Бэкону, что, поскольку он уверял, будто «Юнион Пасифик» не выдвигал никаких предложений, я готов, несмотря на непомерно высокую цену, купить контрольный пакет «Берлингтона»… и заплатить наличными за одну треть пакета «Берлингтона», равную приблизительно 65 млн долларов; или, если наличные нежелательны, «Юнион Пасифик» предоставят достаточные гарантии в обеспечение интересов «Грейт Нозерн» и «Нозерн Пасифик» в размере одной трети совместных облигаций, которые, по слухам, эти компании собирались выпустить ради

приобретения «Берлингтона». Мистер Бэкон ответил на это, что уже поздно и ничего нельзя поделать. Тогда я предупредил мистера Бэкона, что «Юнион Пасифик» сочтет создавшееся положение недопустимым и намерена решительно протестовать.

После того как все наши попытки провалились, в «Юнион Пасифик» прошли прения. Там решили: если компания «Берлингтон», как выяснилось, и будучи независимой, представляла собой фактор для беспокойства и тревоги, насколько ухудшатся эти условия после того, как «Берлингтон» перейдет под управление двух мощных компаний системы «Нозерн», каковые и без того создали сложное положение в северных штатах Тихоокеанского побережья и которые могут и хотят, рано или поздно, по причине контроля над «Берлингтоном», дать «Юнион Пасифик» бой как на Востоке, так и на Западе. Вспомнили, какими методами м-р Хилл в начале своего пути пытался свалить «Нозерн Пасифик»; тогда же было решено, что требуется надежная защита «Юнион Пасифик» против возможной катастрофы. Учитывая создавшееся положение, необходимо принять решительные меры для того, чтобы любой ценой обеспечить «Юнион Пасифик» право голоса в деле «Грейт Нозерн» – «Нозерн Пасифик» – «Берлингтон», чего не удалось добиться дружескими увещеваниями и протестами.

На этом основании, от лица объединений «Юнион Пасифик», мы приступили к скупке акций «Нозерн Пасифик», не имея в виду на самом деле перехватывать контроль и управление имуществом у тех, в чьем владении оно находилось, но единственно желая закрепить за собой возможное влияние на правление «Нозерн Пасифик» и тем самым либо приобрести также влияние на правление «Берлингтона», либо, возможно, послать своих представителей в совет директоров последней. Выполняя принятое решение, я воспользовался первой же представившейся возможностью, после того как компании «Юнион Пасифик» собрали свыше 40 процентов основного капитала «Нозерн Пасифик», сообщил о наших действиях м-ру Хиллу и заявил ему, что единственная цель в столь большом приобретении акций «Нозерн Пасифик» заключается в достижении согласия и общности интересов, чего не удалось добиться другими средствами и личными призывами к нему; я просил его передать мои слова Вашим партнерам и сделать все, что в его власти, чтобы добиться такого результата. Все это происходило утром в пятницу, 3 мая. Вечером того же дня мистер Хилл приехал ко мне домой, пробыл у меня до полуночи и неоднократно заверял меня в том, что выполнить мои предложения удастся без труда. Однако мистер Хилл, очевидно, не поверил сделанному мною заявлению

о владении «Юнион Пасифик», так как в следующий понедельник началась лихорадочная скупка акций и здесь, и в Лондоне, которая в течение 48 часов создала неблагоприятные условия, которые мы наблюдаем в последнее время. Полагаю, наши партнеры подтвердят, что моя фирма делала все, что в ее власти, чтобы смягчить удар, полученный не по ее вине, но, хотя можно лишь сокрушаться о страданиях общественности, по моему мнению, если бы это не началось и безумная спекуляция продолжалась еще месяц или два, произошло бы что-нибудь еще, что вызвало бы гораздо более серьезную катастрофу того характера, какой надолго причинил бы ущерб всей стране.

Таково положение дел. Предоставляю Вам делать какие угодно выводы, но полагаю, что Вы примете к сведению мои слова: компании, входящие в «Юнион Пасифик», никоим образом не желают стать врагами Вам или Вашей фирме. Я и мои партнеры всегда желали и желаем, чтобы нам позволили помочь в поддержании Вашего личного, столь заслуженного, престижа. Компании, входящие в «Юнион Пасифик», и, разумеется, моя фирма и я готовы сделать все в пределах разумного, что Вы попросите или предложите, чтобы создать условия, справедливые для всех заинтересованных сторон, и не сеять среди них семена будущего раздора, разногласий и возможной катастрофы.

Полагаю, мистер Морган, Вы поймете дух данного письма… надеюсь, что Ваше пребывание за границей не омрачат неблагоприятные события…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Хилл не воспринял случившееся так близко к сердцу. 12 мая, через три дня после паники, он широким шагом вошел в контору «Кун, Лёб и К°», очевидно собираясь переговорить с главой фирмы, которого не оказалось на месте. Он подошел к столу Феликса Варбурга и спросил: «Как Шифф?»

«Не слишком рад», – ответил Варбург, на что Хилл заявил: «Он воспринимает все слишком всерьез».

Затем он спросил о здоровье членов его семьи. Не только деловые интересы смягчали шероховатости в те дни и в конечном счете способствовали примирению прежних врагов, на что имеется намек в письме Шиффа к Хиллу от 10 июня, очевидно написанном в ответ на письмо Хилла, в котором тот протягивал Шиффу оливковую ветвь: «Я очень сожалею о том, что не имел возможности снова увидеться с Вами, прежде чем Вы отбыли домой, но искренне признаю, что ничто за долгое время не доставило мне такой радости, как Ваше субботнее сообщение,

которое я сегодня утром нашел на своем столе. Последний месяц я переживал, наверное, самые тревожные часы в жизни, ибо, мягко говоря, не могу передать, насколько неприятно мне было, впервые за пятнадцать лет, очутиться в положении, когда мы с Вами не могли идти рука об руку, как… шли много лет. Хотя я примерно на десять лет моложе Вас, я, как, несомненно, и Вы, понимаю, что мы стремительно приближаемся к тому времени, когда нам придется сложить с себя полномочия, и, когда бы такое время ни наступило, я, по крайней мере, хочу знать, когда буду призван отправиться в путь, что друзья, которые мне доверяют, не будут иметь причин разочаровываться во мне. Вы, несомненно, знаете, что я поддерживал Вас, в мыслях и на деле, во время, когда друзей у Вас было меньше, чем сейчас, когда Ваша проницательность еще не была признана многими из тех, чья дружба определяется лишь действительными результатами. Уверяю Вас, дорогой мистер Хилл, что для меня означало бы почти несчастье, если бы события сложились так, чтобы наши пути впоследствии разошлись. Льщу себе мыслью, что и Вы испытываете нечто подобное, и теперь, когда найдены способы и средства, с которыми Вы с такой готовностью согласились и которым Вы, с Вашей всегдашней изобретательностью, помогли придать практический вид, полагаю, что Ваши интересы и интересы тех, кого представляем мы, можно связать воедино так прочно и выгодно, что вскоре мы все почувствуем, что события, которые нам пришлось пережить за последние несколько недель, оказались не напрасными, и даже хорошо, что они случились. Во всяком случае, поверьте, я искренне признателен Вам за дух, побудивший Вас написать мне перед отъездом домой. Надеюсь, что Ваш отпуск пройдет приятно и плодотворно, остаюсь с наилучшими пожеланиями Вам и миссис Хилл…»

Шифф и Хилл возобновили личные отношения. В 1914 г. Хилл послал Шиффу два своих портрета. Получив их, Шифф написал Хиллу: «Среди тех, с кем я общался за свою долгую карьеру, мало к кому я испытываю такую большую и искреннюю привязанность, как к Вам».

10 июля 1917 г., прочитав написанную Пайлом биографию Хилла, Шифф писал генералу Джеймсу Уилсону: «Мистер Хилл поистине был человеком замечательным. Правда, и у него имелись недостатки – у кого их нет? Но он был до конца предан тем, кто ему доверял – особенно акционерам своей корпорации, которая позже стала его фетишем и ради которой он готов был пожертвовать всем, в том числе своим состоянием и своей жизнью. Нас с мистером Хиллом объединяла тридцатилетняя близкая дружба; хочется верить, что он считал меня своим другом

до последнего, несмотря на стычку, произошедшую между нами 16 лет назад из-за «Нозерн Пасифик», которая в конце концов стала единственно результатом его и моего желания сделать все, что в наших силах, чтобы оградить и защитить доверенные нам компании…»

Непосредственным результатом разногласий стало образование холдинга «Нозерн Секьюритиз К°», зарегистрированного в Нью-Джерси 12 ноября 1901 г., хотя Морган и Хилл некоторое время собирались «позаботиться о «Нозерн Пасифик» и «Грейт Нозерн» и обеспечить контрольный пакет этих железных дорог нынешним пайщикам»[12]. Возможно, Хилл и Гарриман склонны были продолжать борьбу; Шифф, человек по натуре миролюбивый, делал все, что мог, чтобы достичь перемирия, а Морган, который незадолго до того времени организовал корпорацию «Юнайтед Стейтс Стил» и считался человеком беспристрастным, по взаимному соглашению согласился на роль арбитра. В письме к Касселю 11 ноября Шифф объяснял, как будут защищены интересы «Юнион Пасифик»: «Хотя «Юнион Пасифик» в этой холдинговой компании находится в меньшинстве, тем не менее она оказывает мощное влияние на правление двух линий системы «Нозерн» в силу своих довольно больших авуаров. Вдобавок «Юнион Пасифик» добилась территориального договора с двумя компаниями, который защищает ее против любого вторжения и позволяет эксплуатировать важные линии на севере Тихоокеанского побережья. Я считаю, что все соглашение играет огромную роль и обладает преимуществом для «Юнион Пасифик» и всячески оправдывает нашу попытку прошлой весной оградить «Юнион Пасифик» от ущерба».

Однако соглашение вскоре было нарушено. Через неделю после его вступления в силу свое слово сказали правительства нескольких штатов, а через месяц так же поступила Комиссия по торговле между штатами. Вскоре президент Рузвельт принял меры для обеспечения законности «Нозерн Секьюритиз К°», подтвержденные в федеральных судах генеральным прокурором Филандером Ч. Ноксом, признанным специалистом по корпоративному праву. Шифф приветствовал быстрые действия президента и 24 марта 1902 г. писал Лушьюсу Н. Литтауэру, тогда члену конгресса: «Если создание «Нозерн Секьюритиз К°» противозаконно, будет гораздо лучше для всех заинтересованных сторон, чтобы все выяснилось на раннем этапе существования компании».

Позже Шифф снова стал наблюдать за происходящим с большой тревогой, не из-за «Нозерн Секьюритиз К°», ибо «эту

компанию, несомненно, можно распустить без серьезных последствий», а потому, что он боялся дезорганизации всей системы железных дорог и промышленности в стране: «Нет ни одной крупной железной дороги, которой не владели бы, прямо или косвенно, через контрольные пакеты, конкурирующие линии». Свои взгляды он изложил в личной беседе с президентом Рузвельтом и через несколько дней написал ему:

«6 апреля 1902 г.

Уважаемый господин президент!

Позвольте поблагодарить Вас за проявленные ко мне доброту и любезность, когда я был в Вашингтоне в прошлые четверг и пятницу, и еще за терпение, с каким Вы выслушали и приняли к сведению то, что я представил Вам на рассмотрение относительно затянувшегося дела «Правительство против «Нозерн Секьюритиз К°» и его возможных последствий. Уверяю Вас, господин президент, что у меня нет иных мотивов в изложении своих взглядов, кроме заботы, которую я считаю оправданной, о тех страданиях, которые навлекут на страну условия, которые, к сожалению, непременно возникнут после юридического подтверждения тех требований, которые выдвинул Генеральный прокурор в своем исковом заявлении против «Нозерн Секьюритиз К°» Никто не испытывает такого сильного желания, как я, чтобы Ваша администрация поддержала свое доброе имя и послужила ко всем возможным преимуществам страны; как не желаю я, чтобы было позволительно сделать что-либо в попытке исправить положение, что не совсем сохранило бы достоинство правительства. Примите, господин президент, мои уверения в величайшем почтении.

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Хилл не сомневался в том, что исход дела будет истолкован в пользу новой компании. Равным образом и Генеральный прокурор был спокоен за исход дела. Неблагоприятное решение было официально объявлено в апреле 1903 г. Хотя оно не было окончательным, поскольку дело передавалось в суд высшей инстанции, Шифф 13 апреля написал Сэмьюэлу Ри: хотя он считал, что результат будет иметь далеко идущие последствия, он не испытывает особого пессимизма. Он философски добавил: «Впредь мы будем испытывать большое нежелание начинать новые дела, но это не несчастье, ибо их успехи сильно преувеличены… и потому судебное решение по «Нозерн Секьюритиз К°» может оказаться скрытым благом. Американский

народ обладает особым даром приспосабливаться к существующим обстоятельствам, и в должное время сгладятся даже последствия и результаты созданных ныне условий».

14 марта 1904 г. Верховный суд США поддержал первоначальное решение о роспуске «Нозерн Секьюритиз К°», главным образом на том основании, что ограничение торговли, пусть и косвенное, является противозаконным. Последовали новые процессы, на которых в основном обсуждался раздел имущества корпорации. Компания «Юнион Пасифик» выражала желание вернуть исходные акции «Нозерн Пасифик», которые она передала «Нозерн Секьюритиз К°»; однако компании, принадлежавшие Хиллу и Моргану, выступали за пропорциональное распределение всех активов, в том числе и акций «Грейт Нозерн». Они выиграли дело, решение по которому было принято Верховным судом 6 марта 1905 г.[13]

В начале 1907 г. Рузвельт распорядился, чтобы Комиссия по торговле между штатами представила доклад по «Юнион Пасифик» и ее дочерних компаниях, особенно «Чикаго – Алтон». Главным образом, президент намеревался обуздать растущую мощь Гарримана, хотя все шло в соответствии с его программой, нацеленной на ограничение по возможности власти крупных корпораций.

В мае «Кун, Лёб и К°» гарантировали размещение четырехпроцентных облигаций акционерного общества «Юнион Пасифик» на сумму в 75 млн долларов, которые можно было обменять по курсу 175 на обычные акции, предлагаемые акционерам по курсу 90. Из-за тогдашнего финансового спада предложение не пользовалось спросом, и гаранты в конце концов вынуждены были сами выкупить все акции, оставив лишь пакет на сумму в 2 млн долларов. Когда Кассель спросил о причине такого рода эмиссии и покритиковал их за это, Шифф в виде объяснения приложил копию замечаний Гарримана: «Уважаемый господин Шифф!

Ничье одобрение в Европе не является для меня столь важным, сколь одобрение сэра Эрнеста; однако при всем моем к нему уважении я не согласен с его критикой. Работа «Юнион Пасифик» и ее успех всецело основаны на покупке ценных бумаг. Все покупки в обеспечение кредита, как Вы понимаете, давали «Юнион Пасифик» преимущество. Сэр Эрнест, как никто другой, сознавал, как трудно управлять такой большой системой, поскольку и сам все это проходил несколько лет назад; мне казалось, что он понимает и ценность того, что мы делаем. Последний план финансирования принадлежал Вам и, наверное, еще в большей степени Мортимеру. Возможно, мне больше других

пришлось иметь дело с выдачей денег – Вам принадлежит честь вынашивания плана и воплощения его в жизнь. Если бы приняли план сэра Эрнеста, он потерпел бы неудачу, как план Хилла; по выражению, которое приписывают барону Ротшильду, он «зарезал бы гусыню, несущую золотые яйца». Сейчас же у нас есть и гусыня, и золотые яйца. Это поможет нам в свое время разместить на рынке новые облигации. Дела «Юнион Пасифик» в полном порядке; так будет и впредь. Компанию возглавляет и будет возглавлять не нынешний президент Соединенных Штатов. Я получил столько ударов, что почти утратил чувствительность, и все же рассчитываю на Ваше одобрение. Возможно, похвала придет из самых неожиданных источников. Пытаюсь писать в поезде линии «Эри».

Искренне Ваш,

Э. Г. Г..»

(Шифф – Касселю): «10 июня 1907 г.

Дорогой друг!

Я получил Ваше теплое письмо о «Юнион Пасифик», которое счел нужным показать Гарриману, чтобы он лучше уяснил Вашу точку зрения, потому что мне известно, как ценит он Ваше мнение. Гарриман ответил мне карандашной припиской внизу Вашего письма. Пересылаю его Вам с копией его ответа, который говорит сам за себя.

До некоторой степени правда, что мы не видели иного способа добыть деньги, в которых нуждалась «Юнион Пасифик», кроме выпуска конвертируемых облигаций, что подтверждается тем, как они расходятся сейчас. Даже учитывая нынешнее состояние общественного мнения, мы не верим, что было возможно провести в жизнь сложный план, такой, например, как создание холдинговой компании, и продавать ее акции по номинальной цене пайщикам «Юнион Пасифик», не навлекая на себя острую критику и дальнейшие нападки на Гарримана и правление «Юнион Пасифик». Выпуск конвертируемых облигаций не критиковали вовсе, хотя и нападали… на то, что компании приходится проводить такую эмиссию ценных бумаг, чтобы собрать деньги на покупку акций…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Тем временем завершилось следствие Комиссии по торговле между штатами по делу «империи Гарримана». Комиссия не нашла оснований для судопроизводства, признала, что дороги Гарримана находятся в превосходном состоянии и управляются с

умом. Однако Шифф очень настаивал на том, чтобы Гарриман пошел на уступку общественному мнению и обменял часть активов «Юнион Пасифик» на акции других железных дорог, – с этим планом Гарриман в конце концов согласился.

Весной 1908 г. с трудом раскупались даже первоклассные облигации, что было отмечено в связи с выпуском в Лондоне и Нью-Йорке облигаций «Пенсильвании». Поскольку эта серия ценных бумаг пользовалась большим успехом, решено было заручиться сотрудничеством английских банков и в реализации облигаций «Юнион Пасифик» на сумму в 50 млн долларов, которые должны были быть выпущены в то время. 2 июня 1908 г. Шифф писал Касселю: «Со… вчерашнего дня мероприятия, связанные с ценными бумагами «Юнион Пасифик», благодаря Вашему энергичному и ценному сотрудничеству, развиваются стремительно и к нашему удовлетворению; в настоящее время «Кун, Лёб и К°» обсуждают подробности с «Бэринг Бразерс и К°».

К тому времени, как подготовка была завершена, казалось, что наилучший момент для размещения уже прошел. Тем не менее за лето удалось реализовать всю серию.

Еще через год бурная и богатая жизнь Гарримана приблизилась к концу. Он уже давно был тяжело болен, и Шифф 2 февраля 1908 г. писал ему из Луксора[14]: «Я сижу на палубе парохода, который идет по Нилу, и думаю о Вас, поскольку величественные руины на берегу напомнили мне о том, как мелко все земное; как мы часто боремся ни за что; как коротко время нашей жизни и как долго мы затем обитаем в смерти. Примите мой совет, дорогой друг, не переутомляйтесь и не возвращайтесь к тому, о чем Вы говорили мне накануне моего отъезда – Вы обещали оставить посты президента и довольствоваться местом председателя в различных советах директоров и исполнительных комитетах, кроме того, пригласив туда опытных людей, которые разделили бы с Вами ответственность. Интересно, сделали ли Вы что-нибудь в этом направлении?»

Шифф собирался 9 сентября 1909 г. поехать в Европу, но отложил путешествие из-за смерти Гарримана. Через несколько дней он писал Касселю о последних днях жизни своего друга и о переменах, которые повлечет за собой его смерть: «Я отдал последний долг бедному Гарриману, и мы наконец уехали. Он до последнего мига не верил, что близится его последний час. За две недели его до смерти я навещал его, и он так уверенно рассказывал о своих замыслах! Даже за шесть дней до конца он говорил со мной по телефону звучным голосом и всем интересовался. Лично я почти поверил в то, что он поправится… Однако все обернулось иначе. Когда гроб опустили в могилу на

тихом деревенском кладбище, мы словно похоронили силу, которую едва ли удастся возместить – и уж конечно, не в «Юнион» и не в «Сазерн Пасифик». Хотя работа обеих компаний, по-моему, налажена превосходно, невозможно заменить острый глаз и почти безрассудную энергию Гарримана. Только по этой причине и, возможно, по другим весомым поводам необходимо будет перейти в работе к более осторожным методам…

Поэтому я счел необходимым временно вступить в совет директоров и исполнительный комитет, в котором меня некоторое время будет подменять Морти. Надеюсь, вскоре мне удастся уйти в отставку со всех постов. Кан собирается войти в правление «Сазерн Пасифик», но в настоящее время он находится в Европе, и потому я пока не знаю, чем кончится дело. Между тем судью Ловетта, который был правой рукой Гарримана, назначили председателем исполнительного комитета, а Краттшнитт и Стаббс, которые, как Вам известно, являются техническими директорами всей системы, останутся на своих теперешних постах. Однако до сих пор остается открытым важный вопрос о том, кто станет президентом».

Шифф исполнял обязанности покойного Гарримана совсем недолго и 13 января 1910 г. писал Джеймсу Стиллмену[15]: «После Вашего ухода не произошло ничего нового, кроме того, что президент направил конгрессу свой законопроект по урегулированию железнодорожного сообщения, а также законопроект, предусматривающий федеральное участие в промышленных компаниях. Я уже покинул посты, занимаемые ранее Гарриманом; меня заменили Кан и Мортимер, а У-м Г.Р. (Уильям Г. Рокфеллер. – *Авт.)* также вошел в состав нескольких советов директоров, что всех нас устраивает».

Политика сдерживания крупных железнодорожных и промышленных корпораций, начатая при президенте Рузвельте, была продолжена в годы правления Тафта, хотя не столь громко. Во время волнений 1907 г. Шифф писал Касселю: «Не сомневаюсь, что правительство Соединенных Штатов постарается вынудить «Юнион Пасифик» отказаться от контроля над «Сазерн Пасифик».

По просьбе президента Тафта в декабре 1912 г., после решения Верховного суда США, предписывавшего «Юнион Пасифик» избавиться от акций «Сазерн Пасифик», заинтересованные стороны подготовили план «ликвидации общего контроля над «Сазерн Пасифик», осуществлявшегося «Юнион Пасифик». Решение было основано на предыдущих решениях и последующих действиях по делам «Нозерн Секьюритиз К°» и «Стандард Ойл К°». Предлагалось всем

«взаимосвязанным» директорам подать в отставку в одной из двух компаний, с тем чтобы ни один человек не был директором в обеих сразу, и распределить акции «Сазерн Пасифик» пропорционально пайщикам «Юнион Пасифик», что, как считалось, полностью соответствует как букве, так и духу закона. Однако от этого и последующих планов пришлось отказаться, главным образом из-за противодействия со стороны правительства. Наконец, подготовили еще один план, который Шифф объяснил Уильяму Г. Макэду, ставшему в те годы министром финансов:

«16 июня 1913 г.

Уважаемый господин министр!

В ответ на Ваше вчерашнее любезное предложение прислать Вам в письменном виде план ликвидации, в соответствии с постановлением Верховного суда США, пакета акций «Сазерн Пасифик», находящегося во владении «Железнодорожной компании Юнион Пасифик», прилагаю сводку, в которой полностью и простым языком излагается план, представленный на рассмотрение Верховного суда США. Наряду с данным планом мы направили еще один – по приобретению компанией «Юнион Пасифик» пакета акций «Железнодорожной компании Пенсильвании», обычных и привилегированных акций «Железнодорожной компании Балтимора и Огайо» и выплате акциями «Сазерн Пасифик», в размере «акция за акцию» в случае обычных акций «Балтимора и Огайо» и в размере 80 % в случае привилегированных акций. Таким образом, удастся ликвидировать, округленно, пакет акций «Сазерн Пасифик» на 40 млн долларов, и пакет акций «Сазерн Пасифик» стоимостью около 85 млн долларов останется во владении «Юнион Пасифик». Акции будут реализованы в соответствии с Планом о свидетельстве на процентный доход, который, по нашему мнению, до мельчайших деталей соответствует цели постановления Верховного суда США.

Самое большое преимущество предложения избавиться от пакета акций «Сазерн Пасифик» путем передачи его «Пенсильвании» в обмен на соответствующий объем акций «Балтимора – Огайо», которыми сейчас владеет последняя, заключается в том, что, таким образом, существенно сокращается количество акций «Сазерн Пасифик», которое предстоит поглотить рынку. Сокращение существенное – примерно со 126 до 88 млн долларов. При нынешних обстоятельствах это весомое и важное преимущество. Я уже не говорю о моральном воздействии подобной операции. Кстати, план также избавляет денежный

рынок от необходимости рано или поздно поглотить почти на 40 млн долларов акций «Балтимора – Огайо», от которых в свое время, возможно, пожелала бы избавиться «Железнодорожная компания Пенсильвании», если бы не могла избавиться от них в ходе завершения предложенной сделки.

Вы, конечно, знаете, что «Пенсильвания» совершенно свободна от какого бы то ни было влияния; если кто-нибудь, поддавшись заблуждению, намекнет, что «Пенсильванию» считают косвенным конкурентом «Сазерн Пасифик», мы получим убедительный ответ, даже если придется признать, что предлагаемая сделка принесет «Пенсильвании» слишком незначительный пакет акций, поскольку объем акций «Сазерн Пасифик», который она приобретет, составит не более 14 % акций, выпущенных в обращение. Надеюсь, что я выразился достаточно ясно; уверяю Вас, что мы оценим, если, в интересах всех сторон, Вы употребите свое влияние на то, чтобы это изнуряющее условие было устранено раз навсегда и больше не давило на общее положение.

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

26 июня он послал Макэду длинную телеграмму, снова подчеркивая, насколько важно освободить и без того напряженный рынок от необходимости поглощать огромные пакеты акций, и добавил: «Я готов лично дать честное слово президенту, Генеральному прокурору и Вам, что за моим предложением не кроется ничего, кроме того, что лежит на поверхности, и что с его помощью мы лишь стремимся провести в жизнь постановление Верховного суда в самом практическом смысле при очень тяжелом общем положении».

1 июля он написал Касселю, сообщая, что накануне Верховный суд санкционировал предложенный план ликвидации, к исполнению которого, по его словам, они немедленно приступят. К середине сентября все акции «Сазерн Пасифик» были успешно распроданы.

Знакомство Шиффа с Гарриманом произошло в 1884 г., когда последний стал директором «Иллинойс Сентрал», но их первый важный деловой контакт, судя по всему, произошел в 1894 г., когда фирма «Кун, Лёб и К°» помогла «Иллинойсу» приобрести «Чесапик, Огайо и Юго-Запад». Когда в том же году возникла необходимость выпустить облигации «Иллинойс Сентрал», Шифф предложил поискать рынок сбыта для них во Франции и обсудил данный вопрос с Касселем и Нетцлином. Его предложение не увенчалось успехом, главным образом из-за непомерных налогов

и других сборов, которые пришлось бы уплатить во Франции. В сентябре 1895 г. Шифф переписывался с Гарриманом относительно подробностей другого займа, но в то время Гарриман в первую очередь занимался «Юнион Пасифик».

Свое высокое мнение о прежней финансовой политике «Иллинойс Сентрал» Шифф подтверждает в письме от сентября 1899 г. президенту компании Стуивзанту Фишу: «Позвольте Вас поздравить с мудрой политикой, которую Вы проводите много лет. Вы не жалеете средств на усовершенствование и прирост производственных мощностей, что, при нынешнем росте цен на все необходимое для железных дорог, должно стать для Вас большим утешением, как и для Ваших директоров и акционеров. Желаю Вашему правлению дальнейших успехов и т. д.».

В феврале 1900 г. Шифф снова пишет Фишу и выражает радость по поводу того, что компания приняла его предложение и постепенно наращивает интенсивность грузоперевозок: «С радостью узнал, что Вы согласны с моим мнением о том, что в будущем самыми необходимыми железными дорогами в Соединенных Штатах станут такие, которые смогут управляться с большими объемами битуминозного угля. Вместе с Вами я верю, что у компании «Иллинойс Сентрал» имеются все предпосылки для того, чтобы получить прибыль от увеличивающегося спроса на битуминозный уголь… Стремление компании развивать грузоперевозки, которые до сих пор считались пасынками других направлений, несомненно, принесет свои плоды».

Акции «Иллинойс Сентрал» в течение многих лет активно раскупались, и, как обычно бывает в таких случаях, полномочия при голосовании почти автоматически переходили к правлению. Когда «Юнион Пасифик» приобрела очень большой пакет акций компании, реинвестировав часть сумм, вырученных от продажи своих пакетов «Нозерн Пасифик» и «Грейт Нозерн», создалось новое положение. Летом 1906 г. назрело недовольство большинства директоров методами работы Фиша, и началась борьба за власть, которая в ноябре 1907 г. окончилась выбором в президенты Дж. Т. Харахана. В марте 1908 г., по требованию акционеров, Фиша уволили с поста президента компании. Сочувствие Шиффа было всецело на стороне Гарримана и его коллег в их желании исправить злоупотребления, допущенные в годы правления Фиша, и он приложил все усилия, чтобы разъяснить Фишу тяжесть ситуации и избежать открытого конфликта. 7 марта 1906 г., накануне своего отплытия в Японию, он телеграфировал Фишу из Сан-Франциско: «Позвольте еще раз подчеркнуть, что в конце концов вам обоим будет лучше, если вы придете к компромиссу».

Однако убедить Фиша оказалось невозможно, и в конце 1907 г. Шифф писал Касселю, что Фиш настраивает акционеров против Гарримана, чтобы вернуть себе влияние в «Иллинойс Сентрал», и уже добился по суду приостановления права участия в голосовании по авуарам «Иллинойс Сентрал»; что директора «Иллинойс Сентрал» посылают одного из вице-президентов за границу, чтобы ознакомить европейских акционеров с другой точкой зрения по данному вопросу; и если он, Кассель, последует его советам, это пойдет на пользу делу: «Разрыв с «Юнион Пасифик» станет несчастьем для «Иллинойс Сентрал».

Выше уже упоминался Джордж Гулд и железнодорожные компании, управляемые его семьей. Самые первые отношения Шиффа с «империей Гулда» связаны с компанией «Техас и Пасифик». Они с Касселем и Флемингом проявляли активный интерес к реорганизации дороги после кризиса 1884 г., и в июле 1886 г. Шифф писал Касселю, что Флеминг, который возражал против плана Гулда (представленного так называемым Филадельфийским комитетом), просит его вступить в его комитет, однако он еще не принял окончательного решения.

Кроме того, банк «Кун, Лёб и К°» принимал активное участие в финансировании других дорог Гулда. В 1897 г. «Кун, Лёб и К°» выпустил облигаций дороги «Сент-Луис – Айрон-Маунтин – Юг», дочерней компании «Миссури Пасифик», на сумму в 10 млн долларов; позже Шифф часто упоминает в письмах об обеих этих дорогах. Осенью 1898 г. он принял участие в дискуссии с Гулдом о реструктуризации облигационной задолженности «Миссури Пасифик», которую, как он считал, можно провести по единому плану.

Также уже упоминались разногласия, возникшие между Гарриманом и Гулдом после того, как последний приобрел контрольный пакет компании «Денвер – Рио-Гранде». Примерно в то же время проявились и разногласия между Гулдами и «Железнодорожной компанией Пенсильвании», особенно в связи с дорогой «Западный Мэриленд», которую Гулды хотели довести до Восточного побережья. Резкий конфликт окончился временным разрывом дружеских отношений между Гулдами и фирмой Шиффа, но после восстановления согласия, в основном усилиями Шиффа, дружба возобновилась.

В конце 1904 г., пока Шифф находился в Европе, его фирма вела переговоры по выпуску облигаций «Миссури Пасифик» на сумму в 25 млн долларов. Они были проданы весной 1905 г. В июле 1906 г. Шифф писал Полу Варбургу, что «Миссури Пасифик» хотела бы выпустить еще одну серию облигаций на сумму 25 млн долларов, чтобы довести до конца новые

финансовые планы, связанные с компанией «Уобаш». Но, как он объяснял Уинслоу С. Пирсу, который вел переговоры, в то время положение на мировых денежных рынках делало эмиссию невозможной.

В 1908 г. Пирс снова пригласил фирму Шиффа вместе с «Блэр и К°» участвовать в финансировании дорог Гулда. Речь главным образом шла о пролонгировании векселей «Уилинг – озеро Эри» на сумму в 8 млн долларов, под гарантии «Уобаша». После консультации с «Пенсильванией» и Гарриманом (который проявлял интерес к операции главным образом из-за «Балтимор – Огайо») и длительных переговоров Шифф наконец согласился, в доле с «Блэр и К°», внести авансом сумму, необходимую для покупки векселей. Две компании договорились о том, что они попытаются реструктурировать финансы «Уилинг – озеро Эри» на основе соглашения, по которому дорога снова станет совершенно независимой. По мнению Шиффа, это условие наилучшим образом отвечало интересам других крупных линий, сходящихся в Питсбурге. Как он писал Касселю 7 августа, если бы не удалось прийти к соглашению, «Уобашу» также пришлось бы объявить себя банкротом, и «возникла бы большая путаница. Конец честолюбивым планам Гулда о прямой линии до Атлантического океана, поскольку компания «Уилинг – озеро Эри», от контроля над которой он сейчас отказывается, была важным связующим звеном между «Западным Мэрилендом» – его восточной веткой – и «Уобашем».

В 1909 г. велись переговоры о финансировании «Миссури Пасифик», о чем 10 июля Шифф писал Отто Кану: «Я вполне убежден в том, что, если положение не изменится, облигации пойдут хорошо, несмотря на ощутимый спад в конце финансового года… Я почти не сомневаюсь, что «Миссури Пасифик», при надлежащем управлении, даже сейчас сможет сохранить свою ликвидность. Однако, если ненадлежащее управление и некомпетентность, столь характерные для компаний Гулда, проявятся и впредь, вопрос будет лишь таким: сколько продержатся новые облигации до того, как компания обанкротится. Доходы от четырехпроцентных обеспеченных облигаций «Миссури Пасифик Айрон Маунтин», из которых около 40 млн просрочены, очевидно, растрачены до последнего цента; скорее всего, то же самое произойдет и с новыми облигациями, если нынешней администрации позволят бесконтрольно распоряжаться доходами.

До того, как поставить свою подпись на облигациях, мы должны настаивать на назначении постоянного комитета экспертов, одобренного доверительным собственником. Без

санкции такого комитета невозможно будет расходовать средства, вырученные от продажи новых облигаций. В комитет могут войти генеральный управляющий компании «Миссури Пасифик», Лори и Корнелиус Вандербильт; во всяком случае, большинство его членов должны быть людьми, которых одобрим мы, точнее, доверительный собственник. Еще один вопрос, который необходимо решить, – гарантия контроля над дорогой «Денвер и Рио-Гранде»… потому что ценность «Миссури Пасифик» и ее облигационного долга, который значительно вырос, в огромной степени зависит от того, что компания, по сути, превращается в большую трансконтинентальную линию…

Просто не верится, что Гулд закроет глаза на ситуацию, которую я изложил выше, или откажется идти нам навстречу. Но, если нам не удастся его убедить, у нас не останется другого выхода… кроме отказа от участия, и пусть новое предприятие спонсируют другие. По этому вопросу я принял твердое решение, и никакие соображения прибыли или сиюминутного успеха… не должны влиять на нас».

Осенью, получив необходимые заверения от Гулда, Шифф дал согласие на участие в финансировании. 21 ноября он писал Касселю: «Однако мы предпочли пока не подписывать проспект эмиссии, но предложили облигации акционерам… Они очень дешевы и, скорее всего, не сразу вырастут до желаемого уровня».

4 февраля 1910 г. Шифф писал Флемингу: «Облигации «Миссури Пасифик» разошлись очень хорошо; около 2/3 приобрели акционеры, а оставшиеся, на сумму в 10 млн долларов, мы в основном разместили в Европе, так что в настоящее время осталось разместить облигаций всего примерно на 2–3 млн».

Однако «Миссури Пасифик» как будто неуклонно двигалась неверным путем. Разногласия во взглядах между банкирами и правлением оказались серьезными, хотя личные отношения оставались дружескими и предпринимались серьезные попытки достичь согласия. В феврале 1911 г. поползли упорные слухи о конфликте из-за методов руководства. Гулд все отрицал; он утверждал, что никаких противоречий нет и быть не может; что и Джону Д. Рокфеллеру, и фирме «Кун, Лёб и К°» давно известно его намерение уйти с поста президента, как только будет найден подходящий преемник; после предстоящих выборов в правлении будут представлены все важные объединения и группы, а его, Гулда, сделают председателем правления.

Попытки найти нового президента занимали много времени, и 4 апреля 1911 г. Шифф изложил свою точку зрения на происходящее Э.Д. Адамсу, который представлял берлинский

«Дойче Банк», еще одну крупную заинтересованную сторону: «Боюсь, что комитет… не учитывает важного факта: нельзя будет избрать тех, кто сейчас занимает ведущие посты на важных дорогах. Продолжая попытки уговорить кого-то из них, тратят много ценного времени и, до определенной степени, престижа. Для нас нынешнее положение дел представляется весьма плачевным, ибо у общественности в целом, и особенно у тех, кто заинтересован в ценных бумагах компании «Миссури Пасифик», в некотором смысле создалось впечатление, что назначение президента находится в наших руках, что, как Вам… известно, отнюдь не так. Сейчас мы лишь можем советовать, чтобы решение по данному вопросу было принято как можно скорее».

Гулд настаивал на кандидатуре человека, который, как было известно, придерживался сходных с ним взглядов, и Шифф и его фирма, поняв, что дальнейшие попытки прийти к согласию бесплодны, отказались от участия.

Тем временем реорганизация «Уобаша» затягивалась. 7 мая 1912 г. Шифф писал Бернарду М. Баруху: «Хотя мы очень часто обсуждали план реорганизации между собой, мы старались избежать слишком решительного внедрения наших замыслов, предпочитая выждать до тех пор, пока мы до конца не оценим возможностей компании после реорганизации… Мы сами являемся крупными держателями облигаций и хотим, чтобы с владельцами облигаций 4 %-ного займа поступили по справедливости, но в то же время мы считаем, что ответственность за реорганизацию более возляжет на нас, чем на отдельных членов комитета, кроме, может быть, председателя, и в силу этого, я уверен, Вы присоединитесь к нам в выработке плана, который сделает честь и нам и комитету».

«Миссури Пасифик» также находилась на грани реорганизации, и Шифф писал Флемингу: «В этом случае мы будем стремиться объединить держателей пятипроцентных конвертируемых облигаций, четырехпроцентных обеспеченных трастовых облигаций и, далее, четырехпроцентных рефинансирующих облигаций «Айрон Маунтин», чтобы защитить разные классы держателей облигаций… так как мы считаем, что все эти облигации, по сути, хороши и что, в случае кризиса, их ценность можно будет поддержать реорганизацией в их пользу».

Вскоре после того перспективы «Миссури Пасифик», пережившей ранее несколько серьезных ударов, особенно из-за весенних наводнений, улучшились, поскольку виды на урожай на Юго-Западе были очень хороши. Но, как писал Шифф Флемингу 15 июля 1912 г., члены правления возражали против реструктуризации «Уобаша» на уровне 40 долларов за акцию, что

обошлось «Миссури Пасифик» примерно в 5 миллионов.

Весной 1914 г. поползли новые слухи, снова неподтвержденные, что «Кун, Лёб и К°», а также некоторые другие компании собираются купить контрольный пакет «Миссури Пасифик», включая «Денвер – Рио-Гранде» и «Уэстерн Пасифик». Однако они всерьез думали над тем, чтобы изменить финансирование дороги, и Шифф писал Дэвиду Р. Фрэнсису, тогдашнему губернатору штата Миссури: «На основании тщательного расследования, которое, несмотря на ограниченные сроки, мы сумели провести, нам не кажется, что «Миссури Пасифик» находится в очень ненадежном состоянии, и мы считаем, что можно провести реструктурирование ее финансов, не прибегая к конкурсному управлению – разумеется, при условии, что влияние Гулда будет полностью устранено. Физическое состояние дороги кажется весьма удовлетворительным, и правление Буша, несомненно, хорошо на ней сказалось».

Предварительный план реструктуризации, предложенный фирмой «Кун, Лёб и К°», включал «добровольные действия держателей ценных бумаг, с целью избежать крупных расходов, проволочек и осложнений, связанных с реорганизацией по суду». Шифф и его фирма выразили желание произвести реструктуризацию, если после депонирования ценных бумаг большинство акционеров одобрят их участие, но предупредили, что любой предложенный ими план будет включать необходимые меры предосторожности против новых финансовых осложнений. В мае 1914 г., когда компания в очередной раз очутилась на грани банкротства с назначением конкурсного управления, Шифф и его партнеры снова попытались спасти дорогу. Компания попросила их договориться о пролонгации или отсрочке облигаций, выходящих в тираж, на сумму в 25 млн долларов, выпущенных другими банками, но «Кун, Лёб и К°» отказались от пролонгирования, так как, по их мнению, необходима была реорганизация финансовой структуры компании. От реорганизации компания отказалась, предложив держателям облигаций отсрочку на год, на что те, в свою очередь, согласились, дабы избежать банкротства. В июне 1915 г. подошел срок погашения, однако компания не смогла выполнить свои обязательства и была передана в конкурсное управление. По просьбе большого числа держателей ценных бумаг «Кун, Лёб и К°» приступили к реорганизации компании по плану, введенному в действие в июне 1917 г., что покончило с правлением Гулда над «Миссури Пасифик» и дочерними компаниями.

В 1898 г. мажоритарные акционеры предложили Гарриману

купить дорогу «Чикаго – Алтон». После исследования состояния дороги, проведенного С.М. Фелтоном (он вскоре после того стал президентом компании), Гарриман, решив, что «Чикаго – Алтон», при более современном управлении, способна стать весьма прибыльным предприятием, пригласил Шиффа, Джеймса Стиллмена и Гулда создать вместе с ним синдикат с целью покупки дороги. В письме Флемингу 5 января 1899 г. Шифф упомянул о переговорах относительно покупки «Алтона»: «…«Юнион Пасифик», «Иллинойс Сентрал», «Миссури Пасифик», а также, в некоторой степени, «Миссури, Канзас и Техас» могут осуществлять значительный объем перевозок по участку «Чикаго – Алтон», получив взамен важную связь с Чикаго».

В июле того же года он подробно писал Гарриману, который тогда находился на Западе, о планах по приобретению «Алтона». По его словам, он убеждал руководство «Юнион Пасифик» в важности восстановления добрых отношений с «Алтоном» и переброски части грузопотока по тому направлению. Гулду он незадолго до того писал, заручившись его активной поддержкой: «Если всем заинтересованным сторонам совместно удастся распутать железнодорожную ситуацию на Среднем Западе, по моему мнению, можно достичь важных результатов, которые принесут в перспективе прибыль не только отдельным веткам, но всем железным дорогам, которые проходят по этой территории».

В 1907 г., когда общественность широко обсуждала следствие по делу дорог Гарримана, Шифф написал два письма Рузвельту, в которых объяснял связь фирмы «Кун, Лёб и К°» с «Алтоном»:

«4 марта 1907 г.

Господин президент!

Следствие по так называемому «делу железных дорог Гарримана» завершено, и, насколько я понимаю, скоро Вам представят его результаты. Поскольку моя фирма, будучи финансовым агентом компаний «Юнион Пасифик» и «Чикаго – Алтон», также замешана в происходящем, считаю уместным… заранее предупредить о впечатлениях, которые, скорее всего, сложатся у Вас по поводу данного отчета.

Отнюдь не собираюсь защищать мистера Гарримана, который вполне способен сам о себе позаботиться, но цель расследования казалась вполне очевидной, а именно: уничтожить не только мистера Гарримана, но вместе с ним и тех, кто так или иначе был с ним связан, среди прочих и мою фирму. И я не могу не возражать против тех способов, какими старались достичь такого результата. Было ли необходимо вытаскивать на свет историю о реорганизации железнодорожной компании «Чикаго – Алтон»,

которая происходила восемь лет назад? Подробности сделки еще тогда стали достоянием гласности, но теперь представлены так, словно все дело произошло совсем недавно! Вполне вероятно, в 1907 г. прибегли бы к совершенно другим методам, чем в 1899 г., дабы добиться перемен в компании «Чикаго – Алтон», но невозможно игнорировать тот факт, хотя в ходе расследования его всячески старались принизить, что народ и территория, которые обслуживает «Чикаго – Алтон», оказались в высшей степени победителями благодаря предпринятым тогда мерам! Там, где в 1898 г. на одну милю перевозили 193 т грузов, теперь перевозят 364 т; там, где тогда перевозили 120 пассажиров… теперь перевозят 166! Может быть, Вам удастся выкроить время и прочесть статью на данную тему в газете «Коммерческая и финансовая хроника», написанную экспертом по финансовым и экономическим делам, которую я шлю Вам почтой и в которой ситуация разъясняется полностью и подробно.

Что касается «Юнион Пасифик», в 1897 г. компания была банкротом; она задолжала правительству около 60 млн, и никто не мог погасить эту задолженность, пока за дело не взялись мы. Благодаря… эффективному управлению она, несмотря на острую конкуренцию, превратилась в огромную трансконтинентальную компанию, высокодоходную для своих акционеров. Состояние самой дороги вызывает… восхищение всех, кто ею пользуется. Да, следствие показало, что моя фирма, как финансовый агент компании, получила значительную прибыль, но нельзя забывать о том, что риски, связанные с различными сделками, проведенными в сложных условиях, были необычайно велики, и я вполне уверен, что, если сравнить эту прибыль с прибылями, обычно получаемыми моей фирмой в крупных финансовых сделках, то суммы, полученные фирмой «Кун, Лёб и К°», окажутся скромными.

Мистер Гарриман, как все люди решительные и, следовательно, обладающие некоторыми диктаторскими замашками, нажил много врагов, и при чтении его показаний, данных в ходе следствия, складывается впечатление, что следователи находятся под влиянием его конкурентов. Все вопросы построены так, чтобы, по возможности, настроить против него общественное мнение.

Повторяю то, что недавно имел возможность сказать Вам при личной встрече: в то время как о методах, применявшихся в ходе следствия и способствовавших возбуждению общественного мнения, можно лишь сожалеть, я ни на минуту не склонен недооценивать положительное влияние Ваших усилий, которое уже привело и еще приведет к дальнейшим результатам. Вы

стремитесь восстановить справедливость, и обиженные, пусть даже несправедливо, должны понимать, что страдания отдельных личностей меркнут по сравнению с важными государственными целями…

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

«19 апреля 1907 г.

Уважаемый господин президент!

Перед тем как Вы примете окончательное решение по горячо обсуждаемому делу «Чикаго – Алтон», мне хотелось бы изложить Вам свое видение фактов, которое, как мне кажется, необходимо принять во внимание… Я собирался обратиться к Вам сразу же после окончания расследования, проведенного Комиссией по торговле между штатами, но, ввиду того, что я хочу не влиять на действия государственных служащих, но предотвратить ошибку… о которой я бы очень сожалел, я решил отложить письмо до окончания судопроизводства.

Мое письмо не требует ответа, и я ни о чем не прошу, кроме того, чтобы Вы обдумали то, что я хочу сказать, а также прочли прилагаемую биографию мистера Пола Д. Кравата, до того, как примете свое решение о сделках «Чикаго – Алтон». После недавнего расследования Комиссии по торговле между штатами отношение к компании мне кажется несправедливым и основано на неправильном истолковании фактов.

На протяжении семи лет ценные бумаги компании «Чикаго – Алтон» находились в руках обычных акционеров. Насколько мне известно, в течение этого, довольно продолжительного, периода времени никто не сомневался в надежности облигаций или акций компании, никто не обвинял правление в ненадлежащем состоянии дороги или в том, что правление расходует больше, чем принято в сходных компаниях; наоборот, все соглашались с тем, что после смены руководства дорога «Чикаго – Алтон» оказалась в превосходном состоянии, оборудования вполне достаточно, а обслуживание значительно улучшилось по сравнению с более ранними периодами ее существования. Почему же сейчас все так сурово нападают на компанию, если после того, как план реорганизации был представлен широкой публике, никто не критиковал его? Действительные же факты, которые я прошу Вас принять к сведению, таковы: В конце 1898 г. Джон Дж. Митчелл из Чикаго, президент «Иллинойс Траст энд Сейвингз Бэнк», обратился к Э.Г. Гарриману с предложением, чтобы последний выкупил контрольный пакет акций «Железнодорожной компании Чикаго – Алтон» с целью реорганизации ее финансов и

системы управления. Причины, представленные мистером Митчеллом, включали следующие: мистер Блэкстоун, многолетний президент и управляющий «Железнодорожной компании Чикаго – Алтон», уже стар; он допустил отрыв от компании многих предприятий, законно подчиненных «Чикаго – Алтон»; требовались крупные суммы для того, чтобы приспособить дорогу к современным требованиям и условиям; кроме того, директора, а также держатели акций, из которых мистеру Митчеллу принадлежал довольно большой пакет, выражают желание, чтобы новые отделения были взяты под контроль.

После совещания с ведущими директорами компании мистер Гарриман решил принять предложение мистера Митчелла; с целью покупки и реорганизации он призвал в помощь Джеймса Стиллмена, Джорджа Дж. Гулда и Джейкоба Г. Шиффа. Фирму «Кун, Лёб и К°» назначили финансовым агентом при образовании синдиката с целью привлечения необходимых для покупки средств, которые оценивались примерно в 40 млн долларов.

Джон Дж. Митчелл взял на себя сообщение с акционерами компании «Чикаго – Алтон»; он предложил им обычные акции по 175 % и привилегированные акции – по 200 %. Убеждение акционеров в том, что предлагаемые изменения необходимы, было столь сильным, что за сравнительно короткий срок предложение м-ра Митчелла приняли 97 % всех акционеров, в то время как м-р Гарриман и его компаньоны по синдикату, образованному фирмой «Кун, Лёб и К°», получили, как было задумано, контрольный пакет акций.

После этого составили план реорганизации, получивший одобрение всех заинтересованных сторон, в том числе Джона А. Стюарта, Джона Дж. Митчелла и других лиц, занимавших высокие посты – последний на протяжении многих лет был директором и крупным акционером компании и хорошо понимал ее потребности и возможности. В основном необходимо было отменить существующие высокодоходные облигации и дивидендные акции компании и заменить ценные бумаги с низкой дивидендностью: облигации и привилегированные акции, представлявшие ценность имущества, основанную на ее истинной стоимости и на прошлогоднем распределении дивидендов, и обычные акции, представлявшие будущую доходность, которую предлагалось увеличить с помощью щедрых отчислений на развитие хозяйства, а также внедряя прогрессивные методы управления, чего недоставало компании много лет. По окончательно принятому плану, предлагалось выпустить первые ипотечные облигации под 3 %, обеспеченные трастовые

облигации – под 3,5 %, привилегированные акции на основе 4 % дивидендов, а также обычные облигации. Обычные облигации призваны были обеспечить прибыль от сделки, так как на ее проведение необходимо было собрать более 60 млн долларов, в то время как привилегированные акции и облигации, вместе с суммой, которую, как ожидалось, внесет сама компания после декларации о дивидендах, рассчитанных на основе превышения доходов над расходами, должны были принести сумму, соответствовавшую вкладу наличными, который внес синдикат за покупку железнодорожной компании «Чикаго – Алтон», и средствам, выделенным на текущий ремонт. Представленный план воплощался в жизнь в 1899–1900 гг., и в свое время между участниками синдиката распределили новые ценные бумаги (кроме трехпроцентных облигаций на сумму около 17 млн долларов, проданных ранее).

Так как трехпроцентные первые ипотечные облигации считались ценными бумагами высокого класса и в 1899–1900 гг. возник большой спрос на ценные бумаги, пригодные для банковских инвестиций, на сессии законодательного собрания штата Нью-Йорк, открывшейся в январе 1900 г., внесли на рассмотрение проект закона о разрешении инвестиций сберегательных фондов в виде трехпроцентных первых ипотечных облигаций железнодорожной компании «Чикаго – Алтон». После тщательного расследования, проведенного комитетами обеих палат законодательного собрания штата, закон был принят. Его одобрил исполнительный комитет Ассоциации сберегательных банков Нью-Йорка (самый консервативный орган), разрешивший инвестиции. После того как его подписал губернатор штата, закон вступил в силу[16].

В свое время в соответствующий комитет Нью-йоркской фондовой биржи поступило заявление на официальную котировку 3 %-ных облигаций, 3,5 %-ных облигаций, привилегированных акций и обычных акций, а также на разрешение торговать данными ценными бумагами в помещении биржи. Члены комитета, давно и заслуженно славившиеся своей осторожностью, после тщательной проверки законности и легальности ценных бумаг и плана реорганизации единогласно рекомендовали разрешить официальную котировку и допущение ценных бумаг к сделкам на Нью-йоркской фондовой бирже, и эта рекомендация была впоследствии одобрена, без единого голоса «против», правлением биржи, состоявшим из сорока представителей высших постов. В листинге, представленном Нью-йоркской фондовой бирже, перечислены во всех подробностях все факты, касающиеся капитализации, в том числе и декларация о

выплате дивидендов в размере 30 %, продаже 3 %-ных облигаций акционерам по курсу 65 и точные корректировки выпуска не только облигаций, но и привилегированных и обычных акций. Сделка была проведена публично, и все ее стороны были всесторонне изучены акционерами и инвесторами в ценные бумаги.

3%-ные, а также 3,5 %-ные облигации сразу стали пользоваться большим спросом; их охотно покупали самые консервативные частные и корпоративные инвесторы, тот класс людей, которые, как правило, тщательно изучают те ценные бумаги, в которые они собираются вложить деньги. Привилегированные акции, которые, в самых первых сделках, котировались на уровне 70 %, вскоре взлетели до 80 % и выше и постепенно были раскуплены инвесторами как на Востоке, так и на Западе. Обычные акции, обладающие спекулятивным потенциалом, колебались в соответствии с тенденциями рынка, между 20 и 40 % от номинала.

Летом 1904 г. распространились слухи о том, что представители железнодорожной компании «Рок-Айленд» скупили на открытом рынке большие количества как привилегированных, так и обычных акций. Позже стало известно, что этим покупателям удалось приобрести обычных акций на сумму 16 млн из 20 млн долларов и привилегированных – на сумму 6 из 20 млн долларов, то есть подавляющее большинство всех акций. Цена этих акций, которые в конце концов очутились во владении компании «Рок-Айленд», приближалась к 35 % и 80 % для обычных и привилегированных акций соответственно. Компания «Рок-Айленд», объявив, что она вложила крупную сумму в приобретение акций «Чикаго – Алтон», чтобы предоставить средства для требуемых выплат, выпустила и продала на 10 млн долларов 4 %-ных рефинансирующих облигаций под залог своего железнодорожного имущества.

После санации, произведенной в компании восемь лет назад, репутация «Чикаго – Алтон» ни разу не подвергалась сомнению. Если репутация компании пострадала сейчас, то единственно вследствие нападок, каким подвергался план ее рекапитализации. Нападки явно противоречили интересам компании.

В предшествующем отчете, представленном Вам, я постарался изложить важные факты в том виде, в каком они известны мне. Свой отчет я составлял лично; о том, что я так поступил и собираюсь представить его Вам, не было известно моим партнерам. Упоминаю об этом, чтобы у Вас не сложилось впечатление, что отчет, возможно, результат коллективных, а не индивидуальных усилий, ибо он происходит единственно из

желания с моей стороны не вызвать у Вас заблуждения из-за моей связи с операциями компании «Чикаго – Алтон»…

Искренне Ваш

Джейкоб Г. Шифф».

После того как компания «Рок-Айленд» в 1904 г. купила достаточно акций для того, чтобы контролировать «Алтон», был образован голосующий траст [форма траста, возникающая, когда акционеры на определенный срок передают свое право голоса определенному лицу или небольшой группе лиц; в этом случае голоса многих акционеров концентрируются у одного или нескольких доверенных лиц, что упрощает управление компанией], и было решено, что «Алтоном» станут попеременно управлять компании «Юнион Пасифик» и «Рок-Айленд». В июне 1907 г. голосующий траст был распущен, и дорога всецело перешла в управление компании «Рок-Айленд».

Несмотря на это и, возможно, из-за многочисленных нападок на реорганизацию «Алтона», и Шифф и Гарриман по-прежнему ощущали свою ответственность за «Алтон», хотя их лишили права определять политику компании. Именно поэтому «Кун, Лёб и К°» совместно с Гарриманом, Джеймсом Стиллменом и «Юнион Пасифик» в 1912 г. договорились о приобретении на сумму до 20 млн долларов по курсу 90 третичные ипотечные облигации – ценные бумаги весьма сомнительного свойства – в последней попытке спасти компанию «Алтон», дела в которой, сначала под управлением «Рок-Айленд», а затем «Толедо, Сент-Луис и Уэстерн» («Клеверный лист», приобретший авуары «Рок-Айленда») шли все хуже. 7 июня 1912 г. Шифф писал Флемингу: «Мы считаем, что, если срочно и надлежащим образом взять «Алтон» в руки, дела в компании еще возможно исправить, хотя в последнее время компания управлялась очень плохо, что необходимо коренным образом изменить».

Шифф добавил, что пока они не собираются продавать приобретенные облигации, а хотят вначале попробовать восстановить хозяйство. При таком положении дел было куплено облигаций примерно на 18 млн долларов, и прибыль вложена в развитие хозяйства, но в конце концов проблемы «Алтона» стали такими серьезными, что в 1922 г. компания была передана в конкурсное управление. Главным образом так получилось потому, что финансовая структура, существовавшая до рекапитализации холдинговой компании и железнодорожной компании 1899 г., была изменена, а управление перешло к объединенной компании «Рок-Айленд», которая совершенно по-другому относилась к вопросам финансирования текущих

первоочередных нужд; кроме того, когда компания находилась под управлением «Клеверного листа», ее активы разбазаривались из-за недальновидной выплаты дивидендов по обычным акциям.

Тем временем «Рок-Айленд», под гнетом собственных трудностей, попыталась заручиться поддержкой «Куна, Лёба и К°». В 1908 г. «Рок-Айленд» предложил банку «Кун, Лёб и К°» участвовать в финансировании железной дороги «Сент-Луис – Сан-Франциско», которая в 1903 г. вошла в систему «Рок-Айленд» и переживала последствия чрезмерного и несвоевременного расширения. Известно, что фирма Шиффа обдумывала предложение, но по разным причинам не приняла его. И в 1909 г., когда трест «Йокум – Холи» собирался выкупить «Сент-Луис – Сан-Франциско» у основного общества «Рок-Айленд К°», Шифф и его фирма отказались участвовать в покупке и в сопутствующей ей эмиссии ценных бумаг.

В связи с реорганизацией «Чикаго – Алтон» в 1899 г. Шифф заинтересовался компанией «Чикаго Терминал», потому что, когда «Алтон» приобрела контроль над «Сент-Луис, Пеория и Нозерн» у берлинского «Дойче Банка», Гарримана и его друзей, особенно Шиффа, просили попытаться поднять статус компании «Терминал». Соответственно, в 1899–1900 гг. Шифф делал все возможное, чтобы содействовать продаже ее акций. Он уговаривал руководство тех железных дорог, на которые имел влияние, пользоваться терминалом и, с другой стороны, призывал правление терминала идти на все возможные уступки железнодорожным компаниям, чтобы не терять арендаторов. Когда правлению «Алтона» показалось, что для дороги слишком убыточно сохранять старые станции, Шифф написал Гарриману и напомнил ему о совместно взятых на себя моральных обязательствах: «Если можно придумать способ, как выручить «Чикаго Терминал», по-моему, мы должны им помочь».

Он часто посылал длинные письма в правление «Дойче Банка», особенно Артуру Гвиннеру, в которых объяснял сложность создавшегося положения и подробно перечислял, что он сумел и чего не сумел сделать. Например, 6 февраля 1900 г. он писал: «Хочу еще раз заверить Вас в том, что этот вопрос постоянно занимает меня, и мы с м-ром Гарриманом обсуждаем его почти каждый день, пытаясь найти способ, который повысит ценность имущества «Терминала».

Может быть, продолжал Шифф, лучше всего попробовать осуществить план, предложенный для крупного пассажирского вокзала «Юнион Стейшн» на Ван-Бюрен-стрит и в Чикаго-Луп, чтобы использовать все важнейшие дороги, входящие в Чикаго.

В целом он не считал, что компанией «Терминал» управляют

надлежащим образом. 11 мая 1900 г. он писал Гвиннеру: «Мистер Гарриман не верит – и в этом мы с ним сходимся – в то, что нынешняя финансовая основа компании «Терминал» прочна и что возможно увеличить ценность бумаг в их теперешнем виде. Иными словами, мистер Гарриман считает, что необходимо каким-то образом ликвидировать существующие ценные бумаги, а затем, возможно, под залог имущества… предложить акционерам новые ценные бумаги, которые окажутся солиднее существующих».

Положение не улучшалось, и в 1904 г. возникли серьезные сомнения в том, что компания «Терминал» сможет и дальше выполнять свои обязательства. На рынок выбросили огромное количество ее ценных бумаг, и 24 мая Шифф писал своему знакомому в Германию: «Мы сами купили большую часть облигаций, которые поступили на рынок, и будем продолжать наращивать свой пакет, пока цена падает, так как нам по-прежнему кажется, что реорганизация пойдет только на пользу интересам держателей облигаций и что после реорганизации облигации вырастут в цене».

Еще одной железнодорожной компанией, с которой Шифф поддерживал тесные отношения, была «Балтимор – Огайо», столетие которой отмечали в 1927 г. Это старейшая американская магистральная линия, которая в течение многих лет считалась одной из надежнейших. Но в 1886 г. она начала страдать от разных беспорядков. В 1890 г. Шифф обсуждал с правлением компании «Луисвилл – Нэшвилл» возможное приобретение этой дороги. В 1891 г. в отчаянной попытке спасти дорогу существенно увеличили ее основной капитал. В 1892 г. Шифф вошел в состав синдиката, созданного с целью выпуска новых акций.

Весной 1896 г. дорога «Балтимор – Огайо» переживала финансовый кризис. Шифф упоминает о нем в письме Флемингу из Флориды, которое свидетельствует о том, что в то время он не собирался принимать участие в реорганизации дороги. Но вскоре был назначен комитет по урегулированию дел компании. Руководить реорганизацией должны были лондонское и нью-йоркское отделения банка Спейера, а также «Кун, Лёб и К°». Дэниел Уиллард, президент «Балтимор – Огайо», вспоминает, что «Шифф активно участвовал в работе по реабилитации и реорганизации финансов компании. В числе прочего «Балтимору – Огайо» передали ряд объектов недвижимости, ранее управлявшихся по договорам аренды, через акционерные общества и т. д. Шифф помогал в реорганизации финансовой структуры компании… что позволило ей вырасти и расшириться, превратившись в одну из крупнейших железных дорог в стране».

В то время долгая и трудная реорганизация «Юнион Пасифик» близилась к завершению, и Шиффу не очень хотелось почти сразу приниматься за такую же задачу, но, взявшись за дело, он уделял ему почти все свое внимание. Реорганизация проводилась без лишения права выкупа заложенного имущества, и в 1899 г. дорога вернулась к владельцам.

«11 апреля 1899 г., когда реорганизация была практически завершена [продолжает Уиллард], Шиффа избрали директором компании, и он занимал этот пост до своей отставки 6 июня 1906 г. В это время он также входил в состав исполнительного и финансового комитетов. Мне говорили, что мистер Шифф на посту директора был очень активен, что он принимал дела компании близко к сердцу и отстаивал принцип, ставший сейчас общепринятым: процесс составления бюджета и контроль над его выполнением».

Шифф считал: для того, чтобы железная дорога снова процветала, ею нужно управлять не просто хорошо, но отлично. Он обращался за советами и к Гарриману, и к Хиллу. В письме Хиллу от 25 сентября 1899 г., в котором речь идет о разногласиях Хилла и Гарримана в целом, он замечает: «Для выработки политики, необходимой для «Балтимора – Огайо», Вам с мистером Гарриманом следует… взяться за руки, и если Вы так поступите, при Вашем опыте я совершенно уверен в будущем компании».

К началу 1900 г. Шифф решил, что финансы «Балтимора – Огайо» пришли в удовлетворительное состояние, и 29 января писал Хиллу: «Что касается финансов «Балтимора – Огайо», едва ли они доставят Вам много хлопот, так как данным вопросом занимается подкомитет, состоящий из мистера Саломона, мистера Гарримана и меня, и мы часто встречаемся с целью выработки наилучшей политики. Я совершенно уверен, что в течение примерно недели вопрос будет решен удовлетворительно».

В то время компания собиралась продавать облигации с двухлетним опционом по своим обычным акциям; тогда они шли по сравнительно низкой цене. Шифф посоветовал компании, в случае необходимости, выплачивать на 0,5 % больше, но не брать на себя таких обязательств в отношении акций, которые, возможно, за этот период значительно вырастут в цене. Он упорно критиковал проблемы управления и 25 июня писал Хиллу: «Кроме того, я согласен с Вами в том, что при нынешней организации «Балтимор – Огайо» не способна ничего добиться… С Вашей помощью и с помощью мистера Кассетта будет возможно вскоре создать структуру, которая окажет компании помощь и

будет способствовать ее интересам».

Вскоре после реорганизации значительную долю акций «Балтимора – Огайо» приобрела «Пенсильвания». 5 мая 1900 г. в письме Кассетту Шифф указывал, что «Пенсильвания» получит его полную поддержку в стремлении усилить свое представительство в совете директоров «Балтимора – Огайо», что, как он считал, будет в интересах компании. После этого времени его дебаты и переписка относительно «Балтимора – Огайо», естественно, велись в первую очередь с руководством «Пенсильвании», особенно с капитаном Грином, который временно исполнял обязанности председателя финансового комитета «Балтимора – Огайо».

Летом 1902 г. Шифф сообщал Флемингу, что серия облигаций, выпущенная банками «Кун, Лёб и К°» и «Спейер и К°», полностью распродана, и далее писал: «Компания «Балтимор – Огайо» находится в превосходном состоянии, но я согласен с Вами в том, что любое финансирование, какое возможно в ближайшем будущем… должно осуществляться через увеличение акционерного капитала. Я уже изложил эту точку зрения правлению и почти не сомневаюсь в том, что, если позволят обстоятельства, она будет принята».

В то время «Балтимор – Огайо» необходимы были около 30 млн долларов для приобретения акций «Ридинга», компании, которую, под руководством Кассетта, «Кун, Лёб и К°» приобрели на рынке от ее имени.

Уиллард, ставший президентом дороги в январе 1910 г., пишет о своих отношениях с Шиффом: «После того как я стал президентом компании, возникла… необходимость советоваться с мистером Шиффом и другими относительно ее финансовых требований, и я консультировался с ним по вопросам, имевшим отношение к делам «Балтимора – Огайо». Его советы всегда были уместными и конструктивными, и я считаю, что мне особенно повезло, так как я мог лично обращаться к нему за советом всякий раз, когда испытывал такую потребность. Не могу вспомнить случая, когда бы он сказался занятым или не хотел меня видеть; особенно в начале Великой войны я часто обращался к нему за советами.

Однажды, когда компания «Балтимор – Огайо» взяла на себя крупные финансовые обязательства, подходил срок выплат, а перспективы казались совсем не радужными, я пошел к нему, чтобы обсудить сложившееся положение, и хотя в то время он не мог предложить что-то определенное, он все же внушил мне чувство огромного облегчения. Когда я уже выходил из его кабинета, он сказал примерно следующее (я не могу сейчас

вспомнить его точные слова): хотя он сейчас не может сказать, как справиться с ситуацией, нужно надеяться на то, что все непременно разрешится, и я могу быть совершенно уверен в том, что мы с его помощью справимся… Так оно и вышло.

Помню еще один случай, когда я не мог решить, каким курсом следовать по вопросу, связанному с нашим финансовым положением. Я все ему объяснил, и он спросил, что бы я сделал, будь я единственным владельцем «Балтимора – Огайо». Я ответил ему сразу же, потому что предварительно много думал об этом и не сомневался, как поступить, если бы я мог решить вопрос наилучшим, как мне казалось, образом. Выслушав мой ответ, он сказал, что мне нужно обратиться к акционерам, как если бы я обращался к себе самому; если я, всецело обдумав вопрос, решил, как быть, будь я единственным акционером, значит, способ действий, который казался наилучшим мне в роли единственного владельца, возможно, пойдет на пользу и всем остальным акционерам.

Хотя наши с мистером Шиффом отношения, разумеется, в основном носили деловой характер, я также имел честь бывать у него дома и наслаждаться его гостеприимством. По мере того как крепло наше знакомство, продолжали расти мое уважение и восхищение его способностями и свойствами как банкира и как человека. Я рад, что имел возможность близко познакомиться с ним, и я перед ним в огромном долгу не только благодаря ценным советам, которые он всегда охотно давал по моей просьбе, но еще и благодаря его доброму и дружескому участию».

Через Гарримана и Леонора Ф. Лори, с которым Шифф близко познакомился, когда Лори был президентом компании «Балтимор – Огайо», он завязал тесные отношения с компанией «Делавэр и Гудзон», дела которой велись через его банк. Лори, став президентом компании, так вспоминал о своих непосредственных отношениях с Шиффом: «Когда я 10 апреля 1907 г. поступил на службу в компанию «Делавэр и Гудзон», спад на рынке, начавшийся в марте того года, продолжался. На компании висел огромный плавающий долг из-за того, что она приобрела рельсы в Канаде, контактные провода в районе Олбани (штат Нью-Йорк), угленосные земли в Пенсильвании и 10 тыс. грузовых вагонов, которые доставляли по нескольку сотен в день. Обязательства были взяты без всякого финансового обеспечения.

Первым делом я занялся выпуском облигаций, обеспеченных движимым имуществом, чтобы добыть деньги в уплату за вагоны. В конце концов облигации удалось разместить на рынке на выгодных условиях, так как они стали последними новыми железнодорожными ценными бумагами, проданными в том году.

Мистер Шифф охотно давал мне подробнейшие советы как относительно самой эмиссии, так и относительно условий выпуска, что оказало нам огромную помощь в управлении имуществом. Серия погашалась не ежегодно, но была рассчитана на срок в 15 лет, на 50 % дольше, чем общепринятый тогда срок погашения облигаций, выпущенных под покупку оборудования. Платежи в размере 1/15 от основной суммы должны были начисляться доверительным собственникам ежегодно, но в их размещении допускалась значительная широта. Их можно было использовать для покупки и погашения просроченных облигаций, обеспеченных движимым имуществом, или вложить в дополнительное оборудование. Несмотря на сложные рыночные условия, серия стала одной из самых больших из всех, когда-либо выпускавшихся в продажу».

23 мая 1907 г. «Кун, Лёб и К°» и «Ферст Нэшнл Бэнк» совместно провели данную операцию. В письме Отто Кану на следующий день Шифф сообщал, что примерно половина серии уже распродана. Через месяц он писал Максу Варбургу, что продано около 70 % от общего количества ценных бумаг.

В следующем, 1908 году он пишет о другой серии облигаций на сумму 20 млн долларов: по всей вероятности, «Кун, Лёб и К°» снова купят всю серию совместно с «Ферст Нэшнл Бэнк»; и что облигации, скорее всего, будут расходиться успешно, несмотря на застой на инвестиционном рынке. Но завершению сделки помешали юридические сложности, которые заняли некоторое время, как отмечено в письме Лори относительно этой сделки: «При размещении первых закладных и облигаций, обеспеченных первыми закладными и используемых для рефинансирования имущества компании «Делавэр и Гудзон», сложилась крайне затруднительная ситуация из-за того, что мы судились с правительством Соединенных Штатов по пункту о движимом имуществе закона Хепберна… нас могли обвинить в неуважении к суду, если бы мы заложили угленосные земли. Кроме того, большая часть имущества (например, ветка Олбани – Саскуэханна) была сдана в аренду или находилась в собственности (как ветка Нью-Йорк – Канада). Потребовалось много времени, терпения и изобретательности, чтобы разрешить данное положение; мистер Шифф неизменно входил во все подробности… и оказал нам большую помощь».

Много времени и сил Шифф уделял и железнодорожной компании «Чикаго, Милуоки и Сент-Пол», которая тогда находилась в ведении Уильяма Рокфеллера. В 1909–1913 гг. банк «Кун, Лёб и К°» принял участие в размещении на рынке ценных бумаг данной компании, стоимость которых составляла не менее

118 млн долларов, а также ценных бумаг ее дочерней компании, «Чикаго, Милуоки и Пьюджет-Саунд», на сумму 25 млн долларов.

В мае 1910 г. «Кун, Лёб и К°» разместили в Париже серию облигаций «Сент-Пола»; по мнению Шиффа, данный шаг помог бы разрешить финансовую ситуацию в Нью-Йорке. Однако с данной компанией Шифф имел дело исключительно как банкир; он скупал ценные бумаги, когда правление дороги выражало желание продавать, и не поддерживал никаких личных отношений с руководством компании, характерных, например, для его отношений с «Грейт Нозерн», «Пенсильванией» и «Юнион Пасифик».

Подробное описание многочисленных связей Шиффа с железнодорожными компаниями займет много места и времени. Однако стоит особо упомянуть о его отношениях с компанией «Нью-Йорк, Онтарио и Уэстерн», с чьим президентом, Томасом П. Фаулером, Шифф много лет поддерживал самую тесную дружбу. В 1894 г., когда его сын должен был пройти подготовку в сфере управления и финансов железных дорог, Шифф отправил его в штаб-квартиру «Онтарио», где тот провел целый год. Он часто хвалил методы руководства Фаулера. За то время, что Фаулер был президентом компании, дорога, которая ранее находилась на грани банкротства, стала процветающей.

Летом 1885 г. Шифф находился в Европе, где они совместно с Касселем скупали ценные бумаги «Онтарио» и проводили консультации с амстердамским банком «Вертхайм и Гомпертц» о том, как вывести дорогу из ее тогдашних затруднений. Особенно Шифф стремился финансировать плавающий долг и погасить привилегированные облигации, с тем чтобы основной массив составляли обычные акции – хотя у него имелись пакеты и тех и других. В письмах от мая 1885 г. упоминается планируемый выпуск для этой цели доходных облигаций на 15 млн долларов и позже – на 17 млн долларов. По возвращении в Нью-Йорк Шифф узнал, что в его отсутствие стороны пришли к соглашению. Все произошло не совсем так, как он хотел; но в целом он остался доволен. Он принимал участие в выпуске облигаций «Онтарио» в 1886 и 1889 гг., а затем снова – в 1892 г.

В июне 1904 г. он написал Отто Кану, который тогда был в Париже, что они без лишнего шума скупают акции «Онтарио»; в конце же июля он писал другу: «Несколько месяцев назад мы узнали, что контрольный пакет «Нью-Йорка, Онтарио и Уэстерн» в свое время вырастет в цене и будет пользоваться спросом, возможно, у таких железнодорожных компаний, как «Нью-Йорк Сентрал», «Делавэр и Гудзон», а также «Нью-Йорк, Нью-Хейвен и Хартфорд», какой-либо из них либо всех, и потому мы решили

приобрести достаточное количество акций компании, чтобы приобрести такой контроль, считая, что 250 тыс. акций из общего количества около 580 тыс. будут достаточными для такой цели».

Этот пакет в октябре того же года был продан компании «Нью-Йорк, Нью-Хейвен и Хартфорд», которая тогда начала расширяться. Впоследствии, в июне 1907 г., Шифф, судя по всему, предоставил дороге небольшой заем.

В 1883–1886 гг. они с Касселем проявляли активный интерес к строившейся тогда ветке Техас – Сент-Луис. После кризиса 1884 г. необходима была реорганизация, и Шифф в сентябре 1885 г. предложил Касселю предоставить дороге заем, хотя и небольшой. В марте 1886 г. он, судя по всему, передумал, так как советовал Касселю избавиться от соответствующих ценных бумаг, как только представится подходящий случай: «Я отнюдь не разделяю радужного мнения о реорганизации, которое, очевидно, царит повсюду».

В начале 1907 г., когда в самой Америке практически невозможно было изыскать нужные средства, поскольку «Кун, Лёб и К°» год назад открыли французский рынок для облигаций «Пенсильвании», компания «Нью-Йорк, Нью-Хейвен и Хартфорд», которая не принадлежала к числу их постоянных клиентов, поручила им разместить во Франции серию своих ценных бумаг на сумму около 28 млн долларов. В январе 1914 г., когда компания «Нью-Хейвен» переживала трудности, Шифф писал Говарду Эллиоту, председателю совета директоров: «Ввиду выданного Вами разрешения мы перешлем Ваше письмо в Париж, банкирам, которые разместили французскую серию облигаций компании «Нью-Йорк, Нью-Хейвен и Хартфорд», и надеемся, что Ваши искренние заявления придадут им уверенности в том, что им и держателям Ваших облигаций не о чем беспокоиться, так как их инвестициям ничто не угрожает».

Рост населения и транспорта в крупных городах чрезвычайно затрудняли грузоперевозки. Сложнее всего положение оказалось в Чикаго; чтобы справиться с задачей, в 1905 г. там построили систему туннелей с вагонетками, практически систему подземных грузовых железных дорог, которую эксплуатировали железные дороги и пароходства. Шифф владел акциями компании «Туннель», в правление которой входили Арморс, Тарриман и Стиллмен. Он признавался Гарриману, что такого рода дела не особенно любит и его фирма занялась этим только из уважения к Гарриману. После ряда превратностей судьбы компания «Туннель» столкнулась с серьезными трудностями, и к 1911 г. назрела необходимость ее реорганизации.

В чем-то сходная проблема, только связанная с

пассажирскими перевозками, существовала в Нью-Йорке, для чего Уильямом Макэду и фирмой «Харви Фиск и сыновья» была сконструирована и построена железнодорожная ветка Гудзон – Манхэттен. После того как компания столкнулась с финансовыми трудностями, Шифф приступил к изучению ситуации по просьбе Флеминга, крупнейшего акционера.

Движение по ветке во многом определялось так называемыми сезонными перевозками в пригородах Нью-Джерси. 8 ноября 1912 г. Шифф писал Флемингу: «Я, как и Вы, верю в будущее дороги, но считаю, что она не сразу станет рентабельной. Необходимо учитывать также, что после того, как мы построим в Нью-Йорке разветвленную систему подземки, которая сейчас обсуждается, люди предпочтут жить там, откуда можно будет доехать за пять центов, то есть в Бронксе, в Кингсе или Куинсе, а не добираться по туннелю на другой берег Гудзона, в Нью-Джерси, где приходится пересаживаться на другой поезд или трамвай, чтобы добраться до дома, и снова платить за проезд».

По этой причине, продолжал он, фирма «Кун, Лёб и К°» в свое время настояла на значительном урезании накладных расходов во время грядущей реорганизации финансовой структуры компании. Их предложение было принято.

В июле 1913 г. он писал Полу Варбургу, что реорганизацию одобрила Комиссия по вопросам обслуживания населения, и добавил: «Мы вложили много денег, но реорганизация будет полной».

Глава 4

До развития нефтедобывающей промышленности крупнейшие после железных дорог инвестиции в США и соседних странах связаны с добычей полезных ископаемых. Еще в 1888 г.

Шифф писал Касселю об акциях компании «Бостон – Монтана», которые привлекали большое внимание в Европе.

Через Касселя Шифф в 1890 г. приобрел акции компании «Анаконда». В то время Гуггенхаймы из Нью-Йорка уже разрабатывали серебряные, свинцовые и медные месторождения; 15 мая 1891 г. Шифф познакомил Дэниела Гуггенхайма с Хэмилтоном Смитом-младшим, управляющим лондонской «Эксплорейшн К°»: «Я подумал, что знакомство с Вами приведет либо к развитию прямых отношений между м-ром Гуггенхаймом и Вашей компанией, или, если это невозможно, Вы сможете дать ценные советы мистеру Гуггенхайму по вопросу о том, как ему лучше учредить представительство в Вашем городе».

Шахты и разработки переживали периоды взлетов и падений, но Шифф по-прежнему не сомневался в будущем «Анаконды». 16 сентября 1891 г. он писал Касселю, что считает: Дж. Б. Хеггину, главе «Анаконды», следует предоставить просимый им заем в размере 250 тыс. фунтов стерлингов; Огаст Белмонт ведет с Хеггином переговоры от имени Ротшильда; с ним, Шиффом, часто советуются по этому поводу и держат в курсе всех дел; и что необходимо одобрить предпринятые Белмонтом шаги, направленные на соглашение с Хеггином. То, что он переубедил Касселя, ранее сомневавшегося в перспективах компании, становится ясно из следующего письма Хеггину от 18 июля 1895 г.: «Примерно месяц назад, находясь в Монтане, я познакомился с Маркусом Дэли, от которого… узнал, что владельцы компании «Анаконда» намереваются разместить часть акций на рынке по новому плану капитализации, чтобы всегда иметь открытый рынок и цену, по которой можно определять стоимость акций. Если моя фирма или наши лондонские друзья, в число которых входит знакомый Вам мистер Кассель, могут способствовать в продвижении акций «Анаконды», капитализированных недавно, буду рад обсудить этот вопрос с Вами».

25 октября в письме Хиллу он сообщал, что покупка акций «Анаконды» завершилась удовлетворительно. 29 октября он писал Маркусу Дэли: «Хочу выразить… радость в связи с тем, что переговоры по «Анаконде» наконец завершились, как я надеялся, к удовлетворению всех сторон. С тех пор, как около четырех лет назад я впервые осмотрел Ваши огромные владения и еще больше

увидел в ходе своего приезда прошлой весной, на меня произвели огромное впечатление их размеры и несомненная ценность, и я рад, что наши лондонские друзья согласились с точкой зрения, которую я изложил им, когда у нас появилась возможность приобрести акции новой компании».

15 марта 1896 г. он писал Касселю из Билтмора (штат Северная Каролина): «Нам обоим следует уделить пристальное внимание «Анаконде», потому что я не сомневаюсь, что скоро у нас появится возможность купить весь пакет Хеггина и его партнеров… При надлежащем управлении, которого прежде не было, и при достаточных оборотных средствах «Анаконда» покажет блестящие результаты, если только все доступные нам отчеты о ее деятельности не вводят нас в заблуждение. Особенно это оправданно, если объединить всех производителей меди – что в конце концов неизбежно».

В 1900 г., когда Дэниел Гуггенхайм и его братья создавали «Гуггенхайм Эксплорейшн К°», Шифф порекомендовал им умеренную капитализацию. Через несколько лет Гуггенхайм, по рекомендации Шиффа, встречался с Касселем, и после их беседы в декабре 1904 г. Шифф обсудил с Касселем финансирование как «Американ Смелтинг & Рефайнинг К°», так и компании «Эксплорейшн». 1 мая 1905 г. его фирма разместила на рынке через синдикат на 25 млн долларов гарантированных «плавильных акций», и «заявок на участие в синдикате было столько, что мы едва могли отдать самым серьезным претендентам половину того, что они хотели». 8 декабря 1905 г. он выражал удовлетворение размещением 13 тыс. «плавильных акций» в Голландии через «Хоуп и К°» и Амстердамский банк. 8 февраля 1906 г. он писал Флемингу: «Из пятипроцентных привилегированных «плавильных акций» мы продали около 15 млн, и еще предстоит разместить около 10 млн. Возможно, это окажется медленным процессом; но эти ценные бумаги кажутся мне исключительным случаем, и со временем нераспроданный остаток, несомненно, найдет своих покупателей».

Он по-прежнему информировал своих европейских корреспондентов не только об акциях плавильных компаний, но и о «Гуггенхайм Эксплорейшн К°» и «Аляскинском синдикате», которые впоследствии образовали Гуггенхаймы. Шифф живо интересовался операциями «Эксплорейшн» и поддерживал близкие личные отношения с Дэниелом Гуггенхаймом и его братьями, о чьих способностях и здравом смысле он придерживался высокого мнения. Летом 1910 г. он совершил поездку на Аляску и писал своим корреспондентам о сильном впечатлении от достижений Гуггенхаймов.

Впервые Шифф проявил интерес к компаниям Вестингауза благодаря Полу Д. Кравату, который был одновременно консультантом Джорджа Вестингауза и фирмы «Кун, Лёб и К°». 10 мая 1907 г. Шифф писал Полу Варбургу, что «Куну, Лёбу и К°», наверное, придется пролонгировать на 6 млн ценных бумаг «Вестингауз Электрик», подлежащих выплате в августе, добавив: «Если, конечно, нам следует зайти так далеко».

Ему казалось, что финансами компании управляют не консервативно, хотя новый выпуск ценных бумаг в июле был распродан за два-три дня. 4 ноября он писал Касселю: «Вестингауз, наверное, служит лучшим примером тех обстоятельств, которые по большому счету определяют нынешнюю ситуацию. Я лично, как и другие знакомые, предупреждал м-ра Вестингауза, что, если он не наложит разумных ограничений на свои предприятия, какими бы прибыльными они ни были, его компании не сумеют пролонгировать кредиты, когда начнется финансовая паника, и тогда им грозит крах. Несмотря на все заверения, что он держит финансовое положение под таким же контролем, как свои заводы и их выработку, он и его предприятия пали жертвами первых трудностей, которые начались при размещении векселей. Питтсбургские банки, по рекомендации которых заводы Вестингауза отданы в руки трех ликвидаторов, которые сейчас держат дела под полным контролем, как будто не особенно встревожены и уверяют, что кредиторам, особенно кредиторам компании «Вестингауз Электрик К°», нечего бояться. Оправдан ли столь оптимистический подход, пока трудно сказать. Мы предпочитаем верить в то, что понадобится тщательная реорганизация».

На собрании правления в декабре 1908 г. у Шиффа возникли серьезные разногласия с Вестингаузом, но 31 декабря он писал, в ответ на письмо последнего: «Я… выражаю полную готовность принять протянутую Вами руку, и пусть все недоразумения останутся в старом году. Будем надеяться, что Новый год принесет лишь добрую волю и дружбу от Вас и всех, кого я уважаю».

Обеспокоенностью делами компании отмечено и более позднее письмо Эдварду Р. Аткинсу от 24 ноября 1911 г.: «Мы чувствуем значительную ответственность… в связи с надлежащим и независимым управлением «Вестингауз К°». Как Вам известно, мы финансировали компанию до ее банкротства, выступали за ее реорганизацию и до сих пор поддерживаем контакт с мистером Матером, последним председателем компании. Поэтому мы против того, чтобы во главе компании стоял человек, о котором

нам на личном опыте не было бы известно, что он не только очень способный, но и не зависит от сторонних влияний, могущих возобладать над интересами «Вестингауз К°». Мы понимаем, как необходимо и важно, чтобы «Вестингауз К°» поддерживала мир и согласие со своим главным конкурентом, но мы с тревогой относимся к тому, что интересы компании могут так или иначе уступить интересам влиятельных конкурентов.

Уильям Торн, один из кандидатов, кажется нам – если его удастся убедить принять предложение – особенно подходящим для поста председателя. Он накопил большой опыт на посту директора по закупкам «Юнион и Сазерн Пасифик», где, по-моему, проработал около десяти лет, сохраняя независимость от любых влияний. Он неизменно вызывал полное одобрение и мистера Гарримана, которому нелегко угодить, и нынешнего руководства компании. Убежден, что мистер Торн обладает опытом и качествами, необходимыми для председателя такого концерна, как «Вестингауз К°». Я знаю, что Вы принимаете близко к сердцу процветание и успех компании, и поэтому пишу Вам так свободно, надеясь, что, станет ли председателем мистер Торн или другой, решение будет одобрено нами и мистером Джарви. Мне кажется, что, наряду с другими соображениями, это элементарная учтивость, на которую имеют право голосующие доверенные лица».

Джеймс Дж. Джарви, председатель Кредитного банковского комитета, который часто консультировался с Шиффом по этому трудному и не всегда приятному делу, также вспоминает о проблемах 1907 года: «Надо отдать должное мистеруру Шиффу и его требованию справедливого и равного обращения с тогдашними акционерами и кредиторами и его здравым методам финансирования, благодаря чему компания была в конце концов восстановлена. Он встал на сторону кредиторов и акционеров, он решительно был настроен защищать их и употребил на их защиту все свое влияние. Некоторые влиятельные доверенные лица придерживались противоположных взглядов. Они пробовали убеждать мистера Шиффа и давить на него, но он оказался непреклонен. Он внимательно выслушивал всех, однако мужественно и откровенно отстаивал свои взгляды. Его убеждения были продуманными, и потому он не шел ни на компромиссы, ни на уступки. В конце концов он победил благодаря своей решимости, оставшись на заднем плане как пылкий поборник справедливости. Требуемые новые деньги были найдены и приняты только на основе совместных действий со старыми кредиторами и акционерами».

Развитие общественного транспорта в Нью-Йорке – трамваев,

надземного сообщения и метро – было сопряжено со многими бурями и политическими превратностями. Когда компании «Метрополитен» и ее дочерняя фирма «Третья Авеню» потерпели финансовый крах и делались попытки их реорганизовать, 17 июня 1909 г. Шифф писал: хотя с «Метрополитен», скорее всего, ничего не удастся предпринять до зимы, зато реорганизацию «Третьей Авеню» можно организовать в короткие сроки, и восстановить компанию будет нетрудно.

Из-за общего кризиса транспортных компаний пострадали крупные и мелкие инвесторы. Когда положение обострилось, на тех, кто имел отношение к городскому общественному транспорту, в том числе на Шиффа, набросились так называемые реформаторы. Шифф был против роста предела городского долга ради дальнейшего стремительного строительства транспортных сетей. Он пылко защищал свою точку зрения в письме Р. Фултону Каттингу 29 марта 1909 г.: «Все, кто способен разобраться в происходящем без предубеждения, согласятся, что наш банк осуществлял лишь законные сделки с компаниями, занятыми строительством городского транспорта. Из этих сделок, по нашему мнению, фирма вышла с чистыми руками, пусть и с большими потерями… В Нью-Йорке нет ни одного банкира, который до 1907 г. не испытывал бы сомнений относительно финансирования городских транспортных сетей, чем занималась наша фирма. Не только облигации «Метрополитен» и «Третьей Авеню» два года назад считались превосходными, но и их акции в целом считались высококачественными. Случившийся впоследствии крах, как всем понятно, вызван условиями, за которые ни один разумный человек не возложит вины на наш банк. Более того, банк, надеясь на срочную реорганизацию, скупил почти на 1 млн долларов облигаций, выходящих в тираж, когда компании «Метрополитен» и «Третья Авеню» впервые не выполнили свои обязательства по контракту. Вполне логично, что я воспринял крах этих облигаций как довод против того, чтобы освободить эти облигации, выпущенные для строительства подземки, от предела долга. Ценой больших потерь я понял, насколько нестабильны условия для развития городского транспорта в Нью-Йорке. То, что в недавнем прошлом произошло с наземным транспортом, вполне может произойти в будущем с подземкой».

В 1910 г. ликвидаторы, управляющие «Нью-Йорк Сити Рейлуэй К°», предъявили иск, одним из обвиняемых по которому стал сын Шиффа, в то время находившийся в Европе. Естественно, дело получило большой резонанс; газеты и журналы ожесточенно занимались процессом, который впоследствии получил название

«копания в грязном белье». Хотя обычно Шифф не поддавался на такую критику, нападки глубоко задели его. В письме Роберту В. Де Форесту он излагает историю своих отношений с нью-йоркскими транспортными компаниями:

«14 апреля 1910 г.

Уважаемый мистер Де Форест!

Как я уже говорил Вам при встрече, в отсутствие моего сына, который сейчас находится в Европе, я особенно огорчен недавними измышлениями, смысл которых сводится к тому, что он и другие ответчики, ожидающие решения суда по делу о ликвидации «Нью-Йорк Сити Рейлуэй К°», якобы стремились замять дело и даже предлагали 5 млн долларов в виде «возмещения».

В публикациях утверждается, что предъявить иск посоветовал мистер Джозеф Г. Чоут. Ссылка на него добавляет солидности такого рода измышлениям… Я тем более удивлен поступком мистера Чоута, что наша фирма в течение многих лет была клиентом его адвокатской конторы, особенно в то время, когда партнером мистера Чоута был мистер Бимен, и потому любые нападки, подкрепленные словами мистера Чоута, бесконечно больнее для нас, чем слова любого другого юриста.

Я не ответчик по делу; моего сына сейчас здесь нет, и он не может защищаться; обвинение в том, что он якобы предлагал некое «возмещение», оскорбительно и должно быть опровергнуто, поскольку оно ложно. Независимо от исхода дела, я предпочел бы подобным измышлениям даже обвинительный приговор в суде. От имени моего сына, который является также моим партнером, я намерен урегулировать все вопросы, связанные, судя по всему, с недоразумением… тем более что предложенный план… во многом облегчит реорганизацию и, возможно, восстановление «Метрополитен» и защитит держателей ее ценных бумаг. Но я ни на минуту не допускаю мысли и не позволю намекать на то, что мой сын или любой другой служащий моей фирмы имеет отношение к попыткам, прямым или косвенным, урегулировать вопрос незаконными методами…

Я слишком долго вынужден был молчать и терпеть необоснованные нападки на мою фирму и моих компаньонов. Если оказывается, что обвинения, содержащиеся в исках и других юридических документах, являются голословными или клеветническими, мне говорят, что они несущественны и не имеют прямого отношения к делу; когда я выражаю возмущение из-за огульных обвинений, с которыми не должен мириться ни один уважающий себя бизнесмен, мне говорят: доверительные

заявления по закону могут делать прокуроры, советники и адвокаты; если я сталкиваюсь с заведомо неточными, искаженными и часто ложными публикациями, мне говорят: ниже нашего достоинства ругаться с любителями ворошить грязное белье, что те, кто разбирался со мной и моей фирмой, знают, что мы сознательно не допустили бы ничего противозаконного или мошеннического и что мы можем положиться на наше доброе имя…

Впервые мой банк вступил в отношения с «Метрополитен» в 1900 г., когда руководство компании попросило нас приобрести облигации на сумму в 35 млн долларов с целью выплаты долга компании «Третья Авеню», которая тогда находилась в руках временного управляющего, назначенного судом Соединенных Штатов, и с другими корпоративными целями. Тогда контроль над «Третьей Авеню» получили мистер Уитни и его компаньоны. До них мы не поддерживали никаких контактов с нью-йоркскими транспортными компаниями, и мы были не в том положении, чтобы знакомиться с подробностями управления и работы таких компаний. Мы банкиры, а не управляющие и не машинисты. До того как компания «Третья Авеню» в 1899–1900 гг. была передана в конкурсное управление, ее репутация считалась надежной, а судя по отчетам, которые они нам тогда представили, мы пришли к выводу, что у компании хватит ценных бумаг на выпуск облигаций, что прибыль достаточна для выплаты процентов по ним и что мы, следовательно, можем купить облигации, что мы и сделали. Мы заплатили компании «Третья Авеню» за пакет стоимостью 35 млн долларов почти по номиналу…

В связи с этим выпуском облигаций мы сделали все, что в наших силах, чтобы защитить держателей облигаций и предотвратить перемещение самих облигаций или доходов по ним. Насколько я помню, тогда мы… консультировались с представителями фирмы «Эвартс, Чоут и Бимен», в частности, с мистером Бименом, а также с фирмой «Сьюард, Гатри и Стил», к услугам которой мы прибегли после того, как они наняли мистера Бимена…

Насколько я понимаю, на Комиссии по вопросам обслуживания населения утверждалось, что свыше 11 млн долларов прибыли от этих облигаций было растрачено – и это несмотря на то, что, как мне доложили, в бухгалтерских книгах компании «Третья Авеню» не нашли никаких расхождений, а суд Соединенных Штатов постановил, что все облигации были выпущены надлежащим образом, и несмотря на то, что ранее на Комиссии по вопросам обслуживания населения было показано, что прибыль от облигаций расходовалась по назначению. Как бы

там ни было, мой банк выступил добросовестным приобретателем; всю прибыль от облигаций до последнего доллара мы намеревались пустить на выплату долгов компании «Третья Авеню» и на создание корпорации.

Наш следующий контакт с нью-йоркскими транспортными компаниями состоялся зимой 1901–1902 гг., когда, по просьбе мистера Уитни, мистера Вриленда и их партнеров мы откликнулись на предложение о реорганизации финансов системы «Метрополитен» и с этой целью привлекли и разместили дополнительные средства на сумму около 23 млн долларов.

Представленные нам расчеты и предварительные оценки показались нам удовлетворительными. В подобных сделках нам приходится до известной степени полагаться на отчеты, представленные нам руководством и людьми, знакомыми с практической деятельностью того или иного предприятия. Мы постоянно покупаем ценные бумаги на очень крупные суммы, будучи совершенно уверены в точности тех сведений, которые содержатся в декларациях, представляемых нам руководством компаний. Более того, в большинстве случаев невозможно было бы вести дела, если бы банкиры не доверяли подобным декларациям. Бизнес в цивилизованном мире, и прежде всего в нашей стране, основан на доверии и хорошей репутации.

Эти декларации и предварительные расчеты будущих прибылей, на основе которых мы приступили к образованию синдиката и организации «Метрополитен Секьюритиз Компани», оказались неточными, отчего больше всех пострадали именно мы… В отчетах, представленных нам мистером Врилендом, утверждалось, что система имеет большую ценность и вполне рентабельна. На основе этих отчетов наш банк и стал действовать: мы предоставили заем в размере 23 млн 400 тыс. долларов.

Все факты, имеющие отношение к этим операциям, все документы и все шаги, предпринятые моим банком, подробно рассматривались в связи с делом Уормсера. Нашими адвокатами выступали представители фирмы «Гатри, Кравat и Хендерсон». Верховный суд, в лице судьи Скотта, вынес решение в нашу пользу и подтвердил правомерность и законность операций. Приговор был утвержден в апелляционной комиссии и Апелляционном суде. Единогласное мнение всех трех судов, безусловно, служит полным и достаточным подтверждением, но, к сожалению, общественное мнение не знакомо с решениями судов или быстро о них забывает. Достаточно будет процитировать одну фразу из речи покойного судьи Паттерсона, а именно: «Мы тщетно искали в записях какие-либо указания,

способные опорочить честность и добросовестность всех сторон, связанных с операциями, вследствие которых компания «Интерурбан Стрит Рейлуэй К°» (ныне «Нью-Йорк Сити Рейлуэй К°») стала арендатором».

Трехпроцентные облигации «Интерурбан Компани» действительно подлежали погашению по номиналу – и были впоследствии погашены по номиналу. Нам говорили, хотя мы и так знали, что облигации корпораций по закону могут продаваться ниже номинала, по истинной рыночной цене. На протяжении многих лет мы покупаем облигации корпораций по цене ниже номинала… Это распространенная практика. В 1902 г. необеспеченные трехпроцентные облигации такой компании, как «Интерурбан», стоили 70 % от номинала, если не меньше. Конечно, за такие деньги их невозможно было продать на рынке. Во всяком случае… я по опыту знаю, что выпуск таких необеспеченных облигаций по курсу 70 был совершенно легален и их цена – вполне разумной. Необеспеченные облигации подлежали погашению по номиналу. Распространенной практикой является предусматривать для всех облигаций акционерных обществ цифру, по которой их можно выкупить, так как в противном случае они не окупятся до погашения. Условие выкупа по номиналу облигаций трехпроцентного займа компании «Интерурбан», как мне сказали, было внесено в договор по инициативе наших юристов.

Остается рассмотреть юридические вопросы, связанные с делом, находящимся в судопроизводстве. Не рискну обсуждать их подробно, это лучше предоставить юристам. Но мне сообщили, что облигации были погашены по номиналу, потому что так было предписано условиями сделки и потому что наши юристы сочли данное условие допустимым с точки зрения закона. Насколько я понимал и считал в то время, как понимаю и считаю сейчас, директора считали, что, поскольку компания «Метрополитен Секьюритиз» владеет всеми акциями и всеми облигациями компании «Интерурбан» («Нью-Йорк Сити»), облигации следует погасить должным образом и никто не понесет ущерба. То, что погашение последовало вскоре после эмиссии, – не обязательно доказательство непредусмотрительности или несоблюдения закона, так как часто условия быстро меняются и требуют быстрой перегруппировки. Но, независимо от того, было ли погашение, выражаясь юридическим языком, законным при существующих обстоятельствах, одно ясно и неоспоримо, а именно: ни директора «Нью-Йорк Сити», ни директора «Метрополитен Секьюритиз» не были лично заинтересованы в погашении и не получили, прямо или косвенно, ни доллара

прибыли и ничего не присвоили и не выгадали в результате данной операции. Возможно, директора совершили ошибку в праве, и их ошибка в праве, возможно, влечет за собой ответственность, но они никогда не признают, прямо или косвенно, что хотя бы в малом, будучи доверенными лицами, нарушили свои обязательства или сознательно пошли на правонарушение.

В заключение… я намерен обсудить урегулирование претензий к директорам компании «Нью-Йорк Сити» на цифре в 1,5 млн долларов, которую, насколько я понимаю, Вы одобряете и рекомендуете, но только учитывая, что я поступаю так из-за предполагаемой юридической ошибки, а не в виде возмещения или признания сознательного правонарушения. Если будет произведена такая крупная выплата, отдельные члены правления понесут наказание за операции, которые они в свое время сочли законными и которые совершили добросовестно, возможно неверно истолковав закон. Повторяю, в результате этих операций они не получили никакой личной выгоды. Я решил написать Вам так подробно, потому что боюсь, что даже Вы, возможно, не полностью знакомы со всеми этапами дела. Можете показать это письмо мистеру Чоуту, если представится подходящий случай и Вы сочтете нужным так поступить…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Компания «Бруклин Рэпид Трэнзит» стала еще одним предприятием общественного транспорта, с которым одно время были связаны Шифф и его фирма. В начале 1911 г. Энтони Н. Брейди вел переговоры с Шиффом по финансированию этого предприятия. В результате переговоров в июне 1912 г. «Кун, Лёб и К°» совместно с «Киддер, Пибоди и К°» и «Сентрал Траст К°» продали на 40 млн долларов пятипроцентных шестилетних обеспеченных векселей, конвертируемых в такое же количество облигаций компании «Нью-Йорк Мьюнисипал Рейлуэй К°», которую создали для заключения договора с муниципалитетом Нью-Йорка. 30 августа 1911 г. Шифф писал Сэмьюелу Ри из «Пенсильвании», которая была заинтересована в развитии нью-йоркского метрополитена ввиду крупных предприятий, строительства нового вокзала и линий через Гудзон, что его фирма отказывается финансировать проект до тех пор, пока «Бруклин Рэпид Транзит» не подпишет контракт с городскими властями.

В 1915 г. были проданы векселя еще на 20 млн долларов, так что в июле 1918 г., когда подошел срок погашения – поскольку

некоторые векселя в процессе были конвертированы – просроченными оказались векселя на сумму в 57 млн 735 тыс. долларов. Этот срок, наступивший в разгар войны, создал очень трудную ситуацию. Наконец, решено было выпустить новые обеспеченные векселя на трехлетний срок под 7 %, из которых Корпорация военных финансов согласилась принять векселей на 17 млн 320 тыс. долларов на том условии, что держатели векселей, у которых подходил срок погашения, обменяют не менее 70 % своих бумаг на новые векселя. Пролонгация прошла успешно, но компания «Бруклин Рэпид Транзит» не справлялась с увеличившейся стоимостью операции, особенно наземных и надземных участков и линий, без соответствующего роста тарифов, и в декабре 1918 г. была передана в конкурсное управление. Поскольку Шифф и его банк приобрели лишь акции подземных линий, «Кун, Лёб и К°» вместе с фирмами «Киддер, Пибоди и К°» и «Сентрал Юнион Траст К°» образовали комитет по защите держателей этих векселей и базовых облигаций «Нью-Йорк Мьюнисипал Рейлуэй К°» Впоследствии был принят план реорганизации, который устраивал держателей ценных бумаг; он был приведен в исполнение в сентябре 1923 г.

Шифф проявлял умеренный интерес к предприятиям общественного транспорта и за пределами Нью-Йорка, но его банк, как правило, не принимал активного участия в финансировании предприятий коммунального хозяйства.

В течение сорока с лишним лет заключалось много сделок, которые сегодня кажутся незначимыми по сравнению с самыми крупными, хотя в свое время и они, несомненно, имели большое значение. В июле 1899 г. Шифф вел переписку с Касселем о компании по производству свекловичного сахара «Американ Бит Шугар К°», акции которой имелись у них обоих. В апреле 1902 г. у компании возникли трудности, и понадобился арбитраж. Генри О. Хэвемайер, в то время самая важная фигура в отрасли, попросил Шиффа и Джеймса Стиллмена выступить в роли третейских судей. Сначала Шифф отказывался и писал Хэвемайеру: «Для меня будет довольно щекотливой и трудной задачей выступить третейским судьей в том деле, в котором я напрямую заинтересован».

Однако 23 апреля он написал Стиллмену и договорился с ним о встрече для обсуждения дела. Через неделю их совместный отчет передали Хэвемайеру и У. Бейярду Каттингу.

На протяжении ряда лет Шифф входил в правление «Уэстерн Юнион Телеграф К°». Он вступил в совет директоров по приглашению Гулда за несколько лет до того, как тот продал контрольный пакет «Американской телефонной и телеграфной

компании». После перехода контрольного пакета Шифф стал очень активным директором; он определял политику компании совместно с ее президентом, Теодором Н. Вейлем. Когда в 1914 г. компания, в свою очередь, решила отказаться от контрольного пакета, Вейл обратился к Шиффу и вел переговоры с ним лично о продаже этих активов, как становится ясно из письма «Куна, Лёба и К°» от 10 февраля 1914 г., одного из сравнительно немногих официальных писем фирмы, подписанным от руки лично Шиффом. Из этого письма процитировано следующее: «Относительно устной дискуссии и переговоров между Вами и нашим руководством, мы делаем официальное предложение о покупке у «Американской телефонной и телеграфной компании» ее активов «Уэстерн Юнион Телеграф К°», равных по номиналу примерно 30 млн долларов…

Точная цена, которую мы обязуемся выплатить, зависит от цены, по которой удастся в максимально короткий срок предложить акции акционерам «Уэстерн Юнион Телеграф К°», при условии, что запрашиваемая цена будет во всяком случае не более трех (3) долларов выше покупной цены, которую мы обязаны заплатить Вашей компании…»

Наконец покупная цена была зафиксирована в размере 60 долларов за акцию, а запрашиваемая цена для акционеров составила 63 доллара за акцию. Шифф по-прежнему горячо интересовался делами «Уэстерн Юнион Телеграф К°» и входил в ее правление до своей смерти, хотя после 1914 г., когда вместе с ним в совет директоров вступил его сын и стал его преемником в исполнительном комитете, он уже не так часто присутствовал на заседаниях.

Дружба Шиффа с Вейлем началась в 1906 г., когда банк «Кун, Лёб и К°» совместно с нью-йоркским отделением «Дж. П. Морган и К°», бостонским банком «Киддер, Пибоди и К°» и «Бэринг Бразерс и К°» из Лондона участвовали в финансировании «Американской телефонной и телеграфной компании». Растущей компании важно было найти дополнительные рынки для размещения ее ценных бумаг, что вылилось в образование вышеуказанной банковской группы, чьей первоначальной сделкой была покупка четырехпроцентных конвертируемых облигаций на 100 млн долларов – огромная эмиссия для того времени.

Шифф познакомился с полковником Сэмьюэлом П. Кольтом, президентом «Юнайтед Стейтс Раббер К°», когда по просьбе других директоров «Мортон Траст К°» он вступил в совет директоров дочернего предприятия «Индастриал Траст К°» из Провиденса (штат Род-Айленд), председателем которого был Кольт. Вполне естественно поэтому, что, когда в конце 1916 г.,

переломного в ходе войны, «Юнайтед Стейтс Раббер К°» необходимо было произвести крупномасштабное рефинансирование и понадобился дополнительный капитал, Кольт обращался к Шиффу за советами и поддержкой. В результате их переговоров банк «Кун, Лёб и К°» в январе 1917 г. произвел эмиссию пятипроцентных облигаций на сумму в 60 млн долларов.

Около 1900 г. Шифф почти случайно занялся финансированием крупных мясоперерабатывающих компаний. В то время на ряде из них наблюдались трения между работодателями и работниками. Администрация не признавала права профсоюза, в результате чего был объявлен общий локаут (массовое увольнение рабочих и полное или частичное закрытие предприятий с целью заставить профсоюз или трудовой коллектив принять предложения администрации по трудовому соглашению), со стороны всех крупных фирм. Единственным исключением оказалась компания «Шварцшильд и Салзбергер»: ее главные бойни находились в Нью-Йорке, в то время как бойни других компаний находились на Западе. Другие компании требовали, чтобы «Шварцшильд и Салзбергер» также уволила рабочих, но главы фирмы поддерживали самые дружеские отношения со своими работниками, хорошо платили им и готовы были признать профсоюз. После их отказа присоединиться к локауту другие мясоперерабатывающие компании угрожали вытеснить их из отрасли. Однажды летним утром Шифф, как обычно, плыл из Сибрайта (Нью-Джерси) в Нью-Йорк на корабле «Сэнди Хук», когда в его каюту вошел Фердинанд Салзбергер в сопровождении одного из своих сыновей. Салзбергер объяснил ситуацию Шиффу и сказал, что, если его фирма откажется увольнять рабочих, конкуренты объединятся и погубят их. Во всяком случае, сейчас им необходимо получить в свое распоряжение несколько миллионов долларов. Шифф молча выслушал его, а затем повернулся к сыну Салзбергера и, положив руку ему на плечо, спросил:

– А ты чем занимаешься, мальчик мой?

Тот ответил:

– Год я изучал химию в Гейдельберге и собирался вернуться туда, но, поскольку у отца такие трудности, я должен остаться здесь.

Шифф снова положил руку юноше на плечо и сказал:

– Возвращайся в Гейдельберг; мы поможем твоему отцу.

Таким образом, примерно за десять или пятнадцать минут была подготовлена операция, после которой «Кун, Лёб и К°», пусть и временно, стали причастны к делам в

мясоперерабатывающей отрасли.

Глава 5

На страницах книги часто встречаются названия финансовых организаций и имена финансистов из Европы, Азии и Америки, но, естественно, имелись отдельные люди и учреждения, с которыми коммерческие операции велись особенно часто.

При жизни Шиффа еще одной частной банковской фирмой в Нью-Йорке была фирма Дж. Пирпонта Моргана-старшего. С ним и с его партнерами Шифф часто вел дела. Иногда у них случались расхождения, как во взглядах, так и на практике, но Шифф не жалел слов признательности для этого великого банкирского дома; 28 августа 1895 г. он писал Костеру и поздравлял фирму с планом реорганизации железнодорожной компании «Эри». То, что он иногда делал предложения в их интересах, частично отражено в письме Джорджу У. Перкинсу от 22 января 1902 г., после того как был решен вопрос с компанией «Берлингтон – Нозерн Пасифик»: «Повторяю, мы всецело признаем преимущественное право «Дж. П. Морган и К°» на переговоры по «Берлингтону», и я лично готов поддержать их в совете директоров «Берлингтона»; но, как я уже сказал, я считаю, что будет уместным, если Вы срочно заявите о своих правах до того, как разойдутся облигации, которые сейчас разрешены к выпуску».

Одно время банк Моргана серьезно критиковали, и Шифф горячо защищал его в письме Флемингу от 25 июня 1902 г.: «Лично я восхищаюсь отвагой и способностями Пирпонта Моргана и его компаньонов. Благодаря своим дальновидным шагам, он многое сделал для процветания нашей страны, которая, по крайней мере до некоторой степени, могла бы без них оставаться в спячке… Почти вся критика… как внутри страны, так и за границей, происходит от зависти, а что касается Европы – от недооценки грандиозного развития нашей страны и условий, преобладающих на нашем берегу океана, которых человек класса Моргана всего лишь орудие».

Когда в 1903 г. журналисты пытались сравнивать Шиффа и Моргана, Шифф возражал: «В присланной статье мне решительно не нравятся попытки противопоставить мои коммерческие операции и операции мистера Моргана, великого человека, в чьей беспристрастности, коммерческой честности и добродетели я всецело убежден».

Рассказывая Касселю о банковской панике 1907 г., он писал: «Все испытывают огромное облегчение; особенно большую роль здесь сыграл Пирпонт Морган. Возможно, никто лучше него не сумел бы заставить банки действовать сообща и объединить

усилия…»

Два события позволяют понять, с каким уважением и вниманием относились друг к другу главы двух фирм, и указывают на существовавшие между ними деликатные отношения. Между ними не было соперничества, каждый признавал способности и влияние другого, и обоих в первую очередь интересовала не прибыль, а конструктивная работа во имя промышленного и экономического развития страны. Хотя их подходы к делу часто различались, оба мыслили масштабно и скорее радовались трудным задачам, которые более слабые люди предпочли бы избежать.

Первое событие связано с приобретением в 1900 г. компанией «Эри» компании «Пенсильвания Коул К°». Шифф вел переговоры от лица «Нью-Йорк, Онтарио и Уэстерн», не зная, что в сделке заинтересованы и другие стороны. В разгар переговоров стало известно, что «Дж. П. Морган и К°» купила «Пенсильванию Коул» для «Эри». Сразу после этого Морган написал Шиффу: он глубоко сожалеет о том, что ему пришлось вмешаться в ход переговоров, которые вел Шифф, поскольку такое противоречит его обычной практике, но для «Эри» настолько жизненно важно было приобрести компанию, что он вынужден был начать действовать. Морган настаивал на том, чтобы «Кун, Лёб и К°» получили весьма существенную долю прибыли от сделки. От последнего Шифф отказался, отметив, что Морган действовал совершенно правомерно, а банк «Кун, Лёб и К°» не может и не желает получить долю от прибыли в операции, за которую он не несет ответственности. И только после неоднократных просьб и уверений Моргана Шифф позволил уговорить себя и принял предложение Моргана, заручившись, впрочем, согласием «Нью-Йорк, Онтарио и Уэстерн».

Второе событие произошло в конце 1903 г., во время так называемой «паники богачей». Обычные акции «Юнайтед Стейтс Стил», которые в 1901 г. выпустили на рынок по курсу 40, продавались ниже 10, и относительно этой корпорации ходили всевозможные слухи. Морган, ранее выражавший свою веру в нее, принимал случившееся близко к сердцу. В то время «Лейк Шор и Мичиган Сазерн Рейлуэй» решила реструктуризовать свой довольно обременительный плавающий долг, выпустив на 40 млн долларов облигаций; компания обратилась в банк «Дж. П. Морган и К°», который сотрудничал с ней на протяжении многих лет. К большому удивлению Г.М. Твомбли, который вел переговоры, Морган отказался от эмиссии, заявив, что из-за нападок на него он пока не хочет вести никаких дел. Твомбли всячески старался убедить его, но Морган оставался непоколебим в своем решении

и посоветовал Твомбли обратиться к фирме «Кун, Лёб и К°». Так Твомбли впоследствии и поступил, подчеркнув во время переговоров с Шиффом, что Морган решительно отказался от операции и лично посоветовал ему обратиться к Шиффу. Представилась соблазнительная возможность завязать ценные отношения, но Шифф ни секунды не колебался. Как только Твомбли вышел от него, Шифф ознакомил своих партнеров с тем, что произошло, а сам отправился к Моргану. Он застал его в том состоянии, которое описал Твомбли: Морган настаивал, что его фирма не станет проводить эту операцию, и соглашался уступить ее «Куну, Лёбу и К°». Шифф все же возражал, сказав примерно следующее: «Мистер Морган, вы всегда последовательно искренни и дружелюбно настроены по отношению к моей фирме. Вы доброжелательно отнеслись к нам еще в то время, когда мы не занимали теперешнего положения. Вы без колебаний согласились с тем, чтобы мы занялись реорганизацией «Юнион Пасифик», на которую и у вас имелись определенные притязания. Моя фирма никогда не станет способствовать уменьшению вашего престижа. Ради себя самого вы обязаны осуществить эту эмиссию, но, если у вас возникли хотя бы малейшие сомнения в ее успехе, мы готовы взять на себя любую часть финансовой ответственности на том единственном условии, что по отношению к «Лейк Шор» и публике ваш банк, как и прежде, будет считаться основным». Шифф наконец убедил Моргана пересмотреть свое решение, и, следуя обычной практике того времени, эмиссию осуществили компании «Дж. П. Морган и К°», «Нэшнл Сити Бэнк» и «Ферст Нэшнл Бэнк» – с большим успехом.

Отношения Шиффа со всеми партнерами фирмы Моргана были самые дружеские, но особенно это касалось Чарлза Стила, который ранее был одним из консультантов «Куна, Лёба и К°»; с Джорджем У. Перкинсом, о чьих способностях Шифф придерживался весьма высокого мнения; а позже с Генри П. Дэвисоном, которым Шифф восхищался, считая его самым способным представителем молодого поколения банкиров.

9 апреля 1913 г. он писал Касселю: «Смерть Пирпонта Моргана задела меня до глубины души. Он был выдающимся человеком, который всегда старался поступать правильно и которому, несмотря на его выдающееся положение, было чуждо высокомерие. Я был очень привязан к нему, а он всегда относился ко мне очень любезно и внимательно, особенно после дела «Нозерн Пасифик». Он прекрасно понимал, что именно его интересы привели нас к конфликту. Его круг друзей был невероятно широк… Теперь, после его кончины, мы в Нью-Йорке остро почувствуем, кем он был и сколько мы в нем потеряли».

Отношения Шиффа с «Нэшнл Сити Бэнк» и его главой, Джеймсом Стиллменом, заслуживают более подробного упоминания[17]. 7 февраля 1899 г. он вошел в совет директоров банка – и воспринял свой выбор с радостью.

В 1925 г. Джеймс А. Стиллмен писал: «Мистер Шифф был внимательным директором банка, регулярно посещал заседания правления и был одним из немногих, у кого мой отец спрашивал совета на этих заседаниях».

Естественно, в силу своего положения он мог помочь банку, привлекая в качестве инвесторов крупные железнодорожные корпорации, с которыми вел дела. В то же время банк в разные времена оказывал большие услуги ему и его фирме, особенно в противоборстве Хилла – Гарримана за «Нозерн Пасифик». Многие важные сделки были проведены совместно с этим банком и с аффилированной «Нэшнл Сити Компани». Стиллмена особенно интересовали проекты Гарримана; после смерти Гарримана он в сотрудничестве с «Куном, Лёбом и К°» временно взял на себя управление их делами.

Когда Шифф подал в отставку с поста директора банка, он писал его тогдашнему президенту:

«1 июля 1914 г.

Уважаемый мистер Вандерлип!

Из-за определенных ограничений в законах Федерального резервного банка необходимо, чтобы я подал в отставку с поста директора «Нэшнл Сити Бэнк». Едва ли нужно подчеркивать, что я ухожу со своего поста с чувством глубокого сожаления, поскольку вынужден разорвать отношения, которые всегда служили для меня источником удовлетворения и радости.

Шестнадцать лет назад, когда я вошел в совет директоров «Нэшнл Сити Бэнк», последний был не столь крупным концерном, как сегодня, и я убежден, что «Нэшнл Сити Бэнк» завоевал свое выдающееся и почетное положение в финансовой и коммерческой жизни Соединенных Штатов не в последнюю очередь благодаря благоразумному и эффективному управлению, которое велось под руководством Джеймса Стиллмена, а в более поздние годы – под Вашим руководством. Особенно я сожалею о необходимости покинуть совет директоров в такое время, когда, в силу недавно принятых законов, банк получает возможность – не сомневаюсь, выгодную – открывать новые отделения за рубежом и таким образом служить дальнейшим и еще более важным фактором для продвижения финансовых и коммерческих интересов нашей страны.

Позвольте просить Вас принять мою отставку на следующем

заседании совета директоров; желаю Вам лично, а также Вашим компаньонам в правлении банка, дальнейших успехов…

Искренне Ваш

Джейкоб Г. Шифф».

Шифф входил и в директорат банка «Мортон Траст К°», созданного в сентябре 1899 г. «Мортон Траст» стал преемником старинного банкирского дома «Мортон, Блисс и К°», детища Леви П. Мортона, бывшего губернатора Нью-Йорка и вице-президента Соединенных Штатов. После того как Шиффа пригласили войти в совет директоров, 17 октября 1900 г. он писал Мортону: «Я получил Ваше вчерашнее письмо, в котором Вы сообщаете, что меня выбрали директором «Мортон Траст К°» и членом его исполнительного комитета. Пользуясь возможностью, выражаю свою благодарность за радость сотрудничать с Вами в совете директоров компании, носящей Ваше имя и управляемой таким выдающимся человеком. Я знаю, как высоко ценил эти отношения мой покойный друг и компаньон Абрахам Волфф, и надеюсь, что отношения, существовавшие между ним и Вашими коллегами, продолжатся между Вами, другими членами совета директоров и мной – также к взаимному удовлетворению».

Томас Ф. Райан, один из крупных акционеров компании, поделился краткими воспоминаниями о связях с ней Шиффа: «Примерно в 1900 г. я начал сотрудничать с губернатором Мортоном в правлении «Мортон Траст К°». Начиная с того времени и до слияния компании с «Таранти Траст К°» мистер Шифф был одним из моих самых влиятельных сторонников и советников в правлении. Наши отношения стали очень близкими; я всецело доверял его суждениям, пока находился во главе «Морган Траст». Когда у меня возникали сомнения относительно шагов, которые необходимо было предпринять, я неизменно советовался с ним, если он оказывался в пределах доступности».

Шифф поддерживал близкую дружбу с Джоном А. Стюартом, президентом и позже председателем «Юнайтед Стейтс Траст К°», старейшиной президентов трастовой компании; с

Луисом Фитцджералдом, президентом «Меркантайл Траст К°», позже поглощенной «Банкере Траст К°», который вместе с Шиффом занимался реорганизацией «Юнион Пасифик» и служил председателем реорганизационного комитета; с Фредериком П. Олкоттом, президентом «Сентрал Траст К°», и с Джеймсом Н. Уоллесом, который после смерти Олкотта сменил его на посту президента. Шифф принимал особенно активное личное участие в делах последней компании и ряд лет состоял в ее директорате. Кроме того, у него сложились доверительные, близкие отношения

с многими ведущими банкирами, например, с Генри Л. Хиггинсоном из «Ли, Хиггинсон и К°», Робертом Уинсором из «Киддер, Пибоди и К°»; Джеймсом Александером из нью-йоркского «Национального коммерческого банка»; Моррисом К. Джессапом и его племянниками, Т. Де Виттом Кайлером и С. С. Кайл ером; с Джеймсом Б. Форганом из чикагского отделения «Ферст Нэшнл Бэнк» и Джоном Дж. Митчеллом из чикагского отделения «Иллинойс Траст К°». Он довольно часто виделся с ними, особенно с теми, кто проживал в Нью-Йорке. Возможно, поэтому в письмах о них говорится мало и переписки почти не сохранилось.

В 1905–1909 гг. Шифф входил в правление «Тайтл Таранти и Траст К°»; тогда же он был членом финансового комитета. 29 марта 1892 г. он стал одним из учредителей дочерней компании «Бонд и Мортгейдж Таранти К°», где служил директором и членом исполнительного комитета до марта 1911 г.

Короткое время он был директором «Уэстерн Нэшнл Бэнк оф зэ Юнайтед Стейтс», который в октябре 1903 г. слился с «Национальным коммерческим банком» в Нью-Йорке. После слияния Шифф вошел в правление банка, а с марта 1910 г. стал членом его финансового комитета. С обоих постов он ушел в сентябре 1911 г.

У Шиффа и партнеров имелись значительные пакеты в «Эквитабл Траст К°» и «Юнайтед Стейтс Мортгейдж и Траст К°». Совместно с другими банкирами, в том числе Джеймсом Стиллменом и Сетом Милликеном, он стал основателем небольшого местного банка под названием «Фиделити» на углу Мэдисон-авеню и 75-й улицы. Организаторы привлекали других участников и вклады – судя по всему, не столько для того, чтобы сделать банк крупным финансовым учреждением, сколько для удобства местных жителей.

В 1890 г. Шифф стал одним из основателей «Государственного банка» и короткое время входил в его совет директоров. Его отношения с этим учреждением, ставшим одним из самых процветающих нью-йоркских банков, начались довольно курьезным образом. Шиффа очень беспокоили частые банкротства так называемых «истсайдских банков» и, соответственно, потери их вкладчиков, и он задумал, скорее в филантропических, чем в коммерческих целях, создать банк, который обслуживал бы проживавших по соседству людей со скромными доходами. Обдумывая этот вопрос, он случайно, во время ежедневной прогулки по Пятой авеню, встретил Оскара Л. Ричарда из банка «К.Б. Ричард и К°». Тот, в силу тогдашней сферы интересов своей фирмы, имел широкие связи с недавними

иммигрантами. Шифф поделился с ним своими соображениями. Ричард ответил: жаль, что он не может присоединиться к нему, поскольку он и сам всерьез думает учредить в том районе банк с уставным капиталом в 100 тыс. долларов, но он будет рад, если Шифф приобретет часть акций будущего банка. На это Шифф охотно согласился, и через несколько дней подписка на капитал разошлась. 9 июля 1890 г. «Государственный банк» открыл свои двери в старом особняке по адресу: Гранд-стрит, 296.

Шифф вкладывал средства в акции различных банков и трастовых компаний в Соединенных Штатах. Так, в 1899 г. он написал Т. Джефферсону Кулиджу-младшему в Бостон, выразив желание купить 100–200 акций компании «Олд Колони Траст». Он был директором и членом инвестиционного комитета «Индастриал Траст К°» в Провиденсе (штат Род-Айленд); с этого поста он ушел в отставку в 1907 г. Шифф владел также акциями «Первого национального банка» Чикаго. В 1919 г., продав их, он сказал, что акции принадлежали к тем его вложениям, которыми он много лет «больше всего дорожил».

В течение долгого времени банк «Кун, Лёб и К°» был связан с крупными страховыми компаниями – такими как «Эквитабл Лайф Эшшуранс Сесайети» («Общество по справедливому страхованию жизни»), «Нью-Йорк Лайф» и «Мьючуэл Лайф». У него завязалась близкая дружба с основателем «Эквитабл», Генри Балдуином Гайдом, по чьей просьбе он вошел в директорат его общества; кроме того, он владел акциями нескольких аффилированных организаций. Шифф предварительно выяснил свои права и обязанности по страховому законодательству; узнав, что его фирма по закону имеет право свободно оперировать ценными бумагами тех страховых компаний, в чье правление он входил, однако ни он сам, ни его банк не имеют права действовать от имени такой компании или принимать вознаграждение за покупку ценных бумаг от их имени, он решил, что, учитывая обстоятельства и ввиду их договоренности с Гайдом, ему не следует выходить из состава правления.

Личные соображения часто влияли на его решения. В то время, когда возникли трудности, о которых будет рассказано ниже, Джеймсу Хейзену Гайду, сыну основателя, было двадцать семь лет; Шифф знал его, еще когда он был студентом Гарварда. После того, как Гайд стал вице-президентом Общества, Шифф писал ему: «Вы носите достойную фамилию, которую уважают благодаря заслугам Вашего отца; уверен, Вы сделаете все возможное, чтобы сохранить ее блеск».

О значении Общества в то время и о суммах, которые имелись в его распоряжении, можно судить по словам Шиффа,

сказанным Хиллу: «Эквитабл» – один из крупнейших, если не самый крупный, держатель ценных бумаг Вашей компании».

Тем не менее Общество управлялось по старинке. Основной капитал составлял всего 100 тыс. долларов, из которых Гайду-младшему принадлежал 51 %, в то время как ресурсы Общества в то время превышали 400 млн долларов. В начале 1905 г. вспыхнула ссора между Гайдом и Джеймсом У. Александером, президентом Общества, стремившимся взять власть в свои руки. Среди прочего, Александер требовал превратить «Эквитабл» в компанию взаимного страхования, то есть право участия в голосовании, по его мнению, следовало передать держателям полисов. Действия правления, которое отказалось одобрить предложения Александера, как будто играли на руку Гайду. Но Шифф не заблуждался относительно перспектив Общества и после собрания дал молодому Гайду отеческий совет: «То была не столько Ваша личная победа, сколько отпор м-ру Александеру… Общество необходимо превратить в компанию взаимного страхования, и я считаю, что чем больше благоразумия Вы выкажете комитету, с которым Вам придется иметь дело и членом которого Вы являетесь, тем вернее Вы заслужите уважение и получите продолжительное влияние в Обществе».

Хотя он признавал неуместность сохранения контроля над такой обширной корпорацией на основании всего 51 тыс. долларов основного капитала, он указывал еще на одну опасную тенденцию в компаниях взаимного страхования: полномочия держателей полисов приобретались агентами компаний для того, чтобы правление могло голосовать по своему усмотрению. Шифф считал, что такие методы рано или поздно приведут к тому, что все полномочия будут переданы президенту, который таким образом получит абсолютный контроль в правлении и станет таким же диктатором, как и тот, в чьих руках находится контрольный пакет акций.

4 апреля 1905 г. он объяснил дальнейшие трудности Касселю: «Я лично испытываю большое недовольство из-за разногласий в «Эквитабл», о которых Вы, несомненно, слышали из газет. В результате моего ходатайства от лица Гайда мы (то есть «Кун, Лёб и К°». – *Авт.)* подверглись всевозможным нападкам со стороны Александера. Главным обвинением стало то, что мы продали компании «Эквитабл» большое количество ценных бумаг и что я, будучи членом правления, выступал в одних и тех же сделках и как покупатель, и как продавец. Это откровенная неправда, потому что покупка ценных бумаг для «Эквитабл» обсуждалась на заседании исполнительного комитета, в который я не только не вхожу, но и отказался входить в него; и наши сделки с Обществом

все время были такими же, как и наши сделки с «Мьючуэл» и «Нью-Йорком»; в то же время ценные бумаги, которые мы им продали – практически без исключения, – стоят гораздо больше, чем они за них платили. То же самое справедливо для Спейеров и Айзлинов в «Мьючуэл» и для Морганов и Блэров из «Нью-Йорка».

Разногласия настолько обострились, что в конце концов в правлении создали комитет под председательством Генри К. Фрика, которому и передали дело. Комитет представил отчет, в котором не пощадил ни Александера, ни Гайда. В начале июня, заслушав отчет, Шифф предложил им сложить полномочия и назначить председателя правления, который был бы наделен всей полнотой власти. Получив отказ, он подал в отставку, как и многие другие члены правления:

«5 июня 1905 г.

Джеймсу У. Александеру, президенту «Общества справедливого страхования жизни».

Уважаемый сэр!

После заседания правления «Общества справедливого страхования жизни», проходившего в прошлую пятницу, я по здравом размышлении вынужден немедленно подать в отставку с поста директора Общества. В ходе недавних разногласий я намеренно воздерживался от любых действий, способных еще больше осложнить ситуацию, в которой оказалось Общество. Я молчал даже перед лицом многих злобных и беспочвенных инсинуаций касательно коммерческих сделок моей фирмы и Общества, которые распространяли Ваши агенты. Вместо того чтобы открыто дезавуировать и отрицать эти измышления, Вы присылали мне частные письма, в которых сожалели о бестактных и слишком пылких действиях Ваших друзей.

На заседании в прошлую пятницу была, по моему мнению, предложена прекрасная возможность спасти Общество от того сложного положения, в которое оно попало из-за фракционных разногласий и поведения руководства. Если бы Вы и мистер Гайд были способны в критический момент воспользоваться случаем и поддержали мое предложение о назначении комитета, состоящего из людей, пользующихся заслуженным доверием и признанием в масштабах всей страны благодаря своему высокому положению и независимости суждений, которые выбрали бы председателя правления, наделенного общими полномочиями, еще была бы возможна справедливая и действенная реорганизация правления Общества и восстановление общественного доверия, но Вы и мистер Гайд упустили подходящий момент и признали ошибку лишь после развала правления, хотя тогда восстанавливать ущерб

было уже поздно. В нынешней ситуации мне кажется маловероятным, что у правления появится возможность для независимых действий, и я с сожалением пришел к выводу, что больше не могу быть полезным Обществу на посту члена правления, в котором прослужил 12 лет.

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

В то же время Фрэнсис Хендрикс, государственный управляющий по страховым делам, проводил независимое расследование по делу. Шифф представлял ему подробные и точные отчеты о сделках его фирмы по продаже «Эквитабл» ценных бумаг. 25 июля он писал Хендриксу: «Поскольку публикация искаженных отрывков протоколов, составленных Вами в ходе следствия по делу «Общества справедливого страхования жизни», увеличила недопонимание истинного характера сделок между фирмой «Кун, Лёб и К°» и Обществом, из-за ряда неверных показаний в Вашем отчете, к которым я уже привлекал Ваше внимание, считаю необходимым, защищая свое и моей фирмы доброе имя, снова обратиться к Вам по поводу этих показаний, чтобы представить Вам истинное положение дел…

Еще раз привлекаю Ваше внимание к неверным показаниям относительно японских облигаций: якобы они, приобретенные Обществом у фирмы «Кун, Лёб и К°», были позже перепроданы Обществом нам с потерей в 2,5 %. Как я уже объяснял в своих показаниях, эти японские облигации, подлежащие оплате в фунтах стерлингов, первоначально были куплены Обществом по курсу в 4,88 доллара за фунт, а перепроданы – по курсу 5 долларов за фунт, в результате они были проданы не в убыток, но по точной цене, заплаченной за них Обществом, которое в свое время реализовало их под 5,5 процента годовых…

В своем отчете Вы ссылаетесь на продажу привилегированных акций «Юнион Пасифик», которые «Кун, Лёб и К°» продали Обществу, и на то, что эти привилегированные акции держались в синдикате… Вы не учли того, что я недвусмысленно разъяснил в моих показаниях: фирма «Кун, Лёб и К°» знала лишь Джеймса Г. Гайда как участника этого синдиката, и до тех пор, пока Вы мне не сообщили, я не был в курсе, что его доля в этом синдикате была передана Обществу… Привилегированные акции «Юнион Пасифик» – ценные бумаги высшего разряда, и у финансового комитета не было причин не одобрять такой инвестиции Общества.

Ошибочное утверждение, будто «Кун, Лёб и К°» продали привилегированные акции Обществу, в сочетании с публикацией

искаженных отрывков из снятых Вами показаний, породило недоразумение относительно цены, по которой акции были приобретены Обществом, поскольку в прессе неоднократно повторялось, что акции были проданы Обществу по номиналу в то время, как рыночная цена была на несколько пунктов ниже номинала. На самом же деле, как явствует из показаний, передача акций, которые как будто продавались по номиналу, происходила частями и поступала на общий счет синдиката. Квитанции о передаче подтверждают, что акции продавались по номиналу ради удобства, с целью позднейшей корректировки. Эта корректировка была произведена при последующем распределении акций, когда мистер Гайд (и через него, как оказывается, Общество) получило 3800 акций по курсу 71 (против тогдашней рыночной цены в 94), что составляло среднюю цену при покупке 17 800 акций в размере 93, 82 доллара за акцию…

Воспользовавшись случаем, Вы написали в отчете, что определенные акции, проданные фирмой «Кун, Лёб и К°», упали в цене. Однако Вы не указали, что подобные случаи были исключением, а не правилом… Цены, по которым мы продавали облигации крупным страховым компаниям, были обычно ниже, и никогда не выше существующих рыночных цен. Мы продолжаем настаивать на истинности наших записей относительно сделок с Обществом. Мы просим лишь одного: чтобы факты были истолкованы верно».

Позже дело было передано на рассмотрение в законодательное собрание штата Нью-Йорк. Расследование вел комитет под руководством Армстронга, который консультировался с Чарлзом Э. Хьюзом; дело прославило Хьюза, которого впоследствии выбрали губернатором штата. Кроме того, работа в комитете способствовала тому, что его выдвинули на пост президента страны. Комитет заседал до конца 1905 г., и Шиффа вызвали для дачи показаний. Он признал, что, в силу тогдашних условий, он не был осведомлен о многих факторах, и пояснил: тогда почти повсеместно члены правления крупных корпораций были лишены возможности управлять на деле; они могли лишь давать советы руководству корпорации – при условии, что руководство выражало желание советоваться с ними. Естественно, он в одиночку не мог изменить существующего положения дел. Впрочем, Шифф по-прежнему пылко защищал свою личную репутацию и репутацию своей фирмы в ходе сделок с Обществом[18]: «Утверждалось, что «Кун, Лёб и К°» [в прошлом] монополизировали финансовые операции «Общества справедливого страхования жизни». По моим подсчетам, Общество… купило за последние 5 лет ценных бумаг на 197 млн

долларов… из которых «Кун, Лёб и К°» продали ценных бумаг примерно на сумму в 33 млн долларов, то есть всего одну шестую часть. Неужели это называется монополизацией?

В то время, когда я был членом правления «Общества справедливого страхования жизни», я ни разу не просил руководство Общества об особом к нам отношении. Наоборот, я оказывал Обществу много услуг. Не помню случая, чтобы, находясь в составе правления Общества, я когда-либо поступал нечестно за вознаграждение. Возможно, я совершил какие-то оплошности по недосмотру. Оценить поступки можно лишь ретроспективно, а не в перспективе, но моя совесть чиста [от преступлений]. На посту директора я старался быть активным, и я выполнял [старался выполнять] свой долг.

Фирма «Кун, Лёб и К°» за последние пять лет продала или разместила на рынке ценных бумаг на сумму в 1 млрд 360 млн долларов и из них продала «Обществу справедливого страхования жизни» ценных бумаг на 33 или 34 млн долларов; похоже ли это на злоупотребление влиянием? Похоже ли на фаворитизм? «Кун, Лёб и К°» за последние пять лет продала облигаций на 42 млн долларов «Мьючуэл Лайф Иншуранс Компани», а они продали облигаций на 31 млн долларов «Нью-Йорк Лайф Иншуранс Компани»; они же продали на 33 млн долларов облигаций «Обществу справедливого страхования жизни». Похоже ли это на фаворитизм?

Фирма «Кун, Лёб и К°» продавала «Обществу справедливого страхования жизни» ценные бумаги последние 12 лет, с тех пор как я вошел в правление, что показывает, в сравнении с нынешними рыночными ценами, прибыль или выгоду в размере 1 млн 600 тыс. долларов; а за последние 5 лет лучшие ценные бумаги… упали в цене с 8 до 12 процентов, и [тем не менее] прибыль или рыночный рост ценных бумаг, которые «Кун, Лёб и К°» продала Обществу за последние пять лет, ввиду этого выросла [достигла] от 500 до 600 тысяч долларов. Благодарю Вас за то, что уделили мне время».

2 октября 1905 г. он писал генералу Уилсону: «Я получил много откликов, даже от совершенно незнакомых мне людей, относительно моих показаний, которые я давал на Страховом комитете, и, хотя мне пришлось несколько месяцев ждать своего оправдания, дело того стоило…»

И подробнее он писал на следующий день Майрону Т. Геррику:

«Уважаемый губернатор Геррик!

В последние несколько дней я получаю значительное число

самых доброжелательных откликов, но уверяю Вас, ничто не доставило мне такой радости, как Ваша заботливая записка. В то время как я страдал от беспочвенных, бесславных инсинуаций, раздуваемых в падкой на сенсации прессе, для которой репутация человека определяется количеством заголовков и количеством проданных экземпляров, – я решил, что не должен терять достоинства и буду хранить молчание до тех пор, пока не представится подходящий случай. В прошлую пятницу, когда такой случай представился, у меня оставался единственный выход: сказать всю правду. Рад, что все получилось…

Ваш друг
Джейкоб Г. Шифф».

Воспоминания Пола Д. Кравата о том, как Шифф выступал, проливают любопытный свет на его показания: «Никогда я так не восхищался умом и характером мистера Шиффа, как во время расследования Комитета Армстронга осенью 1905 года. Общественное мнение тогда накалилось из-за сенсационных разоблачений, вследствие чего пострадала репутация многих невинных людей, а другие, не совсем невинные, подвергались общественному порицанию гораздо более, чем они того заслуживали. Более того, отношения м-ра Шиффа и его фирмы с «Обществом справедливого страхования жизни» были совершенно честными и не заслуживали критики. Однако этого оказалось бы недостаточно для того, чтобы оградить их от недоразумений и нападок общественности, если бы не храбрость и прямота мистера Шиффа, которые он проявил в своей речи… отвечая на вопросы мистера Хьюза. Я никогда не забуду, какое сильное впечатление произвели на Комитет его искренность и прямота. В результате мистер Шифф остался одним из немногих людей, связанных с «Обществом справедливого страхования жизни», репутация которых после расследования осталась незапятнанной».

Шифф твердо верил в централизованную ответственность управления коммерческими предприятиями и больше стремился к сотрудничеству с другими американскими и европейскими банками и банкирами, а не к конкуренции с ними. Именно поэтому фирма «Кун, Лёб и К°» не открывала филиалы или агентства в других центрах и даже не заключала эксклюзивные договоры с другими финансовыми учреждениями, но поддерживала тесные отношения со многими из них. Среди них в Европе можно назвать банки «Бэринг Бразерс и К°», дома Ротшильдов, «Бэнк оф Монреаль» в Лондоне, «Парижско-Нидерландский банк» в Париже и Брюсселе, «Хоуп и К°», а также

«Амстердамский банк» в Амстердаме и банкирский дом Варбургов в Гамбурге. Он поддерживал личные дружеские отношения с Касселем и Флемингом в Лондоне, Нетцлином в Париже и Максом Варбургом в Гамбурге. В первую очередь на их мнение он опирался, когда принимал участие в европейских финансовых делах.

В разное время Шифф поддерживал отношения с различными инвестиционными компаниями, созданными его друзьями за границей. Одной из них была компания «Инвестмент Траст» в Лондоне, образованная Флемингом. В 1904 г. обсуждался вопрос о создании финансового учреждения для американских сделок в Брюсселе, а на следующий год – об учреждении «Франко-американского банка». Последний замысел не удалось осуществить, так как после визита Нетцлина в Нью-Йорк в 1907 г. Шифф писал Касселю, что предлагаемый банк «обременит нас ответственностью, явно несоразмерной с возможной выгодой». Сам Нетцлин, очевидно, был сторонником открытия в «Парижском банке» специального отделения для американских операций.

Шифф поддерживал прочные отношения с немецким «Дисконто-Гезелыпафт» и иногда с берлинским «Дойче Банком». Он дружил с руководством последнего, особенно с доктором Г. фон Сименсом и Артуром Гвиннером. Первому, узнав о его уходе от активного управления банком, он писал: «Мне жаль, что учреждение, во многом обязанное своим выдающимся международным положением Вашим уму и энергии, в будущем останется без Вашего прямого руководства».

Крупным финансовым центром была Голландия. В Амстердаме Шифф в разное время имел дело с «Амстердамским банком», «Вертхайм и Гомпертц» и «А.А. Буассевен и К°», но особенно с фирмой «Хоуп и К°».

Глава 6

В начале XX в. в области международной миграции капитала возникла новая тенденция. До Первой мировой войны Соединенные Штаты по-прежнему занимали деньги в Европе; однако иностранные ценные бумаги чаще всего попадали в Нью-Йорк, и совокупность американских займов другим государствам значительно выросла – хотя до 1915 г. ее значительно перевешивал объем американских ценных бумаг, которые попадали в Европу. В то время как финансирование американских железных дорог составляло большую часть деятельности Шиффа, он никоим образом не пренебрегал и покупкой ценных бумаг иностранных государств и корпораций.

Когда американские финансовые круги начали привлекать инвестиционный капитал за пределами Соединенных Штатов, в первую очередь обратили внимание на соседние Канаду и Мексику и в целом – на Американский континент. Инвестиционные рынки Нью-Йорка и Новой Англии уже давно демонстрировали интерес к государственным займам и коммерческим предприятиям в этих странах, и Шифф пристально следил за ними почти с самого начала своей карьеры.

Одной из первых он заинтересовался акциями «Канадской Тихоокеанской железной дороги», первой истинно трансконтинентальной линией в Западном полушарии. Дорогу заложили в 1881 г., а шесть лет спустя открыли сообщение по основной магистрали. В то время строительство дороги вызвало большой интерес в финансовых кругах, и 19 июня 1883 г. Шифф писал Касселю: «Американская общественность очень активно скупает акции «Канадской Тихоокеанской железной дороги». С тех пор как мы шесть недель назад взяли на себя управление [продажами] от имени комитета, мы продали почти весь второй опцион в размере 100 тыс. акций, а через несколько дней, возможно, будет объявлено о последнем опционе».

С самого начала «Канадская Тихоокеанская» финансировалась, насколько возможно, с помощью выпуска акций, и ее облигационный заем и, следовательно, накладные расходы поддерживались на уровне значительно ниже обычных пропорций. Финансовая мощь дороги, возникшая вследствие такого ведения дел, была особенностью, которая, возможно, больше всего привлекала Шиффа. Существовали также особые «строительные акции», к которым и Шифф и Кассель также проявляли умеренный интерес. В июле 1883 г. он писал Касселю, что эти акции, возможно, будут широко колебаться в течение

следующих нескольких месяцев, поскольку существовал большой спекулятивный запас; однако ему казалось, что дорога протяженностью в 3 тыс. миль, владеющая 18 млн акров хороших земель, капитализирована вполне обоснованно.

Из-за финансового кризиса 1884 г. дальнейшее накопление средств стало невозможным. Поэтому в феврале Шифф сообщал Касселю, что канадский парламент рассматривает законопроект, по которому в распоряжение компании предоставят 22 млн 500 тыс. долларов на семь лет. После этого времени он интересовался «Канадской Тихоокеанской железной дорогой» лишь теоретически, хотя сохранил очень близкие отношения с сэром Джорджем Стивеном (впоследствии лордом Маунтстивеном) и сэром Доналдом Смитом (впоследствии лордом Страткона и Маунт-Ройял), которые сотрудничали с Джеймсом Дж. Хиллом в развитии «Грейт Нозерн».

Интерес Шиффа к мексиканским займам вначале выразился в его предложении Нетцлину, который в 1880 г. занялся организацией Национального банка Мексики. Позже, с Касселем, сам Шифф принял участие в финансировании мексиканских предприятий, главным образом железных дорог. В 1885 и 1886 гг. оба занимались наведением порядка в делах «Мексиканской национальной железной дороги»; кроме того, Шифф начал проявлять интерес к «Мексикан Сентрал», проходившей через самые густонаселенные мексиканские штаты, в которых проживает около $^2/_3$ ее населения.

В письме Касселю 9 октября 1888 г. он подробно обсуждал финансовый статус «Мексикан Сентрал», который к тому времени стал его главным предметом забот в Мексике: «Дело потребует не только внимания моей фирмы, но и моего личного участия… Наилучшим выходом, возможно, станут облигации с преимущественным правом удержания в 6 млн долларов. Мы хотели бы принять участие в выпуске таких облигаций, но пока неясно, возьмет ли на себя Америка размещение таких облигаций под 5 % годовых по номиналу. Наши капиталисты слишком плохо понимают подобные вещи, так как они редко выезжают за пределы страны… Возможно, часть серии купит Бостон, но, поскольку финансовым учреждениям, по существующему законодательству, нельзя покупать такие облигации, основной рынок будет в Лондоне и Берлине».

В том году Кассель управлял реорганизацией финансов «Мексикан Сентрал», и Шифф принял участие в выпуске облигаций; он часто писал Касселю из Нью-Йорка и делился подробными предложениями. Он и его друзья проводили многочисленные совещания с руководством дороги и юристами в

попытке разрешить многочисленные проблемы. 11 марта 1889 г. он сообщал Касселю, что заем пользуется огромным успехом, и выразил уверенность в облигациях. Лето 1890 г. он провел в Европе и активно обсуждал мексиканские железные дороги не только с Касселем, но и с Нетцлином, Флемингом и Робертом Саймоном, которые проявляли активный интерес к мексиканским делам.

В марте 1891 г. умер Уэйд, президент «Сентрал». От имени Касселя Шифф немедленно предложил приступить к выборам преемника Уэйда, хотя Кассель в конце концов занял этот пост сам как представитель мажоритарного акционера, который находился в Лондоне. 7 августа 1892 г. Шифф писал Касселю о «договоренностях», которые необходимо достичь с различными мексиканскими железными дорогами: «Будем надеяться, что «Сентрал» получит действительную прибыль, как и все остальные линии, так что… нездоровая конкуренция будет поставлена под постоянный контроль».

Но 22 августа он писал: «К сожалению, устойчивое падение цен на серебро удешевляет акции «Сентрал». В результате переговоры между мексиканскими железными дорогами зашли в тупик. Я уверен, что в конце концов удовлетворительные договоренности между железнодорожными компаниями окажут благоприятное действие на транспортные перевозки и особенно на ценные бумаги компании «Сентрал».

В следующие несколько лет Шифф выступал представителем Касселя в делах «Мексикан Сентрал», которые шли не слишком хорошо и которыми Кассель не мог руководить лично. После многих проволочек президентом выбрали А.А. Робинсона, и его правление началось весьма благоприятно. 15 апреля 1894 г. Шифф писал Касселю из Вены: «Всякий раз при встрече с Робинсоном я пытался объяснить ему, что процветание предприятия теперь зависит всецело от экономики и здорового управления. Он искренне обещал мне (в письме, которое я получил, находясь в Европе) сделать в этом отношении все, что в его силах».

И снова, 14 октября: «Несколько дней назад ко мне приходил Робинсон. По его словам, валовой доход неуклонно растет, потому что вдоль железнодорожной линии появляются все новые предприятия. Но он весьма обеспокоен из-за серебра и, очевидно, не верит, что можно еще сократить текущие расходы».

В начале 1895 г. поползли слухи, что «Мексикан Интернэшнл», которая тогда находилась под контролем Коллиса П. Хантингдона, собирается «вторгнуться» на территорию «Сентрал». Руководство «Сентрал» пугала такая перспектива; они

хотели протянуть свои линии еще примерно на 60 миль, чтобы предотвратить подобную конкуренцию, но Шифф посоветовал им набраться терпения. К августу 1896 г. он выдвинул собственный план: выкупить контрольный пакет «Интернэшнл» непосредственно у Хантингдона, который в то время остро нуждался в средствах. Хотя Шифф проявлял скрытность в выражении положительных мнений о мексиканских делах, он считал, что объединенное управление обеими дорогами пойдет им на пользу, хотя тут не нужно спешить.

В марте 1900 г. Шифф с супругой, а также профессор Моррис Лёб с супругой посетили Мексику, и Шифф осмотрел большую часть «Сентрал». В письме Касселю из Мехико 11 марта он делился своими первыми впечатлениями: «Ветка «Торреон – Мехико», по которой мы только что проехали, находится в относительно неплохом состоянии, но, возможно, в ближайшие годы на ее развитие придется потратить крупные суммы, особенно на покупку новых рельсов. По-моему, пока не стоит думать о каких-либо выплатах по доходным облигациям, даже если чистый доход продолжает расти… Мне кажется очень важным найти способ, который позволит употребить с благими намерениями для дороги все излишки, остающиеся после вычета накладных расходов».

Из Мексики Шифф отправился в Калифорнию, где вел переговоры с Хантингдоном, после чего у Шиффа сложилось впечатление, что Хандингдон собирается пожертвовать контрольным пакетом «Мексиканской национальной железной дороги» ради «Интернэшнл». Шифф считал, что «Сентрал» должна помешать этому любыми средствами, и 23 апреля 1900 г. писал

Робинсону, что «Сентрал» следует, при надлежащих условиях, предложить «Национальной» «плату за пользование… на участке между Гелайя и Эль Сальто». В том же году Хантингдон умер, и 22 августа Шифф писал Касселю: «Что касается «Сентрал», новые условия, по-моему, скорее сыграют ей на руку, так как маловероятно, что «система Хантингдона» в Мексике попытается сейчас расшириться. Доходы «Мексикан Сентрал» вполне удовлетворительны, и я рад видеть, что администрация находит способы применить большую часть излишка от валового дохода на эксплуатационные расходы. Иначе непременно возникнут трудности с держателями доходных облигаций первого класса. Надеюсь, мистер Робинсон, от которого у меня давно нет известий, осуществит свое намерение осенью поехать в Лондон, чтобы подробно ознакомить Вас с положением и особенно выяснит Ваши взгляды на дальнейшее развитие, которое он сейчас планирует, и на дальнейшие закупки оборудования. Вы

правы, считая, что он выказывает ту же тенденцию, что и многие связанные с железной дорогой: продолжать строительство и приобретать как можно больше подвижных составов; но мы всегда должны помнить о том, что ситуация в Мексике своеобразна».

В марте 1901 г. его фирма пришла к согласию с фирмой «Спейер и К°» относительно реорганизации «Национальной железной дороги». В феврале 1902 г. он вел оживленную переписку с Робинсоном и Флемингом в попытке создать план общности интересов между Центральной и Национально-интернациональной железными дорогами. В то же время он выражал свои опасения относительно стремления компании «Сентрал» выпустить облигации в уплату за новое строительство. Однако его благоразумные советы оказались тщетными. В конце 1903 г. дорога переживала финансовые затруднения, и Шифф созывал совещания, на которых обсуждали финансовую реорганизацию, которая позволила бы дороге оставаться на плаву. В то время он писал Касселю, что руководство, как ему кажется, не стремится к рациональным шагам и что так, видимо, будет продолжаться до неминуемого краха, который держатели облигаций бессильны предотвратить.

Находясь в Европе весной 1904 г., он активно переписывался с Флемингом и Касселем относительно различных планов реорганизации и слияния двух дорог. Фирма «Кун, Лёб и К°» занималась этим совместно со «Спейером и К°», «Ладенбургом, Тельманном и К°» и «Халлгартеном и К°» из Нью-Йорка, а также с несколькими европейскими банками. В июне, по возвращении в Америку, он писал Касселю: «Мексиканская центральная железная дорога – очень сложное дело, и пройдет немало времени, прежде чем мы добьемся успеха. Однако мы не будем пренебрегать никакими необходимыми мерами, и я не сомневаюсь, что это лишь вопрос времени».

Вскоре после того, в соответствии с общим планом, изложенным в 1898 г. Хосе И. Лимантуром, министром финансов в администрации Диаса, были предприняты шаги по объединению «Центральной» и «Национальной» железных дорог (двух основных веток на севере страны, соединяющих Мехико с американской границей) в систему «Национальные железные дороги Мексики». Слияние было завершено в 1908 г. с совокупной капитализацией в размере 460 млн мексиканских долларов. Правительство сохранило за собой мажоритарный контроль. В течение 1907–1908 гг. велись переговоры о финансировании новой системы при участии банков из Парижа, Лондона и Нью-Йорка. В этих переговорах фирма «Кун, Лёб и К°» играла главную роль, но Шифф, похоже, предоставил активную работу младшим

партнерам, особенно своему сыну. В письме Полу Варбургу 18 июня 1908 г. он выразил надежду, что переговоры будут завершены успешно; однако всякий раз, как казалось, что конец близок, возникали новые трудности. Будет очень жаль, писал он, если бесконечные труды и огромные расходы, которые уже повлекли за собой переговоры в Париже, не преодолеют последнего препятствия. Окончательные договоренности были достигнуты в конце месяца.

Впервые Шифф заинтересовался мексиканскими государственными облигациями в 1890 г. через Касселя. В 1892 г. Нетцлин проводил реорганизацию мексиканской фискальной системы, и Шифф в конце года поздравил его с успешным завершением работы. Когда в 1899 г. был объявлен новый заем, мексиканское правительство напрямую обратилось к фирме «Кун, Лёб и К°», но тогда Шифф отклонил официальное предложение, объяснив Касселю: «Я пришел к единственно возможному выводу, а именно: будет нечестно участвовать в роли конкурента в деле, в котором уже заинтересованы Вы, даже если Вы не станете возражать. Поэтому до получения

Вашего ответа я рекомендую фирме «Кун, Лёб и К°» не иметь с ними дела. Вопрос довольно прост, и я убежден, что Вы в такого рода вопросе повели бы себя точно так же».

У Шиффа завязались тесные дружеские отношения с Лимантуром, к которому он питал большое уважение; он продолжал оставаться в курсе мексиканских дел. После свержения Диаса он надеялся, что новое правительство изыщет способы и средства, чтобы справиться с трудностями, с которыми столкнулась страна. Соответственно его фирма совместно с «Дж. П. Морган и К°» с американской стороны занималась международным займом Мексике в 1913 г., во время диктатуры Уэрты. Среди прочего, по условиям займа 10 млн долларов шли на погашение облигаций «Национальных железных дорог». Весной того года Шифф находился за границей; возвращаясь в Нью-Йорк, он писал Касселю с борта «Мавритании»: «Я получил радиограмму из Нью-Йорка, в которой говорится, что все решено, отчего я испытываю большое удовлетворение, потому что было бы очень жаль, если бы Мексика тоже напоролась на мель, ввиду того что Франция испытывает такой большой интерес к Мексике, а французскую уверенность сейчас сильно поколебал крах «Сент-Луис – Сан– Франциско».

13 января 1914 г. он писал Альберту Баллину: «Мексика в очень плохом состоянии, и никто в настоящее время не может сказать, когда это кончится. Не верится, что вмешательство Соединенных Штатов обязательно подразумевает открытую

войну; но сейчас никаких реальных оправданий для интервенции нет. Им придется сражаться… до тех пор, пока наверх не попадет нужный человек, в которого поверят все стороны… и которому удастся обеспечить постоянный мир в стране, на что не способен диктатор и тиран вроде Уэрты. Все происходящее весьма прискорбно, особенно для иностранцев, у которых, как у всех нас, есть материальная заинтересованность в Мексике; но в конечном счете тот, кто владеет капиталом в другой стране, рассчитывая извлечь прибыль, должен быть готов к таким же рискам… что и граждане той страны, какой иностранец доверил свои ресурсы».

Первые попытки строительства Панамского канала, естественно, влияли на прибыльность акций «Панамской железной дороги», которая в большой степени зависела от прокладки канала. Крах Панамской компании в Париже 1889 г. положил конец попыткам французов построить канал. Одним из немногих материальных активов Панамской компании оставалась «Панамская железная дорога». 19 апреля 1889 г. Шифф писал Касселю: «У ликвидаторов не останется иного выхода, кроме выпуска займа под акции или их продажи, а я не думаю, что найдется много желающих заключить такую сделку».

Однако он не утратил веры в то, что «Панамская железная дорога» сохранит свою ценность, даже если канал построят в Никарагуа: «Насколько я понял из газет, теперь уже почти точно, что работы по сооружению Панамского канала не возобновятся и потому концессия будет прервана. Не подошло ли время для того, чтобы купить по разумной цене акции «Панамской железной дороги», которые держит Панамская компания? Насколько я понимаю, ликвидаторам придется избавиться от ликвидных активов. Даже если канал будет построен в Никарагуа, «Панамская железная дорога» останется ценным имуществом; однако перед тем, как принять решение, необходимо провести подробное исследование состояния дороги – и физического, и финансового; однако такое исследование не должно быть трудным».

Решение Соединенных Штатов построить канал благоприятно сказалось на стоимости дороги, и 30 апреля 1897 г. Шифф писал Касселю, что облигации Панамского канала продаются чуть выше номинала.

Свое отношение к Панаме он описал в письме Генриху Шюлеру из «Франкфуртер цайтунг» 31 октября 1910 г.: «Я получил Ваше любезное письмо от 19 октября, в котором Вы спрашиваете об отчете из нью-йоркской газеты «Уорлд» относительно покупки Гарриманом облигаций Панамского канала. Все очень просто: дело связано с предвыборной

кампанией. В ходе переговоров о продаже Панамского канала Соединенным Штатам мы приобрели на открытом рынке такие облигации для Гарримана и других; но предложение исходило не от Рузвельта и вообще не из Вашингтона, а из Парижа, от хорошо известного брокера… который в то время привлек наше внимание к тому, что ликвидационная ценность облигаций почти равна их цене на открытом рынке; и что, если состоится передача канала Соединенным Штатам, ценность облигаций существенно возрастет.

В газете «Уорлд» появилось это обвинение в то время, когда Рузвельт еще был президентом, и правительство подало на газету в суд за клевету, и нас вызывали свидетелями и потребовали предоставить копии записей в наших книгах, связанных с панамскими облигациями. Именно так «Уорлд» получила счета. Как Вам известно, приобретенный пакет совсем невелик, и очень жаль, что в то время нам не удалось купить более крупный пакет для Гарримана и других друзей, с которыми мы делились информацией».

В 1906 г. Шифф от имени своей фирмы вел переговоры по покупке пятипроцентных облигаций Сан-Доминго на сумму 20 млн долларов. Договор был заключен на том условии, что сенат Соединенных Штатов ратифицирует договор, по которому правительство Соединенных Штатов возьмет на себя управление таможней Сан-Доминго и использует чистый доход в первую очередь для выплаты процентов и амортизационных расходов. 22 июля 1906 г. Шифф сообщил Полу Варбургу, который тогда находился за границей, что Роберт Бэкон, тогдашний первый заместитель госсекретаря, написал ему лично, поздравив его фирму с завершением переговоров.

Один из крупных кредиторов страны, компания «Сан-Доминго Импрувмент», отказалась дать свое согласие, и в конце 1906 г. оказалось, что Госдепартамент не склонен представлять договор в сенат. В прессе поднялась большая шумиха по поводу возникших разногласий, и Шифф боялся, что отказ Госдепартамента представлять договор в сенат для ратификации составит впечатление, будто его фирма дезавуирована правительством. Он желал выяснить, почему сделка не состоится, и предать причину огласке.

На следующий год возникли новые разногласия, и 5 июля 1907 г. Шифф писал профессору Дж. Г. Холландеру, выступавшему в роли агента правительства США: «Я получил экземпляр договора между Республикой Сан-Доминго и «Мортон Траст К°», а также договора с фирмой «Кун, Лёб и К°» с изменениями и поправками, которые, как утверждается,

внесены доминиканским конгрессом. Не вдаваясь в подробности, мне кажется, что в результате внесенных изменений и поправок договор с держателями облигаций повисает в воздухе, поскольку необходимо представить на следующую сессию доминиканского конгресса корректировку по задолженностям, претензиям и концессиям, поскольку уже проведенная Вами корректировка, очевидно, не была сочтена окончательной. У нас еще не было времени внимательно ознакомиться с подробностями внесенных изменений и поправок, но мы будем очень признательны, если Вы представите свои соображения о том, на какой стадии находится дело; неплохо было бы встретиться лично. Мне кажется, что, в интересах нашего правительства, мы должны соблюдать осторожность; насколько я понимаю, Вы будете советоваться с Госдепартаментом по вопросу о желательности такого порядка действий».

Вскоре после этого в Нью-Йорк приехал Веласкес, министр финансов Сан-Доминго; после того как договор между Соединенными Штатами и Сан-Доминго был ратифицирован, они с Холландером убеждали фирму «Кун, Лёб и К°» пролонгировать договор. 29 июля 1907 г. Шифф писал Полу Варбургу: «Я откровенно заявил Холландеру и Веласкесу, что при нынешних обстоятельствах мы не желаем снова брать на себя столь неопределенные обязательства по принятию облигаций на сумму свыше 20 млн долларов на срок, который невозможно в настоящее время определить заранее; и я считаю, что сейчас у Веласкеса не оставалось иного выхода, кроме как заручиться полномочиями конгресса и подготовить контракт, такой же, как с нами, а затем, на основе своих полномочий, заключить контракт, когда возникнет подходящий момент. Они оба уверяли, что это невозможно, так как по конституции Сан-Доминго все договоры по размещению облигаций республики должны вначале быть ратифицированы ее конгрессом».

1 октября Шифф писал министру финансов Джорджу Б. Кортелью: «Возможно, Вам известно, что мы уже давно ведем переговоры с Республикой Сан-Доминго на покупку пятипроцентных консолидированных облигаций на сумму 20 млн долларов… которые должны быть выпущены в соответствии с договором или конвенцией, недавно заключенной между нашим правительством и республикой, с целью позволить Сан-Доминго разместить свои облигации и выплатить долг. Хотя договор был ратифицирован в сенате США, а также в конгрессе Сан-Доминго, соглашение, которое мы подготовили на покупку пятипроцентных облигаций на сумму 20 млн долларов, основанное на ратификации этого договора, не вступило в силу в течение

установленного нами срока. Министр финансов республики приезжал сюда и просил нас заключить новый договор, который будет представлен в конгрессе Сан-Доминго. Мы отклонили его предложение, настаивая, что конгресс примет разрешающий акт и наделит должностные лица правительства полномочиями утвердить договор, который должен быть окончательным, без необходимости его передачи для ратификации в конгресс.

Насколько нам известно, такой акт только что был принят конгрессом Сан-Доминго; тамошний министр финансов вскоре приедет в Нью-Йорк для возобновления переговоров с нами. Если мы возобновим переговоры, мы, в силу крупных изменений, произошедших на инвестиционных рынках, должны быть уверены в том, что они завершатся успешно. Для этого нам необходимо знать, уполномочите Вы или нет акцептацию этих пятипроцентных облигаций Республики Сан-Доминго Таможенным управлением правительства Соединенных Штатов, при депонировании в качестве обеспечения на депозиты государственных учреждений. Насколько мы понимаем, фактически облигации, о которых идет речь, основаны на вере в то, что США выполнят свои договорные обязательства, и в этом отношении мы считаем, что эти облигации столь же надежны… сколь и облигации Филиппин или Пуэрто-Рико. Если Вы сумеете выразить свое мнению по вопросу о том, будут ли новые облигации, выпущенные в строгом соответствии с условиями договора, акцептованы в государственных учреждениях, мы будем Вам очень признательны».

В мае 1908 г. он писал, что Сан-Доминго «как будто в очень хорошем состоянии» и что новые облигации достигнут хорошей рыночной стоимости.

В довоенный период Шифф принимал участие в финансировании других иностранных государств; в том числе в 1900 г. «Кун, Лёб и К°» разместила на 80 млн марок казначейских векселей Германии, а в 1912 г., совместно с «Нэшнл Сити Бэнк», – на 25 млн долларов казначейских векселей Австрии. Однако главным образом его интересы были связаны с финансированием Японии, отношениям с которой, в силу их важности, посвящена отдельная глава.

Глава 7

Как и многих других американцев, Шиффа влек к себе новый дух Японии, которая после экспедиции коммодора Перри в 1854 г. вышла из изоляции и все больше усваивала взгляды западной цивилизации. 9 сентября 1891 г. Шифф писал генералу Джеймсу Г. Уилсону: «Вы читали о смерти Ёсиды Киёниры? Я с прискорбием узнал о кончине этого замечательного и сравнительно молодого человека, который сделал больше, чем многие его соотечественники, для распространения цивилизации в Японии».

Впрочем, до Русско-японской войны, начавшейся в феврале 1904 г., его интерес носит чисто умозрительный характер. Участие Шиффа в финансировании Японии в 1904 и 1905 гг. привлекло внимание всего мира и имело серьезные последствия. В преддверии войны, когда в его присутствии высказывали мнение, что Япония не сможет воевать из-за недостатка у нее золота, Шифф объявил, что для победы в войне золото не главное, если война становится делом всей страны: большую часть расходов несет народ, который, если война пользуется популярностью, охотно принимает бумажные деньги, которые выпускают все правительства в ответ на возросшие расходы на военные нужды. Он и раньше, еще до того, как тема стала разменной монетой пропагандистов, подчеркивал, что утверждение, будто банкиры способны развязывать или предотвращать войны, – миф чистой воды и что народы идут воевать, когда испытывают в этом потребность.

Его отношение к «японским займам» и впоследствии с самой Японией было настолько важным и имело столь далеко идущие последствия, что во многом именно он организовал международный синдикат, в котором принимал самое деятельное участие. О роли Шиффа говорится в меморандуме, представленном Корэкиё Такахаси, бароном и виконтом, который позже отказался от своих титулов. Во время войны с Россией Такахаси был вице-губернатором банка Японии и финансовым уполномоченным японского правительства в Лондоне и Нью-Йорке, а позже стал президентом «Иокогамского банка золота и серебра», министром финансов и премьер-министром Японии. В его меморандуме содержится последовательный рассказ: «Впервые я познакомился с мистером Шиффом однажды вечером в конце апреля 1904 г. Тогда я только что приехал в Лондон как особый уполномоченный императорского правительства Японии. Поскольку в феврале того года началась Русско-японская война,

меня послали в Лондон с миссией соблюдения финансовых интересов моей страны и ведения переговоров о предоставлении займов для нашего правительства в соответствии с его потребностями и возможностями. На пути в Англию я проследовал через Америку и на несколько дней остановился в Нью-Йорке, где осторожно намекнул о перспективе ведения там финансовых операций. Я встретил там широкое сочувствие к моей родине; однако результаты моего прощупывания не показались слишком обнадеживающими. По правде говоря, я этому не удивился, потому что Америка в то время еще не привыкла к иностранным инвестициям в целом, и до тех пор между Америкой и Японией было мало финансовых связей, хотя страны поддерживали близкие коммерческие отношения друг с другом.

Я пересек Атлантический океан с надеждой, что в Лондоне условия для выполнения моего задания окажутся сравнительно благоприятными. Великобритания была нашей союзницей; Лондон считался главным мировым финансовым рынком; и у Японии там были друзья, обладавшие опытом выпуска японских займов. Однако переговоры о займе в то критическое время оказались нелегкими. Британцы сочувствовали нашей отваге, и наши друзья в финансовых кругах готовы были сделать все, что в их возможностях. Однако оставалось неясным, насколько далеко способны были зайти инвесторы в выражении сочувствия к Японии. Наши британские друзья считали, что дело облегчит участие американцев; но их предварительные справки, как и мои первые расспросы, не принесли немедленных результатов. Поэтому британские друзья посоветовали мне начать с пробного выпуска небольшого количества казначейских векселей. С другой стороны, наше правительство считало вопросом престижа в самом начале заручиться значительной суммой. Через несколько недель тщательных наблюдений и осторожных вопросов я заключил предварительное соглашение с группой, состоявшей из «Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации», «Банка Парра» и «Иокогамского банка золота и серебра», на заем в 10 млн фунтов стерлингов, причем половина суммы должна была быть выпущена немедленно, а вторая половина отложена на будущее. Наше правительство, желавшее выпустить векселя на всю сумму сразу, не спешило одобрить мой план.

Именно в то время я случайно оказался рядом с мистером Шиффом на ужине, который давал мой личный друг мистер Артур Хилл. Мне представили мистера Шиффа просто как американского финансиста, который возвращается домой после визита в Европу. Тогда я еще не совсем понимал, какое место он занимает в банковских кругах, и не представлял, что он за

человек; но, узнав о его необычном интересе к войне, а также к делам Японии в целом, я, естественно, постарался как можно подробнее разъяснить ему положение моей родины. Тогда я почти не представлял, что наш разговор положит начало его прочных отношений с Японией и близкой дружбы со мной! В тот вечер мы расстались как случайные знакомые. На следующий день я узнал от мистера А.А. Шанда из «Банка Парра», что некий американский банкир склонен взять на себя выпуск оставшейся части облигаций, о которой тогда велись переговоры, и этот банкир – не кто иной, как мистер Шифф из нью-йоркского банкирского дома «Кун, Лёб и К°». После наведения справок о связях его фирмы я выразил ему свою личную признательность, хотя считал преждевременным сообщать нашему правительству о намерениях мистера Шиффа на том этапе.

Необходимо помнить, что все происходило до того, как Япония победила в битве при Ялу, окончившейся 1 мая. Мистер Шифф принял решение поставить на Японию до того, как страна одержала свою первую решающую победу. Судя по всему, в те дни, когда велась битва при Ялу, он был занят переговорами с британскими банкирами с целью сформировать американскую группу. Через несколько дней после памятного сражения были подписаны необходимые договоры и соглашения между правительством Японии, британскими банками-эмитентами и фирмой «Кун, Лёб и К°», интересы которой представлял в Лондоне банкирский дом «Бэринг Бразерс и К°». В результате 11 мая были выпущены облигации 6 %-ного правительственного займа на сумму в 10 млн фунтов стерлингов. Американскую часть серии в размере 5 млн фунтов выкупило британское представительство фирмы «Кун, Лёб и К°»; облигации были выпущены в Нью-Йорке в тот же день, что и в Лондоне, группой, состоявшей из фирмы м-ра Шиффа, «Нэшнл Сити Бэнк» и «Национального коммерческого банка». По обе стороны Атлантики операция прошла с впечатляющим успехом.

Едва ли необходимо упоминать о том, что правительство Японии было глубоко признательно за успешный выпуск займа, предпринятого по инициативе Великобритании с американским участием. Оно получило деньги, требуемые на тот момент; но это было не все. Совместный выпуск нашего займа в Лондоне и Нью-Йорке в высшей степени приветствовался как материальное выражение моральной поддержки нашего дела Великобританией и Америкой. У меня есть основания также полагать, что американское участие в нашем займе было, как ни странно, приятно правительству Великобритании. Таким образом, предоставляя Японии финансовую помощь, Великобритания

точно следовала замыслу Америки. Заем показал, что сочувствие по отношению к Японии и понимание ее целей не сводилось лишь к одной союзнице Японии – Великобритании. Маркиз Лансдаун, министр иностранных дел Великобритании, выразил свое глубокое удовлетворение сэру Юэну Камерону из «Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации», когда ему сообщили, что часть японского займа будет размещена в Америке. По-моему, не случайно и то, что сразу после завершения переговоров о займе король Эдуард удостоил аудиенции мистера Шиффа и его близкого друга сэра Эрнеста Касселя. Сэр Эрнест пользовался большим авторитетом в мире международных финансов и считался персона грата при королевском дворе. Когда впоследствии я с ним познакомился, он упомянул о том, что его величество выразил по случаю свою признательность участию мистера Шиффа в «японском займе».

В то время я не до конца понимал, как мистер Шифф заинтересовался Японией. Вскоре после завершения переговоров он покинул Великобританию. И лишь позже, в ходе нашего все более дружеского общения с ним и сэром Эрнестом, я узнал мотивы и обстоятельства, приведшие к участию мистера Шиффа в японских финансовых операциях. Благодаря своей дружбе с сэром Эрнестом мистер Шифф, должно быть, был особенно хорошо осведомлен во всех аспектах и сторонах конфликта Японии с северной державой. Должно быть, он сознавал, что американское участие в «японском займе» горячо поддерживали в Англии. Должно быть, у него также имелись причины быть довольным, что он поставил не на проигравшую партию, ибо, в конце концов, для банкира бизнес есть бизнес. Мы, японцы, были уверены в нашем будущем, и «японский заем», с нашей точки зрения, был надежно обеспечен… Но, судя по тогдашним настроениям, риск, на который он пошел, был немалым. Во время моих переговоров с британскими банкирами Японию часто сравнивали с многообещающим юношей, который может как преуспеть, так и потерпеть поражение, в то время как Россию считали крупной землевладелицей, чей залог останется прочным независимо от превратностей судьбы. Поэтому нельзя отрицать, что сделка мистера Шиффа была очень смелым предприятием, особенно если учесть, что иностранные инвестиции в то время были еще нехоженой тропой для высших финансовых кругов Америки и он, разумеется, рисковал не только из одних соображений прибыли.

Обладая острым чувством справедливости, которое, как я заметил в нескольких случаях, граничило с суровостью, он принял близко к сердцу положение Японии. Ему казалось крайним оскорблением со стороны России вытеснение Японии с

Ляодунского полуострова в конце японо-китайской войны, вначале с целью отъема полуострова Россией у Китая, а затем в попытке теснить Японию в Корее. Таким образом, его сочувствие было всецело на стороне Японии. В то же время он, в силу своего происхождения, испытывал неприязнь к России. Он справедливо негодовал из-за притеснений, которые терпело еврейское население со стороны царского правительства. Он не питал злобы по отношению к русскому народу, но считал, что царское правительство России в высшей степени устарело. Система правления, способная на жестокость и вспышки насилия как внутри страны, так и в международных отношениях, должна быть свергнута в интересах угнетаемых народов, самого русского народа и всего мира в целом. Поэтому он стремился преподать правящему классу России наглядный урок. Оказавшись в Европе и хорошо разбираясь в хитросплетениях тогдашней политики, мистер Шифф усмотрел в войне желанную возможность для воплощения своей давней идеи. Он был уверен, что в случае поражения Россия неизбежно пойдет по пути перемен – либо в виде революции, либо в виде реформ, – и решил употребить все свое влияние на то, чтобы привлечь американские ресурсы на сторону Японии.

Придя таким образом к важному решению, мистер Шифф продолжал неизменно удовлетворять требованиям японского правительства в предоставлении средств, необходимых для ведения войны. Переговоры о втором военном займе начались через несколько месяцев после выпуска первого и снова представляли собой сложный процесс, потому что, несмотря на продолжающееся наступление наших войск, неопределенность положения в промежуточный период, особенно затянувшаяся осада Порт-Артура, разочаровывала даже тех иностранных наблюдателей, которые проявляли излишнее рвение после нашей блестящей победы при Ялу. Ужасная косность нашего огромного противника принимала угрожающие размеры, и у иностранцев снова возникли сомнения в окончательном исходе затянувшегося конфликта. Японское правительство и народ ожидали займа на льготных условиях вследствие своих побед, хотя зарубежные инвесторы были… подавлены и настроены скептически. Более того, условия американского рынка не были идентичны лондонским, и в Нью-Йорке наши уже выпущенные облигации котировались ниже. При таких сложных условиях наши британские друзья ждали подходящего случая и пытались выработать какой-нибудь осуществимый план. Мистер Шифф с самого начала предложил свои услуги и посоветовал японскому правительству прибегнуть еще к одной совместной эмиссии в

Лондоне и Нью-Йорке. По его мнению, Японии выгодно было немного выждать, когда настроения на американском рынке изменятся; самым главным соображением он считал возможность опередить в данном вопросе Россию. Его отношение выражено в направленной мне каблограмме, в которой он, в частности, писал: «Наше главное желание – снова помочь поддержать правительство Японии, что будет надежнейшим способом как можно скорее окончить эту страшную войну».

Он не просто следил за ходом военных действий, но был решительно настроен внести свой вклад в ход войны. Таким образом, несмотря на различные трудности, банкирский дом «Кун, Лёб и К°» и его американские партнеры продолжали сотрудничать с британской группой. После долгого и утомительного обмена мнениями между Токио, Лондоном и Нью-Йорком касательно условий и времени выпуска 14 ноября 1904 г. была совместно выпущена вторая серия японского правительственного шестипроцентного займа на сумму в 12 млн фунтов стерлингов. Условия остались теми же, что и для предыдущего выпуска, то есть две равные порции займа предлагались в подписку соответственно в Лондоне и Нью-Йорке.

Удовлетворительный результат операции значительно пополнил наши средства для ведения войны. Воздействие на боевой дух воюющих сторон стало еще большим преимуществом для нас, так как успешный выпуск займа наглядно продемонстрировал, что Япония может рассчитывать на неослабевающую поддержку британских и американских финансовых кругов. На первый взгляд могло показаться, что участие Лондона и Нью-Йорка в нашем первом военном займе – чистой воды везение. Повторение операции в довольно неблагоприятное время проверило настроения инвесторов, подтвердило факт финансовой поддержки Японии и установило привычную форму международной эмиссии, на которую могло рассчитывать японское правительство. Интересы, а также сочувствие британских и американских групп, за которыми стояли широкие круги инвесторов, с тех пор тесно переплелись с судьбой Японии. Результат операции наверняка разочаровал тех, кто надеялся на скорое истощение финансовых ресурсов Японии.

Вскоре после выпуска второй серии шестипроцентных облигаций нашего займа я вернулся на родину с целью лично доложить правительству о разных сторонах наших зарубежных финансовых операций. Остановившись по пути в Нью-Йорке, я получил возможность увидеться с мистером Шиффом. Мы с ним обменялись мнениями во взаимно откровенной и чистосердечной манере. Тогда я понял, что он привязался к Японии не только из

деловых соображений. Его первые шаги в сторону Японии были вызваны соображениями о России. Возможно, вначале он и судил о возможностях Японии просто с технической точки зрения, как банкир. Но в ходе операций с японским правительством углубился его интерес к нашей стране, его душу тронули наши национальные особенности, и он воспылал теплыми чувствами по отношению к нашему народу. Он не только подавал мне советы в насущных вопросах, но думал и о будущем экономическом развитии Японии и предупреждал о финансовых трудностях, с которыми мы столкнемся после войны. Я нашел в нем истинного друга моей родины, и можно сказать, что наша с ним личная дружба также началась в то время.

Достигнув в начале января 1905 г. берегов Японии, я получил известие о капитуляции Порт-Артура. Пробыв в Токио несколько недель, я снова отправился в Нью-Йорк и Лондон. 7 марта, когда я прибыл в Нью-Йорк, наши войска готовились к крупнейшему сухопутному сражению Русско-японской войны, которое окончилось сокрушительной победой при Мукдене. Благодаря важным событиям на фронте энтузиазм зарубежной публики значительно вырос, и перспективы нового займа, задуманного нашим правительством, казались весьма радужными. Единственное осложнение возникло из-за ходатайства со стороны новых возможных кредиторов. Впрочем, японское правительство намеревалось предоставить преимущество прежним группам, если их условия останутся разумными. Их помощь, оказанная нам при более сомнительных обстоятельствах, ни в коем случае не должна была быть забыта.

Мистер Шифф радовался успехам нашей армии. К его удовольствию, Япония оправдала его ожидания. Обсуждая перспективу будущего займа, мистер Шифф заверил меня в том, что он готов сотрудничать с нами на любых условиях, согласованных между японским правительством и лондонской группой. Получив от него карт-бланш, я отправился в Англию. Так как наши британские друзья были готовы к действиям, переговоры прошли быстро и гладко. Великодушные предварительные предложения мистера Шиффа сэкономили нам много времени и хлопот, и 24 марта был парафирован договор в письменной форме – спустя короткое время, всего через пять дней после моего приезда в Лондон. Результатом его стал выпуск 28 марта японских правительственных облигаций 4,5 %-ного займа на сумму 30 млн фунтов стерлингов, половина которого была предпринята американской группой на условиях, сходных с теми, что были приняты при двух предыдущих выпусках. По меркам того времени объем оказался необычайно велик. Согласие наших

британских и американских партнеров было получено на том основании, что щедрое предоставление средств Японии после ее первоначальных побед поможет сломить волю русских. Инвесторы откликнулись на такое предложение весьма охотно.

Новой чертой этого займа стало открытие канала для получение подписки в Германии. Группа немецких банков в сотрудничестве с рядом британских и американских финансистов предложили свое содействие в виде выпуска части облигаций в Германии. Поскольку прежние участники стремились разместить заем как можно быстрее, у них не было достаточно времени для обсуждения этого предложения, особенно из-за формальностей, которые необходимо было преодолеть для выпуска части займа в Германии. Однако, из уважения к выраженному Германией желанию, были указаны способы размещения наших облигаций в Германии через связь мистера Шиффа с гамбургской фирмой «М.М. Варбург и К°», которая выступала посредницей банков-эмитентов.

После начала войны я три раза проезжал через Нью-Йорк, но всякий раз мое пребывание там было ограниченным и занято насущными вопросами. В ответ на увещевания мистера Шиффа и других моих американских друзей я воспользовался возможностью передышки, полученной после выпуска первой серии 4,5 %-ного займа, и в конце апреля отправился в Соединенные Штаты на более долгий срок. 27 мая, когда Япония одержала победу на море, я находился в Бостоне и узнал о произошедшем из телеграммы мистера Шиффа. Вскоре после памятного события по инициативе и при посредничестве президента Рузвельта начались мирные переговоры. Примерно в то же время наше правительство поручило мне предпринять все возможное, чтобы разместить еще один крупный заем на международных рынках. Я сразу же проконсультировался с мистером Шиффом и послал телеграммы нашим британским друзьям. По-моему, мне повезло в том, что тогда удалось обсудить дело лично с мистером Шиффом. Я никогда не забуду наших с ним долгих разговоров на его вилле в Нью-Джерси, где он основательно изучал все стороны нашего проекта.

С самого начала мистер Шифф и наши британские друзья придерживались того мнения, что новый заем вполне возможен; однако возникли серьезные сомнения, особенно с британской стороны, относительно его целесообразности: слишком мало времени прошло с последнего займа. Поскольку доход был признан достаточным и соответствовал требованиям японского правительства примерно на год, было вполне естественно думать, что срочной потребности в новом займе быть не должно,

особенно ввиду близившегося мира. Новая эмиссия в таких обстоятельствах могла породить у инвесторов неверные представления относительно мотивов нашего правительства и надежности финансовых подсчетов. Поэтому нам посоветовали отложить операцию до тех пор, пока не появятся более убедительные основания. Такие доводы в то время казались неоспоримыми. Более того, наши британские друзья оказались бы в особенно трудном положении, потому что платежи по предыдущим сериям их части займа еще не были получены в полном объеме.

Вместе с тем наше правительство принимало во внимание более широкие соображения. Возникли сомнения в том, что русское правительство всерьез стремится к миру. Более того, наше правительство узнало, что в России существует сильная военная клика, которая верит в выносливость их страны и требует продолжать войну до победного конца. Несмотря на поражения русской армии, представители клики считали, что финансы Японии вскоре оскудеют, если Россия продержится еще какое-то время. Япония готова была заключить мир на разумных условиях. Но мы по-прежнему находились в состоянии войны и должны были готовиться к любым непредвиденным обстоятельствам. Более того, военные расходы почти не уменьшались даже после заключения мира. В случае провала мирных переговоров потребность в военных средствах могла вырасти вдвое, а настроение на зарубежных рынках, скорее всего, изменилось бы не в пользу займов. Кроме того, ввиду позиции русской военной клики, избыток финансов с нашей стороны был более надежным способом достижения мира. Именно по этой причине наше правительство хотело перед встречей полномочных представителей нарастить финансовую мощь. При благоприятном завершении мирных переговоров полученные займы пошли бы на финансовое урегулирование и экономическое развитие страны.

Выслушав мои объяснения и зрело взвесив все за и против, мистер Шифф определенно согласился с точкой зрения японского правительства и заверил меня в американской поддержке. Он предложил включить в процесс немецких инвесторов, чтобы избежать перегрузки англо-американских рынков. Не было сомнения в том, что правительство Японии одобрит участие Германии и по дипломатическим причинам. Мистер Шифф конфиденциально изучил немецкий рынок и был уверен в том, что в займе охотно примут участие «Варбург и К⁰», а также группа, возглавляемая «Немецко-азиатским банком». Насколько я понял, кайзер тогда пригласил к себе на яхту Макса М. Варбурга и президента «Немецко-азиатского банка»; он уговаривал их

незамедлительно заняться японскими делами. Мистер Шифф был готов разместить наш заем при участии своих немецких друзей, даже если бы Великобритания воздержалась от участия, хотя он не скрывал, что предпочитает все же действовать совместно со своими британскими друзьями и надеется на них. Для дальнейшего продвижения дела мистер Шифф заранее заручился согласием немецкой стороны на то, чтобы операция обошлась без обычных формальностей.

Подготовив таким образом почву в Нью-Йорке, я просил британскую сторону поддержать желание нашего правительства и стремиться к совместной эмиссии в Англии, Америке и Германии. Мистер Шифф также связывался с лордом Ревелстоком из банка «Бэринг Бразерс и К°», объяснил причины своего согласия с точкой зрения Японии. Не было сомнений в том, что мнение наших британских друзей останется неизменным в их горячем желании оказать помощь правительству Японии. В ожидании моего возвращения в Лондон они согласились с моей просьбой приступить к подготовительной работе с европейской стороны. Я прибыл в Лондон 2 июля. На следующий день, после нескольких частных переговоров и совещания представителей банков-эмитентов, на котором я подробно объяснил точку зрения японского правительства, наши британские друзья пришли к окончательному решению предпринять эмиссию совместно с Америкой и Германией. Вся необходимая подготовка заняла несколько дней, и вторая серия японского государственного займа под 4,5 % годовых на сумму в 30 млн фунтов стерлингов была выпущена 11 июля; объем был равными порциями поделен между тремя странами. В немецкую группу входили «Немецко-азиатский банк», с которым ассоциировались 11 ведущих банкирских домов, а также «М.М. Варбург и К°». Они взяли свою долю по соглашению с британской группой, но, после прецедента в Нью-Йорке, были уполномочены выпустить облигации на свое имя. Вопрос итоговых показателей для немецкой группы был довольно щекотливым, но его решение значительно облегчилось благодаря предварительному обмену мнениями мистера Шиффа с его немецкими друзьями, хотя окончательное решение вопроса было оставлено до переговоров заинтересованных сторон. Подписка на этот международный заем, предпринятый правительством Японии, превысила первоначальную сумму примерно в десять раз, и большое количество заявок на небольшое число облигаций стало его отличительной особенностью. Не приходится и говорить о том, что правительство и народ Японии очень тепло приветствовали добрую волю, сотрудничество и помощь прежних британской и

американской групп и новой немецкой группы, которые помогли нам расширить поле финансовой деятельности и укрепили наше положение как на войне, так и в мирных переговорах в этот чрезвычайно важный период времени.

Впоследствии я узнал от маркиза (тогда барона) Комуры, нашего министра иностранных дел и главного уполномоченного в Портсмуте, что именно он пожелал подкрепить дипломатические переговоры крупным международным займом. В «Мемуарах» графа Витте финансовое положение России в то время описано следующими словами: «Что касается положения наших финансов, то мне, как члену финансового комитета, бывшему так долго министром финансов, было и без министра финансов хорошо известно, что уже мы ведем войну на текущий долг, что министр финансов сколько бы то ни было серьезного займа в России сделать не может, так как он уже исчерпал все средства, а за границею никто более России денег не даст». Граф указывает на проявляемое в России «оптимистическое настроение относительно результатов войны» как одну из причин «полного финансового, а затем и экономического краха». Насколько по-другому выглядела ситуация из Японии! Сэр Эрнест Кассель, широко и близко связанный с международными делами, поделился со мной своим наблюдением, что назначение С.Ю. Витте главным уполномоченным на мирных переговорах в середине июля стало первым указанием реальной склонности к миру со стороны русского правительства, на что, видимо, повлияло известие о «японском займе». Война, дипломатия и финансы тесно взаимосвязаны. В то время как на финансовые операции оказывали влияние ход военных действий и дипломатические переговоры, финансовая поддержка наших зарубежных друзей и иностранных инвесторов значительно повлияли на наши успехи в войне и заключение мира. В этом отношении примечательна роль м-ра Шиффа, особенно в связи с первым 6 %-ным и вторым 4,5 %-ным займом.

Когда 29 августа в Портсмуте были согласованы условия мирного договора, мистер Шифф, не теряя времени, прислал мне телеграмму с единственным словом «Банзай». Его прогноз относительно исхода войны, сделанный на самых ранних стадиях военных действий, оказался безошибочным. И ход событий в самой России в целом соответствовал его представлениям, ибо во время и после войны в стране все больше распространялись политические и общественные брожения, и царскому правительству пришлось пойти на уступки народным требованиям, что нашло свое выражение в октябрьском манифесте 1905 г. и последующем созыве Думы. Не мое дело

оценивать происходившие в России реформы. Но я считаю, что мистер Шифф должен был испытывать некоторое удовлетворение, во всяком случае, от перемен в политике царского правительства.

После войны мистер Шифф продолжал проявлять к Японии живой интерес. Весной 1906 г. он вместе с госпожой Шифф и несколькими друзьями посетил нашу страну. Поскольку в его дневнике приведен подробный отчет о поездке, мне не нужно повторяться. Их осыпали сердечными и искренними изъявлениями благодарности и уважения. Они знакомились с официальными лицами, представителями знати и деловых кругов. Для них открывались двери самых знатных домов. В довершение всего император Мэйдзи удостоил мистера Шиффа личной аудиенции, за которой последовал обед. По прибытии во дворец его наградили орденом Восходящего солнца, более высокой наградой, чем орден Священного сокровища, которого он был удостоен в предыдущем году. На аудиенции император поблагодарил его за важную помощь, оказанную им японскому народу. За обедом, на котором имел честь присутствовать и я, мистер Шифф спросил, удобно ли предложить тост за здоровье императора. Поскольку предложение оказалось беспрецедентным, министр двора замешкался с ответом. После того как сам император выразил одобрение, мистер Шифф встал и выпил за его здоровье, процитировав слова, относящиеся к Джорджу Вашингтону: «Первый на войне, первый в мире, первый в сердцах своих соотечественников». Император, в свою очередь, провозгласил тост за здоровье мистера Шиффа. Хотя происшествие не имело аналогов и не обсуждалось заранее, оно не вызвало скандала, по моему мнению, благодаря искренней прямоте мистера Шиффа и здравомыслию императора. Это доказывает, что прием м-ра Шиффа при дворе стал не просто протокольным мероприятием. Так же тепло его принимали в других местах.

Мистера Шиффа заботили такие проблемы, как экономический рост Японии и ее связи с Америкой. По делам и на досуге, на словах и на деле он стремился помогать правительству Японии и своим японским друзьям. После того как утихло воодушевление военного времени, у нас не возникало частых поводов для ведения крупных дел в Нью-Йорке, как того, возможно, желал мистер Шифф; в то время американский финансовый рынок в целом еще не созрел для иностранных инвестиций. Но он делал все, что было в его силах, когда представлялся удачный случай. Участие прежней американской группы в нашем четырехпроцентном займе в ноябре 1905 г.

и выпуск в Нью-Йорке облигаций Токийского займа в 1912 г. – самые примечательные случаи воплощения замыслов мистера Шиффа. Продажу за границей акций «Промышленного банка Японии» как средство облегчения знакомства иностранного капитала с этим учреждением впервые предложил мне мистер Шифф, хотя практическим осуществлением этого плана занимался один лондонский банк. Перечислять менее яркие случаи его дружеского расположения к Японии не стоит, так как их слишком много.

Когда началась мировая война и Япония оказалась вовлечена в военные действия против Германии, мистер Шифф некоторое время избегал публичных отношений с Японией, потому что, как он объяснял мне тогда, Германия – его родина, и его связи с ней безусловно крепче, чем с любой другой страной, кроме Соединенных Штатов, гражданином которых он являлся. Однако он по-прежнему поддерживал теплые отношения со своими японскими друзьями. Тучи развеялись, когда в войну вступила Америка, так как Япония оказалась на одной стороне со страной, в которой жил мистер Шифф. Он вел теплую переписку с виконтом Исии, который приезжал в Америку с официальной миссией. Он поддерживал отношения с бароном Мегатой, который возглавлял нашу полуофициальную экономическую делегацию в Соединенных Штатах. «Америка, вместе со своими союзниками, должна во что бы то ни стало победить; Япония и Америка должны еще больше сблизиться». Слова с таким смыслом он часто повторял в своих письмах ко мне. Ему повезло прожить достаточно долго, чтобы застать конец войны. «Какое счастье, – писал он мне в декабре 1918 г., – что эта ужасная война закончилась! Лучший мир и человечность станут результатом всех великих жертв, которые были принесены».

Уверен, что мистер Шифф умер таким же добрым другом Японии, каким был при жизни. Его достижения останутся в памяти страны и в сердцах его японских друзей».

Непосредственное участие Шиффа в первых переговорах более подробно раскрывается в письме от лорда Ревелстока из банка «Бэринг Бразерс и К^{o}» от 10 мая 1904 г., в котором тот выражает радость от того, что имел возможность связаться с ним во время недавних переговоров: «Для меня было особой честью осознать Ваши совершенство и прямоту в ведении дел, и я поздравляю себя и свою фирму с тем, что нам повезло и мы сумели возобновить приятные отношения с Вами».

Характерно, что, поддерживая Японию во время войны с помощью займов, он выслал чек на 10 тыс. долларов генеральному консулу Японии в Нью-Йорке «как анонимный

вклад в фонд помощи раненым и пострадавшим в войне», и в тот же день послал чек на такую же сумму графу Кассини, российскому послу в Вашингтоне, в помощь раненым и пострадавшим со стороны России.

В главе, посвященной России, имеется ссылка на стремление Шиффа во время Портсмутской конференции, окончившейся заключением мирного договора между Россией и Японией, убедить графа Витте в необходимости улучшить положение евреев в России. Однако вполне очевидно, что во всем остальном Шифф стремился к заключению мира и тонко, хотя и довольно прямо, намекал на свои взгляды:

«Бар-Харбор, 25 августа 1905 г.
Его превосходительству К. Такахире,
Министру Японии и полномочному послу,
Портсмут (штат Нью-Гемпшир).
Уважаемый господин министр!

Я долго думал, стоит ли писать Вам, и серьезно прошу заранее не истолковывать превратно цель и дух данного письма.

Я знаю, что Японии не нужны ничьи советы и что те, кто в этот решающий момент наделены властью решать, продолжать войну или нет, лучше понимают, чего требуют интересы их страны. Однако я подумал, что, после размещения «японских займов» на зарубежных рынках, мое мнение касательно продолжения войны не встретит отпора с Вашей стороны и со стороны барона Комуры. Именно поэтому я в конце концов решился написать Вам.

Вполне очевидно, если восстановление мира не станет результатом настоящих переговоров, придется признать, что войну следует продолжать до победного конца или до полного истощения Японии либо России. Правда, Россия не сумеет найти сколько-нибудь крупных сумм для продолжения войны ни в Париже, ни в Берлине, но в таком случае она немедленно прибегнет к своему весьма значительному золотому запасу и, не колеблясь, откажется на время от золотого стандарта. Это нанесет серьезный удар по ее коммерции, ее национальному кредиту и всему ее будущему, но в час отчаяния она, не дрогнув, прибегнет к сильному средству, дабы подстраховаться против превратностей войны.

Что касается Японии, цены на ее иностранные займы немедленно упадут с 5 до 10 %. Само по себе это мелочь. Покупая облигации по военным ценам, инвесторы должны просчитывать риски… Однако я боюсь, что представители финансовых кругов в Соединенных Штатах, Англии и Германии, решив, что война

будет вестись до победного конца, откажутся и далее финансировать Японию в больших масштабах. Вот о чем я считаю своим долгом предупредить Вас и барона Комуру, хотя уверяю Вас в том, что, чем бы ни окончились переговоры в Портсмуте, моя фирма готова поддерживать Японию всеми средствами и употребив все свое влияние.

С выражением глубокого уважения к Вам и барону Комуре, остаюсь

Искренне Ваш

Джейкоб Г. Шифф».

22 февраля 1906 г. Шифф с супругой отправились из Нью-Йорка в Японию. Их сопровождали племянник, Эрнст Шифф из Лондона, Генри Бадж с супругой и Зигмунд Нойштадт с супругой, родители их невестки. Они отплыли из Сан-Франциско 9 марта. Об их путешествии сохранилась уникальное литературное свидетельство в форме книги в *1/* долю листа, красиво напечатанной на японской бумаге и прекрасно иллюстрированной, с надписью: «Наше путешествие в Японию – Джейкоб Г. Шифф. Издано в виде сюрприза автору. 10 января 1907 г.». Разъяснение этого довольно необычного титульного листа заключается в том, что его родственники сохранили письма, которые он посылал домой, а его жена распорядилась издать их и подарила ему томик на шестидесятилетие. Письма в форме дневника подробно описывают все, что с ними происходило, день за днем. 14 мая, в день их отплытия из Японии на родину, Шиффы дали ужин, на котором присутствовали многие знаменитости. По этому случаю он произнес следующую речь: «Ваши превосходительства, дамы и господа!

Мы с госпожой Шифф благодарим вас за оказанную нам честь. Приняв наше приглашение, вы позволили нам еще раз увидеться с друзьями перед нашим возвращением домой. Позвольте поблагодарить вас за гостеприимство, которое вы нам оказали, за стремление многих из тех, кого мы имеем честь сегодня принимать у себя, порадовать и занять нас во время нашего визита, где и когда возможно. Теперь, когда наш визит близится к концу, мы покидаем вас с сожалением и, уверяю вас, с чувством сердечной признательности к вашей стране.

Во время пребывания в вашей стране меня неоднократно спрашивали о моих впечатлениях, но, не желая преждевременно высказывать свои взгляды, я старался до сегодняшнего дня уклоняться от ответа. Я знаю, что такой же вопрос мне зададут, как только мы вернемся домой, и, расставаясь с вами, я думаю, что могу ответить со всей определенностью… По-моему,

главными чертами японского народа являются простота, бережливость и верность – верность своему императору, верность своей стране, верность друг другу. Я расскажу о вашей набожности и о трогательном почтении, с каким молодежь относится к пожилым людям, о любви, какую питают старики к молодым. Я скажу, что, по моему мнению, ваш народ черпает силу и уверенность в ранних и систематических занятиях мужественными видами спорта, физическом развитии, когда молодые люди приучаются контролировать и подавлять страсти. Кроме того, ваша сила – в жажде знаний, поскольку образование в вашей стране почти так же доступно и бесплатно, как воздух, которым вы дышите. Кроме того, не покривлю душой, если скажу, что Япония только что одержала победу в одной из величайших войн в истории, и ее народ… скромно вернулся к своим повседневным занятиям, очевидно решив компенсировать мирными средствами понесенные им жертвы, открыв новые рынки для своей торговли и промышленности – однако полный желания делить эти рынки с другими странами всего мира. В силу этого Япония наслаждается благосклонностью других стран и признанием своей руководящей роли в этом полушарии, которое теперь по праву ей принадлежит. Вот как я намерен говорить о Японии и ее народе. У вас есть свои недостатки; у кого их нет? У вас тоже есть торговцы древностями, но даже они оставляют покупателям достаточно средств на обратную дорогу.

И вот еще что: два месяца назад мы приехали с визитом, чтобы лучше познакомиться с вашей страной, вашим народом и вашими обычаями. Мы приехали как незнакомцы, но вы приняли нас с распростертыми объятиями, и вскоре мы уже не чувствовали себя здесь чужаками. Я знаю, вы хотели выказать нам признательность за услугу, которую мне повезло оказать вашей стране в то время, когда она нуждалась в друзьях. Но сейчас, когда вы столь великодушно уравновесили этот счет, позвольте мне выразить надежду: если мы приедем к вам снова или воспользуемся еще более приятной привилегией принимать кого-либо из вас у себя, нам не понадобится иного повода для того, чтобы раскрыть свои сердца друг другу, чем необходимость в дружеской встрече! Нет таких слов в нашем языке, какими я мог бы адекватно выразить то, что желаем сказать вам в час расставания мы с госпожой Шифф и нашими друзьями. Мы говорим вам «сайонара» – «до свидания». Я поднимаю свой бокал за ваше здоровье, счастье и процветание вашей страны… сайонара!»

Его собственная оценка той поездки содержится в последних словах дневника. Описав возвращение в Нью-Йорк в пятницу, 8

июня, он говорит: «Так закончилось наше путешествие на Дальний Восток. За 14 недель мы преодолели 20 тысяч миль. Поездка была успешной с начала до конца, мы благодарим Господа за то, что охранил «выхождение наше и вхождение наше»[19]. Закончился поистине интереснейший эпизод в нашей жизни; надеемся, что нам будет позволено вспоминать о нем еще много лет, а когда мы скончаемся, может быть, эта запись о приятном путешествии родителей вызовет интерес детей и внуков в стремительно меняющемся мире и в странах, предназначенных судьбой сыграть самую важную роль в еще не написанной истории».

Есть и другие личные письма, которые дополняют те, что он писал своим родным. Одно из них он отправил Касселю из Токио 8 апреля 1906 г.: «Прошло две недели с тех пор, как мы прибыли в Страну восходящего солнца, и мы наслаждаемся каждым часом нашего пребывания здесь. Все, начиная с микадо, необычайно добры к нам, и потому у нас появилась возможность изучить все стороны жизни Японии. На следующий день после нашего приезда в Токио император удостоил меня особой аудиенции, пожаловал мне орден Восходящего солнца и дал в мою честь обед, на котором присутствовали около пятнадцати персон. Жизнь во дворце точно напоминает европейские дворы, и император с таким же успехом мог бы оказаться европейским монархом, как японским микадо. После того последовал ряд ужинов и праздников в садах, которые устраивали временно исполняющий обязанности американского дипломатического представителя, министр финансов, директора «Банка Японии» и т. д. Наш друг Такахаси очень трогательно помогает нам и скрашивает наше пребывание здесь. Сам господин Такахаси живет по японскому обычаю, и его родные говорят только на языке этой страны, но мы довольно хорошо поняли друг друга за обедом, устроенным в его доме, когда сидели и ели на японский манер. На несколько дней мы поедем на север страны, после того в Киото, на юг, а затем отправимся на Внутреннее Японское море, что, возможно, займет большую часть времени. Мы намереваемся отплыть 18 мая.

У меня сложилось следующее впечатление о здешнем народе: японцы обладают большим умом, прилежны и скромны. Правительство, судя по всему, устроено превосходно; дела во всех департаментах ведутся добросовестно, и общественное мнение не слишком влияет на правительство. Для меня в настоящее время важно установить, велики ли ресурсы этой страны. Мне кажется, что главная сила страны заключается в постоянном развитии промышленности. Японская политика, вполне очевидно,

направляет все свое внимание на создание новых рынков путем колонизации, особенно в Корее и Маньчжурии. Несомненно, делается все, чтобы подчинить японскому влиянию Китай с его огромными ресурсами.

Недавно у меня состоялась встреча с министром финансов, Сакатани, который объяснил мне свои замыслы. Он рассчитывает направлять около 30 млн иен ежегодно на погашение долга, если сохранятся нынешние налоговые ставки. Частные железные дороги, как Вам известно, недавно были национализированы, для каковой цели в течение двух лет необходимо выпустить облигации внутреннего 5 %-ного займа на срок в десять лет на сумму в 400 млн иен. Однако правительство надеется выйти из сделки с прибылью, так как в покупку не входят нерентабельные соединительные ветки.

Японцы быстро учатся и не совершат много ошибок, способных воспрепятствовать развитию страны. При громадном предложении труда в стране, с гидроэнергией, которую приносят каждая гора и каждый холм (и которую только начинают применять для производства электричества), и не в последнюю очередь при той серьезности, с какой здесь подходят ко всем делам, страну, несомненно, ждет великое будущее…»[20]

Вернувшись в Америку, Шиффы привезли с собой единственную дочь Такахаси, тогда юную девушку, которая жила в их доме почти три года. Вскоре по прибытии в Нью-Йорк, 14 июня 1906 г., Шифф написал Такахаси о жизни и образовании его дочери: «Вакико уверяет, что регулярно пишет домой. Она здорова и, очевидно, счастлива в своем теперешнем окружении. Она очень нравится всей нашей семье, в том числе мистеру и миссис Варбург и их детям, которые на лето переехали к нам, а также профессору Лёбу и его жене, которые, как Вы помните, живут в соседнем доме. Миссис Лёб очень музыкальна; она заинтересовала Вакико игрой на фортепиано, которое, судя по всему, очень нравится Вакико. Гувернантка наших внуков, получившая образование учительницы, временно занимается с Вакико английским языком; по-моему, она стремительно усвоит наш язык, так как полна желания изучить его. Миссис Шифф договорилась с миссис Иманиси, что последняя нанесет нам визит на следующей неделе; тогда же она разработает методические указания по занятиям для Вакико, которые, однако, в летние месяцы нельзя будет проводить так регулярно, как осенью, когда мы вернемся в город. Пока заверяем Вас и госпожу Такахаси, что для Вашей дочери, к которой мы очень привязались, будет делаться все, что нужно. Климат и еда, похоже, весьма подходят Вакико, и потому она пребывает в

добром здравии, к Вашей радости и к радости ее матери».

В письмах много внимания уделено образованию дочери Такахаси; Шифф приводит один курьезный случай, когда девушке прислали книги, которые, очевидно, имели целью обратить ее в христианство.

«Родители мисс Такахаси решили воспитывать ее в синтоистской религии, и мы не знаем о каких-либо намерениях с ее стороны сменить веру, – пишет он. – Поэтому мы сочли своим долгом не позволять оказывать на девушку постороннее влияние, вследствие которого она могла стать христианкой, а поскольку книги, присланные мисс Г., хотя, несомненно, без всякого злого умысла с ее стороны, носили прозелитический характер, мы не советовали мисс Такахаси принимать их.

Вскоре мисс Такахаси возвращается к себе домой, в Токио, и если ее родители согласятся, чтобы она переменила веру, они, несомненно, устроят это под своим руководством, тем более что ее мать – христианка. Пишу Вам так подробно, чтобы Вы поняли наше положение. Сейчас мы исполняем роль ее опекунов. Надеемся, что Вы приедете к нам и нанесете мисс Такахаси визит, когда она снова приедет к нам из школы Брайарклифф, откуда она возвращается через несколько дней».

25 марта 1909 г., после того как девушка покинула Нью-Йорк, Шифф писал ее брату в Лондон: «Вакико едет домой, и завтра или послезавтра мы ожидаем узнать о ее благополучном возвращении в Японию. Мы не можем передать, как нам ее недостает и какой радостью было ее пребывание у нас последние три года. Когда она приехала к нам, она была совсем ребенком, а сейчас выросла и превратилась в молодую женщину, но осталась такой же милой, симпатичной, неискушенной и очень скромной в поведении и привычках. Расставание далось Вакико так же нелегко, как и нам, но мы с самого начала знали, что рано или поздно нам придется вернуть ее родителям, и это правильно. Ей не следует дольше оставаться вдали от родителей, которые и так принесли большую жертву, расставшись надолго с дочерью, чтобы она получила образование за границей. В конце концов, именно Япония, а не Америка – ее родина и ее судьба. Мы никогда не забудем Вакико, и, даже расставшись с ней, мы будем по-прежнему любить ее, вспоминая радость и удовольствие, которые она дарила нам все время, что прожила у нас.

Надеюсь, что вскоре и Вы вернетесь в Японию, и не сомневаюсь, что Вы также испытаете радость от воссоединения не только с родителями, но и с Вакико».

Предложение японского правительства конвертировать шестипроцентный военный заем в пятипроцентный стало одной

из причин большой финансовой депрессии 1907 года. 6 марта 1907 г. Шифф писал старшему Такахаси, который тогда находился в Лондоне: «Судя по всему, Вы добились весьма значительного успеха за последние 1–2 недели, придя к соглашению о погашении 6 %-ных облигаций военного займа. Хотя предлагаемые переговоры о 5 %-ных облигациях в Париже и Лондоне, естественно, не так выгодны для Вашего правительства, как Вы надеялись, в связи с большими переменами на международных денежных рынках, которые на время закрыли американский рынок не только для иностранных, но и для лучших внутренних инвестиций, думаю, Вы можете гордиться тем, что Вам удалось добиться размещения 5 %-ных облигаций на сумму в 23 млн фунтов почти по номиналу. Это достижение, возможно, тем ценнее, что проведенные Вами ранее переговоры шли в то время, когда рынки и в Европе, и в Америке были открыты для инвестиций, чего нельзя сказать о теперешних условиях.

Лично я, как и многие мои партнеры, глубоко сожалею, что из-за нынешней ситуации мы не можем помочь Вашему правительству… и Вам в рефинансировании военного долга. Однако нам кажется, что американский рынок, по крайней мере в ограниченных масштабах, насколько это возможно сейчас, будет сохранен для Вашего правительства, и вследствие этого, как Вы уже знаете, нам удалось получить подписку на новые облигации 5 %-ного займа в надежде, что американские держатели 6 %-ных облигаций могут продолжить инвестировать, вложившись в 5 %-ные облигации. Насколько успешной будет наша деятельность, трудно сказать заранее, поскольку у нас нет данных, по которым мы можем судить о количестве 6 %-ных облигаций, которые ходят здесь… Мы решили, что наш долг перед Вами и Вашим правительством состоит в том, чтобы официально открыть здесь подписку, даже без возможности получения нами прибыли…»

К 1908 г. ситуация на денежном рынке изменилась, и 17 июля Шифф писал Такахаси: «Как Вам известно, мы ведем переговоры через господина Иманиси о покупке краткосрочных векселей «Восточной пароходной компании» на 2 млн долларов, индоссированных «Иокогамским банком золота и серебра».

В 1914 г. Япония вступила в мировую войну по договору с Великобританией, о чем Шифф сожалел. Он намекал о своем отношении некоторым японским друзьям. Однако, все обдумав, пришел к выводу, которым поделился со своими корреспондентами еще до того, как в войну вступила Америка. Он понял, почему Япония не могла поступить иначе.

Когда Такахаси, ближе к концу войны, стал министром

финансов, Шифф писал ему: «Судя по тому, что Вы писали мне некоторое время назад, у меня сложилось впечатление, что Вы навсегда удалились от политической деятельности, предпочитая, после многолетних трудов на благо родины, посвятить остаток жизни благотворительности и прочим делам, направленным на общее благо. Однако я полагаю, что Вы почувствовали, что обязаны повиноваться призыву Вашей партии, когда в Вас возникла нужда при формировании правительства, и когда, насколько я понимаю, правительство впервые было сформировано всецело по партийному принципу, вполне справедливо, что вперед выходят виднейшие представители партии…

За последние две недели я встретил мистера Учида, бывшего посла в Швеции, который проезжал через наш город по пути домой. Я попросил его передать Вам письма и приветы. Кроме того, недавно я виделся с мистером Хиоки, вашим новым послом в Швеции, который завтра отплывает к месту службы и который, к моей радости, привез мне недавние добрые вести от Вас. Вчера вечером я был на ужине, который давал Генеральный консул Яда послу виконту Исии, который все больше симпатичен мне, чем чаще мы с ним видимся; при встречах мы всегда говорим о Вас. Посол весьма высокого мнения о Вас, что меня не удивляет».

После смерти Шиффа японские власти почтили его память. В июне 1921 г. японский консул в Нью-Йорке присутствовал на открытии бульвара в Нижнем Манхэттене, названного в честь Шиффа, а Кенго Мори, японский финансовый уполномоченный, проезжая Нью-Йорк по пути из Лондона в Токио, возложил венок на его могилу. Этот обычай до сих пор хранят представители Японии, которые совершают паломничество к его могиле, или, по их выражению, время от времени «навещают его».

Китайская империя тоже завязывала торговые и финансовые отношения с Европой и Америкой. Займы, при естественном порядке вещей, чаще всего делались в английских и европейских банках; несмотря на разногласия из-за иммиграции кули в США, в Китае давно поняли, что политического вмешательства скорее удастся избежать, если размещать облигации не через европейские, а через американские банки, поскольку стало очевидно, что никаких притязаний на территорию Китая у Америки нет.

Такой настрой стал результатом долгой и тщательной подготовки. Начиная с 1874 г. секретарем американской дипломатической миссии в Пекине был С. Уэллс Уильямс, видный американский ученый-синолог. Он с большой любовью относился к Китаю и многое сделал для налаживания дружеских отношений между двумя странами. Джеймс Б. Энджелл, мудрый

президент Мичиганского университета, служивший посланником в Китае, углубил дружеские связи между США и Китаем, хотя вынужден был обсуждать с китайским правительством условия закона, запрещавшего этническим китайцам переселяться в США.

Джон У. Фостер, служивший на многих государственных постах и бывший короткое время, в годы правления президента Гаррисона, государственным секретарем, лучше других представителей его поколения соответствовал понятию «кадровый дипломат». Оставив государственную службу, Фостер представлял различные международные организации, как лично, так и в составе трибуналов, и его труды в значительной степени повлияли на отношение Америки к Китаю. Шифф напрямую общался с Фостером, по крайней мере уже в 1892 г., то есть значительно раньше его связей с Японией. Во время японо-китайской войны возобновились запросы относительно предоставления займа Китаю в Соединенных Штатах, и 2 ноября 1894 г. Фостер обратился в банкирский дом «Кун, Лёб и К°» относительно займа в 1 млн фунтов стерлингов. При обсуждении условий он писал: «Последнее, по-моему, было передано мистером Шиффом генералу Уилсону несколько лет назад, в ответ на запрос».

30 ноября Шифф писал Касселю по поводу телеграммы, пришедшей из Китая: «Боюсь, мы сказали Вам более того, что было необходимо или оправдывалось перспективами переговоров. Но бывший секретарь Фостер был очень настойчив и выразил мнение, что мы не должны упускать возможность установления контактов в Пекине… Теперь остается лишь ждать, как обернутся события, и мы побеспокоим Вас только после того, как восстановится мир и отношения между Китаем и Японией вернутся в постоянное русло».

На следующий год финансовые переговоры с китайским правительством были перенесены в Англию, и Кассель привлек к ним внимание Шиффа. Шифф поздравил Касселя, узнав, что последний причастен к финансированию Китая, и добавил: «Фостер вчера телеграфировал из Тяньцзина с вопросом, возможно ли образовать крепкий американский синдикат, способный взять на себя строительство дороги из Кантона в Пекин».

30 апреля 1895 г. он писал генералу Уилсону: «Насколько я понимаю, Фостер пока не ответил на Вашу телеграмму, отправленную в прошлую пятницу. Как Вы увидите из прилагаемой телеграммы, полученной сегодня утром от Касселя, он всецело понимает ситуацию, и хотя его явно неверно информировали, неплохо, если Фостер будет начеку и не упустит

возможность проведения финансовых и железнодорожных переговоров, которые мы, не сомневаюсь, сумеем прекрасно провести с помощью Касселя».

Так называемое «боксерское восстание» стало первым из многочисленных выступлений в Китае, направленных против иностранцев. 23 июля 1900 г. Шифф писал генералу Уилсону: «… против Китая сильно погрешили, и нынешние беспорядки, хотя и ужасные… стали лишь естественным следствием».

Он спрашивал у генерала Уилсона, который тогда находился в Вашингтоне, сведения о китайских делах. Подобные сведения трудно было получить как в Государственном департаменте, так и в китайской дипломатической миссии, которую тогда возглавлял талантливый господин Юй. В то время Госдепартамент и дипмиссия получали обрывки телеграмм, и их безуспешно пытались расшифровать, хотя бы для того, чтобы понять, живы ли еще американский посланник Конджер, секретарь миссии Рокхилл и члены их семей. При таком положении дел финансовые переговоры, естественно, приостановились. Однако в феврале 1901 г. Шифф писал Уилсону: «Относительно беседы, которая у нас состоялась, и Вашего желания, чтобы я изложил письменно то, что говорил Вам устно, а именно свои взгляды на китайские финансы, чтобы Вы затем передали эти взгляды государственному секретарю, вынужден сказать следующее: материальные доходы Китая сейчас во многом заложены под обслуживание внешней задолженности, и невозможно разместить еще один крупный заем под таможенные расписки об уплате пошлины в договорных портах. Для того чтобы получить крупный заем и выплатить компенсацию, которую потребуют от страны великие державы, Китаю придется ввести совершенно новую систему налогообложения, с помощью и с одобрения великих держав, и доход от нее должен покрывать и внутренние потребности государства, и обслуживание выросшего долга.

На создание такой системы налогообложения уйдет время, и управление ею, возможно, придется передать под контроль смешанной комиссии, состоящей из представителей великих держав, как, в меньшей степени, было сделано в Египте после восстания Араби-паши в Египте в 1881 г., в результате чего Египет был не только избавлен от банкротства, нависавшего тогда над ним, но и разместил свои финансы на условиях, почти равных тем, что существовали в Англии. При таком положении дел нашему правительству можно и нужно играть главную роль, так как крупный заем, который понадобится Китаю, будет, по всей вероятности, в большой степени размещен на американских денежных рынках, поскольку европейские финансовые центры

сейчас не в состоянии принять большую часть такого займа».

Американская политика, направленная против раздела Китая между европейскими великими державами, была изложена в знаменитой ноте госсекретаря Джона Хея о политике «открытых дверей»; и различные дружественные действия американского правительства после «боксерского восстания» подтверждали его верность избранному курсу.

В течение ряда лет после 1905 г. замечательный молодой человек Уиллард Стрейт воодушевился высокой целью поддержки такой политики помощи Китаю и поддержания прочных финансовых отношений между Китаем и Америкой[21]. В 1905 г. Стрейт находился в Сеуле в должности вице-консула и секретаря американского посланника Эдварда В. Моргана; в том же году Сеул посетил Гарриман, который весьма заинтересовался Стрейтом. После Русско-японской войны, когда Япония практически захватила Корею, американская миссия в Сеуле была закрыта, а все дела перенесли в Токио. Позже Стрейта назначили генеральным консулом в Мукдене. Всякий раз, как у него появлялась такая возможность, Стрейт стремился оградить Китай от иностранной агрессии. По его мнению, он мог достичь своей цели только с помощью продвижения американских интересов в северном Китае, чего можно было добиться лишь одним способом: чтобы американский капитал вкладывал в Маньчжурию крупные средства, строил там железные дороги и разрабатывал природные богатства.

Гарриман, который всегда стремился завоевать другие миры, уже несколько лет вынашивал план всемирной транспортной системы, и его путешествие на Дальний Восток в 1905 г. было предпринято в основном в надежде, что русское правительство передаст американской компании контроль над Транссибирской магистралью. Шифф во время поездки в Японию в 1906 г. также не сомневался в стремлении Страны восходящего солнца колонизировать Корею и Маньчжурию и попытках полностью подчинить себе Китай. Его участие в финансовых делах Японии включало планы продления железных дорог Маньчжурии (которая по Портсмутскому миру отошла Японии), и его письма после мая 1906 г., главным образом Касселю и Такахаси, отмечают неослабевающий интерес к данному проекту, к которому обратился Гарриман после того, как его замыслы относительно Транссибирской магистрали окончились ничем.

К тому времени, как японцы готовы были приступить к финансированию маньчжурских железных дорог, в Америке началась паника 1907 г., и переговоры частично велись в Лондоне. Но 31 августа 1908 г., после того как условия в Америке

улучшились, Шифф писал Такахаси: «Не пора ли снова поднять вопрос о том, чтобы снять с Японии бремя финансирования Южной Маньчжурской железной дороги?»

Примерно тогда же берут начало отношения Стрейта с банкирским домом «Кун, Лёб и К°». 14 декабря 1908 г. Шифф писал Стрейту, тогда исполняющему обязанности главы Бюро дальневосточных дел при Государственном департаменте: «Сегодня лондонские друзья сообщили нам о грядущем выпуске Маньчжурского займа. Так ли это и имеет ли дело какое-либо отношение к вопросу, который мы сейчас с Вами обсуждаем?»

Переговоры начались в том же году, после того как 2 ноября Шифф известил Стрейта, что банк «Кун, Лёб и К°» готов взять на себя вопрос о «маньчжурском займе» на основе меморандума, представленного Таном, губернатором провинции Фэнтянь (Ляонин). Последний тогда направлялся в Америку, главным образом для выяснения возможностей займа в 200–300 млн долларов для реконструкции всей китайской фискальной системы. Меморандум, подготовленный в Китае Стрейтом и Таном, в первую очередь рассматривал вопрос создания банка в Маньчжурии для развития промышленных предприятий. Когда Тан приехал, банк «Кун, Лёб и К°» выразил готовность обсудить условия займа. Однако переговоры внезапно оборвались из-за смерти вдовствующей императрицы и последующей компрометации Тана в роли переговорщика. 19 марта 1909 г. Шифф писал Стрейту: «Возможно, будет неплохо, если Вы попытаетесь вступить в прямой контакт с Таном. Напомните ему о нашей готовности заниматься маньчжурскими и китайскими делами, но о целесообразности такого шага Вы, конечно, лучше всего способны судить сами».

Его интерес еще к одному крупному замыслу, который появился в то же время, явствует из письма к Такахаси от 24 декабря 1908 г.: «Недавно мы получили предложение от человека, пользующегося высоким доверием нашего правительства, однако его имени я пока не уполномочен раскрывать – как и не знаю, сделано ли его предложение на основе тщательной подготовки или по просьбе нашего правительства. Мы можем вести переговоры с китайским правительством, в результате которых последнее получит средства на покупку как Китайско-Восточной железной дороги, так и Южной Маньчжурской железной дороги, если Китай сочтет возможным договориться с Японией о том, чтобы она уже сейчас применила свое право на покупку, которое, по условиям концессионного договора, в 1932 г. перейдет к Китаю.

Мы пока не пришли ни к какому выводу относительно того,

как нам следует относиться к этим различным предложениям, и если Вы можете и сочтете уместным так поступить, мне бы очень хотелось получить Ваш ответ – возможно, телеграммой – относительно сложившейся ситуации… В первую очередь мы должны убедиться в том, что наша фирма удовлетворяет запросам Вашего правительства. Я думаю, возможно, в свете меморандумов, которыми недавно обменялись Ваше и наше правительства и в которых повторялись уверения насчет «политики открытых дверей» применительно к Китаю, все стремятся к завершению операции, если американского капитала хватит для строительства основной магистрали… как в южной, так и в северной Маньчжурии, и если в то же время Япония сумеет привлечь столь же крупные активы, какие сейчас задействованы в акционировании Южной Маньчжурской железной дороги. Буду с нетерпением и интересом ждать Вашего мнения по данному вопросу».

Через четыре дня он снова писал Такахаси: «Чем больше я обо всем думаю, тем больше мне, как доброжелателю Японии, кажется, что Вашему правительству следует серьезно обдумать вопрос о приобретении Китаем Южной Маньчжурской железной дороги, при условии, что Китай получит также во владение Китайскую Восточную железную дорогу. Совершенно независимо от того… что таким образом большая часть «замороженных активов» Вашего правительства будет обращена на покупку актива, благодаря распоряжению которым можно достичь значительного списания долга, это поставит Японию в такое положение, когда, после передачи Россией Китайской Восточной железной дороги, влияние России отодвинется и от китайской, и от японской границ. Таким образом, можно будет не бояться возобновления конфликта… и Япония, возможно, сможет сократить численность армии и количество вооружений, которые, пока Южная Маньчжурская железная дорога находится во владении Японии, должны поддерживаться на прежнем уровне как из-за Китая, так и из-за России. Более того, всегда существует вероятность, что, поскольку Южная Маньчжурская железная дорога находится исключительно во владении Японии, когда-нибудь китайскому правительству придется строить параллельную ветку, которая не только создаст постоянную угрозу и трения, но и также существенно снизит ценность материальных затрат, вложенных Японией в Южную Маньчжурскую дорогу.

Едва ли нужно напоминать Вам о том, что моя фирма ничего так не желает, как способствовать росту престижа Вашей страны… потому с нетерпением жду известий о том, как Вы и

члены Вашего кабинета, с которыми Вам, возможно, понадобится посоветоваться, воспримете мое предложение».

В начале января 1909 г. Шифф узнал, что японцы не хотят продавать дорогу, и посоветовал закрыть проект.

Администрация Тафта считала, что дипломатические отношения с Китаем следует, по европейскому примеру, подкреплять финансовой помощью. Секретарь Нокс настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты имели в Китае равное представительство с другими великими державами. Для него это был вопрос национальной политики. В результате образовалась американская группа по финансированию Китая, о чем Шифф сообщает Такахаси в письме от 15 июня 1909 г.: «Вы, несомненно, узнаете о том, что, по инициативе нашего правительства мы сформировали здесь финансовую группу, в которую вошли фирмы «Дж. П. Морган и К°», «Нэшнл Сити Бэнк», Первый национальный банк и наша, для участия в финансировании китайских государственных железнодорожных займов».

В мае 1909 г. китайское правительство заключило контракт с британскими, французскими и немецкими корпорациями на строительство железных дорог к западу и югу от Ханькоу. Но в 1904 г. Китай согласился предоставить американским корпорациям возможность участвовать в строительстве по крайней мере одной такой дороги, и Госдепартамент ждал от Китая исполнения этого соглашения. Как только вопрос начал активно продвигаться правительством, отдельным банкам невозможно стало представлять американские финансовые интересы. Поэтому образовалась американская банковская группа для финансирования всех железнодорожных концессий, которые американские капиталисты могли получить от китайского правительства. 29 июня 1909 г. Стрейт отправился за границу как представитель этой группы.

Письмо от 25 июня 1909 г. Отто Кану, который находился в Европе, свидетельствует о тогдашних настроениях Шиффа: «Я не испытываю никакого восторга по отношению к этой маленькой китайской сделке, так как пятипроцентные китайские облигации, которые идут по цене, близкой к номиналу, по-моему, совсем не привлекательны для американских капиталистов, и я не уверен, что облигации будут пользоваться спросом в нашей стране. Но рано или поздно необходимо будет произвести коренную реорганизацию Китая и его финансов, и почву для такой реорганизации неплохо подготовить сейчас, участвуя в операции».

Американские банкиры охотно шли на сотрудничество с европейцами, и в письме Касселю от 20 июля 1909 г. Шифф в

очередной раз намекает на то, что требование американской стороны о равной доле участия соответствует позиции Госдепартамента: «Мы бы с радостью пошли на уступку, которую требует европейская сторона для настоящей… китайской железнодорожной сделки, а именно сократили долю своего участия, однако этого не допустит наш Государственный департамент».

По прибытии в Пекин Стрейт обратился к правительству Китая с предложением возобновить старый проект Гарримана, связанный с Маньчжурским банком и строительством Маньчжурско-Монгольской ветки для стыковки с Транссибирской железной дорогой. 2 октября 1909 г. он провел предварительные переговоры о финансировании около 700 миль дороги. Поскольку за несколько недель до того умер Гарриман, Стрейт телеграфировал и писал Шиффу и Морганам, желая заручиться их поддержкой. В письмах и телеграммах он подробно объяснял план Гарримана. Но он не сумел заразить банкиров своим энтузиазмом и найти людей, заинтересованных в продолжении переговоров с правительством России.

Тем не менее Тафт и Государственный департамент планировали еще более масштабное дипломатическое предприятие: нейтрализацию всей системы маньчжурских железных дорог.

В ноябре 1908 г. Стрейт изложил план лично после того, как Шиффу намекнули, что Россия, возможно, захочет продать Китайско-Восточную железную дорогу. Кроли приводит запись в дневнике Стрейта за 10 января 1910 г.: «Должен сказать, что испытываю определенное удовлетворение в связи с этим проектом, так как он, в конце концов, мой и был задуман во время обеда с м-ром Шиффом в нью-йоркском Клубе юристов».

Американская политика вызвала протесты в России, а также в Великобритании и Японии, поэтому план провалился.

Летом 1909 г. Стрейт познакомился с Максом Варбургом, который впоследствии принимал активное участие в переговорах. 19 января 1910 г. Шифф писал Варбургу: «Мне жаль, что Вы столкнулись в Китае с такими трудностями. Известно, что в Китайской империи хватит и места, и населения для того, чтобы в будущем финансировать различные проекты».

В феврале 1910 г. вопрос о нейтрализации Маньчжурских железных дорог широко обсуждался. 24 февраля Шифф откровенно писал Такахаси: «Теперь перейдем к недавним действиям нашего правительства, предложившего нейтрализовать Маньчжурские железные дороги, что, по Вашим словам, вызвало такое сильное недовольство японского народа. У меня не было ни

одной возможности обсуждать вопрос ни с государственным секретарем, ни с другими членами правительства. Более того, мы ничего не знали о нем до тех пор, пока все не стало достоянием гласности. Однако я хорошо понимаю, что было на уме у секретаря Нокса, когда он делал такое предложение, и о чем думали его предшественники. Он, как и другие, боится, что нынешние условия непременно заключают в себе семя будущего соперничества, которое мудрые государственные деятели и сторонники мира между народами даже сейчас должны по возможности избегать. Вы, конечно, понимаете, что и представители высших кругов Вашей страны – точнее, покойный принц Ито, маркиз Иноуи и даже Ваш нынешний премьер-министр граф Кацура – сразу после войны договорились с мистером Гарриманом о передаче Южной Маньчжурской железной дороги в руки американо-японского синдиката ввиду ее превращения в международную линию. Данное соглашение было, справедливо или нет, аннулировано Японией единственно потому, что граф Комура, по возвращении из Портсмута без контрибуций за войну, боялся, что недовольство японцев… еще усилится, если придется в той или иной степени разделить управление Южной Маньчжурской железной дорогой. Несмотря на это, Ваши ведущие государственные деятели, в том числе нынешний премьер-министр, еще тогда предвидя угрозу, проявляли сильное желание сделать именно то, что недавно нерешительно предложило наше правительство. Если Вы скажете, что Ваш народ очень недоволен, я прекрасно все пойму, потому что народ легко увлечь вопросами национальной гордости, пусть и неоправданной; мудрые и дальновидные государственные деятели тем более обязаны направлять общественное мнение в нужное русло, когда есть все основания полагать, что его воздействие способно причинить ущерб».

В начале марта, присутствуя на обеде в нью-йоркском Республиканском клубе, Шифф принял участие в дискуссии, касавшейся предпринимаемых попыток удержать в подчинении Китай, где проживает четверть населения мира. Его очень задело то, что его замечания восприняли как намек на вероятную большую войну. Его речь подробно цитировали в Лондоне, Сан-Франциско и Токио, и он не жалел усилий, чтобы объясниться с друзьями, особенно с Такахаси:

«8 марта 1910 г.

Я решил сообщить Вам о событии, произошедшем несколько дней назад, которое сильно раздуто прессой. В прошлую субботу меня пригласили на обед, который устраивали в

Республиканском клубе, с целью дискуссии о «расовых предрассудках». Один из ведущих ораторов в ходе своей речи ссылался на попытки Японии и России «осадить», как он выразился, народ Китайской империи, и предрекал, что в будущем 400 миллионов человек невозможно будет подчинить странам с гораздо меньшим числом населения.

Позже меня довольно неожиданно попросили высказаться по обсуждавшимся вопросам, и я воспользовался случаем, чтобы предупредить всех об опасности, которая, по моему мнению, таит в себе нынешняя обстановка на Дальнем Востоке. Я сказал, что недавно стало вполне очевидно, что Япония и Россия в Маньчжурии протянули друг другу руки и действуют в унисон с очевидной целью удержать Китайскую империю в вассальной зависимости – при попустительстве

Англии, чьи интересы в данной ситуации, казалось бы, должны совпадать с интересами Соединенных Штатов. Далее я сказал, что, как друг Японии, оказавший ей содействие при финансировании военных займов, которые помогли ей победить в войне с Россией, «врагом человечества», я испытываю глубокое унижение, узнав, что, хотя не прошло и десяти лет, Япония объединилась с Россией в Китае, где развернется великое противостояние, если американский народ не поведет себя мудро и дальновидно. Я добавил, что, невзирая на численность населения, американский народ должен выступать исключительно за справедливость и право, и закончил свою речь словами иудейского пророка: «…не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф»[22].

В газетах сильно исказили мои слова и сделали вывод, будто я предсказываю войну на Дальнем Востоке, что совершенно не входило в мои намерения. Прошу прощения, если мои слова были истолкованы превратно, и тем не менее верю, что мои замечания – которые сейчас, естественно, находят как своих сторонников, так и противников – возымеют должное действие. Искренне надеюсь, что Япония, ее правительство и народ поймут: те, кто в большой степени бескорыстно защищали Японию в ее недавней отчаянной борьбе с Россией, не станут молча стоять в стороне и наблюдать, как Япония объединяется с Россией, стремясь удержать Маньчжурию в частности и Китай в целом в зависимости и подчинении, тем самым косвенно вытесняя Соединенные Штаты и другие страны с дальневосточных рынков.

Позвольте мне еще и еще раз заверить Вас в том, что я продолжаю относиться к японскому народу с теплой привязанностью и готов сделать все, что в моих силах, чтобы удержать его от действий, которые, хотя в ближайшее время,

возможно, и сулят материальные выгоды, в перспективе не могут, по моему мнению, способствовать его счастью.

Остаюсь Вашим искренним другом,
Джейкоб Г. Шифф».

Такахаси ответил дружеским письмом, что очевидно из ответа Шиффа, написанного 24 мая: «Я получил… Ваш ответ на свое письмо, отправленное около двух недель назад… Должен признаться, что Ваше письмо принесло мне значительное облегчение. Я очень волновался из-за того, что так долго не имел от Вас известий, и приписывал это недоразумению… после моего высказывания относительно китайских, точнее, маньчжурских дел. Я так часто и так подробно объяснялся с Вами по данному вопросу, что надеюсь, Вы вполне меня понимаете; не сомневайтесь, то, что я сказал, никоим образом не объясняется тем, что я привязан к Японии меньше, чем раньше. Однако мне показалось, что я должен всячески прояснить недопонимание между нашими странами. Пусть же размолвки останутся в прошлом! Надеюсь, при проявленной с обеих сторон доброй воле эти вопросы будут в конечном счете решены к взаимному удовлетворению».

Весной того же года в Париже было достигнуто соглашение об американском участии в Хукуаньском железнодорожном займе. На следующий год, когда облигации были выпущены, Шифф 18 июня 1911 г. писал Касселю из Тироля: «Из Нью-Йорка мне телеграфировали, что подписка на американский пакет китайских облигаций превышена в 5 раз и что самую крупную подписку получила фирма «Кун, Лёб и К°».

Конференции, проведенные в Европе летом 1910 г., окончились официальным учреждением Международного китайского консорциума, в который вошли ведущие банки Соединенных Штатов, Англии, Франции и Германии. Представители всех стран действовали в тесном взаимодействии и при поддержке своих министерств иностранных дел. Вскоре после этого китайцы запросили заем, необходимый для проведения фискальной реформы, в размере 50 млн долларов. Часть займа должна была также пойти на развитие Маньчжурии. В письме Такахаси от 5 января 1911 г. Шифф выразил согласие на то, чтобы в международную группу вступили также японские банкиры. В июне 1912 г. план воплотился в жизнь, и в консорциум приняли представителей Японии и России, отчего группа стала шестисторонней. Впоследствии участники, с санкции правительств своих стран, договорились предложить новому правительству Китая заем на реорганизацию. Со временем

сумму займа увеличили почти до 60 млн долларов, хотя первая серия облигаций не должна была превышать суммы в 20 млн долларов. Впрочем, китайское правительство не сразу приняло предложение.

Через две недели после своего избрания президент Вудро Вильсон открыто отрекся от «долларовой дипломатии» Нокса. После переговоров между государственным секретарем Брайаном и представителями «Дж. П. Морган и К°» и «Кун, Лёб и К°», игравшими главные роли в американской части консорциума, банкиров поставили в известность, что правительство больше не желает сотрудничать с ними. Поэтому они вышли из международного консорциума. 23 марта 1913 г., вскоре после того, как к власти пришла администрация Вильсона, Шифф писал Касселю: «Китайское дело, похоже, зашло в тупик, во всяком случае с американской стороны: новая администрация не хочет, чтобы банки продолжали свою работу. Лично я рад, что мы сумели выйти из этого с честью».

Он предвидел будущие трудности в Китае, хотя в мае 1913 г. поздравлял причастных к делу банкиров с успешным выпуском облигаций «китайского займа» в Англии и в Европе. Он писал Такахаси: «Судя по всему, «китайский заем», который только что был выпущен в Лондоне и на континенте, пользуется большим успехом, и, хотя мне немного жаль, что американские банки, из-за политики новой администрации, не смогли далее участвовать в работе Шестисторонней группы, я… по многим причинам не испытываю недовольства из-за того, что мы вышли из консорциума. Вполне очевидно, что Китаю понадобятся очень крупные суммы на текущие и будущие нужды и предоставление средств связано с большими расходами на международных денежных рынках, а поскольку Соединенные Штаты не в состоянии будут в дальнейшем предоставлять такие средства, лучше нам и не начинать. Более того, похоже, Китай столкнулся с внутренними трудностями, и боюсь, те, кто занимаются его финансами, не смогут почивать на лаврах. Я прекрасно понимаю, что Японии необходимо быть в курсе всех китайских дел, и потому Япония непременно будет участвовать в финансировании Китайской республики, пусть даже в одиночку она не в состоянии предоставить нужные средства».

Интересно отметить, что по просьбе правительства Соединенных Штатов в 1918 г. вновь была сформирована американская группа по финансированию Китая, о чем будет упомянуто далее.

Глава 8

Для того чтобы нарисовать полную картину экономических и финансовых потрясений конца XIX в., необходимо сверяться с финансовой историей того периода. По разным причинам эти потрясения оказались особенно сильными в Соединенных Штатах. Сама протяженность страны и природа федеральных органов власти с делегированными полномочиями, стали определяющими факторами, которые действовали против централизации финансовой системы. Предложения создать центральный банк встречали ожесточенный отпор; большие природные богатства страны позволяли многим, в том числе и представителям власти, считать, что в США не нужен такой фискальный контроль, какой существует в странах Старого Света. После Гражданской войны в США было уничтожено много материальных ресурсов, а государственные финансы оказались подорваны. Дополнительные трудности возникали из-за попытки разместить в трудное время большое количество бумажных денег под обеспечение золота, а также из-за последующих спекуляций в американских предприятиях, которые в значительной степени были поддержаны иностранцами. Тем не менее страна хотела решительно отмежеваться от финансовых стандартов Старого Света, и даже многие банки проявляли неведение относительно мировых условий. В результате такого положения, хотя в целом страна процветала и неуклонно двигалась к еще большему процветанию, ее финансы и валютная система почти все время находились в состоянии, которое смело можно назвать хаотическим.

В 1890 г. конгресс принял закон, известный как «Закон Шермана о закупках серебра», по которому правительство уполномочено было ежемесячно покупать 4,5 млн унций чистого серебра по рыночной цене с оплатой в форме казначейских билетов. Эти билеты являлись законным средством платежа и подлежали погашению секретарем казначейства золотыми или серебряными монетами, по усмотрению их владельца. Из-за накопления оцененных слишком высоко серебряных долларов в казначействе, сокращения запасов золота в связи с ростом его экспорта, а также вследствие того, что банки требовали погашения казначейских векселей золотом, доверие населения к способности государства обеспечить золотом выпускаемые им бумажные деньги было поколеблено. Дальнейшие осложнения, вызванные этим законом, породили большие трудности как в США, так и за пределами страны.

Из-за беспрецедентного роста экспорта золота в начале 1891

г. президент Гаррисон сделал заявление, в котором говорил, что считает правительство обязанным поддерживать паритет между различными видами денег, чтобы доллар всегда стоил доллар. Шифф подготовил проект доклада финансово-валютному комитету Торговой палаты и представил его вниманию экс-президента Кливленда, тогдашнего сенатора Джона Шермана, тогдашнего министра финансов Чарлза Фостера и многих других: «По мнению вашего комитета, существующее законодательство позволяет правительству пополнять золотой запас путем продажи облигаций… Ваш комитет рекомендует Палате выразить свое одобрение откровенности президента Соединенных Штатов, который напомнил о долге правительства поддерживать номинальную ценность выпущенных им денег. В то же время он говорил о необходимости не только сохранять неприкосновенность нынешнего так называемого амортизационного фонда, но и увеличивать этот фонд время от времени, так как по существующему законодательству увеличился объем валюты».

Позже в том же году Торговая палата без прений приняла резолюцию, призывающую к отмене «Закона о закупке серебра» как противоречащего государственным интересам. Хотя Шифф последовательно выступал против инфляционной политики сторонников этого закона, он считал, что растущая страна равным образом пострадает от дефляции, принятой волевым решением. Он опубликовал статью[23], в которой указывал, что, с постепенным погашением государственного долга и циркуляцией государственных казначейских билетов, основанной на нем, Соединенные Штаты перейдут от одного валютного кризиса к другому: необходимы «резиновые» деньги, денежная система без золотого содержания, которая будет расширяться и сжиматься в зависимости от требований промышленности и торговли, но, к сожалению, неизвестно, получат ли банки новые привилегии. В целом он в то время считал отмену закона 1890 г. нежелательной, хотя и считал, что в него необходимо внести поправки. Требовать немедленной отмены, не вводя вначале других мер, значит породить частное недоверие, «все равно что лишать пациента поддерживающего лекарства, приведя его на грань смерти, не пытаясь подобрать средство, которое привело бы к стойкому выздоровлению».

По предложению Фостера, Шифф встретился с заместителем министра финансов Эллисом Генри Робертсом, о чем писал Фостеру 27 июня 1892 г.: «Хотя сейчас едва ли целесообразно экспортировать больше золота, все же… поскольку нас могут снова призвать в любое время и потребовать предоставления

значительных сумм, маловероятно, что такое опасное положение будет устранено хотя бы до конца августа. Боюсь, что при нынешних финансовых условиях в нашей стране мы останемся в том же положении, что и раньше. В конце концов, введение серебряного стандарта – лишь вопрос времени и обстоятельств. Я знаю, Вы употребите все влияние, сосредоточенное в Ваших руках, чтобы избежать подобной ситуации, но боюсь, что Ваше влияние скорее кажущееся, чем реальное. Оно состоит главным образом в полномочиях секретаря казначейства продавать облигации с целью пополнения золотого запаса, но я не понимаю, откуда поступит это золото. Если оно должно поступать от собственников внутри страны, то от такой меры мало пользы, ибо они могут в любое время прийти в казначейство и потребовать золото в обмен на казначейские билеты, воспользовавшись золотом в уплату за облигации, которые продает казначейство. Если же правительство собирается размещать облигации за границей и получать золото оттуда, скоро окажется, что наши государственные облигации внутри страны расходятся по более высокой цене, и после того, как наши облигации будут размещены в Европе, они вернутся на родину из-за повышенного спроса, и золото, которым Европа заплатила за облигации, поплывет назад в уплату за их покупку…

Есть одно надежное средство, способное исправить ситуацию, хотя принять вовремя соответствующие законы едва ли удастся; но их необходимо принять, если мы хотим избежать перехода на серебряный стандарт. Трудно, а в настоящее время, наверное, невозможно отменить закон о закупках серебра 1890 г., зато в него можно внести поправки, наделив секретаря казначейства правом погашать казначейские билеты серебряными слитками по рыночной цене. Вот единственный процесс, с помощью которого можно не прерывать применения серебра в нашей валютной системе, и вот единственный способ, благодаря которому мы можем добиться эффективного сотрудничества Европы по международному соглашению. Однако пока мое предложение носит лишь гипотетический характер и потому не имеет практической или сиюминутной ценности. Чтобы преодолеть нынешние трудности, можно и нужно предпринять следующее: Первое. Банки следует разубедить накапливать золото – либо с помощью казначейства, либо приняв соответствующие законы. У банков нет золотых облигаций, а если, как происходит сейчас, они используют свои механизмы с целью накопления золота и экспорта казначейских билетов, а не золотых сертификатов, это кончается попыткой «овладеть рынком». Следует употребить все законные средства, чтобы собрать золотой запас страны в

казначействе для защиты национальной валюты, а не в банках, чьи акционеры станут бенефициариями любых накоплений золота, если последнее вырастет в цене.

Второе. Казначейство должно по возможности затруднять экспорт золота, а не облегчать его. Для этого заместитель министра финансов в Нью-Йорке не должен заранее оповещать о том, какие золотые монеты он будет предоставлять для выкупа золотых сертификатов. Неопределенность сделает невозможным для европейских банкиров заранее подсчитывать, сколько будет стоить золото, что, возможно, покончит с существующей практикой экспорта золота с самой малой маржей прибыли.

Третье. Золотые сертификаты погашаются только в Нью-Йорке. Казначейские билеты, в объемах, скажем, превышающих 10 тыс. долларов, должны отправляться для погашения в Вашингтон. Данная мера также способна затруднить экспорт золотых сертификатов – по крайней мере до тех пор, пока банки отказываются погашать их в больших количествах. Кроме того, данная мера в значительной степени оградит казначейство от необходимости погашать сертификаты валютой, выраженной в законном платежном средстве.

Я согласен с Вашим мнением, что Ваша поездка в Нью-Йорк для возможных консультаций с представителями банков может оказаться непростой, и уверяю Вас, что ничто не доставит мне больше удовлетворения и радости, чем в любое время быть в Вашем распоряжении и предоставлять Вам мои советы. Убежден, что на нынешнюю администрацию можно положиться в том, что она обеспечит любую защиту, предоставляемую по существующему законодательству, и впредь будет употреблять свое влияние для принятия законов, необходимых для того, чтобы избежать в дальнейшем нынешних угроз».

Когда в том же году сенат принял закон о свободной чеканке монеты, Шифф писал сенатору Энтони Хиггинсу, выступавшему против закона: «Есть пословица, что у пьяниц свой Бог, который всегда в последний момент защищает их от опасностей; также и нам следует надеяться, что удача, которая никогда не покидала нашу страну и которая почти в каждый кризис спасала ее, еще улыбнется нам в нашем нынешнем положении и не даст ввести обесцененное платежное средство, к чему мы, даже в отсутствие свободной чеканки, несемся на всех парусах».

В январе 1892 г. он высказался в пользу новой национальной банковской валюты – обеспеченной по крайней мере на ЗЗУ$_3$% коммерческой бумагой (векселями), но растущая безотлагательность финансового положения толкнула его в мае 1893 г. предложить временные меры Чарлзу С. Фэрчайлду,

министру финансов в составе первого кабинета Кливленда. Очевидно, его предложения были переданы Кливленду, который попросил Шиффа изложить свою точку зрения, что он и сделал в следующем меморандуме:

«19 мая 1893 г.

Вероятно, в следующие три месяца утечка золота продолжится. Хотя невозможно предсказать с той или иной степенью точности объем золота, который будет вывезен за границу, судя по настоящим признакам, мы, возможно, вывезем за лето от 25 до 35 млн. Некоторое удовлетворение доставляет то, что, несмотря на значительный рост денежного курса в Лондоне за последние три недели, спрос на денежные переводы сейчас не слишком высок, а с уменьшением импорта, скорее всего, приведет к общей ликвидации или сокращению торговых кредитов… а также к ожидаемым переменам тарифов. Учитывая это, вполне вероятно, что торговый баланс вскоре может оказаться более благоприятным для нашей страны, особенно если удастся собрать хороший урожай. При таком положении дел кажется, что казначейству следует по-прежнему предоставлять… золото, которое, несомненно, потребуется для поставок на экспорт, даже если придется вследствие этого значительно сократить резерв. Администрация должна дать недвусмысленные гарантии того, что она не только будет придерживаться данного курса, но и пополнит резерв при первой же возможности. Политика правительства должна быть ясной и недвусмысленной, ибо в такое время, как сейчас, нет ничего более опасного… чем неопределенность курса, которого придерживается администрация.

Пока следует воздержаться от выпуска облигаций. Их нельзя будет разместить в Европе без риска немедленного возвращения (что, по очевидным причинам, бывает во все времена), в то время как продажа облигаций внутри страны переведет значительную часть не слишком обильных фондов, которые доступны теперь для коммерческих целей, из банков в казначейство, что вызовет самые серьезные последствия. Однако необходимо понимать, что, как только конгресс более определенно выскажется по валютному вопросу, администрация выпустит и разместит достаточное количество облигаций, чтобы пополнить золотой запас в казначействе… Если удастся убедить широкую общественность в том, что страна последует этому курсу, укрепится уверенность как внутри страны, так и за ее пределами, и данному курсу можно будет следовать, даже если в течение следующих нескольких месяцев возникнет необходимость почерпнуть

крупные средства из золотого запаса.

Опасно слишком медлить с созывом конгресса. Правда, в настоящее время наша страна пожинает плоды ошибочного валютного законодательства, но не приходится сомневаться: защитники серебряного стандарта объявят о том, что нынешний денежный дефицит и существующее недоверие прекратятся, если одобрят свободную чеканку серебряной монеты. Пока неясно, прислушаются ли к этой ереси жители Запада и Юга. Опыт подсказывает, что сторонники золотого стандарта постепенно одержат верх в связи с нынешним неопределенным положением.

Наш долг – снова и снова энергично пытаться отменить закон о закупках серебра 1890 г. Если, вопреки надеждам, эти попытки окончатся безрезультатно, в качестве последнего средства можно прибегнуть к компромиссу, способному спасти страну от перехода к серебряному стандарту, к чему мы сейчас движемся медленно, но верно. Предложение отмены налога на денежное обращение, как и предложение прекратить ежемесячный выпуск казначейских билетов, не должно воплотиться в жизнь. Лучше государственная валюта, пусть даже основанная на серебре, чем сорок или более банков, которые выпускают облигации разного свойства и разной обеспеченности; тогда у нас будет хаос вместо денег.

Прилагаю меморандум с предложенными компромиссными мерами, которые, ни в коей мере не являясь идеальными, должны быть приняты всеми честными поборниками серебряного стандарта и которые, благодаря автоматически включенным в них мерам предосторожности… должны очень быстро и адекватно урегулировать объем валюты и положить конец чеканке серебра в том случае, если страна окажется не способной разместить прирост основного капитала. Однако полная и безоговорочная отмена… «закона о закупках серебра» была бы гораздо предпочтительнее, особенно если ему на смену придет закон о крепкой национальной банковской валюте – надежда, которая, к сожалению, в настоящее время кажется невыполнимой.

Три соображения, более чем все остальное, затрудняют поддержание торгового баланса в нашу пользу и, следовательно, усугубляют наши валютные проблемы. Во-первых, речь идет о расточительности внутри страны, постоянное стимулирование импорта в крупных размерах; во-вторых, стремление наших граждан ездить в Европу, что влечет за собой постоянные денежные переводы за границу в уплату за расходы американских туристов; в-третьих, наши навигационные законы, в силу которых заокеанская торговля почти полностью перешла на иностранные суда, что повлекло за собой переводы за границу громадных сумм, от 200 до 300 млн долларов ежегодно, в уплату за фрахт и

за пассажирские перевозки. Первые два препятствия нельзя устранить на законодательном уровне, однако возможно, в дополнение к уже предпринятым попыткам, скорректировать последнее и таким образом убрать постоянную угрозу удержания нашего золотого запаса.

Предложенные компромиссные меры

Отменить закон 1890 г. в части прямых закупок серебра. Изменить стандарт, приведя его по возможности в соответствие с существующими условиями. Принять новые законы, возложив на секретаря казначейства обязанность постепенно изъять из обращения казначейские билеты 1890 г., погашая их по мере обращения серебряными долларами, которые необходимо сейчас же отчеканить вазначействе в этих целях из серебряных слитков; увеличить чеканку для Казначейства Соединенных Штатов всех излишков слитков за пределами количества, требуемого для отмены казначейских билетов. Принять закон о свободной чеканке монеты. Санкционировать выпуск монетных билетов деноминацией в пять долларов и выше, под залог отчеканенного серебра. Внести в закон положение о том, что в Казначействе Соединенных Штатов будет храниться резерв в золоте (после вычета количества, необходимого для погашения непогашенных золотых сертификатов), равный по объему по меньшей мере 15 % количества всех видов непогашенных векселей Соединенных Штатов, в том числе серебряных сертификатов 1878 г., и предусмотреть приостановление чеканки серебряной монеты всякий раз, когда золотой резерв уменьшается по причине погашения золотом любых банковских билетов Соединенных Штатов. Чеканку серебра не возобновлять до тех пор, пока золотовалютный запас не восстановится в соответствии с законными требованиями. Уполномочить выпуск миллионных облигаций на предъявителя для продажи с целью установления минимального золотого запаса и адекватного активного сальдо по текущим расчетам».

Тем временем страна вступала в большой финансовый кризис. Шифф снова обратился к Кливленду и предупредил: то, будет ли следующая за кризисом депрессия глубокой, в большой степени зависит от быстроты, с какой будет восстановлена уверенность, которая, по общему мнению, связана с отменой «закона Шермана». Кроме того, «настроения в стране в целом претерпели столь коренные изменения, что необходимо срочно отменить закон, если конгресс соберется в ближайшем будущем. О том, правильно ли это заключение, несомненно, судить лучше Вам, мистер президент».

7 августа президент созвал внеочередное заседание конгресса. 19 августа, когда законопроект об отмене «закона Шермана» был принят подавляющим большинством членов палаты представителей, Шифф написал: «Нужно поздравить страну с тем, что Вы проявили решительность в то время, когда другие сомневались и отчаивались». Он послал поздравительное письмо Уильяму Л. Уилсону, одному из лидеров демократов в палате. Однако сенат не спешил, и только 30 октября «закон Шермана» был отменен с перевесом в 11 голосов.

Шифф неоднократно обсуждал данный вопрос с Касселем в Англии и Нетцлином во Франции, особенно в той части, в какой он влиял на цену серебра, что заботило их всех из-за их интересов в Мексике. Кстати, усилия, предпринимаемые Шиффом в этом направлении, прямо противоречили его личным интересам в Мексике, которым, конечно, был на пользу Закон 1890 г., поскольку серебро составляло одну из важнейших статей экспорта Мексики. Так, более половины доходов Мексиканской Центральной железной дороги прямо или косвенно зависели от запасов этого ценного металла.

В связи с новым банковским планом, представленным конгрессу министром финансов, Джоном Г. Карлайлом, было предложено лишить национальные банки[24] права выпускать векселя против государственных облигаций, которые они скупали и хранили в казначействе. Это предложение Шифф в то время считал неразумным; 17 декабря 1894 г. он поделился с президентом своими соображениями: на некоторое время, считал он, правительству следует продолжать по необходимости выпускать облигации для закупки достаточного количества золота и выкупа валюты; если лишить банки права выпускать векселя, облигации, которые они держат единственно с целью обеспечения векселей, попадут на рынок, и правительство окажется не в состоянии занимать существенные объемы золота внутри страны; более того, данная мера вызовет общее недоверие и кризис ценных бумаг.

Проблемы казначейства в 1895 г., даже после февральского займа в объеме 65 млн долларов, в котором принимал участие банкирский дом Шиффа, значительно усилились после обращения Кливленда к конгрессу 18 декабря. В своей речи он говорил о пограничных спорах между Венесуэлой и Британской Гвианой, что тогда сочли угрозой войны между Соединенными Штатами и Великобританией. Европейцы, особенно британцы, продавали американские ценные бумаги по демпинговым ценам, хотя нью-йоркский рынок и так не отличался стабильностью. Шифф еще раз напомнил правительству, что золото, полученное в

уплату за новый заем, не послужит никаким целям, если поступит прямо из хранилищ казначейства, и в телеграмме Кливленду от 22 декабря предложил, чтобы национальные банки обязали купить на 100 млн долларов 4-процентных облигаций под обеспечение золота, «которого у них достаточно, и не получать золота, изъятого из казначейства, после сделанного предложения».

Под конец второго президентского срока Кливленда, когда Демократическая партия выдвинула кандидатом Брайана, который обещал ввести свободную чеканку серебряной монеты по курсу 16 к 1, многие сомневались относительно того, как поступит Республиканская партия. Шифф побуждал свою партию немедленно принять решение, предложенное другой стороной, в надежде, что вопрос будет решен. Поражение Брайана на выборах, хотя и не прекратило «серебряную лихорадку», все же на время положило конец спорам по данному вопросу.

В ответ на просьбу Уильяма Э. Доджа Шифф кратко изложил свои взгляды на валютную систему, подходящую Соединенным Штатам. Из его сводки ясно, что после кризиса 1893 г. он более подробно изучил вопрос крепкой национальной банковской валюты, в пользу которой он высказывался. Именно этот план валюты, основанной на коммерческой бумаге (векселе), лежит в основе Федеральной Резервной банковской системы, которую он все более и более пылко поддерживал:

«16 июня 1898 г.

Уважаемый мистер Додж!

Вы хотели узнать мои взгляды о желательности национальной валюты, основанной на «коммерческих активах», и отличие такой валюты от казначейских билетов, основанных на выпуске государственных облигаций, что распространено при существующей системе.

С начала Гражданской войны национальным банкам позволили выпускать банковые билеты (векселя), основанные на государственных облигациях, выпущенных Казначейством Соединенных Штатов. Должно быть вполне очевидно, что единственной целью такого приема была мобилизация государственного кредита. С его помощью надеялись предоставить возможно большие финансовые ресурсы страны в распоряжение правительства. Мера была и практичной, и разумной, но в то время она не предназначалась и не могла предназначаться для обслуживания коммерции и промышленности. С течением времени люди привыкли к такой форме валюты, и никто не задумывался над тем, что при всей

надежности, какую предлагает существующая система, она не несет в себе ни выгоды, ни пользы никому, кроме государства и банков, поскольку первому она больше не нужна, а последние получают благодаря ей прибыль, вызвавшую значительное и, возможно, оправданное недовольство.

Никто не станет утверждать, что правительство не в состоянии разместить государственные облигации без помощи национальных банков, и, следовательно, для последних нет причин сделать то, к чему они давно стремились, вернуться к единственно законному делу, ради которого существуют банки: к привлечению необходимых средств для коммерции, торговли и промышленности. Что за польза владельцу хлопковых плантаций в Алабаме, пшеничных полей в Небраске, шахтеру в Монтане или промышленнику в Новой Англии, если национальные банки в их штатах посылают свои средства в Нью-Йорк, где покупают государственные облигации, а затем выпускают под их обеспечение собственные банковые билеты (векселя)? Плантатор, фермер, шахтер и промышленник хотят иметь возможность зайти в банк по соседству и заложить там хлопок, пшеницу, руду или продукцию своего завода и получить под них банковские векселя, которыми он сможет пользоваться как платежным средством. А реализовав в свое время продукцию и получив за нее плату, он хочет снова зайти в свой банк и выкупить залог (то есть свой вексель), а банк, в свою очередь, на вырученные деньги сможет приобрести выпущенные им ценные бумаги за аванс, который он до того времени сделал. Это азы удобного и «резинового» банковского платежного средства.

Едва ли нужно объяснять, что для создания системы, по которой получают хождение банкноты, основанные на коммерческом активе, необходимо прежде всего сделать такие средства идеально надежными… чего, по опыту Канады и многих других стран, можно добиться без труда. В этой связи нельзя забывать, что огромное количество депозитов в национальных и других банках нашей страны представлены не чем иным, как банковскими облигациями, обеспеченными капиталом и коммерческим активом; что практически все имеющееся в обращении богатство страны держат в таком виде и что едва ли самый крошечный процент этих банковских облигаций становится убыточным для их держателей…»

В ноябре 1900 г. Шифф просил президента Маккинли обеспечить постоянство золотого стандарта; по его мнению, добиться этого можно было единственным способом: принять закон, обеспечивающий держателям любых государственных

облигаций право требовать возмещения золотом.

Через год после того, как президентом стал Рузвельт, Шифф подробно писал ему о ситуации на валютном рынке:

«24 октября 1902 г.

Уважаемый мистер президент!

В прошлый вторник, когда я имел удовольствие встретиться с Вами, мне хотелось поговорить о финансовых условиях, но поскольку рабочий день уже закончился, я решил, что будет неправильно отнимать Ваше драгоценное время. Сейчас, по возвращении в Нью-Йорк, я решил написать Вам подробнее, изложив свои взгляды и убеждения.

Положа руку на сердце, я считаю, что мистер Шоу совершает большую политическую ошибку в некоторых недавно принятых им мерах для оздоровления финансовой ситуации, и через какое-то время станут очевидными неудовлетворительные результаты предпринятых им шагов. Особенно я имею в виду принятое мистером Шоу толкование закона, наделяющего министра финансов правом размещать доход от внутренних бюджетных поступлений в национальных банках, по которому разрешено принимать на депозиты не только государственные облигации, но и другие ценные бумаги. Правда, действия министра финансов остаются всецело консервативными, и, возможно, государство не понесет большого ущерба из-за принятия на депозиты государственных и муниципальных облигаций. Но поскольку мистер Шоу предоставил истолкование выражения «и другие» в тексте закона на усмотрение министра финансов, как и право принимать на государственные депозиты ценные бумаги, которые тот сочтет нужным, он берет на себя большую ответственность, создавая прецедент, которым может воспользоваться какой-либо преемник мистера Шоу, не столь благоразумный, как он. В результате он (гипотетически) примет в виде обеспечения государственных депозитов закладные на фермы, векселя или, может быть, складские товарные квитанции. Последствия же таких действий лягут бременем на Республиканскую партию, если не на Вашу администрацию. Более того, я очень удивлюсь, если сделанное вскоре не подвергнется серьезным нападкам как в конгрессе, так и в политических дебатах.

Однако дело уже сделано, и если совершена ошибка, ее следует как можно скорее исправить; более того, я считаю, если предпринять необходимые меры быстро, уместно было бы воспользоваться поступком м-ра Шоу и принять закон, который покончит с самым серьезным недостатком нашего финансового положения в его нынешнем виде. По-моему, все согласны, что мы

больше всего страдаем от негибкости нашей валюты, поскольку условия таковы, что наше платежное средство в большой степени находится в фиксированном количестве, вследствие чего во времена коммерческого и промышленного застоя мы испытываем на себе все тяготы, проистекающие от излишка валюты, в то время как, поскольку в коммерции и промышленности требуется большое количество платежных средств, как сейчас, процентные ставки поднимаются до таких высот, которые угрожают остановить колеса коммерции. По моему мнению, средством спасения станет разрешение национальным банкам выпускать банкноты против коммерческих активов, при хорошо отрегулированной системе безопасности, установленной законом. Впрочем, мнения относительно целесообразности такой валюты в настоящее время сильно расходятся, и маловероятно, что в ближайшем будущем примут закон о создании такого средства платежа.

…Мне кажется, что можно близко подойти к преимуществам и выгодам, которые сулят так называемые ценные бумаги, обеспеченные активами, если в существующий закон, уполномочивающий министра финансов размещать государственные деньги в национальных банках, будет внесена поправка в том смысле, что министру финансов предоставят четкие полномочия принимать в виде ценных бумаг на государственные депозиты, помимо облигаций Соединенных Штатов, облигации любого штата или муниципального объединения и что там, где принятое обеспечение на государственных депозитах состоит из государственных или муниципальных облигаций, банк-депозитарий для хранения ценных бумаг выплачивает проценты по курсу не менее 2 % годовых, который назначается министром финансов.

Сутью данного предложения является, во-первых, наделение силой закона того, что уже сделано, и недопущение прецедента, который мог бы в будущем привести к злоупотреблениям, в пользу ценных бумаг, которые пожелает акцептовать любой министр финансов. В то же время, хотя есть много причин, почему государство не может и не хочет взыскивать проценты по депозитам, обеспеченным облигациями Соединенных Штатов, имеются и доводы в пользу того, почему ему не следует размещать свои деньги в тех банках, где, помимо государственных облигаций Соединенных Штатов, принимаются другие ценные бумаги, за которые следует назначить разумный процент. Благодаря взысканию процентов, банки-депозитарии будут уверены, что вернут государственные депозиты, когда больше не смогут использовать их к своей выгоде, и запросят

такие депозиты, когда условия потребуют большего количества денег, чем имеется в обращении. Поскольку нет сомнений в том, что достаточное количество государственных облигаций и муниципальных облигаций первого класса можно будет во всякое время приобрести с целью обеспечения предложенных государственных депозитов, денежный рынок приобретает гибкость, какой он не обладает сейчас, и в будущем можно избежать как крайней легкости, так и чрезмерной напряженности на рынке.

Прошу Вас… передать мое письмо государственному секретарю Шоу. Более того, я бы изложил свои взгляды ему напрямую, если бы он находился в Вашингтоне несколько дней назад, когда там был я; считаю, что Вы и мистер Шоу поймете мотивы, побудившие меня написать Вам откровенно на тему, которая, как я верю, должна считаться чрезвычайно важной…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

В начале января 1906 г. Шифф, на основе отчета валютно-финансового комитета и последних рекомендаций Шоу, внес в Торговую палату предложение, чтобы национальным банкам разрешили выпускать дополнительную обеспеченную государством валюту, «равную по размеру 50 % обеспеченных облигаций, выпущенных ими, однако облагаемых налогом в 5 или 6 % до погашения». Его взгляд на проблему выражен в речи, которую он произнес на заседании Торговой палаты, представляя свое предложение: «В последние два месяца мы стали свидетелями таких обстоятельств на нью-йоркском денежном рынке, которые нельзя назвать иначе как позором для любой цивилизованной страны. Для таких обстоятельств должна быть причина. Причина заключается не в самой стране, ибо, куда бы мы ни посмотрели, мы видим процветание – такое процветание, какого не было раньше. Правда, наше процветание также поспособствовало создавшемуся положению. Не может быть, чтобы спекуляция, которую всегда приносит с собой процветание, была единственной причиной для тех условий, которые мы наблюдали и продолжаем наблюдать. В других странах спекуляция велась шире, чем в Соединенных Штатах… и все же никто не видел, чтобы процентные ставки на тамошних денежных рынках в течение двух месяцев так резко колебались – от 10 до 125 %. Повторяю, это позор для цивилизованного сообщества…

Причина, если не целиком, то хотя бы отчасти, заключается в нашем неудовлетворительном платежном средстве, точнее, в недостаточной гибкости нашей платежной системы. В прошлом

году я говорил министру финансов: «Национальные банки лопаются от депозитов. Изымите часть ваших депозитов и не допустите продолжения подобной практики, иначе деньги потекут в другие страны, будут вкладываться в предприятия и дела, из которых их невозможно будет изъять в случае необходимости. Укрепите свои позиции сейчас; не ждите времени, когда Вам придется это делать». Министр ответил, что он не хочет изымать депозиты, так как ему не нужны средства; по его словам, хотя он и не боится прессы, он не хочет возбуждать нападки. Далее… насколько я понимаю, он оставил большую часть депозитов в банках до прошлой осени. Прошлой осенью ему понадобились деньги, и стране тоже нужны были деньги, но в то время депозиты были очень сильно сокращены. Он до последнего времени не размещал средства, в то время, когда 25–30 или 40 миллионов изменили бы положение дел – ибо всего 25–30 миллионов нужны для утверждения высокой процентной ставки. Министр финансов поступил так не потому, что он не хотел вмешиваться. Насколько я понимаю, у него не было свободных денег…

Как ни настроен я против помощи со стороны казначейства, пока у нас есть система, по которой отделения казначейства служат депозитариями государственных фондов, пока отделения казначейства должны играть роль, которую в Англии играет Английский банк. Когда деньги в Англии становятся опасно дешевыми, Английский банк выходит на рынок и занимает деньги на рынке. Когда деньги становятся очень дорогими, рынок приходит в Английский банк и берет деньги в Английском банке. К сожалению, наше казначейство должно играть такую же роль; здесь ничего нельзя поделать.

Мне не нравится роль Кассандры, но попомните мои слова. Если не изменить существующее положение дел, причем не изменить скоро, в стране начнется паника, в сравнении с которой все, что было раньше, покажется детской игрой. Катастрофа у нас не наступит очень скоро; не поймите меня неправильно; но сейчас еще есть время подготовиться и предотвратить ее… По-моему, если бы нашим банкам позволили пойти неверным путем и выпускать 50 % своего нынешнего обращения без обеспечения, это помогло бы лишь спекуляции и лоббированию.

Нам нужно гибкое средство платежа. Если мы предоставим банкам право в исключительных случаях наращивать объем валюты, необходимо убедиться, что такие меры будут приняты только для законных нужд коммерции, промышленности и торговли; может быть, все можно сделать по какому-то плану – я не верю, что понадобится срочная экспансия в 50 %, что составит

250 млн… при условии, что рост обращения будет обеспечен единственно законной коммерческой бумагой, обеспеченной депозитом, возможно, при сотрудничестве с определенными банками, которые занимаются взаиморасчетами – ибо, если платежное средство обеспечено законной коммерческой бумагой, оно столь же надежно, сколь было бы не обеспечено по рекомендации министра финансов. Сейчас… я не хочу заходить дальше и перечислять возможные средства и способы, которые можно применить. У нас есть превосходный финансово-валютный комитет. Можно предоставить отчет им; но, повторяю, средство необходимо найти, причем срочно».

1 февраля он снова обратился к Торговой палате: «Когда на нашей последней встрече я представил резолюцию по недавно представленному докладу комитета и сопроводил ее спонтанными замечаниями, я не ожидал, что она вызовет… столько комментариев и породит такую оживленную дискуссию. Конечно, не было сказано ничего такого, чего не говорилось и раньше, и в более изящной форме, но думающие люди по всей стране, очевидно, пробудились и осознали: необходимо что-то предпринять, чтобы избежать повторения тех условий, которые и раньше толкали страну к потрясениям и катастрофам, к потрясениям, за которыми всегда следуют годы спада и тяжелые времена. Даже если невозможно доказать правильность моего суждения, тем не менее те, кто посвятил данному вопросу немало размышлений, единодушно считают: если бы не неудовлетворительное состояние нашей валютной системы, мы были бы во многом избавлены от периодических страданий, которые часто вынуждена переносить наша страна… с нашими огромными ресурсами, изобретательностью и активностью нашего народа, благодаря которым практически весь мир платит нам дань, мы бы уже давно захватили международное господство, как в коммерции, так и в финансах, в чем, несмотря на то, что в течение тридцати лет торговый баланс был в нашу пользу, мы еще нуждаемся.

Наши коммерсанты, которые покупают товары в Китае, Японии, Южной Америке и других местах, должны, к нашему стыду, проводить сделки в Лондоне, Париже или Германии, точно так же, как деньги, которые мы недавно дали взаймы Японии, необходимо было пересылать в Лондон, даже когда приходилось платить за товары, купленные японским правительством в Соединенных Штатах в ходе последней войны…

Как верно отмечено в отчете комитета, не то чтобы у нас было слишком мало валюты – как раз наоборот. Более того, если хотите, мы страдаем от переизбытка платежных средств – валюты

излишней, негибкой и не реагирующей на законные требования коммерции и торговли…

Нам нужно обдумать, что можно сделать, чтобы защитить себя, насколько возможно, от бедствий и недостатков того положения, которое мы в настоящее время не в силах излечить так радикально, как следовало бы. Огромная масса валюты разных видов… большая часть которой в периоды застоя становится нерентабельной, ищет незаконные каналы применения и вследствие этого в большой степени оказывается недействительной, когда возвращается оживление. Необходимо найти способы и средства – пусть они покажутся неуклюжими при существующем положении дел – для того, чтобы обеспечить рост и сокращение объема денег в соответствии с требованиями закона…

Рекомендация, данная в отчете комитета: в целях обеспечения большей гибкости платежного средства, позволить банкам по желанию отказываться от обращения – едва ли сильно поможет в решении стоящей перед нами задачи. Такой отказ невозможно регулировать ни условиями коммерции и торговли, ни даже условиями денежного рынка, а скорее ценой государственных облигаций и удобством и выгодой для банков, так как рост обращения в банках до известной степени определяется сходными соображениями.

Экстренные условия возникают, как часто бывало и будет снова, когда даже наш большой объем валюты временно становится недостаточным, и создается положение, которое, усугубляясь подозрениями и утратой доверия, приносит с собой катастрофу вроде той, с которой мы, к сожалению, знакомы… Даже при нашей несовершенной фискальной системе можно принять методы, с помощью которых, по крайней мере частично, сглаживались бы бедствия… которые мы периодически переживаем и против повторения которых нам необходимо защищаться, а не довольствоваться во времена процветания мыслью «после нас – хоть потоп».

Я понимаю, что Торговая палата сейчас не в состоянии окончательно разрешить этот важнейший вопрос, – но мы можем и должны указывать путь, и я верю, что этого ждет от нас страна…»

1 ноября 1906 г. он снова выступил на заседании Торговой палаты: «Выслушав предложение комитета, я представил одно серьезное препятствие. По-моему, неразумно предоставлять шести с лишним тысячам банков по отдельности право выпуска кредитовых авизо, как рекомендует комитет. Даже при всех предложенных мерах предосторожности некоторые банки

наверняка воспользуются предоставленными привилегиями в незаконных целях, и если какой-либо банк, каким бы незначительным он ни был, попадет в неприятности… поскольку гарантийный фонд в течение некоторого времени будет весьма неопределенным – скорее всего, придется дискредитировать весь объем невыплаченных кредитовых авизо…

По-моему, лучше всего обеспечить средство против такой угрозы следующим образом: банки, с целью выпуска банковых билетов, по требованию закона образуют центральную ассоциацию, которая уполномочит отдельные банки для их целей выпускать валюту, в которой выражаются обязательства по кредиту на основе предложений комитета. Вряд ли будет трудно выработать план для надлежащего управления централизованной эмиссионной ассоциацией, и все охотно согласятся, что ассоциации самих банков гораздо проще и выгоднее осуществлять должный учет и контроль, чем любому другому агентству. Такой ассоциации гораздо легче будет понять, соответствует ли ли тот или иной банк требованиям действующего законодательства, необходимым для выпуска валюты кредита. Следовательно, при такой системе банки должны будут взять на себя совместную ответственность за выпуск платежного средства через свою централизованную ассоциацию… Не следует ожидать, что общественность будет с готовностью принимать средство платежа, за которое сами банки не готовы нести полной ответственности. Однако следует предоставить банкам разработку системы, в соответствии с которой будет управляться такая централизованная эмиссионная ассоциация. Общая ответственность, которую они примут на себя, не должна выходить за рамки тех пределов, которые определят для себя они сами.

Позвольте в дополнение к вышесказанному указать способ, которым, как я считаю, можно увеличить гибкость платежной системы во времена спада и в экстренных обстоятельствах, не прибегая к чрезвычайному положению. Мое предложение таково. Закон жестко предписывает банкам в так называемых резервных городах в любое время иметь резерв в размере 25 % от своих обязательств; банки в местных центрах обязаны держать резерв в размере 15 %. Все это хорошо и правильно. Однако смысл резерва не только в том, чтобы оставаться в хранилище, чтобы к нему не прикасались ни при каких обстоятельствах. Он нужен для защиты, по крайней мере частичной, при экстренных и чрезвычайных обстоятельствах. Более того, довольно часто случается, что, несмотря на жесткие запреты по закону, эти резервы в национальных банках временно уменьшаются.

Объединенные резервы национальных банков, в соответствии с недавно представленными отчетами, равны примерно 625 млн долларов в золотых и серебряных слитках и законном платежном средстве. Если разрешить банкам, после уплаты налога в размере, скажем, 6 % годовых, брать средства из резерва в размере, не превышающем одну пятую от него, во времена финансового напряжения – ибо ни в какое другое время банк не пожелает приобретать средства под 6 % годовых, – у нас появится возможность получить дополнительные средства, которые сейчас примерно равны 125 млн долларов, – такой суммы хватит для того, чтобы пережить достаточно суровые потрясения. Разумеется, такой прием столь же действенен, сколь и выпуск специальных платежных средств во время финансовых кризисов или сертификатов расчетной палаты; он принесет облегчение быстрее, чем прочие приемы, и автоматически и охотно подрегулируется, как только кризис минует.

Давайте не будем торопиться в этом вопросе. Со времен Гражданской войны мы стремились получить надлежащее и законное платежное средство, и не беда, если придется подождать еще немного, до следующей сессии конгресса. Наша страна достаточно велика и богата и способна пережить еще три-четыре месяца в ее нынешнем состоянии. Это, возможно, одно из самых важных заседаний, какое проходило и будет проходить в нашей палате. Давайте серьезно обдумаем все шаги, которые необходимо сделать…

Торговой палате пока не следует оглашать своего мнения по вопросу о том, нужен нам центральный банк или нет… Если вы уедете из Нью-Йорка и попробуете спросить о центральном банке жителей нашей страны… вы столкнетесь с серьезным недоверием к подобному предложению. Почитайте историю банка Соединенных Штатов, историю джексоновского периода, и вы поймете, откуда возникло такое недоверие к идее центрального банка и почему оно, почти не ослабевая, дожило до наших дней. Американский народ не хотел централизации власти и в годы правления Эндрю Джексона, и тем более сегодня. Народ не хочет усиливать власть правительства. Народ знает, что при любом выходе за пределы законных функций правительства начинается подавление частной инициативы… Кроме того, центральный банк будет более или менее правительственным учреждением – как сейчас подразделения казначейства. Народ не хочет, чтобы огромная масса депозитов, которую правительству придется держать в этом банке, контролировалась небольшой группой чиновников. Люди боятся политической власти, которую даст такое положение, и ее последствий. Вот какие чувства испытывает

народ нашей страны.

Хотя теоретически я поддерживаю мысль о центральном банке, я боюсь, если Торговая палата даст такую рекомендацию, это лишь усилит недоверие жителей Запада, Юга и Северо-Запада ко всему, что исходит из Нью-Йорка. Более того, центрального банка вы не получите, так как национальные банки, которые все же обладают большим влиянием… не пожелают лишаться права эмиссии в интересах единственного центрального банка. В таком случае каждый небольшой национальный банк… в стране попытается высказаться и настроить общественное мнение против центрального банка… Предложение, которое сделал я, о создании централизованной эмиссионной ассоциации, через которую национальные банки будут выпускать валюту… нацелено на то, чтобы лишить аргументов противников центрального банка: они не смогут заявить, во-первых, что центральный банк будет накапливать депозиты и, во-вторых, что он лишит национальные банки права валютной эмиссии».

Вскоре после паники 1907 г. Шифф представил свои взгляды в статье «Отношение центрального банка к гибкости валюты» на заседании Американской академии политической и социальной науки[25].

В 1908 г. председателем Национальной денежной комиссии, исследовательской группы, созданной конгрессом для изучения необходимых мер по реформе денежной системы, назначили сенатора Олдрича. Члены комиссии ездили в Европу для изучения тамошнего опыта. По просьбе Джеймса Стиллмена Шифф дал Олдричу рекомендательные письма к своим европейским друзьям, которые могли оказать ему помощь в получении нужной информации. Позже, когда Олдрич решил поехать в Японию, чтобы изучить японскую банковскую систему, Шифф познакомил его с Такахаси. В 1909 г. Шифф пересек океан вместе с Олдричем и узнал, что тот собирается ездить по американским городам и убеждать население поддержать реформу денежной системы. В этом Шифф также помог ему, дав рекомендательные письма.

С Уильямом Г. Макэду он познакомился в 1911 г., в связи с реорганизацией железнодорожной компании «Гудзон – Манхэттен» (см. выше). Поступив на службу в казначейство, Макэду сразу же столкнулся с трудной задачей – денежной реформой. Администрация поддержала меру, известную как «Закон Оуэна – Гласса о Федеральной резервной системе». Вкратце закон воплотил в жизнь результаты работы Денежной комиссии, которые не могли получить форму закона в годы правления Тафта. Многие члены банковского сообщества

поддерживали альтернативные предложения, особенно предложение о единственном центральном банке. Шифф безоговорочно выступал на стороне администрации Вильсона. Макэду отдавал должное его помощи в письме от 28 октября 1913 г.: «Ваша речь о… центральном банке замечательна, примите мои поздравления! Вы оказываете обществу важную услугу, помогая осознать и понять, что усилия администрации по проведению финансовой реформы, по мнению видных банкиров, таких, как Вы, основаны на веских принципах, хотя, возможно, мы и не во всем соглашаемся в деталях. Ваши готовность идти навстречу и проницательность неизменно производят самое благоприятное действие».

Когда наконец был принят закон о Федеральной резервной системе, Шифф 23 декабря 1913 г. телеграфировал президенту Вильсону: «Позвольте принести мои поздравления по поводу принятия закона о денежной системе и заверить Вас, что это важное достижение Вашей администрации, ставшее возможным благодаря Вашему мудрому руководству, непременно получит заслуженное признание во всей стране».

В то время ходили слухи, что Шиффа назначат председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы, и в ответ на запрос по этому поводу от генерала Уилсона 2 апреля 1914 г. он писал: «Единственное предложение, какое я получил, исходило из газет, и надеюсь, что за ним ничего не стоит… Правда, признаюсь откровенно, я рад изъявлениями доброй воли по отношению ко мне, которые вызвал мой доклад».

На протяжении многих лет его партнер и зять Пол Варбург, которого и банкиры, и экономисты считали большим знатоком финансовых проблем, усердно разрабатывал планы и предлагал доводы в пользу реформы денежной и банковской систем в том виде, в каком они в конечном счете и были приняты. Признание иногда приходит не сразу, особенно к кабинетным ученым, но впоследствии вся реформа стала ассоциироваться с Варбургом. 10 апреля 1914 г. Шифф писал Касселю: «Общественное мнение упорно считает Пола Варбурга одним из руководителей нового ведомства, и меня тоже несколько раз упоминали как будущего председателя. Последнее маловероятно, да и я, в силу преклонного возраста, не собираюсь принимать предложение, однако вполне возможно, что Пола, который очень активно участвовал в дискуссиях по банковскому вопросу, все же назначат руководителем. Будучи патриотом, он не станет отказываться, хотя его переезд в Вашингтон будет означать, что он не сможет более работать в нашей фирме, что очень жаль».

Против назначения Варбурга в сенате велась долгая борьба,

которая, однако, была выиграна благодаря упорству президента Вильсона, и Шифф радовался блестящему успеху своего младшего партнера.

Читая «Жизнь Александра Гамильтона» и роман Гертруды Атертон «Завоеватель», главным героем которого был Гамильтон, Шифф заинтересовался письмом, которое написал Т.Б. Маколей в середине XIX века; в нем он предсказывал, что с ростом населения в Новом Свете обострятся социальное расслоение и общественная борьба, что часто характеризовало демократии во времена античности. Очевидно, это письмо произвело глубокое впечатление на Шиффа, который, однако, выразил мнение, что «наша страна избежит опасности, которую Маколей видит в правлении масс». 12 июня 1907 г. Шифф писал Лиллиан Уолд: «По-моему, нынешние условия в нашей стране совершенно не такие, как предсказывает он [Маколей], ибо его взгляды основывались на массовой безработице и низких заработках, тогда как у нас уже довольно давно все было и есть совсем не так. Тем не менее пророчество Маколея служит важным уроком, который следует запомнить и богатым, и бедным и которым им следует воспользоваться. Мне кажется, что в такой стране, как наша, где все люди… по закону равны в осуществлении полномочий, необходимо следить за тем, чтобы демагогия не слишком процветала и чтобы народ не попадал под влияние низменных идей, стремясь, при достижении справедливости и порядка, тупо уничтожать, а не помогать, исправляя злоупотребления».

Когда Рузвельт в декабрьском (1906) послании конгрессу предложил ввести подоходный налог и налог на наследство, Шифф писал Уильяму Лёбу-младшему, секретарю президента: «Новые налоги, которые, как считается, весомо пополнят казну Соединенных Штатов… не следует вводить до тех пор, пока не введут специального тарифа для тех отраслей промышленности, которые нуждаются в защите, и прекратят, как сейчас, потворствовать тем отраслям, которые либо вовсе не нуждаются в защите, либо защищены в такой степени, что на основании того же тарифа созданы многие крупные состояния, вызывающие массовое недовольство. С введением подоходного налога и налога на наследство, при существующем сейчас тарифе, доход государства раздуется до такого размера, который во многом подорвет наши моральные устои и будет способствовать еще большему сосредоточению крупных состояний в частных руках».

Через три года он выразился в пользу «непрогрессивного подоходного налога, если его можно обеспечить законным образом».

4 февраля 1910 г. Шифф писал Дж. П. Андре Мотту: «Трудно ответить на вопрос, не пострадают ли страна и ее торговля из-за постоянных нарушений всех корпоративных интересов федеральным правительством и правительствами штатов. Мы все надеемся, что Верховный суд в своих предстоящих решениях по делам против компаний «Американ Тобакко» и «Стандард Ойл» укажут путь, которым можно вести дела, не рискуя на каждом шагу вступать в противоречия с Актом Шермана, и если это не будет осуществлено или закон не сделают более ясным и недвусмысленным, в будущем будет очень трудно вести дела в стране. Относительно фондовой биржи я не могу высказать свое мнение, так как не занимаюсь спекуляциями».

На следующий год он писал Такахаси: «Коммерция и промышленность затаились в ожидании, так как все ждут, какое решение примет Верховный суд по так называемым антитрестовским делам… и, возможно, в дальнейшем придется изменить способы ведения бизнеса. Впрочем, все может оказаться не так плохо; я верю, что, как только суд вынесет приговор, наша страна вскоре приспособится к любым новым условиям».

В конце президентского срока Тафта растущее недовольство властью крупных корпораций вылилось в расследование, проведенное подкомитетом Комиссии по банковской деятельности и валюте палаты представителей под председательством Арсена Пужоу, известное как «расследование монополистической деятельности банковских учреждений». Хотя ход расследования, судя по некоторым сведениям, возмутил Шиффа, он дал подробные показания[26].

В отчете комиссии утверждается, что банкирский дом «Кун, Лёб и К°» в 1907–1912 гг. скупил ценных бумаг корпораций на сумму около 530 млн 862 тыс. долларов и, в союзе с другими банками, ценных бумаг на сумму около 740 млн 777 тыс. 708 долларов и зарегистрировал множество своих филиалов. Значительное место было уделено классификации сделок всех крупных банкирских домов. Кстати, в отчете за указанный период приводится верная оценка размера коммерческих операций фирмы «Кун, Лёб и К°».

Методы, которые применялись в расследовании, не только играли на руку многим банкам, деятельность которых рассматривалась комиссией, но и вызвали неприятие в самом конгрессе. Это, вместе с соображениями о том, что администрация Тафта доживает последние дни и что администрация Вильсона скоро столкнется с другими, более насущными, проблемами, уменьшило значение работы комиссии. Исключение составили рекомендации, которые впоследствии

вылились в Антитрестовский закон Клейтона, принятый в октябре 1914 г.

Как и многие бизнесмены его поколения, Шифф двояко относился к рабочим и профсоюзам. Он возмущался тем, что он называл «тиранией профсоюзного треста». Однако он давно признавал права ассоциации рабочих и принимал участие во многих третейских судах между рабочими профсоюзами и работодателями. На его отношение оказывали влияние его гуманитарные воззрения, требовавшие, чтобы у каждого была справедливая работа и справедливый доход. Правда, общение с «Поселением на Генри-стрит» и другими социальными и благотворительными организациями позволило ему завязать личное знакомство с рабочими. Он всегда хотел, чтобы забастовки по возможности заканчивались мирным урегулированием. Особую его тревогу вызывали частые забастовки в угледобывающих регионах.

Его часто критиковали в связи с поддержкой семей бастующих – этот вопрос волновал многих «столпов общества». Если рабочие бастуют, обрекая свои семьи на голод, а благотворительные организации поддерживают их семьи, разве они тем самым не встают на сторону забастовщиков? Шифф отвечал на этот вопрос по-разному. Как правило, он вносил деньги в поддержку семей, но в целом возражал против такого шага.

Во время одной забастовки положение семей бастующих было таким тяжелым, что «Поселение на Генри-стрит» ежедневно вынуждено было предоставлять срочную помощь многим людям. Шифф уполномочил «Поселение на Генри-стрит» оказывать помощь от его имени и вести ежедневный учет расходов. Каждый вечер он посылал чек на потраченную сумму. В другой раз, когда арестовывали пикетчиков, он перевел на имя одного из руководителей «Поселения на Генри-стрит» дом – с тем чтобы он мог внести залог за арестованных.

24 мая 1897 г., во время забастовки швейников, он писал Лиллиан Уолд: «С прошлого четверга, когда мы с Вами обсуждали забастовку, я весьма серьезно обдумал этот важный вопрос и поговорил о нем с другими, в том числе с промышленниками. Среди последних я нашел широкое сочувствие портным. Многие надеются на их победу. Однако в теперешних обстоятельствах будет трудно постоянно улучшать условия этих рабочих, главным образом из-за того, что рынок одежды перенасыщен, а также из-за естественной склонности этих людей работать дольше, чем следует, таким образом не только вредя самим себе, но и вытесняя из отрасли других, которые пополняют ряды

безработных.

Так как улучшение условий труда кажется серьезным желанием не только рабочих и подрядчиков, но и промышленников, возможно ли, чтобы представители рабочих, подрядчиков и промышленников встретились для обсуждения способов и средств, какими можно было бы постоянно улучшать положение дел? Конечно, такие встречи будут тщетными, если представители всех трех классов не будут видеть в других искреннее желание изменить ужасные существующие условия. Мне очень хочется поддержать швейников, и если Вы напишете мне об особенно вопиющих случаях и выскажете свои рекомендации по помощи конкретным людям, рад буду действовать по Вашим рекомендациям».

Забастовка швейников особенно озаботила его. Поскольку он считал, что, возможно, одной из причин стали ужасающие жилищные условия работников, он связал со своим стремлением закончить забастовку предложение об улучшении условий в многоквартирном жилом доме через Фонд барона Гирша.

В 1913 г. трения возникли в отрасли, где было особенно много евреев. Их интересы представлял Международный союз рабочих – производителей женского платья. Они жаловались, что их избивают головорезы, нанятые промышленниками. Вначале секретарь союза намеревался устроить встречу Шиффа с комитетом из пятидесяти представителей. Видимо, от этой встречи Шифф отказался. 19 декабря 1913 г., договорились о встрече Шиффа с комитетом, состоявшим из трех человек, на что Шифф согласился, добавив: «Можете быть уверены, что я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам в ваших законных попытках добиться справедливых целей».

Он поставил единственное условие: чтобы при встрече присутствовала Лиллиан Уолд. Она вела протокол встречи, проходившей 2 января 1914 г. Как выяснилось, одна из проблем была внутренней. У швейников оказалось целых два конкурирующих профсоюза. Сначала Шифф попытался объединить их, заметив, что если профсоюзы не объединят усилия, в конечном счете их сломят. Выслушав жалобы швейников, Шифф посоветовал им обратиться к Хэмилтону Холту, члену Арбитражной комиссии в их отрасли, как представителю общественности. 6 января 1914 г. провели вторую встречу, в доме на Генри-стрит, а на следующий день, выслушав жалобы, Шифф обратился к представителям второго профессионального объединения. 11 января он председательствовал еще на одной встрече в попытке объединить два профсоюза.

В июле 1908 г., когда свирепствовала безработица, Шифф убеждал мэра Нью-Йорка Джорджа Б. Макклеллана в очевидной целесообразности и своевременности государственных и муниципальных предприятий, отдавая предпочтение благотворительным: «Интересно, заметили ли Вы, проходя по… Юнион-сквер, Рекреэйшн-Пирс и другим местам, где собираются безработные, сколь велико в толпе число людей с печальным, отстраненным, отчаянным выражением лиц? Внешний вид этих мужчин даже сейчас указывает на то, что они стараются сохранить самоуважение и достоинство. Каждый день я получаю доподлинные рассказы о семьях, которые находятся на краю гибели, потому что их кормильцы, готовые выполнить любую работу, не могут найти себе места, но согласны скорее голодать, чем просить милостыню.

При таком положении дел мне кажется, что обеспечить их работой – настоятельный долг всех, в чьей власти создать рабочие места; в первую очередь я имею в виду городские власти, которым в конечном счете дешевле и проще потратить полмиллиона или миллион на заработную плату, чем увеличивать впоследствии ассигнования на отделения полиции, пенитенциарные заведения, больницы и дома призрения. Парки, улицы, дороги и другие виды общественной собственности нуждаются в рабочих руках. Стоит приложить усилия сейчас, и они окупятся, особенно если, задействовав контракты на ускоренное развитие, предоставить работу значительному числу неквалифицированных рабочих. Таким образом, несколько сотен тысяч долларов, выпущенных в обращение в следующие несколько месяцев, переменят судьбу многих безработных нашего города и уберегут их от страданий. Кроме того, благодаря принятым мерам повысится самоуважение тысяч наших граждан. Прошу Вас вместе с Генеральным контролером, которому я также пишу, как можно скорее обдумать создавшееся положение. Убежден, что Вы примете соответствующие меры…»

Он давно возмущался применением детского труда и призывал принять особый законодательный акт. 13 апреля 1893 г. он писал Луи Драйполчеру, председателю комитета по труду и отраслям промышленности законодательного собрания штата Нью-Йорк, о законе по регулированию занятости женщин и детей. Он выразил надежду, что закон будет благоприятно оценен комитетом, «так как все наши усилия в этом городе по улучшению как нравственного, так и действительного статуса нашего зависимого населения будут напрасны, если не примут такой закон, какой представлен в вышеупомянутом проекте».

Через 11 лет, 22 января 1904 г., Шифф писал профессору

Феликсу Адлеру: «Думаю, не нужно Вам говорить, что мое сердце, как и Ваше, на стороне детей и из сочувствия, и из практических соображений, ибо мы не можем ожидать твердости и здоровья от нации, если позволим подрывать здоровье и нравственные устои детей. Я часто обсуждал данный вопрос с мисс Уолд прошлой зимой, когда она пришла ко мне проконсультироваться о законе, который был предложен и наконец принят в Олбани, и я знаю, что она не только принимает близко к сердцу проблему детского труда, но вместе с мистером Девайном прошлой осенью проводила беседы с президентом Рузвельтом о том, что можно сделать, чтобы исправить положение по всей стране. Ввиду огромной важности нового начинания я хотел бы вступить в Национальный комитет по детскому труду при том условии, что туда же примут и мисс Уолд. Тогда у меня появится возможность немедленно приступить к делу, с помощью мисс Уолд, и убедиться в том, что я не взваливаю на себя ответственность, с которой в противном случае не справлюсь».

Позже он обсуждал возможность принятия закона с Фрэнком У. Хиггинсом, избранным губернатором штата Нью-Йорк, упомянув конкретные примеры, подтверждающие его довод о необходимости назначения нового Уполномоченного по труду: «Пишу от лица Комитета по детскому труду, в работе которого я принимаю значительное участие. Нынешний Уполномоченный по труду, чей срок истекает 1 января следующего года, как мне сообщили, работал не совсем удовлетворительно, особенно в том, что ненадлежащим образом внедрял законы против детского труда на фабриках. Может быть, достаточно привести результат специального расследования, проведенного прошлым летом агентами Комитета по детскому труду в консервной промышленности, одной из крупнейших отраслей в нашем штате, в которой используется детский труд. Как утверждается в отчете, на одном из заводов, которые они посетили, они обнаружили за работой четырехлетнего ребенка, на другом – пятилетнего, а на третьем – шестилетнего, который работал до 9 вечера. Только на одном заводе, по словам начальника цеха, трудились 300 детей до 14 лет, что является вопиющим нарушением закона. На последней посещенной фабрике работа, как указано в отчете, продолжается в сезон наибольшей нагрузки до двух и трех часов ночи. В отчете уполномоченного за 1902 г., последнем из опубликованных, утверждается, что инспекторы нашли в указанном году нелегально работавших детей на 2607 фабриках, на 274 из которых дети были либо неграмотны, либо не достигли предписанного законом 14-летнего возраста; однако лишь пять из компаний, нанимавших детей незаконно, преследовались по суду,

а одна из них избежала приговора. В Иллинойсе Фабричный департамент с 1 июля по 24 ноября 1905 г. подал в суд на 487 фабрикантов.

По-моему, больше ничего не нужно говорить в пользу назначения… человека… обладающего бесспорными способностями и энергией. После его утверждения на пост можно надеяться, что повсеместно будут смело применяться законы против детского труда на фабриках».

Шифф сомневался в необходимости учредить Детское бюро при Министерстве внутренних дел в Вашингтоне, потому что не был уверен в необходимости вверять решения всех дел федеральному правительству; тем не менее позже он выразил свое согласие в письме Лиллиан Уолд в январе 1909 г. и горячо одобрил работу нового бюро.

Жилищный вопрос в Нью-Йорке на протяжении многих лет оставался сложной проблемой. Сюда входили и попытки расселить обитателей перенаселенных кварталов. Эти проблемы Шифф часто обсуждал с другими, особенно с Лиллиан Уолд. Он понимал, что истинного облегчения для жителей многоквартирных домов невозможно добиться только с помощью филантропии; требовались законодательные акты. Еще 7 ноября 1889 г. он писал Генри Райсу, президенту Объединенного еврейского благотворительного общества: «Предлагаю на следующей сессии законодательного собрания попробовать провести закон, по которому городские власти должны объединить все многоквартирные дома в определенных районах в кварталы; каждый квартал будет находиться под наблюдением одного или нескольких инспекторов, которые обязаны следить не только за санитарным состоянием домов, но и за тем, чтобы в многоквартирных домах проживало не более определенного числа жильцов, а также предписывать, сколько квадратных футов должно приходиться на одного человека. По-моему, такие законы, если их внедрять энергично, отчасти разрушат сложившуюся порочную практику при заселении многоквартирных домов или так исправят ее, что она станет безвредной. Несомненно, против принятия такого закона выступят многие, особенно домовладельцы, и все же я верю, что, если работать надлежащим образом, нужный закон можно будет принять. Во всяком случае, стоит приложить усилия в нужном направлении, и мне бы хотелось, чтобы Вы выступили… в Вашем официальном качестве».

Когда совет олдерменов Нью-Йорка принимал новый строительный кодекс, 11 июня 1912 г. Шифф писал председателю комитета по зданиям и сооружениям: «Из компетентных источников мне стало известно о серьезных недостатках

предлагаемого кодекса, особенно касательно строительства многоквартирных домов. Кажется невероятным, что статьи кодекса рассматриваются в его нынешнем виде, тогда как вред темных комнат известен всем. Нельзя принимать строительный кодекс, в котором не предусмотрены нормы освещения и вентиляции возводимых зданий, и я серьезно надеюсь, что совет олдерменов не одобрит строительный кодекс, сохраняющий все пороки, от которых так страдали в прошлые годы обитатели многоквартирных домов и которые представляют угрозу не только здоровью вышеуказанного населения, но и состоянию всего города. По-моему, достаточно одного туберкулеза, от которого страдает наш город… чтобы не допускать большего риска, чем есть сейчас».

Глава 9

Американский континент издавна заселялся выходцами из других земель. Нет доказательств того, что человек населял Америку изначально, и все, кроме немногочисленных антропологов, считают, что самые ранние ее обитатели – не только кочевые племена Северной Америки, но и высшие цивилизации Мексики и Юкатана – пришли из Азии и проникли на континент в то время, когда еще существовал сухопутный проход между Америкой и Азией. Позже, в исторические времена, Северную Америку, особенно Соединенные Штаты, заселяли иммигранты из разных стран. В Новый Свет прибывали многочисленные англичане, голландцы, шведы, французы, а в поздние колониальные (но еще дореволюционные) времена – немцы. Еще раньше в Центральную и Южную Америку приплыли испанцы; они обосновались даже во Флориде.

Все это казалось вполне естественным в новой стране; но время от времени в Соединенных Штатах распространялось мнение, будто костяк страны составили английские поселенцы. Постепенно колонии становились английскими владениями, в которых позже, несмотря на Декларацию Независимости и успешную Американскую революцию 1775–1783 гг., сохранялись многие законы и обычаи Великобритании. Время от времени в стране возникало беспокойство из-за прибытия новых поселенцев, главным образом не по этническим или экономическим, а по религиозным соображениям.

Время от времени в США прибывало большое число иммигрантов, которые – по причине собственных либеральных взглядов и из-за того, что они бежали из стран с монархической формой правления, где ограничения и классовые различия были гораздо резче, чем в нынешние времена, – питали любовь и даже религиозное почтение к стране свободы. Их патриотизм зачастую превосходил чувства тех, кто давно уже обосновался в Америке и принимал свои права и свободы как нечто само собой разумеющееся. Именно такими чувствами руководствовался Шифф. Он любил Америку; он был предан ей всем сердцем. Он с глубоким почтением относился к героям американской истории, как политической, так и интеллектуальной, и в разные времена оказывал содействие при проведении многих памятных событий. Так, он участвовал в празднике в честь годовщины открытий Гудзона и Фултона в 1909 г., в создании фонда Усадьбы Вашингтона, «Ассоциации Александера Гамильтона» и сооружении статуи генерала Шермана. Он заказал бронзовую

памятную табличку для Еврейской теологической семинарии, здание которой было возведено с его помощью. Надпись на табличке была не из какого-либо классика иудаизма, как можно было ожидать, но из Геттисбергской речи Линкольна; табличку поместили на видном месте в главном зале.

Шифф принимал участие в обсуждении важных для общества вопросов; но, как только страна выбирала курс, он верно следовал ему и с трудом воспринимал противоположное мнение, пусть даже и от близких ему людей. Например, во время американо-испанской войны, справедливость которой многими подвергалась сомнению, он публично призывал поддерживать политику правительства любой ценой и часто повторял знаменитые слова, приписываемые капитану С. Декейтору: «Права она или нет, это наша страна!»

О его убеждениях до сих пор помнят многие его старые друзья из других стран. Один друг и многолетний помощник часто призывал его уделять больше внимания иностранным займам на том основании, что они наиболее прибыльны. Вполне возможно, последуй Шифф его совету, он был бы гораздо богаче. Но Шифф считал, что его главная задача в жизни – помочь росту Америки, для развития которой нужны крупные транспортные магистрали от одного побережья до другого.

Он пылко возражал против того, чтобы иммигранты из разных стран образовывали в Америке отдельные политические группировки. Относительно выходцев из Германии его точка зрения выражена в письме Густаву Х. Швабу от 13 декабря 1900 г.: «По-моему, Вам известно о моем принципе не поддерживать сепаратистских устремлений американцев немецкого происхождения, хотя иногда такие устремления и считаются обязательными для организации выходцев из Германии. Возможно, на данном этапе моя точка зрения непопулярна, но, по-моему, скоро Вы на своем опыте убедитесь: то, что в целом принято называть «немецким влиянием»[27], скорее всего, определяется другими соображениями, чем те, которыми руководствуются господа, которым Вы направили такое же письмо, как и мне…»

Практически всю свою сознательную жизнь Шифф был сторонником Республиканской партии, хотя в 1912 г., когда голоса сторонников республиканцев раскололись между Т. Рузвельтом и У. Тафтом, поддержал Вудро Вильсона, кандидата от Демократической партии. Кроме того, он всегда сохранял за собой право во время муниципальных выборов голосовать за независимого кандидата.

Записей, которые свидетельствовали бы о его политических

взглядах в ранний период жизни, не сохранилось. В 1892 г. он выступал против высоких таможенных пошлин; но этот вопрос у него перевешивался вопросом о честных деньгах. 29 сентября 1892 г. он отправил Уолтеру Г. Пейджу, тогда редактору «Форума», длинное послание, в котором излагал причины, по которым он поддержал кандидатов от своей партии Б. Гаррисона и У. Рида. Он помогал К. Блиссу в проведении избирательной кампании и даже соглашался выступать на митингах, хотя и признавался Риду, что он не прирожденный оратор и боится, что его речь не пойдет на пользу делу. Тем не менее, когда республиканцы потерпели поражение, он мужественно направил избранному, но еще не вступившему в должность президенту позравительную телеграмму:

«Достопочтенному Гроверу Кливленду,
Нью-Йорк.
Хотя я голосовал против Вашей партии, искренне молюсь за то, чтобы Вам ниспослали здоровье и силу, дабы воплотить в жизнь политические взгляды, которые Вы олицетворяете и которые послужили определяющим фактором в победе, одержанной Вашей партией. Примите мои поздравления!
Джейкоб Г. Шифф».

Через неделю после избрания он написал письмо, в котором оценивал причину поражения республиканцев на выборах и отмечал уроки, которые, по его мнению, следовало извлечь из произошедшего его партии:

«15 ноября 1892 г.
Доктопочтенному Джону Шерману,
Мэнсфилд, Огайо.
Уважаемый сэр!
Серьезное поражение Республиканской партии на последних выборах обязывает каждого патриота нашей страны, независимо от того, какую партию он поддерживал в последней кампании, серьезно оценить положение, каким оно представляется в свете последних выборов.
Бесспорно, важнейшим вопросом, из-за которого разыгралась битва, проигранная республиканцами, стала таможенная реформа… Председателю Национального республиканского комитета с самого начала советовали ставить на первые места… валютные и финансовые вопросы, однако он совершенно пренебрег такими советами и допустил лишь небольшую дискуссию, посвященную этой важнейшей проблеме,

второстепенную по сравнению с вопросами о пошлинах. В результате те, кто выступали сторонниками Республиканской партии из-за того, что считали ее представителей более честными и достойными доверия в финансовых вопросах, вскоре охладели… и продолжали поддерживать партию лишь пассивно. Если бы республиканцам хватило смелости вывести вопрос о валюте и серебре на первый план и выставить себя поборниками честного стандарта, поражения можно было бы если и не всецело избежать, то сделать его не таким сокрушительным, и партия могла бы выйти из поражения с большим доверием и жизнеспособностью, чем сейчас.

В нынешнем положении дел неплохо уже то, что страна высказалась столь недвусмысленно. Небольшое преимущество той или другой партии стало бы для нас истинным бедствием… В таком свете патриоты, даже в рядах республиканцев, должны предпочесть решительную победу демократов победе своей партии, одержанной с небольшим перевесом. Ответственность Демократической партии и ее лидеров сейчас столь велика и весома, что больше нет нужды бояться, что власть демократов может представлять угрозу процветанию страны. Возможно и вероятно, будущие экономические изменения временно вызовут некоторый спад, но он быстро пройдет, особенно если лидеры демократов поймут, что на их партию возложена обязанность как можно скорее разработать программу будущего законодательства.

Последние выборы неоспоримо доказали одно: прежняя Демократическая партия перестала существовать. В нее в большом количестве влились новые силы, отличные от тех… которые в течение многих лет определяли руководящий дух партии. Можно только поздравить демократов с тем, что победа была одержана не благодаря голосованию в штате Нью-Йорк и не на «монолитном Юге», традиционно голосующем за демократов, а скорее большинством в Иллинойсе, Висконсине и Индиане.

Что касается Республиканской партии, ее миссия ни в коем случае не кончена; если она извлечет нужные уроки из своего поражения, то возродится из постигшей ее катастрофы и снова станет важным фактором в определении судеб страны. Партии следует сохранять постоянную бдительность, нацеленную на решение больших задач, с которыми нам вскоре предстоит столкнуться, и решительно противостоять всем опасным мерам, которые, вероятно, предложит партия, находящаяся у власти, в силу своей самонадеянности.

Самой важной и безотлагательной проблемой остается вопрос с серебряным стандартом и его производными. Американский народ, который только что решительно отверг

«Тариф Маккинли», больше никогда не согласится на обесцененную валюту, а партию, которая, получив власть в правительстве, не сумеет предотвратить обесценение стандарта, народ накажет более сурово, чем тех, кто, неверно истолковав свою миссию, попытались навязать стране несправедливую и оскорбительную пошлину. Здесь республиканское меньшинство может оказать неоценимую помощь, и ему будет принадлежать заслуга в продвижении и практическом решении этого насущного и трудного вопроса.

Поэтому я обращаюсь к Вам не только потому, что Вы заслуженно пользуетесь уважением как вождь Республиканской партии, но главным образом потому, что добропорядочные сторонники всех партий обрадуются, если Ваши богатый опыт и влияние помогут разрешить серьезную и опасную ситуацию с денежной системой, в которую попала страна из-за принятых в последние годы законов. Истинными победителями прошедших выборов станут те, кто правильно истолкует их истинное значение и усвоит их уроки, а не те, кого недавние выборы выдвинули во власть и кому теперь придется взять на себя ответственность…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

В последние годы правления администрации Кливленда, когда казалось, что демократы разойдутся по вопросу денег, Шифф всеми силами продвигал введение золотого стандарта. Когда демократы высказались в пользу серебра, он расценил их шаг как водораздел между честностью и бесчестностью и радовался тому, что различия между республиканцами и демократами проявились так отчетливо. Во время той кампании он входил во Вспомогательный комитет Республиканского национального комитета и не сомневался в исходе дела. 27 августа 1896 г. он писал Э.С. Клоустону из Монреальского банка: «Мои взгляды остаются неизменными. Я не могу поверить в то, что наш народ проголосует против собственного процветания; по мере того, как реальное положение дел и мотивы сторонников свободной чеканки монеты становятся яснее день ото дня, я жду в ноябре столь сокрушительной победы твердой валюты, что «серебряная ересь» будет уничтожена по крайней мере при жизни нынешнего поколения».

На протяжении начала осени он вел переписку с руководителями избирательной кампании. После того как У.Д. Брайан потерпел поражение, Шифф назвал результат выборов величайшим достижением американского народа; по его мнению,

в «славную победу» внесли свой вклад лучшие представители обеих партий.

Гибель броненосного крейсера «Мэн» в Гаванской бухте 15 февраля 1898 г. сделала войну с Испанией неизбежной, и 11 апреля Маккинли послал сообщение конгрессу по этому вопросу. На следующий день Шифф писал Адольфу С. Оксу, издателю и бывшему владельцу «Нью-Йорк тайме»: «Сейчас поддержать президента – наш патриотический долг, и, по моему мнению, именно так обеспечиваются безопасность страны и соблюдение ее интересов».

Самое большое число потерь в той войне связано не с убитыми и ранеными на поле боя, а с неудовлетворительным санитарным состоянием в лагерях и отвратительным снабжением. Кроме того, в то время не была предусмотрена такая, как сейчас, забота об инвалидах войны. С целью оказать помощь в создавшемся положении Шифф предложил главному врачу Джорджу М. Стернбергу следующее: «В письме от 30 июля Отдел парков города Нью-Йорка предлагает… превратить отель «Вест-Энд» (Форт-Вашингтон, Нью-Йорк) в санаторий для выздоравливающих раненых… Мне сообщили, что 4 августа Вы приняли это предложение…

Отель «Вест-Энд» не меблирован; необходимо оснастить его подходящей мебелью, дабы приспособить его для удобства 100–150 выздоравливающих, что, насколько я понимаю, по закону не может предоставить Отдел парков. Я уполномочил Отдел парков передать Вам, что мебель будет, если нужно, предоставлена за счет одного жителя нашего города. Во исполнение этого заявления, сделанного Отделом парков, я настоящим ответственно предлагаю полностью меблировать отель «Вест-Энд», чтобы он целиком отвечал обозначенной правительством цели».

Он не поддерживал захват территории по условиям мирного договора с Испанией. Но, после ратификации договора он высказал свои взгляды в письме Карлу Шурцу от 30 января 1899 г.: «У меня сложилось впечатление, что Вы считаете меня явным экспансионистом, а если так, вынужден заявить, что в этом Вы ошибаетесь. Более того, я считаю, что, хотя наши взгляды по вопросу расширения территории до некоторой степени различаются, в главном они не столь противоречивы. Вкратце моя позиция такова: превратности войны сделали нас, без всяких изначальных намерений с нашей стороны, хозяевами положения на Филиппинах – возможно, по праву. Таким образом, сейчас мы поставлены перед выбором: вернуть Филиппины Испании или филиппинцам… Как бы мы ни поступили, последствия будут, по-

моему, ужасными, и весь цивилизованный мир возложит вину на нас.

При таком положении у нас нет другого выхода, кроме как твердой рукой создать на Филиппинах, по мере возможности, надлежащее правительство «народа, от имени народа и для народа». Когда же эта задача будет решена, что, по-моему, займет не один год, нам следует считать свой долг исполненным и предоставить острова и их народ собственной судьбе, выговорив себе положенные по праву торговые привилегии. Возможно, сейчас подобная программа кажется утопической, но… если американскому народу дать время, эту программу можно и нужно исполнить, и хотя важно донести до сознания американцев, что они не имеют права бесконечно владеть Филиппинами и оккупировать их, я считаю, что положение следует принимать в его настоящем виде, а не в том, каком нам бы хотелось».

В 1900 г. он поддержал список Маккинли и Рузвельта, и ему казалось, что консервативные силы в Демократической партии снова станут причиной поражения Брайана. После выборов он писал Абраму С. Хьюиту: «Позвольте мне, прежде чем я отвечу на Ваше вчерашнее письмо, искренне поздравить Вас с великой победой, в которую большой вклад внесли Ваш пример и Ваше влияние. Это победа не Республиканской партии, но американского народа и славное доказательство его здравомыслия. Отныне мы сможем почувствовать то, что было немыслимым последние тридцать пять лет: людям дела и пр. не придется опасаться пожара в тылу, и они могут работать, руководствуясь исключительно профессиональными соображениями».

На Шиффа настолько сильно повлияло то, что некоторые его друзья не поддержали список Республиканской партии, что 22 января 1901 г. он писал Густаву Швабу: «Со всем моим уважением лично к мистеру Шурцу, мне кажется, что в предстоящей муниципальной кампании я не смогу сотрудничать с теми, кто в ходе настоящих президентских выборов выразил желание рискнуть благосостоянием народа, активно работая на поражение Республиканской партии, и, что касается нашего города, способствовать… превосходству демократов».

В 1904 г., во многом, если не в целом благодаря своей заинтересованности в победе Рузвельта на выборах, он согласился войти в Консультативный комитет Республиканского окружного избиркома. Он писал президенту напрямую и указывал, что, поскольку Нью-Йорк станет крупным полем сражения, необходимо, чтобы кандидат в губернаторы штата был человеком сильным. Он в большой степени способствовал выборам

Рузвельта и, после успешного исхода кампании, получил благодарственное письмо от президента.

В 1908 г. Шифф поддержал Тафта, объяснив свою позицию в письме от 6 июля президенту Элиоту: «Вы правы: я рад выдвижению мистера Тафта в президенты, поскольку считаю: редко кандидат на высокий пост так замечательно подготовлен к выполнению своих обязанностей, и я не верю, что большинство американцев хоть на миг усомнятся по поводу того, кого предпочесть – мистера Тафта или мистера Брайана. Кроме того, я всецело согласен со сделанным Вами замечанием о риске, на какой пошла Республиканская партия с вице-президентом. Не следует выдвигать на второй по значимости пост человека, который не был бы также приемлемым кандидатом на первый пост, и нужно очень верить в Провидение, чтобы быть довольным нынешним кандидатом в вице-президенты.

С месяц назад, по просьбе президента, который хотел посоветоваться со мной по определенным вопросам, я поехал в Вашингтон. По пути туда я прочел в вечерних газетах о несчастном случае с президентом: он катался на молодой лошади, и она сбросила его в ручей и упала на него. Встретившись с президентом, я поздравил его с благополучным исходом и добавил, что поздравляю и американский народ, на что он, смеясь, молниеносно парировал: «Это зависит, м-р Шифф, от того, что американский народ думает о качествах м-ра Фэрбенкса».

Когда в 1910 г. большинство в конгрессе получили демократы, Шифф писал Такахаси: «Хотя лично я принадлежу к проигравшей партии, я вовсе не испытываю недовольства результатом, ибо верю, что теперь возобладают более консервативные методы вместо радикальной политики, в которую Республиканскую партию все больше загоняло ее западное крыло. Эти выборы еще раз доказали, что американскому народу в конечном счете можно доверять и он исправит все недальновидные просчеты своего правительства».

В 1912 г. он поддержал список демократов, что, естественно, встревожило многих его старых друзей-республиканцев. Одному из них, Луису Маршаллу, он писал 11 августа 1912 г.: «Правда, я на протяжении сорока лет отождествлял себя с Республиканской партией и не покинул ее даже после того, как многие развернулись к Кливленду. Да и сейчас я не собираюсь изменять партии… я предлагаю поддержать Вильсона не потому, что он демократ, а потому, что я считаю, что стране необходимо другое правительство, чем то, что было последние четыре года… Я не сторонник невмешательства государства в

частнопредпринимательскую деятельность, но мы не можем и далее поддерживать чрезмерный протекционизм, который в конце концов подорвет наши социальные условия, ибо именно нынешние пошлины лежат в основе всех наших социальных зол. Мы уже довольно давно переживаем скрытый общественный кризис… нельзя, чтобы он вылился в социальную революцию».

Далее в своем письме Шифф анализировал предстоящие выборы и в конце заявил: «Президентом станет либо Вильсон, либо Рузвельт», что стало правильным прогнозом того, как разделились голоса избирателей.

Джорджу У. Перкинсу, начальнику избирательного штаба Рузвельта, который писал, что был очень озадачен, узнав, что Шифф поддерживает кандидатов от Демократической партии, он 2 сентября отвечал: «Я давно уже… восхищаюсь полковником Рузвельтом благодаря его храбрости, любви к честной игре и другим привлекательным чертам… Более того, я бы охотно стал политическим сторонником полковника Рузвельта, если бы он в своей речи в Колумбусе (Огайо) не высказался откровенно в пользу мер и стратегии, которые, если они будут приняты – как я искренне считаю, – уничтожат представительное правление и уничтожат гарантии, мудро обеспеченные конституцией. Мне кажется, что я и не смогу снова поддержать кандидатов от любой партии, которые компрометируют себя сохранением протекционистских пошлин, как ваш кандидат, несмотря на его неоднократные обещания покончить с особыми привилегиями».

В письме президенту Тафту от 6 января 1913 г. он изложил общее мнение относительно исхода выборов: «Вы победитель даже в поражении; не сомневаюсь, что американский народ восхищается Вами благодаря достоинству, мужеству и гениальности, с какими Вы относитесь к существующему положению».

Шифф уезжал в Европу до инаугурации Вильсона и направил ему письмо, в котором особо подчеркнул важность валютной реформы:

«6 февраля 1913 г.

Уважаемый господин избранный президент!

Примерно через десять дней я уезжаю за границу, и меня не будет три месяца. Поэтому я не смогу присутствовать на Вашей инаугурации. Позвольте же заранее искренне поздравить Вас с избранием на высокий и ответственный пост, который Вы вскоре займете как глава американского народа. Я совершенно уверен в успехе Вашей администрации и искренне надеюсь на воплощение высоких надежд, какие американский народ в целом питает по

отношению к будущему страны…

Что же касается таможенных пошлин, по общему согласию самого важного вопроса, какой стоит перед страной, я почти не сомневаюсь в том, что вскоре они будут пересмотрены, как и обещали демократы в своей предвыборной платформе. Однако не мне Вам говорить: пересмотр пошлин – не все, что нужно сделать для обеспечения экономической стабильности страны. Народ должен получить облегчение после тех несправедливых условий, которые сейчас препятствуют его счастью и общему процветанию, ибо ни один народ не может быть счастлив, если он не процветает.

В связи с этим требуется, по моему мнению, провести валютную реформу, а также уделить самое пристальное внимание пересмотру таможенных пошлин… Если не провести в кратчайшие сроки валютную и банковскую реформу, вполне вероятно, что через несколько лет нас снова ждет финансовый хаос, от которого наша страна так сильно пострадала в силу финансовой депрессии и паники… и чего можно было без труда избежать, если бы нам тогда хватило здравомыслия, чтобы надлежащим образом перестроить нашу резервную систему, систему обращения и кредитования. Катастрофу удастся предотвратить без труда, если мы воспользуемся случаем и безотлагательно уделим внимание этому важному вопросу. Не считаю себя вправе излагать… свои взгляды на то, как следует проводить весьма необходимую реформу; несомненно, Ваши консультанты с готовностью помогут Вам. И все же я решил, что с моей стороны будет вполне уместно, прежде чем уехать на несколько месяцев, подчеркнуть, насколько важно уделить срочнейшее внимание этому весьма весомому вопросу, хотя склонен полагать, что Вы, возможно, уже уделяете ему первоочередное внимание.

Если, по моем возвращении, я смогу оказать какие-то услуги, дабы способствовать успеху Вашей администрации, надеюсь, Вы знаете, что можете в любое время призвать меня. Еще раз примите мои самые теплые пожелания успеха во всех областях…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Он испытывал сильную симпатию к цветным и по разным случаям выступал в защиту их прав. Лиллиан Уолд вспоминает, что он часто приходил на митинги негров в «Поселении на Генри-стрит» и произнес трогательную речь на собрании в честь дня рождения доктора У.Э.Б. Дюбуа. В начале правления президента Вильсона он направил в адрес президента протест против

сегрегации цветных служащих в правительственных учреждениях Вашингтона: «Прошу добавить мой голос к тем, кто выступает в защиту неотъемлемых прав цветных, таких же людей, как и мы, наделенных нашим общим Отцом теми же качествами, той же гордостью. Мы не имеем никакого права унижать их. Они не в ответе за то, что у них не такой, как у нас, цвет кожи. В отличие от многих представителей нашего населения, предки цветных прибыли в Соединенные Штаты не по своей воле, их привезли сюда грубой силой и в таких условиях, которые теперь, в двадцатом веке, тем более обязывают нас позаботиться о том, чтобы потомки свободных людей, привезенных сюда с их далекой родины и проданных здесь в рабство, удостоили человеческих прав, без пользования которыми никто не способен испытывать достоинство быть счастливым. Совершенно согласен с позицией сотрудников Национальной ассоциации по продвижению цветных, которые просили своих сограждан обратиться к Вам, м-р президент, как главе всего народа, куда цветные входят как неотъемлемая часть, в поддержку протеста, который Ассоциация направила Вам. Соответственно, я прошу Вас уделить должное внимание присланному протесту. Зная о Ваших благородстве и чувстве справедливости, не сомневаюсь в том, что Вы на него откликнетесь».

Независимо от того, жили они на Севере или на Юге, и независимо от их взглядов по другим вопросам, многие благородные люди понимали, что неграм необходимо предоставить некоторые привилегии в образовании, чтобы по крайней мере отчасти ликвидировать серьезное препятствие, мешавшее им жить. Хотя Шифф не был лидером в этом движении, его сторонники пользовались его глубоким сочувствием и получали от него финансовую поддержку.

В 1909 г. он, очевидно, много думал на эту тему и пришел к выводу, который фигурирует в сопроводительном письме к Освальду Г. Вилларду от 9 декабря 1909 г.: «Я уже некоторое время… думаю о том, как необходимо образование для цветных на Юге, и, сравнив свои наблюдения с мнением людей, которые хорошо разбираются в теме, я пришел к выводу, что должен урезать свою поддержку обычного общего образования в пользу тех школ, которые имеют целью начальное образование цветных детей. Их очень не хватает в местах проживания таких детей. Хотя я готов вносить свой вклад в поддержку любого достойного начинания, которое мне рекомендуют, если я недостаточно осведомлен о какой-либо проблеме, перед тем, как оказывать помощь, я, как правило, справляюсь о ней у людей, достойных доверия. Поэтому, прежде чем я решу, готов ли я помочь школе в

Манассасе, я должен понять, каковы ее цели и задачи.

Постараюсь навести справки как можно скорее. Пожалуйста, передайте м-ру Хиллу, чтобы он проявил немного терпения. Если его школа действительно такова, как Вы пишете… он в самое ближайшее время узнает мое решение, скорее всего, благоприятное – при условии, что его ожидания не будут завышенными».

В ноябре 1910 г. он писал д-ру Букеру Т. Вашингтону: «С огромной радостью воспринял я Ваши слова о том, что белое население Юга все лучше понимает и все серьезнее относится к своему долгу помогать цветным, живущим рядом с ними. Кроме того, я очень рад заверить Вас, что никто больше Вас не способствовал и не способствует тому, чтобы приблизить время, когда распространится мнение, что все мы «сыновья одного Отца», какого бы цвета ни была наша кожа или какую бы религию мы ни исповедовали».

В 1909 г. Шифф, успевший достаточно хорошо узнать Букера Вашингтона, сделал его своим поверенным для раздачи помощи в Индустриальном педагогическом институте Таскиги и других подобных ему учебных заведениях на Юге. На следующий год он поручил Вашингтону провести инспекцию девятнадцати учреждений, которым последний передавал небольшие суммы, пожертвованные Шиффом. Очевидно, его пожертвования носили постоянный характер; к 1915 г. их сумма увеличилась в четыре раза.

В 1915 г., вскоре после смерти Вашингтона, Шифф писал Уильяму Хольтцклоу, директору Индустриального института в Ютике (Миссисипи): «После того как Ваше письмо было написано, скончался наш добрый и достойный друг, д-р Букер Т. Вашингтон, что стало для меня большим ударом. Мне кажется, что Америка потеряла одного из величайших своих людей, который всю жизнь служил и приносил пользу не только представителям своей расы, но и белому населению Соединенных Штатов».

Телеграмма, посланная 21 мая 1920 г. Мурфилду Стори, президенту «Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения», доказывает, что взгляды Шиффа не менялись до конца жизни: «Я полностью согласен с Вами в том, что расовые проблемы можно решить, только допустив полную справедливость по отношению неграм, и до тех пор, пока этот важнейший и серьезнейший вопрос, который год от года делается все важнее с экономической точки зрения, ибо связан с положением рабочей силы, не будет решен к удовлетворению и белых, и цветных, он будет и дальше изводить нас и заставлять стыдиться самих себя».

22 мая 1908 г. Шифф выразил большую заинтересованность в конференции по сохранению природных ресурсов. В письме Хиллу он рекомендовал ему тему для речи, которая, по его словам, представляла «своевременное предупреждение в нынешний период глупой спешки, нацеленной на то, чтобы получить все для нынешнего поколения, бросив потомков на произвол судьбы».

В 1910 г. Шифф обсуждал с Джоном Х. Финли вопросы охраны природы на Аляске, которую он незадолго до того посетил: «Что касается той охраны, о которой Вы пишете во вчерашнем любезном письме, боюсь, что 99 человек из ста, если не больше, не знают, о чем говорят, когда обсуждают положение на Аляске. Более того, невозможно понять тамошнее положение, не побывав на месте… Аляска так же не соответствует статусу штата, как Либерия или острова Самоа. Совершенно верно, ресурсы, которыми обладает Аляска, следует развивать беспристрастно и методично, но, по моему мнению, потребуются значительные стимулы для привлечения на Аляску людей и капитала, и, если мы и дальше будем заниматься демагогией… мы просто убьем любые возможности для развития Крайнего Севера».

1 марта 1909 г. он писал Густаву Швабу, что его заявления и доводы в пользу канала в Панаме на уровне моря почти не находят откликов; и все же ему казалось, что, если президент Тафт, после личного изучения вопроса, опираясь на поддержку специалистов, выскажется в пользу предпочтительности шлюзованного канала, должны быть очень весомые причины, почему он захочет взять на себя такую ответственность.

Шиффа очень занимал вопрос сбора пошлины на протяжении Панамского канала. 5 декабря 1912 г. он произнес речь в Торговой палате штата Нью-Йорк: «Насколько я понимаю, мнения членов палаты разделились по вопросу целесообразности и оправданности так называемого Закона об управлении Панамским каналом. Многие члены палаты и многие за ее пределами считают, что закон неудачен и принят в спешке и что из-за него нам грозит разбирательство в международном арбитражном суде в Гааге. Другие признанные специалисты, наоборот, считают, что данный закон очень нужен и оправдан. Откровенно говоря, я на стороне тех, кто считает закон неудачным не только из-за невзимания платы для американского внутреннего или каботажного флота, но и потому, что по этому закону запрещается проход по каналу для определенных пароходов.

Я считаю, что в результате некоторые отечественные суда

либо будут вытеснены из бизнеса, либо, что еще хуже, перейдут в руки зарубежных хозяев. Как бы то ни было, я считаю, что не стоит и, возможно, не совсем оправданно обсуждать закон в нашей палате и не стоило принуждать Торговую палату как орган одобрить или отвергнуть данный закон. Существует не только возможность, но и вероятность того, что из-за этого закона наше правительство предстанет перед Гаагским трибуналом. Сейчас это закон страны, и, независимо от того, одобряем мы закон или считаем его неудачным, наш первый долг как верных американских граждан, заключается в поддержке правительства и в защите законов страны».

13 сентября 1900 г., после разрушительного урагана в Галвестоне (Техас), Шифф представил на одобрение в Торговой палате следующую записку: «После ужасной катастрофы, постигшей Галвестон, последствия которой еще не известны в полном объеме… Торговая палата штата Нью-Йорк считает своим долгом выразить сочувствие «Островному городу» и помочь в его восстановлении, попытки которого предпринимаются сейчас. Еще вчера граждане Галвестона были счастливыми и процветающими, а ныне ощущают себя покинутыми и отчаявшимися. Они остались без крыши над головой, многие убиты или ранены, торговые предприятия уничтожены, средства сообщения парализованы. На памяти нынешнего поколения ни одно сообщество на Американском континенте еще не постигала такая ужасная катастрофа. Тем не менее мы не боимся, что наши сограждане, жители Галвестона, впадут в отчаяние или им не хватит сил для преодоления постигшего их бедствия. Мы убеждены, что в трудном испытании, ниспосланном Провидением, в полной мере проявится американское мужество, которое с такой готовностью приспосабливается к несчастьям и преодолевает их… Мы верим, что город, когда-то такой красивый и процветающий, возродится, как феникс, из постигшей его катастрофы и вновь займет свое место среди крупных приморских городов, через которые наша страна вывозит излишки своей продукции на мировые рынки».

25 апреля 1912 г., во время большого наводнения в долине Миссисипи, Шифф направил телеграмму сенатору Теодору Э. Бертону, председателю Национальной водной комиссии. «Недавние наводнения на Миссисипи и ее притоках стали причиной многочисленных убытков, ущерба собственности и потерь многих жизней в богатом районе площадью более 25 млн акров. Общая сумма потерь в этой части страны оценивается во много миллионов долларов. Из-за сломанных дамб в одних местах и прорванных плотин в других вся местность по-прежнему подвергается опасности наводнений и ущерба во время

ежегодного июньского половодья. Страдает и будущий урожай… Правительство Соединенных Штатов сделает верный шаг, если, в дополнение к срочному укреплению плотин, организует их регулярный тщательный осмотр, что должно продолжаться до тех пор, пока данный район не будет застрахован от повторения нынешних потерь и страданий. Ваши усилия по содействию этой важной работе будут оценены по достоинству». Если бы приняли меры, предлагавшиеся им в телеграмме, возможно, удалось бы предотвратить еще большую катастрофу 1927 года.

Хотя Шифф не играл ведущей роли в движении по улучшению условий содержания заключенных, благодаря широте его взглядов и человечности он уделял большое внимание и этому вопросу. Он был членом исполнительного комитета Тюремной ассоциации и одним из ее вице-президентов. О его интересе к судьбе заключенных свидетельствует сохраненное им длинное стихотворение, посвященное ему одним узником Синг-Синга в 1890 г., который благодарил Шиффа за «ценную бандероль».

Он активно участвовал в судьбе человека, просидевшего в тюрьме пять месяцев без суда; это казалось ему несправедливостью, независимо от того, виновен несчастный или нет.

Шифф обратился к Теодору Рузвельту, когда тот был губернатором штата Нью-Йорк, от имени человека, которого приговорили к восьми годам тюрьмы. Он успел отсидеть целый год к тому времени, как был найден истинный преступник, признавшийся в своей вине.

Когда в 1919 г. законодательное собрание штата Нью-Йорк рассматривало предложение о перестройке тюрьмы Синг-Синг, Шифф обратился к Александру Макдоналду, председателю Бюджетного комитета, призывая закрыть Синг-Синг и учредить вместо нее «сельскохозяйственно-промышленную» тюрьму, дополненную небольшим приемником-распределителем, в котором заключенных осматривали бы и направляли либо в сельскохозяйственно-промышленную тюрьму, либо, в крайних случаях, в заведения с более суровым режимом.

Он служил вице-председателем подкомитета смертной казни при Национальном тюремном комитете. 9 июня 1915 г., когда в Олбани проводились слушания с целью принятия предложенной поправки к конституции штата Нью-Йорк об отмене смертной казни, Шифф написал письмо, в котором высказывался в пользу поправки и писал, что, если даже для нее нет иных веских доводов, слишком ужасно думать, что казнят хотя бы одного невиновного человека. Через два года, 4 июня 1917 г., он писал

Лоудену, губернатору штата Иллинойс: «Мне сообщили, что закон об отмене смертной казни в Вашем штате прошел в обеих палатах законодательного собрания и теперь находится в Ваших руках, ожидая Вашего одобрения. Позвольте выразить надежду, что Вы все же поставите свою подпись под этим важным законом, чтобы он вступил в силу, ибо, благодаря Вашему содействию, легче будет принять сходные законы в других штатах, для которых шаг Вашего великого штата послужит руководством к действию. Уверен: такой просвещенный руководитель, как Вы, не нуждается в особых доводах в пользу предлагаемой поправки, кроме того, что, как только закон вступит в силу, количество убийств в значительной степени сократится».

В 1873 г., решив вернуться в Европу, Шифф вышел из Торговой палаты штата Нью-Йорк и вернулся туда лишь в 1889 г. В 1898–1902, 1909–1913 и 1915–1917 гг. его выбирали вицепрезидентом палаты; и вновь он занял этот пост в 1919 г. Начиная с 1909 г. он входил в число управлявших имуществом Торговой палаты. Он занимался и другими видами деятельности, тесно связанными с делами палаты. В 1902–1904 и 1906–1909 гг. он был членом ее валютно-финансового комитета. Кроме того, в 1892 г. он вошел в состав комитета помощи голодающим в России; в 1896 г. – в комитет помощи голодающим в Турции. В 1898 г. Шифф вошел в комитет по сооружению памятника полковнику Уорингу, где его выбрали председателем. В 1900 г. он вошел в комитет помощи пострадавшим в Галвестоне; в 1902 г. – в комитет помощи пострадавшим от урагана на Мартинике. Кроме того, в 1903 г. он возглавил комитет по сооружению статуи Абрама С. Хьюита.

Его портрет висит в Торговой палате, и к нему прилагается стихотворение Джона Х. Финли:

Посвящение Джейкобу Г. Шиффу
Он был кораблем, поистине крепким,
Сложенным из одних достоинств, как лес,
Что срублен на горах ливанских,
Из которого был построен храм Соломона, —
Кораблем, что плыл по океанам, пока не причалил
К дальним берегам, носящим новые имена.
Здесь обрел он дом,
Откуда плавал на Восток и Запад, Юг и Север,
Но всегда из странствий возвращался
Сюда, в любимый, самый лучший край.
Он возвращался на закат, к звезде вечерней,
Но море влекло его, и он ушел навсегда.

Его корабль плывет во мраке под луной…
Даруй ему, Господи, вечный покой!

25 сентября 1920 г.

Глава 10

Город Нью-Йорк очень много значил для Шиффа. Здесь он прожил более пятидесяти лет; здесь он достиг большого коммерческого успеха; здесь он женился и у него появились дети. Его улицы, парки, школы и библиотеки, колледжи и университеты, музеи и картинные галереи, благотворительные учреждения, его люди – все было дорого ему. В духе многих великих национальных и международных интересов, Нью-Йорк всегда занимал первое место в его заботах и его сердце.

Джордж А. Макейнени пишет: едва ли существовало хоть одно достойное общественное дело, в котором Шифф так или иначе не принимал бы участия. Через Городской клуб, членом которого он был, а также через другие организации и движения он старался действовать независимо и беспристрастно, оказывая помощь на выборах муниципальных органов власти. Р. Фултон Каттинг вспоминает: «Я часто советовался с ним по филантропическим и гражданским вопросам и всегда находил его сторонником практического воплощения идеалов. Хорошо помню один случай, когда я нанес ему визит во время муниципальной избирательной кампании. Я не был уверен в исходе выборов. Он сразу развеял мои опасения, и я вышел от него в большой степени подбодренный. Не то чтобы он делал какие-то прогнозы относительно исхода кампании, но благодаря своему кругозору он был способен мыслить шире и видел далеко за пределами непосредственной, временной победы. Его советы дышали стремлением к справедливости во всем, безоговорочной поддержкой высоких стандартов гражданского долга. Мысли о нем и сейчас придают мне силы; я помню, как он всегда меня вдохновлял. Во многих других случаях его ценное сотрудничество в различных движениях по улучшению общественных и гражданских дел укрепляло мою веру и способствовало нашим успехам».

Еще в 1893 г. Шифф стал членом комитета муниципального управления в Городском клубе, а в 1902 г., считая, что клуб выходит за пределы своих полномочий, занимаясь государственной политикой, он заявлял, что клубу следует посвятить себя всецело делам города и издать подзаконный акт, в соответствии с которым исключить государственную политику из сферы своей деятельности.

В 1903 г. его уговаривали выдвинуть свою кандидатуру в олдермены, но он отказался из-за своего ухудшающегося слуха, который помешал бы ему принимать полноценное участие в

дискуссиях. «Если бы не это, – писал он, – я считал бы своим долгом стать олдерменом и с радостью стал бы им». Конечно, готовность такого занятого человека тратить большое количество времени на общественную работу свидетельствует о его высокой сознательности и благодарности к принявшему его городу. В 1904 г. его выдвинули кандидатом в мэры Нью-Йорка; по этому случаю в «Таймс» появилась заметка, указывающая на то, какое положение занимал Шифф в штате Нью-Йорк:

«13 декабря 1904 г.

Видные республиканцы города Нью-Йорк выразили желание, чтобы кандидатом в мэры от республиканцев на следующих выборах стал Джейкоб Г. Шифф. Мистер Шифф – один из самых известных бизнесменов города, обладающий выдающимися руководящими способностями. Он отличается высокой гражданственностью и направляет свои средства и усилия на благо города. Его имя можно встретить всюду, где возникает движение в защиту общественной справедливости, где борются за удобство и процветание людей. Если он согласится стать кандидатом на пост мэра от Республиканской партии, его изберут подавляющим большинством, а при его способности к управлению срок его полномочий станет беспрецедентным в достижении общего блага к выгоде всего города».

В 1905 г. Шиффа вновь называли человеком, способным победить представителя демократов на очередных муниципальных выборах.

9 мая 1905 г. он обратился к Джорджу Б. Макклеллану, тогдашнему мэру, призывая его одобрить восстановление четырехлетнего срока правления мэра и других городских чиновников, на том основании, что двухлетний срок слишком короток, чтобы можно было провести эффективную работу на благо города. Позже в том же году он писал Чарлзу М. Джессапу, одобряя план привлечения образованных людей к муниципальному управлению, который последний тогда продвигал: «В конце концов, именно в муниципалетитех, с их все возрастающим значением, кроется надежда на будущее…»

Он выступал против предложения проводить срочные выборы в случае смерти мэра или президента или вице-президента совета олдерменов и 20 декабря 1905 г. писал Лоренсу Вейл еру: «Я с большим интересом прочел Ваше циркулярное письмо. Его содержание станет темой для дискуссии на сегодняшнем заседании правления, на котором я, к сожалению, не смогу присутствовать. Единственный вопрос, с которым я не согласен, –

это предложение внести поправку, связанную с тем, что, в случае освободившейся вакансии мэра во время его правления, следует провести срочные выборы нового мэра до конца текущего срока и что следует принять такую же поправку в отношении президента и вице-президента совета олдерменов. По моему мнению, не стоит проводить срочные выборы… которые всегда становятся более или менее тревожным фактором; далее, по Вашему предложению, срочные выборы следует проводить в том случае, если мэр умрет или станет недееспособным за шесть месяцев или девяносто дней до срока истечения его полномочий. Такая возможность не представляется желательной.

Мне же, напротив, кажется более привлекательной мысль о том, что выборщики так же стремятся назначать достойных людей на пост главы олдерменов, как и на пост самого мэра. Что же касается вице-президента в совете олдерменов, возможно, и неплохо внести поправку и добиться того, чтобы этот пост также стал выборным. На возражение, что вице-президент совета олдерменов может стать президентом совета или даже мэром, напоминаю, что по законам Соединенных Штатов члены кабинета могут, в случае смерти и действующего президента, и вице-президента Соединенных Штатов, стать президентами».

В 1908 г. Шифф начал сотрудничать с Бюро муниципальных исследований; он пытался согласовать его деятельность с Торговой палатой. 8 января 1909 г. он писал Каттингу: «Я стараюсь привести работу, проводимую комитетом Торговой палаты, в соответствие с пожеланиями Бюро муниципальных исследований, ибо уверен: только если, благодаря нашим усилиям, Бюро сможет работать без помех, его деятельность станет столь благотворной, что нынешнее состояние городского правительства и его финансов будут отрегулированы, ко всеобщему удовлетворению».

Он пожертвовал Бюро солидный вклад, чтобы его работа не тормозилась из-за недостаточного финансирования, и далее не оставлял своим вниманием и само Бюро, и его Школу государственной службы.

В 1884 г. началась дружба Шиффа с Уильямом Р. Грейсом, тогдашним мэром Нью-Йорка. Позже он подружился с Сетом Лоу, мэром Нью-Йорка и президентом Колумбийского университета.

В 1893 г. он вступил в «Комитет семидесяти», который выдвинул на пост мэра Уильяма Л. Стронга. Им удалось наголову разбить демократов, хотя защищались ожесточеннее, чем раньше. В 1894 г. Шифф настоятельно убеждал Натана Страуса не выдвигать свою кандидатуру на пост мэра по списку Демократической партии, подвергая риску свою дружбу как с

самим Страусом, так и с его братьями, которые были очень дороги ему. Шифф оказывал всяческую поддержку Стронгу, который победил на выборах.

В 1895 г. Шифф вступил в один из образованных тогда «Клубов хорошего правительства». Короткое время он входил в состав исполнительного комитета Съезда федеративных клубов, но подал в отставку, когда, несмотря на мнение большинства, было решено поддержать независимого кандидата, что, по мнению Шиффа, раскололо бы силы, которые следовало объединить против демократов.

Его преданность идее «хорошего правительства» лицом к лицу столкнула его с любопытной дилеммой, противоречившей его обычно добрым побуждениям. Человек, которого он хорошо знал и который, будучи гарантом, поручился за другого на крупную сумму, взятую в долг у частного лица, обязан был выплатить долг после смерти своего друга. В связи с тем, что тот человек выступал против реформистского движения, Шифф сомневался, стоит ли давать ему кредит, потому что, как он писал, «если я отождествлю себя с ним таким образом в настоящее время, это будет неверно истолковано и может повредить интересам реформы».

Когда обсуждали кандидатуру Сета Лоу на пост мэра нового «Большого Нью-Йорка», Шифф писал:

«25 мая 1897 г.

Уважаемый мистер Лоу!

Р. Фултон Каттинг ознакомил меня с тем, что происходило на недавнем совещании между Вами и Лароком, Шурцем и Каттингом. Во-первых, очень рад узнать, что Вы наконец решили принять бремя назначения на пост мэра Большого Нью-Йорка, если… Вы получите объединенную поддержку всех сил, которые сопротивляются возвращению к власти демократов со всей их коррупцией и другими дурными веяниями, которые они привнесли бы в управление делами увеличившегося муниципального образования.

Как и многие другие, я считаю, что Вы – лучший кандидат на пост первого мэра Большого Нью-Йорка. Я никоим образом не собираюсь угождать или льстить Вам, но лишь выражаю свое откровенное мнение… что Ваше кандидатство будет неопровержимым и что, будучи выдвинутым, независимо от соперников, в скором времени останутся всего два кандидата – Вы и представитель демократов.

С другой стороны, Гражданский союз, по моему мнению, не способен, не подвергая опасности само движение к хорошему

муниципальному самоуправлению, выдвигать идеи или внушать республиканцам и прочим, что оно готово обсуждать слияние. Такой союз способен лишь на одно: выдвигать кандидатов, и в этом случае, если предложенные кандидаты заслужат общее одобрение, республиканцы вынуждены будут поддерживать кандидатов Гражданского союза. Таким образом, на Вас возлагается серьезная ответственность. Лично мне кажется, что, если Вы согласитесь с назначением Гражданского союза, все антидемократические силы вскоре объединятся вокруг Вас, но, если Вы не желаете рисковать и выдвигаться с самого начала, от одного Гражданского союза, велика опасность краха движения, в результате чего вновь избранное правительство нашего города ждут многочисленные беды.

Положение, в каком Вы… очутились волей обстоятельств, незавидно; требуется величайшая храбрость и высочайшие гражданские добродетели, чтобы принять верное и своевременное решение. От всей души молюсь за то, чтобы Вам ниспослали необходимые Вам силы и уверенность и чтобы кризис, постигший нас, был разрешен способом, на который мы столь ревностно надеемся.

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

Лоу отмечал, какое большое значение он придавал рекомендациям Шиффа в ходе избирательной кампании. Лоу широко опирался на помощь группы друзей, с которыми он советовался в экстренных случаях, и просил Шиффа также вступить в эту группу.

Лоу был избран мэром Большого Нью-Йорка в 1901 г., а когда на перевыборах он потерпел поражение, 11 ноября 1903 г. Шифф писал: «По-моему, жители Нью-Йорка рано или поздно… поймут, какую огромную услугу… оказали им мистер Лоу и его помощники… и я вполне доволен тем, что наш город станет впоследствии лучшим местом для жизни, потому что последние два года Нью-Йорк наслаждался… чистым, здоровым, деловым правлением».

«Комитет пятнадцати», который взял на себя задачу очистки нью-йоркской политики и выборов, запутался в долгах и пытался снять с себя часть обязательств. В ответ на поступавшие к нему просьбы Шифф написал эксцентричное письмо Джону Харсену Роудсу, соглашаясь выплатить его долю:

«20 декабря 1904 г.
Уважаемый мистер Роудс!

Получив Ваше вчерашнее письмо, я вспомнил известные строки: «В нашем мире хорошо жить, дарить, давать в долг,/ Но для того, чтобы занимать, одалживать или просить,/Это худший из миров». Мне очень жаль, что Вам приходится идти на такие жертвы, чтобы добыть средства для выплаты долга от имени «Комитета пятнадцати». Не мое дело критиковать действия других, и я могу лишь сказать, как уже говорил прежде, что я готов вложиться до последнего цента, чтобы выплатить долг, и с радостью приму участие в любой новой добровольной оценке, которая, возможно, понадобится для погашения долга…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Ю.Х. Аутербридж приводит еще одну попытку Шиффа способствовать «чистоте» муниципального самоуправления: «В 1909 г. был создан Гражданский комитет для поддержки на муниципальных выборах списка, в который входили кандидаты высшей пробы, достоинств и способностей. Когда создавался комитет, меня не было в городе, а вернувшись, я узнал, что меня избрали его председателем. Я всерьез собирался отказаться, поскольку, не обладая политическим опытом, сомневался, будет ли моя деятельность действенной, и не знал, получу ли финансовую поддержку. Мистер Шифф настоятельно убеждал меня согласиться с выдвижением и принять активное участие в руководстве комитетом; он предложил щедрую финансовую помощь, а также призывал поддерживать меня. Его помощь возымела действие; он самым великодушным образом помогал комитету советами и средствами. Моральная и финансовая поддержка, которые он оказал сам и призывал оказывать других, была поистине бесценной. Комитету наконец удалось выдвинуть своих кандидатов, и все они прошли за исключением мэра, что стало одним из крупнейших поражений местных демократических организаций на муниципальных выборах. Стандарт городского правительства был поднят на небывалую высоту, и практически всех избранных в тот раз переизбрали на второй срок».

В воспоминаниях Джорджа Макейнени можно найти еще одно свидетельство желания Шиффа создать хорошее правительство; Макейнени пишет о том, как принципиально Шифф критиковал общенациональную партийную линию в муниципальной политике: «В 1913 г. должны были переизбрать мэра Гейнора. В 1909 г. республиканцы образовали альянс («фьюжн») с частью демократов. В результате мэром избрали судью Гейнора; он оказался во главе оценочной комиссии, все остальные члены

которой были фьюжионистами. Несмотря на такое различие во взглядах, комиссия во главе с мэром работала довольно слаженно. В суперважном вопросе расширения транспортной системы города после расстановки сил оказалось, что мэр Гейнор голосует с главным контролером Прендергастом и мной в пользу двойных контрактов, благодаря чему удалось удвоить протяженность линий общественного транспорта и утроить их пропускную способность, а мистер Митчел, фьюжионист, голосовал «против». Контракты были одобрены при одном голосе «против» м-ра Митчела и оказались настоящим спасением для города.

После начала избирательной кампании 1913 г. демократы были против переизбрания судьи Гейнора, считая, что его должен сменить судья Маккол. В результате нового антидемократического альянса на должность мэра выдвинули мистера Митчела, меня – в президенты совета олдерменов, а мистера Прендергаста – снова на должность главного контролера. Много тысяч тех, кто поддерживал мэра Гейнора через представительный комитета, недоумевали из-за того, что на переизбрание его выдвинули по независимому списку. Создали организацию под названием «Лига за выдвижение Гейнора в мэры». Мистер Шифф, веривший в мэра и неуклонно выражавший свои взгляды в вопросе об общественном транспорте, считал, что Гейнора необходимо переизбрать. Он вошел в исполнительный комитет Лиги и сразу же стал играть ведущую роль в новом независимом движении. 11 сентября мэр Гейнор, который уезжал за границу для поправления здоровья перед будущими выборами, умер на море. Город с ужасом узнал о его кончине, и, могу признаться, никто не знал, какой политической линии придерживаться.

Немедленно возник вопрос, кто займет освободившуюся вакансию и как продолжить дело покойного мэра. На следующий день состоялась встреча исполнительного комитета Лиги. Проведя все утро в прениях, комитет решил продолжать работу, а кандидатом в мэры вместо покойного Гейнора выдвинули меня. Лига выбрала «Комитет трех» под председательством мистера Шиффа, который и известил меня о моем выдвижении. В тот же день представители Лиги пришли в городскую ратушу. Мистер Шифф изложил свою позицию и красноречиво выступил в пользу продолжения кампании. Безотносительно к доводам на основании общей целесообразности, я мог ответить лишь одно: за три недели до того я согласился баллотироваться под вторым номером по списку фьюжионистов и публично провозгласил, что поддержу м-ра Митчела. Я считал, что не вправе баллотироваться

сам. Меня просили не объявлять об окончательном решении день-другой и взвесить все за и против. По причинам, которые я изложил мистеру Шиффу, такой способ действий также показался мне неприемлемым. Поэтому вскоре объявили о том, что я отказываюсь баллотироваться.

На следующий день исполком Лиги провел еще одно заседание и решил не вести отдельную кампанию. Мэром выбрали Митчела, хотя многие из хорошо разбиравшихся в тогдашней политической обстановке были уверены: будь мэр Гейнор жив, движение, сформированное в его поддержку, непременно добилось бы его переизбрания».

Весьма подробные воспоминания Роберта Адамсона касаются участия Шиффа в муниципальных выборах, особенно во время правления Гейнора и Митчела, и проливают дальнейший свет на события тех лет: «Его откровенная и пылкая поддержка переизбрания Гейнора, невзирая на шаги обеих политических партий, представляет собой беспримерную и независимую гражданскую позицию… При Гейноре мистер Шифф был одним из его самых надежных и доверенных советников. Хотя до вступления судьи Гейнора на пост мэра в ноябре 1909 г. они не были близкими друзьями, они часто общались в последующие четыре года и питали друг к другу безграничное доверие и взаимное уважение. В доказательство независимого мышления м-ра Шиффа можно сказать: хотя мэра Гейнора резко критиковали в прессе… критика нисколько не повлияла на мнение о нем мистера Шиффа как об официальном лице и о человеке.

Мистер Шифф в то время был казначеем Американского Красного Креста; в годы правления мэра Гейнора произошел ряд бедствий, которые требовали от этой организации скорых и безотлагательных мер. Мэр Гейнор никогда не принимал решения по такого рода вопросам, не проконсультировавшись с мистером Шиффом, на чье суждение он всецело полагался. Необходимо помнить, что к главе муниципалитета Нью-Йорка часто обращались с просьбами воспользоваться своими полномочиями и выделить средства на те или иные цели. Мэр Гейнор считал суждения мистера Шиффа по вопросам такого рода самыми здравыми, свободными и беспристрастными; м-р Шифф давал советы, невзирая на расу, вероисповедание или цвет кожи просителей. По многим важнейшим вопросам, таким, например, как общественный транспорт, мэр Гейнор часто прислушивался к советам мистера Шиффа и неоднократно уверял, что может полагаться на него, твердо зная, что суждение мистера Шиффа бескорыстно. Поэтому летом 1913 г., когда срок правления мэра Гейнора близился к концу и не за горами была новая

избирательная кампания, мистер Шифф, до тех пор почти неизменно отождествлявшийся с фьюжионизмом, стремившимся к альянсу и реформам, не колеблясь, объявил о своей поддержке мэра Гейнора.

Он прекрасно понимал разницу между судьей Гейнором и другими кандидатами на пост мэра, которых поддерживали демократы. Он занял свое место, не дожидаясь действий какой-либо из сторон или независимой коалиции. Мэр Гейнор отказался от выдвижения демократами, а коалиционные силы со всей определенностью выбрали кандидатом на должность мэра Джона Перроя Митчела. Неизвестно было, как воспримут новую расстановку сил сторонники Гейнора: поддержат Митчела или потребуют переизбрания Гейнора. С самого начала м-р Шифф настоятельно просил, чтобы мэр Гейнор баллотировался как независимый кандидат. Он неоднократно заявлял, что жители Нью-Йорка почувствуют себя оскорбленными, если им придется пассивно смириться с решением политических организаций, отправляющих в отставку мэра Гейнора, который прекрасно справлялся со своими обязанностями. Поэтому, в основном по совету мистера Шиффа, сторонники мэра Гейнора в конце концов решили выдвинуть Гейнора по независимому списку.

Номинация мэра Гейнора, наверное, уникальное явление в истории муниципальных выборов. Его выдвинули при большом стечении народа перед городской ратушей. На этом импровизированном собрании председательствовал мистер Шифф; именно он известил мэра Гейнора о том, что народ требует его согласия на выдвижение. В своей речи, призывавшей Гейнора баллотироваться, мистер Шифф сказал: «Сегодняшняя номинация… призвана продемонстрировать, что жители Нью-Йорка не потерпят диктата самоизбранных комитетов и политических организаций в вопросе о том, кто будет управлять их муниципальными делами. Ньюйоркцы умеют награждать тех, кто хорошо им служил, тех, кто честен, способен, бесстрашен и независим.

В течение последних четырех лет мы радовались правлению мэра Гейнора и его помощников по Оценочной комиссии; такой администрации у нас не было последние четверть века, и если я верно сужу о настроениях жителей нашего города, они не допустят, чтобы их надежного и опытного градоначальника заменяли любым из двух других кандидатов. Хотя они оба люди весьма достойные, они не обладают ни опытом, ни качествами, позволившими мэру Гейнору добиться успеха на своем посту».

Каким был бы исход этого беспрецедентного независимого движения, можно лишь гадать, ибо мэр Гейнор через неделю

умер. После покушения на его жизнь его здоровье было таким хрупким, что он даже не смог лично присутствовать на процедуре своей номинации у городской ратуши, и его согласие было зачитано за него его секретарем, Робертом Адамсоном. На следующий день Гейнор отплыл в Европу и скончался на борту парохода. Короткий период – между согласием Гейнора баллотироваться в мэры и его кончиной – главой и душой этого независимого движения был мистер Шифф. Хотя он не занимался политикой лично, он часто выступал в роли консультанта. В одном случае Адамсон, возглавлявший избирательный штаб Гейнора, обмолвился, что на некоторые планы, которые строили представители муниципалитета, пришлось наложить вето из-за недостатка средств. Мистер Шифф весьма горячо и решительно ответил ему: «Мистер Адамсон, занимайтесь избирательной кампанией и не думайте о финансах. Все необходимые деньги у Вас будут».

После внезапной кончины мэра Гейнора в предвыборной гонке осталось два кандидата – Джон Перрой Митчел, кандидат от коалиции фьюжионистов, в которую входили и представители Республиканской партии, и бывший судья Верховного суда Эдвард Э. Маккол, выдвиженец Демократической партии. В такой ситуации влиятельные горожане вроде м-ра Шиффа должны были сделать выбор, и м-р Шифф со своим не замедлил. На памятной встрече в методистской церкви за день до похорон мэра Гейнора кандидат Митчел отдал дань уважения мэру Гейнору и сказал: хотя их с мэром мнения часто расходились, все признавали его честность и независимость. На следующий же день мистер Шифф написал Митчелу: он рад, что Митчел отказался от несправедливой клеветы, с которой он набрасывался на мэра Гейнора и на тех, кто поддерживал его кандидатуру. Он писал, что понимает: слова, произнесенные в пылу избирательной кампании, часто не имеют под собой обоснования, но тем не менее: «Требуется больше мужества для того, чтобы признать свою неправоту, чем для того, чтобы упорствовать в своих заблуждениях. Я рад вдвойне, потому что теперь могу поддержать Вас от всего сердца и с такой же силой, с какой я выступал бы против Вас, останься мэр Гейнор в живых».

Поддержка мистером Шиффом Митчела в 1913 г. стала началом дружбы между ним и кандидатом, которому суждено было стать одним из самых молодых мэров Нью-Йорка; их связала почти такая же тесная дружба, какая связывала мистера Шиффа с мэром Гейнором. Те, кто выступали вместе с м-ром Шиффом за переизбрание Гейнора, единодушно присоединились к нему в поддержке Митчела, а Адамсон, который вместе с мистером

Шиффом принимал активное участие в выдвижении мэра Гейнора, возглавил избирательный штаб Митчела.

В ходе той кампании и четырех последующих лет мистер Шифф оставался доверенным лицом и советником мэра… Приближенные Митчела знали, что советы мистера Шиффа, как правило, оказывались безошибочными.

Ближе познакомившись с мэром Митчелом, мистер Шифф проникся к последнему таким уважением, что впоследствии возглавил комитет по сооружению памятника мэру Митчелу. Именно в его кабинете, после предложения создать памятник, сделанного нью-йоркской газетой «Уорлд», провели первое совещание, на котором официально организовали комитет за строительство памятника. Шифф заявил: по его мнению, лучший способ пропагандировать и поддерживать хорошее городское управление заключается в том, чтобы постоянно напоминать людям о заслугах тех, кто так хорошо управлял городом. Он считал, что сохранить память о мэре Митчеле и о его трудах с помощью эффектного памятника – долг тех, кто его поддерживал. Он сразу внес в фонд памятника 50 тыс. долларов. На слова друзей о том, что сумма чрезмерно велика, Шифф нехотя ответил: «Что ж, пусть тогда будет 25 тысяч». Именно на основе его солидного вклада образовался фонд памятника, который сейчас находится в стадии подготовки[28].

М-р Шифф в течение восьми лет играл активную роль в городском самоуправлении… Будет не слишком большим преувеличением сказать, что ни один человек, не занимавший официальной должности в муниципалитете, не внес такого большого, как он, вклада в служение городу, особенно в 1910–1918 гг.».

Вот как Шифф объяснял свою позицию по поддержке Митчела во время избирательной кампании 1917 г.: «…он превосходно, по-деловому и беспристрастно управлял городом в течение последних четырех лет; во-вторых, прошлый опыт научил меня: от любой администрации, которая находится под влиянием демократов, нельзя ожидать ничего, кроме обратного».

К огорчению Шиффа, Митчел потерпел поражение на перевыборах.

По крайней мере еще при мэре Сете Лоу Шифф занялся вопросами городского бюджета и реальной пользы для жителей Нью-Йорка в результате расходования бюджетных средств. Он готовил для мэра статистические выкладки, отмечая, что результаты непропорциональны расходам. Он призывал различные департаменты одобрить программу, предложенную Бюро муниципальных исследований, и сожалел о том, что

Торговая палата не предпринимает в этом направлении более решительных шагов.

8 июля 1903 г. он обратился к мэру Лоу в связи с городским амортизационным фондом: «Возможно… целесообразно позаботиться о скорейшем погашении муниципальной задолженности… однако это необходимо сделать по закону, автоматически предусматривающему рабочие амортизационные фонды, а не предлагать разные условия для разных серий облигаций. Налог на амортизацию не следует возлагать слишком тяжким бременем на плечи одного поколения, муниципальные облигации должны быть долгосрочными… до их окончательного погашения необходимо учредить такой же амортизационный фонд. Предлагаю включить в принимаемые законы… условие для нынешних и будущих городских займов, в которых учитывался бы объем муниципальной задолженности, который будет погашен с помощью уже собранных амортизационных фондов».

3 декабря 1908 г. Шифф поднял вопрос бюджета в речи, произнесенной в Торговой палате: «Нужно, чтобы центральный комитет Торговой палаты занялся вопросом городского хозяйства в целом. В настоящее время наш бюджет составляется, по-моему, довольно бессистемно. Каждый департамент подает свои оценки, свои требования, а Оценочно-распределительная комиссия вынуждена торговаться… с каждым департаментом, выясняя, какими минимальными средствами он может обойтись. Мне кажется, что бюджет следует составлять совершенно по-другому. Всем нам известны первоочередные потребности города: достойные здравоохранение, охрана общественного порядка, образование. Кроме того, городу нужны средства на благотворительность, а также на развитие и прочие цели. Но некоторые из этих статей должны уступить более важным требованиям. Лучше провести финансирование самых насущных проблем в первую очередь; другие могут подождать – особенно новое развитие. Иными словами, нам следует жить по средствам…»

4 февраля 1909 г. он снова высказался против роста городской задолженности даже на цели, которые тогда казались необходимыми. Его речь напечатана в нью-йоркской газете «Сан»: «Некоторое время я считал, что при подсчете предела нашего долга можно сделать исключение для долгов по коммунальным услугам… но сейчас я скрепя сердце вынужден признать: даже рискуя отложить на время некоторые необходимые улучшения, нам следует в настоящее время остановиться. В первую очередь учтите: если данная поправка будет принята, ценные бумаги и облигации города Нью-Йорк будут выведены за пределы ценных

бумаг, которые Соединенные Штаты признают депозитами своих государственных учреждений. Вы хотите, чтобы город Нью-Йорк выходил на мировые рынки, пробовал занимать и слышал в ответ: «Дать вам денег? Ваши собственные облигации недостаточно хороши, и ваше правительство не признает их ценными бумагами для своих депозитов». Может ли Нью-Йорк поставить себя в такое положение?

И далее, не мы ли сами несем ответственность за те условия, в каких мы очутились в настоящее время? Считаю правильным, если в течение года, двух или трех мы понесем наказание, какое сами на себя навлекли. Новые ветки метрополитена и другие улучшения – не самое главное. По-моему, гораздо важнее вначале привести в порядок существующее хозяйство, укрепив тем самым доверие к себе. Мы ничего или почти ничего не потеряем, если на год-другой остановимся. Предыдущий оратор сообщил нам о том выдающемся положении, какого достиг город благодаря строительству железных дорог, однако полезно вспомнить, сколько городов на Среднем Западе 20–30 лет назад довели себя до настоящего банкротства, так как слишком расточительно тратили кредиты на постройку железных дорог, а потом, когда стало уже поздно, в Канзасе, Иллинойсе и других штатах пришлось принимать конституционные поправки, дабы предотвратить повторение того, что произошло… Если Вы отклоните эту резолюцию, Вы снизите доверие к городу в целом. Я знаю, о чем говорю. Сегодня ничто не отделяет нас от конституционной поправки, кроме настоящего решения Торговой палаты. Нет ничего более ценного, чем доверие, – это касается как отдельных лиц, так и корпораций, штатов и муниципальных образований. Перед тем как принимать то или иное решение, убедитесь в том, что ваши действия не вредят доверию к нашему городу».

Свидетельством досконального внимания Шиффа к деталям городского бюджета служит длинное письмо, которое он послал мэру Джорджу Б. Макклелану в октябре 1909 г., в котором по пунктам рассматривал вопросы городского бюджета. Он предлагал сэкономить средства в размере 3 млн долларов и подтверждал свои выкладки ссылками на документы и отчеты, вдаваясь в такие подробности, как отходы при строительстве канализации, покупка запчастей, переизбыток сумм, выплаченных служащим, и другие нарушения, которые, как известно, существуют в некоторых наших крупных городах.

Еще в 1891 г. он заинтересовался вопросом создания системы городского общественного транспорта в Нью-Йорке; в марте того же года он выступил на заседании городской комиссии по

общественному транспорту и представил план, по которому предлагал отдать муниципальные дороги в аренду частным компаниям. Свой план он отстаивал энергично, изложив его мэру Хью Дж. Гранту со следующими словами: «Я убежден, что вопрос можно решить практически только тем способом, который изложен в представленном Вам докладе».

Кроме того, он представил свой план Абраму С. Хьюиту, бывшему мэру, а копию послал редактору нью-йоркской газеты «Геральд», приписав: «Убежден, если «Геральд» станет защитницей плана по развитию в Нью-Йорке системы общественного транспорта, которая должна быть сооружена за счет города и эксплуатироваться корпорацией, состоящей из беспристрастных бизнесменов, обладающих большими способностями и безупречной репутацией, газета окажет огромную услугу жителям города и, возможно, благодаря своему огромному влиянию будет способствовать положительному практическому решению вопроса…»

8 мая 1891 г. он направил письмо редактору нью-йоркской «Трибюн», одобряя редакционную статью под заглавием «Общественный транспорт по-прежнему в пути». В то время в Нью-Йорке собирались строить систему общественного транспорта силами частных предпринимателей. Шифф указывал на подводные камни, которые таил в себе такой план: «Весьма вероятно, в результате подобной комиссии привилегии получат отдельные лица, которые, в свою очередь, попытаются передать свои привилегии капиталистам за кругленькую сумму, и таким образом общественный транспорт… превратится в предмет для спекуляций».

Он предложил «Трибюн» выдвинуть следующий лозунг: «Общественный транспорт – создан народом, для народа».

В конце 1892 г. он обратился с письмом к Уильяму Стейнвею, председателю комиссии по общественному транспорту, и снова горячо отстаивал замысел построить дороги за счет города и передать их в управление частной корпорации, которая по завершении работ получит возможность сдавать их в аренду: «Вы, несомненно, помните мою речь, произнесенную год назад на Комиссии по общественному транспорту, в которой я доказывал, что невозможно быстро и экономично создать систему общественного транспорта, если строительство не будет осуществляться муниципалитетом.

Жители Нью-Йорка… многим обязаны Вам и Вашей комиссии: Вы энергично и с умом подошли к делу и, несомненно, вскоре решите проблему городского общественного транспорта. Планы, одобренные Вашей комиссией после тщательного

изучения предмета, являются самыми лучшими для создания системы общественного транспорта, ибо ни одно сообщество или частное лицо не уделяли вопросу столь пристального внимания, и ничьему мнению по поводу целесообразности данного плана не стоит придавать такого значения. Жаль, но… уже просочились слухи о том, что, если план, одобренный Вашей комиссией, не будет принят капиталистами, придется рассматривать второй по значению план, возможно связанный с наземным транспортом… Нью-Йорку не нужен всего лишь второй по значению план; он достоин самого лучшего общественного транспорта… причем в кратчайшие сроки.

Граждане Нью-Йорка всецело доверяют Вашей комиссии; они не станут… возражать, если члены комиссии образуют департамент для строительства дорог за муниципальный счет по планам, уже одобренным Вами. Необходимо сразу же принять закон, по которому, по завершении строительства, обеспечивалась бы… *передача управления* в постоянную аренду линий городского общественного транспорта, ответственной корпорации, образованной с такой целью, за минимальную арендную плату, равную процентной ставке по накладным расходам и расходам на амортизацию… Это вполне выполнимое условие, в результате которого возрастет доход в городскую казну, превышающий проценты по облигациям, которые городу придется выпустить для прокладки линий общественного транспорта. После того как частный капитал добросовестно заявил, что не готов претворить в жизнь план, столь тщательно разработанный Вашей комиссией, Вы и Ваши помощники исполните свой патриотический долг, если… немедленно примете закон с целью… практического осуществления Ваших планов за счет муниципалитета».

Саймону Стерну он писал в начале 1893 г.: «…мы не получим настоящего общественного транспорта по низкой цене, если город не возьмет на себя строительство подземной железной дороги, при том условии, что политики не будут иметь никакого отношения к проекту… и при наличии закона, по которому сразу по завершении строительства подземной железной дороги ее сдадут в аренду».

15 февраля 1894 г. он произнес речь на заседании Торговой палаты: «Вскоре после того, как была создана комиссия по общественному транспорту, я предсказал, что она превратится в пустую говорильню, если ее члены отдадут сооружение дороги на откуп частному капиталу. Невозможно привлечь частный капитал для строительства дороги, которая, возможно, обойдется в пять миллионов долларов за милю; а если учесть, что сейчас каждый

пассажир платит за проезд по пять центов… частный капитал тем более не возьмется за это предложение.

Если у нас не будет общественного транспорта – мы, возможно, этого не почувствуем, зато в полной мере испытают на себе наши потомки – мы утратим значительную часть нашего влияния как крупный коммерческий центр. Подобные вещи работают медленно, но верно; и я считаю, что в таких важных для Нью-Йорка вопросах, как водоснабжение или обеспечение других повседневных нужд, граждане должны платить по самому низкому, а не самому высокому тарифу, на что они обречены, если строительство подземки будет осуществлять частный капитал. Тогда речь пойдет уже не о 6, а о 10–12 %… по всей вероятности, придется выпускать пятипроцентные облигации, которые будут продаваться, скажем, по курсу 80, и выпустить, в виде бонуса, акции, по которым придется в будущем выплачивать дивиденды в размере около 10 %;

так что Нью-Йорку строительство дороги обойдется не в 6, но в 10–12 %, и бремя расходов ляжет на всех жителей Нью-Йорка, в том числе на детей. Поэтому рекомендую принять закон, по которому дорогу построят за счет города, и в то же время уполномочить город сдать дорогу в аренду корпорации, которая будет управлять ею до ее завершения работ. Всем известно, как опасно, если городские власти выступают одновременно владельцами системы общественного транспорта и эксплуатирующей организацией. Можно без труда образовать корпорацию для аренды дороги после ее завершения; однако и в этом также имеются свои отрицательные стороны».

План, принятый комитетом Торговой палаты, показался Шиффу приемлемым, однако ему дали понять: необходимо сначала принять поправку к конституции штата, позволяющую городу в данном конкретном случае предоставить кредит с целью строительства подземной железной дороги. Шифф боялся, что это окажется невозможным и, во всяком случае, в процессе будет упущено драгоценное время, и потому выдвинул альтернативный план: «Организуйте компанию с оплаченным акционерным капиталом, чтобы весь капитал компании был выплачен сразу. Компания, организованная таким образом, заключает контракт с городом для строительства подземной железной дороги от его имени как владельца. Город выпускает облигации трехпроцентного займа, проценты по которым выплачиваются через 5 лет. Строительство дороги будет осуществляться на доходы от размещения облигаций, которые подлежат погашению через 50 лет. Компания выплачивает городу проценты по выпущенным облигациям и вдобавок ежегодный

амортизационный фонд, достаточный для погашения основной части долга в течение 50 лет. Поскольку платежи в амортизационный фонд вносятся ежегодно, следует изъять из обращения пропорциональное количество выпущенных облигаций…

В качестве гарантии для города компания сразу же передает контролеру весь наличный капитал, каковой капитал должен быть достаточным по объему для полного оснащения системы общественного транспорта по ее завершении; таким образом, депозит можно время от времени изымать для выплат за оборудование по мере его приобретения. Если компания в любое время не производит оговоренных выплат процентов и выплат за амортизационный фонд, депонированный капитал или купленное на него оборудование сразу же переходят во владение города в виде компенсации за убытки.

Взамен компания получает арендную плату от системы общественного транспорта после завершения ее строительства в течение 50 лет. По истечении этого срока оборудование переходит во владение города по цене, согласованной, возможно, в арбитражном суде. Если необходимо принять соответствующие законы, дабы провести этот план в жизнь, мы установим возможно низкие тарифы на проезд в общественном транспорте, так как похоже… что компания, вынужденная обеспечивать проценты по каждому доллару, который она тратит от имени города, будет сводить стоимость строительства к минимуму, в то время как наличный капитал компании, размещенный у контролера, можно сделать достаточно крупным, чтобы полностью защитить интересы города».

В знак личной дружбы и связи Шиффа с движением за развитие общественного транспорта 21 ноября 1901 г. Хьюитт послал Шиффу копию медали, врученной ему Торговой палатой в память строительства системы общественного транспорта. Мысль о комиссии по общественному транспорту практически зародилась в недрах Торговой палаты, и в 1904 г. Шифф вошел в состав комитета «для доклада о признании заслуг комиссии».

Доказательством того, что Шифф всегда думал не только об общественном транспорте, но и о надежном городском планировании в связи с городским транспортом, служит письмо Чарлзу Стюарту Смиту от 22 марта 1905 г.: «Насколько я понимаю, завтра Комиссии по общественному транспорту предстоит вынести окончательное решение по проекту строительства эстакады до моста на Диланси-стрит. Поскольку к любому вопросу можно подойти с двух сторон, выражаю искреннюю надежду, что проект будет отклонен. Общеизвестно,

что прошло время, когда можно было перегружать наши улицы надземными транспортными магистралями… тем более в кварталах, жители которых теснятся в многоквартирных жилых домах, страдая от недостатка воздуха и света. Скорее следует возводить наземные эстакады на Пятой авеню или на Бродвее, чем на Бакстер или Диланси-стрит. У города нет более ценного достояния, чем жизнь и здоровье его граждан, и подвергать их опасности означает проявлять истинную жестокость. От всей души надеюсь, что Вы проголосуете против предлагаемого проекта, лучшей заменой которому должно стать строительство подземной железной дороги, даже если на это уйдет больше времени и потребуются более значительные инвестиции».

Не менее важно и письмо к Лиллиан Уолд от 23 июля 1906 г., в котором, высказавшись о своем неприятии любых новых надземных железных дорог, Шифф добавил, что он не против прокладывания дополнительных веток к уже существующим, «потому что, по-моему, мы в долгу перед жителями верхнего Нью-Йорка, которые должны получить возможность попадать на работу в нижнюю часть города быстро и с удобством».

Шиффа заботило и адекватное руководство Департаментом полиции Нью-Йорка; вопрос настолько занимал его, что в феврале 1914 г. говорил на данную тему с бывшим президентом Тафтом за ужином у себя дома. После этой беседы он написал письмо мэру Митчелу, в котором высказывал предположение, что лучшим главой городского Департамента полиции может стать военный. В 1918 г. он требовал увеличить заработную плату городским полицейским и пожарным, которые заслуживают прибавки в силу того, что часто вынуждены идти на риск.

В 1894 г., по предложению Лиллиан Уолд, он участвовал в строительстве фонтана на Ратгерс-сквер (на пересечении Канал-стрит и Восточного Бродвея). Проект и его цель объясняются в письме М. Уорли Платцеку от 18 октября: «Мне говорили, что в теплые летние дни сквер или площадь на пересечении Канал-стрит и Восточного Бродвея, перед Еврейским институтом, становится местом больших собраний для жителей окружающих многоквартирных домов, которые приходят туда подышать свежим воздухом, в чем испытывают большой недостаток.

Предлагаю, если мне удастся получить разрешение городских властей, воздвигнуть за мой счет в центре вышеупомянутой площади большой фонтан, из которого уставшие от жары и духоты люди могли бы пить свежую воду. Пока не знаю, удастся ли мне получить необходимое разрешение от городских властей. Поскольку Вы хорошо справляетесь с подобными вопросами, обращаюсь к Вам с надеждой, что Вы пойдете мне навстречу и

поможете добыть необходимое разрешение. Если удастся получить его быстро, возможно, фонтан будет построен… к следующему летнему сезону».

Вскоре, 2 ноября, он послал Платцеку набросок предлагаемого фонтана, который, по его словам, он хотел бы возвести до начала следующего жаркого сезона, добавив: «Не нужно никакой надписи, указывавшей бы на то, что фонтан сооружен за мой счет, и… я не преследую никакой скрытой цели, кроме пользы для жителей района, где предполагается разместить фонтан».

Заручившись согласием Совета олдерменов и одобрением Департамента общественных работ, Шифф написал Арнольду У. Браннеру, известному архитектору, и попросил его создать проект фонтана. Он приписал: «Пожалуйста, не обсуждайте этот вопрос с репортерами, так как шумиха мне неприятна».

24 июня 1895 г. он написал мэру Стронгу, что фонтан готов и он хочет подарить его городу «для пользования жителями многоквартирных домов в районе… Раттере-сквер. При этом… я не хочу никаких публичных демонстраций и потому… прошу Вас прислать представителя городских властей, который и примет фонтан у подрядчиков от имени департамента…».

Многие другие аспекты благосостояния города также занимали его внимание. Среди них – важный вопрос о содержании городских улиц в чистоте. Особенно он хвалил превосходную работу, проделанную в этом отношении полковником Джорджем Э. Уорингом-младшим; Шифф стал председателем комитета, назначенного Торговой палатой для увековечения памяти полковника Уоринга в 1898 г. Он обратился к собранию, которое не смог посетить, с письмом: «Позвольте мне выразить огромную признательность, которую вместе с множеством наших сограждан я питаю к имени человека, ради увековечения памяти которого Вы сегодня собрались… Едва ли найдется среди наших современников другой человек, занимающий столь высокий пост, кто, как полковник Уоринг, заслужил широкое одобрение… обитателей многоквартирных домов и особняков, рабочих, купцов и банкиров».

30 марта 1892 г. он вошел в комитет по созданию арки на Вашингтон-сквер, куда его выдвинул секретарь комитета Ричард Уотсон Гилдер; Шифф согласился стать казначеем фонда.

Глава 11

В первом письменном тексте, содержащем основополагающие религиозные предписания ортодоксального иудаизма, содержится небольшой трактат, обычно называемый «Поучениями отцов». В нем есть часто цитируемый стих, смысл которого в том, что мир покоится на трех столпах: на Торе (что означает гораздо больше, чем Закон, а именно учение, доктрину); на культе, или общественной службе; и на совершении добрых дел, обычно называемых благотворительностью. Каждый иудей обязан творить добрые дела. Объем благотворительности связан со старинным понятием десятины, первоначально предписываемой крестьянам для содержания духовенства, но позже ставшей мерой минимальной благотворительности. Шифф действовал согласно традиции, восходящей к глубокой древности: одну десятую часть всего заработанного необходимо отдать нуждающимся. Это он считал своей религиозной обязанностью и никогда от нее не уклонялся. В силу своей человечности он часто превышал пределы «десятины». Позже он и другие стали называть подобную деятельность филантропией или альтруизмом; но в основе своей Шифф считал помощь беднякам религиозным долгом. В молитве, которую он регулярно произносил после трапезы за своим столом, он благодарил Бога за благословение, ниспосланное ему, и за возможность делить дары с теми, кому повезло меньше.

В письме шурину, Морису Дёбу, он предлагал подходящую надпись для благотворительного учреждения: «Ибо нищие всегда будут среди земли *твоей*; потому я и повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор., 15, 11).

И далее он писал: «По-моему, это очень уместно, поскольку заниматься благотворительностью напрямую предписал Моисей».

Шифф считал, что благотворительностью нужно заниматься главным образом при жизни и что дарение должно осуществляться под личным руководством дарителя. В сентябре 1893 г. он написал следующую записку, которую можно считать официальным подтверждением его тогдашнего мнения: «Многие, если не все, состоятельные люди признают своим долгом позволять своим собратьям до некоторой степени пользоваться их богатством, ниспосланным им добрым Провидением. Как правило, те, кто приобрели богатство своими силами, с большей готовностью воплощают этот принцип в жизнь, чем те, чье состояние перешло к ним по наследству; последние не с такой готовностью… жертвуют часть своего состояния на общественные

нужды при жизни. Раздать часть состояния по завещанию – не жертва и потому едва ли достойно награды, ибо со смертью мы перестаем владеть и наслаждаться богатством, накопленным в течение жизни. Благотворительность и филантропия, дабы иметь силу, должны вестись под личным надзором дарителя, ибо маловероятно, что другие способны воплотить в жизнь наши замыслы и намерения так же хорошо, как мы сами.

Поскольку затронуть сердце легче, чем разум, благотворительность в изобилии, тогда как филантропии не хватает, и в то время, как больницы и приюты, как правило, снабжаются весьма щедро, многие самые достойные образовательные учреждения влачат жалкое существование из-за недостаточного внимания к ним со стороны тех, на чью поддержку эти учреждения вынуждены полагаться ради самого их существования.

Излишки накопленных нами богатств, по крайней мере до некоторой степени, принадлежат нашим собратьям; мы лишь временные попечители наших состояний. Давайте же заботиться о том, чтобы никто не страдал от нашего ненадлежащего попечения или отказа… выделить десятину от нашего богатства до того, как мы не вынуждены будем расстаться с богатством по неумолимым законам природы».

Масштаб его филантропической деятельности еще до того, как он в зрелые годы накопил немалое состояние, отмечен в речи, которую произнес епископ Поттер в Современном клубе Сент-Луиса в январе 1899 г.: Шиффа считали величайшим филантропом в Нью-Йорке, и он больше сделал для укрепления морального духа бедных и угнетенных, чем любой из миллионеров, проживавших в городе.

Положение бедняков очень заботило Шиффа, и он считал, что для них делается недостаточно. 7 марта 1898 г. он писал Лиллиан Уолд: «Я почти боюсь думать о несчастьях, которые окружают нас здесь со всех сторон, но знаю, что Вы всегда чувствуете то же, что и я, а может быть, и более того: те, чей жребий в том, чтобы помогать своим несчастным собратьям, более достойны зависти, чем живущие тихой и простой жизнью и не ведающие о существующих в мире страданиях».

После своего семидесятилетнего юбилея он писал другу: «Ничто из сделанного мною в течение жизни не вызвано желанием заслужить благодарность; и я не считаю, что кто-то мне чем-то обязан».

Он всегда требовал, чтобы в учреждениях, куда обращаются за помощью, просителям не только помогали, но и обращались с ними участливо, не задевая их чувств.

Он никогда не действовал без разбора, огульно – он настаивал на том, чтобы узнать факты; ему необходимо было убедиться в том, что помощь будет оказана достойным. Если речь шла о частном лице, он часто предлагал какой-либо план самопомощи, или, если проситель был беспомощен в силу инвалидности или преклонного возраста, ему назначалась своего рода пенсия, которая выплачивалась частным образом и конфиденциально. Если в роли просителя выступало учреждение, о котором Шифф не знал лично, он обычно наводил о нем справки сам или поручал все выяснить тем, кому он доверял. Если просьба приходила из-за пределов Нью-Йорка, он писал друзьям, жившим в той части страны, откуда поступала заявка, и их ответ становился основой для его решения. Во многих случаях он действовал с помощью тщательно организованных обществ.

8 мая 1889 г. он писал доверенному лицу: «Прилагаю список сторон, которые получают от меня ежемесячную поддержку; поскольку прошло уже некоторое время с тех пор, как я установил их статус, буду весьма признателен, если Вы, в удобное для Вас время, сообщите о том, по-прежнему ли имеет смысл оказывать им помощь».

Он прекрасно знал, что среди просителей попадаются и мошенники, что подтверждается письмом от 6 января 1898 г. к Натаниэлу С. Розенау, управляющему Объединенным еврейским благотворительным обществом: «Я положил за правило всякий раз, когда вижу, что письмо составлено профессиональным попрошайкой, доискиваться до причины обращения. И хотя, если ответ меня не удовлетворяет, я отказываюсь исполнить просьбу заявителя, я никогда не старался получить достаточных доказательств с тем, чтобы предпринимать какие-либо меры против таких профессиональных попрошаек. Более того, в нескольких случаях я получил оскорбительные ответы от тех, кто составлял такие письма для заявителей, со словами, что мы живем в свободной стране и что если составление просьб о помощи стало их профессией, они имеют право беспрепятственно заниматься своим делом».

Был и еще один общий принцип, в соответствии с которым действовал Шифф: хотя бывали случаи, когда он по собственной инициативе оплачивал определенные работы или здание полностью, он почти никогда не поддерживал единолично какие-либо учреждения. Он считал, что, если становится известно, что тому или иному учреждению помогает материально один человек или одна семья, такое учреждение может пострадать, так как может настать время, когда просителю понадобится больше средств, а общественность не привыкла поддерживать его.

Хотя в благотворительных делах Шиффом неизменно двигало сочувствие к бедным и желание облегчить их бремя, он никогда не терял из виду более важную задачу – помочь человеку встать на ноги. Поэтому он проявил большой интерес к комиссии по предоставлению работы незрячим, созданной в штате Нью-Йорк. Он даже представил губернатору штата список имен, которые могли бы в этом помочь.

На широту его интересов и желание помочь тем, кто готов помочь себе сам, указывает письмо Джону Перрою Митчелу от 4 мая 1916 г. в защиту владельцев газетных киосков: «Я получаю много писем от мелких владельцев газетных киосков. Эти люди спрашивают, нельзя ли как-то изменить правило, введенное Лицензионным бюро, по которому киоски сдаются в аренду тем, кто предложил наивысшую плату. Хотя я не собираюсь подвергать сомнению меры, возможно принятые по веским и достаточным основаниям, прошу Вас учесть, что подавляющее большинство владельцев таких газетных киосков очень бедны и эти киоски, скорее всего, – единственное средство, позволяющее им сводить концы с концами, не теряя самоуважения. Если мера, рассматриваемая Лицензионным бюро, будет проведена в жизнь, семьи многих нынешних владельцев газетных киосков вынуждены будут жить только за счет благотворительности».

До того, как в Нью-Йорке возникли разнообразные благотворительные общества, некоторые их функции исполнял Шифф. Поразительно, но даже в то время, когда он был занят крупными проектами, он находил время и для мыслей о нуждах отдельных, совершенно незнакомых ему людей. Такая деятельность совпадала с его мыслями о том, что помогать надо тем, кто способен помочь себе сам, а не просто раздавать милостыню. В записке, написанной от руки и посланной с курьером Исидору Штраусу, он рассказал об одном человеке, в свое время преуспевавшем на Западе. Он обанкротился в период коммерческого спада; Шифф писал, что у этого просителя есть жена и дочь, и интересовался, нельзя ли устроить его на работу в одном из магазинов сети «Мэйсис». 27 января 1888 г. он сообщал Уильяму М. Айвинсу, что некий сотрудник полиции заслуживает повышения, и просил его рассмотреть дело. Характерная просьба от 11 сентября 1896 г. подана от лица девушки, которая хотела взять в аренду газетный киоск, чтобы иметь возможность оплачивать уроки живописи: «Молодой русской девушке (19 лет), которая днем изучает графику в Институте Купера, нужно зарабатывать небольшую сумму, чтобы иметь возможность продолжать занятия живописью, к которой у нее большой талант. Знакомые посоветовали ей взять в аренду небольшой складной

стол и торговать газетами на углу Бродвея с 16 до 19 часов. В таком случае она будет продавать достаточное количество экземпляров вечерних газет, чтобы содержать себя. Прошу Вас не отказать ей в ее просьбе! Таким образом Вы поможете достойной, талантливой девушке стать очень полезным членом общества».

Еще одно письмо было вызвано желанием помочь женщине-врачу заниматься частной практикой в то время, когда женщины-врачи не пользовались большой популярностью; еще в одном случае Шифф просил устроить молодую женщину в хор. Он написал письмо от имени некоего парикмахера, которого рекомендовал как «учтивого и чистоплотного», чтобы тому выделили помещение, где он мог бы устроить свою парикмахерскую. Вот всего лишь несколько примеров из буквально сотен случаев, когда он прибегал к своему влиянию и своим связям, помогая попавшим в беду людям занять подходящее им положение.

Роберт У. Де Форест вспоминает, как они с Шиффом участвовали в создании сберегательной кассы взаимопомощи и «Национальной биржи труда». Шифф долго был вице-президентом Общества благотворительных организаций.

«Все эти три учреждения (пишет Де Форест. – *Авт.)* в первую очередь нацелены на развитие самопомощи и восстановление трудоспособности у тех, кто… попадал под их опеку. Мистер Шифф считал, что такая цель должна находиться в основе всех благотворительных действий в помощь отдельным лицам или семьям и она составляет основную идею его филантропии».

В период безработицы, последовавшей за паникой 1907 г., Шифф предложил Роберту Де Форесту создать биржу труда. 1 октября 1908 г. он писал: «Опыт последнего года наглядно подтвердил впечатление, которое сложилось у меня довольно давно: нам в Нью-Йорке очень нужно действенное агентство, точнее, сеть агентств, которые будут сводить вместе работников и работодателей. За прошедшие годы в разные времена я участвовал в создании нескольких агентств по трудоустройству, но через некоторое время все они терпели крах, главным образом потому, что дела в них велись равнодушно, а во главе не было опытных, достойных людей.

По-моему, сейчас настало время для того, чтобы дело взяли в свои руки люди достойные; мне бы хотелось, чтобы Общество благотворительных организаций и Объединенное еврейское благотворительное общество сообща подумали над тем, что можно и нужно предпринять для создания эффективной биржи труда как постоянно действующей независимой организации. Я убежден: если такую биржу организовать надлежащим образом,

можно избежать многих незаслуженных страданий и избавиться от существующих социальных беспорядков».

Вскоре по его предложению была создана «Национальная биржа труда». Двумя главными жертвователями, внесшими в фонд будущей биржи 100 тыс. долларов, стали Шифф и Де Форест. Шифф продолжал принимать активное участие в работе биржи до 1915 г., когда между ним и руководством возникли острые разногласия из-за политики биржи. В 1915 г. Шифф узнал о дискриминации сотрудников биржи по отношению к евреям и католикам. Он неоднократно излагал свои взгляды в решительных письмах, но лучше всего, наверное, его точка зрения представлена в сопроводительном письме Де Форесту:

«27 марта 1916 г.

Уважаемый мистер Де Форест!

Вы, как я полагаю, осведомлены о разногласиях, возникших между мистером Баннардом и мною относительно методов работы «Национальной биржи труда», и знаете, что вследствие этого я вышел из правления общества, за существование которого в первую очередь несем ответственность мы с Вами. Поэтому мне кажется, что я обязан и Вам, и себе изложить причины, по которым я занял определенную позицию, хотя допускаю, что Вам известно содержание моей переписки с м-ром Баннардом. Вы, несомненно, вспомните обстоятельства и условия, которые шесть или семь лет назад легли в основу создания «Национальной биржи труда»: в продолжительный период застоя и безработицы, тщательно изучив положение, мы пришли к выводу о необходимости создания биржи, общенациональной по масштабу, имевшей целью свести вместе работодателей и соискателей работы.

Создавая биржу, мы считали, что она станет чисто общественной организацией, будет помогать всем без исключения, не будет никому отдавать предпочтения. Возврат же затраченных средств должен был играть второстепенную роль… Почти с самого начала оказалось трудно… воплощать в жизнь те цели, ради которых общество было основано. Письмо вышло бы слишком длинным, если бы я стал подробно перечислять Вам многочисленные судебные процессы, отставки управляющих… и их причины. Достаточно сказать, что биржа не стала общенациональной по масштабу и вынуждена была ограничиться сугубо местной деятельностью…

Однако похоже, что даже при ее нынешнем состоянии… руководство биржи стало прибегать к методам, по моему мнению, достойным порицания и совершенно противоположным духу, в

котором была основана биржа. Несколько месяцев назад меня забросали письмами соискатели работы. Они протестовали против дискриминации, какой подвергались работники иудейского вероисповедания – а в некоторых случаях и католики, – а также против грубости и унижений, каким их подвергали сотрудники биржи.

Расследуя эти случаи, я, к моему изумлению, узнал, что положение нисколько не преувеличено. Оказывается, в анкетах, которые заполняют соискатели, имеется требование указать вероисповедание – и это в американской социальной службе! – и с соискателями, которые указывали иудейское вероисповедание, обращались невежливо и не советовали обращаться за дальнейшей помощью и информацией. Когда я указал на это управляющим, они не отрицали, что такие условия действительно существуют, но оправдывались нежеланием многих работодателей нанимать евреев и условиями, из-за которых подобных соискателей нежелательно было никуда посылать. Хотя я прекрасно знаю о существовании подобного предубеждения, которое, к сожалению, широко распространено в обществе, я настаивал на том, что «Национальная биржа труда» не должна идти на поводу у предвзятых работодателей; что на бирже нельзя наводить справки о вероисповедании соискателей; что биржа должна выяснять лишь квалификацию и опыт соискателей, претендующих на то или иное место; что бирже следует во всяком случае отправлять к работодателям людей, которых биржа считает пригодными для занятия вакантных мест; а если у работодателей имеются предрассудки и они склонны к дискриминации, пусть, в конце концов, сами решают, нанимать ли на работу присланных биржей соискателей.

На это м-р Баннард с самого начала возражал. После того как мне не удалось убедить его в своей правоте, я понял, что не могу более принимать участия в прениях правления из чувства собственного достоинства… и, наконец, узнав, что мой протест против порочных методов управления ни к чему не привел, я вышел из состава правления…

Хочу еще раз подчеркнуть: биржа ни в коей мере не служит тем целям, ради которых она создавалась, а ее правление использует в работе совершенно не американские по духу методы и потому больше не может рассчитывать на одобрение и поддержку тех, кто основывали биржу с целью оказания содействия обществу. Если штат или город в своих агентствах по трудоустройству будут придерживаться той политики, какая сейчас превалирует на «Национальной бирже труда», общественное мнение восстанет против них, и они не смогут

продолжать свою деятельность… По моему мнению, ввиду сложившихся на бирже обстоятельств, поскольку м-р Баннард заявил – возможно, не без оснований, – что перемена политики не будет способствовать успеху биржи, общество следует ликвидировать и аннулировать при первом же удобном случае. Разумеется, основатели, щедро снабдившие биржу резервным фондом в размере 100 тыс. долларов, не предполагали… что она превратится в обыкновенное локальное коммерческое бюро по трудоустройству, которое, дабы закрепить за собой видимость успеха, считает необходимым… прибегать к расовой и религиозной дискриминации. Вот почему «Национальная биржа труда» должна быть ликвидирована. Поскольку мы с Вами являемся главными собственниками капитала общества, от всей души надеюсь, что Вы поддержите меня в осуществлении моего замысла. Если обществу будет позволено существовать дальше, то лишь при сильнейшем, пусть и безмолвном, протесте с моей стороны».

Еще одним способом содействовать самопомощи стало предоставление микрокредитов тем, кто в противном случае мог рассчитывать только на ссуды под заоблачные проценты. Шифф, естественно, уделял внимание учреждению и поддержке кредитных товариществ и касс взаимопомощи, которым он перечислял щедрые взносы. Кроме того, он много занимался «Сберегательной кассой взаимопомощи», организация которой описана Де Форестом: «Я познакомился с м-ром Шиффом в связи с организацией, которая сейчас получила название «Сберегательной кассы взаимопомощи». Специальный комитет нашего Общества благотворительных организаций, наведя справки о возможности создания ломбарда, который действовал бы на гуманитарных принципах, пришел к выводу о целесообразности такой организации. Предложено было начать с капитала в размере 100 тыс. долларов, который можно было собрать по подписке. 20 подписчиков вносили по 5 тыс. долларов. Я обратился к Джеймсу Спейеру, Джону С. Кеннеди, Дж. Пирпонту Моргану и Сету Лоу. Каждый из нас согласился внести по 5 тыс. долларов. Затем я отправился к м-ру Шиффу, чтобы рассказать ему о наших замыслах. Он принял меня со своей обычной учтивостью и дал мне возможность вкратце рассказать о деле. Выслушав меня, он, не задавая лишних вопросов, сказал: «Мистер Де Форест, Ваше предложение меня заинтересовало. Я с радостью сам подпишусь на 5 тыс. долларов, и, если на то согласитесь Вы и Ваши помощники, спрошу у моих компаньонов мистера Лёба и мистера Волффа, не последуют ли они моему примеру». На следующее утро я получил от мистера Шиффа

взносы в размере по 5 тыс. долларов от каждого из них. Сейчас деятельность данного учреждения весьма широка; в прошлом году оно предоставило кредитов на сумму в 34 млн долларов. По сравнению с теперешними временами начало работы выглядит очень скромным, однако потребовалось немало усилий и пример таких людей, как м-р Шифф, для того, чтобы достать нужные для начала деятельности 100 тыс. долларов. Поэтому то, что президентом общества, которое теперь имеет 13 филиалов в разных районах Большого Нью-Йорка, стал сын мистера Шиффа, – не просто совпадение».

Естественно, Шиффа всегда привлекала деятельность такой организации, как Красный Крест: она действовала в международном масштабе, имела право заключать договоры, работала с целью снижения военных тягот и страданий. Постепенно Красный Крест расширял сферу деятельности. Его представители боролись с последствиями стихийных бедствий и катастроф, собирали средства в помощь пострадавшим. Кроме того, помощь оказывалась всем, независимо от вероисповедания, цвета кожи и национальности. Такими были идеалы и самого Шиффа, которыми в большой степени отмечена вся его филантропическая деятельность. Вполне понятно, что он не только делал взносы в Красный Крест, но и помогал этой организации в работе как на местах, так и в общенациональном масштабе.

Его официальные отношения с Американским Красным Крестом начались с нью-йоркского отделения. Мейбл Т. Бордмен, секретарь национальной организации, пишет, что в 1906 г., после реорганизации Американского Красного Креста, на собрании в резиденции миссис Уайтлоу Рид было решено найти казначея, «который был бы в высшей степени предан делу, отличался представительностью и личной ответственностью, а также был бы известен своей высокой гражданственностью и филантропической деятельностью. Поскольку мистер Шифф полностью соответствовал всем требованиям, его единогласно избрали казначеем центрального отделения Красного Креста в нашей стране… Он занимал этот пост до 1919 г., когда оставил его по собственному желанию».

В 1910 г. президент Соединенных Штатов назначил Шиффа членом Международного комитета помощи Американского Красного Креста. Мейбл Т. Бордмен пишет: «Его знание международных дел и активное участие в работе правления сделали его незаменимым в вопросах международной помощи».

В том же году его избрали учредителем Американского Красного Креста, членом постоянной группы, которая выбирает

шестерых из восемнадцати членов центрального комитета Красного Креста. Одновременно он вошел в правление Фонда пожертвований.

«Со свойственной ему энергией мистер Шифф (пишет Бордмен. – *Авт.*), всецело отдавал себя и предоставлял щедрую финансовую помощь службе Красного Креста. Он ни разу не отказался присутствовать на заседаниях правления в Вашингтоне или в других городах… и всегда подавал мудрые и уместные советы, а также показал себя великодушным и надежным другом. Его сердце, всегда отзывчивое к человеческим нуждам, и его душа, всегда готовая облегчить страдания… были примером для всех, кто работал с ним… Для Американского Красного Креста он был не только самым ценным членом правления, но и вдохновлял других, подавая истинный пример служения… человечеству».

Организация нью-йоркского отделения, несомненно, ускорилась после пожара в Сан-Франциско, и суммы пожертвований были весьма значительными. Так, в мае 1906 г. Шифф перевел на счет общества 300 тыс. долларов; в ноябре того же года он сообщил о получении чека из Вашингтона на 500 тыс. долларов.

Он участвовал в делах, обладавших в перспективе огромной важностью для других стран. Так, в 1914и 1915 гг., после наводнений в Китае, он советовал, как лучшим образом справиться с бедой и как предотвратить ее повторение.

20 января 1909 г., после сильного землетрясения в Мессине, он так сообщал губернатору Чарлзу Э. Хьюзу о своем участии: «Чтобы лучше информировать Вас о сборе средств для пострадавших в Италии, который проходит через руки Национального Красного Креста, прошу учесть, что я как казначей передал в Вашингтон сумму в 290 тыс. долларов и что общий фонд помощи, собранный в Вашингтоне, сейчас приближается к 817 тыс. долларов. Если добавить к этой сумме 800 тыс. долларов, внесенные конгрессом от имени американского народа, а также ряд денежных переводов, которые, скорее всего, прошли через другие источники напрямую в Италию, американский народ, вероятно, уже перечислил в фонд помощи пострадавшим около 2 млн долларов».

На следующий год его выбрали членом правления общества Красного Креста штата Нью-Йорк, президентом которого был губернатор штата Хьюз. Шиффа снова сделали казначеем отделения. В апреле 1918 г. Центральный комитет общества упразднил отделения штатов.

Деятельность Американского Красного Креста не сводится к помощи пострадавшим от войны или стихийных бедствий;

общество разрабатывает меры по предотвращению подобного. В организации поняли, что в небольших общинах, где нередко не хватает медиков, часты вспышки эпидемий, и во время эпидемий призывают Красный Крест для оказания помощи, особенно в виде патронажной службы. Оказалось, что лучший способ профилактики эпидемий – наблюдение медсестер, работающих в системе общественного здравоохранения. Джейкоб Шифф и его супруга были тесно связаны с «Поселением на Генри-стрит» и муниципальной сестринской службой; поэтому они проявляли огромный интерес к общественной патронажной службе, и в ноябре 1913 г. Шифф через министра финансов предложил внести вклад в Фонд пожертвований Красного Креста в размере 100 тыс. долларов, который надлежало перевести на нужды муниципальной и окружной сестринской службы.

Больница Монтефиоре, которая ранее называлась «Домом Монтефиоре для хронических инвалидов», занимала больше времени и сил Шиффа, чем другие отдельные благотворительные учреждения, с которыми он был связан. 10 января 1917 г., на свое семидесятилетие, он писал: «Мне кажется, поскольку я сегодня приблизился к библейскому возрасту, что я… получил больше удовлетворения от той помощи, какую мне позволено было оказать в «Доме Монтефиоре», чем от всего, что мне… повезло достичь в жизни».

Сэр Мозес Монтефиоре родился 28 октября 1784 г. в Ливорно (Италия). Всю свою долгую жизнь он делал добрые дела. Его деятельность не укрылась от внимания королевы Виктории, чьим подданным был Монтефиоре. Он прожил более ста лет, сохранив относительное здоровье и силы, что вдохновляло евреев во многих странах мира. Его столетний юбилей отмечали во всех крупных городах Америки.

Правление больницы «Маунт Синай» довольно давно говорило о том, что в Нью-Йорке нет места для лечения хронических или затяжных болезней среди евреев, а также для лечения таких болезней, как туберкулез, считавшихся в то время почти неизлечимыми (к счастью, в наши дни туберкулез вышел из этой ужасной категории). Начиная с 4 февраля 1884 г. провели ряд совещаний, посвященных увековечению памяти Монтефиоре. На первом заседании Адольфус С. Соломоне попросил в честь юбилея Монтефиоре учредить «дом для неизлечимых больных». Были и другие проекты – так, Шифф в письме предлагал построить в Ист-Сайде несколько образцовых многоквартирных домов. Однако на встрече, проходившей 3 марта, комитет, в который входил и Шифф, единогласно проголосовал за строительство «дома для хронических инвалидов как самого

подходящего, действенного и достойного мемориала». Шифф как член комитета активно содействовал претворению плана в жизнь, и в октябре того же года состоялась весьма скромная церемония открытия «Дома Монтефиоре». В начале своего существования нынешняя прекрасная больница размещалась в каркасном доме на углу авеню А и 84-й улицы; его сняли за 35 долларов в месяц. В первый день «Дом Монтефиоре» принял пятерых пациентов.

Первым президентом нового учреждения стал Генри С. Аллен, который пробыл в должности в течение года; в 1885 г. его сменил Шифф. Требования росли так стремительно, что небольшая группа попечителей вскоре поняла, что ее средств недостаточно. Тогда еще не принято было собирать средства с помощью благотворительных ужинов, экскурсий и т. и., поэтому в 1886 г. решили устроить большую благотворительную ярмарку. Председателем оргкомитета стал Шифф. Он подошел к делу со своей обычной энергией, и на ярмарке удалось собрать около 160 тыс. долларов – сумму, беспрецедентную для тогдашних благотворительных мероприятий.

Судя по всему, другие значительные взносы на содержание «Дома Монтефиоре», помимо ярмарки, также поступали через Шиффа. Поскольку пожертвования принимались на основании политики всеконфессиональности, условия их приема приводятся полностью. 15 октября 1888 г. Шифф писал совету директоров: «Некоторое время назад ко мне в руки попала определенная сумма, примерно равная 30 тыс. долларов и поступившая от имени покойного Джулиуса Халлгартена, которой я имею право распоряжаться. Я решил воспользоваться этими деньгами в благотворительных целях, дабы увековечить память покойного Джулиуса Халлгартена. Я долго думал о том, как лучше достичь своей цели, и лишь недавно, с согласия и по совету м-ра Чарлза Халлгартена, единственного брата покойного Джулиуса Халлгартена, я пришел к следующему выводу: 1. Создать на основании этой суммы фонд, в который впоследствии могут делать взносы и другие, и назвать его «Фондом помощи имени Джулиуса Халлгартена».

2. Проценты по фонду и его накоплениям выплачиваются «Домом Монтефиоре» в размере 5 % годовых.

3. Доход от фонда поступает по требованию в распоряжение совета директоров «Дома Монтефиоре» с целью предоставления помощи семьям, чьи кормильцы стали пациентами «Дома Монтефиоре».

4. На новом здании будет помещена памятная табличка, увековечивающая имя Джулиуса Халлгартена.

И наконец, в соответствии со взглядами покойного Джулиуса

Халлгартена, дар делается при условии принятия поправки к уставу «Дома Монтефиоре», по которой учреждение принимает пациентов независимо от их религиозной принадлежности.

Как только ваше правление одобрит вышеперечисленные предложения и немедленно после следующего ежегодного собрания, когда, как я надеюсь и не сомневаюсь, будет принята вышеупомянутая поправка к уставу, я перечислю вашему казначею сумму в 30 тыс. долларов».

«Фонд Халлгартена» не был прямым даром наследников: на самом деле он представлял собой гонорар Шиффу как душеприказчику, который он пожертвовал «Дому Монтефиоре» и в дань памяти покойному другу, желая, чтобы деньги были потрачены в соответствии со взглядами последнего.

Атмосфера «Дома Монтефиоре» описана в речи, которую Шифф произнес 8 апреля 1888 г. при закладке первого камня нового здания на углу Сто тридцать восьмой улицы и Одиннадцатой авеню: «Мы выслушали вдохновенные слова молитвы, призывающей благословение Всевышнего на наше учреждение и Его особую заботу о несчастных, для которых оно станет убежищем. Мне как директору-распорядителю «Дома Монтефиоре для хронических инвалидов» поручено заложить камень, на котором будет покоиться новое здание… «Дом Монтефиоре» был основан чуть более трех лет назад, и сейчас, благодаря вашей щедрой поддержке, близится день, когда величественное здание, при закладке которого Вы присутствуете… станет домом учреждения, которым, как нам кажется, будут гордиться проживающие в нашем городе евреи. В его стенах найдут помощь страдальцы, у которых не было ни дома, ни надежды. Все это предоставит им «Дом Монтефиоре», и наш долг перед собратьями заключается в том, чтобы сейчас нам хватило сил довести до конца начатое, а в будущем хватило мужества… облегчить судьбу многих страдальцев, о которых мы призваны заботиться.

Через несколько месяцев мы надеемся переехать в новое здание; молим Бога даровать нам здоровье и силы, возможность и дальше вести нашу благотворительную работу, чтобы о нас можно было сказать, как о царе Соломоне, когда он построил Храм: «И построил он храм, и кончил его». Поэтому мы надеемся закончить начатое, не только воздвигнув величественное здание, но и сделав его полностью пригодным для его цели. Когда у тех, кто придут после нас, снова появится необходимость в еще большем здании и когда, в грядущие десятилетия, вынут камень, который мы заложили сегодня, те, кто прочтут раннюю историю «Дома Монтефиоре» в сообщениях и статьях, которые мы

зацементировали в капсулу, возможно, похвалят нас за заложенный нами фундамент, за проделанную нами работу и за возможность для наших потомков продолжать наше дело. Говоря словами нашего праотца Иакова, пусть камень, который мы здесь закладываем, станет фундаментом дома, в котором покоится истинный дух Божий, дух милосердия, «Шаар Хашомаим», пусть станет он мирным местом отдыха в пути на небо для тех, кто, забытый холодным миром, обращается в «Дом Монтефиоре» в поисках убежища из-за слабого здоровья и преклонного возраста. Пусть наш дом станет достойным памятником прославленному человеку, чье имя носит учреждение; пусть «Дом Монтефиоре» стоит много лет к чести нашего народа и славе нашего города».

Здание было торжественно открыто 18 декабря 1888 г. Вскоре и оно оказалось слишком маленьким; кроме того, его сочли непригодным для лечения большого числа туберкулезных больных в тяжелой стадии. Поэтому 30 мая 1901 г. в Бедфорд-Хиллс открыли санаторное отделение «Дома Монтефиоре». Это событие играло для Шиффа такую важную роль, что в дружеском письме Исидору Штраусу, который тогда находился в Лондоне, он подробно описал его: «Вчера был торжественно открыт Загородный санаторий «Дома Монтефиоре». Мы радовались любезной, ценной и интересной помощи Вашего брата Оскара, который внес несколько очень удачных предложений. Кроме того, речи на открытии произнесли вице-президент Рузвельт, епископ Поттер и другие; в целом событие прошло очень успешно… в духе доброй воли, которым отмечено все начинание».

Загородный санаторий пользовался особым вниманием Шиффа, и он часто выезжал туда, чтобы собственными глазами увидеть, какая работа там проводится. В 1909 г. он согласился с предложениями, внесенными совместно Сайрусом Л. Салзбергером, тогда президентом Объединенного еврейского благотворительного общества Нью-Йорка, и Ассоциацией свободных участков, и способствовал тому, что туберкулезным больным, выписанным из Бедфорд-Хиллс и других санаториев, выделяли небольшие участки за пределами города, в надежде, что так можно предотвратить рецидив болезни.

Владение на Сто тридцать восьмой улице стало слишком маленьким, и Шифф энергично принялся за поиски нового помещения для «Дома Монтефиоре». По расчетам, строительство нового здания обошлось бы в 1 млн 250 тыс. долларов. 500 тыс. долларов можно было выручить от продажи старого здания, а на оставшиеся 750 тыс. решено было объявить подписку. Главой строительного комитета по сбору средств выбрали Сэмюэла

Сакса, и Шифф всячески поддерживал его.

В результате их усилий была куплена усадьба на Ган-Хилл-роуд, к востоку от Джером-авеню. Усадьба граничит и с долиной Гудзона, и с долиной Гарлема; ее площадь составляет около 125 городских участков. Там и расположен прекрасно оборудованный современный комплекс зданий. Теперь там одна из лучших больниц в мире. Она не только способна вместить огромное количество пациентов и оказать им помощь. В «Больнице Монтефиоре» проводятся многие научные исследования. И если больничный комплекс, объединивший в себе усилия стольких людей, можно все же назвать памятником одному человеку, эта больница ближе всего к тому, чтобы считаться памятником Шиффу, чем любое другое учреждение, с которым он был связан.

Через несколько лет сам Шифф писал о стремительном росте больницы по-своему лаконично, но выразительно: «При основании этого учреждения оно вмещало 26 коек и в первый год существования имело ежегодный доход в 7500 долларов. В настоящее время (1917 г. – *Авт.)* дом и больница вмещают 7025 коек, занимают здания, свободные от задолженности, общей стоимостью около 3 млн долларов, а их содержание ежегодно обходится примерно в 400 тыс. долларов».

При создании Федерации для поддержки еврейских филантропических обществ Нью-Йорка руководство большинства благотворительных учреждений столкнулось с трудной задачей: привлечением фондов на содержание и ремонт. В те годы не существовало способа, известного большинству современных учреждений, когда средства привлекаются опосредованно. Шифф неутомимо собирал пожертвования сам, лично обращаясь к гражданам (ранее он обращался с личными просьбами только при сборе денег для «Дома Монтефиоре»); он призывал к подобным действиям других членов правления; он изобретал всевозможные средства для увеличения подписки, способы привлечения большого числа подписчиков. Его личная подпись стоит на тысячах благодарственных писем, которые посылались в ответ даже на небольшие суммы. Шифф не экономил силы, не считал, что благотворительные взносы не заслуживают благодарности или что на благодарственных письмах достаточно будет подписи секретаря или факсимиле. Эти письма не изготавливались для него в конторе больницы, но были написаны лично, а во многих случаях продиктованы в его рабочем кабинете.

Когда один из управляющих больницей предложил Шиффу «новый» метод сбора средств, Шифф рассказал ему притчу о нищем, который однажды обратился к Ротшильду и попросил две марки. Ротшильд удивился: «Почему Вы обращаетесь к Ротшильду

и просите всего две марки?» – на что нищий с достоинством ответил: «Willst Du mich mein Geschaft lehren?» («Хочешь учить меня моему ремеслу?»)

Как он детально входил в подробности поддержки учреждения, так же внимательно он следил и за медицинскими исследованиями. «Дом Монтефиоре» внес существенный вклад в развитие науки. Именно там, например, Саймону Баруху разрешили проводить практические опыты по водолечению. Когда внимание врачей привлекли терапевтические возможности радия, добыть который в Америке было трудно, Шифф обратился к Касселю. Последний, вместе с виконтом Айви, в 1909 г. основал в Англии Институт радия и стал важным участником других медицинских проектов. 8 декабря 1913 г. Шифф пишет Касселю: «Должен извиниться перед Вами, а также объяснить, почему не ответил на Ваше любезное письмо о радии от 31 октября. Главный врач «Дома Монтефиоре» хочет приобрести 200 мг радия, о чем я Вам, кажется, уже сообщал, для лечения некоторых случаев рака. Хотя он еще не получил разрешения правления, он старается выяснить все что только можно о лечении радием. Вот почему я обратился к Вам».

По случаю 25-й годовщины учреждения «Дома Монтефиоре» Шифф с супругой представили больнице так называемый «Серебряный юбилейный фонд», призванный способствовать развитию исследований в области медицины. Затем он, совместно с медперсоналом больницы, организовал конференцию с доктором Саймоном Флекснером, директором Рокфеллеровского института медицинских исследований, чтобы решить, как наилучшим образом распорядиться средствами фонда. На свое семидесятилетие Шифф увеличил фонд до 200 тыс. долларов, а по завещанию довел его до полумиллиона. Несомненно, помня о неудобствах, которые он сам испытывал из-за частичной потери слуха, он поставил условием, чтобы «такая исследовательская работа, в дополнение к общим исследованиям, включала постоянное изучение способов и средств полного или частичного излечения глухоты, за исключением, однако, механических средств, приводящих к той же цели». Впрочем, использование дохода на другие цели отводилось на усмотрение директоров.

Отдельным пациентам он уделял не меньше внимания, чем больнице в целом. В летнее время он устраивал экскурсии для тех, кто мог покидать больницу, и с особым удовольствием по праздникам приглашал сотрудников и пациентов больницы к себе домой. К больнице примыкала часовня, куда он время от времени приезжал по субботам. Иногда он произносил проповеди или читал Священное Писание для тех, кто мог посещать службы.

Когда пациент умирал, Шифф за свой счет устраивал достойные похороны. Он заботился и о семьях пациентов, о чем свидетельствует создание «Фонда Халлгартена». Довольно часто пациентками становились вдовы, чьи дети попадали в сиротские приюты. Шифф всегда заботился о том, чтобы родителям через определенные промежутки времени позволяли повидаться с детьми. Он писал личные письма руководству различных обществ для организации таких посещений.

По своему обыкновению, он дарил подарки членам персонала, например, вкладывал в письма чеки к отпуску. Такое отношение распространялось и на директоров, которые работали с ним, – по сути, он считал их своими близкими друзьями. Он помнил все важные события в их семьях – и радостные, и грустные.

Однажды в очень сильную метель только три директора из тридцати сумели добраться до больницы, которая тогда находилась вдали от проезжих дорог. Одним из этих трех директоров был Шифф; к тому же он приехал первым. Правление встречалось в больнице регулярно, каждое воскресенье, кроме лета, когда совещания проводились в кабинете Шиффа через неделю по четвергам. Он ни разу не пропустил ни одного заседания и помнил все подробности, связанные с благосостоянием больницы. Он первым рассматривал заявления о приеме. До обсуждения кандидатов он выяснял у врачей, каковы прогнозы для того или иного пациента. Свои решения он пересылал в письменном виде. С такой же заботой он решал, в какой срок выписать того или иного пациента.

Из тех, кто был связан с больницей, никто так хорошо не знал об отношении к ней Шиффа, как доктор Зигфрид Ваксманн, ее многолетний главный врач, который подробно описывает многочисленные заслуги Шиффа[29]: «Размер вклада м-ра Шиффа в «Дом Монтефиори», хотя и приближается к огромной сумме, не составляет основной части его трудов по управлению «Домом», однако его личные заслуги позволили учреждению превратиться из весьма скромного вначале до крупнейшего частного заведения в стране, где в настоящее время проходят лечение семьсот с лишним пациентов… Его работу в «Доме» лучше всего характеризуют слова: «эффективность, справедливость и доброта». Как президент совета директоров, он организовал четкую систему комитетов и подкомитетов… Эффективность – неоценимое качество, без которого ни один директор не задерживался в правлении «Дома Монтефиори». Мнения президента при распределении различных должностей практически безошибочны. Финансы, ремонт, истории болезни,

закупки и многие другие функции неизменно поручаются самым лучшим исполнителям. Комитеты добросовестно занимаются возложенными на них задачами; ничто не кажется им мелочью, недостойной внимания. Они составляют отчеты и… действуют согласованно под руководством испытанного президента, которому директора безгранично доверяют. Однако руководство мистера Шиффа так же далеко от диктатуры или тирании, как истинная демократия – от абсолютизма.

Немногие неспециалисты так глубоко вникают в медицинские дела, как мистер Шифф, и его переговоры с медицинской комиссией всегда основаны на полном понимании сути дела. Взаимопонимание и взаимоуважение двух комиссий, несомненно, возможны благодаря выдающейся мудрости, выказанной мистером Шиффом, когда он обдумывает и поддерживает прогрессивные предложения, исходящие от медицинских работников, и предоставляет им полную свободу действий, согласованную с администрацией учреждения.

Что же касается справедливости, позвольте заметить, что именно ею мистер Шифф руководствуется во всех действиях, связанных с больницей и «Домом Монтефиори». Так, при приеме пациентов предпочтение отдается тем, за кого некому заступиться; и так называемые знакомства скорее вредят, чем помогают соискателям. Принцип справедливости поддерживается мистером Шиффом и в отношении ко всем служащим и

руководителям учреждения. Любые жалобы на несправедливое обращение или незаслуженное увольнение расследуются им лично; ошибки незамедлительно исправляются. Все несправедливо обвиненные находят в лице м-ра Шиффа самого горячего защитника. Зато анонимным клеветникам и злопыхателям бесполезно обращаться к нему за поддержкой; он не склонен необдуманно доверять людям и быстро теряет доверие к тем, кто распространяет инсинуации и критику, не подтвержденную фактами. То, что он предпочитает обо всем составлять собственное мнение, подтверждается его частыми инспекциями, в ходе которых он, как правило, мягко, но очень решительно отказывается от любых предложений со стороны официальных лиц или сотрудников сопровождать его.

Последняя по счету, но не по значению характерная черта м-ра Шиффа в его отношении к «Дому Монтефиори» заключается в его неописуемой доброте, с какой он говорит со всеми, молодыми и старыми. После его обхода пациенты буквально сияют, как будто отражая солнечный свет, который струится из его добрых глаз. Общее воздействие, которое он постоянно оказывает одним своим присутствием и внешним видом, кажется более важным и

даже больше ценится пациентами, чем его бесчисленные добрые дела или подарки отдельным пациентам, будь то часы для бедного парализованного мальчика на его совершеннолетие или по другим случаям, которые ему так или иначе становятся известны».

Больные и инвалиды всегда пользовались его особым расположением, и он выказывал свою доброту многими способами и многим делал ценные подарки. Так, одно время он входил в правление нью-йоркской больницы «Маунт Синай» и в мае 1884 г. вручал дипломы второму выпуску медсестер, прошедших подготовку в училище при больнице. Вскоре после этого он подал в отставку, чтобы полнее посвятить себя новому заведению, носящему имя Монтефиори.

Он всегда придерживался той точки зрения, в целом разделяемой евреями, жившими в Западной Европе и Америке, что сепаратизм со стороны евреев допустим только в вопросах, связанных с их верой и соблюдением религиозных обрядов. Иудаизм – религия, которая считает одним из своих основополагающих принципов добрые дела, благотворительность. Поэтому создание еврейских филантропических заведений он считал своим религиозным долгом. Но он признавал, что благотворительность свойственна и христианству, и по возможности сотрудничал с учреждениями любой конфессии. Еще в 1887 г. он стал членом исполнительного комитета «Больничной субботне-воскресной ассоциации»; тогда же он призывал нью-йоркских раввинов поддерживать работу этой ассоциации.

В 1892 г. он предложил построить санаторий для туберкулезных больных на озере Саранак, предоставив дело всецело на усмотрение д-ра Э.Л. Трюдо, заведующего другим известным санаторием, чтобы тот определился с сущностью и стоимостью дома. Почти двадцать лет спустя он написал: «Рад узнать о том, что дом, который я много лет назад передал под санаторий, процветает… Дорогой доктор Трюдо, я очень рад сотрудничеству с Вами, я рад, что по крайней мере на начальном этапе поддержал Вашу работу, которая стала примером для Ваших последователей».

Любовью к людям и сочувствием к их страданиям дышит письмо к Сэмюэлу Ри. В нем Шифф выражал надежду, что шум двигателей удастся заглушить, чтобы у нервных больных в санатории Уоткинса «не нарушался ночной сон».

В 1893 г. в доме Минни Д. Луис Шифф познакомился с Лиллиан Д. Уолд. Знакомство переросло в дружбу и большую взаимную симпатию. Благодаря этому знакомству Лиллиан Уолд

получила возможность представить Шиффу проект, тогда еще не до конца разработанный, в котором к ней примкнула ее друг Мэри М. Брустер: желание жить в Нижнем Ист-Сайде и создать Сестринскую службу общественного здравоохранения – преимущественно для обслуживания малоимущих пациентов и недавних иммигрантов[30]. 9 мая 1893 г. он писал Чарлзу Франку, управляющему Объединенным еврейским благотворительным обществом, что проект должен получить моральную поддержку Комитета здравоохранения и что Лиллиан Уолд, в случае необходимости, должна иметь право обращаться за профессиональной помощью и советом к врачам Объединенного еврейского благотворительного общества.

Примерно через неделю Шифф писал Минни Д. Луис, что решил оплачивать работу одной медсестры, а его теща пожелала оплачивать работу второй. В июле он выразил радость по случаю того, что Лиллиан Уолд и Мэри Брустер приступили к работе. Говоря от своего имени и от имени миссис Лёб, он добавил пожелание, чтобы их имена не были известны.

Две медсестры-пионерки жили в спартанских условиях на верхнем этаже многоквартирного дома до осени 1894 г., когда Шифф понял, что им нужна более постоянная база. 27 ноября 1894 г. он писал Мэри Брустер: «Я подыскиваю подходящий дом на Генри-стрит или на Мэдисон-стрит, где, по мнению мисс Уолд, вам лучше поселиться. Как только подходящий дом будет найден, я собираюсь осуществить замысел, который мы обсуждали с мисс Уолд; не сомневаюсь, его подробности уже известны Вам во всей полноте.

Ничто не доставит мне большей радости, чем если Вы… продолжите начатое Вами большое дело, и я очень признателен за обещание, содержащееся в Вашей сегодняшней записке: Вы намереваетесь и дальше сотрудничать с мисс Уолд. Ваши намерения делают меня несказанно счастливым».

По мере того как работа ширилась, возник вопрос об инкорпорации. В июне 1902 г. Шифф изложил свои взгляды по данному вопросу в письме Лиллиан Уолд: «Ваше предложение о том, чтобы сестринская служба была зарегистрирована как корпорация, имеет много доводов за, но кое-что говорит и против такого решения. По-моему, доводы против, в основном заключаются в том, что после инкорпорации сестринская служба станет, по крайней мере в глазах многих, обычным обществом – которых, к сожалению, сейчас стало слишком много – и пропадет или снизится внимание общества к Вашему поселению, к его работе и влиянию. Более того… вполне вероятно, что некоторых серьезных молодых дам, которые сейчас приходят в Ваше

поселение, чтобы с Вами работать, до некоторой степени привлекает Ваше общество «именно потому, что это семья», а общество, пусть даже его черты будут присутствовать неявно, будет меньше привлекать многих молодых женщин, которые в ином случае с радостью внесут свой вклад в большое дело, объединяющее Вас с другими «членами семьи».

Впрочем, я лишь откровенно делюсь своими впечатлениями. Меня устроят любые Ваши выводы, и я помогу Вам в достижении Ваших целей. И все же советую Вам (хотя Вы, несомненно, и сама поступите так же) обсудить Ваши замыслы с Джоном Кросби Брауном, который станет для Вас наилучшим и самым искренним советником».

Его письма к Лиллиан Уолд, где обсуждаются подробности Сестринской службы общественного здравоохранения, слишком многочисленны, чтобы приводить их все. Он не терял интереса к их работе, уезжая за границу, что доказывает письмо из Лондона от мая 1913 г.: «Мы с миссис Шифф с огромным интересом прочли Ваше содержательное письмо от 9 числа сего года, с сообщением о работе, проделанной сестрами «Поселения на Генри-стрит» за прошлый год. В самом деле, Вы и Ваши помощницы за 20 лет существования «Поселения» добились блестящих результатов. Когда мы вспоминаем, как скромно все начиналось на Джефферсон-стрит, и видим по всему городу многочисленные здания, мы невольно восхищаемся Вашим организаторским талантом и бескорыстием, с каким Вы и Ваши помощницы отдаетесь своему великому делу. Мы признательны за то, что Вы позволили и нам внести свою скромную лепту в Вашу работу. Нам остается лишь молиться и надеяться, что Вам будет дарована сила, чтобы Вы еще много лет продолжали свою полезную деятельность. Бог в помощь Вам и Вашим соратницам!»

31 января 1914 г., на двадцатилетии общества, Шифф произнес речь. В 1915 г. он собрал группу людей, способных, по его мнению, помочь Сестринской службе общественного здравоохранения.

В 1917 г. он обратился к мэру Митчелу от имени Сестринской службы и в письме дал сжатый анализ трудов этого учреждения, что показывает его замечательное развитие за четверть века: «Сестринская служба общественного здравоохранения, «Поселение на Генри-стрит», душой и главной работницей которого является мисс Лиллиан Д. Уолд, тратит от 125 до 150 тыс. долларов в год на патронажную службу среди необеспеченных слоев населения, многие из которых в противном случае перешли бы на содержание государства. «Поселение на Генри-стрит» имеет 14 окружных отделений; служба охватывает

Манхэттен и Бронкс. Ее в очень большой степени поддерживают добровольные взносы, которых, однако, недостаточно для покрытия бюджета; в последние годы он закрывался с дефицитом от 10 до 13 тыс. долларов. Со стороны пациентов, врачей и благотворительных организаций по опеке на дому наблюдается растущий спрос на медсестер.

В «Поселении» служит большой штат медицинских сестер; их число варьируется, но прошлой зимой в среднем равнялось 132. В прошлом году они наблюдали 29 105 пациентов, что значительно превосходит количество пациентов, которых лечат в Пресвитерианской больнице, больницах Святого Луки и «Маунт Синай», вместе взятых.

…Доводим до Вашего сведения, что «Поселение на Генри-стрит» в самом деле занимается столь же важной работой, как и больницы, и городу следует взять на себя хотя бы часть расходов Сестринской службы. Нам кажется, что «Поселению» необходимо выделить средства из городской казны, пропорциональные его работе. Прошу Вас и контролера тщательно изучить их деятельность и ее результаты с целью предоставления им помощи…»

22 октября он писал о своей «огромной радости» после того, как Оценочная комиссия включила «Поселение на Генри-стрит» в бюджет на следующий год и выделила из городской казны 25 тыс. долларов на оплату Сестринской службы. По его словам, это стало большой победой не только из-за того, что «Поселению» действительно нужны деньги, но и благодаря «официальному признанию трудов «Поселения» и его способных работников».

Он обратился к Джону Д. Рокфеллеру-младшему в ходе кампании по сбору 1 млн долларов на сестринскую работу:

«2 марта 1920 г.

Уважаемый мистер Рокфеллер!

Хотя я, по очевидным причинам, обращаюсь к Вам нерешительно, позвольте кое-что сообщить Вам о кампании по сбору 1 млн долларов. Средства нужны для того, чтобы поставить сестринскую работу в «Поселении на Генри-стрит» на более прочную основу. Не сомневаюсь, Вам уже что-то известно об их прекрасной, перспективной работе под руководством Лиллиан Д. Уолд.

Недавние эпидемии гриппа и пневмонии лишний раз подтвердили, что Нью-Йорк сильно зависит от патронажной службы, осуществляемой «Поселением на Генри-стрит». По мнению доктора Коупленда, всего 4 % известных случаев гриппа лечились в больницах. Остальные заболевшие лечились дома.

Самое тяжкое бремя на Манхэттене, в Бронксе и Ричмонде выпало на долю Сестринской службы «Поселения на Генри-стрит», которое имеет 14 филиалов, расположенных в этих районах. С 24 января по 18 февраля сообщалось более чем о 12 тыс. заболевших; сестры 30 555 раз навещали больных на дому.

Вне эпидемий только 10 % больных ложатся в больницы. Оставшиеся 90 % должны лечиться дома, и в год эта огромная служба обеспечила заботу о 43 946 пациентах. Пациентов у них больше, чем общая сумма, потраченная четырьмя крупнейшими городскими больницами за тот же период времени. За прошлый год их общество оказало услуг примерно на 220 тыс. долларов. Частично – примерно на 40 % – служба является самоокупаемой; она восполняет потребности той части нашего населения, которую нельзя причислить ни к богатым, ни к бедным, а также потребности очень бедных. Оставшиеся услуги покрываются небольшими пожертвованиями и добровольными взносами… Служба стала важнейшим муниципальным учреждением; дело имеет значение для всей страны благодаря преимуществу, какое получает Нью-Йорк, где на широчайшем клиническом материале можно готовить медсестер, младший и средний медперсонал, для этой жизненно важной работы в обществе в нашей стране и за ее пределами. «Сестринской службе» срочно нужен дополнительный доход как на текущие расходы, так и на расширение работы.

Вам, разумеется, известно, как трудно в наше время собрать даже сравнительно небольшую сумму, и, если нам не удастся заинтересовать в кампании тех, кто пожелает предоставить крупные суммы, наши усилия окончатся неудачей, что будет равносильно катастрофе, так как придется не только приостановить развитие «Сестринской службы», но даже урезать ее финансирование, хотя ее отделения… действуют теперь во всем городе.

Если Вы пожелаете узнать о работе общества подробнее, напишите мне, и я охотно предоставлю Вам нужные сведения, а если Вы захотите навестить меня лично, прежде чем принимать какое-либо решение, я готов принять Вас в удобное для Вас время, но очень надеюсь, что Вы сумеете внести свой вклад в поддержание и расширение этого благородного дела…

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

13 марта он обратился к Рокфеллеру с благодарностью, узнав, что «Фонд Лоры Спелман Рокфеллер» намерен сделать взнос в его фонд.

Если рассматривать отношения Шиффа с «Поселением на

Генри-стрит» в целом, а не просто его помощь «Сестринской службе общественного здравоохранения», станет ясно, что, хотя Шифф был добрым другом «Поселения», его помощь выражалась отнюдь не только в деньгах. «Поселению» помогали представители всех классов и вероисповеданий. Больше всего сотрудницы «Поселения» ценили личный интерес Шиффа к их деятельности. Лиллиан Уолд вспоминает: всякий раз, как ей нужно было посоветоваться с Шиффом о «Поселении» или связанной с ним работе, он никогда не отговаривался занятостью. Наверное, самый примечательный случай, о котором она вспоминает, произошел в 1901 г. Было 9 мая, день, когда в затруднительное положение попала компания «Нозерн Пасифик». Лиллиан Уолд читала газеты, знала, что происходит, и потому очень удивилась, когда Шифф позвонил ей по телефону и сказал: «По-моему, пора нам с миссис Шифф приехать к Вам на ужин. Когда Вам удобнее – в шесть или в полседьмого?»

Он часто приезжал к ним, ужинал с теми, кто оказывался в квартире, и беседовал с присутствовавшими за столом. Именно там он общался с рабочими и иммигрантами, узнавая их точку зрения на те или иные вопросы. Лиллиан Уолд вспоминает особый случай, когда Шифф обсуждал с портным-евреем проходившую в то время забастовку. Беседа закончилась тем, что он положил руку на плечо портному, и они обменялись цитатами из Священного Писания, что, очевидно, способствовало росту взаимного доверия. Шифф всегда охотно излагал свои доводы, но никогда не держался высокомерно или покровительственно.

Хотя в «Поселении на Генри-стрит» Шифф встречался с представителями самых разных общественных слоев и кругов, никому из них не приходило в голову пользоваться знакомством с ним для личных просьб или привилегий. Но соседи по дому не всегда проявляли благородство, и приезд Шиффа иногда привлекал посетителей, пытавшихся извлечь выгоду из знакомства с ним. Однажды пришла женщина, которая потребовала провести ее к мисс Уолд, чтобы та познакомила ее с м-ром Шиффом. Одна из помощниц Лиллиан Уолд сказала, что мисс Уолд занята. Соседка настаивала: она пришла сугубо по личному делу. После того как ей дали понять, что не допустят к Шиффу, пока она не изложит суть дела, она сказала: «Я жена парикмахера, и у меня есть одиннадцатилетняя дочь. Я хотела попросить у м-ра Шиффа, чтобы он купил для моей дочки пианино». Ее спросили: «Выказала ли ваша дочь особый музыкальный талант или интерес к музыке?» Та ответила: «Откуда мне знать, если у нее нет пианино?» Ей объяснили, что это недостаточное основание для того, чтобы просить м-ра

Шиффа купить ее дочери пианино. Соседка ушла, явно недовольная, но минут через десять вернулась и заявила, что ее муж, парикмахер, очень страдает из-за плохих искусственных зубов и ему нужны новые; не может ли мистер Шифф оплатить их установку?

9 июня 1910 г., после очередного визита в «Поселение на Генри-стрит», Шифф пишет:

«Дорогая мисс Уолд!

В субботу меня, как и миссис Шифф, чрезвычайно порадовала популярность Вашего дела среди Ваших соседей и многих других, прямо или косвенно внесших вклад в работу Вашего общества. Это во многом говорит само за себя… это проявляется в любви многих участников к пышным зрелищам, в воодушевлении зрителей, в том, как все стараются следовать выбранной для них роли, в сердечных благодарностях Вам и, последнее по счету, но не по значению, в той гордости, какой преисполняются Ваши друзья из верхней части города, в том числе и мы, потому что у них появилась возможность принять участие в праздновании и торжестве – если можно так это назвать – методов «Поселения на Генри-стрит». «Да благословит Вас Господь и не оставит Вас!»

Прилагаемым праздничным подарком можете распорядиться, как сочтете нужным.

С любовью поздравляем Вас и всю семью «Генри-стрит».

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

После смерти Шиффа Лиллиан Уолд написала статью с воспоминаниями об их дружбе, которая представляет собой ценную картину: «Прошло больше четверти века с тех пор, как общий друг подарил мне возможность познакомиться с м-ром Шиффом и излить в его чуткие уши отчаяние, свойственное неопытной девушке, которая впервые столкнулась с условиями жизни людей в переполненном Ист-Сайде… Этот занятой банкир немедленно откликнулся на слова встревоженной гостьи, и с тех пор началась наша дружба… в которой за долгие годы он ни разу меня не подвел. Денежная помощь давалась сразу и безусловно, что сделало возможным начинания, из которых выросло «Поселение на Генри-стрит» и «Сестринская служба общественного здравоохранения», а также многие другие важные мероприятия. Однако даже более ценным, чем материальная помощь, была моральная поддержка… рассказ людям о нас, часто чуждых и далеких от опыта, интересов и традиций мистера Шиффа и его помощников…

Его часто задеваемое чувство справедливости пробуждало в нем доблестного борца в защиту угнетенных; столь же достойно упоминания его почтение к чужим святыням. Преданный и несгибаемый в собственной вере, он пожертвовал крупный взнос кубинским женщинам, которые собирали средства на реставрацию католического храма; и никакие дела не вытесняли его духовных или альтруистических интересов. Он пылко отстаивал высокие идеалы, на которых была основана Америка, и особенно право убежища для угнетенных. М-р Шифф не видел никакой опасности для Америки от контактов с представителями многих стран мира; он видел в них лишь обязанности и ответственность. Он неоднократно подтверждал свои взгляды, предоставляя денежную помощь и поддерживая множество наших разнообразных проектов в области здравоохранения и образования. Во многом он оказывался первопроходцем.

Печаль за ушедшего друга затмевает зрение и наполняет сердце, но очертания поистине великого гражданина четки и ясны. Он любил своих собратьев, и его острый ум никогда не затмевали эмоции. Он подходил с умом и с душой к тому, что, не сомневаюсь, составляло величайший интерес в его жизни. Жизнь мистера Шиффа – пример борьбы за улучшение американского общества».

Объединенное еврейское благотворительное общество, союз многих еврейских организаций, предоставляющих помощь, имело его значительную поддержку и пользовалось его вниманием в течение многих лет. Еще в 1880 г. его фамилия значилась на первом месте в списке ежегодных спонсоров, а газеты отмечали его «как всегда, необычайную щедрость».

Он подходил к работе необычайно внимательно и бывал глубоко задет, если к соискателям помощи относились недостаточно чутко.

Когда в ноябре 1908 г. его старый друг, Генри Райс, подал в отставку с поста президента этой организации, он зорко следил за деятельностью общества и время от времени вспоминал о том хаосе, какой существовал «в начале семидесятых» (до объединения многочисленных благотворительных организаций в союз в 1874 г.). В речи на ежегодном собрании 29 октября 1914 г., когда Обществу исполнилось 40 лет, он вспомнил организационное собрание Общества, сказав: «Возможно… я один из немногих, кто на нем присутствовал».

Шифф часто делал особые пожертвования, например, на уголь и другие срочные нужды. С особым рвением он занимался созданием фонда самопомощи. Он приступил к делу около 1899 г., попросив не упоминать в связи с фондом его имя. По желанию

Шиффа, его детище называлось просто – «Особый фонд помощи для развития самостоятельности». В 1904 г., когда ему сообщили, что средства фонда исчерпаны, он пополнил его, и то же самое сделал снова в 1906 г. Позже он увеличил свои взносы. В 1910 г. приложил к чеку письмо: «Когда средства закончатся, можно требовать пополнения независимо от того, буду я здесь или нет».

Особенно волновала его задача помощи евреям в поиске работы, и 20 марта 1905 г. он поделился своими соображениями по поводу предпринимавшихся Обществом попыток создать агентство по трудоустройству.

Одним из проектов, привлекавших его особое внимание, была «Еврейская касса взаимопомощи», представлявшая собой один из древнейших видов еврейских благотворительных организаций. Так, в феврале 1897 г. Шифф сообщал, что уезжает в Европу примерно на шесть недель, и спрашивал: возможно ли организовать «Еврейскую кассу взаимопомощи», посредством которой можно будет предоставлять займы большему числу людей, если он будет выплачивать от четверти до половины каждого займа, предоставляемого кассой?

В 1898 г., когда он не мог посетить ежегодное собрание кассы, он написал: «Как Вам известно, я заинтересован в благом деле, какое выполняет ваша ассоциация, и в его успехе. Более того, я уверен, что… ассоциация – одно из самых важных обществ, которое, благодаря своей деятельности, поддерживает достоинство и самоуважение в тех, кому оно помогает, позволяя им обрести или сохранить независимость… Это настоящая филантропия, которая благотворно влияет как на спонсора, так и на получателя помощи».

Его ежегодные выступления на собраниях Общества стали их неотъемлемой чертой, хотя официально он не входил в состав правления.

Также он не состоял в правлении еврейского сиротского приюта, однако регулярно и постоянно поддерживал его. В 1891 г. он учредил стипендию для «мальчика, который по выходе из приюта пожелает изучать какую-либо некоммерческую профессию», пояснив, что предпочтение отдается мальчикам, выбравшим художественное или научное поприще.

На протяжении многих лет Шифф занимался проектом санатория или курорта, куда можно было бы отправлять детей из большого города хотя бы на время. После нескольких лет обсуждений и неформальных экскурсий, которые во многом оплачивал Шифф, он стимулировал создание такого учреждения, внеся крупную сумму в учредительный фонд. Одна газета даже выразила опасение: общество настолько привыкло к щедрости

Шиффа, что его последний пример, возможно, не возбудит нужного воодушевления. Автор статьи подчеркивал: требуется «не только большое богатство, но и огромное великодушие для того, чтобы выделить такую крупную сумму…». Здание санатория было построено в 1890 г. в Рокуэй-Бич.

Дом для еврейских престарелых и инвалидов, дом для еврейских младенцев, субботняя школа, еврейское техническое училище для девушек, сестричество «Эману-Эль», служба охраны приютов, еврейский образовательный альянс и Центральный еврейский институт – вот лишь некоторые из многих организаций, которыми он занимался и которым помогал материально.

Сначала Шифф считал, что не требуется особых организаций для евреев-заключенных, о которых он с гордостью говорил в 1887 г., что «их немного». Но десять лет спустя он сделал пожертвование в Ассоциацию помощи евреям-заключенным, добавив: «Боюсь, настало время, когда придется создать еврейское исправительное учреждение для детей».

31 марта 1902 г. он писал на эту тему мэру Лоу: «Уже довольно давно… проживающие в нашем городе евреи думали о целесообразности создания общества попечения беспризорных детей и малолетних правонарушителей еврейского происхождения, для которых в настоящее время не существует иного исхода, кроме приюта, убежища и нескольких исправительных заведений. Хотя вопрос о создании заведения для беспризорных детей и малолетних правонарушителей часто обсуждался, его решение все время откладывалось из-за нежелания части евреев признать, что в городе много беспризорных и брошенных еврейских детей, для которых необходимо создать подобное заведение. С ростом еврейского населения, вследствие большой иммиграции в последние годы, вопрос стал насущным, и необходимо предпринять срочные меры. Поэтому мы выступили на последней сессии законодательного собрания штата и попросили принять соответствующий закон, что нашло выражение в законопроекте сената за номером 617, который передали Вам на рассмотрение.

Мне сообщили, что в одном только убежище для несовершеннолетних в настоящее время находится около 220 детей иудейского вероисповедания, которых никто не наставляет в той вере, в какой они воспитывались – точнее, должны были воспитываться. Сейчас религиозные доктрины для них совершенно чужды, из-за чего эти еврейские дети, скорее всего, вырастут лицемерами, а не добропорядочными гражданами. Таким образом, мы считаем, что несем ответственность как перед

этими детьми, так и перед государством, и мы не имеем права пренебрегать своим долгом. Законопроект сената за номером 617 не возложит на налогоплательщиков дополнительных расходов… детей, которых следует поместить под опеку в предлагаемое еврейское учреждение, в противном случае придется перевести на содержание в других учреждениях города. По этой и другим причинам, которые, несомненно, будут Вам изложены, надеюсь, что Вы одобрите законопроект».

7 апреля того же года Шифф обратился к губернатору Оделлу с просьбой подписать закон о создании еврейского заведения для беспризорных детей и малолетних правонарушителей. Президентом этой организации стал его сын, Мортимер Л. Шифф.

По мере того как в Америке росли еврейские общины, росла и необходимость поддержки и содержания многочисленных организаций в больших городах. В разных городах возникали организации, которые действовали как посредники или, в определенной степени, информационные центры для благотворительной работы, хотя они и не вмешивались в автономию уже существующих учреждений. В Нью-Йорке, в силу его размера и большого количества обществ, объединиться было труднее.

7 декабря 1903 г. Шифф писал Луису Гансу, с которым они сотрудничали в правлении «Дома Монтефиоре»: «По-моему, рано или поздно… нам придется образовать федерацию благотворительных обществ, чтобы оказывать более полную поддержку… всем учреждениям».

Предложение было внесено еще раньше, но не прошло из-за противодействия некоторых старейших организаций. Активное обсуждение данного вопроса велось в сообществе довольно давно, и в статье, которую Шифф послал редактору журнала «Еврейская благотворительность»[31], он недвусмысленно объявлял о своей поддержке данного шага. Он выступал против слияния уже существующих учреждений: «Это, по моему мнению, следует свести к объединению финансов разных учреждений… Каждое учреждение должно сохранять свою индивидуальность во всех отношениях, кроме того, что, возможно, понадобится постепенно объединить управление некоторых из них, которые занимаются благотворительной деятельностью по отношению к детям…»

28 марта 1907 г. он писал Исидору Штраусу, который тогда находился в Париже: «Боюсь, что вопрос с федерацией в настоящее время не сдвинулся с мертвой точки».

И все же препятствия были преодолены, и в 1916 г. образовалась федерация. Хотя из-за преклонного возраста Шифф не занимал в ней никакой официальной должности, он проявлял

живой и деятельный интерес к ее деятельности и вносил крупные пожертвования.

Часть вторая [32]

Глава 12

Судя по тем предметам, которые Шифф изучал в школе, его не готовили к ученой карьере, хотя для своего времени и для Германии его образование можно назвать основательным и вполне разносторонним. Тем не менее на протяжении всей своей жизни он был пылким поборником образования и учености во всех их аспектах. Его взросление происходило в то время, когда все американцы видели во всеобщем образовании средство спасения страны (некоторые полагают так и до сих пор). Подобные взгляды были свойственны Шиффу всю жизнь. Кроме того, в его семье и в кругах, в которых он вращался, культивировалось почтение к учености и ученым людям. С самого начала активной профессиональной деятельности он уделял этим сферам много времени и мыслей. Мэр Нью-Йорка Грейс назначил его уполномоченным городского Департамента народного образования; на этом посту Шифф находился с 1 января 1882 г. по 10 сентября 1884-го. В то же время он председательствовал в важных комитетах: финансовом, строительства новых школ и назначения попечителей.

Его интерес к народному образованию охватывал не только детей, но и взрослое население, что видно из письма от 26 октября 1915 г., адресованного Уильяму А. Прендергасту, начальнику контрольно-финансового управления Нью-Йорка, в котором Шифф просит продолжить финансирование публичных лекций. В то время программу таких лекций, пользовавшихся огромной популярностью, угрожали сократить: «Система публичных лекций существует уже более четверти века и, по моему мнению, находится в той же плоскости, что и публичные библиотеки, получившие распространение вслед за публичными лекциями. Подобные лекции поощряют любовь к чтению, развивают гражданственность и привычку учиться… система способствует распространению общеобразовательных зданий во всех слоях нашего общества, включая иммигрантов, и поощряет в людях желание продолжать образование».

Побуждение к чтению, рассматриваемое как гражданская добродетель, требовало, чтобы государство предоставило определенные возможности для развития такого навыка, поэтому необходимейшим элементом народного образования стало развитие отделов абонементной выдачи в библиотеках. Об этом говорил еще Бенджамин Франклин, и это его открытие можно считать не менее важным, чем его опыты по выяснению электрической природы молнии.

Шифф стал одним из первых поборников системы абонементной выдачи книг в Нью-Йорке; он решал задачу со свойственной ему энергией. Первые шаги к учреждению бесплатных отделов абонемента в библиотеках Нью-Йорка были предприняты еще в 1878 г. Шифф горячо поддержал общество «Бесплатный нью-йоркский библиотечный абонемент», организованное силами женщин. У истоков абонементной системы лежала частная ассоциация, средства на содержание которой поступали из частных источников. В 1885 г. Шифф стал попечителем данной организации; позже он занял пост казначея, на котором находился с 1891 по 1900 г.

В 1886 г. Ассамблея Нью-Йорка приняла закон «О развитии бесплатных публичных библиотек и бесплатных отделов абонемента в городах штата», и «Бесплатный нью-йоркский библиотечный абонемент» тут же попытался воспользоваться преимуществами данного закона. Шифф представил вопрос на рассмотрение мэру Абраму С. Хьюитту, однако, очевидно, ответ оказался не вполне благоприятным, поскольку мэр склонен был сэкономить муниципальные средства, зная, что С.Дж. Тилден завещал на организацию и содержание Нью-Йоркской публичной библиотеки значительную часть своего состояния. 5 декабря 1887 г. Шифф писал Хьюитту: «Получил Ваше ценное сообщение от третьего числа текущего месяца. Благодарю Вас за то, что поделились со мной своими взглядами относительно поддержки городом библиотечных абонементов в соответствии с «Законом о бесплатных библиотеках с абонементной системой выдачи». Из Вашего письма я понял, что Вы будете против проявления власти со стороны Оценочной комиссии в соответствии с данным законом и что, если возобладают Ваши взгляды, бесплатные библиотеки с абонементной системой выдачи останутся в следующем году без муниципальной поддержки. Вы пишете, что «лично Вы чрезвычайно благоприятно относитесь к распространению знаний всеми возможными способами; но ввиду того, что по завещанию мистера Тилдена на основание библиотек с абонементной системой выделен очень большой вклад, Вы не желаете сейчас дополнительно увеличивать бремя налогоплательщиков». Вы, должно быть, понимаете, что даже при самых благоприятных обстоятельствах пройдет еще много времени, прежде чем будут выполнены все условия завещания м-ра Тилдена. Исходя из Ваших же высказываний, самым логичным был бы такой способ действий, по которому до тех пор, пока условия завещания м-ра Тилдена не будут исполнены, вам не следует занимать позицию, которая в лучшем случае нанесет серьезный ущерб всем библиотекам с абонементной системой

выдачи… Вопреки Вашим словам, я считаю, что у жителей нашего города не слишком много возможностей бесплатно получать книги по абонементу; более того, у меня сложилось впечатление, что немногим крупным городам во всем мире так недостает бесплатных библиотек с абонементной системой выдачи, как нашему… Если бы мне позволили действовать по своему усмотрению, я бы настаивал на том, чтобы штат учредил бесплатные библиотеки с абонементной системой рядом с каждой публичной школой».

После того как городские власти ассигновали необходимую сумму, Шифф выразил мэру свою благодарность: «Спешу выразить свою признательность по поводу Ваших действий… Зная, что Вы не склонны были выделять данные ассигнования, и будучи заинтересован в работе различных библиотек, я не могу не выразить Вам свою благодарность за пересмотр Ваших взглядов…»

В 1896 г. Шифф решил выйти из совета попечителей общества и 23 ноября писал председателю совета, Дж. Фредерику Кернокану: «Надеюсь, Вы понимаете, что даже после выхода из состава правления я по-прежнему буду проявлять интерес к успеху «Бесплатного нью-йоркского библиотечного абонемента». На моих глазах общество из весьма небольшого превратилось в солидное учреждение, и мне кажется, что, если ему суждено расти и дальше… и если оно и далее будет предоставлять жителям нашего города те преимущества и удобства, какие они вправе от него ожидать, попечителям необходимо будет постоянно энергично и активно трудиться. Мои же обязанности стали столь разнообразными, что я считаю, что не могу долее занимать пост попечителя. Я считаю, что в правление необходимо ввести свежие силы. Скорее всего, общество только выиграет от воодушевления и инициативы, которые возрастут, если привлечь к управлению более молодых людей».

В 1886 г. было основано учреждение, известное как «Бесплатная библиотека имени Грейс Агилар», предназначенное прежде всего для удовлетворения нужд еврейского населения Нью-Йорка. Библиотека имеет долгую и почтенную историю; в конце концов она влилась в современную систему публичных библиотек. Хотя Шифф никогда не входил в ее правление, он выказывал большую заинтересованность ее делами и вносил существенные вклады в фонд ее строительства. В 1887 г. он обращался за помощью библиотеке к мэру Хьюитту, в то же время, когда выступал в защиту «Бесплатной нью-йоркской библиотеки с абонементной системой выдачи». 26 сентября 1892 г. он послал запрос Теодору У. Майерсу, начальнику контрольно-

финансового управления Нью-Йорка: «Насколько мне известно, «Бесплатная библиотека им. Г. Агилар» подала прошение в Оценочную комиссию на ассигнования в текущем году в размере 10 тыс. долларов. Прошение подтверждается ростом книгооборота в течение прошлого года, которое превосходило 190 тыс. томов, а по закону общество имеет право просить об увеличении ассигнований, если выдача книг на дом превысила 175 тыс. томов. Вы, несомненно, понимаете, как важно не только для евреев, но и с общей точки зрения, чтобы здоровая литература стала доступной населению многоквартирных жилых кварталов, посреди которых расположена «Бесплатная библиотека им. Г. Агилар». Надеюсь, что Вы не поймете превратно мои мотивы, если я попрошу Вас употребить Ваше влияние в Оценочной комиссии для того, чтобы ассигнования были увеличены. Граждане Нью-Йорка не могут сделать лучшего капиталовложения.

Во время посещения Новой Англии, а также городов на Западе я всегда испытываю чувство унижения, когда смотрю на превосходные бесплатные библиотеки с абонементной системой выдачи, которые содержатся на средства налогоплательщиков, в то время как бесплатные абонементы нашего большого города годами влачат жалкое существование. Мы всячески заботимся о публичном школьном образовании для нашей молодежи, но после того, как наши сыновья и дочери заканчивают школы, мы отказываемся предоставить им, посредством публичных библиотек, возможность продолжить свое образование».

Когда складывалась, путем слияния фондов Астора, Ленокса и Тилдена, нынешняя Нью-Йоркская публичная библиотека, Шифф 14 марта 1895 г. предложил Кернокану, чтобы «Бесплатный нью-йоркский библиотечный абонемент» примкнул к новой системе и воспользовался ее преимуществами: «Разве не следует нам предпринять шагов, направленных на то, чтобы примкнуть к объединенным библиотечным фондам? По-моему, настало время для того, чтобы попечители обсудили целесообразность и практичность объединения различных филиалов «Бесплатного нью-йоркского библиотечного абонемента» с крупной центральной публичной библиотекой, образованной посредством такого слияния».

Интерес Шиффа к высшему образованию, хотя и не ограничивался одним Нью-Йорком, естественно, в первую очередь распространялся на разнообразные учреждения города, ставшего для него родным. Он всегда был благодарен за те возможности, которые стали доступны ему в Америке и Нью-Йорке, и чувствовал себя обязанным помогать муниципальным

учреждениям. Вполне естественно, что его мысли обратились к Колумбийскому университету, который сейчас расположен в квартале Морнингсайт-Хайтс, хотя раньше находился в другом месте.

Шифф решил, что посещение Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго в 1893 г. станет мощным стимулом для молодых студентов, поэтому 26 апреля он предложил Сету Лоу, президенту Колумбийского университета, оплатить поездку на выставку тем достойным поощрения студентам, которые иначе не смогли бы посетить Чикаго: «Прошу Вас пойти мне навстречу и поступить следующим образом: Вы передадите студентам… что в Ваше распоряжение поступила денежная сумма на названные мною цели, и оговорите срок, в течение которого они могут подавать заявки… Затем Вы, с помощью преподавателей, решите, кто из заявителей достоин поощрения, и выберете тех, кто по всем параметрам больше остальных заслуживает поездки».

За этим последовала переписка: Лоу считал, что предпочтение следует отдать студентам старших курсов, особенно тем, которые изучают архитектуру, на что Шифф, естественно, согласился. В октябре Лоу предложил переслать Шиффу некоторые письма, написанные молодыми людьми после посещения Чикагской выставки. Шифф с готовностью согласился прочесть эти письма – поступок, в высшей степени характерный для него. Гораздо важнее собственно денежного дара он считал последовавший результат. Такой же договор он заключил в 1904 г. с Николасом Мерреем Батлером, когда оплатил нескольким студентам поездку на выставку в Сент-Луис.

Переезд в 1897 г. Колумбийского колледжа и университета с первоначального места в окрестностях Нью-Йоркской Центральной железной дороги стал предприятием, которое в то время требовало очень крупных денежных вливаний и умелого финансирования. На первых порах Шифф предложил аванс в размере 50 тыс. долларов; в своем письме Лоу от 18 февраля он выражает надежду, что «не за горами то время, когда Вы сумеете на регулярной основе получать деньги, необходимые университету в связи с переездом, и я надеюсь, что тогда у меня будет возможность сотрудничать с Вами».

Записей, отражающих деятельность Шиффа в Нью-Йорке и его помощь учреждениям города, сохранилось довольно мало, особенно по сравнению с его деятельностью в других областях. Не вся переписка дошла до нас, и в летописи имеются невосполнимые пробелы. Следующее письмо показывает, как близко к сердцу принимал Шифф потребности Колумбийского университета:

«2 февраля 1899 г.

Джорджу Л. Райвзу

Я тщательно изучил закладную, предложенную Колумбийскому колледжу; она всецело соответствует ситуации. Однако советую, если возможно, создать залоговый фонд в виде части имущества на сумму в 1 млн долларов, поскольку многие желающие приобрести предлагаемые ценные бумаги предпочтут первые ипотечные облигации. Если создать залоговый фонд в размере 1 млн долларов окажется невозможным, советую назвать облигации первыми ипотечными, указав в документе об учреждении доверительной собственности, что данные облигации являются первыми ипотечными облигациями на такую-то недвижимость и гарантированы далее – при условии залога на сумму в 1 млн долларов – имуществом, обеспеченным данным залогом. Рекомендую также оставить за собой право выпуска дополнительных облигаций на сумму в 1 млн долларов в обеспечение данного залога.

После такого шага трудностей в размещении на рынке облигаций по номиналу возникнуть не должно; более того, я считаю, что ценные бумаги будут сразу же раскуплены как корпорациями, так и отдельными инвесторами. По моему мнению, лучший способ предложить облигации широкой публике заключается в том, чтобы привлечь к выпуску крупные трастовые компании, такие как «Юнайтед Стейтс Траст Кº», «Юнион Траст Кº», «Меркантайл Траст Кº», «Сентрал Траст Кº», «Нью-Йорк Секьюрити энд Траст Кº», «Нью-Йорк Иншуранс энд Траст Кº» и др. Не сомневаюсь, если найти к ним подход, они охотно согласятся выпустить новые облигации совместно и не потребуют процентов. Одновременно с предложением облигаций широкой публике, неплохо было бы руководителям из числа выпускников привлечь к облигациям внимание всех своих однокашников, предложив, чтобы они, по мере возможности, вкладывали средства в эти облигации. По-моему, в свой срок такой шаг способен вернуть внушительное число облигаций Колумбийскому университету в виде даров и завещаний.

Я и далее буду находиться всецело в Вашем распоряжении в связи с данным вопросом».

Через несколько дней Шифф снова написал Сету Лоу, предлагая свою помощь в выплате долга университета. Поскольку вопрос был решен в то время, когда он находился в Европе, его сын 16 марта 1899 г. написал университетскому казначею: «Поскольку все облигации Колумбийского университета были

раскуплены, вступает в силу подписка моего отца на облигации на сумму в 100 тыс. долларов. Буду рад внести платеж по данной подписке от его имени. Деньги будут перечислены по получении мною ценных бумаг, которые прошу привезти в виде купонных облигаций номиналом в 1000 долларов каждая».

Через несколько лет, 7 октября 1902 г., Шифф обратился к президенту университета Батлеру со следующим предложением: «В связи со сделанным Вами заявлением о потребностях Колумбийского университета мне кажется, что первым делом, о котором следует позаботиться, является выплата долга, который, насколько мне известно, равен 3 млн долларов, что влечет за собой ежегодную выплату значительной суммы в виде процентов, которую я не могу не считать ущербом общим интересам университета. Предлагаю начать срочную кампанию по сбору 3 млн долларов. Если… собрать требуемую сумму удастся до 1 апреля следующего года, я готов от себя внести вклад в размере 100 тыс. долларов».

Другие подарки Колумбийскому университету включали: в 1896 г. – ссудный фонд для студентов; в 1898 г. – стипендию на проведение научно-исследовательских работ по политологии; а также взносы (1905 и 1906 гг.) на создание кафедр, соответственно, «политической и социальной этики» и «общественного права». Еще более важным шагом стало учреждение кафедры «социальной работы», которую впоследствии назвали «кафедрой социальной экономики»:

«27 февраля 1905 г.

Дорогой д-р Батлер!

После совещаний, проведенных нами с мистером Робертом У. Де Форестом, на которых мы пытались добиться более тесного объединения Колумбийского университета и Нью-йоркской школы филантропии посредством учреждения в Колумбийском университете кафедры социальной работы, я решил – если такая кафедра будет учреждена попечителями, что Вы, по Вашим словам, намерены рекомендовать, – пожертвовать на ее создание 100 тыс. долларов. Чтобы подтвердить серьезность своего решения, прилагаю чек, который разрешаю Вам обналичить, если на следующем заседании попечители согласятся с Вашей рекомендацией. Благодарю Вас за ту готовность, с которой Вы давали ценные советы по данному вопросу.

С уважением,

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Первым профессором кафедры социальной экономики имени Шиффа в Колумбийском университете стал Эдвард Томас Девайн. В феврале 1911 г. произошел случай, который не только представляет интерес сам по себе, но и проливает свет на уверенность Шиффа в своих убеждениях и на его крайнюю заботу и деликатность по отношению к другим и потому достоин упоминания. Девайн написал передовицу в «Обозрении», в которой отстаивал необходимость ограничения иммиграции в Соединенные Штаты. Шифф был решительно против изложенных в статье взглядов, но поскольку там затрагивалось много вопросов, он в течение одного или двух месяцев консультировался с теми, кто придерживался иной, чем у него, точки зрения, особенно с Лиллиан Уолд. Наконец он нашел выход, который позволял ему не идти против собственной совести и вместе с тем не выступать против почитаемой им свободы преподавания. Он предложил убрать свое имя из названия кафедры. Теперь должность Девайна называлась просто «профессор кафедры социальной экономики». Шаг любопытный – Шифф отказался ассоциировать свое имя с кафедрой в крупном университете ради того, чтобы университет мог чувствовать себя свободным, а его имя не отождествлялось с теми взглядами, которые он не разделял.

Женщинам в США разрешили получать высшее образование всего за полвека до нашего времени; почти все ранние женские образовательные учреждения были отдельными. В начале февраля 1888 г. Энни Натан Мейер написала статью в газете «Нейшн», в которой указывала на отсутствие высших женских образовательных учреждений в Нью-Йорке. Вскоре она начала собирать подписи в поддержку открытия колледжа для женщин, который считался бы филиалом Колумбийского университета. Она обратилась и к Шиффу, который отнесся к ее предложению сочувственно и заинтересованно. Хотя для того времени предложение было новаторским, а Шифф во многих отношениях был настоящим консерватором, он сразу же объявил, что верит в высшее образование для женщин, и обещал свою поддержку.

В начале 1889 г. четыре человека встретились для того, чтобы решить, открывать или нет в городе Нью-Йорке колледж для женщин при Колумбийском университете: миссис Дж. С.Т. Странахан, миссис Мейер, Джордж А. Плимптон и Шифф. Они решили учредить фонд, который позволил бы открыть учебное заведение, впоследствии получившее название Барнард-колледжа, и открыли подписной лист на сумму около 5 тыс. долларов в год на четыре года. Шифф согласился стать казначеем фонда, хотя очень сомневался, что удастся открыть колледж при

таких скромных средствах. Наконец он уступил энтузиазму трех остальных участников, сказав: «В конце концов, я в самом деле верю, что Нью-Йорк поддержит все, что окажется ему нужным».

Согласившись участвовать, он уже не нуждался в понукании, но взял инициативу в свои руки и активно приступил к сбору средств. То, что попечители Колумбийского университета дали свое согласие, показано в нескольких словах, написанных м-с Мейер в марте 1889 г.: «Вы в самом деле добились замечательного успеха с попечителями. От всей души поздравляю Вас!»

В апреле того же года Шифф писал, что уже разослал двести просьб о пожертвованиях, обычно на сумму в 100 долларов. Шифф значился первым жертвователем на всех подписных листах.

Первое время колледж почти не получал поддержки, и разочарованный Шифф в феврале 1891 г. решил уйти с поста казначея и попечителя, но по просьбе президента Лоу забрал прошение об отставке. В 1893 г. он снова решил уйти с поста казначея. Во второй раз его прошение об отставке утвердили. Преемником Шиффа стал Плимптон. Узнав об отставке Шиффа, президент Лоу 24 февраля 1893 г. писал ему: «По моему мнению, Ваши заслуги перед Барнард-колледжем бесценны. Колледжу повезло, что на ранних стадиях его создания казначеем были Вы, и если колледж в конечном счете займет высокое положение, на что надеются его друзья… Вы, разумеется, во всех смыслах этого слова будете считаться одним из его основателей».

В первые годы существования женского колледжа едва ли нашлась бы хоть одна связанная с ним и с общежитием при нем мелочь, вплоть до закупки кухонной утвари, в которую Шифф не вникал бы лично. Более того, в течение долгого периода времени Барнард-колледж казался его главным детищем в сфере образования.

Он продолжал поддерживать связи с колледжем в течение многих лет. 22 марта 1895 г. он писал Плимптону: «Я буду одним из двадцати пяти человек, которые внесут по 5 тыс. долларов каждый в фонд Барнард-колледжа, чтобы собрать необходимые средства для выкупа земельного участка… Мое предложение вступит в силу, если до 1 мая следующего года удастся собрать требуемую сумму; оно не является возобновляемым».

Хотя другие подписчики так и не выразили своей заинтересованности, 31 октября 1895 г. Шифф тем не менее внес свою долю. Из письма от 2 октября 1900 г. ясно, что Шифф внес авансом 30 тыс. долларов в виде займа колледжу. В 1901 г. он предложил Плимптону обратиться за помощью к Джону Д.

Рокфеллеру. Просьба увенчалась успехом, как видно из письма Шиффа к Рокфеллеру от 1 апреля 1902 г.: «Рад, что благодаря Вашей продуманной щедрости колледж получил прочную финансовую поддержку; за Ваш поступок мне хочется поблагодарить Вас лично. В нашей стране, где мужчины, как правило, в значительной степени поглощены своими деловыми предприятиями, заботиться об образовании детей по необходимости в большой степени обязаны матери. Поэтому вдвойне важно, чтобы будущие жены и матери получили все возможности надлежащим образом исполнять обязанности, которые накладывает на них замужество, и именно поэтому колледжи для девушек стали такой же насущной необходимостью, как и те, в которых получают образование юноши. Ваша щедрость по отношению к Барнард-колледжу, по моему скромному мнению, будет иметь далеко идущие последствия».

Поскольку Шифф приехал в Америку в 1865 г., в 1915 г. он отмечал пятидесятилетие своего прибытия, по случаю чего он решил сделать подарок городу. Случилось так, что примерно в то же время Барнард-колледж отмечал двадцатипятилетие своего существования. Событие решено было отпраздновать принятым способом – учредить фонд. Рассчитывали собрать 1 млн долларов. В этом случае все активы колледжа приблизились бы к 5 млн долларов – разительный контраст по сравнению со скромным началом. В первую очередь деньги требовались для постройки главного корпуса колледжа – в начале студенткам приходилось перемещаться из одного здания в другое. Желание попечителей очень понравилось Шиффу, и летом 1915 г., хотя шла война, доставлявшая всем много забот, он серьезно обсуждал с членами своей семьи и с руководством Колумбийского университета и Барнард-колледжа вопрос о выделении здания для этой цели.

Вирджиния Гилдерслив, декан Барнард-колледжа, вспоминает, как нанесла Шиффу визит в Бар-Харбор (штат Мэн), где он поделился с ней своими представлениями о новом корпусе: по мнению Шиффа, он должен был стать местом, где все «студентки посвящали бы радостные часы дружескому общению, знакомились друг с другом и учились понимать друг друга, чтобы вместе учиться, а впоследствии – дружно трудиться на благо общества. Его представление о роли такого общественного места произвело на меня неизгладимое впечатление. Помню, когда мы прощались, он взял меня за руку, и я торжественно заверила его, что сделаю все, что в моих силах, чтобы воплотить его представления в жизнь, а он ответил, что очень надеется на это».

24 августа 1915 г. Шифф сделал следующее предложение:

«Бар-Харбор (Мэн)

Дорогой мистер Плимптон!

Получил в срок Ваше письмо от 18-го числа текущего месяца с вложениями, которые я внимательно перечел… Надеюсь, я могу оставить их у себя. Эти послания, особенно письмо от декана Гилдерслив, очень помогли мне принять решение, и теперь я готов представить через Вас предложение попечителям Барнард-колледжа по строительству Студенческого корпуса на участке, который будет выделен Барнард-колледжу специально для данной цели – на следующих условиях. По завершении строительства здание переходит во владение Барнард-колледжа, однако, оно должно служить центром для общественной и духовной жизни всех учащихся Барнард-колледжа, Учительского колледжа и Колумбийского колледжа. Повышение в должности, продвижение по службе и пр. не должны зависеть от конфессиональных и религиозных предпочтений учащихся. Для обеспечения наилучшего управления корпусом, имея в виду осуществление тех целей, ради которого он воздвигается, попечители трех колледжей создадут постоянный комитет, в который войдут три участника от Барнард-колледжа и по одному – от Учительского и Колумбийского колледжей. Будет неплохо, если в этот комитет из пяти человек войдут по одному представителю католического и иудейского вероисповедания.

Цена здания и его оборудования не должна, во всяком случае, превышать 500 тыс. долларов; строительство должно осуществляться по планам, сделанным под наблюдением архитектора, которого назову я, и под руководством строительного комитета, в котором у Барнард-колледжа будет три представителя, у Учительского и Колумбийского колледжей – по одному. Шестым членом строительного комитета станет мой сын, Мортимер Л. Шифф. Строительный комитет должен принимать решения большинством голосов; если же по какому-либо вопросу голоса разделятся поровну, право принятия окончательного решения я оставляю за собой. Выплаты по распискам за строительство и оборудование производятся мной время от времени, по мере надобности.

Буду рад, если мне сообщат, как только будет удобно, устраивает ли мое предложение попечительский совет Барнард-колледжа, а также представителей Учительского и Колумбийского колледжей. Как только согласие будет получено, я приступлю к действиям. Благодарю Вас лично за сотрудничество, позволившее мне принять окончательное

решение.

С уважением,
Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

Руководство университета с радостью приняло его предложение, о чем Батлер известил Шиффа 28 августа. Попечительский совет Барнард-колледжа официально принял предложение 1 октября 1915 г.; попечительский совет Колумбийского университета подтвердил свое согласие 4 октября.

Приняв решение сделать подарок, Шифф всячески способствовал тому, чтобы строительство не затягивалось. Это ясно из характерного письма Плимптону от 28 октября: «Как говорится, у семи нянек дитя без глаза, и надеюсь, что эта пословица не относится к сооружению «Студенческого корпуса» Барнард-колледжа и драгоценное время не будет потеряно… Некоторое время уйдет на то, чтобы архитекторы изготовили планы и спецификации; затем они смогут приступить к делу без проволочек».

О даре Шиффа напоминает памятная табличка при входе в здание. Само здание, которое в течение долгого времени не носило ничьего имени, теперь имеет на фасаде слово «Барнард». Но студентки все же помнят о Шиффе; если они договариваются встретиться в коридоре, они говорят друг другу: «Встретимся у Джейкоба Шиффа». Такая традиция – поистине лучший показатель памяти.

Нью-Йоркскому университету Шифф сделал дар на свое семидесятилетие: регулярные суммы в пользу Школы коммерции, бухгалтерского учета и финансов при Департаменте по связям с общественностью. Такая же сумма оговорена в его завещании; вскоре после смерти Шиффа, 25 октября 1920 г., Совет Нью-Йоркского университета проголосовал за то, чтобы фонд, носящий имя Джейкоба Генри Шиффа, был направлен на нужды Департамента по связям с общественностью.

Шифф обратил свое внимание на Корнелльский университет благодаря высокому почтению к Эндрю Д. Уайту и его преемнику, Джейкобу Гулду Шурману. В 1911 г., всецело по собственной инициативе, он вступил в переговоры с Шурманом, после чего 2 января 1912 г. предложил учредить фонд по изучению немецкой культуры, куда сделал первый крупный взнос: «После нашего с Вами разговора в прошлую пятницу я решил подарить Корнелльскому университету 100 тыс. долларов, а не меньшую сумму, как предполагалось вначале; прилагаю к письму чек…

Однако я предпочитаю не передавать дар напрямую кафедре германистики, но скорее сделать так, чтобы мой подарок стал «Взносом Джейкоба Г. Шиффа для стимулирования изучения немецкой культуры». Таким образом, у руководства университета будут развязаны руки, и они смогут воспользоваться полученным доходом либо для выплаты жалованья преподавателям, либо для иных целей, обозначенных в даре».

Моррис и Джеймс, сыновья тестя Шиффа Соломона Лёба, были студентами Гарварда. Моррис Лёб, умерший в 1912 г., был химиком; одно время он преподавал в Университете Кларка и Нью-Йоркском университете. Джеймс Лёб изучал античную литературу. Судя по всему, интерес к Гарварду проснулся у Шиффа в первую очередь благодаря привязанности к братьям жены. Конечно, он демонстрировал более глубокий и постоянный интерес к этому университету, чем к любому другому; в течение многих лет он поддерживал близкие отношения с руководством университета, делал взносы в его фонды и состоял в одном из его комитетов. В 1888 г., незадолго до выпуска, Джеймс Лёб сообщил профессору Дэвиду Гордону Лайону, что Шифф хочет приобрести ряд надписей и других музейных экспонатов для Семитского отделения. В январе следующего года Шифф и Лайон встретились в доме Соломона Лёба, и Лайон произнес перед собравшимися речь о важности и возможностях исследований семитских земель.

12 ноября 1889 г. Чарлз Фрэнсис Адамс написал Шиффу, что при университете существует система консультационных комиссий, члены которых назначаются попечителями и общественностью в целом. Их функция заключается в том, чтобы следить за работой различных отделений. На следующий год было предложено создать специальную комиссию из трех человек, которая была бы связана с изучением семитских языков. После консультаций с профессорами Тойем и Лайоном в эту комиссию решили выдвинуть Шиффа. Согласится ли он стать ее председателем? Шифф ответил: «Высоко ценю Ваше предложение выдвинуть меня в специальную консультационную комиссию при отделении семитских языков Гарвардского университета… к тому же стать ее председателем. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем быть полезным великой колыбели образования. Однако я не чувствую себя достойным того, чтобы встать во главе такой важной комиссии. К тому же, живя далеко от университета, я не смогу должным образом исполнять свои обязанности на месте. Поэтому вынужден отказаться от удовольствия принять Ваше предложение и стать председателем комиссии, но, с Вашего позволения, я с радостью стану одним из ее членов».

Председателем комиссии стал профессор Эндрю П. Пибоди; в комиссию, кроме него, вошли Стивен Солсбери из Вустера и Шифф. Шифф состоял в этой комиссии 21 год; после смерти Пибоди в 1893 г. он сменил его на посту председателя.

Первое собрание состоялось 5 декабря 1889 г. На нем обсуждался вопрос о коллекции, и Шифф ознаменовал начало работы тем, что внес требуемую сумму. После собрания президент Элиот пригласил Шиффа на обед; в тот день началась их долгая и ничем не омраченная дружба.

3 апреля 1890 г., на втором заседании комиссии, Шифф предложил отправить Лайона за границу с целью сбора коллекции. Кроме того, он обязался ежегодно пополнять фонд для дополнительных закупок экспонатов, если все вложенные средства окажутся истраченными. Вскоре после заседания он написал Элиоту: «Покупать отдельные, случайные предметы, присылаемые к нам посредниками из Лондона, которые могут оказаться безответственными или беспринципными, опасно само по себе; нам могут предлагать экспонаты сомнительного происхождения, которые невозможно продать в Европе. По-моему, профессору Лайону или профессору Тою необходимо следующим летом лично поехать в Европу и завязать отношения с порядочными агентами для приобретения семитских документов и предметов, которые могут быть предложены на продажу и которые, по их изучении, будут признаны пригодными для Семитской коллекции Гарварда. Если Гарварду удастся послать в Европу одного из преподавателей с таким заданием, я возмещу университету затраты в размере 2 тыс. долларов за любые понесенные расходы, но предпочел бы, по причинам, которые вы, несомненно, понимаете, чтобы ни профессор Лайон, ни профессор Той не узнали о моем предложении».

Лайон поехал за границу, где собрал коллекцию слепков и других экспонатов. Находясь в Лондоне летом того года, они с Шиффом посетили пожилого исследователя Ниневии, сэра Остина Генри Лэйярда, который выказал большой интерес к предполагаемой коллекции.

Когда 13 мая 1891 г. коллекция была собрана, Шифф произнес речь, в которой, в частности, сказал: «Человечество обязано семитам своей религией, большая часть мира – своей культурой и цивилизацией. В Израиле находятся истоки монотеизма. В Вавилоне и Финикии зарождались методы управления современной коммерцией, а влияние, которое семитские идеи до сих пор оказывают на современное мышление, невозможно проиллюстрировать ярче, чем вспомнив важность, какую даже наше поколение придает патриархам и библейским

персонажам Израиля.

Более того, евреи, современные представители семитских народов, имеют полное право гордиться своим происхождением и своими предками. Несмотря на то что в Европе пышным цветом цветет антисемитизм, а в свободной Америке наблюдаются социальные предрассудки и остракизм. Потомки со стыдом и отвращением осудят подобное отношение. Пока же для уверенной победы над этими нездоровыми течениями следует создать возможности для более тщательного изучения и лучшего знания семитской истории и цивилизации, чтобы весь мир лучше понимал… чем он обязан семитским народам».

Его собственные взгляды на свою роль в данном вопросе видны из писем к Лайону от 6 и 18 мая 1891 г.: «Позвольте как о личной услуге просить, чтобы в любой произнесенной Вами речи Вы как можно меньше ссылались на меня. Я всегда считал, что честь создания Семитской коллекции в первую очередь принадлежит Вам и профессору Тою и лишь во вторую очередь – всей Семитской комиссии в целом.

Что касается моей фотографии, которую Вы желаете получить, буду очень рад прислать Вам недавний снимок – *для Вашего личного пользования*; но я бы не хотел, чтобы мой портрет висел в залах, содержащих Семитскую коллекцию. Вместе с тем благодарю Вас за Ваше любезное предложение».

Его участие в делах комиссии все время ширилось. Так, на заседании 22 февраля 1893 г. он вызвался внести крупную сумму на строительство здания музея – при условии, что такую же сумму выделят другие спонсоры. Узнав, что собрать всю сумму не удастся, Шифф предложил внести все необходимую для строительства средства, при условии, что остальные жертвователи позволят использовать их средства для покупки коллекций. Построенное на средства Шиффа очень красивое здание до сих пор остается единственным музеем, посвященным семитской культуре. В нем разместились два больших выставочных зала, три лекционные аудитории, библиотека и комната хранителя музея. Лекционные аудитории при случае используются другими отделениями университета.

Перед торжественным открытием музея руководство университета предложило изготовить памятную табличку, на которой среди прочих должно было стоять имя Шиффа. От этого он отказался:

«24 апреля 1902 г.
Дорогой доктор Элиот!
Вчера я получил Ваше письмо, в котором Вы сообщаете, что

корпорация собирается поместить на здание Семитского музея бронзовую табличку с названием здания и с упоминанием его источника и темы. Я никогда не считал правильным желание увековечить свое имя или свои поступки при жизни и потому всегда отказывался от чести видеть свое имя на табличках или на посвящениях к книгам. По-моему, подобные почести уместно возлагать в будущем, когда… как правило, складывается более или менее верное суждение о жизни и поступках того или иного человека.

Поэтому предлагаю, с Вашего позволения, чтобы надпись на бронзовой табличке, которую собираются разместить на Семитском музее, выглядела следующим образом: «Семитский музей 1902

Подарок Гарвардскому университету Для поощрения прочных знаний Семитской истории и литературы»…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Торжественное открытие музея состоялось 5 февраля 1903 г.; речи на открытии произнесли профессора Лайон, Чарлз Элиот Нортон, Кроуфорд Г. Той и д-р Сайрус Адлер. После того как президент Гарварда Элиот принял здание от имени университета, Шифф сказал следующее: «Возможно, знатокам немецкой литературы известны прекрасные слова Гете, которые звучат примерно так: Wohl dem, der seiner Aimer gern gedenkt («Благо тому, кто с удовольствием вспоминает своих предков»). Я глубоко предан своему народу, горжусь его прошлыми достижениями, сознаю его длящиеся обязанности, размышляю о его развитии и временами задаюсь вопросом: «Где началась история моего народа?» Ответ я нахожу у Давида-псалмопевца: «Когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова из народа иноплеменного, Иуда сделался святынею Его, Израиль – владением Его»[33].

Так говорил Давид-псалмопевец. Так в веках откликнулись слова Господа Аврааму: «И благословятся в семени твоем все народы земли»[34]. Дети Авраама эмигрировали в Египет, увы, в рабство, а рабы никогда не делали историю. Однако обещание Божие не пропало; и после пребывания в Египте в течение четырехсот лет Израиль, освободившись по повелению свыше, овладел землей, обещанной его отцам. На протяжении тринадцати столетий евреи жили в Палестине, пока не начался долгий период их скитаний, их великая миссия – которая, как это очевидно, еще не кончена.

Перед нашим взором, со времен Авраама, раскинулись века семитской истории и развития, к которой евреи, однако, имеют

далеко не единственное отношение, пусть даже их вклад в нее огромен. Вавилон, Ассирия и другие – как в не столь отдаленные времена потомки Мухаммеда – внесли свою лепту в развитие семитской цивилизации. Более того, история и деятельность почти всех разнообразных племен того народа, который в целом называется семитами, стал настолько соблазнительным полем для изучения и исследований, что ученые и обычные люди в равной степени на протяжении десятков лет соперничают друг с другом за сокровища, всплывшие на поверхность и обнаруженные в тех странах, где жили и творили историю семитские народы.

Здесь, в Соединенных Штатах, мы, возможно, немного опоздали, но пробудившийся интерес к изучению семитской культуры, в истинно американском духе, движется вперед семимильными шагами почти в каждой крупной цитадели науки и культуры. Профессора Лайон и Той поставили перед собой задачу пробудить живой интерес широкой общественности к работе, которой занимается Семитское отделение под их руководством. Так проснулся и мой интерес, и мне показалось, что я не имею права отклонять просьбу о сотрудничестве, исходящую от этих серьезных и энергичных людей. Поистине могу сказать, что представленная мне возможность стала для меня источником глубочайшего интереса и бесконечной благодарности…

Сегодня мы передаем здание музея и его содержимое Гарвардскому университету. Вверяем его вашим заботам – я имею в виду не только Вас лично и руководство Вашего славного университета, но и, равным образом, добрую волю всех, кто верит, что тщательное собирание и сохранение знаний о цивилизации тех, кто были прежде нас, означает путь к лучшему миру и лучшей жизни не только для нас самих, но и еще более для тех, кто придет после нас и станет оценивать наши поступки, изучать наши достижения и нашу цивилизацию».

Шифф надеялся устроить прием по случаю торжественного открытия музея; в самом деле, он устроил прием для тех своих друзей, кто жил в Нью-Йорке и его окрестностях. Гостей развозили на его частной машине; их разместили в отеле за его счет. Узнав, что президент Элиот намерен дать обед, он тут же устроил торжественный ужин и, проявив обычное для себя внимание к мелочам, распорядился, чтобы гостей рассадили в соответствии с его пожеланиями, представив управляющему чертеж.

Осенью 1903 г. Исидор Штраус, ставший членом Инспекционной комиссии, выступил с предложением, поддержанным Солсбери и Уигглсвортом, другими членами

комиссии, подарить музею портрет Шиффа. Вести переписку поручили хранителю музея. Инициаторы надеялись заручиться согласием Шиффа позировать для портрета. Шифф был против, и переписка затянулась; получив обещание, что при его жизни портрет не будет выставляться, он наконец согласился. Портрет написал Луис Лёб из Нью-Йорка; в мае 1904 г. его подарили музею. Поскольку обещание касалось лишь прижизненного выставления портрета, его повесили в музее 6 марта 1926 г.

4 сентября 1901 г. Шифф писал Лайону из Баден-Бадена, выражая горячее желание оказать помощь раскопкам в Палестине, а 24 декабря он призывал объединить силы всех американских обществ и университетов, которые вели раскопки в Египте, Палестине и Вавилоне. На то, чтобы его предложение воплотилось в жизнь, ушла четверть века: «Что касается раскопок в Египте, Палестине и Вавилоне, мне кажется, что усилия, предпринимаемые сейчас различными американскими обществами и университетами, следует объединить под одним началом. Сейчас, боюсь, каждый из них тратит на продвижение к цели много сил и значительные средства, в то время как объединенными усилиями можно добиться гораздо большего во всех направлениях. Таких же взглядов, по-моему, придерживается и доктор Нис, с которым я некоторое время назад обсуждал этот вопрос».

В 1905 г. Шиффа попросили внести вклад в фонд пожертвований университета, и он согласился, «с тем условием, что доход от моего вклада будет постоянно направляться на выплату жалованья хранителю или преподавателям, связанным с Семитским музеем».

В следующие полтора года он уделял большое внимание организации археологической экспедиции в Палестину. При

Гарвардском университете создали Комиссию по исследованиям Востока. В нее вошли профессора Кроуфорд Г. Той, Джордж Ф. Мур и Дэвид Г. Лайон, который стал председателем. Директором предполагаемой экспедиции выбрали доктора Джорджа А. Рейснера, выпускника Гарварда, имевшего опыт исследований в Египте. 10 мая 1905 г. Шифф сделал официальное предложение:

«Дорогой президент Элиот!

Профессор Лайон пишет, что он сообщил Вам о моих намерениях, связанных с раскопками в Палестине, чтобы они проводились под покровительством Семитского музея Гарвардского университета. Я готов, если Вы и университетские власти это одобрите, оплачивать расходы на проведение таких

раскопок в течение пяти лет, из расчета общей суммы в 50 тыс. долларов, которую следует разделить по возможности на равные доли в течение пятилетнего срока.

Мое предложение вступит в силу при условии, если разрешение от турецкого правительства будет получено не позднее 1 марта 1906 г., и я готов предоставить дополнительно сумму в 5 тыс. долларов на предварительные расходы до начала раскопок. Помимо вышеупомянутого, я оставляю за собой и своими наследниками право, в случае моей смерти до начала раскопок, сократить мои обязательства до 5 тыс. долларов на предварительные расходы…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Предложение было принято, но в течение последовавших пятнадцати месяцев получить разрешение на проведение раскопок так и не удалось. В октябре 1906 г. Шифф потерял терпение и в письме к Тою намекнул, что отзывает свое предложение.

1906/07 учебный год Лайон был директором Американской школы исследований Востока в Иерусалиме; там он укрепился в убеждении, что в конечном счете удастся получить разрешение на раскопки (фирман). Столицей округа, в котором находились руины Самарии, выбранные для раскопок, был город Наблус. Из-за медлительности турецких чиновников перспективы раскопок казались столь неопределенными, что Рейснер оставил попытки получить фирман и вернулся к своей работе в Египте; но в октябре 1907 г. разрешение было дано. 25 октября Шифф писал Лайону: «Отмечаю с некоторым мрачным удовлетворением, что турецкое правительство выдало фирман, который мы так сильно ждали весь прошлый год».

Весной следующего года Шифф совершил короткую поездку по Египту и Палестине. В Египте он встретился с Рейснером, который поведал, что хочет оставить свою работу на правительство Египта и в 1909 г. будет свободен. Летом 1908 г. Лайон совершил пробные раскопки; ему удалось обнаружить большую лестницу и большой алтарь с торсом замечательной статуи у его подножия, а также другие интересные археологические объекты. Такое сочетание обстоятельств вдохновило Шиффа вернуться к первоначальному замыслу. В результате Рейснер организовал экспедицию под прямым покровительством Гарварда.

Работы начались в полевой сезон 1908–1909 гг. Раскопки расширились в 1910 г., когда Рейснер получил помощь Кларенса

С. Фишера и Орика Бейтса. На вершине холма был обнаружен старинный дворец, в котором признали дворец Ахава, с многими покрытыми надписями глиняными черепками (остраками), ставшими самыми ранними образцами еврейского письма, которые были открыты к тому времени. То, что раскопки, в ходе которых первоначально были обнаружены артефакты греко-римского периода, углубились в слои значительно более ранние, вызывало огромный интерес Шиффа, и он значительно увеличил сумму пожертвований. Археологам удалось найти большое количество новых материалов, важных как для истории древнееврейской архитектуры, так и для изучения древнееврейского алфавита, что значительно расширило наши познания о древней Палестине.

11 декабря 1910 г. Мейер Салзбергер писал Шиффу о том, что он прослушал лекцию Лайона и понял, насколько важна их работа. Шифф в своем ответе впервые открывает то, что и он участвовал в проекте экспедиции, хотя и сомневался в реальности ее результатов: «До того как экспедиция началась, мне казалось, что результаты, скорее всего, нас разочаруют, ибо, зная, что нашим далеким предкам в Палестине религия запрещала создавать что-либо сравнимое с египтянами или греками, я боялся, что ученые не найдут ничего достойного упоминания. И все же, ведомый надеждой, что возможны хотя бы какие-то находки… я позволил себе участвовать в предприятии и потому испытываю особую радость оттого, что получил от Вас, чьи суждения я так высоко ценю, заверения в том, что игра стоила свеч».

Отрывки из предварительного отчета предлагали сразу же опубликовать, чего Шифф не одобрил, предпочитая дождаться, пока будет готов полный отчет об экспедиции, и издать его должным образом. Ожидалось, что отчет появится в 1911 г., но рукопись задерживалась с доставкой из-за границы. Затем в дело вмешалась война, и публикацию осуществили лишь после смерти Шиффа. Этот монументальный труд в двух красиво переплетенных томах инфолио открывается следующим посвящением:

«Благодарной памяти
Джейкоба Генри Шиффа,
Добропорядочного гражданина,
Филантропа с широчайшим кругом интересов,
Щедрого покровителя науки
И археологических исследований».

Средств на публикацию, которых хватило бы в 1911 г., оказалось недостаточно, и требуемую дополнительную сумму внесли ближайшие родственники Шиффа. Для того чтобы книгу могли приобрести учреждения, которым иначе не хватило бы на это денег, половину тиража, по предложению членов семьи Шиффа, бесплатно распространяли в образовательных и культурных учреждениях по всему миру.

Шифф всерьез относился к обязанностям председателя Семитской комиссии, как, впрочем, и к другим своим обязанностям. В 1910 г. он начал замечать спад в посещаемости музея и снижение интереса к изучению семитской и родственных культур. 25 ноября он написал президенту Гарварда А.Л. Лоуэллу, выражая свое разочарование, особенно ввиду «аппарата, построенного благодаря значительным усилиям и расходам», способным, как он считал, «привлечь в Гарвард большее число студентов и ученых, которые найдут свое призвание в изучении семитской и родственной культур». Последующие несколько лет он продолжал сокрушаться о том, что Семитское отделение не достигло таких успехов, на которые он надеялся.

Его разочарование было вызвано и другими причинами. Он уделял много времени и совершил много поездок в Кембридж, сначала как член, а затем как председатель комиссии, но не нашел в Кембридже такого понимания, на какое он надеялся, хотя комиссию значительно расширили, чтобы «увеличить в Бостоне и его окрестностях количество тех, кто особо интересуется дальнейшим развитием и ростом полезности музея». 14 ноября 1913 г. он писал президенту Лоуэллу: «Я быстро старею, и, будучи связан с Семитским отделением почти четверть века, считаю: прежде чем я уйду, будет лучше заменить меня человеком, при котором работа комитета может продолжаться неопределенное время. Так будет лучше, чем рисковать, что хрупкий цветок семитского образования в Гарварде, который всегда будет нуждаться в уходе, погибнет, когда не станет меня. Однако я слишком сильно заинтересован как в самом Семитском отделении, так и во всем университете, чтобы поступать опрометчиво или во вред им, и потому выражаю желание *остаться еще на год*, надеясь, что за этот срок можно будет ввести в состав комиссии свежую кровь и свежие силы…»

В письме к Лайону, написанном в тот же день, он подтверждает свой глубокий интерес к Семитскому отделению в выражениях, которые все, кто знал о его пылкой привязанности к своим близким, нашли бы доказательством того, что Семитское отделение – одно из самых дорогих его детищ; говоря об отделении, он пишет: «Я испытываю по отношению к нему такие

же чувства, как по отношению к собственному ребенку», – и добавляет: «Как человек хочет, чтобы его ребенок процветал, а не чах, мне кажется, что-то должно быть сделано, как я уже сказал президенту Лоуэллу, чтобы вдохнуть свежую кровь и свежие силы в комиссию».

В 1914 г. Шифф отказался вновь становиться председателем комиссии. Однако он не отказался от сотрудничества, о чем пишет Лайону 10 ноября: «…своих детей не бросают; будьте уверены, что мой интерес к работе Семитского отделения и моя поддержка – если в ней впоследствии возникнет нужда – не ослабнут. Подтверждаю данное мной обещание по крайней мере на настоящее время, выделить сумму в Фонд закупки объектов, равную той, что отделение может получить от других».

На собрании Инспекционной комиссии 1 декабря 1914 г. комиссия и инструкторы выразили свою признательность Шиффу, перечислив его заслуги перед университетом и сделанные им подарки.

27 января 1902 г., по завершении строительства здания «Гарвард Юнион», Шифф писал Генри Л. Хиггинсону: «На прошлой неделе я был в Кембридже, и президент Элиот водил меня по зданию «Гарвард Юнион», которое, насколько я понимаю, стало Вашим даром студентам Гарвардского университета. Позвольте поздравить Вас с мыслями и желаниями, побудившими Вас воздвигнуть это великолепное здание. По-моему, нет сомнений, что привлекательность здания значительно перевесит нездоровые веяния, которые всегда грозят появиться там, где собирается несколько сотен молодых людей. Я уверен, благодаря тому, что Вы сделали в этом отношении, «встают дети… и ублажают»[35] Вас».

Когда объявили о скором уходе Элиота в отставку, Шифф написал:

«5 ноября 1908 г.

Уважаемый президент Элиот!

Сообщение о Вашей отставке с поста президента Гарвардского университета, которая произойдет весной следующего года, застало меня врасплох. Ваши друзья и почитатели, к которым, как я надеюсь, я могу себя причислять, сожалеют о таком Вашем решении, ибо после столь долгих, ревностных трудов на благо общества Вы, конечно, имеете право сложить с себя большую ответственность, которая лежала на Ваших плечах долгие годы и которой Вы отдавались с преданностью, подобной которой трудно найти.

Когда будет написана книга о Ваших великих достижениях, в

чем я не сомневаюсь, следует указать как немалую заслугу, что Вы не стали дожидаться, пока болезни преклонного возраста вынудят Вас сложить полномочия, но поступили так в полном расцвете сил…

Японцы, которые недавно так поразили весь мир, вводят в состав своего правительства особых людей, называемых «пожилыми государственными деятелями». Этих людей, которых обычно бывает четыре или пять человек, чья ценность доказана многолетней службой государству, когда заканчивается их активная карьера, призывают к императору. Они служат его советниками в важных для империи вопросах. Их советы считаются столь действенными, что ни император, ни национальный парламент даже не думают их игнорировать. Советы даются по тщательном размышлении, всегда достигают цели и уже не раз спасали страну от многих ошибок, которые могли быть допущены в противном случае. По моему мнению, таким может и должно стать Ваше положение, которое, после того как Ваша отставка вступит в силу, займете и Вы, не только в советах Гарвардского университета, но и повсюду, где в образовательных и других важных вопросах могут потребоваться ценные и надежные советы.

Искренне надеюсь и молюсь, чтобы Вам дарованы были долгие годы неослабевающих умственных и телесных сил и чтобы мне повезло еще долгие годы наслаждаться дружбой с Вами, которой я так горжусь…

С уважением,

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Узнав, что по этому случаю создается особый фонд, Шифф написал Хиггинсону и вызвался также принять в нем участие.

В 1906 г. профессор Куно Франке заручился его поддержкой в строительстве здания Музея германистики в Гарварде. В 1912 г., когда профессор А.Б. Фауст из Корнелльского университета написал ему о проекте Музея германистики в Корнелле, Шифф ответил: «Насколько я понимаю, Вы предлагаете, чтобы Музей германистики располагался на кампусе Корнелльского университета. Судя по моим первым впечатлениям, не думаю, что будет справедливо отвлекаться от проекта Гарварда – как по отношению к Гарвардскому университету, так и по отношению к самому делу, пока проект Гарварда находится еще на стадии формирования… Лично я могу считать себя в чем-то человеком Гарварда, поскольку являюсь председателем одной из их инспекционных комиссий. Кроме того, Гарвард окончили многие

мои близкие родственники. Поэтому, даже если бы не было других причин, мне не хотелось бы, по крайней мере в ближайшее время, предпринимать никаких шагов, которые до некоторой степени мешают уже осуществляемым планам Гарварда по учреждению более крупного Музея немецкой культуры».

После слияния нескольких фондов Нью-йоркская публичная библиотека стала одной из самых выдающихся муниципальных библиотек в мире, и в 1897 г. обсуждалась возможность создания при ней отдела семитской литературы. Шифф предложил финансировать такой отдел – при условии, что заведовать им поставят компетентного человека. Условие было принято, и он продолжал помогать расширять этот отдел всякий раз, когда руководство библиотеки извещало его о своих потребностях.

В 1909 г. Шифф приобрел 371 акварельную иллюстрацию Библии работы Джеймса (Жака-Жозефа) Тиссо, французского художника, умершего в 1902 г. Шифф решил подарить коллекцию Нью-Йоркской публичной библиотеке, о чем написал доктору Джону С. Биллингсу: «Я уже говорил Вам, что купил рисунки Тиссо, потому что не хотел, чтобы эти ценные и поучительные иллюстрации к Ветхому Завету рассеялись и таким образом лишились своей большой образовательной ценности в целом для нашего и следующих поколений.

Я намерен подарить коллекцию Нью-Йоркской публичной библиотеке, при условии, что вначале будет устроена общая выставка в новом здании в те сроки, которые определят попечители, после чего коллекцию надлежит разделить на части, разослать в читальные залы филиалов и разместить так, чтобы читатели имели возможность подробно рассматривать их. Время от времени части коллекции следует менять местами между разными филиалами, чтобы в конечном итоге в каждом филиале можно было видеть всю коллекцию».

Герберт Патнэм, заведующий Библиотекой конгресса, одно время склонялся к мысли, что при библиотеке следует создать отделение иудаики и гебраики, хотя было маловероятно, чтобы такое отделение можно было учредить из обычных ассигнований конгресса. В 1912 г. случилось так, что в руках Эфраима Дейнарда, известного коллекционера, оказалась библиотека из почти 10 тыс. книг и брошюр, собранных за много лет в различных частях света. Патнэм привлек внимание Шиффа к этой коллекции, и Шифф, посоветовавшись с несколькими друзьями, решил приобрести коллекцию и передать ее в дар

Библиотеке конгресса. Через две недели после письма Патнэма Шифф ответил:

«15 апреля 1912 г.

Уважаемый мистер Патнэм!

Теперь я могу сказать, что готов поддержать Ваше желание приобрести библиотеку мистера Дейнарда на самых выгодных для Вас условиях и передать ее от моего имени Библиотеке конгресса.

Мне сообщили, что, хотя одни части библиотеки Дейнарда можно назвать сравнительно законченными, другие нуждаются в дополнениях, и для того, чтобы коллекция стала более внушительной, требуется найти недостающее. Поиски должен вести компетентный ученый, знакомый с иудейской литературой и библиографией. По мнению людей сведущих, без такого попечителя и регулярных ассигнований на пополнение коллекции ценность ее приобретения значительно уменьшится. Благодаря этому совету, который, не сомневаюсь, Вы сочтете верным, я хотел бы, перед тем как приобрести коллекцию и передать ее в дар, поставить следующее условие. Библиотека конгресса должна назначить специального человека для каталогизации и классификации данной коллекции и дополнений к ней, чтобы она была доступна для ученых. Такому человеку недостаточно быть просто составителем каталога; он должен быть настоящим ученым-иудаистом и библиографом, который будет и лично, и через посредство коллекции достойно представлять еврейских ученых в коллективе Библиотеки конгресса.

Судя по всему, дар, который я готов сделать… библиотеке, будет рассматриваться как начало, и ежегодно из бюджета библиотеки будет выделяться определенная сумма для расширения и сохранения коллекции. В таком случае позже, если возникнут особые обстоятельства, я сумею дополнить регулярные ежегодные ассигнования вкладами в помощь содержания коллекции, дабы она поддерживалась в том состоянии, какой хотим ее видеть мы с Вами…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

В ноябре 1913 г. Патнэм спросил Шиффа, не желает ли он приобрести вторую коллекцию, состоящую более чем из 4 тыс. томов. На эту просьбу Шифф также ответил согласием.

Отчеты Библиотеки конгресса за 1912 и 1914 гг. содержат подробные описания двух коллекций; в обоих случаях дар Шиффа назван самым важным приобретением года.

Американская школа восточных исследований в Иерусалиме привлекла к себе внимание Шиффа еще в 1900 г., когда он стал ее

спонсором. В 1901 г. он согласился пожертвовать значительную сумму в фонд школы при условии, что столько же внесут и другие спонсоры, но, поскольку другие суммы не поступили, соглашение было аннулировано. В 1908 г. он выступал против того, что у школы нет постоянного директора, а временные директора, назначаемые на годичный срок, часто отсутствуют в школе. Попечители полностью согласились с его замечаниями; после его критики состояние школы значительно улучшилось.

В то время, когда его сын был студентом Амхерста, Шифф завязал личные отношения с президентом колледжа Мерриллом Э. Гейтсом. В 1894 г. Шифф учредил ссудный фонд для помощи достойным студентам Амхерста. В письме Гейтсу можно увидеть следующее доказательство его тактичности: «Хотя мой сын прочел Ваше первое письмо и я обсуждал с ним его содержание, по здравом размышлении я решил, что лучше не знакомить его с предпринятыми мною действиями, чтобы он не думал, что тот или иной его сокурсник является получателем моего филантропического дара. Это может спасти от неловкости его и других».

В 1911 г. пошли слухи, что Шифф намерен сделать пожертвование университету во Франкфурте-на-Майне, его родном городе. 22 июня он писал президенту Элиоту: «Опубликованное утверждение, будто я собираюсь сделать пожертвование университету во Франкфурте-на-Майне, не имеет под собой абсолютно никаких оснований. Скорее всего, источник подобных слухов в том, что около девяти месяцев назад я действительно обещал поучаствовать в создании кафедры, которую собираются основать несколько состоятельных граждан Франкфурта, поставив, однако, условием, что вопрос вероисповедания не должен учитываться при выборе профессорско-преподавательского состава. Далее этого я не пошел, да и не собирался жертвовать крупную сумму на образовательные или альтруистические цели в Европе, когда страна, которая усыновила меня, которой я всем обязан, нуждается для этих целей в больших средствах, чем способен предложить отдельный человек».

Он охотно откликнулся на предложение сделать вклад в фонд строительства Миддлсекской школы, где учились несколько его внуков.

Колледж Купер Юнион в Нью-Йорке также привлек внимание Шиффа; дружба с Абрамом С. Хьюиттом подвигла его предложить несколько стипендий по случаю восьмидесятилетия Хьюитта в 1902 г. На следующий год, при участии Уильяма Э. Доджа, Шифф сделал пожертвование в фонд памяти Хьюитта и наводил справки

о возможности создания в колледже его музея. Он как драгоценность хранил медаль, посланную ему дочерью Хьюитта, в ознаменование пятидесятой годовщины основания колледжа, и в одном случае назвал его «главным благодеянием города».

Одним из нескольких научных обществ, членом которого был Шифф и к работе которого он проявлял большой интерес, была Американская академия политических и общественных наук.

В разное время его внимание в той или иной степени привлекали многие вопросы научного и общечеловеческого характера. В 1891 г., когда У.В. Рокхилл, позже сделавший блестящую дипломатическую карьеру, предпринял научную экспедицию в Тибет, Шифф оплатил часть расходов. Впоследствии Смитсоновский институт опубликовал дневник Рокхилла. Начиная с 1900 г. Шифф проявлял интерес к экспедиции в Китай, предпринятой от имени Американского музея естественной истории доктором Бертольдом Лауфером. При участии Морриса К. Джесапа, президента музея, он в 1905 г. учредил фонд в помощь арктической экспедиции Р.Э. Пири.

Интересный случай, отражающий отношения Шиффа и Джесапа, связан с предложением, сделанным последним, подарить Зенкенбергскому музею естественной истории во Франкфурте, одному из старейших и знаменитых естественнонаучных учреждений в мире, скелет большого динозавра, обнаруженный в 1899 г. в Вайоминге. Скелет был более 62 футов длиной и 12 футов высотой. 1 февраля 1906 г. Шифф писал:

«Уважаемый мистер Джесап!

Я только что получил Ваше вчерашнее письмо, в котором Вы предлагаете подготовить, собрать и подарить динозавра, о котором шла речь на недавних переговорах и в нашей переписке, Зенкенбергскому музею в городе Франкфурт-на-Майне.

Сделанное Вами предложение отличается неслыханной щедростью и, более того, является такой огромной честью для меня, что я не знаю, как выразить свою благодарность Вашему великодушию. Но, пользуясь привилегией многолетней близкой дружбы с Вами, я стал, до некоторой степени, знаком с Вашей дальновидной и умной гражданственностью, а также изяществом и доброжелательностью…

Пересылаю Ваше письмо руководству Зенкенбергского музея естественной истории Франкфурта-на-Майне, которое, получив Ваш особенно ценный дар, несомненно, выразит Вам благодарность в подходящей форме…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Джесап написал директору музея во Франкфурте: «Сделать такой подарок меня побудил не только давний интерес к распространению научных знаний и сочувствие к любым усилиям образования и возвышения широкой публики, но также и мое личное глубокое уважение к мистеру Шиффу, который неустанно трудится на благо моего родного города, однако сохранил в сердце и любовь к Франкфурту, городу, в котором он родился».

В письме от 1 февраля Шифф отмечал, что хотел бы поучаствовать в подарке, а поскольку Джесап настаивал на том, чтобы кости были очищены и собраны в скелет, он попросил разрешения оплатить доставку скелета из Нью-Йорка во Франкфурт. В связи с транспортировкой возникало множество досадных помех, не последней из которых стала необходимость сноса части стены во франкфуртском музее, чтобы огромный скелет можно было внести в здание.

Глава Американского музея естественной истории, профессор Генри Ф. Осборн, устроил выставку динозавров и провел частный показ для друзей музея. Шифф также был в числе приглашенных, но его задержало важное дело, поэтому на следующий день, 17 февраля 1905 г., он в письме выражал свое сожаление и добавлял: «Поскольку останки этих млекопитающих, насколько я понял, хранились несколько миллионов лет, не сомневаюсь, что они просуществуют еще некоторое время, во всяком случае до тех пор, пока у меня не появится возможность посетить музей и осмотреть их, что я надеюсь скоро и сделать».

В 1897 г. его избрали членом правления Нью-Йоркского зоологического общества. В 1901 г. при его помощи был создан фонд для выделения участка под зоопарк Бронкса, где теперь находится замечательный зоологический сад. Он выразил свое удовлетворение, когда средства были собраны, и выказывал неослабевающий интерес к пополнению коллекции Общества. Когда казначей попросил его о содействии в покупке животных для нового львятника, Шифф написал: «По-моему, единственным животным, какое в настоящее время я могу приобрести на имеющиеся в моем распоряжении средства для закупки диких животных, является самец индийского леопарда, но, поскольку я не желаю ассоциироваться с таким хищным зверем, думаю, что лучше внесу эквивалент этой суммы в общий фонд».

В связи с широкими интересами Шиффа и разнообразием дел, в которых он участвовал, следует упомянуть об учреждении исследовательского института во Франкфурте. На эту тему Шифф переписывался с Касселем и советовался с д-ром Саймоном

Флекснером. Особый интерес представляет следующий отрывок из письма Касселю от 12 января 1914 г.: «Пишу главным образом для того, чтобы рассказать о совещании, какое мы вчера провели с доктором Флекснером. Профессор Эрлих подробно сообщил ему о своем замысле, относительно которого Вы любезно мне телеграфировали. Очевидно, планы, о которых пишет профессор Эрлих, слегка отличаются от тех, которые обсуждались первоначально… Профессор Эрлих предлагает основать во Франкфурте институт, где будут проверять теорию, согласно которой, посредством сравнительного изучения окраски клеток человеческого организма, можно выделить зародыш рака и сходных болезней и найти подходящую сыворотку. (То, что я пишу сейчас, возможно, не совсем точно, но, по крайней мере, так я его понял и считаю, что замысел в общих чертах именно таков.)

По мнению профессора Флекснера, профессор Эрлих, величайший авторитет в своей области… и вполне возможно, что, получив средства для всестороннего исследования своей теории, о которой я упомянул выше, применит полученные результаты для лечения многих болезней. Впрочем, отвечая на мои вопросы, профессор Флекснер откровенно сказал: даже если исследования завершатся успехом – а он считает, что вероятность успеха под руководством профессора Эрлиха весьма велика, – пройдет достаточно много лет, прежде чем можно будет ожидать каких-нибудь практических результатов; и если профессор Эрлих по какой-либо причине не сможет довести свою работу до успешного завершения, весь проект может окончиться вовсе безрезультатно.

Если всю сумму, то есть 60 тыс. марок в год, которую просит профессор Эрлих для своего института, удастся собрать за короткий срок, я, со своей стороны, готов делать ежегодный взнос».

Шифф, который часто путешествовал и видел великие коллекции произведений искусства и красоты природы, высоко ценил прекрасное. По мере того как росло его благосостояние, он окружал себя картинами и скульптурами как в своем городском доме, так и в загородном имении. Он не был коллекционером в точном смысле слова; и все же ему нравилось, когда его окружали красивые вещи. В некотором смысле его можно считать покровителем искусства, потому что он не только покупал произведения мертвых мастеров, но делал заказы живым художникам.

В 1883 г. он стал покровителем музея «Метрополитен»; начиная с этого времени, а может быть, и раньше, он часто делал музею подарки, в число которых входили как произведения живописи, так и скульптуры. В ноябре 1905 г. он оплатил

стоимость выставки японских «знаков отличия» и медалей, организованной японским правительством.

Глава 13

Шифф не был сторонником строжайшего соблюдения ритуалов ортодоксального иудаизма, хотя вырос в религиозной семье. Однако он искренне любил иудаизм, был истинно верующим, хотя со временем, скорее всего, под влиянием раввинов реформистского крыла, под чье влияние он попал по приезде в Америку, он склонился к реформам. Однако, во многом из-за присущей ему самостоятельности суждений, он находил трудным следовать образу действий, предписанному кем-то другим, и разработал особый кодекс поведения, который сочетался бы с его собственными представлениями.

Шифф соблюдал субботу, и хотя не выставлял свою веру напоказ, никогда не стеснялся сообщить об этом. Президенту железнодорожной компании «Луисвилл – Нэшвилл», который пригласил его в инспекционную поездку, он 31 октября 1887 г. написал, что будет очень рад присоединиться к поездке, но отметил, что, по расписанию, они проведут в пути две субботы; если удастся устроить остановку до вечера субботы, он с радостью отправится в поездку.

Впрочем, о Боге и религии ему напоминали не только субботы, новолуния или церковные праздники. Каждое утро в условленное время он молился. Произносил благодарственную молитву после трапезы. Не ел запрещенную пищу. Кроме того, Шифф придерживался такого высокого мнения о святости синагогальной службы, что возражал против сбора средств в «День искупления» – Йом Киппур – даже перед лицом большой катастрофы.

В ответ на приглашение посетить ежегодное собрание еврейской филантропической организации, которое устраивали в субботу, он написал: «Новшество, и не слишком хорошее, проводить ежегодное собрание еврейского учреждения в субботу, что определенно вызовет критику – *причем критику справедливую.* Придем ли мы на ежегодное собрание, будет зависеть от заверения, которое я хотел бы получить в первую очередь, что на собрании не будут вестись никакие записи и что мы обойдемся одними устными переговорами».

Более того, он не имел обыкновения писать письма в субботу; в священный для иудеев день он не просматривал почту, имевшую какое-то отношение к делам, и не позволял зачитывать ему биржевые котировки. В синагогу он обычно ходил пешком, следуя, таким образом, традиционному запрету пользоваться автомобилем в субботу. Свою связь с древней традицией,

несмотря на любовь ко всему новому, он описал в послании писателю И. Зангвиллу от 17 октября 1905 г., получив от него новое издание махзора (традиционного молитвенника, содержащего молитвы на праздники), для которого Зангвилл перевел ряд обрядовых стихов: «С радостью получил я Ваше письмо, а также махзор, который пришел вовремя и позволил мне следовать красивому тексту в часы молитвы на Йом Киппур. Несмотря на… орган, хор и молитвы, изложенные современным языком… знакомые слова древнего молитвенника даже сейчас обладают для меня странной притягательностью, воспоминания о детстве и окружении становятся столь отчетливыми, и я поэтому должен самым сердечным образом поблагодарить Вас за те счастливые часы, которые Ваша добрая забота обеспечила мне в дни поста».

Трогательное свидетельство его веры получило подтверждение после смерти его зятя, Морриса Лёба, который скончался 8 октября 1912 г., в сравнительно молодом возрасте. Его кончина стала для Шиффа источником большого горя, и один друг, выражая ему свои соболезнования, написал: «Такие события порождают атеистов и агностиков и наполняют горечью думающих людей против «неисповедимых путей Провидения».

На это Шифф возразил: «Правда, иногда кажется, будто добро и справедливость сводятся к нулю, но пути Господни всегда правильны. Законы природы невозможно изменить ни для кого, иначе начнется хаос, и даже если мы молимся Богу, чтобы Он услышал нас и сделал для нас то или это, мы молимся ради нас самих, чтобы укрепить себя, а не ради Всевышнего. Простите, если Вам покажется, будто я Вам выговариваю, ибо это не входит в мои намерения; я лишь делюсь с Вами своими чувствами, которые в течение жизни не раз придавали мне силу и мужество во многих невзгодах».

Интересное впечатление о силе его убеждений можно найти у Пола Д. Кравата: «Те, кто часто общался с мистером Шиффом, даже по делам… не могли не ощущать силу его веры и той степени, в какой вера служила источником вдохновения и вела его во всех повседневных делах. Никто не может утверждать, что хорошо знал его, даже в делах, не понимая, что он был человеком в высшей степени религиозным и что его вера пронизывала все сферы его жизни и влияла на них. Такое наблюдение можно сделать не о многих людях, с которыми сталкиваешься в деловой и профессиональной жизни. Многие объявляют себя верующими, однако на Уолл-стрит редко можно найти истинно религиозных людей».

Как-то Шиффа попросили написать об американском

иудаизме, и в своем ответе он не соглашается с подобной формулировкой. По его словам, он различал ортодоксальный и реформаторский иудаизм и приветствовал обе ветви. Он часто цитировал Священное Писание: «…о, если бы все в народе Господнем были пророками»[36].

Шифф относился к приходу «Эману-Эль». Одно время он призывал прихожан и попечителей участвовать в движении, которое он называл «возрождением иудаизма». Он поддерживал существовавшую при синагоге службу помощи. Он с удовольствием участвовал в украшении храма. По случаю конфирмации сына в июне 1891 г. они с супругой подарили храму два красивых канделябра. В 1910 г. он подарил бронзовые двери для священного ковчега. Кроме того, Шифф часто посещал синагогу «Бет-Эль», где у него имелось свое место. Летом, находясь в Нью-Джерси, он посещал службы в городе Лонг-Бранч.

Он живо участвовал в делах Союза американских еврейских конгрегаций (его реформистского крыла) и некоторое время входил в состав его исполнительного комитета. В 1912 г. он сделал щедрый взнос на развитие синагог и школ. В 1907 г. он посетил съезд в Балтиморе, где произнес речь. Он неоднократно делал крупные пожертвования еврейскому колледжу, который находился на попечении Союза.

Во время пожара в Сан-Франциско Шифф внес большой вклад в фонд, собиравшийся Американским еврейским комитетом для нужд еврейской общины Сан-Франциско, проявив особый интерес к воссозданию разрушенных синагог. Обычно отказываясь принять участие в сооружении синагог в крупных общинах, он охотно помогал общинам поменьше, после того, как выяснял, что жители тех или иных городков уже предприняли все, что в их силах.

Шифф часто старался обеспечить своих единоверцев возможностью для соблюдения тех религиозных обрядов, которых он неукоснительно придерживался сам. Вот всего лишь несколько примеров. В июле 1916 г., когда профсоюзы швейников и производители верхней одежды заключили между собой новые соглашения, к нему пришла делегация раввинов, которые просили его использовать свое влияние и по возможности установить пятидневную рабочую неделю, чтобы у рабочих-иудеев была возможность соблюдать субботу. Шифф тут же обсудил данный вопрос с Моррисом Хиллквитом, указав на различные преимущества такого плана, а также на то, что в его поддержку высказались многие предприниматели.

В другом случае, когда речь шла всего об одном человеке, мальчике-посыльном, которого уволили из-за того, что он

отказался выйти на работу в еврейский Новый год, он подал прошение управляющему компанией, чтобы мальчика восстановили на службе, присовокупив: «Позвольте напомнить, как трудно заставлять мальчиков, в которых столь необходимо поддерживать уважение к их вере, преодолеть сомнения и работать в те два дня, которые, по догматам их религии, являются святейшими из святых».

Широта его взглядов на религию позволила ему признать достоинства реформистских течений внутри иудаизма, а также движений за его пределами, хотя он часто и не соглашался с ними. Так, делая добровольный взнос на строительство одного из зданий Общества этической культуры, 16 мая 1899 г. он писал Феликсу Адлеру: «Вернувшись из Европы, я узнал, что Вы купили землю с целью размещения на ней Общества этической культуры и родственных ему учреждений и что собираются средства на выкуп участка и строительство. Хотя, как Вам известно, мы отличаемся друг от друга способами, которые вызывают в памяти славное время, которое лучше всего выражено словами из Священного Писания: «…и тот день будет Господь един, и имя Его – едино»[37], я охотно признаю, что Общество этической культуры, которому Вы посвятили свою жизнь, успешно содействует приближению этого славного дня».

Он приветствовал деятельность Армии спасения, которая, по словам Эванджелины Бут, «гордилась тем, что числила его среди самых своих искренних и верных друзей».

Джону Дж. Агару, который, очевидно по ошибке, послал ему письмо с предложением сделать взнос в фонд помощи Международному конгрессу григорианского пения, Шифф написал: «Ваше письмо от 22 числа текущего месяца, которое я получил вчера и в котором Вы пишете: «Уверен, что каждый католик почтет за честь внести пожертвования в этот фонд», очевидно, отправлено мне по ошибке, так как я имею преимущество быть евреем, но моя религия не мешает мне обратить внимание на Вашу просьбу и сделать взнос на такое благое дело, ибо если и есть что-то католическое в общем смысле слова, то им, безусловно, является музыка, а также религия, ибо ее истинная цель всегда одинакова во всех конфессиях, в чем вы, несомненно, согласитесь со мной. Как говорится, на вершине горы сходятся все тропы».

По разным поводам Шифф с супругой жертвовали деньги на постройку общежитий Христианской ассоциации молодых людей и Христианской ассоциации молодых женщин. Вместе с тем он, не колеблясь, резко высказывался по поводу методов, применявшихся христианскими миссионерами для обращения

евреев. Особенно он возражал против насильственного обращения в христианство во время заселения жилых кварталов в Ист-Сайде.

Воспитание Шиффа, его глубоко религиозное сознание, частые утверждения, что он чувствует себя евреем скорее по вере, чем по происхождению, естественно, способствовали его предрасположенности к еврейским образовательным учреждениям, особенно таким, где готовили раввинов и учителей.

В обособленных еврейских общинах, возникших в Соединенных Штатах в более раннее время – их насчитывалось около 3 тыс. в колониальные времена и, возможно, не более 15 тыс. в 1848 г., – невозможно было содержать подобные учреждения. В 1867 г. в Филадельфии основали колледж, получивший название «Колледж Маймонидов», однако в 1873 г. он закрылся. В 1876 г. в Цинциннати основали Колледж еврейского союза. Это учебное заведение было основано Союзом американских еврейских конгрегаций, и за созданием обоих учреждений стоял Исаак М. Вайс. Многие надеялись, что эта организация и колледж объединят всех американских евреев; там будут готовить раввинов, которых с радостью примут в различных конгрегациях. Подобный замысел, естественно, с самого начала привлекал Шиффа.

Он поддерживал колледж различными подарками, сумма которых росла по мере того, как росли потребности учебного заведения. После смерти Вайса создали мемориальный фонд, в котором принял участие и Шифф. В 1903 г., когда президентом колледжа стал Кауфман Колер, Шифф воспользовался случаем и учредил стипендию имени Колера; он помогал также в начатой в 1911 г. строительной программе. Его интерес к колледжу укрепился в годы президентства Колера, раввина конгрегации «Бет-Эль» в Нью-Йорке, с которым Шиффа связывала близкая дружба.

Вопросом о пенсиях для иудейских священнослужителей и работников образования в Америке Шиффа заинтересовал раввин Джозеф Штольц из Чикаго, председатель специальной комиссии, созданной Союзом американских еврейских конгрегаций. Шифф сразу же заявил о своем отношении в письме из Бар-Харбор от 11 августа 1916 г.:

«Уважаемый рабби Штольц!

Доклад специальной комиссии о создании Фонда пенсий по старости, который Вы мне послали, я прочел с пристальным вниманием… Целиком и полностью сочувствую вопросам, которые в нем затрагиваются, и жалею лишь об одном, что фонд, о котором идет речь, не был создан уже давно. Для американских

евреев должно служить постоянным упреком то, что они не подумали о создании такого фонда раньше.

В связи с Вашим предложением сменить название фонда: возможно, оно должно быть более выразительным. Позвольте предложить нечто вроде «Фонда для вышедших на пенсию священнослужителей и деятелей образования». Людям светским такое название позволит лучше понять, какова истинная цель фонда. Кроме того, подобное название будет означать, что собранные фондом материальные блага достанутся всем, кто имеет на то право, без различия между сторонниками ортодоксального иудаизма и реформизма. Со своей стороны выражаю желание внести некоторую сумму в фонд предварительных расходов. Буду рад узнать, сколько, по Вашему мнению, требуется на покрытие предварительных расходов; когда придет время, почту за честь внести свой вклад в фонд…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

10 января 1917 г., на свое семидесятилетие, он послал Дж. Уолтеру Фрейбергу, президенту Союза американских еврейских конгрегаций, чек на 100 тыс. долларов, чтобы положить начало фонду в соответствии с планами, разработанными комиссией.

Сабато Мораис из Филадельфии, священнослужитель конгрегации выходцев из Испании и Португалии, совместно с Г. Перейра Мендесом, раввином испанской и португальской конгрегации Нью-Йорка, учредили еврейскую теологическую семинарию в Нью-Йорке, высшее религиозное учебное заведение отчетливо консервативного направления. Хотя Шифф отождествлял себя с реформистским течением, тем не менее он придерживался многих традиций исторического иудаизма, а широта его кругозора и особый интерес к Нью-Йорку, а также восхищение теми, кто встал во главе движения, предрасполагали к тому, чтобы он помогал новой семинарии.

Семинария была организована в 1886 г., а открыла свои двери в 1887 г., укрепив свои позиции тем, что в числе ее преподавателей появился Александр Когут, известный раввин и ученый. Первоначально занятия проходили в помещениях колледжа «Купер Юнион» и в других местах. Когда решено было приобрести собственное здание, Шифф предложил оплатить значительную часть покупки. В разные времена в начале существования семинарии возникали финансовые кризисы, поскольку учреждение не получало постоянных взносов и поддерживалось от случая к случаю. Когда обращались к Шиффу, он неизменно оказывал помощь; но потребности семинарии были

скромными, а предоставляемые суммы небольшими.

В мае 1897 г. скончался Мораис, а вскоре после него умер и президент совета попечителей Джозеф Блюменталь. Исполняющим обязанности президента стал Адольфус С. Соломоне, известный житель Вашингтона, который почти все свое время проводил в Нью-Йорке. Именно Соломоне привлек внимание Шиффа к необходимости укрепить семинарию. Поскольку до тех пор семинарию поддерживала ассоциация, основанная на добровольных взносах и подписках, а управлял ею совет попечителей, состав которого менялся произвольно, решено было учредить корпорацию и своего рода трастовый фонд, который разумно распоряжался бы средствами. Поэтому в 1901 г., после переписки, дома у Шиффа состоялось совещание, на котором он предложил учредить постоянный фонд для пожертвований и внес туда первый взнос в размере 100 тыс. долларов. Леонард Девисон предложил выделить на те же цели 50 тыс. долларов. Мейер Салзбергер предложил подарить семинарии свою библиотеку. На следующий день Даниэл Гуггенхайм и его братья дали в фонд 50 тыс. долларов. С таким ядром вновь основанная корпорация почувствовала себя достаточно сильной, чтобы предложить слияние предыдущей ассоциации. Так возникла нынешняя Еврейская теологическая семинария Америки.

Реорганизация учебного заведения заняла несколько лет. В числе прочего попечители пригласили деканом Соломона Шехтера, тогда преподавателя средневекового варианта древнееврейского языка в Кембриджском университете в Англии. Шехтер был блестящим ученым и выдающейся личностью, и создатели семинарии возлагали на него большие надежды. В 1899 г. Шифф предложил выделить особые средства с целью привлечения на работу Шехтера. Последний прибыл в Нью-Йорк весной 1902 г.; в его честь Шифф устроил у себя дома торжественный прием. Между ними возникли прочные узы дружбы и привязанности, что не мешало им часто спорить, поскольку оба привыкли откровенно выражать свои взгляды.

Сделав первый дар, Шифф предпринимал другие шаги, доказывающие его внимание к учреждению, с которым он был неразрывно связан, так как его выбрали «пожизненным директором». Он купил участок на Сто двадцать третьей улице, и там за его счет построили здание. Он счел необходимым увеличить ассигнования до 500 тыс. долларов и лично предложил добавить 175 тыс. долларов, которых не хватало до нужной суммы, при условии, что данную сумму можно будет собрать в оговоренный им срок. Сумма была собрана.

Он не ограничивался тем, что предоставлял средства, но постоянно поощрял и стимулировал тех, кто был занят реорганизацией семинарии. Постройка здания требовала его пристального внимания. В переписке с архитектором он призывал не экономить, написав: «Не желаю ничего делать наполовину».

О его почтении к ученым свидетельствует история с приобретением книг и рукописей д-ра Моритца Штейншнейдера в 1898 г. Шифф понял, что Штейншнейдеру, которому шел 83-й год, можно было бы жить гораздо комфортнее при наличии постоянного дохода. Поэтому он договорился купить у Штейншнейдера библиотеку на том условии, что последний будет по-прежнему владеть ею при жизни, а он, Шифф, вступит во владение библиотекой после его смерти. Обсуждая подробности сделки, Шифф 5 октября 1898 г. писал Штейншней-деру: «Поскольку все мы в руках Божиих и может статься, что Вы переживете меня, я предпочел бы решить вопрос как можно скорее».

Он позаботился о следующем условии: какая бы библиотека ни получила собрание книг Штейншнейдера, она должна называться «Коллекцией Штейншнейдера». Именно в таком виде коллекция сейчас входит в библиотеку Еврейской теологической семинарии. В 1914 г. Шифф договорился о покупке большой библиотеки барона Гюнцбурга из Санкт-Петербурга, но начало войны помешало доставке книг, и позже они попали в другие руки.

На свое семидесятилетие, 10 января 1917 г., Шифф раздал ряд щедрых денежных пожертвований. Среди них был дар в 100 тыс. долларов Еврейской теологической семинарии. В то время Шифф писал: «Хотя я предпочел особо не оговаривать этот взнос, должен заявить, что в первую очередь мною двигало желание предоставить семинарии возможность платить сравнительно разумное жалованье профессорско-преподавательскому составу».

Он заботился не только о благосостоянии семинарии в целом: он высоко ценил тех, кто там работал, а с некоторыми преподавателями завязал тесные дружеские отношения. Его очень привлекал Когут и та задача, которую он возложил на себя: редакция и издание современной версии «Аруха», лексикона Талмуда, созданного Натаном бен-Иехиэлем Римским в XI в. Этот труд Когут расширил до шести томов, дополнив его современным филологическим аппаратом. В своей автобиографии «Мое приданое» Ребекка Когут вспоминает много любопытных случаев, связанных с трудом ее выдающегося мужа. Помимо материальной помощи, Шифф оказывал Когуту, упорно работавшему несмотря на нездоровье и многочисленные дела, большую моральную

поддержку. В 1889 г., когда рукопись была завершена, устроили трехдневный праздник. На третий день в доме Когута собрались друзья. Среди прочих речь произнес и Шифф. Он не только дал деньги на публикацию, но и стал казначеем фонда и лично собирал средства по подписке.

Шифф и Шехтер часто ходили друг к другу в гости и вели дискуссии по многим вопросам. Вопреки обыкновению, Шифф в 1910 г. согласился принять посвящение на двухтомном труде Шехтера о еврейских сектантах.

Он поздравил Шехтера с получением степени доктора литературы в Гарвардском университете; в том же письме он пишет о других интересных вопросах:

«Кёнигштайн/Таунус, 28 июня 1911 г.

Дорогой доктор Шехтер!

Получил Ваше письмо от 7 июня и рад узнать, что Гарвард присвоил Вам степень доктора литературы. В данном случае честь оказана и получателю, и дателю, и я особенно рад, что Вы стали доктором именно в Гарварде, потому что, как Вы прекрасно знаете, Гарвардский университет особенно близок мне, и я согласился стать председателем его Семитской комиссии.

В прошлое воскресенье, когда мы проезжали через Мюнхен, я показал Ваше письмо моему зятю, Джеймсу Лёбу. Он очень рад той чести, какую оказала Вам его альма-матер, как и мой брат Филипп, которого мы встретили здесь вчера и который также хранит о Вас самые теплые воспоминания…

Около трех недель назад, находясь в Берлине, я провел несколько совещаний по еврейским делам с друзьями; осенью, когда мы снова встретимся, если Богу будет угодно, я расскажу Вам о них подробнее. Меня удостоил аудиенции кайзер, что было весьма интересно; во время беседы мы коснулись многих вопросов; осенью я и об этом расскажу Вам подробнее…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Шифф всегда заботился о благосостоянии студентов; почти с самого начала существования Еврейской теологической семинарии по его инициативе был создан внушительный ссудный фонд. Ирвинг Леман, тогда молодой адвокат, а теперь судья апелляционного суда в Олбани, стал самым молодым членом совета директоров, и Шифф вызвался передать фонд в руки Лемана, если тот представит ему четкий план по использованию средств на благо студентов.

Его интерес к семинарии проявлялся во многих мелочах. Он

часто приезжал туда с визитами. Кроме того, он с готовностью поддержал традицию домашних ужинов, которую ввел Шехтер в надежде, что когда-нибудь у семинарии появится общежитие и студенты и даже преподаватели будут, по английской университетской традиции, питаться «в общем зале». Шифф всегда присутствовал на церемониях присвоения ученых степеней и вручения дипломов, кроме тех случаев, когда находился за границей, и время от времени произносил речи. Хотя дипломы обычно вручались в июне, когда Шифф с семьей переезжал в Си-Брайт, он, даже будучи в преклонном возрасте, ехал в Нью-Йорк и возвращался обратно в ту же ночь. Встречи совета директоров проводились у него дома, за большим столом в его кабинете, который был свидетелем многих важных встреч, посвященных филантропии и образованию. Своих гостей он всегда принимал очень радушно и окружал удобствами.

В дополнение к денежным взносам в фонд семинарии, библиотеки и строительства Шифф ввел простую практику борьбы с дефицитом. Когда казначей называл недостающую сумму – цифры с каждым годом увеличивались, – Шифф писал карандашом на листке из блокнота: «Согласен внести… долларов для покрытия данного дефицита». Сумма, которую он вписывал, обычно равнялась половине общей суммы. Затем он пускал листок по кругу среди других членов совета директоров, которые, как он считал, готовы были присоединиться к нему, и возвращал блокнот председателю с щедро предоставленной суммой.

В хартии Еврейской теологической семинарии, среди прочих целей, указывалась подготовка учителей для еврейских религиозных школ. Курсы подготовки учителей появились при семинарии в 1904 г. и находились в здании на Сто двадцать третьей улице, но спустя несколько лет стало ясно: из-за большого расстояния от других районов города и из-за того, что учительские курсы считались чем-то второстепенным по сравнению с основным раввинским курсом, результат оказался не столь удовлетворительным, как надеялись основатели. Чтобы исправить положение, Шифф создал специальный траст. Хотя в первую очередь он хотел покончить с нехваткой учителей в Нью-Йорке, он также имел в виду родственное учебное заведение в Цинциннати, и созданный им фонд, известный как «Фонд в поддержку еврейских учительских колледжей», был передан под управление попечителей, двое из которых должны были жить «к востоку от Аллеганских гор» и один – «к западу от Аллеганских гор». Шифф внимательно и заботливо следил за работой двух этих учреждений. Хотя он отказался входить в совет попечителей, он всегда встречался с ними, читал присылаемые ему отчеты,

подтверждая их получение, и принимал самое деятельное участие в работе обоих учебных заведений. Каждый год он переводил крупные суммы быстро растущему Учительскому институту в Нью-Йорке и призывал своих знакомых жертвовать средства на те же цели.

Движение за создание Еврейской ассоциации молодых людей пользовалось его всемерной поддержкой, особенно в Нью-Йорке, начиная с 1879 г. В 1884 г. его ввели в состав правления нью-йоркского отделения; особый интерес он выказывал к литературному обществу и другим образовательным проектам ассоциации. 10 января 1897 г., на свое пятидесятилетие, он решил сделать ассоциации подарок: построить здание, в котором оно впоследствии находилось много лет, на углу Девяносто второй улицы и Лексингтон-авеню. Здание было достроено и торжественно открыто 30 мая 1900 г.

Он оказывал большую помощь в строительстве здания Еврейской ассоциации молодых женщин на Сто десятой улице, в чем принимала участие также его дочь, жена Феликса М. Варбурга. Даже движение за образование Национального совета молодежных еврейских ассоциаций, которое позже инициировал его зять Феликс Варбург, судя по всему, зародилось в его голове. 22 июля 1907 г. он писал Персивалю С. Менкену: «Мне кажется, что следует создать Национальную лигу еврейских ассоциаций молодых людей. По-моему, сейчас почти в каждом крупном городе Соединенных Штатов имеется Еврейская ассоциация молодых людей, и, по-моему, если эти ассоциации сумеют поддерживать прочные связи друг с другом, это будет способствовать распространению традиций среди молодого поколения американских евреев. Возможно, Вы и Ваши друзья подумаете над моими словами, и мы далее обсудим мое предложение, когда представится подходящее время».

Он активно поддерживал этот Совет, а также Еврейское благотворительное общество, отпочковавшееся от него в годы войны и позже ставшее его преемником.

В 1864 г. в Нью-Йорке возникла Ассоциация еврейских бесплатных школ, целью которой было дать бесплатное религиозное образование тем детям, чьи родители не имели возможности посылать их в школы при синагогах или нанимать частных учителей. Связь Шиффа с этим обществом началась еще до 1880 г., когда его выбрали директором. Впоследствии он разрабатывал план создать детский сад под покровительством ассоциации. Письмо от президента, Майера С. Айзекса, в 1884 г. свидетельствует о том, что уже в то время Шифф оказывал ассоциации значительные услуги.

По мере того как росло еврейское население Нью-Йорка, Шифф оказывал всемерную поддержку общинным еврейским религиозным школам, известным под названием «Талмуд Тора». 9 ноября 1903 г. он написал Максу Лабеткину, президенту школы «Талмуд Тора» на Восточном Бродвее, 225, что школа «сделает благое дело», если ее правление «сумеет открыть ряд филиалов». Через десять дней он писал: «Я намерен сделать взнос в размере 25 тыс. долларов на счет школы «Талмуд Тора» с целью приобретения дополнительного здания в другом районе, помимо Восточного Бродвея, для открытия филиала. Хотя я готов предоставить совету попечителей точный выбор места, где будет расположен филиал, советую разместить школу не в том районе, из которого сейчас к Вам приходит значительное число учеников».

Время от времени он инспектировал такие школы и не стеснялся с критикой, если был недоволен работой учителей и их методами. 7 января 1910 г. он позаботился еще об одной школе, так называемой «Талмуд Торе в верхней части города». Он предложил выкупить закладную и освободить правление школы от выплаты процентов на 10 лет. После этого срока закладная должна была быть погашена в соответствии с изложенными им условиями. Директора учебного заведения, приняв его предложение, спрашивали, не будет ли он возражать против того, чтобы религиозное обучение в школе велось по ортодоксальным канонам. На это Шифф с готовностью согласился.

Ему очень хотелось, чтобы еврейские бесплатные школы сотрудничали с Учительским колледжем при Еврейской теологической семинарии; он лелеял замысел создать целостную систему еврейского религиозного образования, которая состояла бы из начальной и средних школ, Учительского колледжа и высших учебных заведений.

Еще сорок лет назад очень трудно было найти изданную в Америке еврейскую книгу. Круг читателей был ограниченным, издатели не ждали для себя прибыли от издания таких книг, да и авторы не хотели рисковать. Раввин Абрам С. Айзекс, долгое время преподававший семитские языки в Нью-Йоркском университете, который, несомненно, и сам сталкивался с подобной трудностью, предложил Шиффу, чтобы тот создал фонд, который время от времени субсидировал бы издание достойных книг видными издательствами. Шифф готов был согласиться, когда возникла мысль о создании Еврейского издательского общества.

Общество образовалось 3 июня 1888 г., когда Шифф находился за границей; во время организационного заседания,

проходившего в Филадельфии, участникам зачитали присланную Шиффом телеграмму, в которой он вызывался сделать значительный взнос. Осенью, вернувшись в Нью-Йорк, он тут же создал в городе исполнительный комитет, занимавшийся выборами правления нового общества. В своей работе он тесно сотрудничал с Саймоном У. Розендейлом из Олбани, который председательствовал на организационном собрании. Шифф пригласил исполнительный комитет встретиться в Нью-Йорке и организовал встречу. Он объявил среди нью-йоркцев подписку – взнос составлял всего три доллара – и каждому подписчику отправил благодарственное письмо. Шифф часто искал предложения об издании и интересовался переводами трудов Карпелеса и Дубнова на английский язык и их публикацией силами Общества.

Одной из первых задач, с которыми столкнулось Общество, стала подготовка перевода Ветхого Завета на современный английский язык с новыми комментариями. К десятой ежегодной встрече, которую провели 22 мая 1898 г., работа продвинулась настолько, что требовались дополнительные средства. Издание очень заботило Шиффа, который 12 октября 1899 г. писал главному раввину Франции Задоку Кану: «Очень признателен Вам за то, что Вы любезно прислали выполненный Вами перевод Библии на французский язык. Я прочту его с большим интересом. К сожалению, в наше время все труднее передавать молодому поколению тот дух, пробудить который способна лишь Книга Книг, и потому вдвойне достойно признания – издать Библию в такой форме и на таком языке, чтобы она привлекала как старых, так и молодых. Мы в нашей стране столкнулись с такой же задачей – возможно, в более крупном масштабе – при публикации нового англоязычного издания всей Библии под еврейским покровительством. Возможно, Вас заинтересует прилагаемая брошюра, выпущенная в этой связи комитетом, председателем которого я являюсь».

Подготовка рукописи к изданию сопровождалась множеством проволочек и возобновилась в полном объеме лишь в 1908–1909 гг. В 1909 г. Шифф призывал тех, кто был связан с проектом, не впадать в уныние из-за трудностей, хотя сам признавал, что они значительны, и когда оказалось, что ни один план не сулил скорой публикации, он написал Эдвину Вулфу, тогдашнему президенту Общества, и предложил оплатить все расходы по подготовке и изданию перевода. После того как дар был получен, подготовка рукописи и ее печать ускорились, и в 1917 г. вышло первое издание.

В честь завершения работы 22 января 1917 г. в Нью-Йорке

дали торжественный ужин. Вначале предполагалось, что его устроит Общество, но Шифф взял все хлопоты на себя при условии, что «он не хочет никакой шумихи». Он пожелал, чтобы ужин считался событием, подготовленным самим Обществом. Кроме того, он настоял на том, чтобы редакторам за ужином презентовали специально переплетенные экземпляры книги. Когда ему подарили такую же книгу с красивой надписью, он ответил, что изданная Обществом Библия станет ценным дополнением к его «домашним сокровищам». Впоследствии у него вошло в привычку читать вслух своим внукам именно по этому экземпляру, и перевод всегда служил для него источником большой радости.

Одновременно Шифф вынашивал идею создать фонд для публикации книг еврейских классиков – как на языке оригинала, так и в достойном переводе. Его зять, Джеймс Лёб, в 1910 г. осуществил большой труд – издал произведения древнегреческих и латинских классиков с параллельными переводами на английский язык. Однажды гости с восхищением рассматривали томики из так называемой Лёбовской классической серии, которые лежали на столе в кабинете Шиффа. Обернувшись к мужу, м-с Шифф спросила: «Почему бы тебе не сделать для еврейских классиков то же, что Джимми сделал для древних греков и римлян?» В тот момент ее замечание осталось без ответа, но вскоре Шифф занялся новым проектом со свойственной ему энергией. За ужином, устроенном 10 февраля 1914 г. в честь завершения перевода Библии, он выразил желание учредить еще один крупный фонд в составе Издательского общества с целью издания еврейских классиков, и 4 мая 1914 г. сделал официальное предложение президенту Общества.

Проект долго откладывался. После того как план издания был намечен вчерне, скончался Шехтер, назначенный председателем комитета. Большинство текстов и многие ученые, приглашенные к сотрудничеству, находились в Европе, и потому связываться с ними часто было невозможно. Работа возобновилась лишь после войны…

При издании еврейских классиков Общество столкнулось еще с одной трудностью. В Америке не имелось необходимых еврейских шрифтов в изящной форме и с диакритическими значками огласовки. Пришлось разработать типографский пресс специально для этой цели; идею создания пресса Шифф горячо поддержал и щедро субсидировал.

Американское еврейское историческое общество, образованное в июне 1892 г. под президентством Оскара С. Штрауса в основном для изучения истории евреев в Америке,

сразу же привлекло к себе внимание Шиффа, и он с первых дней вступил в его ряды. В 1909 г. благодаря его помощи Общество приобрело всю коллекцию так называемых Бумаг Лайонса, которые затем были изданы в двух томах, поскольку в основном представляли собой оригинальные документы нью-йоркской конгрегации «Шеарит Исраэль», старейшей еврейской конгрегации в Северной Америке.

Свой живейший интерес к истории евреев в Америке Шифф воплотил в подготовке празднования 250-летия поселения евреев в Соединенных Штатах. Праздник провели в Нью-Йорке 30 ноября 1905 г. Шифф стал председателем исполнительного комитета; он относился к своим обязанностям с неослабным вниманием, председательствовал на репетициях в Карнеги-Холле и, прежде чем представить Гровера Кливленда, который стал одним из главных приглашенных гостей[38], произнес краткую вступительную речь: «Когда несколько месяцев назад решено было отпраздновать 250-летие поселения евреев в Соединенных Штатах, и конкретно в нашем городе, представители иудейского вероисповедания по всей стране испытали радость и гордость, потому что любимая страна, принявшая их, стала великой представительницей человеческих свобод и свободы совести, показав всему миру пример того, какой великой и сильной может стать страна, которая предоставляет равные возможности всем, независимо от их происхождения, профессии или веры…

Я благодарен тем, кто доверил мне высокую миссию председательствовать на этом празднике; и, прежде чем я воспользуюсь своими почетными полномочиями и представлю вам сегодняшних почетных гостей, прошу у вас позволения в нескольких словах выразить те чувства, которые занимают нас по этому важному поводу.

Когда в 1655 году, 250 лет назад, представители нашего народа и нашей веры впервые ступили на эти берега, намереваясь здесь поселиться, не прошло и полутора веков с тех пор, как Колумб открыл ворота Западного полушария для цивилизованного мира. Таким образом, наследие, которое великий генуэзец представил человечеству, принесло пользу нашему народу в такой ранний период развития Нового Света, что мы по праву можем заявить: здесь наша родина. Она стала для нас родной, как и для других первых и более поздних поселенцев, совместно с которыми мы строили нашу великую страну, неотъемлемой частью которой мы ныне являемся.

Давайте вспомним вехи чудесного и славного развития нашей страны. На каждой странице истории можно отыскать имена евреев, удостоенных похвалы за патриотическую службу. Нет, мы

вовсе не утверждаем, что еврейские граждане в любой период сделали больше, чем требовал гражданский долг; но, поскольку часто предпринимаются попытки представить нас неким чужеродным элементом, будет вполне уместно по такому случаю, как сегодня, подчеркнуть то, что, как и 250 лет назад, евреи, которые высадились на этих берегах, приехали в нашу страну, чтобы объединить свою судьбу с судьбой ее жителей, разделить их тяготы, пользоваться их возможностями, стать американцами в лучшем смысле этого гордого звания и всего, что за ним стоит…

Остается добавить лишь одно. Мы, евреи, всегда помним о тех неисчислимых благах, которые приносит нам светоч человеческой вольности и свободы, постоянно поддерживаемый народом Соединенных Штатов.

Считая себя американцами, мы, пользуясь случаем, в очередной раз заверяем наших сограждан, из каких бы народов они ни происходили и какую бы веру ни исповедовали, что мы всегда готовы объединиться с ними в любом начинании, которое будет способствовать дальнейшему росту величия нашей любимой общей страны и росту уважения, с каким к ней относятся во всем мире».

Выдающийся скульптор Исидор Конти разработал красивую памятную медаль в честь этого события; ее копию отлили в золоте и подарили президенту Рузвельту. Анонимным спонсором, который понес расходы по изготовлению медали, был Шифф.

Глава 14

Характер Шиффа как гражданина принявшей его страны сформировался до начала массовой иммиграции в конце XIX – начале XX в. Шифф считал, что все иностранцы, приезжающие в Соединенные Штаты, обязаны немедленно выучить язык, законы и обычаи страны и принять их как свои собственные. Его философия гражданственности противоречила позднейшей философии, которая не только допускала, но даже поощряла сохранение языков и культур отдельных групп и до некоторой степени оправдывала горькое замечание Теодора Рузвельта о том, что в дни суровых испытаний жители Соединенных Штатов обязаны быть американцами, а не обитателями пансиона для полиглотов.

Из-за своих взглядов Шифф четко разграничивал те еврейские проекты, которые он считал необходимым поддерживать постоянно, и те, которые он не поддерживал из-за того, что они подразумевали сепаратизм, который он считал неуместным. Поэтому, когда его попросили внести средства на изготовление знамени для евреев – ветеранов испано-американской войны, он отказался на том основании, что «мы все американцы, особенно те, кто сражался под флагом Америки, и я не склонен делить нас на классы».

Такую же позицию он занял, получив просьбу помочь евреям после наводнения в Джонстауне. 7 июня 1889 г. он написал: «Получил ваше письмо от 4-го числа текущего месяца. Едва ли мне нужно уверять вас в том, как я сочувствую вам в вашем несчастье. Как вам, наверное, уже известно, жители Нью-Йорка сформировали комитет помощи, в который вхожу и я. Представители всех классов общества делают щедрые пожертвования пострадавшим. Все вопросы веры или национальности должны исчезнуть перед лицом такого бедствия, и, точно так же, как в приеме пожертвований нет никакой дискриминации, поскольку равно щедрые взносы делают христианские храмы и синагоги, католики, протестанты и иудеи – так и, я уверен, не должно быть дискриминации со стороны тех, кто распределяет полученную помощь… Позже, если вам потребуется содействие при воссоздании синагоги или других учреждений, которые могли пострадать от наводнения, можете рассчитывать на меня и на наших единоверцев, ибо мы придем к вам на помощь».

Он не возражал, когда ему предложили вступить в Объединенное еврейское сообщество («Кехилла»), в Нью-Йорке, и

причину изложил в письме от 22 марта 1908 г.: «Насколько я понял, Объединенное еврейское сообщество будет почти исключительно заниматься внутренними делами еврейского населения Нью-Йорка, о которых необходимо позаботиться, как то: распространением еврейского образования, сохранением нравственных традиций и сходными задачами, которые до сих пор решались достаточно разрозненно и стихийно. Возможно, возникнут и другие, пусть даже нечастые, поводы, по которым еврейскому населению Нью-Йорка лучше иметь единый представительный орган, а не разрозненные, неконтролируемые отделения, которые, как уже было неоднократно доказано, способны причинить большой вред».

По данному вопросу он часто консультировался с Дж. Л. Магнесом, душой организации, и, в силу своей проницательности, 3 марта 1909 г., изложил условия, которые считал необходимыми для того, чтобы организацию использовали в политических целях: «Лично я не хотел бы иметь ничего общего с Объединенным еврейским сообществом в том случае, если не будет выполнено следующее условие: неграждане Америки не могут становиться руководителями или членами исполнительного комитета. Далее, считаю необходимым строго придерживаться решения отборочного комитета, согласно которому членом исполнительного комитета не может становиться лицо, занимающее ту или иную политическую должность; иначе весьма вероятно, что рано или поздно членство в исполкоме будет использоваться для наживания политического капитала».

Шифф радовался назначению Оскара Штрауса в кабинет Рузвельта, и 25 октября 1906 г. писал Уильяму Лёбу, секретарю президента: «Какое совпадение, что объявление о грядущем назначении мистера Штрауса в кабинет было получено одновременно с телеграммой из Парижа о том, что генерал Пикар, отважный защитник капитана Дрейфуса, назначен военным министром!»

Особенно его порадовали отклики на назначение Штрауса в зарубежных странах. Он писал И. Зангвиллу: «Грядущее назначение Оскара Штрауса в кабинет президента было весьма благоприятно воспринято как евреями, так и неевреями. Мне уже довольно давно было известно о намерении президента, и я радуюсь тому нравственному воздействию, какое окажет это назначение на положение евреев во всем мире».

Исидору Штраусу он писал: «Примерно пять недель назад мы были в Вашингтоне и ужинали с Вашим братом Оскаром, когда увиделись с президентом и миссис Рузвельт. По-моему, Оскар теперь в своей стихии и задолго до того, как покинет службу,

успеет завоевать себе доброе имя. Какую замечательную он сделал карьеру! Теперь Вы по праву можете гордиться, поскольку именно Вы в большой степени сделали его тем, кем он стал. Президент говорил мне, какую привязанность он испытывает к Оскару…»

Ходили слухи, которые позже повторил в своей книге Саймон Вулф, что якобы своим назначением Штраус был обязан вмешательству Шиффа. Эти слухи Шифф развенчал в письме Вулфу из Бар-Харбора от 30 августа 1918 г.: «Читая Вашу книгу «Президент, которого я знал», которую я считаю чрезвычайно интересной, я нашел на странице 237 утверждение, что якобы несколько лет назад на банкете в отеле «Астор» Оскар Штраус сидел по одну сторону от полковника Рузвельта, а я – по другую… Будто бы позже я в своей речи упомянул о том, что именно я предложил назначить мистера Штрауса на этот высокий пост.

Спешу исправить ошибку или недоразумение, связанное с данным событием в отеле «Астор». Я совершенно уверен, что не делал и не мог сделать того заявления, какое приписывается мне в Вашей книге, просто потому, что оно не соответствует действительности. Выбор м-ра Штрауса в кабинет президента, насколько мне известно, произошел всецело по инициативе тогдашнего президента Рузвельта. Однажды, когда я был у него в Белом доме, он удостоил меня высокого доверия, сообщив, что намерен назначить мистера Штрауса в свой кабинет. Я вполне уверен, что идея зародилась всецело в его голове.

Не знаю, что можно сделать, чтобы исправить ошибку в Вашей книге, но, во всяком случае, я счел необходимым привлечь к ней Ваше внимание».

В целом он испытывал личную гордость, когда какой-либо еврей занимал высокий государственный пост. Когда Луи Д. Брэндайс был выдвинут президентом в Верховный суд, Шифф 7 февраля 1916 г. писал Томасу У. Грегори, генеральному прокурору: «Народу, из которого произошли мы с м-ром Брэндайсом и который составляет значительный процент населения нашей страны, особенно отрадно, что президент назначил одного из наших самых видных единоверцев в Верховный суд Соединенных Штатов… Не сомневаюсь, что сенат вскоре утвердит назначение м-ра Брэндайса».

Его верность своей религии и своим единоверцам, а также осознание того, что евреи часто подвергались дискриминации именно по причине их обособленности и положения национального меньшинства, заставляли Шиффа уделять много времени и сил защите прав евреев. Его личный интерес к

иудаизму во многом был основан на религии. Он неоднократно заявлял, что он «еврей не по национальности, а по вере». Тем не менее он близко к сердцу принимал те обвинения, которые выдвигались против евреев в целом.

В 1891 г. он писал: если эти обвинения «докажут, он последний будет защищать их; ибо я всегда считал, что плохой еврей заслуживает наказания вдвойне, ибо он уничтожает не только собственное доброе имя, он позорит имя всего народа». Он с гордостью относился к наследию, полученному евреями, и считал своим долгом сохранить это наследие и передать его потомкам. Он заботился о том, чтобы евреи поддерживали и культивировали свою обособленную веру и литературу, без ущерба для их положения граждан Америки или других стран.

В 1908 г., когда комиссар полиции Теодор А. Бингэм в «Норс Американ Ревью» выступил с утверждением, что среди нью-йоркских евреев чрезвычайно высок уровень преступности, Шифф тут же во всеуслышание заявил о том, что не верит этому утверждению. Когда комиссар Бингэм отозвал обвинения, Шифф послал ему записку, в которой хвалил «мужественное признание своих ошибок».

Его очень обеспокоило дело Лео Франка, обвиненного в убийстве, которого он не совершал. Шифф обращался к ряду своих друзей и к губернатору Джорджии, что показывает, как внимательно он изучал материалы дела и как глубоко был в нем заинтересован:

«23 ноября 1914 г.

Милтону Смиту,

Президенту железнодорожной компании «Луисвилл и Нэшвилл»,

Луисвилл (Кентукки)

Уважаемый мистер Смит!

Вы, несомненно, слышали и читали о деле Франка, которое рассматривается в Атланте (Джорджия). Многие мои здешние друзья, в том числе несколько видных адвокатов, которые внимательнейшим образом следили за ходом дела и изучали представленные доказательства, искренне сомневаются в том, что Франк совершил убийство, в котором его обвиняют… однако несмотря на то, что предпринимались неоднократные попытки пересмотра дела, они не окончились успехом и приговоренному грозит смертная казнь, если Верховный суд Соединенных Штатов, в который подана апелляция, не отменит приговор и не распорядится о пересмотре дела. (После того как письмо было продиктовано, апелляцию отклонили.)

Насколько я понимаю, существуют серьезные сомнения относительно позиции Верховного суда; вполне может быть, что произойдет то, что позже квалифицируют как вынесение смертного приговора невиновному, если Франк не будет помилован главой исполнительной власти, ради чего уже сейчас предпринимаются серьезные усилия. Прошение о помиловании можно направить как губернатору Джорджии Слейтону, так и избранному губернатору Макгаррису.

Я знаю, что Вы располагаете обширными связями и влиянием во всей Джорджии. По просьбе друзей, которые советовались со мной, я обещал связаться с Вами в надежде, что Вы употребите свое влияние для получения помилования приговоренному…

Серьезно прошу Вас, не только в знак дружбы ко мне, но и потому, что в деле, в котором такую большую роль сыграли публичные выступления и предубеждение, не должна применяться крайняя мера наказания, ибо всегда существует вероятность того, что публичные выступления и предубеждение повлияли не только на присяжных, которые рассматривали дело, но и косвенным образом на судей, которые выносили приговор. Когда вынесут смертный приговор, будет уже поздно, если впоследствии окажется, что… обвиняемый не совершал преступления, за которое его осудили.

Поэтому я очень надеюсь, что Вы… пойдете навстречу тем, кто хочет просить о помиловании для Франка; уверен, благодарность, которую Вы получите, если поможете спасти… невинного человека, станет Вам лучшей наградой.

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

[Телеграмма]

«Его превосходительству Джону М. Слейтону,

Губернатору Джорджии

…прошу Всевышнего даровать Вам мужество, необходимое для противодействия шумным возмущениям и страстям. Пожалуйста, помните, что на Вас смотрит не только вся Джорджия, но и вся страна.

Джейкоб Г. Шифф».

После того как Слейтон решил дело благоприятно, в пользу Франка (хотя бедного Франка позже линчевала толпа), Шифф телеграфировал:

«21 июня 1915 г.

…Ваш мужественный поступок вызовет одобрение всех верно

мыслящих граждан Вашего штата и всей страны».

Шифф был сторонником либерального подхода к иммиграции в Соединенные Штаты. Во время своих многочисленных визитов в разные части страны он видел, как слабо они заселены и сколько человеческих сил требуется для обработки земли – а сельское хозяйство он считал основой американской экономики.

Он возражал против экзамена на грамотность на том основании, что достоинства и характер не определяются умением человека читать и писать и что, если в Европе есть отсталые страны, которые не могут себе позволить дать своим гражданам образование, это не должно препятствовать их въезду в Соединенные Штаты. Таких же взглядов придерживались по меньшей мере три президента США, которые накладывали вето на законопроекты, предусматривающие подобные экзамены на грамотность для иммигрантов. Одно из ранних свидетельств мнения Шиффа по данному вопросу можно найти в письме, адресованном президенту Б. Гаррисону от 9 марта 1892 г.: «Позвольте обратиться к Вам по вопросу, над которым Вы, как мне известно, долго размышляли и который не только близок моей душе, но доставляет большую и постоянную заботу представителям моего народа… Я имею в виду вопрос иммиграции и законов о въезде в нашу страну. Внимательно изучив недавние публичные высказывания по данному вопросу руководителей министерства финансов, а также слушания в конгрессе, которые окончились созданием специальной комиссии под председательством сенатора Чендлера, и связав эти высказывания с позицией, какую до сих пор занимал сенатор Чендлер, я боюсь, что будут приняты поправки к существующим законам, которые воздвигнут многочисленные серьезные препятствия на пути иммигрантов, прибывающих в нашу страну.

Не стану докучать Вам доводами о том, каким неамериканским по сути является желание оттолкнуть тех, кто, вследствие нетерпимого отношения на родине, стремится к нашим берегам, где надеется обрести новый дом и новое занятие и чьи потомки несомненно станут такой же неотъемлемой частью нашего населения, как и большинство, которое предшествовало им… Нынешние иммигранты следуют примеру отцов-пилигримов, воодушевленные той же мыслью, которая толкала последних плыть в Западное полушарие и везти сюда терпимость, отрицание которой в их родной стране привело к истреблению нашего народа.

Однако позвольте напомнить, что поправки к существующим законам вызовут несправедливые и великие трудности. Закон не

может иметь своей целью не впускать в нашу страну тех выходцев из других стран, кто, не обладая богатством или даже какими-либо средствами, привозит с собой сильные руки или острый ум, надеясь с их помощью найти поддержку и прокормить самих себя и свои семьи; так же будет несправедливо и бесчеловечно запрещать въезд целой семье или разделять ее, потому что кто-то из ее членов, как то бывает довольно часто, окажется не способным зарабатывать себе на хлеб.

Хотя мои замечания относятся равным образом к иммигрантам из всех стран и к представителям всех национальностей, признаю, что моим особым сочувствием пользуются мои соплеменники, которые прибывают в нашу страну при исключительных обстоятельствах, так наглядно описанных в докладе особых уполномоченных, недавно вернувшихся из Европы, куда они были посланы министерством финансов для изучения причин, порождающих постоянный поток беженцев в нашу страну.

Никто из иммигрантов, на которых я ссылаюсь, до сих пор не стал обузой для сообществ, в которых они обосновались, и евреи в Соединенных Штатах пока не жалуются, что бремя новых иммигрантов для них невыносимо. Наоборот, все признают, что производители во всех областях получили мощный стимул благодаря притоку рабочей силы в лице этих иммигрантов и заброшенные фермы в наших восточных штатах растут в цене всякий раз, как эти скромные и изобретательные люди оседают там, что в последнее время особенно характерно для Нью-Джерси и Коннектикута.

Честно ли и справедливо ли теперь воздвигать препятствия на пути несчастных людей, единственно из-за требования горстки демагогов, которые еще не так давно сами искали гостеприимства в нашей стране, или из-за несчастных и во многом преувеличенных вспышек болезней на одном корабле, перевозящем эмигрантов, в чем можно винить кого угодно, но только не самих эмигрантов?

Мы, евреи, которые так пылко любим принявшую нас страну, никогда не недооценивали своих возможностей и не пренебрегали нашими обязанностями по отношению к нашей стране… Во время нынешнего кризиса мы, не колеблясь, настаиваем на том, что до тех пор, пока опасность распространения болезни не исчезнет, эмиграцию следует свести к минимуму. Как не выступаем мы поборниками того, чтобы Соединенные Штаты принимали тех, кто, по справедливому и разумному суждению, не способен себя содержать. Однако трудно поверить, что Ваша администрация одобрит узколобую и

антиамериканскую политику, которая оставит свой отпечаток на долгие годы, а в будущем… дискредитирует тех, кто ее принял…

С уважением,
Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

В другом случае, когда положение евреев в Румынии стало особенно тяжелым, 13 июля 1900 г. Шифф написал об облегчении иммиграции в Соединенные Штаты министру финансов Лайману Дж. Гейджу: «Возможно, Вы слышали о той обстановке, которая сложилась… в Королевстве Румыния. Там, в силу особых законов и правил, существование… иноверцев стало почти невыносимым. Главным образом бесчеловечные законы касаются представителей еврейского населения, которые, как сообщается в докладах, подвергаются гонениям и притеснениям. Почти повторяется положение, которое характеризовало Францию времен гугенотов, Испанию во времена инквизиции и Англию в то время, когда пуритане искали и нашли новый дом на наших берегах. Такое методичное преследование и жестокое притеснение вынуждает большое количество несчастных эмигрировать и искать новую родину в странах, где преобладающий дух просвещения сулит более счастливую жизнь для тех, чье пребывание в стране их происхождения стало невыносимым…

Только что произошло следующее… из 109 румынских еврейских иммигрантов, которые прибыли в наш порт около двух недель назад, 73 человека были задержаны, несмотря на то, что почти обо всех них уполномоченный по иммиграции заявил, что «они физически здоровы, все молодые мужчины среднего класса иммигрантов, хотя, возможно, их положение и выше, и многие из них владеют тем или иным ремеслом».

Решение об их высылке вызвано тем, что эти иммигранты получали некоторую помощь в Европе, чтобы оплатить проезд, хотя большая часть билетов, как было доказано, оплачена из их собственных сбережений и из взятых ссуд. От задержанных иммигрантов требовали доказать, что они не станут бременем для государства, а уполномоченный Соединенных Штатов по иммиграции добавил, что, по его убеждению, если бы бремя доказательства было возложено на противную сторону, значительное число тех, кому отказали во въезде, были бы приняты комиссией по расследованию. Однако в соответствии с параграфом 1 подзаконного акта, принятого 3 марта 1891 г., комиссия, очевидно, решила, что у нее нет другого выхода, кроме как потребовать такое доказательство у самих иммигрантов. Необходимо заметить, что возлагать бремя доказательства на

здорового сильного мужчину, который прибыл в нашу страну с целью начать здесь новую жизнь, или, более того, на любого человека, требуя, чтобы он доказал, что не станет бременем для государства, значит требовать невозможного… Эти 73 человека сейчас допущены в страну благодаря ручательству, сделанному мною и другими, что они не станут обузой для нашей страны. Однако, поскольку вероятно, что и другие вновь прибывшие окажутся в таких же условиях, я считаю, что несправедливо требовать ручательства в каждом случае перед тем, как иммигранты будут допущены в страну; осмелюсь предложить, чтобы уполномоченный Соединенных Штатов по иммиграции и комиссия по расследованию внесли поправки в закон в справедливом и либеральном ключе».

Когда в первый срок правления президента Вильсона конгресс принял законопроект об ограничениях, Шифф обратился к Вильсону с просьбой наложить вето на законопроект, основываясь на его известном отношении к данному вопросу. А когда второй законопроект был принят конгрессом следующего созыва, Шифф надеялся, что Вильсон наложит вето и на него – что президент и сделал, – и писал сенатору от штата Нью-Йорк Уодсворту, прося его помочь поддержать вето.

В многочисленных письмах европейским друзьям он отмечал: существует опасность урезания иммиграции, если в странах, откуда прибывают потоки иммигрантов, не позаботятся о том, чтобы в США отправлялись лишь достойные люди. Он постоянно напоминал: в Соединенных Штатах растет беспокойство по поводу растущей иммиграции, причем основная масса иммигрантов оседает в Нью-Йорке. И все же он всегда помогал вновь прибывшим, соблюдая надлежащие меры предосторожности. Так, ему понравилось предложение учредить прямую пароходную линию между Либавой и Нью-Йорком. 7 июля 1904 г. он писал Н. Каценельсону: «Прямая линия… будет весьма выгодна эмигрантам из России, так как, мне кажется, никогда не было никакой реальной причины отправлять этих несчастных… в долгое, утомительное и неудобное путешествие через немецкие и английские порты. С другой стороны, не могу не посоветовать учредить строгий надзор перед посадкой эмигрантов на пароходы, чтобы избежать любого конфликта с американскими иммиграционными законами, которые не только очень строги, но еще и строго подкреплены законами, недвусмысленно запрещающими допуск в страну тех, кто не может обеспечивать свое существование (особенно физическим инвалидам), и, более того, всем, чей проезд был оплачен другими. Игнорировать такие предосторожности – значит вызвать

депортацию многих прибывающих и рисковать расположением правительства Соединенных Штатов.

Прилагаю к письму в бандероли копию американских иммиграционных законов и актов, в которых я отметил несколько параграфов, чье строгое соблюдение совершенно необходимо. Возможно, имеет смысл создать специальную комиссию в Либаве, которая будет надзирать за эмиграцией из этого порта и заботиться о том, чтобы она проходила в строгом соответствии с законами Соединенных Штатов».

Барон Морис де Гирш, чьи предки давно уже получили дворянскую грамоту, в основном занимался строительством железных дорог. Начиная с 1881 г. он, обеспокоенный антисемитизмом в России, предпринимал попытки предотвратить гонения и улучшить условия жизни своих соплеменников. По сути, он стремился улучшить положение евреев в России, потому что не предвидел возможности переселения такого большого количества людей на другую почву. Но когда русское правительство объявило о том, что контролировать и распределять полученные средства оно хочет само, Гирш стал думать о том, чтобы найти для русских евреев убежище за пределами России и помочь им начать жизнь в новых странах, куда они вынуждены были бежать. В основном такими странами оказывались Соединенные Штаты Америки и Аргентина.

Оскар С. Штраус и Эндрю Д. Уайт предлагали вниманию барона план переселения евреев в Месопотамию, однако Гирш его отверг, не столько потому, что считал его нереальным, сколько из-за опыта своего общения с турецкими властями во время правления султана Абдул-Хамида. Он пришел к выводу, что с этим правительством невозможно нормально вести дела.

Более того, в то время Гирш уже был занят крупномасштабным проектом по переселению евреев в Аргентину.

Еще при жизни барону де Гиршу хватило проницательности не заниматься данным вопросом напрямую и в одиночку. Он передал крупные суммы денег в распоряжение Еврейского союза в Париже, а также новой организации, также со штаб-квартирой в Париже, но действующей в соответствии с английскими законами и известной под названием «Еврейское колонизационное общество» (ЕКО). Шифф главным образом сотрудничал не с этими обществами, а с фондом, созданным Гиршем в Соединенных Штатах и известным как «Фонд барона де Гирша». Здесь не место писать историю деятельности этого фонда. Его главными целями были помощь в устройстве в Америке русским и румынским евреям, их расселение и обучение ремеслам. На

средства фонда была основана сельскохозяйственная школа; фонд осуществлял надзор за поселениями в разных частях страны и учредил крупную техническую школу в Нью-Йорке. Фонд предоставлял в распоряжение комитетов в разных городах страны средства на закупку инструментов и учреждение бюро трудоустройства для иммигрантов, прибывавших в больших количествах. При «Фонде Гирша» возникло много вспомогательных организаций: Еврейское общество сельскохозяйственной и промышленной помощи, Бюро промышленного переезда и т. д. В работе многих организаций Шифф принимал активное участие. Он стал одним из девяти попечителей, выбранных лично Гиршем, и вице-президентом правления.

Хотя «Фонд Гирша» был основан около 1889 г., сельскохозяйственные предприятия для евреев создавались и раньше. Одна из первых попыток была сделана в Вудбайне (Нью-Джерси) в 1882 г. Средства предоставил также Гирш через Эмануэля Венециани и д-ра Сабато Морайса из Филадельфии. Майкл С. Хайлприн устно и на письме горячо поддерживал сельскохозяйственные поселения такого вида; средства на развитие таких поселений собирались теми же людьми, которые впоследствии стали попечителями «Фонда Гирша». Одна из первых сельскохозяйственных колоний находилась в округе Рамзи (Северная Дакота). Судя по всему, Шифф принимал в ней активное участие, помогая поселенцам осенью 1888 г. То, что он сделал ряд предложений, вылившихся в создание «Фонда Гирша», становится очевидным из письма Касселю от 4 декабря 1888 г.: «Перехожу к другому вопросу, не связанному с делами, но в котором Вы, с Вашим добрым сердцем, будете глубоко заинтересованы. По-моему, Вы близко знакомы с бароном Гиршем; буду Вам признателен, если Вы, когда с ним увидитесь, предложите ему пожертвовать значительную сумму на создание сельскохозяйственного кредитного банка в нашей стране. Он уже пробовал делать большие пожертвования в России и Галиции, но они не возымели эффекта из-за противодействия тамошних властей. Единственной функцией такого сельскохозяйственного банка должна быть колонизация – по деловому типу – русских, румынских и галицийских евреев, которые постоянно прибывают в нашу страну».

Кассель побеседовал с Гиршем, и в письме от 26 февраля 1889 г. Шифф написал: «Благодарю Вас за заботу, с какой Вы представили мои соображения Вашему другу. Вы сделали все, что можно, когда привлекли его внимание к вопросу; теперь мы должны ждать его ответа. Во всяком случае, не сомневайтесь в

том, что Ваш интерес был занят достойным делом».

И еще, 3 мая: «Вам, конечно, интересно будет узнать, что барон Гирш попросил секретаря Еврейского союза написать в Америку, с тем чтобы там предложили наиболее эффективный способ разместить крупную денежную сумму для помощи евреям в нашей стране. Меня пригласили на совещание по данному вопросу, которое состоялось вчера, но следует тщательно обдумать вопрос перед тем, как начинать работу, поскольку дискуссии еще не вылились во что-то определенное. Я вполне уверен, что Ваше вмешательство сыграло решающую роль для барона Гирша, и горжусь, что именно Вы привлекли его внимание к данному вопросу».

Письмо от барона де Гирша комитету в Нью-Йорке знаменует собой учреждение фонда. Среди бумаг Шиффа нашлась его копия с личным письмом Шиффу от барона:

«Шато де Борегар,
Версаль,
18 августа 1890 г.
Дорогой мистер Шифф!

Получил Ваше любезное письмо от 3 августа и имею честь приложить копию письма, которое я отправил сегодня комитету в Нью-Йорке. Надеюсь, его содержание полностью удовлетворит Вас, а также Ваших нью-йоркских коллег.

Заявления об ужасных указах, которые уже приняло или собирается принять русское правительство против наших несчастных единоверцев, многими опровергаются. Может быть, общественное негодование в Европе заставит тех, кто стоит за гонениями, усомниться в своих действиях… во всяком случае, их намерения самые наихудшие, и настало время, когда мы, состоятельные люди, должны объединиться против несправедливости.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш *М. де Гирш».*

«Париж, 10 августа 1890 г.
Господа!

Несколько недель назад в Лондоне я беседовал с мистером Джейкобом Г. Шиффом, который передал мне ваше письмо от 27 мая. От него я также узнал о пожеланиях, изложенных вашим комитетом, чтобы фонд изменил свой нынешний предварительный статус и обрел определенную форму, и что вы… осуществите свои полномочия, зная, что ваши посты приобрели определенные очертания. Заверяя вас в высоком уважении к

вашим пожеланиям, могу сказать, что при соблюдении некоторых условий… я готов подписать документ об учреждении доверительной собственности, присланный мне мистером М.С. Айзексом 6 декабря 1889 г. Далее, я… готов разместить основную сумму в размере 2 млн 400 тыс. долларов – что при 5 % годовых приносит прибыль в размере 10 тыс. долларов ежемесячно, – как только будет подписан документ об учреждении доверительной собственности.

Поэтому прошу прислать мне все документы, которые я должен подписать, чтобы юридически оформить фонд и подготовить изменения, которые станут необходимыми вследствие указанного мною намерения перечислить всю основную сумму целиком. Прошу также, чтобы документы были пересмотрены тщательно, чтобы мне нужно было только поставить подпись, если я их одобрю. Особо прошу, чтобы в документ об учреждении доверительной собственности были вписаны имена и т. д., чтобы не было пробелов и чтобы мы не теряли драгоценного времени на переписку.

По-моему, в документе об учреждении доверительной собственности необходимо определить способы инвестиций и место, где следует разместить средства. Или вы считаете, что этот вопрос должны решать попечители? В последнем случае в документе следует зафиксировать срок, в который попечители обязаны будут позаботиться обо всех формальностях. Надеюсь, вам удастся решить эти вопросы… Прошу вас также вставить в документ параграф, позволяющий другим лицам беспрепятственно делать взносы и пожертвования в фонд. Опыт показывает, что филантропические поступки часто находят подражателей, и мы не должны лишать себя возможности притока ресурсов извне.

Считаю также желательным, чтобы ваш комитет принял окончательное решение только после того, как удастся провести полное собрание, что в нынешнее время года, возможно, будет нелегко.

Господа, мне доставляет большое удовольствие возможность согласиться с вашими пожеланиями и заверить вас… в моем полном одобрении той работы, которую вы проделали до сих пор. Еще раз выражаю вам свою благодарность за то, что вы пожертвовали своим временем и силами ради помощи нашим несчастным единоверцам.

Искренне Ваш,

М. де Гирш».

Первые впечатления Гирша о Шиффе отражены в письме,

которое он написал Оскару С. Штраусу 22 августа 1890 г.: «Мистер Шифф, с которым я недавно виделся в Лондоне, произвел на меня весьма благоприятное впечатление. Он кажется очень спокойным и разумным человеком, наполненным, как и все мы, желанием посвятить себя нашим несчастным единоверцам и быть им полезным».

Для расселения русских евреев в сельскохозяйственные колонии Шифф широко пользовался своими деловыми связями. Так, 20 июля 1891 г. он писал Хиллу: «Я так близко к сердцу принимаю проблему эффективной помощи беженцам от нетерпимости и гонений в России, что Вы должны меня простить, если я так быстро напоминаю Вам о разговоре, который мы с Вами вели по этому вопросу во время Вашего пребывания в Нью-Йорке. Хотелось бы, чтобы Вы как можно скорее подумали о целесообразности размещения нескольких семей в восточной Миннесоте, вблизи крупных городов, где садоводство и небольшие фермы могут стать источником верного успеха для людей, почти не имевших опыта ведения сельского хозяйства. Может быть, Вы, по Вашему добросердечию, согласитесь принять у себя несколько специально отобранных семей? Мы, со своей стороны, вносим от 500 до 600 долларов за каждую семью. По-моему, после того, как первая попытка станет успешной, можно будет основать и другие подобные поселения в разных местах вдоль Ваших линий в восточной Миннесоте. Таким образом, не только значительное число несчастных беженцев обретут средства к существованию, но в конечном счете благодаря новым поселениям выиграет и Ваша железная дорога».

Шифф активно продолжал переписку и 12 августа писал Хиллу: «Если, как я надеюсь, Вы, в гуманитарных целях, подумаете над вопросом и организуете колонию предложенным Вами способом, обещаю прислать Вам самые лучшие русские семьи. Против этих людей укрепилось стойкое предубеждение, особенно со стороны тех, кто ничего о них не знает. Эмигранты из России в целом выносливы, бережливы и работящи, и если приступят к делу должным образом, они наверняка добьются успеха; это нам известно по опыту в других местах… Уверен, что, если первое поселение станет успешным, будет обеспечен приток населения в районы, примыкающие к Вашим железнодорожным линиям, что послужит не только к выгоде несчастных беженцев, которых нетерпимая родина лишает права на существование, но и к выгоде тех мест, где они собираются обосноваться».

И далее, 2 сентября: «Получил Ваше письмо от 30 числа прошлого месяца, в ответ на мое от 25 числа. Очень рад, что Вы выполнили условия по строительству 40 или 50 домов на

участках в 40 акров для каждого дома. На прошлой неделе состоялось общее собрание «Комитета барона де Гирша», на котором я зачитал нашу с Вами полную переписку. Все коллеги были в высшей степени довольны и приняли резолюцию, в которой заранее одобряют все, что мы с Вами предпримем в будущем. Замысел заключается в том, что, если нам удастся основать небольшие поселения в разных частях страны, мы исполним нашу цель, ибо, если мы докажем, что такие поселения могут добиться успеха, последующие можно будет создавать уже без нашей помощи».

Из всех первых сельскохозяйственных поселений Шифф больше всего содействовал, как касательно размещения, так и обучения сельскому хозяйству, поселению в Вудбайне (Нью-Джерси). Заведовал им профессор Г.Л. Сабсович, обаятельная личность, чья жизнь описана в книге Катарины Сабсович[39]. Именно ему Шифф писал 6 апреля 1893 г., когда колонисты начали роптать из-за трудностей: «Мы все ценим Вашу беспристрастность и то, что Вы сделали для Вудбайна, и могу Вам сказать: со стороны попечителей нет намерения как-либо ослаблять Ваше положение там. Можете положиться на доброжелательность и поддержку, как моральную, так и материальную, всех попечителей, чья вера в Вас сейчас сильнее, чем когда бы то ни было».

Весной того же года Шифф написал Фрэнку Томсону, тогда первому вице-президенту «Пенсильванской железной дороги», и попросил его о содействии в получении привлекательных фрахтовых ставок между Вудбайном, Нью-Йорком и Филадельфией, чтобы производителям выгодно было доставлять товары в поселение. Таким образом, они помогли колонистам с трудоустройством зимой. Он писал Сабсовичу об открытии синагоги в Вудбайне и просил, чтобы его заранее известили о дне торжественного открытия, так как он хочет на нем присутствовать. Его преданность делу прекрасно иллюстрирует следующий рассказ, переданный д-ром Джулиусом Голдменом: «Во время потрясений, связанных с событиями в компании «Нозерн Пасифик» на Уолл-стрит в 1901 г., случилось так, что я договорился с м-ром Шиффом в определенный день посетить колонию Вудбайн. Я понятия не имел о том, что творилось тогда с «Нозерн Пасифик». Шифф сообщил мне, что не сможет сопровождать меня в Филадельфию в назначенный час, но либо прибудет более поздним вечерним поездом, либо сядет на ночной и встретится со мной в отеле за завтраком на следующее утро. В тот вечер я случайно встретил в отеле мистера Леонарда Льюисона и во время разговора обмолвился, что мистер Шифф

должен был поехать со мной в Вудбайн. На это м-р Льюисон ответил: «Мистер Шифф не сможет поехать с Вами ни сегодня, ни завтра, так как он очень занят делами «Нозерн Пасифик» на Уоллстрит», – и пересказал ходившие тогда слухи.

Вечером того дня м-р Шифф действительно не приехал, но на следующее утро я застал его в вестибюле отеля. Как мы и договорились, он присоединился ко мне за завтраком. Перед отъездом в Вудбайн и дважды во время нашего пребывания в Вудбайне он звонил в Нью-Йорк по телефону. Конечно, я понимал, что не должен ссылаться на дела на Уолл-стрит, но вечером, по возвращении в Нью-Йорк, я заметил: «Боюсь, мы выбрали не самый удачный момент для поездки в Вудбайн». Мистер Шифф с улыбкой признал, что тоже предпочел бы поехать в другое время, но, поскольку он сам назначил дату нашего визита, он не чувствовал себя вправе разочаровывать меня».

Работа «Фонда Гирша» была для Шиффа источником постоянного внимания и беспокойства на протяжении тридцати с лишним лет из-за большого числа непосредственно причастных к фонду людей, а также из-за трудностей положения и вытекающих отсюда разговоров и переписки с зарубежными странами. Барон де Гирш, скончавшийся в 1896 г., оставил основную часть своего состояния Еврейскому колонизационному обществу, главным образом на то, чтобы облегчить жизнь евреев в России. Попечители фонда жили в Англии, во Франции, в Германии и Бельгии, и по мере того, как в Америке появлялась необходимость, именно к американцам обращались с просьбами о помощи, отчего потребовалось дальнейшее финансирование. У американцев возникали требования со своей стороны, и почти вся переписка от имени американского фонда велась Шиффом. Хотя он выражался сдержанно, однако многократно повторял, что комитеты в Европе недостаточно понимают огромные проблемы, возникающие вследствие потока иммиграции в Соединенные Штаты. В письме со ссылкой на возможность отправки иммигрантов в Мексику Шифф рисует картину условий, которые существовали в то время в Нью-Йорке:

«15 октября 1891 г.

Уважаемый барон де Гирш!

Наш общий друг, мистер Эрнест Кассель, переслал мне Ваше письмо от 16 сентября, которому я уделил пристальное внимание. Что касается целесообразности эмиграции наших единоверцев из России в Мексику, о чем Вы желаете узнать подробнее, я считаю, что некоторые части Мексики, а именно плоскогорья, предлагают поселенцам благоприятные возможности… при условии

рачительного хозяйствования и усердной работы. Мормоны, чье сообщество очень хорошо организовано и которые многому научились за время долгого проживания в Юте, выбрали именно Мексику местом нового поселения после того, как стало невозможно и далее практиковать в Юте их своеобразные обычаи. Насколько я понял, мормонское сообщество много лет изучало обстановку, и то, что… они в конце концов остановили свой выбор на Мексике, само по себе служит веским доводом в пользу тех преимуществ, какие данная страна способна предложить поселенцам.

Если нас правильно информировали, мексиканское правительство готово предоставить крупные концессии русским эмигрантам, приезжающим в страну с добрыми намерениями. По моему мнению, первым делом необходимо послать в Мексику умного и надежного посредника, который имел бы дело напрямую с правительством, и на месте навести справки, в какую часть Мексики лучше отправить значительное число эмигрантов. Я не имею в виду полномасштабную экспедицию; один, в крайнем случае два человека куда легче способны получить необходимые сведения. Однако неясно, удастся ли найти здесь одного или двух таких подходящих людей. Люди способные и практичные нигде не пользуются таким спросом, и нигде их не бывает так трудно найти для особых целей, как в Соединенных Штатах, где человеку практичному нетрудно применить свои дарования. Но если Вы захотите поручить задачу мне, я попытаюсь найти одного или двух посредников… Им необходимо дать очень точные инструкции, особенно по вопросу переговоров с правительством, и очертить круг их непосредственных обязанностей, указав, что они уполномочены делать сами.

Всецело согласен с Вами в том, что любой план, каким бы он ни был, должен осуществляться в соответствии с деловыми принципами, и если нам не удалось довести дело до конца в Нью-Йорке, то главным образом потому, что приток в последние месяцы был настолько огромен, что невозможно систематически вести учет и заботиться о вновь прибывших. И без того достаточно трудно заниматься на деловых принципах с людьми, которые приезжают почти голые и беспомощные, но даже если удается должным образом устроить отдельных людей или небольшое их количество, это совершенно невозможно, когда речь идет о десяти тысячах беженцев в месяц. Мы оказались в очень тяжелом положении, что, очевидно, невозможно изменить. Божественное Провидение поставило нас на наш пост, и мы обязаны сделать все возможное и невозможное, пока существуют нынешние условия. Поскольку мы должны обеспечить всем мало-

мальски необходимым огромное количество беженцев, которые приплывают в нашу страну, и поскольку даже небольшие потребности в целом выливаются в большие финансовые жертвы со стороны американских евреев, мы не можем собрать крупных сумм, которые только и способны обеспечить плодотворную колонизацию в нашей стране. Судя по данным прошлогоднего анализа, Соединенные Штаты остаются лучшим местом для колонизации, и, если бы мы располагали необходимым капиталом, здесь многое можно было бы сделать, особенно в штатах, расположенных к западу от Скалистых гор. Сейчас, как Вам известно, мы пытаемся организовать пробные колонии, через которых надеемся пробудить в наших русских единоверцах желание заниматься сельским хозяйством и, таким образом, поощрить тех, кто уже находится здесь, уехать из портов на Восточном побережье, уменьшив таким образом их ужасающую скученность.

Надеюсь, что у Вас будет возможность посовещаться с доктором Джулиусом Голдменом, почетным секретарем Вашего здешнего трастового фонда, который на прошлой неделе отплыл в Берлин на конференцию. Он всецело понимает ситуацию… и уже выказал поистине достойную восхищения преданность делу. Он сумеет объяснить Вам многое из того, о чем Вы захотите больше узнать и в чем Вы, несомненно, заинтересованы. Кроме того, у Вас наверняка будет возможность познакомиться с мистером Джессом Зелигманом во время его продолжительного пребывания в Европе. Он особенно способен объяснить положение, занятое нашим правительством по вопросу об эмиграции из России…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

9 ноября 1891 г. Шифф написал барону, что нашел двух людей, которые кажутся ему подходящими для роли посредников; что он готов лично нести расходы на наведение справок в Мексике, однако не желает брать на себя ответственность за исход дела или надзирать за направлением иммигрантов в Мексику. Однако на следующий год Шифф начал высказываться против мексиканских поселений на том основании, что там низкие заработки, зато высока конкуренция среди неквалифицированных рабочих.

В 1903 г. он серьезно обдумывал прежний месопотамский план. Когда приобрел определенные очертания проект Багдадской железной дороги, 24 апреля он писал Касселю: «Лично для меня, а также для многих моих видных единоверцев

строительство дороги представляет особый интерес, как Вы увидите из прилагаемого письма Оскара Штрауса, который несколько лет был нашим министром в Константинополе. Случилось так, что я получил его послание за день до Вашего последнего письма. В этой связи я ранее послал Вам меморандум, составленный профессором Хауптом, неевреем, который он подготовил около десяти лет назад, с намерением представить его барону Гиршу. У последнего, однако, слишком много обязательств в Аргентине, и он не в состоянии заниматься предложением Хаупта. Теперь, когда проект Багдадской железной дороги начинает воплощаться в жизнь, мы хотели бы привлечь внимание Еврейского колонизационного общества к предложению Хаупта, так как жизненно важно открыть там дверь для эмиграции из России и Румынии, чтобы Англия и особенно Америка не продолжали заполняться эмигрантами. Я знаю, что Вы выказали большой интерес к нашему народу, и потому смело пытаюсь заинтересовать проектом Вас, хотя лично я не в том положении, чтобы решать, насколько он целесообразен».

В то же время Шифф пытался заручиться содействием лорда Ротшильда, которого заинтересовал предложенный Теодором Герцлем план колонизации Египта. Впоследствии Кассель вышел из компании «Багдадская железная дорога», потому что в то время Англия не была готова противостоять контролю Германии; но уже в августе 1909 г. Шифф убеждал его в многообещающих возможностях Месопотамии для работы ЕКО, хотя и не для колонизации в строгом смысле слова. Он продолжал интересоваться планами Багдадской железной дороги именно в связи с проектом иммиграции евреев из России в Месопотамию.

Для многих европейцев понятия «Нью-Йорк» и «Америка» являются синонимами. То, что многие пассажирские пароходы различных трансатлантических компаний приходят в Нью-Йорк и что фотографии, которые пароходные агенты распространяют среди потенциальных пассажиров, показывают красоты чудесного залива, внедрили подобные мысли в головы сотен тысяч людей, которые по политическим, религиозным и экономическим причинам искали убежища от тяжелых жизненных условий. Хотя еврейская иммиграция в 1881–1890 гг. не достигла тех цифр, какие отмечены в более поздний период, то, что не менее 60 %, а иногда 70 % иммигрантов, которые высаживались на берег в Нью-Йорке, там и оставались, доставляло людям думающим повод для серьезных размышлений и беспокойства. В письме Гиршу 23 октября 1891 г. Шифф указал на важность распределения иммигрантов по разным местам.

«Фонд Гирша» уже начал действовать, и Шифф активно

обсуждал этот вопрос с Майером С. Айзексом, президентом попечительского совета фонда, и Джулиусом Голдменом. Но в течение ряда лет практически все еврейские иммигранты – как, кстати, и иммигранты других национальностей – продолжали прибывать в Соединенные Штаты через крупные порты на Восточном побережье, хотя делались попытки расселить их в других частях страны.

Обсуждая эту проблему в письме Паулю Натану от 28 декабря 1904 г., Шифф писал: «Опыт показывает, что, куда бы ни направлялась эмиграция, города, в которые прибывают иммигранты, всегда находят способ избавиться от большого их числа, просто «доставив» их в Нью-Йорк, что дешевле для местных общин, чем принять хотя бы частичное участие в их обеспечении и занятости. Тем не менее предлагаю Вам следующие подходящие порты, куда можно с пользой перенаправить часть потока эмигрантов: Филадельфия, Балтимор, Бостон, Новый Орлеан, Чарлстон, Саванна и Галвестон, а также Монреаль».

Существенные меры начали предпринимать не сразу. По собственному признанию Шиффа, Сарджент, уполномоченный США по иммиграции, намекал ему «в начале 1906 г.» на желательность некоего систематического плана для уменьшения скученности в городах Восточного побережья с помощью переправки иммигрантов в города на побережье Мексиканского залива. Судя по всему, над этим предложением Шифф думал несколько месяцев.

Летом 1905 г., через посредство Израэля Зангвилла, было образовано общество, получившее название «Еврейской территориальной организации» (ЕТО). Это общество ставило своей целью получить большую территорию, на которой могли бы обосноваться евреи из России и создать там автономное государство. Шифф считал данный план невыполнимым, считая, что понадобится не менее десяти лет на то, чтобы положение евреев в России заметно улучшилось, а страдать так долго невозможно. С другой стороны, он считал нужным использовать это движение и 24 августа 1906 г. обратился к Зангвиллу с письмом, в котором изложил план перенаправления кораблей из Нью-Йорка в другой порт: «В последний раз я писал Вам 5 июля и выразил надежду, что стремительно приближается время, когда положение евреев в России образуется так, чтобы позволить нашим притесняемым единоверцам жить если и не совсем в собственных «виноградниках и фиговых рощах», то по крайней мере в таких условиях, когда их существование перестанет быть невыносимым. Я по-прежнему надеюсь и верю, что реакция,

наступившая после разгона Думы, лишь временная и что вскоре мощные силы свободы, которые глубоко укоренились в русском народе, еще громче заявят о своих правах и создастся положение, которое принесет облегчение также и русским евреям.

Однако, поскольку сейчас наступила реакция, при всем ужасном значении, какое она может иметь для наших единоверцев, нам следует обдумать способы и средства, исполнение которых позволит тем нашим единоверцам в России, кто хочет покинуть родину, обрести страну, приспособленную для их немедленного приема. Мне кажется, что в данном срочном случае Еврейская территориальная организация, если она на время займется каким-либо реально осуществимым вопросом и отложит свой излюбленный замысел найти отдельную землю-убежище, где евреи смогут жить автономно, окажет большую услугу важному и насущному делу, которое мы все принимаем так близко к сердцу.

Я имею в виду следующее. Еврейская Территориальная организация может обдумать проект, посредством которого станет возможным направить поток эмиграции из России в американские порты на побережье Мексиканского залива – особенно Новый Орлеан, откуда иммигрантов охотно распределят в глубь страны, как я не сомневаюсь, в очень больших количествах. Например, по железной дороге из Нового Орлеана можно попасть на Тихоокеанское побережье, на Север и Северо-Запад, а также на Юг и Юго-Запад, что позволяет без труда и без особых затрат перевозить людей в эти части страны. После того как иммигранты высаживаются на берег в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии или Балтиморе, они обычно предпочитают там и оставаться, и несмотря на все усилия учрежденных организаций по переселению, лишь сравнительно небольшое их количество покидает эти центры – не говоря уже об огромной стоимости перевозки из городов Атлантического побережья на Дальний Запад и Северо-Запад, что делает переселение больших партий иммигрантов с Востока, где наблюдается большая скученность, в американскую «глубинку», где постоянно требуются рабочие всех специальностей, задачей почти невозможной. Еще никогда не предпринималась попытка надлежащим образом, тщательно организовать такое перемещение русской эмиграции, как я очертил выше. Оно было более или менее – скорее более – предоставлено агентам пароходств, которые направляли потоки по своему усмотрению, и последствия не заставили себя ждать и растут в угрожающем темпе, как растет скученность в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе и Бостоне…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Через несколько дней он писал Паулю Натану, переслав ему копию этого письма и побуждал его и его коллег по «Обществу помощи немецким евреям» также принять участие в проекте и убедить Зангвилла и его сторонников в целесообразности такого замысла.

Зангвилл возмутился, решив, что его проект ЕТО хотят отодвинуть в сторону; последовал обмен письмами и телеграммами. 25 октября Шифф впервые упомянул наряду с Новым Орлеаном город Галвестон:

«Уважаемый мистер Зангвилл!

Вчера я провел совещание с Сайрусом Салзбергером, Оскаром Штраусом и профессором Лёбом относительно проекта, насчет которого мы с Вами вели переписку. Мы пришли к заключению, что Бюро переселения в Нью-Йорке, обладающее опытом и связями, которые оно уже подтвердило, прекрасно подойдет для того чтобы осуществить мой замысел, что касается работы по нашу сторону океана.

Имея это в виду, предлагаю Обществу по переселению создать филиал в Новом Орлеане, Галвестоне или обоих городах для того, чтобы принимать прибывающих иммигрантов и сразу же отправлять к месту их назначения, о чем следует предварительно договориться посредством нью-йоркского филиала «Общества по переселению». Для того чтобы осуществить план надлежащим образом, необходимо, чтобы представители «Общества по переселению» знали заранее, за 60 дней, о высадке эмигрантов в Новом Орлеане или Галвестоне. Кроме того, первая партия переселенцев не должна превышать 500 человек.

ЕТО, возможно, в союзе с организацией доктора Пауля Натана «Общество помощи немецких евреев», следует собрать предлагаемых эмигрантов, организовать пароходные маршруты и т. д. Что же касается расходов на данное предприятие, средства следует найти в Европе. Я, со своей стороны, обязуюсь перечислить в распоряжение «Общества по переселению» 500 тыс. долларов на начало проекта. Основываясь на подушевой стоимости переселения… полумиллиона долларов должно хватить для размещения 20–25 тысяч человек в американской «глубинке», и я считаю, что после успешного расселения такого количества эмигрантов другие охотно последуют за ними по доброй воле, а затем устойчивый поток иммиграции потечет через Новый Орлеан и Галвестон на территорию между Миссисипи на востоке, Тихим океаном на западе, Мексиканским

заливом на юге и канадскими владениями на севере.

Сейчас данный проект в большой степени находится в Ваших руках и в руках Ваших друзей; буду ждать с нетерпением и глубоким интересом, что из него получится…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Зангвилл предложил широко освещать программу в печати, чтобы она стала известна тем, кто собирается эмигрировать из России. На это Шифф согласился. Он был не против того, чтобы вся программа расселения считалась инициативой ЕТО, однако добавил: «Выражаю желание, чтобы мое имя не поминалось всуе в связи с программой, ибо, хотя я… собираюсь предоставить часть необходимых средств и намерен всячески способствовать переселению, программа ни в коей мере не будет «программой Шиффа», поскольку других также просят помочь денежными средствами и личными усилиями – возможно, другие в обоих отношениях помогают больше меня. Поэтому называть программу моим именем значит в большой степени ставить под сомнение сомнению ее успех».

С другой стороны, Шифф, хотя в его отношении не было ничего личного, склонялся к тому, чтобы ЕТО ограничивало свою деятельность Европой. 3 декабря 1906 г. он писал Сайрусу Л. Салзбергеру: «Я не согласен с предложением, чтобы филиалы в Галвестоне и Новом Орлеане назывались штаб-квартирами ЕТО. По-моему, достаточно того, что работа будет проводиться так называемыми «Бюро по переселению», но что касается американской стороны, распределение и расселение иммигрантов не следует выделять особо. ЕТО, повторяю, может взять себе всю славу начала этой иммиграции в Европе, но, как только иммигранты прибывают в нашу страну, они не должны нести нравственных обязательств ни перед кем, кроме правительства Соединенных Штатов. Именно и особенно по этой причине я хочу, чтобы мое имя не упоминалось в связи с этим планом, и вы должны со всей определенностью сказать мистеру Зангвиллу, что он не уполномочен упоминать в связи со своим манифестом мое имя».

ЕТО, судя по всему, не сразу согласилось на такие условия, но к началу 1907 г. Шифф и ЕТО договорились. Все понимали: без содействия со стороны европейских ассоциаций невозможно отобрать и направить поток эмигрантов в какой-либо из южных портов. Эмигранты из России в основном прибывали через Германию, где о них необходимо было заботиться и откуда затем их отправляли в Америку. Пароходство «Ллойд» предлагало

послать суда в Галвестон, и Шифф также обращался к судовладельцу Альберту Баллину, предложив, чтобы его компания «Гамбург – Америка Лайн» организовала прямой рейс в Галвестон.

В январе 1907 г. в Галвестон послали Морриса Д. Уолдмена, чтобы тот в роли генерального агента организовал там работу. Через него передали письмо Генри Коэну, раввину этого города, которому также в общих чертах объяснили суть программы. Коэн выказал к ней большой интерес, и, хотя официально он не был связан с «Бюро информации иммигрантов», он оказывал движению ценные услуги в годы его существования. К тому времени американская сторона уже разработала предварительный план мероприятий. Английское и немецкое общества согласились сотрудничать по галвестонской программе, чего нельзя сказать о Еврейском колонизационном обществе. В июне Шифф обратился к Нарциссу Левену, президенту этой организации, в попытке примирить европейские общества. С той же целью он написал своему другу Чарлзу Л. Халлгартену, который тогда жил во Франкфурте.

Летом 1907 г. Моррис Лёб, зять Шиффа, организовал собрание ЕКО в Париже, однако на нем также не удалось достичь взаимопонимания. Колонизационное общество требовало, чтобы именно оно осуществляло общее руководство, на что Шифф согласиться не мог, потому что уже договорился с английской и немецкой ассоциациями. 16 августа 1907 г. он написал Нарциссу Левену в Париж письмо, в котором подытожил сложившееся положение дел. Он отрицал, что галвестонская программа – его личное детище, и намекнул, что эту программу около двух лет назад предложил ему уполномоченный США по иммиграции из-за переполненности портов на Атлантическом побережье. Далее Шифф указал, что в принципе он не слишком благосклонно относится к движению ЕТО: даже после того, как Ротшильд, Оскар Штраус и другие видные люди согласились войти в так называемую Географическую комиссию ЕТО, Шифф отказался последовать их примеру. Правда, он считал, что, если ЕТО поможет довести до конца программу по расселению иммигрантов в Соединенных Штатах, выгода будет двойной: они достигнут полезной цели, а ЕТО развернется к практическим делам.

Тем временем многие думали о том, как расселить иммигрантов после их прибытия в Галвестон. Если можно о чем-то судить по обширной переписке, которую вел Шифф относительно галвестонской программы, становится ясно, что он принимал ее очень близко к сердцу. Он всеми силами стремился

воплотить программу в жизнь. 15 февраля 1907 г. он написал Оскару С. Штраусу, который тогда стал государственным секретарем (министром) по делам торговли и труда, призывая учредить в Галвестоне иммиграционную базу, сыгравшую бы важную роль в осуществлении программы. Через несколько недель, находясь в Вашингтоне, Шифф встретился с президентом

Рузвельтом и сообщил, что он «особенно рад, что мы предпринимаем такие усилия для того, чтобы открыть новую дверь для иммиграции в Соединенные Штаты, а не сосредотачиваем иммигрантов в портах Северной Атлантики, как было до сих пор».

Джейкоб Билликопф, который в то время руководил еврейским благотворительным обществом в Канзас-Сити и помогал распределять переселенцев, вспоминает, как в Галвестон прибыл пароход «Кассель», который привез туда первую группу еврейских иммигрантов, в которую входило несколько сотен человек; они высадились в Галвестоне 1 июля 1907 г. Их отбирали Дэвид М. Бресслер и Уолдмен, которые ранее распределяли иммигрантов в Нью-Йорке. Раввин Коэн вспоминает, что приветствовать вновь прибывших пришел мэр Галвестона Г.А. Ландес. Он пожал руку каждому – к их огромным удивлению и радости. Один из молодых людей, под влиянием момента, вышел вперед и с запинками, но на правильном английском языке поблагодарил мэра. «В нашей стране, России, – сказал он, – такая сцена была бы невозможна! Мэры наших городов нас абсолютно не замечают, как и других людей нашего положения. Вы приветствовали нас, мистер мэр, и мы благодарны. Возможно, настанет время, когда мы понадобимся американскому народу, и тогда мы послужим ему своей кровью!»

Иммигрантов распределяли в соответствии с их профессиями: мясников – в города с мясоперерабатывающими предприятиями, такие, как Канзас-Сити, Форт-Уэрт и Омаха; плотников – в центры производства мебели, например, Гранд-Рапидс и Топику; кожевников – в Милуоки и т. д. Местные комитеты снабжали вновь прибывших одеждой и жильем. Сразу же устроили вечерние курсы, на которых иммигранты изучали английский язык. Большинство из первой партии пробыло в Галвестоне всего две недели; вскоре они встали на ноги и даже смогли переводить деньги «на родину». По просьбе Шиффа Билликопф периодически посылал ему групповые снимки прибывавших иммигрантов. Под снимками помещали подписи с именами, городами, куда направлялся тот или иной человек, его профессией и размером начального жалованья.

Программа началась так благоприятно, что вскоре

пароходство Лиланда также предложило организовать регулярные рейсы в Галвестон, помимо уже существующих рейсов судоходных компаний «Гамбург – Американ» и «Северогерманский Ллойд». Но вскоре после запуска программы наступила большая финансовая паника 1907 г., и последовавшая за ней безработица сделала практически невозможным устройство на работу в США иммигрантов. К концу года пришлось просить о задержке рейсов из Европы. Спад деловой активности продолжался дольше, чем ожидалось; но когда в 1909 г. промышленные условия на Западе выказали признаки существенного улучшения, Шифф активно способствовал тому, чтобы программа возобновилась, и жаловался, что ЕТО посылает меньше эмигрантов, чем готов принять Галвестон.

22 декабря 1909 г. он написал управляющему Трансконтинентальной пассажирской ассоциацией в Чикаго об особых тарифах. Письмо рисует точную картину сложившегося тогда положения: «Последние два с половиной года «Информационное бюро еврейских иммигрантов», благотворительное учреждение, расположенное в Галвестоне, направляет еврейских иммигрантов из крупных портовых городов Атлантического побережья на Запад и Юго-Запад… Ваша комиссия разрешила бюро ввести «иммигрантский», «особый» и «благотворительный» тарифы, однако последний из них действует лишь для штатов Техас и Луизиана… Люди, которые с помощью Бюро расселяются на вашей территории, распределяются по шестнадцати штатам и территориям к западу от реки Миссисипи, более чем в сто крупных и мелких городов. Они представляют собой лучшую часть заокеанского еврейского населения и обладают пионерским духом…

Каждый иммигрант оставляет на родине многочисленных родственников и друзей, которые, при естественном развитии событий, склонны последовать за ним. Такой поток желательных иммигрантов будет способствовать дальнейшему развитию западных территорий, особенно появлению там новых транспортных сетей. В свое время такой прирост населения на Западе, благодаря росту производства, существенно улучшит грузоперевозки всех железнодорожных компаний на Западе и Юго-Западе. По достижении конечной цели железные дороги страны могут стать важным фактором, так как способны предложить особые тарифы, которые станут важной уступкой потребностям иммигрантов. Ваш «благотворительный» тариф стал определенным признанием потребностей тех, кто стремится начать жизнь заново в Техасе и Луизиане.

Я – председатель «Информационного бюро еврейских

иммигрантов», учреждения, которое заведует этой программой. Не приходится и говорить о том, что успех программы, которую мы начали, я принимаю близко к сердцу. Поэтому надеюсь, что Вы уделите данному вопросу самое серьезное и благожелательное внимание».

Когда Департамент торговли и труда начал склоняться к мнению, что помощь иммиграции следует законодательно запретить, Шифф пылко отстаивал свои позиции в письме к Б.С. Кейблу, тогдашнему помощнику секретаря Департамента:

«22 августа 1910 г.

Сэр!

Недавние действия, предпринятые Вами в связи с русско-еврейскими иммигрантами, прибывающими в Галвестон, вынуждают меня напомнить Вам о том, что… четыре или пять лет назад, когда я беседовал с ныне покойным уполномоченным по иммиграции Сарджентом, последний внес предложение, что разумно со стороны тех, кто принимает близко к сердцу благополучие еврейских иммигрантов, попытаться перенаправить постоянный мощный поток еврейских иммигрантов из России с Нью-Йорка и других портов Атлантического побережья в порты, расположенные южнее, особенно на берегах Мексиканского залива, чтобы предотвратить слишком большое скопление этих иммигрантов в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Балтиморе и соседних городах. Действуя в соответствии с этим разумным предложением тогдашнего уполномоченного Сарджента, я тщательно и осторожно изучил вопрос и учредил «Информационное бюро» в Галвестоне для тех еврейских иммигрантов, которые пожелали бы избрать Галвестон местом высадки в Соединенных Штатах. Галвестон был выбран потому, что туда уже ходил регулярный рейс из Бремена, но главным образом благодаря тому, что все пункты между рекой Миссисипи и Тихоокеанским побережьем, Мексиканским заливом и северной границей Соединенных Штатов легкодоступны по железной дороге, которая идет из Галвестона.

Галвестонское бюро должно было помогать прибывающим иммигрантам всей необходимой информацией и всячески способствовать их немедленной отправке на обширную территорию к западу от Миссисипи, где местные комитеты добровольцев подыскивали бы им подходящую работу. Мы ни в коем случае не стремились обеспечить рабочей силой определенные отрасли промышленности или заменить ими бастующих; мы не требовали никакого вознаграждения ни от работодателей, ни от работников. Более того, работа Бюро до

некоторой степени дублирует работу «Бюро промышленного переселения», отделения которого существуют в Нью-Йорке и других крупных портах на Атлантическом побережье, за тем исключением, что последние пытаются избежать скученности, переселяя проживающих на Атлантическом побережье безработных натурализовавшихся иностранцев, в то время как Галвестонское бюро имеет дело с иммигрантами, которые только прибывают в страну. То, что наша работа легальна, доказано мнением судов, когда Южная Каролина ввозила ткачей из Фландрии, а также актом конгресса, в соответствии с которым Вы сейчас руководите работой Департамента иммиграции, решением которого создан, в частности, пункт приема иммигрантов на Эллис-Айленде. Правда, последний должен содержаться за государственный счет, в то время как расходы по содержанию Галвестонского бюро не ложатся бременем ни на государство, ни на налогоплательщиков.

Для того чтобы склонить будущих иммигрантов прибывать в Соединенные Штаты более долгим и более дорогим маршрутом, в Европе пришлось о многом договариваться… Еврейская территориальная организация, которой была поручена эта задача, никоим образом не стремится пропагандировать иммиграцию в Соединенные Штаты. Ее единственная цель в корне другая, но ее руководство, так же как мои помощники и я сам, были так убеждены во вредности скопления иммигрантов на Востоке, что они также пожелали воспользоваться услугами своих местных комитетов с целью перераспределить поток иммиграции. Нашу работу никоим образом нельзя назвать побуждением к иммиграции или нелегальной помощью; Вы сами признаете… что любой иммигрант, прибывающий в Галвестон, мог бы, без помощи этого общества, высадиться в Нью-Йорке. Насколько мне известно, никакие средства из нашей страны до сих пор не передавались в распоряжение европейского общества. Его работа всецело благотворительная и беспристрастная.

С самого начала в 1907 г. поток в Галвестон, пусть и небольшой, был устойчивым – с начала программы город принял всего около 2 тысяч человек. В основном в Галвестон прибывали мужчины, которые, прочно встав на ноги, перевозили к себе своих близких… и происходило воссоединение семей. По-моему, я не слишком преувеличу, если скажу, что почти никто из прибывших через Галвестон не стал сидеть на шее у государства. Наоборот, эти иммигранты охотно расселялись по всему Западу, Северо-Западу и Юго-Западу и пополнили собой… рабочее население данных регионов. Пройдет время, и их успехи привлекут многих других, кто, без этих первых поселенцев, пошел бы путем

наименьшего сопротивления и осел в и без того переполненных городах Атлантического побережья… а не направлялся бы на обширные территории к западу от Миссисипи, где они очень нужны и где их примут с радостью.

Конечно, стремясь развить успех… те, кто стоят за так называемой галвестонской программой, имеют полное право ожидать доброжелательное отношение со стороны властей. До недавних пор им в таком отношении не отказывали. Однако в последнее время и без всяких веских причин Департамент торговли и труда изменил свое отношение и теперь создает ненужные трудности на пути прибывающих в Галвестон. Если продолжать в том же духе, подобное отношение способно прекратить галвестонскую программу. Сейчас ее… можно сравнить с нежным и медленно пробивающимся ростком, которому требуется много заботы и внимания – и из-за такого отношения федеральных властей первая практическая попытка облегчить бремя портовых городов на Атлантическом побережье, хотя бы в небольшой степени, от постоянного и растущего наплыва иммигрантов-евреев из России будет сведена к нулю. Авторитетный консультант уверяет нас, что никакие наши действия в связи с данной программой не противоречат закону. Но, помимо этого, законы можно истолковать в либеральном или узком смысле, и именно от руководства или властей зависит применение закона в том духе, какого требуют обстоятельства. Разумеется, ни обстоятельства, которые вызвали к жизни галвестонскую программу, ни существующие условия не требуют возводить ненужные препятствия на пути приема иммигрантов в Галвестоне и их распределения в соответствии с теми требованиями, какие рекомендовало и одобрило правительство.

Вред, причиненный по причине нынешнего враждебного отношения Департамента, уже очень велик, и если такое отношение вызовет – что вполне вероятно – полный распад галвестонской программы, оно в то же время покончит со всеми усилиями отклонить поток иммигрантов от Нью-Йорка и городов Атлантического побережья, что, повторяю, является единственной целью работы, которая сейчас проводится в Галвестоне. Вполне очевидно, что ответственность за это… американский народ возложит на администрацию президента Тафта. Я посылаю президенту копию письма, поскольку он, возможно, пожелает лично заняться этим немаловажным вопросом. Кроме того, прошу переслать письмо секретарю Нейджелу по его возвращении в Департамент.

С уважением,

Джейкоб Г. Шифф».

Несмотря на препятствия, 23 августа 1910 г. он писал Зангвиллу: «Лично я не обескуражен. Крупные и далеко идущие программы, как та, которой мы сейчас занимаемся, редко осуществляются без каких-либо трудностей, и я по-прежнему верю, что мы с Божьей помощью преодолеем препятствия, которые воздвигают на нашем пути».

Поскольку заместитель министра торговли и труда высказал мнение, что галвестонская программа способствует росту иммиграции, Шиффу пришлось вести активную переписку со многими людьми, чтобы развенчать такое представление. По его настоянию были подготовлены самые подробные отчеты, в которых приводились имена всех иммигрантов, прибывших в Галвестон с начала программы, с указанием их профессии, чтобы опровергнуть утверждения о том, что государству придется содержать новых иммигрантов. Генеральному прокурору, Джорджу У. Уикершему, Шифф посылал многочисленные сводки и проспекты, в которых обсуждаются затронутые в переписке юридические вопросы.

То, что его боевой дух подхлестывали продолжающиеся попытки чиновников препятствовать направлению иммигрантов в Галвестон, видно из следующей телеграммы. Следует, однако, помнить, что трудности создавались задолго до того, как вступили в силу нынешние иммиграционные законы:

«12 января 1911 г.
Генри Берману,
Галвестон (Техас)

Подавайте апелляцию по всем случаям отказа, которые мотивируются опасениями, будто иммигрантов придется содержать за государственный счет. У инспекторов нет абсолютно никаких полномочий отказывать иммигрантам на том основании, что они не располагают достаточными средствами на переезд к месту жительства, выбранному Бюро. Сделайте выборку из всех иммигрантов независимо от суммы, какая имеется в их распоряжении, и обращайтесь к руководству во всех случаях, когда Бюро откажется полностью оплатить транспортировку к месту назначения. Следуйте данной процедуре во всех случаях. Изложите это в апелляции. Выясните, обладает ли инспектор Хэмптон копией последнего меморандума секретаря Нейджела по галвестонским делам, который имеется у меня в кабинете. Кроме того, перешлите мне по телеграфу выдержку из протокола слушаний. Еще раз напоминаю, что вам следует сделать выборку мест назначения совершенно независимо от средств, какими

располагают иммигранты. Ответственность и право Бюро оплачивать расходы по транспортировке всецело признавались Департаментом. Не знаю, что Вы имеете в виду в последнем предложении Вашей телеграммы, но ни при каких обстоятельствах не допускайте депортации из-за нехватки средств.

Джейкоб Г. Шифф».

К декабрю 1912 г. через Галвестон прошли более 5 тысяч иммигрантов, и комитет перечислил 150 тыс. долларов, приблизительно по 30 долларов за человека. По его оценкам, можно было бы размещать минимум по 250 иммигрантов в месяц, если бы европейские страны присылали такое количество; но организациям по другую сторону океана все труднее оказалось находить общий язык. Это, в сочетании с трудностями, какие чинило правительство Соединенных Штатов, вынудило комитет прекратить работу в сентябре 1914 г., как отметил Шифф в резюме, опубликованном за несколько месяцев до того[40]. Начало войны, конечно, сразу же положило конец всякой иммиграции.

Однако история имеет своего рода эпилог. Билликопф рассказывает, как Шифф, который в 1915 г. поехал на выставку в Сан-Франциско, телеграфировал ему в Канзас-Сити, что он хочет встретиться с некоторыми иммигрантами, въехавшими в США через Галвестон, предпочтительно у них дома и от них самих услышать, как они устроились на новом месте: «Мистер Шифф и его спутники прибыли в Канзас-Сити 12 апреля 1915 г. Проведя минимум времени в отеле, он тут же отправился в длительную и для всех остальных утомительную поездку. Но по мере того, как мы переходили из дома в дом, в беднейших кварталах города, он как будто набирался сил и энергии. При виде того, как эти люди преодолевают трудности, стараясь духовно и экономически приспособиться к новому окружению, при виде радости и решимости, какую он замечал на многих лицах, он испытал огромное удовлетворение.

Но больше всего он обрадовался… посещению вечерней школы, где собралась большая группа иммигрантов. После целого дня тяжелого труда они пришли сражаться с трудностями английского языка, акцентом и синтаксисом. В тот вечер в классе, состоявшем из иммигрантов, обсуждали тему «Авраам Линкольн». На тот день у мистера Шиффа была запланирована еще встреча в Ассоциации банкиров Миссури, где он должен был произнести речь… Ассоциация спешила воспользоваться его приездом в Канзас-Сити. Конечно, ожидалось, что этот знаменитый банкир, выступая на собрании банкиров, будет

говорить о банковском деле, экономике или финансах. Кроме того, те, кто знали мистера Шиффа, помнили о его пунктуальности. Но на то собрание банкиров штата Миссури он опоздал. Он опоздал потому, что не мог уйти из класса, полного иммигрантов. Так он объяснил свою задержку, когда наконец, спустя почти час, он все же приехал в Ассоциацию банкиров. И тогда… он подробно рассказал чудесную историю галвестонской программы. Было очевидно, что он очень растрогался. То же можно сказать и о его слушателях. Он зачитал вслух сочинение, написанное иммигрантом, который провел в нашей стране всего полгода. Темой сочинения был Авраам Линкольн, и, прочтя его, Шифф изложил свою концепцию американизации. Для него американизация была вопросом не внешнего приспособления – речи, одежды, поведения, – но скорее духовного. Любовь к Америке, к ее учреждениям, к ее идеалам – вот что такое американизация».

Так окончилась галвестонская программа. Хотя вопрос еврейской эмиграции очень заботил Шиффа, он примерно так же относился к итальянской и другим волнам иммиграции. Кроме того, он предвидел, что перенаселенность городов на Восточном побережье окончится движением против иммиграции, из-за чего впоследствии будут приняты более суровые законы… Он никогда не забывал о тяжелом политическом и экономическом положении своих единоверцев в России и старался сделать все, что в его силах, чтобы хоть немного облегчить им жизнь, а не заниматься большими утопическими планами, которые могли помочь лишь небольшому числу людей или были осуществимы в отдаленном будущем. Он никогда не стремился переместить в другие места основную массу восточноевропейских евреев. Он часто говорил, что вопрос российских евреев должен быть решен в России, но ему казалось, что на существовавшие тогда условия, по которым евреям в России запрещено было владеть землей, которые заставляли их селиться скученно на небольшом куске обширной империи, обитать чуть ли не на головах друг у друга, – условия, которые в конечном счете выльются, если так будет продолжаться и дальше, в деградацию его единоверцев и нанесут ущерб хорошей репутации всего народа – невозможно взирать равнодушно.

40 % предположительного числа иммигрантов были расселены к западу от Миссисипи, и Шифф надеялся, что после окончания мировой войны работа возобновится в более крупном масштабе не только в Галвестоне, но и в Новом Орлеане и на Тихоокеанском побережье; но сам он не дожил до возобновления программы, выполнение которой стало невозможным из-за

изменившейся обстановки как в Европе, так и в Америке.

Отношение царского правительства России к еврейскому населению начиная с 1880 г. очень беспокоило Шиффа, отнимало у него много сил и в некоторой степени влияло даже на его дела.

Одно из его самых ранних публичных высказываний по данному вопросу было вызвано заявлением американского посланника в Санкт-Петербурге в 1890 г., который считал, будто «в России не существует никакого преследования евреев». Шифф привлек к этому внимание Ораса Уайта, тогда редактора нью-йоркской «Ивнинг пост», выразив надежду, что американская пресса даст правдивый обзор того, что происходит в России. 20 декабря 1890 г. он в числе других присутствовал на совещании с Джеймсом Г. Блейном, государственным секретарем, после которого написал Исидору Лёбу (не родственнику), секретарю Всемирного еврейского альянса в Париже: «Мистер Блейн заверил нас, что ему прекрасно известно, что отчеты, представленные м-ром Чарлзом Эмори Смитом, нашим посланником в Санкт-Петербурге, не точны, но последний – человек честный, просто его обманули».

В 1891 г. он вместе с Джессом Зелигманом, Оскаром С. Штраусом и другими решил привлечь к ситуации в России внимание президента Гаррисона, и именно после их беседы в Россию была отправлена комиссия в составе полковника Джона Дж. Вебера и доктора Уолтера Кемпстера для изучения обстановки. В результате президент Гаррисон упомянул о положении евреев в России в своем послании конгрессу, что, по крайней мере в первое время, было воспринято в России благожелательно[41]. Шифф рекомендовал Гилберту Э. Джонсу, тогдашнему редактору нью-йоркской «Таймс», опубликовать статью Гарольда Фредерика, за которой последовали другие статьи, а затем и книга под названием «Новый исход».

Позже Шифф затронул эту тему на мероприятии, которое во всех остальных смыслах должно было стать радостным. Джесс Зелигман собирался отправиться в длительную поездку по Европе, и директора еврейских благотворительных ассоциаций в Нью-Йорке, вместе с попечителями синагоги «Эману-Эль», устроили в его честь ужин. Среди тех, кто произносил тосты, были Абрам С. Хьюитт, Сет Лоу, Оскар Штраус, Эллиотт Ф. Шепард и Джулиус Голдмен. Шифф председательствовал на ужине и, сказав о своем теплом отношении к гостю, воспользовался случаем и вкратце нарисовал картину существующих ужасов в России: «Никогда еще с тех пор, как наши предки обрели дом в этом полушарии, не требовалось столько людей, преданных интересам нашего народа, чем в нынешнее

время. Десятки тысяч наших несчастных единоверцев выталкивают к нашим берегам. Их вынуждает эмигрировать нетерпимая родина, которая отказывает им в самом праве на существование. Повторяются средневековые сцены, мы невольно вспоминаем времена Фердинанда и Изабеллы, и это происходит в тот самый миг, когда, по прошествии четырех столетий, мы готовимся отпраздновать открытие континента, который один стал безопасным убежищем для всех угнетенных народов. Но, друзья мои, история повторяется! Ссыльные пятнадцатого века в немалой степени способствовали процветанию стран, давших им приют, в то время как Испания, тогда диктатор Европы, пришла в упадок и утратила силу и влияние».

В 1892 г. в России случился большой голод, и нью-йоркская Торговая палата предприняла шаги по сбору средств в помощь голодающим. Хотя Шифф принимал участие в сборе средств, он был против того, чтобы позволить распределять средства российским правительственным чиновникам, которых он в письме Чарлзу Б. Стоверу 3 февраля 1892 г. назвал «продажными и ненадежными тиранами». Он предлагал вместо того оплачивать расходы через графа Толстого.

Боясь, что его единоверцы откажутся жертвовать деньги на том основании, что русский народ преследует его собратьев, Шифф 8 февраля опубликовал заявление, призывая их участвовать в помощи и напоминая, что гонения на евреев в России инспирированы правительством.

В то время он содействовал изданию журнала под названием «Свободная Россия», который пытался распространять правду о России в англоязычных странах. В 1892 г., когда послом в России был назначен Эндрю Д. Уайт, Шифф вместе с другими попечителями «Фонда Гирша» поздравил Уайта с назначением, выразив надежду, что Уайт на досуге займется еврейским вопросом, но не позволит себе «подпасть под влияние атмосферы, часто превалирующей в придворных кругах».

В 1903 г. стало известно об ужасном погроме в Кишиневе (Бессарабия), во время которого 45 евреев были убиты и 66 тяжело ранены. По сравнению с более поздними погромами количество жертв было сравнительно невелико, однако Шифф был возмущен до глубины души. Он обратился к правительству США и сразу же начал принимать меры для помощи пострадавшим. Он послал два письма государственному секретарю Джону Хею. 27 мая того же года Шифф принял самое активное участие в общественном собрании в Карнеги-Холле, где говорил о своих чувствах. Вместе с Оскаром С. Штраусом, Сайрусом Л. Салзбергером и другими он собирал средства для

помощи пострадавшим.

После писем к Хею Шифф 7 июня 1903 г. обратился к президенту Рузвельту: «В то время, когда Вы находились в отъезде… произошли ужасные события в Кишиневе. Едва ли эти зверства, равных которым не найти и в Средневековье и о которых мы читаем с содроганием, станут известны в полной мере всем, кроме правительства России… Возможно ли организовать какие-либо дипломатические действия со стороны нашего или других правительств, дабы выразить протест против действий правительства России? Не верится… что такое преступление против человечества совершилось в начале XX века. Однако сейчас не время взывать к России, поскольку дипломатическими средствами невозможно… выразить наше возмущение и отвращение к продолжающимся систематическим преследованиям и угнетению тех подданных империи, которые не принадлежат к православной церкви…»

Комитет организации «Бней Брит» обратился к государственному секретарю и попросил направить петицию, которую подготовили члены этой организации, относительно отношения к евреям. Хей выразил свое сочувствие членам комитета, однако указал: маловероятно, что правительство России получит такую петицию, посылка которой противоречит международным обычаям. Президент, который тогда находился в своей загородной резиденции в Ойстер-Бэй, отнесся к проблеме со своей обычной энергией и тут же согласился направить такую петицию. Депеша, подписанная Хеем, была составлена Рузвельтом. Большой опыт Хея в дипломатических делах позволил ему заранее предсказать, что правительство России откажется от получения такой петиции. Однако его вклад в решение вопроса заключался в том, что, вместо того чтобы посылать депешу в зашифрованном виде, он отправил ее открыто, уверенный, что, хотя в получении будет отказано, тем не менее депеша дойдет до правительственных чиновников и, возможно, возымеет какое-то действие. Шифф изначально не одобрял подобных ухищрений, но, после того как депеша была отправлена, выразил свое мнение в письме Нарциссу Левену от 21 июля: «Вы, несомненно, слышали об отказе русского правительства прочесть американскую петицию, но мы считаем, что тем не менее намерения, выраженные в петиции, осуществились, и можем лишь надеяться, что в России понимают: наша великая страна пристально следит за ее действиями, касающимися отношения к еврейским подданным».

Рузвельт написал Шиффу 1 января 1904 г. в ответ на телеграмму от 31 декабря, в которой Шифф привлекал внимание

президента к известиям о новых эксцессах в России, что самым внимательным образом следит за положением дел. Очевидно, эти слухи волновали евреев в других странах, что отмечено в письме Шиффа от 4 января 1904 г. в фирму «Огаст Белмонт и К°» для последующей передачи Ротшильду:

«Господа!

Я получил копию второй телеграммы лорда Ротшильда, которую Вы любезно переслали мне. Из ее содержания я понял, что у лорда Ротшильда сложилось впечатление, будто я всячески призывал наше правительство принять меры, которые заставили бы русские власти пообещать, что повторения того, что случилось в Кишиневе, не будет. На самом же деле я успел сделать очень мало; скорее пресса, которая подробно комментировала слухи и опасения, несомненно дошедшие до президента, побудила сделать шаги, которые окончились вышеупомянутыми заверениями со стороны правительства России. Прилагаю копию письма, которое я получил сегодня утром от президента Рузвельта, и прошу передать его лорду Ротшильду… Особо настаиваю, чтобы вы ознакомили его с тем, что я написал выше, чтобы его светлость не приписывал мне тех почестей, которых я недостоин…

Искренне ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Новые дурные предчувствия возникли у Ротшильда с началом Русско-японской войны, и весной того же года, когда Шифф находился во Франкфурте, Ротшильд получил известие о готовящихся еврейских погромах в Одессе. На его письмо Шифф ответил:

«Франкфурт, 4–5 апреля 1904 г.

Дорогой лорд Ротшильд!

Через своего племянника, Отто Шиффа, я в прошлый четверг, по Вашему настоянию, сделал телеграфный запрос и попросил американское правительство официально информировать Россию, что обстановка в Одессе, способная спровоцировать погромы во время Пасхи, очень похожа на то, что происходило год тому назад в Кишиневе; судя по полученным Вами сведениям из надежных источников, приходится опасаться большой катастрофы. Племянник сообщил мне, что Вы переписывались с лордом Лансдауном в попытке уговорить правительство Великобритании послать России ноту, сходную с той, какую я, по Вашей просьбе, собирался предложить американскому Государственному

департаменту.

Из-за моего отсутствия, а также из-за того, что я считаю наилучшим лично доложить правительству о положении дел в соответствии с полученными Вами сведениями из Одессы, а не переписываться с президентом Рузвельтом или государственным секретарем Хеем по телеграфу, я срочно дал телеграмму моему другу, мистеру Оскару Штраусу, к мнению которого прислушиваются и президент, и мистер Хей, описав ему положение дел в Одессе, изложенное Вами, и попросил его срочно связаться с президентом Рузвельтом и уговорить его, если возможно, выразить через нашего посла в Санкт-Петербурге надежду, что сведения об обстановке в Одессе и наши страхи безосновательны. Вчера утром я получил ответ от м-ра Штрауса. Президент Рузвельт сразу же направил России ноту, составленную в самых энергичных выражениях, через графа Кассини, российского посла в Вашингтоне. Все вышесказанное я уже передал по телеграфу Отто Шиффу, попросив его послать копию телеграммы Вам, что он, несомненно, и сделал.

Пока все идет неплохо. Однако я считаю необходимым добавить, что, если бы не срочность Вашей просьбы, в такое время, как сейчас, я бы поостерегся снова просить от нашего правительства действий, поскольку сведения все же основаны на слухах, подтвердить которые со всей достоверностью я пока не могу. Учитывая все, что уже случилось в России, и понимая, сколь вопиюще ненадежно ее правительство, трудно поверить, что в нынешнем положении, когда Россия так нуждается в благожелательном отношении к себе других стран, в чем она стремится всеми способами заручиться, ее правительство допустит новые погромы, которые возмутят общественное мнение за ее рубежами, особенно в Соединенных Штатах. Ввиду такого отношения к происходящему я считал неблагоразумным снова просить наше правительство о посредничестве, ибо, даже зная, что мы всегда можем рассчитывать на гуманность президента Рузвельта и его содействие для предотвращения, насколько это в его силах, гонений на наших единоверцев в России, боюсь, мы слишком часто кричим «Волки, волки!» и таким образом ослабляем оружие, которое мы должны приберегать на крайний случай, который, несомненно, еще представится. И все же, поскольку Вы сочли нужным призвать к действию наше правительство и правительство Великобритании, я не стал слагать с себя ответственность и отмахиваться от Вашего предложения. В свою очередь, буду с интересом ждать сообщения от Вас относительно того, к чему привели Ваши переговоры с лордом Лансдауном.

Боюсь, наших несчастных единоверцев в царской империи ждут трудные времена, и ради них самих, а также ради самой России можно лишь надеяться, что последствия конфликта между Россией и Японией приведут к такому восстанию против устоев, на которых сейчас держится Россия, что, наконец, в ней восторжествуют силы, стремящиеся привести страну к конституционному строю. До того дня… боюсь, решить еврейский вопрос в России будет невозможно. Пять миллионов человек не могут эмигрировать, и сколько бы евреев ни покинуло Россию, пять миллионов навсегда останутся там. Их благополучие может быть достигнуто только путем предоставления им равных возможностей, равных прав и равных обязанностей с прочим населением России.

Дело будет двигаться медленно, поистине очень медленно… и тут сможем помочь мы, если сделаем все, что в наших силах, дабы помешать укреплению правительства России в его нынешнем виде. Горжусь тем, что мне удалось свести к нулю все усилия, которые в течение последних четырех или пяти лет предпринимались Россией, стремившейся разместить на американских рынках свои займы. Еще 4 года назад по просьбе мистера Витте в Нью-Йорк прибыл мистер Ротштейн, крещеный еврей, представитель «Санкт-Петербургского международного коммерческого банка». Он пытался вести переговоры о размещении у нас серии российских казначейских билетов.

Ротштейн со своей стороны обещал заручиться содействием м-ра Витте в отмене так называемых «майских законов», не говоря уже о финансовых преимуществах, которые он предлагал моей фирме, если мы окажем правительству России содействие в размещении займа. Мы ответили резким отказом, заявив мистеру Ротштейну, что обещания ничего не стоят и что, если они хотят получить наше содействие, определенные шаги необходимо сделать до того, как Россия попытается разместить свои займы в Америке, а до тех пор мы употребим все наше влияние против того, чтобы Россия закрепилась на американских денежных рынках. Итак, попытка была сделана, однако она окончилась полным провалом.

Можно ли рассчитывать на такую же позицию со стороны влиятельных и крупных еврейских банкирских домов по всей Европе? К сожалению, прежде – Вам это известно лучше, чем мне – все было не так. Скоро правительство России снова обратится к европейским денежным рынкам, что несомненно произойдет, и в большом масштабе. Можно ли надеяться, что влиятельные банкиры еврейского происхождения не удовлетворятся одними заверениями русского правительства, что оно будет хорошо себя

вести по отношению к своим несчастным еврейским подданным – нам известно, как легко давать и нарушать подобные обещания, – и не только откажут России в содействии, но постараются всеми возможными способами противодействовать любым российским займам, пока не изменится существующее положение дел. Судя по опыту последних лет, если все окажется иначе, если наши влиятельные европейские единоверцы по крайней мере не употребят доступные им средства, чтобы дать понять русскому правительству, что оно не может без конца закрывать глаза на собственную постыдную практику в отношении своих еврейских подданных, мы станем свидетелями очередного недостойного зрелища, а нам, жителям Соединенных Штатов, придется со стыдом склонить головы и признать, что мы больше не имеем права искать благосклонности и содействия нашего правительства в пользу наших угнетенных собратьев.

Простите меня, лорд Ротшильд, что я написал Вам столь несдержанно, но то, чем полнится сердце, стремится наружу…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

7 июня В.К. фон Плеве, русский министр внутренних дел, через доктора Каценельсона из Либавы, выразил желание побеседовать с Шиффом, который тогда планировал поездку в Россию. Условия, которые изложил Шифф в связи со своим предполагаемым визитом, так и не были выполнены, возможно, отчасти потому, что за это время Плеве убили, однако они в высшей степени любопытны, так как отмечают уверенность его позиции и нежелание выступать в роли просителя:

«21 июня 1904 г.

Уважаемый доктор Каценельсон!

…Насколько я понимаю, Вы выразили желание, чтобы я приехал в Санкт-Петербург для беседы с его превосходительством фон Плеве по вопросу о мерах, которые следует принять, дабы улучшить положение наших российских единоверцев. Это благородная миссия, от которой мне и в голову не пришло отказаться; можете считать решенным то, что, если предварительные условия, которые я сейчас изложу, будут выполнены, я с радостью приму приглашение вашего министра внутренних дел и приеду в Санкт-Петербург осенью этого года. (Приехать раньше я не могу, поскольку два моих партнера сейчас находятся в Европе.)

Его превосходительство прав в том, что правительство России не может расценивать переговоры по финансовым договоренностям как эквивалент пересмотра юридического положения евреев в России или каких-либо мер в этом направлении. С другой стороны, вынужден напомнить, о чем я уже говорил Вам в Лондоне: нежелание американских денежных рынков размещать ценные бумаги из России и антипатия к России, значительно выросшая здесь в последнее время, вызваны чистым отвращением, какое здесь испытывают к системе правления, которая допускает такие вещи, как недавние кишиневские погромы и дискриминацию… существующую в России.

Евреи в Соединенных Штатах – даже учитывая рядовых иммигрантов из России – принадлежат к числу самых преданных патриотов, самых законопослушных граждан. В Англии евреи – хорошие англичане; во Франции и Германии они хорошие граждане этих стран. Мы, американцы, отказываемся верить, что русские евреи по собственной инициативе способны причинить экономический и политический ущерб своей родине. Нам кажется, что, если евреи и наносят ущерб, то только потому, что их родина – точнее, ее правительство – относятся к ним как к пасынкам…

Но я отклоняюсь от темы. Возвращаюсь к содержанию Вашего письма. Итак, если его превосходительство фон Плеве действительно хочет, чтобы я приехал, он не вправе требовать, чтобы я предстал перед ним как проситель, и не должен говорить (как Вы выразились в письме, адресованном его превосходительству, с которым он согласился), что он готов меня принять; он должен сказать, что хочет, чтобы я приехал, – и приглашение должно быть адресовано мне напрямую. Единственное условие, которое я ставлю, сводится к следующему. Я не могу въехать в страну, которая принимает меня лишь по

особому одолжению и которая закрыта для всех исповедующих иудейскую веру, за исключением тех, кому оказывают особое одолжение. Я приеду в Россию, если существующие ограничения против выдачи виз и паспортов для евреев-иностранцев будут сняты. Только после того, как это будет сделано, иностранные евреи смогут въезжать в Россию, не теряя чувства собственного достоинства.

По моему мнению, правительство России окажет самому себе огромную услугу, если воспользуется представившейся возможностью и отменит существующие ограничения по собственной инициативе. Если оно этого не сделает, правительства других стран, особенно наше, в конце концов найдут способы и средства принудить уважать всех своих граждан без исключения. Я хочу приехать как друг российского правительства и надеюсь, что будет возможно выполнить условие, которое я излагаю. В этом случае я увижу в выполнении предложенной Вами миссии благороднейшую задачу моей жизни и посвящу ей все свои силы.

Пожалуйста, если Вы пожелаете и сочтете нужным, покажите мое письмо его превосходительству фон Плеве. Буду очень рад услышать новости по данному вопросу в соответствии с Вашим обещанием.

С наилучшими пожеланиями,
Джейкоб Г. Шифф».

31 июля он снова написал Каценельсону: «В ответ на Ваше письмо могу лишь сказать, что… после внезапной трагической кончины министра фон Плеве положение совершенно изменилось, и, боюсь, к ущербу для наших русских единоверцев, которые и без того подверглись суровым испытаниям. Такой акт насилия, как убийство фон Плеве, почти всегда вызывает сильную реакцию, а поскольку есть все основания полагать, что фон Плеве на своем опыте усвоил очень ценные уроки, способные помочь нашим единоверцам в России, нам очень жаль, что плоды такого опыта после внезапной смерти фон Плеве пропадут напрасно. Можно лишь надеяться, что власти Вашей великой, но теперь такой несчастной страны не только на примере покойного министра, но и на горьком опыте империи усвоят урок: даже величайшие и сильнейшие, будь то отдельная личность или целая империя, не могут грешить и оставаться безнаказанными и рано или поздно высшее правосудие постигнет даже самых могущественных…

Будьте уверены (и можете повторить мои слова господам из Санкт-Петербурга), что, когда и если я смогу оказать реальную

помощь в стране, с благополучием которой так глубоко связана судьба шести миллионов моих единоверцев, я готов посвятить себя этой задаче. Но я должен настаивать, как прежде, что Россия должна сделать первый шаг, причем *срочно*, до того, как этого настоятельно потребует международное общественное мнение. Необходимо ликвидировать существующие ограничения на выдачу паспортов евреям из других стран. Вот единственный способ, каким ее правительство может на деле продемонстрировать свою готовность к смене курса. Вы говорите, что Россия не может предоставить евреям из других стран больше прав, чем она предоставляет своим собственным; однако Вы не замечаете того, что страна также не может принимать для своих подданных законы, неприемлемые больше нигде в мире… Если царь Александр II одним росчерком пера мог освободить миллионы крепостных, которые явно не достигли культурного уровня евреев в России, не должно быть трудности и в том, чтобы дать евреям те же гражданские права, которые предоставлены другим российским гражданам…

Что касается взглядов Вашего министра финансов М. Коковцова, я уже давно знаю, со слов моего друга Эдуара Нетцлина из Парижского и Нидерландского банка, о его искренности и беспристрастности, лишнее подтверждение которым я нахожу в Ваших словах. Наша фирма с удовольствием окажет ему всяческое содействие, но передайте, пожалуйста, что мы сможем работать в таком духе, только когда и если правительство России *на самом деле* изменит свое отношение к еврейскому вопросу и действительно пойдет на те уступки, о которых его просят. Тогда и только тогда будет возможно найти способ, чтобы открыть американский рынок для российских займов, а поскольку американский рынок год от года все более ширится, обьем российских ценных бумаг, который удастся разместить здесь после *перемены* условий, с течением времени может только увеличиваться».

На пике антиеврейских настроений в России, еще до убийства фон Плеве, правительство России послало в качестве финансового агента в свое дипломатическое представительство в Вашингтоне Григория Виленкина, еврея, чья семья в виде особой привилегии получила разрешение жить в Санкт-Петербурге. Возможная подоплека подобного назначения была вполне понятна ведущими евреями Америки, но сам Виленкин отличался выдающимися способностями и личным обаянием. Он тоже пытался склонить Шиффа изменить его отношение к правительству России. 22 августа 1904 г. Шифф написал ему длинное письмо, в котором разъяснял точку зрения, изложенную

ранее в письме Каценельсону.

Вместе с Айзеком Н. Зелигманом, Оскаром С. Штраусом, Адольфом Левинсоном и Адольфом Краусом Шифф имел беседу с С.Ю. Витте на закрытии Портсмутской конференции, где обсуждались условия мирного договора между Россией и Японией. В опубликованных мемуарах нескольких участников содержатся интересные воспоминания об этой беседе[42]. Сам Витте пишет, что когда он возразил, что немедленная и полная отмена юридического неравенства евреев в России принесет им больше вреда, чем пользы, «Шифф отвечал резко, хотя его слова старались смягчить… остальные, особенно Штраус…». После беседы Шифф и его спутники написали Витте:

«5 сентября 1905 г.
Его превосходительству С.Ю. Витте,
Полномочному представителю и т. д. его императорского величества императора России
Уважаемый сэр!

Помня о чести встречи с Вами во время Вашего недавнего пребывания в Портсмуте (Нью-Гемпшир), мы считаем нужным, до того, как Вы покинете Соединенные Штаты и вернетесь на родину, повторить в письменном виде, пусть лишь для большего понимания или для дальнейших ссылок, некоторые наши заявления, сделанные в то время, когда мы имели честь встретиться с Вами и выслушать Вашу точку зрения.

Мы считаем и настаиваем… что заявление правительства России о положении евреев в России, которое якобы не должно… занимать народы и правительства других стран, больше не имеет права на существование. Когда правительство, либо путем принятия исключительных законов, либо другими способами, вынуждает большие массы своих подданных стремиться улучшить свое положение с помощью эмиграции в другие страны, народы тех стран, которые предоставляют убежище бегущим от преследований и угнетения, вправе настаивать, чтобы положение беженцев улучшилось таким способом и в таком объеме, чтобы поводы для вынужденной эмиграции перестали существовать, а виновники положения не должны в ответ заявлять, что другие страны лезут в дела, которые не должны их касаться.

Таково, по нашему мнению, отношение американского народа в целом к данному вопросу. У нас, как у евреев, имеется дополнительный интерес к положению евреев в России, вызванный узами расы и веры, и мы поэтому считаем своим долгом сделать все, что в наших силах, дабы способствовать улучшению положения наших единоверцев. Как мы говорили Вам

во время беседы, мы совершенно убеждены в том, что лишь дарование полных гражданских прав еврейским подданным царя способно полностью устранить условия, ставшие причиной стольких беспорядков в России и враждебной критики за границей. Вы отвечаете, что евреи, проживающие в России, в целом еще не готовы к получению полных гражданских прав и что чувства русского народа таковы, что невозможно предоставить евреям равные с русскими права, не породив серьезных внутренних беспорядков. Вы предположили, что, возможно, целесообразно и практично постепенно устранять существующие ограничения в правах и таким образом подготовить почву для предоставления евреям полных гражданских прав в будущем.

На это мы заявляем, что миллион с лишним российских евреев, приехавших в Соединенные Штаты, стали добропорядочными гражданами, несмотря на их внезапный переход от полной тьмы к ярчайшему свету политических и гражданских свобод, и что они сами доказали себя всецело равными тем возможностям, которые дарованы им как гражданам нашей великой страны. Судя по нашему опыту, в современной истории никогда и не было иначе. Наполеон в 1806 г., Германия в чуть более поздний период и Англия еще во времена Кромвеля даровали, не нанося ущерба государству, полные гражданские права евреям, жившим тогда в условиях гораздо более мрачных, чем те, в которых они сейчас находятся в России.

Хотя мы готовы допустить, что часть русских действительно испытывает зависть к евреям, в чем есть вина и правящих кругов России, все же, по нашему мнению, немедленное предоставление евреям гражданских прав, равных тем, что дарованы остальному населению, породит не больше трений, чем каждый из отдельных шагов, ведущих к тому же результату. Именно это возражение, выдвинутое Вами, кажется нам веским доводом в пользу того, почему вопрос следует решить раз и навсегда, а не затягивать его на неопределенный срок, порождая новые беспорядки и волнения на каждом этапе. Утверждение, что среди тех, кто пытается подорвать государственный строй в России, имеется большое число евреев, возможно, правда. Более того, было бы удивительно, если бы некоторые из тех, кого подвергают гонениям и притеснениям, по крайней мере не восстают против своих безжалостных угнетателей. Но можно с уверенностью утверждать, что еврейское население России в целом законопослушно, и почти не приходится сомневаться в том, что, получив гражданские права, а вместе с ними и все даруемые ими возможности, евреи в России станут такими же ценными гражданами и такими же верными патриотами своей страны,

какими являются евреи во всех странах, где им предоставлены все гражданские права. Не приходится сомневаться в том, что в Соединенных Штатах евреи стали ревностными американцами; в Англии – преданными англичанами; во Франции – патриотами-французами; а в Германии – совершенными немцами.

Народ Соединенных Штатов, как Вам, несомненно, известно, пристально наблюдает за всем, что происходит в России в этот важнейший период ее существования. Сейчас сочувствие американцев отвращено от России, потому что они, поборники свободы и правосудия, испытывают отвращение к кишиневским погромам и к ужасным условиям, которые, хотя и существуют давно, только сейчас раскрылись в полном объеме. Евреи в Соединенных Штатах имеют большое влияние, в том числе политическое; их влияние неуклонно растет, так как находит все больше сторонников из числа недавних российских иммигрантов. Можно ли ожидать, что американское общественное мнение, опирающееся на сильное еврейское влияние, будет расположено в пользу страны, где систематически унижают их братьев, делая их жизнь почти невыносимой?

Сколько бы евреев ни эмигрировало, в России всегда остается минимум 6–7 миллионов евреев, и поэтому вполне очевидно, что русско-еврейский вопрос необходимо решить в России. Решить срочно и основательно, в просвещенном духе, какой продемонстрировал Ваш император во многих других случаях, и тогда этот досадный вопрос раз и навсегда перестанет быть фактором, так вредящим России как внутри страны, так и за рубежом.

Поэтому мы серьезно надеемся, что обмен взглядами, который состоялся между нами, может привести к такому решению, которое, как мы убеждены, в равной степени желательно для Вас и для других лучших умов Вашей страны…

Искренне Ваши
Джейкоб Г. Шифф,
Айзек Н. Зелигман,
Оскар С. Штраус,
Адольф Льюисон,
Адольф Краус».

11 сентября, перед тем, как Витте покинул Америку, Шифф направил ему следующую телеграмму: «Я глубоко сожалею о том, что мое отсутствие не позволит мне навестить Вас завтра вместе с другими после того, как я имел удовольствие познакомиться с Вами в Портсмуте. Желаю Вам благополучно вернуться на родину. Позвольте также поблагодарить Вас за то, что нам дали

возможность объяснить Вам взгляды американских евреев и американского народа на еврейский вопрос в России. Полагаю, теперь, когда Вы увидели собственными глазами, что русские евреи становятся добропорядочными гражданами при таких условиях, когда, как в нашей стране, всем отдают должное, Вы не колеблясь повторите этот важный урок тем, кому вверены судьбы России. Надеюсь, что недалеко то время, когда мы с Вами… сможем встретиться как добрые друзья, когда между нами не останется разногласий. Надеюсь, что того желаете и Вы. С Богом!»

На частном совещании ведущих банкиров Нью-Йорка, когда обсуждался вопрос о предоставлении России займа, Шифф, короткое время послушав прения, встал и с чувством произнес: пока Россия так обращается с евреями, его банкирский дом никогда не примет участия в «русском займе». Он добавил, что его утверждение действительно не только на время его жизни: в свое завещание он включил пункт для своих наследников о таком же отношении к делу.

1 ноября 1905 г. он писал Чарлзу Стилу из банка «Дж. П. Морган и К°»: «Вспоминая, что я говорил Вам недавно, когда мы обсуждали финансирование России, считаю нужным повторить: если новый порядок вещей в России установится как должно, как я надеюсь и верю, тогда совершенно изменится и наше отношение. В таком случае мы не колеблясь окажем Вашей фирме любую поддержку, какую Вы пожелаете, чтобы… открыть американский рынок для российских займов».

Большие надежды, порожденные созданием в России Государственной Думы, не оправдались в том, что касалось положения евреев, ибо в тот же день начались погромы в Одессе и других российских городах. Из наличных средств немедленно выделили 50 тыс. долларов в помощь пострадавшим и объявили новый сбор. Шифф, выступивший в роли казначея фонда, от всей души приветствовал добровольные пожертвования со стороны своих друзей-неевреев из финансового мира, что отражено в его письме к Сэмюэлу Ри от 14 ноября: «Я очень тронут духом Вашей вчерашней записки, к которой Вы прилагаете вклад в фонд помощи России. Мистер Морган, мистер Фрик и мистер Штильман, не говоря о многих других христианах, которые добровольно внесли свою лепту, выказали точно такое же отношение, и отрадно думать, что, по крайней мере, в несчастье весь мир сродни – как всегда, за исключением России».

После того, как С.Ю. Витте вернулся в Санкт-Петербург, царь назначил его премьер-министром. 3 ноября Шифф послал Витте телеграмму: «Американский народ поражен ужасом из-за зверств в Одессе и других местах. Не вправе рассчитывать на моральную

поддержку других стран такое правительство, которое при любых условиях допускает продолжение подобное ситуации».

Витте ответил телеграммой[43], и через несколько недель Шифф написал ему письмо, проникнутое скорбью и достоинством:

«Ваше превосходительство!

Несмотря на большое давление, оказываемое на Вас со всех сторон, Вы были настолько любезны, что недавно отправили мне две телеграммы; в первой говорили об ужасе, какой испытало правительство России при известии о последних погромах в Одессе и других местах, и о неспособности местных властей надлежащим образом защитить пострадавших, а во второй Вы заверили меня, что доктор Пауль Натан из Берлина, который поехал в Санкт-Петербург и другие части России для изучения ситуации и сообщения о мерах помощи, которые должны принять недавно созданные международные комитеты для облегчения тяжкой участи пострадавших от насилия толпы, получит все возможности для того, чтобы надлежащим образом выполнить порученное ему задание.

И от себя лично, и от тех, кто уполномочил меня, сердечно благодарю Вас за заверения, которые Вы дали мне в телеграммах. Мы полностью понимаем не только величие возложенной на Вас задачи, но также и стоящие перед Вами огромные трудности, и мы от всей души молимся – как я уже заверял Вас в последних телеграммах – чтобы Вам была дарована телесная и духовная сила и способность справиться с этой ужасной ответственностью и успешно выполнить задачу возрождения России и ее перехода от средневековых условий, которые господствовали до недавнего времени, к современному состоянию, под управлением системы, которая обеспечит и счастье, и процветание ее народу и в то же время уважение со стороны других народов.

Вместе со всеми здравомыслящими людьми в цивилизованном мире мы глубоко скорбим из-за того, что нашим несчастным единоверцам в России пришлось так ужасно страдать, и мы не можем удержаться от убеждения, что безжалостное и бесчеловечное обращение с российскими евреями было спровоцировано теми же властями, которые в должным образом управляемых цивилизованных странах призваны обеспечить защиту жизни и имущества своих граждан. Местные власти… предчувствуя приближение конца старого деспотического режима… который они поддерживали ради своей выгоды и в ущерб народу, во многих случаях… несомненно, сами провоцировали население против евреев, чтобы наказать их за то,

что те в какой-то степени способствовали приближению нового порядка, который Ваш августейший монарх счел нужным ввести, во многом, по-моему, по Вашему совету и под Вашим надзором… Евреи в целом могут утешаться хотя бы тем, что нынешние ужасные страдания их российских единоверцев были не напрасны, их кровь не пролилась впустую, если из нынешних беспорядков и вызванных ими ужасов возникнет новая, свободная, просвещенная и счастливая Россия.

С радостью читаем мы в российской прессе, что даже сейчас Вы подтверждаете сказанное Вами в Портсмуте. Мы сочли за честь передать Ваши тогдашние заверения всему миру… если Вы будете облечены полномочиями выполнить это, еврейскому населению России будут предоставлены равные права. К сожалению, подтвердились выраженные Вами опасения о тяжелых последствиях, которые подобные шаги оказали на судьбу самих евреев… но вдвойне правильно и важно не отступать ни шагу назад, чтобы еврейским подданным царя были дарованы все гражданские права, личные свободы и равенство перед законом с остальными народами…

Больше никогда Россия не сможет вернуть уважение и веру цивилизованного мира, без которых не способна процветать ни одна страна, если подобному ужасному положению раз и навсегда не будет положен конец; и если новое правительство, которое формируется сейчас и во главе которого, к счастью, поставлены Вы, не сумеет обеспечить безопасность и равные возможности еврейскому населению по всей Российской империи, значит, в самом деле евреям в России пора готовиться покинуть их негостеприимное и несправедливое отечество. Хотя проблема, с которой в таком случае столкнется цивилизованный мир, будет огромной, она будет решена так, как и должна решиться – и Вы, не только дальновидный государственный деятель, но и великий ученый-экономист, также лучше многих понимаете, что тогда судьба России и ее гибель будет предрешена…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Шифф призывал Рузвельта направить послание в конгресс:

«8 декабря 1905 г.

Уважаемый господин президент!

Сегодня я получил телеграмму из Лондона от лорда Ротшильда и Сэмюэла Монтэгю, на которую ответил (телеграмму и копию ответа прилагаю).

Чтобы Вы лучше поняли мой ответ, я взял на себя смелость

приложить также копию письма, которую я некоторое время назад направил графу Витте и на которую я ссылаюсь в своем сегодняшнем ответе в Лондон. Не знаю, угадал ли я в своем ответе Ваши пожелания, но, поскольку правительство графа Витте шатается и, как мне кажется, вряд ли продержится еще несколько дней – учитывая бессилие, в каком сейчас находится государственная власть в России – маловероятно, что за подобными действиями последует фактический результат, даже если наше правительство объединится с правительствами других стран и направит России совместную ноту протеста.

Однако то, что необходимо что-то предпринять, причем срочно, с каждым днем становится все очевиднее. Если в 1898 г. можно было найти оправдание Соединенным Штатам… совершившим интервенцию на Кубу, и если Вы лично… готовы были рискнуть жизнью, чтобы не дать правительству острова угнетать кубинский народ – что оно делало четыре столетия – разве перед лицом тех ужасов, которые сейчас творятся в России и которые ее правительство объявляет себя не способным предотвратить, не долг цивилизованного мира вмешаться, чтобы прекратить резню, и разве не в интересах всего цивилизованного мира предотвратить возможные анархию и хаос?

Знаю, не принято, чтобы Соединенные Штаты начинали проводить в жизнь политику интервенции, послав свой флот в Неву, но Вы как глава американского народа можете взять инициативу к тому, что, вполне вероятно, следует сделать, отправив послание в конгресс – который, к счастью, сейчас как раз заседает – привлекая внимание конгрессменов к положению дел в России и призвав конгресс уполномочить правительство принять меры, которые могут быть целесообразными, в сотрудничестве с другими правительствами, дабы предотвратить продолжение и дальнейшее распространение тех условий, которые сейчас превалируют в России.

Убежден, что никакие действия Вашей администрации американский народ не воспримет теплее, чем такое послание. Мое личное мнение таково: само по себе обращение к конгрессу возымеет немедленное действие по установлению иного порядка вещей в России, отличного от того, который существует сейчас; оно оживит национальное самоуважение в России и поспособствует созданию настоящей партии закона и порядка, так что, возможно, не будет необходимости в физических мерах со стороны нашего правительства и других держав.

Искренне надеюсь, что Вы найдете способ серьезно обдумать мои предложения…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

На это Рузвельт ответил: хотя он искренне сочувствует Шиффу, он считает, что послание конгрессу или любое другое действие повлечет за собой больше вреда, чем пользы. Тогда Шифф предложил, чтобы президент написал царю личное письмо.

Несмотря на полученный ранее от Рузвельта вежливый отказ, Шифф снова телеграфировал и писал ему 18 июня 1906 г.:

«Уважаемый господин президент!

Сегодня я направил Вам телеграмму со следующим текстом: «Я получаю душераздирающие телеграммы из России и других мест, в которых описываются ужасы и возобновление погромов в их худшем виде. Наши друзья из Лондона передают, что они просят свое правительство вмешаться. Они хотят выяснить, возможно ли принять какие-то меры и со стороны нашего правительства. Я понимаю безнадежность ситуации в этом отношении, но, несмотря ни на что, мне кажется, мы должны как-то отреагировать на ухудшение обстановки, что доказал белостокский погром. От всей души надеюсь, что Вы не замедлите с действиями, если наше правительство признает их целесообразными».

Пересылаю Вам полученные сегодня телеграммы с переводом. Хотя я беру на себя смелость переписываться с Вами, я заранее знаю: к сожалению, наше правительство ничего не может поделать. Но мне показалось, что я обязан хотя бы более полно ознакомить Вас с тем ужасным положением, которое, к сожалению, создалось в России, в слабой надежде, что, возможно, вы и госсекретарь Рут сумеете придумать, как оказать давление на правительство России в том смысле, чтобы оно прекратило подстрекать низшие слои населения к кровопролитию…

Чувствую себя униженным из-за того, что снова вынужден обратиться к Вам в связи с этой тягостной темой, но извинением мне служит создавшееся несчастное положение…

С уважением,

Джейкоб Г. Шифф».

Три дня спустя он писал Чарлзу Халлгартену: «Президент Рузвельт ответил очень сочувственно, но он ничего не может поделать. Впрочем, он выражает некоторые надежды на то, что Дума стала настоящим органом власти».

Рузвельт ничего не мог поделать, так как узнал из конфиденциальных источников, что царское правительство откажется принимать от него любые заявления по данному

вопросу. Своим многочисленным корреспондентам Шифф объяснял, что Соединенные Штаты в данном случае бессильны. Так, 5 июля 1906 г. он писал Зангвиллу, что погром в Белостоке – «последняя вспышка бессильной ярости старой российской правящей системы, которая чувствует свой скорый конец». Этой же теме посвящено отправленное в тот же день письмо Генри Л. Хиггинсону, который выразил Шиффу свое сочувствие.

В письме государственному секретарю Руту 1 ноября 1906 г. Шифф отрицательно высказался о законопроекте, внесенном на рассмотрение в Государственную Думу правительством России с целью расширения прав евреев: «Предлагаемый законопроект, в том виде, в каком он опубликован в зарубежной прессе, сохраняет так называемую черту оседлости, а пока дела обстоят так, еврейский вопрос в России не потеряет актуальности, ибо огромные страдания масс еврейского народа в России возникает в первую очередь из-за того, что они не могут должным образом защищаться, пока остаются скученными в черте оседлости».

Более развернуто он выразился 17 января 1907 г. в письме Касселю, который расходился с ним в вопросе о лучших средствах достижения результатов, к которым оба стремились: «Жаль, что я не могу, как Вы, верить в благие намерения российского правительства или в возможность того, что, если европейские финансисты будут доброжелательно обращаться с русской командой, возможно, те покончат с практикой истребления евреев. Нет сомнения в том, что следы тех ужасных преследований, которые имели место в России последние 15 месяцев, ведут на самый верх… Правда, столыпинские реформы наконец принесли России мир; но это мир кладбищенский, и, когда я думаю о несчастной стране, мне в голову всегда приходят слова, которые Шиллер вкладывает в уста маркиза Позы, когда тот описывает королю Филиппу красоты Фландрии, но неожиданно прерывается словами:

> …и наткнулся/На обгорелые людские кости…
> Вы правы. Вы должны. Что в состояньи
> Вы то свершить, что кажется вам долгом —
> На деле видел я и содрогался[44].

Я совершенно уверен, что Вы действительно действуете добросовестно, в соответствии с принципами, которые кажутся Вам правильными для достижения цели, к какой стремимся мы оба, но я думаю, что уступки, на которые Столыпин, по его утверждению, готов пойти, рассчитаны только на обман таких людей, как Вы, Нетцлин и другие европейские финансисты. Они

почти не принесут облегчения… нашим угнетенным единоверцам».

Сведения из России Шифф узнавал не только из переписки с друзьями-евреями за границей. Через Лиллиан Уолд он познакомился с Аладиным, представителем Русской крестьянской партии, который весной 1907 г. находился в Америке. 4 апреля Шифф писал Лиллиан Уолд: «Рад узнать, что «Друзья русской свободы» делают успехи. По-моему, нынешняя Дума ведет себя чрезвычайно разумно, демонстрируя царскому правительству и миру в целом, что ее представители намерены выступать не подстрекателями, но готовы выслушать любые разумные предложения правительства, ведущие к миру, и даже пойти на некоторые уступки. Это согласуется с мнением мистера Аладина относительно того, что должно быть сделано, которое он высказал у Вас за ужином несколько недель назад».

Шифф проявлял большой интерес к защите Пурена, политического беженца в Америке (нееврея), чьей экстрадиции требовало российское правительство – Государственный департамент США склонен был согласиться с этим требованием, хотя в конце концов Пурена освободили.

В 1908 г. Виленкин снова обратился к Шиффу с тем, чтобы тот способствовал возобновлению отношений России с банкирами-евреями. Виленкин предлагал Шиффу приехать в Россию, чтобы обсудить данный вопрос с министром финансов. 8 октября Шифф ответил: «Вы спрашиваете, не хочу ли я приехать в Санкт-Петербург и там встретиться с его превосходительством министром финансов Коковцовым, чтобы обсудить способы и средства достижения того, что Вы имеете в виду. Я уже ответил и сейчас повторяю: при нынешней обстановке меня не привлекает предложение, чтобы моя фирма стала посредницей в вопросе предоставления нашей страной займов правительству России и таким образом способствовала получению им прибыли и укреплению его положения».

Он повторил утверждения, высказанные в предыдущих письмах Ротшильду и Каценельсону, и заключил: «Если… Коковцов готов работать в этом направлении, я готов к искреннему сотрудничеству с ним; если же он хочет, чтобы я приехал в Санкт-Петербург с целью переговоров со мной, на что намекаете Вы, я буду готов принять его приглашение при условии, если его превосходительству вначале объяснят и он четко поймет, что мое согласие приехать будет зависеть от того, насколько правительство России готово обсуждать снятие ограничений, наложенных царем на его подданных еврейского происхождения, и дарование им равных гражданских прав с

остальным населением. Если приглашение будет продлено, предлагаю, чтобы мне даровали привилегию просить еще двоих господ, занимающих высокое и ведущее положение… сопровождать меня с целью присоединиться к дискуссии с министром и помочь в достижении успеха нашей беседы. До тех пор пока наша цель не будет достигнута… моя фирма не может предложить свое содействие в открытии американского рынка для российских займов…

Надеюсь, мое письмо будет принято в том духе, в каком оно написано, то есть не враждебности, но, наоборот, искреннего стремления помочь правительству России поставить себя в такое положение в связи с внутренними делами, в каком впоследствии оно будет иметь все основания ожидать, чтобы все денежные рынки мира готовы были предоставить ему займы, достойные великого государства».

В то же время Шифф писал Касселю: «Я глубоко сожалею о том, что Англия сняла запреты в отношении России, которые она до сих пор неукоснительно соблюдала, и теперь, не получив никаких уступок в пользу наших угнетенных единоверцев, поддерживает правительство, которое обращается со своими еврейскими подданными хуже, чем с последними париями, и которое, более того, оскорбляет всех евреев-иностранцев, позволяя им въезжать в страну лишь в исключительных случаях, в виде особого одолжения. Что стало с уступками, которые министр финансов практически называл решенными летом 1907 г. в письме Нетцлину, копию которого последний мне переправил и которое Вы, возможно, тоже видели? В то время российское правительство еще почитало себя обязанным делать такие обещания… чтобы получить деньги. Теперь, очевидно, оно сочло подобные обещания излишними».

Въезд гражданина одной страны в другую страну, по делам ли или для удовольствия, – привилегия, а не право; и отказ в таком въезде может быть основан на личных причинах без оскорбления страны, подданным или гражданином которой является въезжающий. Таково общее положение международного права; но дискриминация целого класса граждан страны – дело другое, и если две страны заключили взаимные договоры, которые предоставляют гражданам их стран свободный въезд, отказ во въезде является нарушением таких договоров.

Именно такого рода ситуация сложилась у России и Соединенных Штатов. В Русско-американском договоре о торговле и мореплавании 1832 г. предусматривались подобные двусторонние права, хотя Россия нарушала положения договора

по отношению к тем, кто путешествовал с коммерческими целями. В течение сорока лет правительство России отказывалось выдавать паспорта американским гражданам иудейского вероисповедания; подобные действия касались также американских миссионеров-протестантов и католических священников. Более того, представители посольства России в США спрашивали американских граждан, желающих въехать в Россию, об их вероисповедании, что правительство Соединенных Штатов, разумеется, не могло допустить. Методы работы представителей другого государства рассматривались в США с растущей тревогой.

Вначале отношение России к данным вопросам не было лишено целесообразности. Однако ограничения вводились даже в тех случаях, когда Россия сама приглашала к себе евреев. Так, в бытность Оскара Штрауса американским послом в Константинополе его коллега, посол России, предложил Штраусу вернуться в Америку через Россию, а не через Балканы. Штраус ответил, что не может въезжать в Россию, потому что он еврей, на что российский посол без его ведома добыл для него особое разрешение, гласившее: «Еврею Оскару Штраусу разрешен въезд в Россию сроком на три месяца». Штраус, естественно, отказался воспользоваться предоставленной ему «честью».

Когда конгрессмен Джефферсон Леви, чьи предки обосновались в Америке еще в колониальные времена, пожелал поехать в Россию, чтобы осмотреть эту великую страну, ему было отказано в визе. Вопрос приобрел для Соединенных Штатов и коммерческое значение после того, как вице-президента одной из крупнейших строительных компаний Америки пригласили в Россию для обсуждения строительства нового железнодорожного вокзала в Санкт-Петербурге и выдали въездную визу на тех же условиях. Он тоже отказался от подобного приглашения, в результате чего американская фирма лишилась контракта.

И все же больше всего Шиффа и многих его единомышленников возмущало именно осознание того, что евреи ущемлены в правах – будучи американскими гражданами, они не знали иных ограничений. Всем известно о первых попытках устранить такое неравенство[45]. Такие попытки предпринимались многими, но Шифф не переставал уделять внимание этому вопросу. Он считал: как только снимут ограничения, касающиеся евреев-иностранцев, правительству России придется снять такие же ограничения в отношении своих подданных.

В 1903 г. Шифф в нескольких письмах призывал к действию президента Рузвельта. В 1904 г. он советовал Республиканской

партии включить в свою платформу пункт, призванный исправить это зло. Как уже говорилось выше, в 1904 г., когда его пригласили в Санкт-Петербург, он готов был приехать, но с тем условием, чтобы в России «отменили существующие ограничения в выдаче виз или паспортов для евреев-иностранцев».

В письме президенту Рузвельту из Бар-Харбора 31 июля 1904 г. он просил, чтобы тот, вступив в должность, решил вопрос с российскими паспортами. Далее он приводил отрывки из своей переписки относительно его возможного приезда в Россию: «Как ни странно, сегодня я получил ответ: хотя фон Плеве вполне понимает мою позицию, он утверждает, что правительство России не может выполнить выдвинутое мною условие, так как не может даровать иностранцам иудейского вероисповедания привилегию свободного передвижения по своей территории в то время, когда закон отказывает в таком праве евреям – подданным Российской империи. Очевидно, русские министры пока не понимают: даже если им нельзя помешать принимать законы, унижающие их собственных подданных, цивилизованный мир, и особенно Соединенные Штаты, не допустят, чтобы подобные законы применялись к иностранным гражданам, которым… по какой-то причине необходимо въехать на российскую территорию».

Хотя Рузвельт по-прежнему делал заявления по данному поводу по дипломатическим каналам, в годы его правления не было достигнуто никакого результата.

Вскоре после избрания президентом Тафта Шифф послал ему телеграмму, в которой призывал разобраться с «паспортным вопросом», добавив: «Это открытая рана для моих единоверцев, которые… в преддверии выборов надеялись и ждали, что их права как американских граждан будут защищены».

Позже Шифф признал, что подобный вопрос быстро не решить и что его невозможно решить «общими фразами в предвыборных платформах».

7 апреля 1910 г. Шифф беседовал с президентом Тафтом по данному вопросу. Позже он принимал участие еще в одном совещании с участием президента, государственного секретаря Нокса и У.У. Рокхилла, тогдашнего посла в Санкт-Петербурге. Президент выказывал Шиффу личное расположение; так, когда Шифф скромно занял место между государственным секретарем и послом, Тафт настоял, чтобы тот сел справа от него.

Тем не менее, несмотря на теплые личные отношения, результат снова оказался неудовлетворительным. 15 февраля 1911 г. состоялось еще одно совещание президента с участием широкого круга лиц. Тогда казалось, что американское правительство не готово пойти на риск и в одностороннем

порядке денонсировать договор, который может окончиться финансовыми потерями для американского бизнеса.

После совещания Шифф изложил Тафту свои взгляды в следующем письме:

«Палм-Бич (Флорида),
20 февраля 1911 г.
Господин президент!

…Основными причинами, которые, как Вы объяснили, привели Вас к выводу, что нецелесообразно далее действовать в соответствии с нашими просьбами, были следующие. Первое: Россия так долго отказывалась исполнять положения договора 1832 г., требующие уважать американский паспорт, и спрашивала у желающих въехать на свою территорию об их вероисповедовании, несмотря на неоднократные протесты, что теперь уже поздно навязывать единственное логическое средство, а именно расторжение договора. Второе: особые интересы с течением времени закрепились, упрочились коммерческие отношения, которые могут подвергаться опасности в случае денонсации существующих договоров с Россией. Третье: тем не менее существует опасение, что в случае таких действий с нашей стороны в России могут повториться еврейские погромы, ужаснувшие мир в 1905 году.

Что касается последнего ужасного предположения, участники последнего совещания заверили Вас, что мы готовы взять ответственность на себя; правительство России, из-за жестокого обращения со своими подданными-евреями, настроило против себя евреев во всем мире, и нашими единоверцами признано, что в таком положении, как на войне, все и каждые, где бы они ни находились, должны быть готовы пострадать, а если придется, то и пожертвовать жизнью.

Действительно, после денонсации договора с Россией могут пострадать определенные отрасли промышленности, а именно производство уборочных и швейных машин, но Россия в одностороннем порядке не соблюдает условия договора, когда ей это выгодно. По-моему, данная причина едва ли может считаться веской и достойной для продления такого договора с нашей стороны. Американский народ не просто возмущен из-за… унижения своего достоинства и попрания своих свобод, но, более того, хочет, чтобы правительство заняло твердую позицию в защите прав всех американских граждан. Да, до сих пор России позволялось отказывать нам в наших правах без каких-либо реальных мер воздействия, кроме неоднократных протестов, однако по прошествии времени истощилось даже наше долгое

терпение. Кроме того, до сих пор и Россия не игнорировала наши права по договору столь вопиющим и оскорбительным образом, как теперь, когда она дошла до того, что, не колеблясь, публично объявляет, что посол Соединенных Штатов, не скрывающий своего иудейского вероисповедания, может въехать в пределы Российской империи лишь в виде особого одолжения и по особому разрешению. И это та же самая Россия, которая в последние несколько дней реально угрожала Китаю, правда, ослабленному войной, потому что в последнем, по заявлению России, нарушаются права немногочисленных русских купцов, гарантированные им по старому договору, на нарушения которого вплоть до недавнего времени в России смотрели сквозь пальцы.

Пишу Вам, господин президент, вдали от дома, не советуясь с теми, с кем я имел честь побывать у Вас в прошлую среду по Вашему приглашению, поэтому ответственность за данное письмо целиком лежит на мне. Поэтому могу повторить, что лично я охвачен чувством разочарования и печали: судя по тому, что Вы говорили на нашей последней встрече, Вы, очевидно, придерживаетесь того мнения, что не нужно уделять более внимания коллективным и личным просьбам, с которыми к Вам обратились…

Несмотря на нынешнюю подавленность, я непоколебимо верю в то, что когда-нибудь общественное мнение, самый громкий голос американского народа, все же вынудит правительство возмутиться неоднократными оскорблениями, которые России слишком долго позволяли наносить вследствие несоблюдения ею условий договора.

С уважением,

Джейкоб Г. Шифф»[46].

Вскоре Шифф написал Саймону Вулфу, что «для него стало источником огромного сожаления, что президент, видимо, занимает отличную от нас позицию в этом споре. Лично я питаю теплые чувства к президенту, который глубоко симпатичен мне как человек, но в этом споре у нас есть долг перед нами самими и перед американским народом, который мы должны исполнить беспристрастно. Уверен, Вы понимаете, что я имею в виду».

Наконец, вопрос вылился в прямое предложение, сделанное Комитету по иностранным делам палаты представителей: денонсировать договор, на что имели право, по условиям договора, обе палаты конгресса или президент. Слушания по данному вопросу состоялись в Вашингтоне 11 декабря 1911 г. Заседание продолжалось почти весь день и привлекло к себе

самое серьезное внимание всего комитета. Вступительную речь произнес Мейер Салзбергер из Филадельфии. Прения, продолжавшиеся три часа, вел Луис Маршалл. Шифф во время слушаний сидел молча, но ближе к концу председатель комитета повернулся к нему и спросил, не хочет ли он что-нибудь сказать. Шифф встал и произнес очень короткую речь: «Господа, Вы заслушали прения. Уверен, Вы примете эту резолюцию. Искренне прошу вас проголосовать единогласно». Затем он сел. Голосование было единогласным.

Палата представителей также приняла резолюцию при одном голосе «против». Затем резолюцию направили в Комитет по международным отношениям сената. 15 декабря Шифф писал: «Результат заседания палаты представителей самый отрадный, и я согласен с Вами, что теперь мы вправе ожидать таких же действий со стороны сената. Все как сон! Мог ли я надеяться в феврале прошлого года, когда говорил президенту: «Мистер президент, вопрос не закрыт; мы надеялись, что Вы позаботитесь о том, чтобы восторжествовало правосудие, однако Вы решили иначе; теперь мы обратимся к американскому народу», что конгресс так быстро и решительно предпримет все необходимые меры! Луис Маршалл превзошел самого себя, и именно благодаря ему, более чем кому-либо другому, мы обязаны тем, что результат был достигнут».

Перед сенатским комитетом изложили примерно те же доводы, которые приводились выше. Они произвели на членов комитета такое сильное впечатление, что сенатор Лодж сообщил президенту: пока договор не денонсирован, сенат единогласно примет резолюцию палаты представителей. Вслед за этим решением президент США известил правительство России о прекращении действия договора с 31 декабря 1912 г. Размолвка, возникшая между президентом Тафтом и Шиффом, была преодолена, что отмечено в письме Шиффа сенатору Лоджу от 21 декабря 1911 г.: «Вчера я получил возможность поговорить с президентом о том, чем окончилось создавшееся положение; мне показалось, что он очень доволен и рад».

Осмысление вопроса в целом приводится в письме Шиффа Адольфу С. Оксу, где выражается глубокое сочувствие к евреям в России: «Наше беспокойство касательно возможных шагов нашего правительства не следует истолковывать превратно. И дело не в том, что некоторое число евреев, проживающих в Соединенных Штатах, хочет въехать в Россию… а в убеждении, что… если Россия вынуждена будет соблюдать условия международных договоров и впускать евреев-иностранцев в свои владения на равных условиях с другими гражданами иностранных государств,

правительству России придется отменить черту оседлости для своих евреев. Как видите, это очень важный вопрос, связанный с самыми священными человеческими правами, к решению которого Соединенные Штаты должны стремиться и гордиться тем, что они первые сделали важный шаг в этом направлении».

Положение евреев в Румынии[47] также занимало важное место в мыслях Шиффа. С точки зрения международного права положение румынских евреев было даже хуже, чем в России: в то время как Россия являлась независимым иностранным государством, которому никто не имел права диктовать, как поступать в вопросах внутренней политики, Румыния, подобно Сербии и Черногории, была признана независимой по Берлинскому трактату 1878 г., заключенному после Русско-турецкой войны. В статью 44 данного договора включили пункт о

том, что «в Румынии не допускается различие вероисповеданий и конфессий в отношении отдельных лиц как основание для исключения или неправоспособности в вопросах, касающихся гражданских или политических прав, допуска к государственной деятельности, почестям или праву заниматься различными профессиями и ремеслами в любой местности».

Впрочем, данные обязательства румынское правительство всячески стремилось обходить при помощи разных формальностей.

4 апреля 1902 г. Шифф направил президенту Рузвельту письмо о преследовании евреев в Румынии, в котором указал, что в Америке данный вопрос вызывает большую озабоченность по причине вынужденной миграции из этой страны. Беседу с Рузвельтом он пересказал в письме Адольфу С. Оксу от 14 мая 1902 г.: «Недавно я ездил в Вашингтон по приглашению президента, который пожелал обсудить со мной еще один вопрос, и я воспользовался возможностью и заговорил об отношении правительства Румынии к своим подданным-евреям. Президент вызвал мистера Хея, и последний, объяснив трудность, с какой наше правительство столкнется при дипломатическом давлении, на котором настаиваем мы с Оскаром Штраусом, заверил меня, что всецело сочувствует нам, и обещал, что попытается что-нибудь предпринять. Секретарь Хей вскоре после нашей беседы написал мне, что еще раз обсуждал вопрос с президентом и постоянно держит его в курсе дела».

Упорство Шиффа, объединенное с усилиями Оскара Штрауса и конгрессмена Люшьюса Н. Литтауэра, принесло желаемый результат, о чем свидетельствует письмо Литтауэру от 28 июля: «Получил Ваше письмо от 24 числа текущего месяца с приложением копии письма секретаря Хея нашему представителю

в Афинах, которое будет передано румынскому правительству. Я прочел это коммюнике с большим интересом и согласен с Вами, что оно составлено очень искусно и в нем верно изложены те условия, которые дают нашему правительству право на увещевание и протест.

Я уже написал президенту и секретарю Хею, поблагодарил их и, как Вы, предложил, чтобы копии коммюнике были разосланы правительствам стран, подписавших Берлинский трактат, через наших дипломатических представителей в этих странах. Не думаю, что послание произведет на румынское правительство особенно сильное впечатление, если только в то же время румынскому правительству не станет известно, что великие державы извещены нашим правительством о занятой им позиции… Вы лично проявили такое сочувствие и такую энергию в данном вопросе, что мне кажется, что Вы, больше чем кто-либо другой, способствовали тому, что наше правительство пошло на этот важный шаг».

11 августа американский Государственный департамент направил дипломатическую ноту странам, подписавшим Берлинский трактат, по поводу положения евреев в Румынии. То, что действия американского правительства на некоторое время оказали благоприятное воздействие, отмечено в письме Шиффа Нарциссу Левену от 28 октября: «Большая радость сознавать, что действия правительства Соединенных Штатов возымели такой моральный эффект, и мы надеемся, что реальные последствия не заставят себя ждать, пусть и не сразу.

Президент Соединенных Штатов, с которым я имел возможность беседовать на тему ноты последние несколько дней, испытывает большую личную радость по поводу шагов, предпринятых правительством по его настоянию, и, по-моему, мы можем рассчитывать на желание президента следовать взятым курсом, что может оказаться необходимым и целесообразным».

В июле 1907 г. Шифф писал полковнику Харви, редактору «Норс Американ Ревью»: «Мне бы очень хотелось, чтобы Вы попросили перевести Вам письмо от одного из моих немецких корреспондентов, которое я прилагаю. Оно касается недавнего решения румынского суда… по которому, насколько я понимаю, все еврейское население объявляется иностранцами, поэтому еврей, рожденный в Румынии, даже если он освобожден от всех обязанностей гражданина, в том числе от воинской службы, может без каких-либо предупреждений быть изгнан из страны и подвергнут наказанию, если он возвращается к себе на родину – по одному лишь факту возвращения. Доктор Пауль Натан из Берлина, автор письма, который сам является

высокопоставленным журналистом, считает, что данная ситуация будет небезынтересна народу Соединенных Штатов».

Ближе к концу Балканских войн возник вопрос защиты прав евреев, живущих на территориях, которые после заключения мирного договора подпадали под новую юрисдикцию.

Понимая это, Шифф активно участвовал в дискуссиях и переписке и входил в специальную комиссию Американского еврейского комитета, назначенную с целью предпринимать действия, которые будут сочтены целесообразными, чтобы предлагать ситуацию вниманию Совета послов в Лондоне. Ввиду вопиющего неуважения, какое некоторые страны, особенно Румыния, демонстрировали к своим обязательствам по Берлинскому трактату, он особенно заботился о том, чтобы евреев, живших на болгарской территории, которая отходила Румынии, наделили теми же правами, которыми они обладали прежде, и не подвергали бытовавшей в Румынии дискриминации.

В марте 1913 г. Американский еврейский комитет обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой оказать посредничество в этом деле. Администрация Вильсона впоследствии поручила американскому послу в Лондоне известить Министерство иностранных дел Великобритании, глава которого, виконт (тогда сэр Эдвард) Грей, был председателем Конференции послов в Лондоне, что Соединенные Штаты с удовлетворением воспримут включение в окончательный текст договора условие, обеспечивающее полные гражданские свободы и свободу совести обитателям территории, о которой шла речь, независимо от их национальности и вероисповедания. Такие же письма были разосланы американским посланникам в Болгарии, Румынии и Сербии для передачи правительствам этих стран.

5 августа 1913 г., на мирной конференции в Бухаресте, снова были изложены пожелания правительства Соединенных Штатов, хотя оно и не было напрямую представлено на конференции, за что Шифф выразил свою благодарность Государственному департаменту. Румынский чрезвычайный и полномочный посол на Бухарестской конференции выразил мнение, что в таком условии нет необходимости, «поскольку принцип, лежащий в его основе, давно признан, фактически и юридически», но от имени всех чрезвычайных и полномочных послов объявил, что «обитатели любой вновь приобретенной территории, без различия в их вероисповедании, получают во всей их полноте те же гражданские и религиозные свободы, что и все прочие обитатели государства». Остальные послы согласились с этой точкой зрения.

Хотя в большинстве мусульманских стран положение евреев

было благоприятным, это не относилось к Марокко, где евреи подвергались таким же суровым гонениям и преследованиям, как в средневековой Европе.

Осенью 1905 г. оказалось, что европейские страны по-разному представляют себе будущее Марокко. Дабы разрешить существующие противоречия, была созвана конференция в Альхесирасе. Неизвестно было, примут ли Соединенные Штаты участие в этой конференции, поскольку обсуждаемые вопросы на первый взгляд не затрагивали американские интересы. Однако конференция в Альхесирасе показалась удобным случаем, чтобы улучшить положение марокканских евреев, и Шифф, наведя справки у государственного секретаря Элиу Рута о вероятности участия США в этой конференции и получив положительный ответ, написал ему:

«21 ноября 1905 г.

Уважаемый мистер секретарь!

Получил Ваше письмо от 18 числа текущего месяца. Спасибо за содержащуюся в нем ценную информацию касательно вероятности того, что Соединенные Штаты примут участие в Международной конференции по марокканским делам.

Кроме того, я с интересом прочел программу конференции, согласованную Францией и Германией, копию которой Вы мне любезно прислали. Позвольте высказать свое мнение: было бы очень желательно, если бы наше правительство нашло способ теперь, когда положение в Марокко стало предметом международного обсуждения, настаивать на том, чтобы в любую принятую на конференции резолюцию включили условие о надлежащем обращении с марокканскими подданными иных вероисповеданий, кроме магометанского. Помимо евреев, которые подвергаются особенным гонениям, мне сообщили, что христиане и представители всех других вероисповеданий, кроме магометанского, также страдают в Марокко от беззаконий; и, как было в Берлине и на других конгрессах, когда страны-участницы настаивали на уравнивании статуса всех вероисповеданий по закону, кажется весьма желательным, чтобы таким же курсом следовали и на грядущем Международном конгрессе по марокканским делам.

Я взял на себя смелость приложить к письму к Вашему сведению справку, присланную мне из Европы. Она касается существующих ныне в Марокко ограничений, накладываемых на евреев. На взгляд американцев, такие ограничения кажутся почти гротескными.

Заранее благодарю за то, что уделите этому вопросу свое

внимание…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Президент и Государственный департамент дали подробные инструкции американским участникам конференции: они должны были внести предложение, чтобы в Марокко соблюдались равные права всех граждан, независимо от вероисповедания. Шифф в письме благодарил Рута за этот поступок.

Президент Рузвельт назначил главным представителем на эту конференцию Генри Уайта, одного из ветеранов дипломатического корпуса, в то время посла во Франции, и поручил ему на конференции добиться соблюдения гарантий религиозной и расовой толерантности в Марокко. В письме к Уайту Рут писал: «Мистер Джейкоб Г. Шифф предоставил мне доказательства существующих ограничений, наложенных на марокканских евреев, живущих не в портовых городах; данные ограничения кажутся в наши дни совершенно невероятными и вступают в резкое противоречие с любой здравомыслящей теорией отношений между правящим и управляемым классами. Если бы американский гражданин, еврей или нееврей, вынужден был переносить лишь десятую часть таких гонений, как в Марокко, нашему правительству невозможно было бы закрыть глаза на их существование; и равно тяжело сейчас игнорировать их, когда нас призвали участвовать, вместе с Марокко и другими державами, в разработке планов по улучшению отношений султаната со странами, с которыми он граничит по условиям договора. Призывы к благоразумию и доброй воле с обеих сторон направлены на то, чтобы ограничить дух нетерпимости и предотвратить рост антагонизма между мусульманами и немусульманами. Судя по всему, великие державы заинтересованы в достижении равенства для их граждан и национальных интересов в Марокко, а не в подчеркивании… классовых ограничений, которые тяготят туземцев. Последнее всего лишь раздует бытующие предрассудки и укрепит дух нетерпимости к иностранцам. Более того, очевидно, что такие ограничения действуют с целью уменьшения поля коммерческого взаимодействия, поскольку значительная часть населения Марокко лишается… равных возможностей, которые мы так стремимся установить, и перекрывает каналы обмена и возможности потребления и поставок».

Уайт поднял данный вопрос на конференции и потребовал, чтобы с марокканскими евреями обращались справедливо. Послы и министры всех великих держав, даже России, согласились с

ним, и его резолюцию делегаты приняли единогласно: «…чтобы его светлость султан продолжил добрые дела, начатые его отцом и поддерживаемые им самим относительно его подданных-евреев, и чтобы… его правительство не упускало случая напомнить своим функционерам: по мнению султана, с евреями его империи и прочими иноверцами следует обращаться на основе справедливости и равенства».

Далее в официальном протоколе зафиксировано, что «мистер Уайт поблагодарил делегатов от великих держав за поддержку, которая всецело соответствует взглядам правительства Соединенных Штатов и личным чувствам президента Рузвельта».

Растущие трудности, окружавшие евреев в России и других странах, и большая ответственность, которая ложилась на плечи немногих ответственных лиц, вынудила Шиффа и других всерьез задуматься о создании в Соединенных Штатах организации, которая отвечала бы их запросам. Так, например, во время кишиневского погрома в 1903 г. сбор крупной суммы денег в помощь пострадавшим проводился по личной инициативе Шиффа, Оскара Штрауса и Сайруса Л. Салзбергера.

Начиная примерно с 1901 г. представители различных сфер регулярно встречались в Нью-Йорке каждые две недели для переговоров и общественно значимых поступков. На одном из таких собраний Шифф заявил, что необходимо создать организацию, которая помогала бы в критических случаях евреям из Восточной Европы, потому что, как он подчеркнул, он больше не взвалит на свои плечи такую огромную ответственность, какую он добровольно принял, собирая деньги пострадавшим от кишиневского погрома. Поэтому в 1906 г., когда зародилась организация, которая позже получила название Американского еврейского комитета, Шифф участвовал в ее создании и стал одним из самых горячих ее сторонников, хотя вначале он отказывался входить в состав исполнительного комитета, потому что не желал взваливать на себя новые обязательства. В письме к Паулю Натану 27 марта 1907 г. он особо оговаривал, что «комитет в значительной степени был образован по моему предложению, чтобы мне и моим друзьям не приходилось нести на себе всю ответственность в серьезных и важных проблемах, как часто бывало в недавние годы». Когда один знакомый в 1910 г. призывал Шиффа поговорить с президентом о российском паспортном вопросе, он написал: «По тщательном размышлении я считаю, что создастся нежелательный прецедент, если отдельные члены исполкома Американского еврейского комитета будут искать встречи с президентом, что в будущем может поставить нас в неудобное положение. Поэтому я отказываюсь лично

обсуждать с президентом паспортный вопрос».

Он согласился вступить в исполнительный комитет и принимал активное и заинтересованное участие в его деятельности, на протяжении долгого времени занимая пост председателя финансовой комиссии.

Палестина – Святая земля – всегда занимала большое место в сердцах еврейского народа. Поэты слагали стихи о Сионе, а простые люди ежедневно молились о возрождении земли их отцов. Шифф примыкал к тому крылу иудаизма, в котором молитва о возрождении не читалась, а миссия Израиля сводилась к распространению знаний о едином истинном Боге народам всех стран, по которым были рассеяны евреи. Но несколько черт иудаизма отпечатались в его душе, и никто более пылко, чем он, не произносил: «Ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима»[48].

До организации так называемого сионистского движения преподобный У.Ю. Блэкстоун в 1891 г. основал движение за возвращение евреев в Святую землю; с этой целью он распространял петицию, направленную президенту Гаррисону, которую Шифф, однако, отказался подписать. Позже Блэкстоун, судя по всему, обращался к государственному секретарю Джону Шерману, спрашивая, не согласятся ли Соединенные Штаты присоединиться к Англии, Франции, Германии и другим великим державам, дабы гарантировать передачу Палестины еврейскому народу на равных основаниях с Турцией. Шерман послал неофициальный запрос Соломону Гиршу, американскому посланнику в Константинополе: согласится ли Турция на такую передачу. Гирш ответил: отобрать у Турции какую-либо часть ее территории возможно только вооруженным путем.

Когда Теодор Герцль в 1897 г. организовал современное сионистское движение, Шифф держался от него в стороне. Его отталкивали отсутствие сколько-нибудь выраженной религиозной составляющей в Базельской платформе, присутствие и руководство ряда нерелигиозных евреев и светский националистический характер движения, и он пылко выражал свое мнение как публично, так и частным образом.

Однако Шифф все время помнил о вынужденной эмиграции евреев из России, Польши, Галиции и Румынии и благожелательно относился к созданию поселений на Востоке. В 1903 г. Герцль размышлял о поселении в Египте и заручился поддержкой лорда Ротшильда, через которого также пытался добиться поддержки Шиффа. Очевидно, к Шиффу обратились через его племянника, Отто Шиффа, жившего в Лондоне. 5 мая Шифф писал племяннику: «Получил твое письмо от 18 апреля.

Насколько я понял, ты написал его мне по просьбе лорда Ротшильда. Было бы иронией судьбы, если, после того как наши предки оставили Египет со всеми пожитками и мы не одну тысячу лет отмечаем исход как самое важное событие в истории нашего народа, – если после всего этого современный Израиль должен снова селиться в Египте… лично я считаю, что данный план возбудит особое отвращение у восточных евреев, из которых в конце концов должны получиться поселенцы и для которых чувства играют такую большую роль – тем более, что именно они пользуются наибольшей благосклонностью сионистского движения».

Далее он повторял то, что уже отмечалось: по мнению Шиффа, более серьезного внимания заслуживала Месопотамия.

На следующий год, 10 апреля 1904 г., Герцль из Вены написал Шиффу, который тогда находился во Франкфурте, и попросил о личной встрече[49]. Ответ Шиффа, написанный от руки из Франкфурта, не обнаружен, но вполне очевидно, что он согласился, потому что 27 апреля Герцль писал ему, получив его письмо из Берлина от 21 апреля: он в то время не мог покинуть Вену и просил, чтобы Шифф встретился с одним из его «самых верных помощников, доктором Каценельсоном из Либавы» в Лондоне 2 мая. Встреча состоялась, и последнее письмо Герцля, опубликованное в его дневнике, было адресовано Шиффу. В нем Герцль благодарил Шиффа за то, что тот принял Каценельсона. Герцль умер 3 июля 1904 г., и известие о его кончине появилось в прессе утром в субботу. Шиффа смерть Герцля очень огорчила. Узнав о том, что произошло, он долго молчал, а потом провел утро с другом, обсуждая Герцля и его планы, которые в конечном счете сводились к тому, как добиться от султана передачи Палестины на таком основании, какое Шифф считал невозможным.

Каценельсону Шифф писал 7 июля: «Мы скорбим, узнав несколько дней назад о смерти доктора Герцля, и мне кажется, что лично Вы очень тяжело воспринимаете потерю друга, который, как мне известно, очень высоко Вас ценил. И хотя лично я не вполне сочувствовал его начинаниям, мы все должны отдать должное его высокому идеализму. Очень печально, что такой человек ушел от нас в расцвете сил».

12 июля Шифф писал Шехтеру: «Пока я находился в Европе, ныне покойный доктор Герцль собирался встретиться со мной; мы уже договорились о встрече во время моего пребывания в Лондоне, так как он хотел, чтобы на встрече присутствовал лорд Ротшильд. В последний момент доктор Герцль не смог приехать и прислал вместо себя доктора Каценельсона из Либавы… От

последнего я впервые узнал многие политические устремления доктора Герцля… а также его планы на будущее, и могу лишь сказать: бедный доктор Герцль заблуждался, считая многое уже достигнутым, а его планы, которые он хотел провести в жизнь, были совершенно непрактичными и утопическими».

Шехтер на время отошел от сионистского движения, но в 1906 г. публично заявлял о том, что примкнул к нему. Шифф подробно обменялся с ним взглядами и согласился на то, чтобы письма были опубликованы.

«8 августа 1907 г.

Дорогой профессор Шехтер!

Передо мной лежит Ваше письмо от 17 июня, на которое я еще не ответил. Как я уже объяснял Вам, ответ я вынужден был отложить до тех пор, пока во время отпуска я не найду времени более подробно объяснить Вам свое отношение к сионизму, приверженцем которого, к моему сожалению, Вы стали после Вашего возвращения в Соединенные Штаты. Несмотря ни на что, Вы утверждаете, что стали таким же хорошим американцем, как и те, кто на Вас нападает. Не знаю, кого Вы имеете в виду, говоря о тех, кто на Вас нападает, и хочу подчеркнуть, что лично я не сочувствую нападкам на кого-либо из-за его религиозных и политических взглядов и убеждений. Я свободно признаю право каждого примыкать к сионистскому движению и не вижу веских поводов, почему человек, ставший сионистом и искренне разделяющий воззрения сионизма, должен отражать нападки тех, кто мыслит иначе.

Но, будучи американцем, я ни в коем случае не могу согласиться с тем, что можно одновременно быть истинным американцем и искренним приверженцем сионистского движения. Люди, чьи имена Вы упоминаете, могут или могли – поскольку они уже скончались – убежденно питать глубокую привязанность к нашей стране, но, если они честные сионисты – то есть если они верят в восстановление еврейского государства, надеются на осуществление своих планов и трудятся ради конечного воплощения их в жизнь, их планы стоят для них на первом месте по сравнению с американским гражданством. Если бы они имели возможность осуществить свои намерения и желания, они не смогли бы хранить верность той стране, чьими добропорядочными гражданами они сейчас себя объявляют. Еврею не следует… думать, что он нашел в нашей стране лишь «убежище»; он не должен чувствовать, что находится в ссылке и его пребывание здесь лишь временное и преходящее. Если те, кто приехали после нас, должны быть свободны от предрассудков,

которыми, что вполне естественно, страдает наше поколение, мы должны сознавать, что с политической точки зрения никто не смеет предъявлять на нас права, кроме той страны, гражданами которой мы стали по доброй воле; и даже если мы евреи по вере, вера не оказывает влияния на наше гражданство.

Я не спорю с Вами в той части, где Вы призываете вернуться к еврейским идеалам; наоборот, здесь я к Вам присоединяюсь; но боюсь, для очень большого числа сионистов и, конечно, для многих видных лидеров движения выражаемое Вами стремление совершенно чуждо. В их желании восстановить еврейское государство в Палестине религиозные мотивы играют (если вообще играют) весьма малую роль. Где бы ни родился еврей, со своими единоверцами его объединяет убеждение, пусть даже не до конца разделяемое всеми, что у нас как у евреев имеется нечто сокровенное, исполненное большой ценности для человечества, что наша миссия в мире продолжается, а с ней и наша ответственность друг за друга. Из-за этого наша судьба – быть между народами и становиться неотъемлемой частью других народов. Иудаизм по-прежнему остается исходной религией, без которой не появилось бы… ни христианства, ни ислама; пытаться убрать из сердцевины народов источник, из которого до сих пор черпают великие дочерние религии, – все равно что бежать перед лицом Божественного провидения, которое, по собственным причинам, разрушило еврейское государство и рассеяло его народ по земле как миссионеров, которые должны вызывать и приближать время, когда «будет Господь един, и имя его – едино»[50].

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

«22 сентября 1907 г.
Дорогой профессор Шехтер!

Ваши друзья-сионисты высказали свое мнение и подвергли меня анафеме. Надеюсь, они будут довольны… если я честно признаю, что не рад нынешнему противостоянию; однако личное удобство не учитывается там, где затрагивается столь важный вопрос, который навязан евреям. Он должен быть четко определен и верно понят. Когда сионисты, как было на их последнем собрании, говорят от имени еврейского народа, они забывают, что очень большая доля наших единоверцев – не сионисты и что значительное число даже ортодоксальных евреев совершенно противостоят сионизму. Политическая доктрина, рожденная и отстаиваемая сионизмом, не имеет ничего общего с еврейским мессианством, которое находит выражение в

ортодоксальной молитве и которое мы все можем принять, ибо, подобно другим частям красивой древнееврейской службы, это единственно мольба об ускорении прихода тысячелетнего царства.

В Священном Писании нигде не найти призывов к восстановлению еврейского государства усилиями людей, и поэтому я, не колеблясь, утверждаю, что сионизм в своих политических устремлениях не имеет полномочий с религиозной точки зрения. Попытки направить руку Провидения никогда не приносили плодов, и можно процитировать много мест из Писания, где попытка исполнить Божественную цель без Божественной воли и поддержки оканчивалась катастрофой.

Я не боюсь неверного истолкования моей позиции теми, кто *на самом деле хочет* понять мою позицию. Так было на недавнем собрании Американской федерации сионистов, где попытались извратить мои взгляды, которые я не скрываю. Ни как американец, ни как еврей я до сих пор не ссорился с сионизмом в том, где сионизм направлен на возвращение к еврейским идеалам. Никогда я не утверждал, что сионизм не совместим с патриотизмом. Еврей любого происхождения – будь он местнорожденный или натурализованный – никогда не перестанет отвечать на потребности своей страны всем, что у него есть, даже своей жизнью; но я повторяю, что политический сионизм ставит себя выше гражданства, навязывает тот взгляд, что сионист, если он искренен, должен всеми законными средствами стремиться к своей цели. Ограничение, пусть даже такое отдаленное, которое, таким образом, ставится над гражданством – не самими евреями, но политической доктриной сионизма – создает обособленность, которая является роковой.

Именно это во многом «наполняет горечью жизнь наших братьев за рубежом, особенно в Германии», что излишне подчеркивали ораторы… на недавнем собрании Американской федерации сионистов, ибо именно политическая доктрина сионизма предоставила новое оружие в руки антисемитов, на что не устают жаловаться немецкие евреи. В самом ли деле сионисты искренни, когда они, как они постоянно делают, выдвигают предположение, что их еврейское государство должно стать просто убежищем – точнее, по их словам, «юридически закрепленным домом» – для русских, румынских и, возможно, марокканских евреев? Разве предположение, что еврейское государство в первую очередь примет преследуемых евреев, не является глубоким оскорблением для российских и румынских евреев, если не для всех евреев в целом?

Нужно ли мне лишний раз, в моем преклонном возрасте,

доказывать, насколько я предан своей нации, доказывать свою готовность – и горячее желание – сотрудничать со всеми разумными силами, способными улучшить судьбу моих многострадальных российских единоверцев? Я давно убежден, и последние события лишь укрепили меня во мнении, что русско-еврейский вопрос во всей его полноте может быть решен только в России, и эмиграция способна помочь здесь лишь в ограниченной степени, пусть и организованная наилучшим образом, ибо шесть миллионов человек эмигрировать не могут. Сионистская агитация за создание еврейского государства в Палестине не может решить эту важнейшую проблему сколько-нибудь практическим способом. Поскольку сионистские политические стремления нереализуемы, вред и разочарование от неизбежной неудачи рано или поздно вызовут противодействие… тем идеалам, к которым стремится сионизм.

В нашей стране сионистская агитация скорее замедлит американизацию тысяч тех, кто приехал к нам в последние годы. Их успех и счастье в нынешнем и будущем поколениях, не менее чем благополучие государства, в значительной степени зависят от той готовности, с какой вновь прибывшие будут способны в их гражданском состоянии – которое рассматривается отдельно от их вероисповедания – раствориться в американском народе. Из-за этого я поднимаю свой голос и предупреждаю людей вроде Вас, чьи идеалы я понимаю и в чьей чистоте побуждений не могу сомневаться…

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф»[51].

Война и ее последствия вызвали важные изменения в сионистском движении, переместив его из состояния ученой дискуссии и пропаганды к действительным проблемам освоения территории, подмандатной Великобритании, а с этим пришло и измененное отношение к сионизму со стороны многих, кто до тех пор оставался от движения в стороне. Взгляды Шиффа после 1914 г. будут подробнее описаны ниже, но необходимо отметить, что, хотя он во многом изменил свое отношение к сионизму, официально в организацию не вступил.

Независимо от каких-либо теорий о создании еврейского государства, Шифф считал, что обязан содействовать конструктивным, по его мнению, образовательным программам на Святой земле. Предприятием, которое больше всего интересовало его на протяжении ряда лет, стал Еврейский институт технического образования в Хайфе, который в те годы называли «Техникумом». Приехав в Палестину в 1908 г., Шифф

был поражен тамошней безработицей и особенно отсутствием знаний о превалирующих там ремеслах и отраслях промышленности. Эшеру Гинцбергу (Ахад Ха'ам) и д-ру Шмарья Левину удалось привлечь к проекту семью чаеторговцев Высоцких из Москвы. Решено было учредить в Палестине техническое училище. В те годы «Общество помощи немецких евреев» через Пауля Натана налаживало на Святой земле школьное образование. Натан совершил четырехмесячную поездку по Палестине и также был поражен отсутствием такого рода учебного заведения. Он объяснил необходимость создания института Шиффу, который согласился стать «заинтересованным лицом», что впоследствии вылилось в дар в размере 100 тыс. долларов на строительство института. Свое предложение Шифф передал Натану в письме, датированном 9 октября 1908 г.

В письмах и телеграммах он часто обсуждал с Натаном организационные подробности. Строительство института вызывало его неподдельное воодушевление; он старался заразить своим отношением и других. Хотя Шифф не входил в совет попечителей, он часто встречался с ними, внимательно изучал архитектурные планы, которые присылались на рассмотрение, и некоторые правила управления институтом. В 1911 г. Шифф жаловался на медленный ход строительства; 12 декабря он писал Натану:

«Я искренне надеюсь, что после многочисленных проволочек, которые, насколько я понимаю, по большей части были неизбежными, сооружение Техникума теперь продвигается энергично и близится к завершению, потому что в противном случае… интерес ко всему проекту вскоре совершенно иссякнет».

Тем временем в самой Палестине и в сионистских кругах в Европе разгорелась жаркая дискуссия о том, на каком языке будет вестись преподавание. Разумеется, многие разногласия были вызваны политическими соображениями. По вполне естественной традиции, в школах, созданных на Востоке иностранными государствами, преподавание велось на языках тех государств, которые построили то или иное учебное заведение. Во французских школах, открытых католической церковью или французским «Еврейским альянсом», преподавание велось на французском языке; в американских школах и колледжах – на английском; ввиду того, что Техникум управлялся из Берлина, попечители желали вести преподавание на немецком языке. Возможно, они были не совсем свободны в данном вопросе, и правительство Германии надеялось с их помощью расширить свое влияние на Ближнем Востоке. Как бы там ни было, конкуренция была очень острой. В Палестине случались забастовки учителей и

учеников. Сионистский конгресс 1913 г., проходивший в Вене, принял воинственные резолюции на данную тему, считая, что единственным языком обучения должен стать иврит, а когда попечители в Германии не согласились с этим, сионисты – члены совета попечителей – вышли из него. По всему миру они активно вели агитацию и пропаганду; американских попечителей осаждали письмами, телеграммами и визитами, целью которых было заручиться их согласием на то, чтобы единственным языком преподавания стал иврит.

Американские попечители готовы были пойти на компромисс. Они считали, что древнееврейский язык может применяться для общих целей. Кроме него, следует преподавать арабский и турецкий языки, чтобы ученики могли общаться с властями и населением; кроме того, хотя им казалось, что изучение современных языков также необходимо, преподавание одного немецкого ослабит международный интерес к учебному заведению. По этому поводу Шифф и писал, и телеграфировал Натану. Чтобы сгладить противоречия между всеми сторонами, было предложено, что через семь лет – срок, за который, как надеялись, появятся учебники на иврите по нескольким предметам, – этот язык станет главным языком обучения.

Шифф готов был собирать средства для содержания Техникума и учреждения стипендий. Неожиданно возникло новое препятствие. Оказалось, что деньги, собранные в Германии, считаются не даром, а займом, и что на строительство идут лишь пожертвования самого Шиффа и средства семьи Высоцких. Возможно, последнее обстоятельство стало следствием возмущения, распространившегося в Германии после бойкота палестинским населением немецких школ. 20 апреля 1914 г. Шифф писал Луису Маршаллу: «Как я уже объяснял Вам, ввиду того положения, какое заняла немецкая секция попечителей Техникума – а именно, что собранные ими 400 тыс. марок считаются займом, а не даром, – я не готов проявлять дальнейший интерес а Техникуму до тех пор, пока проблема не будет решена, о чем я напрямую сказал доктору Паулю Натану. Более того, мой сын сообщил мне, что по причинам, которые он, наверное, объяснил другим попечителям, он вышел из состава совета попечителей, на что лично я ни в малейшей степени не повлиял».

10 июня 1914 г. другие попечители-американцы также вышли из состава совета, в основном потому, что права их полномочных представителей не признавались на заседаниях, а поскольку они сами, в силу территориальной отдаленности, не могли посещать эти заседания, получалось, что они возлагали на своих

представителей большую ответственность, однако те лишены были реальной возможности ее проявлять. Узнав об этом, Шифф писал Маршаллу: «Я вполне доволен тем, что ввиду создавшегося положения больше ничего невозможно сделать со стороны американских попечителей».

Данную ситуацию он обрисовал 28 июня, в письме в газету «Американ Хибру»: «В разные времена – в последний раз в Вашем выпуске от 26-го числа текущего месяца – публично утверждалось, что мой интерес к Техникуму Хайфы, а также вклад в его строительный фонд отозван через доктора Шмарья Левина, одного из руководителей Еврейского националистического движения. Хотя я до сих пор не считал нужным отвечать на подобные нападки, их повторы заставляют меня заявить раз и навсегда, что подобные утверждения не соответствуют действительности. Впервые с планом построить в Хайфе еврейское техническое учебное заведение со многими филиалами меня познакомил не доктор Левин, а доктор Пауль Натан. Я заинтересовался этим проектом благодаря той серьезности, какую продемонстрировал доктор Натан. Он считал, что данное учебное заведение будет способствовать росту культурного уровня и расширению возможностей растущего поколения палестинских евреев. Мой интерес в немалой степени подогревался перспективами, которые открывались там для немецких, русских и американских евреев, потому что ортодоксы, реформаторы, сионисты и антисионисты могли гармонично сотрудничать в деле культурного роста и прогресса в Палестине.

К сожалению, в конце концов все обернулось совершенно не так, как ожидалось вначале, и вместо гармонии в руководящем органе учебного заведения, штаб-квартира которого находится в Берлине… возникли серьезные разногласия как раз в то время, когда активное строительство Техникума было почти завершено и институт был готов открыть свои двери для палестинской молодежи.

Эти разногласия, конечно, обострились по вине и в силу несговорчивости обеих сторон… однако факт остается фактом: меньшинство в руководящем органе, возглавляемое доктором Левиным, своей поспешной отставкой и неуместным возбуждением вызвало последствия, которые – невзирая на все усилия американских попечителей, единых в своих выводах – в конце концов привели к срыву программы, дошедшей почти до завершающей стадии, после того как на строительство уже истратили свыше 300 тыс. долларов. И хотя я от всей души надеюсь, что еще можно изыскать способы и средства для того, чтобы возродить Техникум, чтобы он еще мог послужить великой

цели, для которой он создавался, прискорбные события, которые в конце концов привели к нынешней неудаче, ясно показали, что на палестинские дела имеет сильное влияние… сравнительно небольшая группа еврейских националистов, которые, хотя постоянно утверждают, что они выступают за поддержку и сотрудничество всех евреев во всех видах работ, связанных с Палестиной, не колеблясь, пользуются самыми предосудительными способами, чтобы, если нужно, достичь своих целей…

Джейкоб Г. Шифф».

Однако 21 июля он писал Натану: «Мне доставляет особое удовлетворение получить Ваше письмо о том, что Техникум будет достроен и весной 1915 г. откроет свои двери».

В то же время он перевел 100 тыс. марок на содержание школы.

14 октября он писал Натану: «Вполне понимаю, что до конца войны вопрос Техникума, как Вы пишете, должен подождать. Население Палестины само по себе находится в очень шатком и неопределенном положении, так как оно… отрезано от всех источников помощи, которую оно получало в прошлом и в которой так сильно нуждается».

В 1915 г., после своего рода вынужденной продажи, Техникум перешел во владение «Общества помощи немецких евреев». В нескольких письмах Натану Шифф называет этот поступок большим несчастьем, порождающим нехорошие предчувствия.

После войны Шифф написал мужу своей племянницы, профессору М. Собернгейму из Берлина, который входил в правление «Общества», и спросил, что они собираются делать с Техникумом Хайфы и можно ли его выкупить. Узнав, что «Общество» хочет получить за него 500 тыс. марок, Шифф 5 ноября 1919 г. писал судье Джулиану У. Маку: «Если все верно, я склонен приобрести Техникум и передать его сионистской организации при условии, что она хочет его получить и сумеет управлять им добросовестно и с пользой».

5 января 1920 г. Шифф снова написал Маку, спрашивая, «готова ли сионистская организация принять от меня в дар здания Техникума в Хайфе», но его пожелания снова оказались в какой-то мере сорваны, потому что, судя по всему, вместо того, чтобы покончить с делом таким образом, сионистская организация, точнее, ее «Национальный фонд», предпочел иметь дело напрямую с «Организацией помощи немецких евреев», поэтому 3 февраля 1920 г. Шифф отозвал свое предложение выкупить Техникум и передать его, как он собирался,

«Сионистской организации Америки». Возможно, он устал от споров, потому что 5 февраля 1920 г. он писал Маку: «Я предпочел бы лично выкупить здания Техникума, так как я изначально вложил в предприятие 100 тыс. долларов, и приобретение зданий завершило бы дело более подходящим и приемлемым для меня способом. Однако я все же хочу помочь и не буду возражать против того, чтобы «Сионистская организация» купила ее (необходимые средства предоставлю я), а Вы можете, соответственно, телеграфировать в Лондон, как Вы предлагали в сегодняшнем письме. Вечером я отправлю телеграмму доктору Симону: «В ответ на Вашу телеграмму не возражаю против Вашей продажи Техникума «Сионистской организации».

Само «Общество помощи» решило, что будет лучше, ввиду изменившихся после мировой войны условий, передать Техникум «Сионистской организации» в Лондоне, которая благодаря своим отношениям с правительством Великобритании могла предложить необходимые условия для оказания достойной поддержки учреждению в стране, находящейся под британским мандатом.

Возник еще один проект, который также привлекал серьезное внимание Шиффа. Аарон Ааронсон, ученый-ботаник, агроном, который открыл в горах Ливана дикую полбу, получившую известность как «мать всех пшениц», предложил учредить в Палестине экспериментальную станцию для выращивания пшеницы и проведения других опытов с целью выработки методов ведения сельского хозяйства в этой стране и в других местах. Организация была зарегистрирована в Нью-Йорке в 1910 г.; она должна была всецело содержаться американской группой, но вскоре Шифф узнал, что опытная станция, которая должна была находиться в Хайфе, будет построена на земле, принадлежавшей «Национальному фонду сионистской организации». Шифф считал, что это породит множество проблем, так как учреждение, принадлежащее одной организации, находилось на земле, принадлежащей другой организации. Его заинтересованность проектом несколько ослабела. Однако в конце концов он согласился принять участие в создании станции с тем условием, чтобы землю оформили в долгосрочную аренду, хотя, давая свое согласие, он не был уверен в том, что такое соглашение разумно.

В 1913 г., когда станция заработала и начала приносить полезные результаты, Шифф горячо поддержал предложение Джулиуса Розенвальда обучать молодых палестинцев американским методам ведения сельского хозяйства. После двухлетнего пребывания в Америке они должны были возвращаться в Палестину, чтобы внедрять в этой стране

полученные в Америке знания и опыт. В письме Розенвальду 27 января 1913 г. Шифф заявил: он пообещал Ааронсону оплатить обучение для пятерых молодых людей при условии, если удастся найти подходящих кандидатов.

Глава 15

Подобно всем просвещенным людям, Шифф ненавидел войны и регулярно пользовался возможностью содействовать в установлении прочного мира или предотвращать конфликты с помощью третейских договоров. В 1896 г. с такой целью за океан уехал Уильям Э. Додж, председатель Вашингтонской конференции по установлению постоянной формы третейского суда между Соединенными Штатами и Великобританией. Шифф познакомил Доджа с Касселем, написав 11 июня, что «очень важно сформировать в Англии объединенный комитет, состоящий из влиятельных людей, которые будут рассматривать этот простой вопрос в отношениях между двумя англоговорящими странами». 18 января следующего года он написал генералу Джеймсу Г. Уилсону и попросил употребить его влияние «в пользу срочной ратификации третейского договора между нашей страной и Великобританией».

Во время испано-американской войны возникли трения между США и Германией. В следующем году новый посланник Германии в Вашингтоне передал Шиффу намерение его правительства предпринять действия в области таможенных пошлин; Шифф решил, что такие действия могут быть пагубными в отношениях двух стран. Через доктора Г. фон Сименса в Берлине он пытался помешать этому:

«27 октября 1899 г.

Уважаемый доктор Сименс!

Несколько дней назад доктор Мумм фон Шварценштайн, чрезвычайный посол Германской империи в Вашингтоне, передал мне Ваше письмо от 8 августа. Я с радостью познакомился с этим способным дипломатом и также узнал от него Ваше мнение. Из двух коротких бесед, которые я имел с доктором фон Шварценштайном, у меня сложилось впечатление, что в немецких правительственных кругах существует намерение, пусть даже не до конца сложившееся, предпринять до определенной степени репрессалии против Соединенных Штатов, ликвидировав льготный таможенный тариф для Соединенных Штатов, который сейчас существует на ряд товаров, ввозимых в Германию из США и других стран. Я спросил посланника, не вызовет ли такой шаг возмущения и протестов со стороны Соединенных Штатов, поскольку подобная процедура не сочетается с пунктом о «стране наибольшего благоприятствования» в соглашении между Соединенными Штатами и Германской империей. По его словам,

правительство Германии считает, что льготные тарифы уже действуют в отношении Франции и России и что Германия имеет право заключать сходные договоры с другими государствами и потому не нарушает условий своего соглашения с Соединенными Штатами.

Я не в том положении, чтобы иметь возможность высказывать мнение по данному вопросу, но мне кажется, что необходимо всеми силами избегать шагов, которые снова могут усилить трения, до недавнего времени осложнявшие отношения Америки и Германии. Такое напряжение, безусловно, возникнет, если подобные намерения воплотятся в жизнь или даже станут предметом официального обсуждения, и потому я считаю желательным, чтобы данный вопрос не продвигался дальше…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Он по-своему объяснял то волнение, которое вызвал в Америке предстоящий визит принца Генриха в 1902 г., написав одному корреспонденту: «Поразительно, до чего добрые республиканцы в Америке захвачены ожиданием королевского визита. С другой стороны, необходимо помнить, что в наши дни короли действительно воплощают в себе то, что в республике олицетворяет национальный флаг, а именно они служат материальным символом национального духа».

Позже он выражал надежду, что данный визит приведет к возобновлению дружбы между двумя великими державами и нанесет последний удар вспышке шовинизма, обострившейся в последние годы.

12 января 1903 г. Шифф согласился вступить в американское отделение Лондонского общества пилигримов, «которое ставит своей целью способствовать англо-американской дружбе», и в январе 1904 г., по приглашению Джона У. Фостера, он принял участие в третейской конференции в Вашингтоне. 20 сентября 1911 г. он писал Уильяму Байярду Хейлу, тогда редактору «Уорлдс Уорк», излагая свои взгляды на постепенный подход к лучшему взаимопониманию между народами и разрешению спорных вопросов мирными средствами. Он выражал надежду на то, что «постоянные и энергичные призывы к разрешению международных споров с помощью третейских судов и других мирных средств постепенно настроили общественное мнение по всему миру в пользу сохранения мира, что возымело сильное действие на правительства многих стран и… вероятно, с течением времени приведет ко всеобщему миру».

19 июня 1912 г. он писал Джеймсу А. О'Горману, тогда

сенатору от штата Нью-Йорк, об ожидающих подписания третейских договорах с Англией и Францией, высказываясь в пользу их скорейшей ратификации, которая, как он надеялся, подготовит почву для такого же договора между Соединенными Штатами и Германией.

В том же году, во время неоднократных беспорядков на Балканах, он выражал надежду на то, что Австрия и Сербия договорятся мирным путем. 29 апреля 1913 г., во время конференции послов в Лондоне, он писал Касселю, что, если страны Антанты будут держаться вместе, силы мира одержат победу. В том же духе 6 января 1914 г. он писал Циммерманну, заместителю министра иностранных дел Германии, выражая надежду, что взаимопонимание между великими державами после балканских беспорядков отложит опасность вооруженного конфликта и что можно обеспечить постоянный мир в Европе.

Мировая война особенно серьезно ударила по тем гражданам Соединенных Штатов, которые родились в Германии или Австрии. В случае таких людей, как Шифф, проблемы и противоречия оказались самыми вопиющими. Он всегда хранил в сердце теплые чувства к своей родине. Там жили его братья и их семьи. В Германии у Шиффа осталось много друзей. С другой стороны, несколько его племянников были британскими подданными, и у него имелось много друзей также в Англии и Франции. Помимо личных чувств, он, будучи человеком сугубо мирным, резко отрицательно относился к любым войнам в принципе. 30 июля 1914 г. он писал Зангвиллу: «Сейчас ужасный призрак общеевропейской войны так же сильно занимает мой разум, как и разум всех здравомыслящих людей, поэтому я… не могу писать длинные письма и на сегодня лишь шлю мои самые добрые пожелания Вам и Вашим близким».

В тот день он уехал в Бар-Харбор. Обычно он уезжал туда на месяц в августе, что составляло весь его регулярный отпуск. Однако в 1914 г. Шифф прервал свой отдых раньше времени и через два дня вернулся в Нью-Йорк, потому что, по его словам, он «счел лучшим, ввиду ужасной войны в Европе, находиться на своем посту». 28 августа в письме государственному секретарю Брайану он призывал правительство «возглавить, вместе с другими заинтересованными правительствами… действия, чтобы при первом же благоприятном случае внести предложение об общем посредничестве и обеспечении справедливого разрешения вопросов, которые придется обдумывать и решать по окончании ужасного и прискорбного конфликта, развязанного различными европейскими странами».

22 сенттября он писал губернатору Мартину Г. Глинну,

отказываясь от поста уполномоченного Нью-Йорка на выставке в Сан-Франциско, потому что, «имея многочисленных родственников и близких друзей, живущих в зоне военных действий, ряд из которых находятся в армии – как немецкой, так и английской, – мы, несомненно, вскоре после того, как завершится идущий сейчас ужасный конфликт, пожелаем поехать в Европу».

Очевидно, он считал, что война, скорее всего, закончится в течение года.

В письме от 9 октября своему племяннику, Мортимеру Г. Шиффу, жившему в Лондоне, он спрашивал: «Почему страны ведут жестокую, безжалостную борьбу? Я в самом деле не могу этого понять и даже сейчас считаю, что они могут собраться – что, правда, вряд ли произойдет – пусть даже только ради того, чтобы положить конец бойне и разрушениям, в попытке уладить разногласия и найти modus vivendi по принципу «живи сам и давай жить другим», ибо, в конце концов, в корне всего конфликта лежит единственно желание существования, а не увеличения своей территории до огромных размеров… за исключением России, которой одной нечего терять и которая приобретает все».

В письме Жюлю Филиппсону из Брюсселя он выражает сочувствие Бельгии: «Какое ужасное испытание выпало на долю Вашей страны! И на какой бы стороне кто-то ни находился, невозможно не испытывать ничего, кроме сочувствия и сострадания к маленькой Бельгии, которая так отважно боролась за свою независимость. Никто пока не понимает, когда и как завершится этот ужасный конфликт, и все же я надеюсь, что, когда бы ни была в конце концов одержана победа, независимость Бельгии и, насколько возможно, ее материальное положение будут восстановлены, а ее доблестные граждане снова будут процветать».

В письмах родным в Германию он защищал позицию Америки, хотя насколько возможно избегал обсуждать свои взгляды с кем-либо из живущих в Европе. 15 декабря в письме Максу Варбургу он выражал сомнения относительно быстрого окончания войны: «Я был особенно рад получить письмо, написанное твоей собственной рукой, в котором так проницательно объясняется вся обстановка. Боюсь, время для взаимопонимания между странами еще не пришло и – что самое ужасное – придется пожертвовать многими жизнями, прежде чем воюющие стороны, правительства и народы прислушаются к голосу разума и поймут на собственном опыте пяти ужасных месяцев… что им лучше собраться вместе и попытаться что-

нибудь предпринять, чтобы положить конец причинам, вызвавшим войну, и добиться постоянного понимания между европейскими странами на будущее. Нечто в таком роде рано или поздно должно быть сделано, и мне кажется, особенно в интересах Германии, чтобы это произошло скорее, даже ценой жертвы».

Он ужасался продолжению войны; несмотря на возможные неверные истолкования, которые он предчувствовал, он согласился дать большое интервью газете «Таймс», которое было опубликовано в воскресенье, 22 ноября 1914 г. В интервью Шифф давал свою оценку предпосылкам и причинам войны, указывал, какие шаги, по его мнению, необходимо предпринять, чтобы достичь мира, и выражал надежду, что война не окончится превосходством какой-либо одной из великих держав или таким миром, который перекроит карту Европы, потому что ему казалось, что такой мир станет предвестником других войн.

Интервью окончилось длительной перепиской с президентом Элиотом, которая почти вся была опубликована в «Таймс» в воскресенье, 20 декабря. Война затягивалась, и его прежняя точка зрения претерпела кардинальные изменения. В следующем отрывке из письма Элиоту от 14 декабря 1914 г. не только подытоживается его тогдашнее мнение, но и отмечается, что Шифф один из первых разграничил противоборствующие правительства и их народы: «При всей моей привязанности к моей родине и ее народу я не испытываю враждебности к Англии, питаю теплые чувства к Франции и очень сочувствую храброй поверженной Бельгии. Итак, «без какого-либо злого умысла» и испытывая высочайшее уважение к выраженным Вами взглядам, я все же считаю, что невозможно оказать человечеству большей услуги, чем сделав попытку, либо используя силу общественного мнения двух Америк, либо иным путем, собрать воюющие правительства вместе как можно раньше, пусть даже не прекращая конфликта, чтобы они попытались понять, можно ли теперь, на дорогом опыте последних пяти месяцев, сделать что-нибудь, чтобы ликвидировать лишние вооружения на суше и на море… и заложить основу, на которой можно добиться постоянного и устойчивого разоружения в будущем.

К такому результату им в любом случае придется прийти, и неужели вначале придется пожертвовать новыми человеческими жизнями, сотнями и сотнями тысяч, и творить еще большие разрушения, прежде чем страсти улягутся и вернется разум? Если, как Вам кажется, война должна продолжаться до тех пор, пока одна страна не будет повержена и ей придется принять условия, выдвинутые победителем, потому что больше не сможет

продолжать… мир, достигнутый таким образом, станет лишь предвестником другой войны в близком или отдаленном будущем, войны еще более кровавой, чем нынешний кровопролитный конфликт, и никаким договором нельзя будет… ее предотвратить.

Двадцать веков назад в мир пришло христианство, несущее благородное послание «…на земле мир, в человецех благоволение», и вот теперь, через две тысячи лет, почти в канун тех дней, когда христианство празднует рождение его основателя, кто-то настаивает, что безжалостная резня человека человеком, свидетелями которой мы являемся прошедшие месяцы, должна продолжаться до бесконечности.

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Его последнее письмо от 25 декабря 1914 г. осталось неопубликованным:

«Уважаемый доктор Элиот!

Наша с Вами недавно опубликованная переписка вызвала массу писем ко мне. Одно из полученных мною приложений адресовано нам обоим, и потому я посылаю его Вам на рассмотрение. Оно составлено весьма умно, и я с большим интересом прочел это обдуманное предложение, пусть даже я сомневаюсь, возможно ли в наше время осуществить изложенный в нем план. Я понятия не имею, кто автор письма. Во всяком случае, полагаю, мы имеем право гордиться тем, что наш обмен взглядами, изложенный в недавней переписке, будет способствовать дальнейшему пониманию создавшегося положения и, возможно, поможет его прояснить.

«Мир на земле и в человецех благоволение» – какая пародия на то, что творится сейчас! Я даже не смею никого поздравлять с Рождеством и Новым годом…

Всегда искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Части писем, которыми обменивались Шифф и Элиот, несомненно, передавались по телеграфу во все части Европы; на них обижались в Германии, где, похоже, рассчитывали, что Шифф займет сторону Германии. Свои взгляды он объяснил в письме доктору Паулю Натану в Берлин 5 января 1915 г.: «Что касается моих высказываний, которые перепечатаны в прессе за границей, считаю, что их цитировали лишь частично и не всегда верно. Вот суть того, что я говорил в интервью и в опубликованной

переписке с Элиотом: ни одно из государств, занятых в нынешней войне, на самом деле не знает, почему оно сражается; не в интересах мира, чтобы какое-либо из этих государств было повержено и вынуждено было принять навязанный ему мир; далее, невероятно, чтобы конфликт окончился в разумные сроки путем поражения того или иного государства; поэтому, рано или поздно воюющие стороны вынуждены будут собраться вместе и понять, нельзя ли устранить навсегда причины и обстоятельства, приведшие к этому ужасному конфликту, и нельзя ли заложить основы прочного мира в Европе, который сделает ненужными ужасные вооружения; и, наконец, следует попытаться изложить обстановку воюющим правительствам сейчас, чтобы как можно скорее положить конец ужасной бойне и страшным разрушениям…»

28 января 1915 г. он писал Максу Варбургу: «Спасибо за доброе письмо после моего ноябрьского интервью «Таймс». Я прекрасно понимаю, что, откровенно изложив свои взгляды, я стал мишенью для яростных нападок не только в Англии и во Франции, но даже более того – в Германии. Однако в нашей стране мои высказывания вызвали больше одобрения со всех сторон.

Моей целью и раньше и теперь остается попытка убедить враждующие стороны в том, что их позиции ложны, что как народам, так и их правительствам необходимо понять, что война до победного конца была бы самым страшным последствием… что таким способом никогда не достичь прочного мира; и что обе стороны должны вернуться к тем условиям, которые существовали до начала войны и которые вызвали ее, с тем чтобы… путем взаимных уступок устранить эти условия… Я прекрасно знаю: тот, кто попытается взять на себя роль миротворца там, где страсти так накалились, как сейчас в Европе, наверняка будет понят превратно и подвергнется злобным нападкам; тем не менее я продолжу вместе с другими неустанно трудиться в выбранном мною направлении, потому что убежден, что это мой долг.

Подобно тому как все мои корреспонденты в Германии с величайшей горечью пишут о врагах Германии и твердят, что Германия должна победить, непременно победит и на за что не согласится на мир, который не предоставит ей всего, ради чего она вступила в войну, мои друзья с другой стороны, англичане и французы, пишут мне с такой же горячностью, как и немцы. Все считают, что они сражаются только за свои права. Если так будет продолжаться и дальше, решение можно будет принять лишь путем грубой силы, и тогда создадутся условия, подобные

мексиканским, которые столь неприятны цивилизованным странам и цивилизованным людям. Вот самая ужасная часть происходящего; война и нынешняя обстановка уже начинают становиться привычными, в результате чего падает нравственная атмосфера стран и их цивилизации.

Я счел уместным написать тебе подробно о своих чувствах. Их разделяют многие мои соотечественники. Я искренне надеюсь, что, несмотря на твои враждебные чувства, как ты их описываешь, ты воспримешь сказанное мною как откровенные слова друга. Я знаю, так и будет!»

9 мая 1915 г., через несколько дней после того, как была потоплена «Лузитания», Шифф отправил президенту Вильсону телеграмму, в которой просил его призвать враждующие стороны к миру:

«Президенту,
Вашингтон (округ Колумбия)

Позвольте почтительнейше и нижайше… просить Вас, главу нашей великой страны, обратиться к воюющим сторонам и призвать их прекратить войну и подумать над тем, что продолжение этого варварского и жестокого конфликта должно в конце концов привести к уничтожению цивилизации, которая выстраивалась двадцать долгих веков. Противоборствующие стороны могут даже сейчас всерьез попытаться найти путь к миру! При Вашей выразительности… вполне возможно, что такой призыв, исходящий от Вас в такое время, если Вы по своей великой мудрости сочтете его нужным, не останется незамеченным.

Джейкоб Г. Шифф».

Бернхард Дернбург, который в начале войны находился в Америке, якобы представляя немецкий Красный Крест, допустил несколько бестактных замечаний относительно «Лузитании». Генри Л. Хиггинсон, очевидно, решил, что Шифф может помочь обуздать Дернбурга. Со своей обычной расторопностью и откровенностью 12 мая 1915 г. Шифф написал:

«Уважаемый доктор Дернбург!

Многие – по-моему, неверно – полагают, будто я имею на Вас какое-то влияние, и в последние несколько дней ко мне обратились многие люди, протестуя против тех публичных высказываний, которые сделали Вы после прискорбного инцидента с «Лузитанией».

Один видный и очень влиятельный гражданин Бостона,

например, пишет мне: «Мы с Вами стараемся сохранять мир в нашей стране и надеемся на мир в Европе. Насколько мне известно, Вы не выражали ни о ком дурного мнения. Я пытаюсь следовать тем же курсом, и мне удалось связать воедино, в одном органе, людей, представляющих многие национальности, с сильным немецким превосходством, и их настроение и поведение по отношению друг к другу все последнее трудное время было превосходным, за что я им очень благодарен. Доктор Дернбург, представляющий то или тех, что он представляет… выступает в такое время, когда все ожесточились и испытывают боль. Его поступок очень опрометчив, отвратителен и не свидетельствует о высоких моральных принципах. Его слова вредят Германии больше, чем что бы то ни было. Люди не могут придерживаться нейтралитета, если их постоянно так возбуждать. Если Вы сочтете мои слова оправданными, пожалуйста, передайте доктору Дернбургу следующее: «Молчите. Не выражайте никаких мнений. Не говорите с газетчиками. Не говорите абсолютно ничего». Он может думать, как хочет, но говорить ему не следует».

Итак, уважаемый доктор Дернбург, пишу Вам, так как согласен с моим корреспондентом, и если моя откровенность Вас оскорбляет, прошу прощения заранее, но я уверен, что Вы хотя бы понимаете, что намерения у меня добрые.

С наилучшими пожеланиями, как всегда,

Искренне Ваш

Джейкоб Г. Шифф».

25 июня 1915 г. он написал генералу Уилсону о своей семье и о войне: один его племянник, Эдгар Сейлин, сражался в составе германской армии на Восточном фронте; его лондонский племянник, Мортимер Г. Шифф, записался добровольцем в английскую армию; его старший внук, Фредерик Варбург, только что поступивший в Гарвард, отправился в военный тренировочный лагерь.

Узнав, что немецкие газеты снова нападают на него и на его фирму, 5 ноября 1915 г. Шифф написал Максу Варбургу: «Мне передали, что в «Берлинер Тагеблатт», среди прочего, утверждалось: «В будущем нам следует сдержаннее относиться к м-ру Шиффу». Не понимаю, что они имеют в виду, ибо не знаю, с чем сравнивать их призывы. У меня, слава богу, никогда не было особых претензий к Германии, как никогда я не принимал от нее ничего особенного. Я считаю, что, если бы в ответ на это замечание «Тагеблатт» и подобной ей немецкой прессы в целом, я выразился бы в том же духе: «В будущем мне следует сдержаннее относиться к Германии», – мои слова имели бы больше

логических и фактических последствий.

Но я не позволяю уничтожить свои чувства к Германии даже нынешним злобным нападкам. Я по-прежнему питаю чувство сыновней преданности стране, в которой жили мои отцы и деды и в которой стояла моя колыбель. Эта преданность наполняет меня надеждой, что Германия не будет побеждена в этой страшной битве. Но есть предел моих надежд, связанных с Германией; я не буду далее надеяться, что в результате войны какая-либо из других стран окажется под юрисдикцией и влиянием германской системы правления. Отдавая должное немецкой организованности и немецким способностям, я не питаю воодушевления по отношению к системе, которая допускает свободное развитие граждан только до тех пор, пока данное развитие служит государству, и которое на каждом шагу одергивает граждан всевозможными запретами и ограничениями. Точно так же я решительно не одобряю систему, при которой все зависит от одобрения милитаристских элементов и дополняет их.

Конечно, немецкий народ имеет полное право считать подобные методы правления наилучшими в том, что касается Германии… Но в тот миг, когда система начинает угрожать другим странам, эти другие страны таюке имеют право противостоять ей всеми своими силами. Более того, нечестно обвинять нейтральные страны, в которых – как в случае с нашей страной – утвердилась англосаксонская система, в том, что они распространяют свое законное сочувствие на страны, которые сражаются против любого насильственного слома их привычной системы. Вот почему я надеюсь, как я говорил еще в ноябре 1914 г. в интервью «Таймс», которое ты наверняка помнишь, что война не окончится унижением Англии и Франции. Я не могу представить ничего более нежелательного для нашей страны и для всех остальных стран в целом, чем то, что Германия получит преобладание в открытом море, подобно тому преобладанию, какое на протяжении многих веков имела Англия, потому что мне кажется, что в таком случае свободное развитие торговли и свободное сообщение между другими странами вскоре прекратятся».

Шифф отказался жертвовать деньги в немецко-американский литературный оборонительный комитет, написав 13 декабря 1915 г.: «По-моему, я могу сказать, что сохранил необычайно теплые чувства к стране моего рождения, но я пробыл американцем пятьдесят лет и собираюсь остаться им до конца моей жизни, и я не могу согласиться со многими публичными высказываниями руководителей вашего комитета и потому предпочитаю не делать пожертвования вашему комитету, чтобы меня не отождествляли с

ним».

Другим корреспондентам он, пользуясь случаем, указывал, что он стал американским гражданином до того, как сформировалась Германская империя, и потому обязан хранить верность своей стране.

Он поддержал Вильсона на перевыборах в 1916 г. и писал Абраму А. Элкусу, тогдашнему послу США в Турции: «Президент ведет крайне достойную кампанию, ни в коей мере не поддерживая какую-либо партию, и заслужил самых высоких похвал как друзей, так и врагов. Его поддержка растет день ото дня, и я надеюсь, что он будет в конце концов переизбран. По-моему, в нынешней международной обстановке будет чистым безумием… менять курс, и я надеюсь, что этого не произойдет. Вы, однако, узнаете, каков будет исход, задолго до того, как мое письмо дойдет до Вас».

Когда пошел третий год военных действий и казалось, что войне не видно конца, Шифф снова пришел к выводу, что Америка обязана принять меры. 1 августа 1916 г. он написал Хэмилтону Холту, высказавшись в пользу созыва крупного и влиятельного комитета, который должен был убедить президента обратиться к нейтральным странам с призывом свести противоборствующие стороны на переговорах, поскольку казалось очевидным, что по своей воле они на переговоры не пойдут. Хотя он выражал готовность войти в состав такого комитета и даже быть в составе его правления, он считал, что будет лучше, если он сам не будет играть заметной роли в данном движении.

Кроме того, Шифф одним из первых признал, что думающие люди должны приложить все усилия и создать механизмы для предотвращения войн в будущем. Несмотря на свое нежелание выступать на данную тему, он, в силу своих твердых убеждений, расположен был принять серьезное участие в работе Лиги в защиту мира и 27 октября 1916 г. обратился с письмом к президенту Вильсону, ссылаясь на их беседу, состоявшуюся месяцем ранее, и призывая президента произнести речь за ужином, который устраивала Лига 24 ноября. Кроме того, он призывал Вильсона объединиться с лордом Брайсом и другими мировыми лидерами и предпринять активные шаги для предотвращения будущих войн.

На вышеупомянутом ужине председательствовал Уильям Говард Тафт как президент Лиги в защиту мира. Речи произнесли сенатор Уильям Дж. Стоун от Миссури, председатель сенатского комитета по международным отношениям, а также

Олтон Б. Паркер, Роберт Э. Спир и Финли Дж. Шепард. Зачитали также обращения виконта Грея, графа Бернсторффа,

лорда Брайса, Ж. Жюссерана и А. Бриана. Шифф также прислал тщательно подготовленную речь: «Все глаза устремлены к Америке в надежде, что наша страна возьмет на себя инициативу созыва всемирного движения, призванного гарантировать, что после того, как закончится ужасный конфликт, который бушует по ту сторону Атлантики – а все человечество желает, чтобы он поскорее закончился, – мир не подвергнется вновь ужасам и зверствам, которые в наше время развязали страсти, невиданные со времен Средневековья, и, словно желая повернуть развитие цивилизации вспять, натравили один народ на другой в яростной смертельной схватке. Даже сейчас, спустя почти два с половиной года с тех пор, как страны пошли войной друг на друга, эта титаническая борьба не только продолжается, но и постоянно нарастает.

Несомненно, вследствие ужасного опыта, который сейчас переживает человечество, недавно возникшее в нашей стране движение за создание Лиги в защиту мира вызвало небывалый интерес не только в Америке, но почти повсеместно – и, может быть, нигде в большей степени, чем в странах, участвующих в ужасной мировой войне. Насколько я понимаю, принципы, заложенные в основу будущей Лиги в защиту мира, очень просты. Государствам, большим и малым, предлагается заключить прочный и продолжительный пакт по устранению разногласий любого характера, которые могут возникнуть между любыми из них после этого срока, через посредство Мирового суда, за которым будет стоять необходимая сила, способная, в случае необходимости, обеспечить выполнение его указаний…

Такова вкратце программа Лиги в защиту мира, которую предлагают создать наиболее дальновидные и проницательные граждане нашей страны. Предложение, по-моему, как никогда своевременно. Если оно будет должным образом воплощено в жизнь, результат будет достоин усилий величайших умов и крупнейших сил нашего народа; не приходится сомневаться и в том, что, после того как улягутся бушующие сейчас страсти, Лига получит поддержку и сотрудничество во всех ведущих странах мира. Если же наши ожидания не оправдаются, жизнь в нашем мире в грядущие эпохи станет почти невыносимой.

К счастью, мы уже выслушали голоса великих государственных деятелей, представителей враждующих стран; они высказались в поддержку шагов, предпринимаемых сейчас нашей страной по организации Лиги в защиту мира. Заверения, которые сейчас делаются за границей в этом отношении, внушают оптимизм, но было бы неверно в нынешней обстановке задаваться вопросом, следует ли ожидать, что наши замыслы окажутся

успешными, если – как здесь неоднократно подчеркивалось – воплощение в жизнь наших планов начнется лишь после того, как нынешний конфликт окончится миром. Позвольте спросить, таково ли на самом деле наше намерение – сидеть тихо и выжидать, когда какая-либо из противоборствующих сторон дойдет до полного изнеможения, будет поставлена на колени и вынуждена будет принять любые условия, навязанные ей победителем? Можно ли хотя бы на миг представить, что мир, достигнутый вышеописанным способом, будет сколько-нибудь долгим и что Лига в защиту мира, какой бы мощной она ни была, сумеет в перспективе сохранять мир, достигнутый таким образом?..

Как бы мы ни хотели, стремясь учредить Лигу Наций, держаться в стороне от нынешней ужасной обстановки в Европе, мы неизбежно столкнемся с условиями, которые с самого начала, скорее всего, подвергнут опасности целесообразность нашего начинания. Из-за этого нам придется либо отложить осуществление наших нынешних планов до тех пор, пока в Европе не восстановится мир – то есть до тех пор, пока его условия не станут известны и не будут признаны всеми, – или продолжать работу в темноте… в надежде, что вскоре будут приняты действенные меры по примирению противоборствующих сторон, которые в настоящее время настолько разошлись и настолько утратили точки взаимодействия, что необходимо вначале согласовать условия для их сближения, которые признают разумными обе стороны.

Недавно в крупной лондонской ежедневной газете была высказана мысль, что «Америка стала попечителем интересов человечества». Это трюизм, в который неуклонно верим мы сами, а если так, не настало ли время, чтобы Америка, будучи хорошим попечителем, набралась храбрости и сделала шаги, которые в самом деле направлены на защиту интересов всего человечества, которые Провидение вверило нашим заботам? Нынешний конфликт… едва ли окончится в ближайшем будущем. Он продолжится до тех пор, пока какие-нибудь мощные факторы – какую бы отрицательную роль они ни играли поначалу – не встанут между распаленными противниками и не будут присутствовать до тех пор, пока обе стороны не назовут условия, на которых можно будет договариваться о будущем мире…

Наверное, лучше далее не развивать мою мысль. Однако позвольте мне напомнить, в чем заключается долг нашей страны и каким образом можно надеяться на то, что движение за учреждение Лиги Наций будет способствовать сохранению мира после того, как закончится война… Если опыт способен чему-то

научить, положение, которое предшествовало нынешнему большому конфликту, и предпосылки, вызвавшие его, свидетельствуют об одном. Каким бы сильным ни было желание сохранить мир, такое желание оказывается бесплодным, если в международных отношениях не главенствует международное право; если превалируют жадность и агрессивность; если одна страна, развивая свою торговлю, чинит экономические препоны другой стране… и если постоянным желанием влиятельных и крупных государств останется захват новых территорий и новых сфер влияния.

Лига Наций в защиту мира? Какую другую цель ставили перед собой страны, входящие в так называемый Тройственный союз, или Антанту, кроме сохранения мира и защиты стран, входящих в союз, от других государств, могущих усомниться в праве первых на новые территории?.. Можно сказать, что самая мощная лига за сохранение и поддержание мира уже существовала до того, как Европа была ввергнута в нынешний конфликт. Союз оказался лишенным всякой силы и ценности, потому что цель, ради которой он образовался, и положение, которое он стремился поддерживать, оказались эгоистичными и не основывались на равенстве и справедливости. Может быть, я захожу слишком далеко, но… я лишь хотел указать единственный путь, следуя которым, по моему мнению, можно прийти к прочному успеху.

Если мы, граждане великой и влиятельной страны, вынуждены… предпринять шаги в интересах всего человечества, которые со временем будут способствовать… прекращению всех войн, мы должны начать с того, что убедимся, что мир, который последует за нынешней войной, можно будет укрепить, и что его прочность можно гарантировать, ибо он будет основан на равенстве, справедливости и правосудии для всех. Лига Наций, которую мы сейчас создаем, может иметь ценность только в том случае, если она будет способствовать… миру одновременно справедливому и удовлетворяющему всем нынешним противоборствующим сторонам. Только после того… как окончится… нынешний прискорбный и несчастный конфликт, за ним последует прочный мир, который, если придется, можно будет отстаивать силой закона.

Как оказалось, я совершенно не имею представления о видном ораторе, который два дня назад в публичной речи обрисовал будущее мира черными красками. Он придерживается того мнения, что нынешняя ужасная и разрушительная война – только начало многочисленных титанических конфликтов; что нашу страну – если она сейчас воспользуется своим великим

положением и влиянием и поможет воюющим странам примириться – в конце войны все стороны будут ненавидеть не меньше, чем сейчас ненавидят страны Четверного союза. Могу добавить: ненависть к нам стран Четверного союза стала для меня новостью, хотя я допускаю, что сейчас они превратно истолковывают наши намерения. По моему мнению, такие безответственные публичные высказывания отражают лишь мнение тех наших сограждан, которые хотят, чтобы мы играли в Мексике такую же роль, какую сейчас играют некоторые воюющие державы в Южной Африке, Эльзасе и Лотарингии, Китае, Марокко, Триполи, в Боснии и Герцеговине, в Персии и других странах; тех наших сограждан, которые, как выразился цитируемый мной оратор, желали бы, чтобы наша страна вступила в войну, чтобы добиться мира, который… как он правильно заметил, будет лишь началом долгой вереницы дальнейших титанических конфликтов.

Вердикт, который вынес американский народ 7 ноября, будет, по-моему, неверно истолкован, если именно таким будет мир, на который они надеются… но мне кажется, что я понимаю, как понимают большинство американцев, что стоит за публичным выражением взглядов… части наших сограждан, которые не могут простить президента за то, что тому до сих пор удавалось удерживать нас от вступления в войну.

Я тоже верю, что после того, как наконец, вернется мир, наша страна больше не сможет оставаться в стороне (да и не будет иметь на то права), но займет ведущую роль среди держав в деле поддержании мира, а не такого порядка, который выльется в вереницу титанических конфликтов.

Мы читаем в Библии, что после того, как почти вся жизнь на Земле была уничтожена Всемирным потопом, Бог поместил радугу на небе, которая служила знаком того, что больше никогда подобное бедствие не постигнет мир. Пусть же после восстановления мира звездно-полосатый флаг станет для народов мира знаком того, что, если Америка сумеет это предотвратить, больше никогда жестокая война не станет уничтожать человечество. Америка, хранительница интересов человечества; Америка, которая поможет ныне воюющим народам снова обрести самих себя и друг друга; и – после того, как это будет достигнуто – Америка, совместно с другими странами, защитница мира во всем мире».

Дабы избежать неверных выводов некоторых американцев относительно целей этого ужина Лиги в защиту мира, точнее, из-за нападок лондонской прессы, резолюцию правления Лиги предали огласке, утверждая, что она нацелена не на прекращение

войны, но направлена на создание Лиги Наций или сходного органа, который должен появиться после войны. Журналисты нападали на Шиффа из-за его речи; в некоторых английских газетах утверждалось, что он строит козни, стремясь к миру в интересах Германии. В ответ на эти обвинения последовало заявление Лиги: «С самого начала мы стремились ограничить свое движение, сведя его к единственной цели, а именно – к примирению сторон после нынешней войны, что, как мы надеемся, сделает невозможными другие войны в будущем. Мистер Шифф – один из виднейших и ценнейших членов Лиги, и резолюция, принятая сегодня, никоим образом не бросает на него тень. Более того, мистер Шифф, излагая свои убеждения, выступал не от имени Лиги и не думал, что его замечания будут неверно истолкованы и приняты за мнение всей Лиги».

Шифф догадывался, что его речь у многих вызвала отторжение. Свои боль и удивление он выразил в письме Хэмилтону Холту от 18 декабря, указав, что он всего лишь стремился донести до всех присутствовавших, что Лига в защиту мира не может иметь ценности, «если не удастся заключить мир, так прочно основанный на праве и справедливости по отношению ко всем народам, что иного пути практически не будет».

Переживая из-за того, что его слова истолковали превратно, Шифф в дальнейшем часто отказывался произносить речи. Именно поэтому он отклонил приглашение от Шурмана, президента Корнелльского университета: «Оказалось, что меня совершенно неверно понимают как в странах Антанты, так и в странах Четверного союза, а вполне естественное сочувствие, которое я питаю к стране, где я родился, в целом истолковывают как мое стремление занять сторону Германии и выразить враждебные чувства по отношению к Великобритании и Франции. Это совершенно не так, ибо я бы глубоко сожалел, если бы Четверному союзу удалось разбить либо Англию, либо Францию, либо обе эти державы».

15 февраля 1917 г., после поездки в Вашингтон, Шифф пришел к выводу, что «мы не сможем поддерживать мир с Германией, как ни хотят этого президент и значительная часть страны, ибо, очевидно, «сильные мира сего» в Германии приняли решение о безжалостной войне».

Произошел разрыв дипломатических отношений с Германией, из США выслали посла Бернсторффа. Страна готовилась к вступлению в мировую войну. 14 марта 1917 г. Шифф написал Элиоту: «Вы правы в том, что для американцев немецкого происхождения настали печальные времена – в моем случае, из-за моего естественного сочувствия народу, среди

которого я вырос и который я по-прежнему люблю. Но с тех пор, как была потоплена «Лузитания» и последовали безжалостные и бесчеловечные действия немецкого правительства, мое отношение к Германии претерпело существенные изменения, и теперь я только надеюсь, что вскоре Великобритании и Франции удастся настоять на мире, после которого уже невозможно будет возвращение к прежним условиям, ввергнувшим мир в нынешнее ужасное положение».

Когда объявили войну, Шифф писал Вильсону:

«6 апреля 1917 г.

Уважаемый господин президент!

Теперь, когда я вернулся после недолгого отсутствия, я в Вашем полном распоряжении, если мои услуги могут быть каким-либо способом востребованы в нынешнем тяжелом положении.

Желаю Вам здоровья и сил, ибо страна нуждается в Вас…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

С начала 1917 г., когда в США начали активно готовиться к вступлению в войну, Шифф старался предложить свою помощь везде, где мог быть полезен человек его возраста и его характера. Согласившись с назначением мэра Нью-Йорка, он стал делегатом на конгрессе конструктивного патриотизма, который проходил в Вашингтоне 25–27 января. 16 апреля он послал министру сельского хозяйства копию телеграммы, полученной от Макса Синьора из Цинциннати, убеждая, что единственный способ, каким Америка способна незамедлительно и действенно помочь союзникам, заключается в наращивании поставок продуктов и что в этой области нельзя жалеть усилий. Другие его мероприятия, связанные с войной, особенно с ее финансированием, будут описаны ниже.

27 апреля 1917 г., в ответ на просьбу подписать патриотическое письмо, Шифф согласился при условии, что из письма уберут фразу, которая утверждала, что в войне повинно правительство Германии: «Мое мнение таково, что Германия изначально не развязывала войну, но это скорее было вызвано действиями предыдущего царского правительства России и правительства Австрии, хотя Германия без труда могла бы предотвратить войну, если бы пожелала».

Насколько создавшееся положение давило на него, становится понятно из письма от 10 августа 1917 г.: «В каком ужасном беспорядке сейчас весь мир, и почти нигде не видно ни единого проблеска света! Особенно огорчает меня Россия, и хотя

я ни на минуту не верю в возвращение прежнего положения дел в связи с нашими единоверцами, боюсь, беспорядки в России будут способствовать продлению войны, что повлечет за собой большие человеческие жертвы и потери для нашей страны. Надеюсь лишь на то, что народы всех стран так устали от войны и так хотят мира, что их правительства вскоре вынуждены будут найти выход…»

Однако и Шифф постепенно приходил к выводу, что борьбу придется довести до конца. В письме от 28 августа он пишет заинтересованному корреспонденту: «Я человек мирный, я люблю мир, понимаю, что нет счастья превыше мира, и я предпочел бы, чтобы наша страна понесла большие материальные потери… во имя мира, а не из-за войны. И все же я понимаю: если нам не удастся положить конец тому, что в целом называется… «милитаризмом», под чем подразумевается позволение одной стране приобретать такую физическую власть и силу, что она может отрицать почти весь мир и удерживать его в безвыходном положении, как делала Германия три прошедших года, уже не может быть возврата к длительному счастью и процветанию… То, что можно временно залатать, с помощью раннего мира, снова порвется, пусть даже не в наше время, а… при жизни следующего и дальнейших поколений. В начале конфликта, три года назад, моя точка зрения была другой, но ход войны, способ, каким ее ведет Германия, и отношение германского правящего класса во главе с императором к собственному народу, который недавно потребовал демократических преобразований… вынудили меня занять ту позицию по отношению к моей родине, какую я сейчас пытаюсь Вам объяснить».

Шло время, и в войне все чаще принимали участие его родственники. В октябре в газетах сообщили, что его племянник, Мортимер Г. Шифф, молодой английский адвокат и капитан британской армии, был тяжело ранен и пропал без вести; позже подтвердилось известие о его смерти. Другой племянник, Отто Шифф, подданный Великобритании, но немец по рождению, в 42 года вступил добровольцем в армию Великобритании и уехал на фронт, хотя его отец по-прежнему жил в Германии.

18 марта 1918 г., когда положение армий Антанты было весьма плачевным, Шифф писал: «По-моему, сейчас странам Антанты и Германии уже поздно, если вообще возможно, обсуждать «некоторое подобие мира». Сознавать это горько и печально, но, на мой взгляд, сейчас можно сделать только одно: продолжать сражаться изо всех сил, пока и правительству Германии, и немецкому народу не надоест воевать и они не будут готовы заключить мир, который раз и навсегда покончит с

германским милитаризмом, ставшим проклятием для всего мира. До того, как цель будет достигнута, Америка может недосчитаться как людей, так и материальных богатств, но будь что будет; лучше, если мы заново начнем отстраивать то, что появилось у нас после Войны за независимость, чем вынудим наших потомков стать рабами Германии… если ей удастся навязать нам мир на своих условиях. Мы имели возможность увидеть, что последнее означало для России и Румынии, и, если мы сейчас сдадимся, мы и наши союзники окажемся не в лучшем положении».

7 июня 1918 г. Шифф сделал следующее заявление: «Хотя я покинул Германию очень молодым человеком и 53 года назад выбрал своим домом США, я считаю, что вполне понимаю стремления Пруссии и методы Гогенцоллернов… и верю в то, что нам совершенно необходимо безоговорочно победить в этой войне».

К началу октября стало ясно, что силы Четверного союза слабеют. 2 октября, выступая на заседании нью-йоркского отделения казначейства по поводу четвертого военного займа, или «займа Свободы», Шифф, по сообщениям газет, сделал следующие замечания: «Пять месяцев назад, стоя на этом самом месте, я имел честь обратиться к своим согражданам с призывом вносить средства на третий «заем Свободы». Тогда меня часто спрашивали, когда, по моему мнению, закончится война, и я всякий раз неизменно отвечал: «Когда мы победим». Насколько ближе мы сейчас к победе и как гордимся достижениями наших отважных мальчиков и наших доблестные союзников!..

Благодаря замечательной организации, возникшей почти в одночасье, благодаря даже не готовности, но пылкому желанию нашего народа пойти на любые жертвы, оплачивать любые расходы, у нас в Европе теперь есть почти двухмиллионная армия, которая к следующей весне увеличится еще в два раза. А если вспомнить храбрость, отвагу и ум американских солдат, их желание исполнить свой долг до конца, могут ли быть сомнения в исходе войны? Но мы с вами и американский народ в целом также должны полностью исполнить свой долг, должны обеспечить армию средствами, необходимыми для того, чтобы успешно сражаться и одержать победу над безжалостным врагом, который не знает иных целей, кроме агрессии и расширения своей территории.

Неправда, что американцы – как часто утверждали наши враги – материалисты, стремящиеся лишь к наживе. Наоборот: в отличие от Четверного союза, мы не стремимся расширить свою территорию и властвовать; мы не хотим ничего приобрести в этой

войне, кроме безопасности для стран и свободы для народов Земли. Именно стремясь к такой цели, проливают кровь наши солдаты, и мы сами готовы, если придется, пожертвовать всем, что у нас есть.

Я стою здесь, словно Моисей на горе Нево, на вершине Фасги, и смотрю на Землю обетованную, куда я, в силу возраста, уже не надеюсь попасть, однако мои глаза видят, что в грядущие времена жертвы, на которые мы идем сейчас, принесут обильные плоды в создании более счастливого мира, будут способствовать тому, что наши потомки и человечество в целом получит благословение, потому что, после того как исчезнут своекорыстие и классовая ненависть, братство людей станет явью».

24 октября 1918 г., когда шли переговоры об условиях прекращения огня между правительством Германии, в лице его канцлера, и президентом Вильсоном, Шиффа попросили прокомментировать ответ президента на третью немецкую ноту, и он это сделал, предсказав республиканскую форму правления, которая после войны установится в Германии: «Нота президента, направленная Германии, представляется мне очень логичной и определенной, способной внести ясность в создавшееся положение. Наш президент недвусмысленно предоставляет немецкому народу выбор. Один выход – предоставить любые возможные гарантии для того, чтобы абсолютно обезопасить будущее с помощью мер и методов, какие могут потребовать страны Антанты и мы, что, в свою очередь, означает капитуляцию; второй выход – так реорганизовать свое правительство, чтобы мы могли совершенно безбоязненно иметь с ним дело. Если немецкий народ, вполне созревший для идеи самоуправления… сумеет в этот критический момент набраться храбрости, провозгласить республику и раз навсегда покончить с властью династии, которая верит лишь в свое Божественное право управлять и никогда не позволит народу править в соответствии с конституцией, как в Англии, дорога на Голгофу, лежащая сейчас перед немецким народом, станет для них куда проще».

После Компьенского перемирия Шифф писал: «Великое дело, что закончилась ужасная мировая война со всеми порожденными ею разорениями; но теперь, похоже, на нас возлагается еще большая ответственность, чем все, через что мы прошли; ибо мир необходимо переделать, может быть, так же, как после Всемирного потопа».

7 января 1919 г. он писал доктору Саймону Баруху, кстати выразив свое полное одобрение тому, что президент Вильсон отправился за границу на мирную конференцию: «Я убежден, что, если бы президент не принес великую жертву – ибо это для него

жертва – и не поехал за границу, мы не достигли бы высоких идеалов, ради которых наша страна так самоотверженно воевала. Германии в будущем, несомненно, придется пережить нелегкие времена, и никто не в состоянии помочь ей перенести то наказание, какое она сама на себя навлекла, но, когда пройдет еще полвека – а что такое полвека для жизни народа? – она возблагодарит Господа (не особенного Господа Гогенцоллернов, а Бога Вселенной, Отца всего человечества) за то, что она проиграла войну, ибо при поистине свободном правительстве она в свое время достигнет еще большего величия и процветания, чем когда-либо прежде».

Он сокрушался по поводу «Шаньдунского вопроса» и 3 сентября 1919 г. писал Такахаси: «Остается лишь надеяться, что Япония и Китай найдут удовлетворительное для обеих сторон решение «Шаньдунского вопроса», который сейчас так неоправданно используется для раздувания противоречий между Японией и Соединенными Штатами, чего, уверен, не желают честные патриоты ни в Вашей, ни в нашей стране».

23 декабря 1919 г. Шифф написал письмо сенатору Уодсворту, призывая его сделать все возможное для скорейшей ратификации соглашения после созыва сената. Его призыв к миру и скорейшей ратификации мирного договора, который включил в себя пункт о создании Лиши Наций, практически стал его последним желанием. В настроении сената и народа он с глубоким сожалением предвидел тщетность дальнейших усилий по достижению мирного договора, усилий, которые подорвали здоровье президента и не дали ему продолжать усилия склонить народ, а через него и сенат к своей точке зрения.

После войны возобновилась его переписка с родственниками, жившими в Германии. Первым он написал Максу Варбургу; Шифф подтвердил получение писем, написанных еще в конце 1915 г., и, перечислив основные события, произошедшие в его семье, сокрушается по поводу большого пробела в переписке в годы войны:

«Бар-Харбор (Мэн),
26 августа 1919 г.
Дорогой друг!

Лишь недавно я получил несколько твоих писем, написанных в конце 1915-го и в начале 1916 г., очевидно задержанных английской цензурой… В одном письме я нашел добрые пожелания по случаю помолвки и свадьбы Каролы, у которой теперь подрастает дочь – очаровательная девочка, которой скоро будет три года. Два с половиной года назад нам пришлось

прервать переписку; твои дети тоже выросли, как видно на семейном снимке, который недавно получила Фрида и показывала нам.

…Мы живем в другом мире, в котором нам всем, но вам в большей степени, придется начинать все заново. Из-за этого я очень рад… Пол теперь с тобой; при его ясном уме и обширном опыте, который он получил, состоя в правлении Федерального резерва и в других местах, он, несомненно, поможет тебе очертить планы на будущее, хотя сейчас, как мне кажется, трудно сделать что-либо определенное и можно лишь день за днем двигаться на ощупь до тех пор, пока обстановка в мире снова не станет более спокойной, чем сейчас.

Я знаю, ты совершил много благородных и патриотических поступков для своей страны. Наши чувства и мнения относительно событий последних лет, несомненно и вполне естественно, сильно различаются, и я не сомневаюсь, ты согласишься со мной, что будет лучше, если мы не станем обсуждать эти события, но тем не менее те, кто, как я, понимают положение, в которое был поставлен ты лично, не станут отрицать, что лично ты заслуживаешь лишь самых высоких похвал. Будь уверен, что моя дружба к тебе во всех отношениях не ослабела, что я не питаю к тебе и твоим близким ничего, кроме самых искренних и теплых чувств. Буду по-настоящему счастлив, если возникнут такие обстоятельства, в каких я смогу оказаться тебе полезным.

Как всегда, твой
Джейкоб Г. Шифф».

Естественно, стране требовались советы Шиффа в области военного финансирования. После того как Америка вступила в войну, он всерьез думал на данную тему. Шиффа занимали как общие проблемы займов и налогообложения, так и более частные вопросы. 22 мая 1917 г. он подготовил заявление, касавшееся правительственной финансовой программы в целом: «Совершенно необходимо, чтобы в нынешнее время налогообложение проводилось крайне осмотрительно. Тогда налогоплательщики будут охотно предоставлять любые средства, которые могут понадобиться для победы дела демократии, для снабжения страны и для защиты того, ради чего мы подняли меч. Но налогообложение – серьезная и ответственная задача; неся в наши тяжелые времена законодательное бремя, сознавая необходимость принять законы, призванные оправдать доселе неведомые и неслыханные объемы государственного дохода, разве не следует конгрессу остановиться и обдумать, не повлияют

ли налоги, которые они предлагают собирать, на нашу экономическую структуру в такой степени, что многое из того, что создавалось не одно десятилетие, подвергнется риску, если не полному уничтожению?

Упорные утверждения, что война, в которую мы вступили по праву, должна, в большой степени, оплачиваться из налогов, неоправданны. Мы идем в битву, чтобы спасти положение для потомков, которым по праву придется нести часть того бремени, какое мы взваливаем на себя. Вот почему правильно будет позаботиться о том, чтобы большая часть военных расходов оплачивалась выпуском облигаций, которые будут постепенно погашаться через посредство крупных ежегодных амортизационных фондов. Какую бы задолженность мы ни взвалили на себя, амортизационный фонд в размере 5 % в год, который не составит такого тяжкого бремени, поможет выплатить долг примерно за 15 лет.

Если будет принят такой план для сбора крупных сумм и сейчас, и в будущем, по мере надобности, вместо резкого роста налогов… капитал не будет напуган, что, скорее всего, произойдет в том случае, если предложенный конгрессу законопроект обретет вид закона. Тогда торговля и промышленность нашей страны будут развиваться, не боясь антинаучной системы налогообложения, которая угрожает нам сейчас…»

В сущности, Шифф предлагал широко распространенную практику, которая заключалась в том, чтобы продавать народу государственные облигации, которые получили название «займа Свободы». Он принимал активное участие в работе всех подписных кампаний, давая советы и убеждая. Кроме того, он лично вносил большие суммы по подписке. Он вошел в состав нью-йоркского комитета «займа Свободы», но писал председателю комитета Бенджамену Стронгу, что, поскольку он не всегда сможет участвовать в заседаниях комитета из-за своей прогрессирующей глухоты, он просит, чтобы его заменил его сын.

Одному знакомому, который подписался на крупную сумму и купил еще облигаций на 50 тыс. долларов, но в письме в сердцах обмолвился: «Одному Богу известно, сколько еще мне предстоит им заплатить!» – Шифф ответил: «Позвольте сказать Вам: «Богу действительно известно – Вы получите свое с помощью Федерального резервного банка, при 4,5 % годовых». Он имел в виду общий план, по которому правительство финансировало войну, побуждая отдельных граждан жертвовать средства по подписке и предоставляя им возможность расплачиваться кредитными билетами.

23 мая 1917 г. он распространил аргументированное заявление, предназначенное для того, чтобы заинтересовать потенциальных инвесторов первой серией облигаций на сумму в 2 млрд долларов. Получив через Стронга выражение благодарности от министра финансов (секретаря казначейства) за ту работу, которую он проделал вместе с другими членами комитета по размещению первой серии займа, Шифф писал Макэду:

«11 июля 1917 г.

Уважаемый господин секретарь!

Б. Стронг, президент Федерального резервного банка Нью-Йорка, переслал мне копию Вашего письма ему от 28 июня, в котором Вы выражаете одобрение той службе, оказанной комитету «займа Свободы», в котором я имею честь состоять – в связи с размещением недавно выпущенных правительством облигаций на сумму в 2 млрд долларов. Позвольте от своего имени ответить, что для меня было честью сотрудничать под Вашим руководством… и поистине приятно следовать Вашим указаниям. Выраженное Вами в письме желание сохранить комитет, который участвовал в размещении «займа Свободы», разумеется, будет исполнено, и я вполне уверен, что все члены комитета снова охотно согласятся сотрудничать с Вами так же действенно, как и в прошлый раз, когда правительству понадобилось разместить дополнительные серии облигаций…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Свои доводы о размере процентной ставки второй серии «займа Свободы» Шифф заранее изложил в письме Пьеру Джею, агенту Федерального резервного банка в Нью-Йорке. 30 июля 1917 г. он писал из Бар-Харбора: «Когда в прошлый четверг мы обсуждали вопросы, связанные с грядущим выпуском дополнительных облигаций «займа Свободы», Вы, насколько я понял, привели свое мнение и мнение некоторых своих помощников, что объем в 3 млрд можно разместить по той же процентной ставке, что и в прошлой серии. Я тщательно обдумал этот вопрос, однако считаю, что министр финансов сильно рискует, если решит разместить новую серию под 3,5 %. Мне скорее кажется, что было бы неплохо, если бы министр финансов, прислушавшись к мнению нашего комитета, попросит конгресс уполномочить выпуск облигаций под 4 % и предложит такую ставку для новой серии, сделав, однако, облигации погашаемыми через десять или, может быть, пять лет.

Правда, после того, как четырехпроцентная облигация, не облагаемая налогом, будет размещена по номиналу, она, скорее всего, немного вырастет в цене, но именно так и должно быть, учитывая огромные серии, которые государству, вероятно, еще предстоит выпустить, особенно если война затянется, как кажется в настоящее время. Важно, чтобы, какими бы значительными ни были требования государства, серии облигаций, которые ему придется выпустить, получали в любое время хороший прием со стороны американского народа, чего не произойдет, если рыночная цена существующих серий упадет ниже номинала. Прошло время для того, чтобы останавливаться и подсчитывать стоимость этой несчастной войны. Почти не будет разницы, если нам придется выплатить по процентам на 50 или 100 миллионов долларов больше или меньше… повторяю, главное, чтобы государственные облигации оставались ликвидными в любое время. Прошу Вас передать мое мнение другим членам комитета «займа Свободы», когда они будут обсуждать вопрос, которого я коснулся. Повторяю, я в любое время готов вернуться в Нью-Йорк, если в этом возникнет необходимость».

Шифф поддерживал введение налога на сверхприбыль, полученную во время войны, однако указал, что законопроект, внесенный в сенат, подразумевает скорее прогрессивный добавочный подоходный налог на все прибыли, чем налог на военные сверхприбыли, и писал президенту Вильсону:

«23 сентября 1917 г.

Уважаемый господин президент!

Я убежден, что налог на сверхприбыль в том виде, в каком он, по слухам, будет принят на согласительном комитете сената и палаты представителей… приведет к таким серьезным финансовым беспорядкам, что осмеливаюсь просить Вас употребить Ваше влияние и объяснить, что введение наконец военного налога будет не препятствовать, а, наоборот, способствовать выполнению колоссальной задачи успешно и без проволочек провести страну через войну, в которую она вступила.

Очевидно, в попытке повлиять на некоторые вопиющие дела, точнее, целые классы дел, связанные с раздутыми прибылями, отдельные руководители конгресса отстаивают меру, которая является необоснованной с экономической точки зрения и которая пошатнет самые основы нашего процветания, какое они хотят обложить налогом. Вполне вероятно, что, как только проявятся результаты неравного распределения налогового бремени, которое введенная мера повлечет за собой, возникнет неудовольствие, экономические и политические последствия

которого должен заранее предвидеть проницательный государственный деятель, дабы предотвратить их.

Ввиду того, что на каждый миллиард долларов, которые можно получить с помощью налогообложения, от 3 до 5 млрд долларов придется добывать путем продажи государственных облигаций, чрезвычайно важно избежать таких налоговых мер, которые расшатают существующее финансовое положение и помешают продаже необходимого количества государственных облигаций, даже если отвлечься от того, как важно сохранить на сравнительно прочной финансовой основе наши финансовые учреждения, железные дороги, а также промышленные и коммерческие предприятия, чтобы они соответствовали новым повышенным требованиям, вызванным войной… Поэтому мне кажется, что введение здравых налоговых мер лежит в корне любой программы военного финансирования и препятствует спаду…

Позвольте в самом начале заверить: ничто так не чуждо мне, как стремление собрать посредством налога на сверхприбыль меньше, чем предусматривает конгресс… Я просто обращаюсь к самым действенным средствам, с помощью которых можно собрать необходимые суммы, какими бы они ни были. Налог на военные прибыли, который рассматривался вначале Финансовым комитетом сената, был, в принципе, здравой мерой. Хотя в законопроекте имелись серьезные недостатки, он определенно… возник в результате тщательного и добросовестного изучения вопроса. Его авторы искренне и вполне разумно попытались предусмотреть справедливое распределение налогового бремени и свести к минимуму нарушение устоявшихся критериев. Он обладал тем достоинством, что был истинным налогом на сверхприбыль, полученную во время войны.

К сожалению, сенат отверг эту тщательно продуманную меру, призванную нанести удар по военным сверхприбылям, и подменил ее большим прогрессивным налогом на прибыли, превышающие максимально допустимую сумму налоговой льготы в 10 % на инвестированный капитал, воспользовавшись узким и некорректным определением данного термина. Сейчас ходят слухи, что согласительный комитет, скорее всего, вернется к первоначальному предложению палаты представителей, сократив сумму налоговой льготы с 10 до 8 %. Таким образом, налог перестает быть истинным налогом на военные прибыли и становится прогрессивным налогом на все прибыли, пусть даже они были *получены до войны.*

Ухудшает положение и то, что понятие «инвестированный капитал» толкуется в узком смысле настолько, что подобное

толкование исключает практически все виды стоимости, кроме наличных средств и осязаемой собственности, которая оценивается по ее стоимости на время приобретения. Данное толкование, явно намеренно, совершенно не включает самую важную составляющую, а именно установленную рентабельность, которая при определении рыночной стоимости ценных бумаг, то есть стоимости, определяемой инвесторами, часто ценится гораздо больше осязаемых активов. Рост рентабельности вследствие принадлежности уважаемой торговой марке или ценным изобретениям, преимущество положения, завоеванное долгим опытом или явным успехом, – такая же законная составляющая стоимости, как наличные активы или осязаемая собственность. В этой связи важны выражения, употребленные в докладе Финансового комитета сената по поводу внесенного законопроекта о налогах на прибыль, превышающую 8 % на инвестированный капитал: «Однако данный метод оценки не просто открывает путь для судебных процессов и уклонения от налогов; он также не защищает законные интересы производителей. Многие давние и почтенные предприятия имеют патенты, торговые марки, бренды и т. п. активы, которые также представляют ценность главным образом и по существу. Они имеют нематериальные активы, честно наработанные за долгие годы успешного ведения дел, однако не отраженные в приходно-расходных книгах… Подобные активы, пусть даже неосязаемые, составляют законную и значительную часть собственности и не должны выпадать из сферы обсуждения из-за того, что концерны разработали их сами, а не купили за наличные у другой стороны».

Таким образом, многие предприятия, чьи прибыли во время войны не только не выросли, а даже сократились, вынуждены из-за предлагаемых мер платить так называемый «налог на военные прибыли» просто из-за того, что уровень доходности на инвестированный капитал, без достаточных оснований определенный по данному законопроекту, превышает установленный максимум в 8 %. Ставка налога будет определяться не по здравому смыслу, а такими параметрами, как пропорция капитала, представленного в виде облигаций, время организации и технологическая схема, принятая для приобретения неосязаемых активов. Во многих случаях предприятия будут платить немалый налог за свои довоенные прибыли, не имеющие отношения к военным прибылям, в то время как… практически ясно, что с продолжением войны размер налога существенно возрастет. Взимание налога по такой схеме в этом году и перспектива его роста на следующий и, возможно, грядущие годы, скорее всего приведет к значительному

уменьшению дохода, требуемого для крупных капитальных расходов, вызываемых войной, и повлечет во многих случаях сокращение, если не прекращение, выплаты дивидендов, таким образом способствуя в целом переоценке ценностей и нестабильности финансового положения в широком смысле слова в то самое время, когда финансовая стабильность важна более всего прочего.

Никто не станет отрицать, что прогрессивный налог на прибыль направлен на то, чтобы больше всего платили те, кто в состоянии это сделать. Суть прогрессивного налога применительно к индивидуальному доходу заключается в том, что чем больше доход человека, тем большее бремя налогов он несет. Это здравая мысль. Предлагаемый же налог на корпоративные прибыли совершенно не отвечает вышеуказанному требованию. Он вводится без учета платежеспособности. Судя по последнему анализу, налоговое бремя, наложенное на корпорацию, падает на плечи акционеров. Таким образом, предложенный прогрессивный налог падает на плечи миноритарных и мажоритарных акционеров в равной степени, хотя большая доля корпоративных инвестиций в нашей стране сосредоточена в руках сравнительного меньшинства. Как бы ни процветали те или иные предприятия, предложенный налог им будет трудно заплатить, особенно в текущем году… В наше время, когда война требует роста вложений в основные и оборотные средства, предприятия, как правило, вынуждены занимать значительные суммы для уплаты налога, если только не следуют катастрофическим курсом сокращения ассигнований на оборотный и основной капитал, лишая таким образом страну мощностей, необходимых для участия в войне. В противном случае им пришлось бы значительно сократить или вообще приостановить выплату дивидендов, не только повредив… установленной рентабельности, но и урезав тот самый индивидуальный доход, который так важно сохранить для выплаты подоходного налога. Именно в этой сфере в конце концов компания может и должна получить доход, не ослабляя промышленных и коммерческих интересов страны, что в настоящее время особенно важно…

Налог, которым должны облагаться крупные прибыли и наиболее платежеспособные лица, рассчитан так, что возлагает самое тяжкое бремя на тех, кто наименее платежеспособен. Малым предприятиям придется тяжелее, чем крупным, из-за хорошо известной истины: рентабельность малых предприятий в целом гораздо выше, чем крупных. Кроме того, малые предприятия, как правило, не имеют кредитов, которые делают

более крупные корпорации, чтобы переждать трудные времена. Налог обрушится более тяжким бременем на индивидуальные предприятия, товарищества и компании, которые остаются в руках их создателей, потому что им откажут в льготах, не примут в расчет неосязаемые активы и ассигнования последних лет, что справедливо для корпораций, чей капитал недавно перешел в руки инвесторов. Предприятию, чей капитал по большей части заимствован и которому поэтому труднее делать дальнейшие заимствования, окажется сложнее выплатить выросший налог, чем его более удачливым конкурентам, которые не вынуждены полагаться на заемный капитал.

Конечно, налог в том виде, в каком его предлагают, можно несколько смягчить, внеся в закон справедливое определение «инвестированного капитала», особенно если определение окажется достаточно широким и включит в число необходимых составляющих установленную рентабельность, а также устранит вопиющую несправедливость, включив, помимо акционерного капитала, также капитал, представленный облигациями. Но никакие меры не устранят главного зла: налог по-прежнему будет касаться не сверхприбылей, полученных во время войны, а *обычных* или *довоенных* прибылей и потому будет представлять собой угрозу для существующих ценностей.

Я убежден, что единственный безопасный путь – это возвращение к первому варианту законопроекта, принятого Финансовым комитетом сената. По сути, такой же налог на военные прибыли взимается в Великобритании и большинстве других участвующих в войне европейских стран – а именно налог на прибыли, превосходящие довоенные прибыли. Если принять за основу именно его, компании в нашей стране смогут планировать выплату дивидендов и капитальные расходы, заключив, что, какими бы высокими ни были *ставки* налога на сверхприбыль, их довоенные или обычные прибыли не будут затронуты, ибо очевидно: как бы ни выросла ставка налога в грядущем и, может быть, последующих годах, она не коснется обычных или довоенных прибылей, которые должны были образовать и сейчас в самом деле составляют законную основу для кредита корпораций. Необходимо взять курс на сохранение установленных ценностей, за исключением тех сверхприбылей, которые, возможно, получены в результате инфляции путем военных прибылей. Налог, взимаемый на такой основе, будет распределяться справедливо и коснется тех, кто наиболее платежеспособен. При наличии же сравнительно высокой ставки казна получит столько же доходов, сколько и при введении налога на сверхприбыль под какой-то произвольно определенный

процент на инвестированный капитал. Такой налог позволит удовлетворить растущие требования ставки, приближающейся к той, что действует в Великобритании (изначально 50 %, а сейчас 80 %), потому что в таком случае две схемы налогообложения окажутся сопоставимыми.

Подсчитано, что по сравнению с довоенным периодом, включенным в законопроект по предварительной оценке Финансового комитета сената (1911, 1912 и 1913 гг.), с необходимым добавлением дохода по инвестированному впоследствии капиталу, общий вычет довоенных прибылей из всех корпораций, облагаемых налогом, составит приблизительно 4 млрд долларов, а общие прибыли этих корпораций за 1917 г., если считать, что их прибыли не превысят тех, что получены за предыдущий год, составят примерно 8 млрд долларов. Ставка налогообложения на эти сверхприбыли должна регулироваться размером государственного дохода, который необходимо поднять, но, какой бы ни была ставка, налог будет истинным налогом на военные прибыли, распределится справедливо… и не коснется обычных или довоенных прибылей, на которые рассчитывают корпорации и которые являются основой для получения кредитов и выплаты дивидендов акционерам.

Возможно, мы извлечем полезный урок из опыта Великобритании, которой также пришлось столкнуться с налогом на военные прибыли. Политика Великобритании заключалась в гарантиях того, чтобы прибыли во время войны в среднем не были ниже, чем в три предвоенных года, которые считаются самыми процветающими для британской промышленности и торговли. Огромные налоги на сверхприбыли (которые теперь взимаются по ставке 80 %) собирались с возросших во время войны прибылей полностью, а в результате оказалось, что за три года войны британские предприятия, после выплаты всех налогов, заработали больше и больше распределили средств в виде дивидендов, чем за три процветающих предвоенных года, так что, несмотря на налог на сверхприбыли, доходы… значительно возросли. Подсчитано, что общая сумма чистого дохода британских предприятий за 1916 г., после выплаты всех налогов, была примерно на 30 % больше, чем в среднем за три процветающих предвоенных года. По-моему, во многом так получилось благодаря мудрому распределению налога на сверхприбыль и политике защиты обычных или довоенных доходов британской промышленности и торговли, отчего удалось избежать резких потрясений и нестабильности. Правительству Великобритании, не только благодаря разумной системе налогообложения, но и продаже государственных облигаций,

удалось собрать большую часть колоссальных сумм, необходимых для ведения войны.

Позвольте добавить, что изложенные мною взгляды… разделяют некоторые опытнейшие эксперты в финансовой, промышленной и торговой сферах нашей страны, с которыми я консультировался.

Надеюсь, прочитав мое письмо, Вы употребите свое огромное личное влияние и влияние Вашего кабинета и спасете страну от серьезных потрясений, которые, скорее всего, начнутся, если будет принят предложенный законопроект. Тем самым Вы устраните возможные препятствия, которые мешают успешному ведению войны. Я намеренно ограничил свое письмо лишь отдельными вопросами, понимая, что благодаря Вашему мудрому и бдительному министру финансов, которому я взял на себя смелость отправить копию данного письма, и его способным помощникам Вы без труда получаете сведения по всем аспектам представленной проблемы…

В заключение прошу у Вас прощения за то, что в силу тяжелого положения, вызванного необходимостью принятия военного налога, я обременил Вас чтением своего письма…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Когда было принято решение выпустить вторую серию облигаций военного займа («займа Свободы»), Шифф советовал активнее предлагать облигации широкой публике: «Вкладывать деньги под 4 % в облигации государственного займа – конечно, не самопожертвование. И там, где это становится экономическим долгом, преимущества по-прежнему на стороне тех… кто исполняет такой долг. Для успешного ведения войны стране нужны товары, которые необходимо изъять из общего потребления, и услуги, для приобретения которых придется урезать часть услуг населению. Если население в целом не экономит на расходах, чтобы высвободить часть товаров и услуг для нужд нашей страны и стран-союзниц, в то же время вкладывая неистраченные средства в «займы Свободы», не остается иного выхода, кроме финансирования войны повышением налогов и валютно-кредитной инфляции. Таким образом, возникает потребность в том, чтобы мобилизовать и собрать не только сбережения состоятельных людей, но равным образом и сбережения людей со скромным достатком.

Инфляция неизбежно вызывает рост цен, что расшатывает экономическую стабильность и в реальности вынуждает людей платить за войну гораздо выше, чем то необходимо. Давайте

сэкономим и вложим средства в «займы Свободы», и мы поможем сохранить стабильность в стране, что выгодно и для нас самих. Истинный дух демократии требует, чтобы все объединили силы. Того, кто без нужды потребляет товары и услуги, необходимые для ведения войны, так же нельзя назвать истинным патриотом, как и того, кто обогащается за счет страданий своих соотечественников. Какие бы ограничения ни наложили на себя богачи и люди с малым и скромным достатком, ограничив потребление, они получат большее преимущество после войны, если вложат средства в самый надежный актив – в «займы Свободы». Если мы не последуем этим курсом, мы не сможем, говоря о народе в целом, приобрести большие количества того, что нам может понадобиться, потому что предложение ограничено, и в конечном счете нам придется платить больше за то же самое, в результате чего мы останемся и без товаров, и без денег».

Хотя в то время Шиффу пошел семьдесят первый год, он объяснял другу, который просил о встрече с ним, что не может встретиться 24 октября, так как должен принять участие в «параде в честь «займа Свободы» как член центрального комитета». 28 октября он отправил поздравительную телеграмму министру финансов Макэду, выразив свое глубокое удовлетворение «великим результатом в размещении второго «займа Свободы» под Вашим замечательным руководством».

Когда власти планировали выпустить третью серию облигаций военного займа, Шифф, вернувшись из Вашингтона, где обсуждался вопрос, послал министру финансов телеграмму со следующим предложением:

«6 февраля 1918 г.

Дост. Уильяму Г. Макэду

Подробнее рассмотрев различные точки зрения, которые были представлены Вам на вчерашней конференции, я все более склоняюсь к мнению, что выпуска долгосрочных облигаций в такое время по возможности лучше избежать и вместо них выбрать какой-либо вид пятилетних облигаций или сертификатов. Правительству, вероятно, еще потребуются огромные суммы, для получения которых ему придется продавать более долгосрочные облигации, чем при нынешнем состоянии рынка облигаций военного займа, хотя он и перенасыщен, поэтому весьма желательно, чтобы правительство финансировало свои потребности таким способом, который предоставит стране больше времени на поглощение облигаций с плавающей процентной ставкой. В таком случае Вы, несомненно, сумеете

снова разместить осенью следующего года весьма значительное количество долгосрочных облигаций без риска дальнейшего повышения процентной ставки… По-моему, сейчас скорее удастся разместить пятилетних сертификатов на 5 млрд, чем даже на 3 млрд долгосрочных облигаций. Возможно, предпочтительнее даже более короткий срок, чем пять лет, дабы избежать необходимости конвертации нынешних облигаций…

Джейкоб Г. Шифф».

11 апреля он агитировал за заем со ступеней здания казначейства в Нью-Йорке. 14 мая он писал Макэду, поддерживая его суждения, которые, по словам последнего, «почти диаметрально расходились со взглядами ведущих банкиров страны в то время»: «Я согласен с Вами в главном, что я неоднократно подчеркивал в ряде публичных выступлений в ходе недавней кампании: 4,5 % – достаточно высокая ставка для государства. Кроме того, не поднимая процентную ставку, Вы идете навстречу коммерции и промышленности, а значит, и интересам народа Соединенных Штатов, ограждая таким образом все предприятия от слишком большой стоимости денег, что неизбежно должно вытекать из завышенной процентной ставки по государственным облигациям. Кроме того, я согласен с Вами, что, пока дело не зашло слишком далеко, рыночные котировки облигаций правительственных займов на открытом рынке не могут и не должны влиять на способность правительства свободно продавать облигации военного займа по номиналу патриотически настроенным гражданам Соединенных Штатов».

Когда рассматривался так называемый «заем Победы», Шифф обсуждал с заместителем министра финансов Р.К. Леффингуэллом, а позже с министром Глассом, условия, на которых можно лучше разместить этот заем, не понижая ценность предыдущих серий. В июне 1919 г., за несколько недель до подписания Версальского мира, условия которого, впрочем, были уже известны, он принял предложение президента Федерального резервного банка Нью-Йорка и вошел в «члены рекомендательного и совещательного комитета при казначействе по программе финансирования государственных нужд».

28 ноября 1917 г., в ответ на вопрос о гражданском долге во время войны, относительно своих дел и вклада в различные предприятия, которым требовалась помощь, он писал: «Могу лишь сказать, что сейчас не время стремиться к приращению капитала. Наоборот, после уплаты всех налогов и позаботившись о содержании своей семьи и себя, следует тратить весь свой доход на альтруистические цели…»

Нет причин сомневаться в том, что сам Шифф неукоснительно следовал высказанному им правилу. Он часто повторял, что ни он сам, ни его фирма не желают извлекать никаких прибылей из войны.

В дополнение к «займам Свободы» его особое внимание привлекали некоторые виды деятельности, не связанные с военными действиями. Всегда помня о гуманитарных нуждах, Шифф с повышенным вниманием относился к делам Красного Креста еще до того, как Соединенные Штаты вступили в войну. Его вера в данную организацию демонстрируется в письме, написанном в декабре 1916 г. Элиоту Уодсворту: «Сейчас я намереваюсь… оказать помощь пострадавшим от войны в различных воюющих странах. Однако, поскольку бесчисленные американские комитеты собирают помощь для всех пострадавших – деятельность некоторых из них, по-моему, частично… проистекает не из желания помочь, но из стремления прославиться… Я в некотором замешательстве, так как не могу решить, как наилучшим образом исполнить мои намерения.

Поэтому я прошу у Вас совета. Целесообразно ли внести всю сумму, которую я собираюсь пожертвовать сейчас, в Красный Крест, чтобы последний распределил средства пропорционально для помощи пострадавшим во всех воюющих странах, включая страны Четверного союза? Если это можно устроить, я испытал бы большое облегчение, так как беру на себя такую ответственность… лишь после значительных колебаний».

5 марта 1917 г. он сделал Уодсворту еще одно предложение относительно использования сделанного им вклада: «Я испытаю большое удовлетворение, если Вы, как Вы и предлагали, направите средства, внесенные мною в Американский Красный Крест и оказавшиеся в Вашем распоряжении, в помощь гражданскому населению стран Четверного союза, передав их в таких пропорциях, которые покажутся Вам разумными, в немецкое, австрийское и болгарское отделения Красного Креста, но не турецкому Красному Полумесяцу. Прошу также, чтобы Вы выдвинули следующее условие: отделения, которые получат помощь, должны отчитаться о том, на что пошли выделенные средства. Не считаете ли Вы, что часть денег можно направить в помощь Бельгии? Правда, я несколько раз делал взносы напрямую в бельгийское отделение Красного Креста, последний раз всего две недели назад… Поэтому последний вопрос я оставляю всецело на Ваше усмотрение».

2 апреля 1917 г., узнав, что Красному Кресту требуются несколько автомобилей скорой помощи и что деньги на два автомобиля уже собраны, Шифф предложил приобрести

недостающие пять автомобилей. Когда во время так называемой Недели Красного Креста 18–25 июня 1918 г. объявили первый большой сбор средств в пользу Красного Креста, он активно писал письма с просьбами о пожертвованиях, организовывал бригады сборщиков и в целом способствовал тому, что за неделю удалось собрать 100 млрд долларов.

Во время войны, еще до 1917 г., в США начались нападки на иностранцев. Особенно негативным стало отношение к уроженцам Германии и Австрии. Понимая это, Шифф несколько раз подавал в отставку с поста казначея Американского Красного Креста, но его коллеги были настолько уверены в его преданности стране, ставшей ему второй родиной, и в его желании служить человечеству, что его всякий раз просили остаться на посту казначея.

Позже, когда Соединенные Штаты вступили в войну, государственный секретарь Лансинг объявил: по желанию некоторых союзников, следует исключить из Красного Креста и других служб в странах Антанты тех американских граждан, которые в прошлом были подданными стран Четверного союза, и их потомков. На это неблагоразумное предложение Шифф ответил решительно и с достоинством:

«Сибрайт (Нью-Джерси),
24 июня 1917 г.
Уважаемый м-р секретарь!

Пятьдесят два года назад, иммигрировав из Германии, я стал американцем по своему свободному выбору, и с тех пор… моя верность Америке, как в мыслях, так и в поступках, была столь прочной и пылкой, как и верность урожденных американцев. Могу сказать, что я воспользовался всеми предоставленными мне возможностями, чтобы оказывать содействие и помощь в развитии и укреплении материального и морального состояния нашей страны. Короче говоря, я старался быть добропорядочным гражданином в полном смысле этого слова, как я его понимаю. В таком же духе я воспитал детей, и теперь, когда у них есть свои дети, уверен, что мои внуки воспитываются под таким же влиянием. До сих пор я твердо верил: никакие обстоятельства не позволят… причислить меня к иной категории, чем все прочие американцы. Но, к моей большой досаде и унижению, оказалось, что в последнем я ошибался.

Нужно ли объяснять, что именно я имею в виду? Вы, м-р секретарь, несколько дней назад объявили… что американские граждане, родившиеся на территории Германии, Австро-Венгрии, Болгарии или Турции, пусть даже хранящие верность

Соединенным Штатам, а также дети тех, кто родился в вышеуказанных странах, должны, по воле некоторых наших союзников, выйти из состава благотворительных организаций, которые работают в Великобритании, Франции и странах Антанты.

Таким образом, американское правительство не только согласилось с унизительным диктатом наших же союзников; оно даже усиливает оскорбление, заявив во всеуслышание, что некоторые граждане страны, какими бы верными патриотами Соединенных Штатов они ни были, заносятся в особую категорию, менее достойную военных заслуг, чем прочие американцы. Позвольте мне, при всем уважении и к Вашему посту, и к Вам лично, выразить свое мнение, что Государственный департамент едва ли обдумал должным образом все последствия своего шага; иначе Вы взяли бы назад Ваши слова, произнесенные на заседании Красного Креста…

По-моему, едва ли нужно добавлять, что, высказав свое мнение, я хотел только одного: объясниться, истолковать положение, в которое поставлены тысячи, нет, миллионы добропорядочных американцев после сообщения из Вашего департамента, посланного в штаб-квартиру Американского Красного Креста… С уважением,

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

В апреле 1918 г., когда во второй раз провели большую кампанию по сбору средств для Красного Креста, а Шиффа просили руководить сборами, он писал: «Сначала я собирался отказаться, так как решил, в силу преклонного возраста, не возлагать на себя новые обязанности».

15 февраля 1918 г. он обратился к Генри П. Дэвидсону, председателю Военного совета Американского Красного Креста, по поводу дополнительных ассигнований на подготовку сестер милосердия: «Позвольте от имени «Поселения на Генри-стрит» послать Вам в приложении просьбу о дополнительных ассигнованиях на подготовку сестер милосердия, чтобы удовлетворить растущий спрос на них за границей и на родине. Очень надеюсь, что Вы и Ваши помощники по Военному совету найдете способ исполнить эту разумную просьбу.

Считаю своим долгом сказать, что сестринская служба «Поселения на Генри-стрит» превосходно подходит для такой работы, в которой у «Поселения» имеется большой опыт. Однако значительно возросший спрос на медицинских сестер не может финансироваться из нашего обычного бюджета. Взывать же о

помощи к общественности, как предлагали некоторые наши директора, по-моему, неразумно, так как в таком случае сбор средств будет пересекаться с таким же сбором в пользу Американского Красного Креста. Мне посоветовали, чтобы «Поселение на Генри-стрит» не проводило отдельной кампании в ближайшее время, хотя, по-моему, нам удалось бы сделать большие сборы. Если Вы и Военный совет пожелаете получить дополнительные сведения об организации или услышать более подробные разъяснения, мы готовы дать их совету или любому представителю, назначенному Вами, в Вашингтоне или в нашем городе».

Просьба увенчалась успехом, и 19 апреля Шифф писал генеральному директору Американского Красного Креста в Вашингтоне о «щедром ассигновании в 25 тыс. долларов».

Всю войну он вносил значительные суммы на счет Красного Креста. В январе 1918 г. Шифф с супругой предложили обширную резиденцию, соседнюю с его собственным домом на Рамсон-роуд, для размещения выздоравливающих офицеров армии Соединенных Штатов. По его словам, дом мог вместить от 40 до 50 человек. Шиффы выразили желание предоставить дом в распоряжение либо правительства США, либо

Красного Креста; их предложение приняла Военно-медицинская служба; в доме разместилась больница для медицинских сестер.

Летом 1919 г. Шифф снова предложил тот дом для тех из «многих медсестер, которые возвращаются из Европы и которым необходим отдых». Он не только предоставил дом в их распоряжение, но и перевел необходимые средства на его содержание. Шифф с супругой часто навещали медсестер, водили туда своих гостей и принимали участие в их праздниках.

Со вступлением Соединенных Штатов в войну стало очевидно, что различные религиозные органы должны укреплять боевой дух армии с помощью ведения религиозной и благотворительной работы в дополнение к той, которую вели полевые священники регулярной армии, численность которых была невелика. Шифф поддержал создание Еврейской благотворительной организации, председателем которой стал полковник Гарри Каттер из Провиденса; работа организации была сродни той, что выполнялась Христианской ассоциацией молодых людей и «Рыцарями Колумба». Шифф писал сенатору Уодсворту и другим о необходимости принять закон, по которому раввинов можно будет назначать капелланами в армию. С другой стороны, вначале он выступал против того, чтобы еврейским благотворительным организациям отводили отдельные

помещения в военных лагерях, с прискорбием отзывался о сегрегации еврейских солдат от их товарищей и предлагал, где возможно, пользоваться зданиями ХАМ Л.

По причине занятости во многих других организациях он не принимал слишком активного участия в работе Еврейской благотворительной организации. Однако его представлял его сын, который посвящал значительную часть своего времени как Христианской ассоциации молодых людей, так и Еврейской благотворительной организации – не только в США, но и во Франции.

Шифф приветствовал объединение Еврейской благотворительной организации с подобными организациями других религиозных конфессий, когда проводились общие кампании по сбору средств. Когда он понял, что в ближайшее время такое объединение невозможно, он сделал отдельный взнос на счет

Христианской организации молодых людей. В 1918 г. президент высказывался против обилия кампаний по сбору средств, так как они идут вразрез с успешным размещением облигаций военного займа. Шифф сразу же согласился участвовать в общих кампаниях, получивших название «Объединенные кампании по военной работе». При его участии удалось собрать 200 млн долларов. «Объединенные кампании…» возглавлял «Комитет одиннадцати», членом которого был сын Шиффа.

В этой организации Шифф-старший был одним из семи почетных вице-председателей, которые работали под руководством Джона Д. Рокфеллера-младшего. По традиции Шифф лично принимал самое серьезное участие в сборе средств после того, как сам пожертвовал крупную сумму. Он понимал, что сборы гарантируют не только сиюминутный результат, и 24 октября 1918 г. писал: ««Объединенную кампанию по военной работе» ждут важные последствия, которые имеют гораздо большее значение в объединении всех слоев американцев, поскольку она во многом устраняет зависть и предрассудки… недостойные великого народа».

В декабре 1918 г. Шифф вошел в состав Комитета по встрече возвращающихся на родину войск. В марте 1919 г. он передал в распоряжение раненых первый этаж своего дома на Пятой авеню, чтобы раненые солдаты могли наблюдать за шествием своих товарищей. Естественно, его фирма приняла на работу всех служащих, которые вернулись с фронта.

Судья Ирвинг Леман вспоминает ужин, устроенный в мае Еврейской ассоциацией молодых людей Нью-Йорка в честь

возвращения ее членов с военной службы: «В то время я опрашивал некоторых своих знакомых, кого они хотели бы пригласить на роль ораторов. Особенно часто хотели послушать мистера Шиффа и полковника Уиттлси из «Забытой роты». Я передал приглашение обоим, и оба согласились прийти на ужин. Мне кажется, я довольно точно помню, что сказал мистер Шифф в тот день. Он сказал ребятам: «Когда я получил приглашение от судьи Лемана, в котором он просил меня оказать честь и посетить ваш ужин, и добавил, что мое присутствие порадует молодых солдат, которыми мы так гордимся, я рассмеялся и ответил: «Судья Леман пишет о чести и удовольствии, которое я могу предоставить этим молодым людям, но мне кажется, что я никогда не удостаивался большей чести, чем сейчас, когда узнал, что они хотят меня видеть, как и не испытывал я большего удовольствия, чем находиться сегодня с вами. Мне говорили, что в душе я остаюсь молодым. Я знаю, что душой я молод, и именно такие возможности, как сейчас, общения с молодыми людьми, сохраняют мою душу молодой». После ужина многие подходили ко мне и говорили: «Знаете, нам показалось, что мистер Шифф всерьез имел в виду то, что он говорил – сегодня он был по-настоящему счастлив. Он как будто чувствовал, что мы близки ему, а он близок нам». Я знал, что мистер Шифф не очень хорошо себя чувствовал, и спросил, не отвезти ли его домой после ужина, но он ответил, что чувствует себя таким счастливым и взволнованным, что хочет пройтись домой пешком, чтобы успокоиться после такого радостного события».

Глава 16

С самого первого дня войны Шифф осознавал, какие последуют финансовые потрясения во всемирном масштабе. 3 августа 1914 г. он получил конфиденциальную телеграмму из Лондона, в которой сообщалось: английские банкиры попросили свое правительство продлить три официальных выходных дня, в которые не работали банки, чтобы дать им время подготовиться к общему мораторию. Шифф сразу же передал известие Контролеру денежного обращения (чиновнику, в функции которого входит контроль за деятельностью федеральных банков и банков штатов). В тот же день он телеграфировал секретарю Государственного казначейства (министру финансов) Макэду в Вашингтон: «Позвольте сообщить – надеюсь, Вы передадите мои слова президенту, – что совершенно невозможно даже приблизительно предсказать условия, которые будут превалировать на денежных рынках как у нас в стране, так и за рубежом в течение долгого периода даже после окончания начавшейся сейчас войны в Европе».

13 августа 1914 г., через десять дней после начала войны, состоялось совещание Торговой палаты Нью-Йорка. Предстояло решить, какую помощь может оказать государству бизнес, чтобы справиться с возникшими из-за войны трудностями. На этом совещании Шифф произнес дальновидную речь: «Десять дней назад, когда из-за конфликта в Европе мы столкнулись с ужасной ситуацией, первым вопросом, которым задался каждый в нашей стране и в нашем крупном коммерческом и финансовом центре, был следующий: «Как мне заплатить мои долги?» – и особенно: «Как мне заплатить мои иностранные долги?» Банки, вполне правильно, немедленно приняли защитные меры, которые так хорошо зарекомендовали себя во время прошлых кризисов. Они отказались выплачивать деньги крупными суммами и заменили выплаты наличными кредитной системой, выпустив для взаиморасчетов расчетные сертификаты. Повторяю, принятые меры были своевременными и правильными, однако их последствием стал неслыханный рост тарифов для обмена иностранных валют: насколько я слышал, за переводы по телеграфу платили 6,50 или 6,75 доллара.

Несомненно, многое из происходящего объясняется волнением и страхами тех, кому необходимо выплачивать кредиты в Европе и чьи долги подлежат оплате в ближайшем будущем. Не думаю, что подобный рост тарифов в самом деле оправдывался какими-либо действиями сторон. Но факт остается

фактом: выплаты по нашим иностранным задолженностям почти прекратились. Банки, и особенно главы некоторых банков, и особенно глава одного банка – не стану называть имен – провели нечеловеческую работу, трудились день и ночь, чтобы разработать систему для обмена кредитами. Трудно переоценить энергию, мудрость и благоразумие этих людей – сюда я включаю представителей как американских, так и ведущих международных банков – которые всячески старались сгладить последствия кризиса и по возможности облегчить трудности.

Но при всем том необходимо помнить, что сегодня мы не в состоянии позаботиться о наших европейских долгах, потому что банки в настоящее время, возможно благоразумно, пришли к выводу, что они не позволят выпускать ничего, что могло бы способствовать поставкам золота в Европу. Теперь возникает вопрос: до какой степени способно продолжаться существующее положение дел? Не стану говорить об индивидуальных задолженностях, но некоторые, точнее, многие из нас понимают, что скоро предстоит выплатить значительные объемы корпоративных и муниципальных задолженностей, в том числе и за границей. Задолженности предстоит погашать в фунтах стерлингов, во франках и – пусть и в меньшей степени – в марках. Возникает вопрос: можем ли мы допустить, чтобы эти долги в настоящее время оставались невыплаченными? Мораторий, объявленный правительствами Англии и Франции, по-моему, касается лишь акцептования; во Франции – также чеков; но этот мораторий не затрагивает купонов, корпоративных и муниципальных облигаций, у которых подходит срок погашения, а также сходных долгов, которые должны быть выплачены в оговоренные сроки. Если эти долги не заплатить, должник должен объявить дефолт, и никакая софистика этого не изменит. Говорят, что мы не в ответе за создавшееся положение, что не мы его вызвали и пусть страдают те, по чьей вине возникла нынешняя обстановка. Я не могу и не хочу поверить в то, что честные люди согласятся с такой точкой зрения. Если я беру в долг, я не имею права обманывать кредитора и говорить, что заплачу только в хорошую погоду; я обязан возвращать долг также в грозу и ураган.

Но мы можем выплатить долги, только если банки выпустят золото – в определенных целях, которые должны быть тщательно оговорены. Банки отвечают: «Да, мы вовсе не против того, чтобы выдать золото, но нам придется либо сократить, либо исчерпать наши резервы, чего нам делать нельзя». И они тоже правы! Но для чего тогда нам средства платежа, выпускаемые во время финансового кризиса? Сейчас существуют возможности,

позволяющие создать такие средства платежа на много сотен миллионов – национальные банкноты, потому что средства платежа на время финансового кризиса идут по номиналу с другими невыплаченными национальными банкнотами. Однако проблема в том, что национальные банкноты не могут попадать в резерв банков; помещать их в резерв банков незаконно. Однако… трастовым компаниям и сходным учреждениям позволено хранить часть своих резервов в национальных банкнотах, и, если меня верно информировали, в хранилищах трастовых компаний лежат огромные запасы золота, и многие из этих трастовых компаний в разное время заявляли, что им не нужно столько золота, зато нужны легальные резервные средства платежа, которые они по закону имеют право держать в своих хранилищах. Не сомневаюсь, что еще до обращения в банки часть необходимого нам золота можно будет получить от трастовых компаний.

Если такого количества будет недостаточно и если придется поставить перед банками вопрос: должна ли наша страна, или корпорации, или Нью-Йорк объявить дефолт по своим облигациям, лишь бы не прибегать к резервам? – разве не следует нам обратиться в конгресс и просить в виде временной меры, ограниченной очень коротким сроком, чтобы банкам разрешили держать в резерве национальные банкноты? По-моему, в ответе не приходится сомневаться.

Уважаемые коллеги, наша страна не испытывает недостатка в золоте. В нашей стране золота больше, чем, по-моему, в любой другой стране мира; возможно, около полутора миллиардов долларов. Наше Государственное казначейство выпустило на сто миллионов долларов золотых сертификатов, для выплаты по которым казначейство держит золото, поскольку эти сертификаты в основном находятся у банков. Никакого дефицита золота у нас не наблюдается. Зато в дефиците другое, а именно деньги для выплаты наших долгов. Что делает честный человек, если он не в состоянии расплатиться по долгам? Он пытается занять и с этой целью предоставляет векселя. Именно так нам и следует поступить. Поскольку мы не можем занять деньги в Европе, да и в других местах, мы должны занять их у наших граждан, которые охотно ссудят нас деньгами в обмен на облигации, погашение которых гарантировано по закону.

Посмотрите, что делает Англия в разгар ужасной войны, чтобы сохранить свое торговое и финансовое превосходство! Посмотрите на практические срочные меры, которые Англия уже приняла; посмотрите, как ее правительство вчера поспешило на помощь, чтобы восстановить вексельный рынок. Оно предложило

свои гарантии на все векселя, выписанные до войны. Таким образом, Английский банк может учесть их и выручить акционерные банки, которые, в свою очередь, смогут принимать новые векселя. Германия, которая не так богата, как Англия, и которая сейчас, возможно, находится в более стесненных условиях, чем любая другая страна, участвующая в конфликте, пока не объявила моратория. Там долги возвращаются, как если бы ничего не произошло. А мы отстаем и говорим, что пока не собираемся помочь тем, кто взял кредиты в Европе, расплатиться по долгам, сделанным до войны, по долгам, расчет по которым нельзя отсрочить законными средствами (я имею в виду – с помощью существующего моратория). Хотим ли мы сказать присутствующему здесь Контролеру денежного обращения Нью-Йорка: «Мы не дадим Вам средства, чтобы расплатиться по кредитам нашего города?» Посмеем ли мы так поступить? Посмеем ли мы обесчестить своих еще не рожденных потомков? Не следует ли нам прибегнуть к последнему средству, чтобы расплатиться с долгами, как указано в договорах?

Кроме того… плата окажется не такой трудной. Если вы не хотите платить, тем срочнее у вас потребуют заплатить; если вы выражаете желание заплатить, вас не будут осаждать с требованиями платы. Возможно и вполне вероятно, конгресс откажется принимать законопроект, который позволит банкам выпустить золото. Если так случится, тогда мы должны смириться с неизбежным, и тогда именно конгресс вынудит банки объявить мораторий. Но они не должны добровольно прекращать платежи, если у них останется другой выход. Старая пословица о том, что честность – лучшая политика, до сих пор в ходу».

Поскольку точку зрения Шиффа подвергли критике, он объяснился 18 августа в письме Полу Варбургу: «Позиция, которую я вынужден был занять на прошлой неделе, возникла из-за того, что стало вполне очевидным: ведущие финансисты в открытую, не колеблясь, отстаивают желание игнорировать, по крайней мере в ближайшее время, выплату английских облигаций в фунтах стерлингов, срок погашения которых близится… Один из наших видных лондонских друзей… который в течение многих месяцев имел кредитовое сальдо свыше миллиона долларов в фирме «Кун, Лёб и К°», потребовал на прошлой неделе, чтобы ему прислали сто тысяч долларов золотом, которое нам не удалось приобрести у банков; и в целом стало практически невозможно заплатить по долгам в Лондоне, кроме выплат процентов с помощью телеграфных переводов, которые представляли золото по курсу начиная от 10 до 40 % – и это несмотря на то, что банки и даже трастовые компании буквально завалены золотом, и дело

вовсе не в золоте, а в средствах, которыми необходимо выплачивать задолженность как за рубежом, так и внутри страны.

Поэтому приостановка банками платежей наличными и выпуск расчетных сертификатов стали мерами, направленными на защиту не их золота, но сократившегося запаса наличных денег. Если бы банки не прибегли к этой незаконной уловке, совершенно неоправданной сейчас, при существующих возможностях для приобретения средств платежа, выпущенных во время финансового кризиса, возможно и даже скорее всего, мы бы на некоторое время лишились… довольно значительного количества золота. Да, золотовалютные резервы несколько уменьшились бы, зато средства платежа на время финансового кризиса автоматически на время заполнили бы образовавшуюся брешь, хотя бы для уплаты долгов внутри страны; и не появилась бы наценка на золото в размере от 10 до 40 %, которую внезапно навязали нам для выплаты срочных зарубежных долгов. Зачем тогда подняли столько шума после того, как я осмелился назвать вещи своими именами и во всеуслышание напомнил, куда мы движемся со стремительной скоростью?

Если все согласны в том, что мы обязаны предоставить средства для выплаты зарубежных долгов, срок которых подходит сейчас или в ближайшем будущем, если выплаты невозможно отложить в силу моратория или других законных причин, тем более что в банковских хранилищах вполне достаточно золота, – оправданно ли с их стороны приостанавливать платежи, как поступили они? Разве не лучше им выпустить средства платежа на случай финансового кризиса, а не закупоривать все каналы, пытаясь расплатиться посредством расчетных сертификатов? Я лишь предложил воспользоваться более законным способом! Теперь, после всего, что я сказал во всеуслышание, вряд ли руководству банков снова хватит наглости предложить временно рассматривать подлежащие погашению зарубежные долги в качестве величины, которой можно пренебречь! Не я потерял голову, как утверждают некоторые, а управляющие наших банков и другие руководители, которые попытались закрыть крышку и сесть на нее; и если, как я верю, мне удалось изменить их мнение, объяснив подробно, что мы обязаны сделать в текущем положении, я охотно соглашусь стать козлом отпущения и вынести всю критику, которой подвергают меня некоторые из наших «видных финансистов».

Положение в Нью-Йорке особенно обострилось, поскольку около 80 млн его облигаций, выходящих в тираж, находилось за границей. Меры предосторожности для них и для внутренних нужд были приняты синдикатом под руководством «Дж. П.

Морган и К°» и «Кун, Лёб и К°», что описано в письме Максу Варбургу от 11 сентября: «Здесь дела приостановились не меньше, а во многих отношениях даже больше, чем с твоей стороны, и пока не восстановится хоть какой-то порядок с иностранной валютой, едва ли можно говорить о возобновлении международной коммерции. Мы в основном, вместе с Морганами, делаем все, что в человеческих силах, чтобы выйти из тупика. Первой нашей задачей стало обеспечение муниципальных доходных облигаций Нью-Йорка, срок погашения которых в Европе наступает скоро – 13 млн фунтов и около 60 млн франков. С этой целью и для внутренних нужд города необходимо собрать около 100 млн долларов, из которых около 80 млн должны быть представлены в золоте или в иностранной валюте. Мы достигли соглашения, по которому банки представят всю сумму и примут казначейские билеты на один, два и три года под 6 % годовых.

Ту часть, которую невозможно получить телеграфными переводами, придется действительно выплатить золотом. Судя по всему, его придется перевести в отделение Английского банка в Оттаве. Данная операция не принесет никакой прибыли, и мы с Морганами заранее отказались от какой-либо компенсации. Более того, сейчас идет процесс формирования, под эгидой Совета управляющих Федеральной Резервной системы, золотого запаса банков во всей стране. Для переводов в Европу необходимо собрать из банковских резервов 150 млн долларов. Мы считаем, что благодаря двум этим операциям можно преодолеть существующие трудности с иностранной валютой до тех пор, пока не наладится в полном объеме экспорт продукции – и до определенной степени экспорт хлопка».

Больше всего его тревожила невозможность уменьшить кредит Нью-Йорка и Соединенных Штатов в целом.

В то время, пока велись дискуссии, фондовые биржи в Соединенных Штатах и по всему миру были закрыты. Ближе к середине октября министр финансов Макэду спросил мнения Шиффа относительно открытия Нью-Йоркской фондовой биржи. Шифф ответил, что, по его мнению, операции на Нью-

Йоркской фондовой бирже нельзя возобновлять до тех пор, пока банки не вернутся к выплатам наличными; однако через несколько дней, 20 октября, он телеграфировал, что считает ранее высказанную им точку зрения неверной, потому что, если фондовые биржи пробудут закрытыми еще какое-то время, на рынок будет выброшена такая масса ценных бумаг, что банкам, скорее всего, придется приостановить платежи наличными во второй раз, что будет весьма некстати.

15 декабря он писал: «Наша фондовая биржа заново

открылась как свободный рынок, и банки возобновили платежи – причем все прошло без каких-либо затруднений».

Его фирма принимала участие в «Хлопковом ссудном фонде», собранном осенью 1914 г. для помощи американским производителям хлопка, которые в то время не имели возможности сбыть свой урожай. Хотя Шифф согласился участвовать в создании фонда, он не мог воздержаться от возражений против методов, отступавших от принципа сохранения ликвидности ресурсов его фирмы, и 20 ноября он писал Джону Скелтону Уильямсу, Контролеру денежного обращения: «Мы с партнерами очень признательны Вам за Ваше любезное вчерашнее письмо, в котором Вы одобряете сделанное нами пожертвование в «Хлопковый ссудный фонд». Хотя мы рады, что наши действия вызвали Ваше одобрение и одобрение Ваших помощников… единственная причина, по которой мы участвуем в фонде, заключается в том, что мистер Варбург сказал нам, что подобных действий очень ждут от нас министр финансов, Вы и другие его помощники по Федеральной резервной системе. Мы не считаем совершенно правильным, когда частные банкирские дома вкладывают капиталы в бесконечные операции, и я считаю, что, поскольку Вы сами имели частный банк, Вы охотно согласитесь с нами в справедливости такого подхода».

Общий вопрос предоставления кредита фермерам давно привлекал внимание Шиффа. Когда конгресс рассматривал законопроект, нацеленный на развитие сельскохозяйственных банков и вопрос обсуждался в Торговой палате, Шифф 4 мая 1916 г. поддержал резолюцию в его пользу: «По данному законопроекту министр финансов получает право выделить определенную сумму, кажется, 6 млн долларов, в качестве капитала предлагаемого Сельскохозяйственного кредитного банка.

Как и в случае с Федеральным резервным банком, основной капитал, насколько я понимаю, будет распределен между филиалами, которые должны вступить в предложенную систему, и поскольку филиалы не выделяли средства на создание основного капитала, это уполномочен сделать министр финансов. Кроме того, законопроект предлагает наделить министра финансов полномочиями размещать в филиалах банка ежегодно по 6 млн долларов, которые они могут выделять на сельскохозяйственные кредиты. Конечно, мы все понимаем, сколь неполезно размещать государственные средства в банках в размере 6 млн долларов в год, отчего за десять лет может скопиться до 60 млн долларов; опасно размещать государственные средства в банках, которые собираются

инвестировать их на сельскохозяйственную ипотеку, ибо велик риск, что они не вернут эти деньги, когда государство потребует свои депозиты. Тогда мы окажемся в том же затруднительном положении, какое возникло во времена Эндрю Джексона, когда он потребовал федеральные депозиты из Банка Соединенных Штатов, которые тот не смог возместить, потому что депозиты были инвестированы в коммерцию страны, вследствие чего возникла ужасная паника 1837 года.

В первой части законопроекта Холлиса предлагается относиться к фермерам до определенной степени как к коммерсантам и промышленникам по Закону о Федеральном резерве; согласно законопроекту, так называемый Фермерский земельный банк получит государственный капитал, если его не предоставят филиалы. Необходимо что-то сказать в защиту этого законопроекта, и особенно мы не хотим, чтобы говорили, будто теперь мы выступаем против того, что одобряли, когда обсуждался Закон о Федеральном резерве. Мы не хотим, чтобы говорили, будто Восток и особенно Нью-Йорк позволили промышленникам и коммерсантам то, что… они не позволяют фермерам.

Наша страна не только велика, но и очень обширна. В разных ее частях разные условия. И хотя крепкий и платежеспособный фермер не нуждается в помощи государства, ему нужно поощрение со стороны государства, которое как раз и собирается предоставить Фермерский земельный банк. Мы знаем, что долговые обязательства по закладным на фермы далеко не так ликвидны, как облигации промышленных концернов или железных дорог; и я хотел бы, чтобы Восток, и особенно Нью-Йорк, предложили некоторое поощрение великому Западу, аграрные интересы которого составляют главную опору всей страны».

После того как Америка вступила в войну, Шиффа, естественно, занимал вопрос о финансировании городской недвижимости, особенно в Нью-Йорке. 5 августа 1918 г. он писал Юджину Мейеру-младшему, директору Военно-финансовой корпорации: «В дискуссии, которая состоялась у меня недавно с мистером Кларенсом Х. Келси, президентом Гарантийной компании по облигациям и закладным Нью-Йорка, он рассказал о совещаниях, которые также недавно проводил с членами Военно-финансовой корпорации. Меня поразила его тревога, которую он выразил по поводу закладных; ситуация усложнится, если Военно-финансовая корпорация не обеспечит им гарантии, особенно в Нью-Йорке…

Легко можно предположить, что 75 % всей нью-йоркской

недвижимости заложено в сберегательных банках, страховых компаниях, трастовых компаниях, в попечительских организациях и у частных лиц. Я говорю о Нью-Йорке, потому что лучше всего знаком с его положением, но, возможно, в городах по всей стране положение точно такое же. За последние несколько десятилетий в Нью-Йорке появился ряд компаний, которые занимаются ипотечными гарантиями, и я склонен полагать, что только в большом Нью-Йорке таких гарантированных закладных должно быть на сумму около 500 млн долларов. Эти закладные должны быть погашены в срок от одного до пяти лет, большими порциями ежегодно. В обычное время не возникло бы трудности в пролонгировании или обмене таких закладных по мере того, как подходит срок их погашения, но после нашего вступления в войну и мобилизации… капиталов и сбережений наших граждан так называемые деньги по закладным совершенно исчезли.

Когда подходит срок платежа по ипотечным кредитам, отчасти из-за желания кредиторов по закладным ссудить деньги государству, а отчасти из-за состояния нестабильности, у ипотечных компаний, возможно, не останется иного средства, чтобы защитить себя, кроме лишения права выкупа заложенной недвижимости. Последствия от применения подобной практики в полном объеме трудно предсказать, но очевидно, что, если владельцы недвижимости таким образом будут лишаться своей собственности и нищать, результатом могут стать паника и депрессия не только в сфере недвижимости, но также и в торговле, промышленности и бизнесе в целом. Думаю, не стоит упоминать и о том, что в подобной обстановке способность граждан покупать облигации «займа Свободы» значительно сократится.

Ключ к предотвращению такого положения дел, несомненно, – в защите гарантийных ипотечных компаний, которую может предоставить только Военно-финансовая корпорация. Если взять ситуацию под контроль надлежащим образом и быстро, объем гарантированных закладных, которые невозможно продлить в руках их держателей, скорее всего, окажется не очень большим, но если позволить оставить без присмотра закладные, на которые подошел срок выкупа… вскоре начнется паника и все гарантированные закладные по мере приближения срока их погашения будут отозваны.

Мне кажется, что стремление избежать подобной ситуации – одна из принципиальных причин, по которой и была создана Военно-финансовая корпорация. Позвольте надеяться, что Вы и Ваши коллеги найдут способ тщательно обдумать создавшееся положение, тяжесть которого, насколько я себе представляю, и

позволила мне взять на себя смелость и изложить Вам свои взгляды».

В первые годы войны Шифф продолжал описывать состояние дел в Америке в многочисленных письмах друзьям за границу. Отрывков из двух таких писем, наверное, будет достаточно для того, чтобы проиллюстрировать его взгляды на развитие конфликта. 11 января 1915 г. он писал Джеймсу Стиллмену в Париж: «Мы постепенно пришли, по крайней мере с финансовой точки зрения, в очень хорошую форму, если не считать того, что денег… слишком много; но из-за того, что объем иностранной валюты уменьшился, в этом нет большой опасности, и избыток денег, возможно, будет стимулировать торговлю, промышленность и рост уверенности в целом».

18 ноября он писал Такахаси: «Деловая жизнь и у нас, и в Соединенных Штатах в целом значительно улучшилась, и, по моему мнению… наша страна пока находится в самом процветающем положении. Огромные закупки, которые сделали и продолжают делать у нас Англия и ее союзники, вызвали большие притоки золота в нашу страну, а также возврат большого количества американских ценных бумаг, находившихся ранее за границей, за которые страна заплатила из своих прибылей. Вдобавок, как Вам, несомненно, известно, наша страна сочла возможным предоставить крупные кредиты и займы странам Антанты, что также, вполне естественно, стимулирует промышленность и торговлю. Вследствие этого ценные бумаги, особенно промышленных концернов, занятых прямо или косвенно военными поставками, выросли до неслыханных размеров. Железные дороги процветают гораздо больше, чем в недавнем прошлом, и другие бумаги таким же образом значительно выросли в цене».

4 августа 1919 г. Шифф изложил Джеймсу С. Александеру, президенту Национального коммерческого банка в Нью-Йорке, свои взгляды на послевоенное состояние финансов в Америке и Европе: «Вполне очевидно, что, если мы хотим реально помочь в восстановлении разрушенной Европы, мы должны прийти к соглашению… как относительно поставок сырья и промышленных товаров, в которых нуждается Европа… так и в предоставлении средств и кредитов, которые позволят европейским странам приобретать сырье и промышленные товары, необходимые им для того, чтобы снова встать на ноги. То, как это делается сейчас – небольшие займы и ограниченные кредиты, которые предоставляются время от времени той или иной стране, – поможет мало, и если мы все не соберемся вместе (нечто подобное предлагал Г.П. Дэвидсон) и не скоординируем

требования как к материалам и т. и., так и к кредитам *е целом,* чтобы в будущем надлежащим образом контролировать европейский спрос, а также ресурсы нашей страны, мы скоро дойдем до той точки, когда, по очевидным причинам, ослабнем и больше не сможем приспособить наши большие ресурсы к потребностям Европы.

С другой стороны, если мы срочно подумаем о слиянии как промышленных, так и сырьевых ресурсов, а также кредитных возможностей нашей страны и должным образом распределим их между зарубежными странами, мы сумеем по-настоящему помочь им и в то же время сохраним свою позицию. От всей души надеюсь, что так и будет.

Я обсуждал сложившееся положение с сыном, который приезжал сюда на несколько дней и вчера вернулся в Нью-Йорк; возможно… Вам с ним удастся объединиться и осуществить совместные действия».

Что касается операций фирмы «Кун, Лёб и К°» в годы войны, самым интересным вопросом до 1917 г. был, несомненно, тот, что возникал в связи с проблемой финансирования противоборствующих стран. До вступления Соединенных Штатов в войну Шифф поддерживал отношения с отдельными лицами в Германии, но с самого начала войны в 1914 г. его фирма ни напрямую, ни косвенно не участвовала в финансировании Германии и ее союзников.

С другой стороны, в 1916 г. банкирский дом «Кун, Лёб и К°» предоставил значительные займы французским городам: Парижу, Бордо, Лиону и Марселю, которые шли в первую очередь на гуманитарные цели. Естественно, немецкие друзья Шиффа спрашивали, готова ли его фирма сделать для Франкфурта или Гамбурга то же самое, что она сделала для Парижа или Бордо. На все запросы Шифф отвечал, что его фирма готова была бы сделать то же самое, если бы получила удовлетворительные гарантии того, что средства не будут использованы на военные нужды. Но именно тогда немецкие подводные лодки начали топить американские корабли, и новый виток конфликта сыграл решающую роль в том, что Шифф отказался предоставлять займы немецким городам.

Хотя Шифф охотно ссужал деньги Англии и Франции, он не мог заставить себя помогать их союзнице России, пока в ней сохранялась существующая форма правления. Свои официальные взгляды на этот счет он изложил 1 октября 1915 г.: «Поскольку взгляды отдельных партнеров нашей фирмы различаются, мы еще в начале войны решили воздержаться от предоставления государственных займов противоборствующим сторонам. Что

касается нынешнего англо-французского долларового займа, мы считаем, что, будучи американским банкирским домом, мы вправе способствовать в конечном счете росту торговли и промышленности нашей страны. Однако, поскольку мы не получили реальных гарантий того, что правительство России – против негуманности которого представители нашей фирмы выступали не раз – не извлечет выгоду из средств, которые будут направлены Англии и Франции, я вынужден был советовать моей фирме воздержаться от участия в этом займе».

Это волнующее и яркое заявление было сделано при следующих обстоятельствах. Когда в конце лета 1915 г. в Нью-Йорк прибыла Англо-французская миссия для переговоров о первом крупном государственном займе, руководители банковской группы, к которой они обратились, сказали им, что невозможно будет получить заем на сумму более 250 млн долларов и, более того, заем будет выдан только под надежное обеспечение.

Члены комиссии были очень удивлены и разочарованы. Лорд Рединг, глава миссии, воспользовался случаем и поспешил выяснить мнения на сей счет разных людей. Среди прочих он беседовал с Отто Каном и Мортимером Шиффом. Они сказали ему: они убеждены, что можно получить заем в размере 500 млн долларов и что никакого обеспечения не потребуется, и посоветовали настаивать на обоих условиях и сделать вид, что он скорее вернется домой с пустыми руками, чем уступит по какому-либо из пунктов. Далее лорд Рединг спросил, готова ли фирма «Кун, Лёб и К°» поддержать их слова, приняв участие в займе.

Отто Кан и Мортимер Шифф ответили, что лично они склонны смотреть на исход дела с оптимизмом, однако не имеют права компрометировать банкирский дом «Кун, Лёб и К°», поскольку им придется передать суть беседы своим коллегам, особенно главе фирмы, Джейкобу Шиффу… По их мнению, лорд Рединг сознавал, что позиция Шиффа отличалась от позиции многих его коллег главным образом потому, что он не мог пересилить себя и сделать шаг, способный помочь России, стране, в которой евреи много лет подвергались дискриминации, угнетались и преследовались. Лорд Рединг ответил: он прекрасно осведомлен о позиции мистера Шиффа, и хотя глубоко сожалеет о ней и не согласен с его доводами, он не может не уважать его мотивы.

Содержание разговора передали Шиффу и другим сотрудникам банкирского дома. Шиффа происходящее очень удручало. С одной стороны, он прекрасно понимал, какие огромные преимущества получит «Кун, Лёб и К°», если вступит в

дело и примет участие в англо-французском займе. С другой стороны, он, который много лет упорно отказывался иметь дело с правительством России, не мог себя заставить участвовать в финансовой операции, результаты которой неизбежно, пусть даже частично, пошли бы на пользу России, хотя она и была союзницей Англии и Франции, и таким образом, помогли и в определенном смысле способствовали бы упрочению существующего там режима. Под конец он сказал: «Давайте все подумаем еще сутки и придем к соглашению завтра, на совещании».

Партнеры встретились на следующий день. Шифф выглядел очень серьезным и очень взволнованным. Он открыл встречу следующими словами: «Я всю ночь думал над сложившимся положением. Прежде чем спрашивать ваше мнение, хочу сказать, что мои взгляды остаются неизменными. Я всецело понимаю, чем рискует фирма «Кун, Лёб и К°», принимая решение. Но, как бы там ни было, я не могу пойти против своей совести, не могу поступиться своими глубочайшими убеждениями ради какой бы то ни было прибыли, я не могу выставить себя дураком, помогая тем, кто, будучи настроен крайне враждебно, мучил моих соплеменников и будет продолжать в том же духе, какие бы красивые слова они ни произносили в минуту нужды. Меня не следовало ни о чем спрашивать. Предлагать мне подобный выбор несправедливо. Я скажу вам, где та черта, до которой я готов дойти без ущерба для своей чести. Я дам свое согласие на то, чтобы «Кун, Лёб и К°» участвовали в займе… при условии, что миссия от имени правительств Великобритании и Франции выдаст нам письменную гарантию, что ни одного цента из суммы займа не будет передано России. Я заранее предвижу ваши возражения, контраргументы и замечания. Они не влияют, да и не могут повлиять на мои выводы. Дело касается меня и моей совести, и никто, кроме меня самого, не в состоянии решить эту задачу за меня. Вы моложе меня. Некоторые из вас не испытывают тех же чувств, что и я, по поводу того, что я считаю главной составляющей вопроса с нравственной точки зрения. Мне недолго осталось жить. Будущее фирмы в ваших руках. Сознавая свой долг перед фирмой и перед вами, я называю ту черту, до которой я официально готов дойти».

Поскольку все хорошо знали Шиффа, все сразу поняли, что какая-либо дискуссия невозможна. Как ни хотелось некоторым из его партнеров принять участие в этой крупной и важной операции, они понимали: едва ли англичане и французы выполнят условие, выдвинутое Шиффом, и потому согласились с его выводами. Мортимер Шифф и Отто Кан приехали к лорду Рединту и передали ответ. Как они и предвидели, хотя взгляды

Шиффа встретили полное сочувствие и лорд Рединг отдавал должное мотивам, двигавшим Шиффом, он сразу заявил, что правительства Великобритании и Франции не пойдут на выдвинутое им условие, не согласятся на дискриминацию страны-союзницы, а даже если бы согласились, подобное условие является практически невыполнимым.

Данный эпизод характеризует силу убеждения Шиффа и его верность своим принципам, независимо ни от каких соображений. Он прекрасно понимал не только то, что его фирма пострадает из-за неучастия в сделке, но и то, что его мотивы будут неверно истолкованы и, более того, это неверное истолкование повлияет на молодых партнеров его фирмы, более чувствительных к публичной и индивидуальной критике, чем человек его возраста. Он понимал, какое огорчение причинят им его слова, и все же не уступил.

То, что именно по этой причине он отказался участвовать в финансировании Англии и Франции до вступления Америки в войну, подтверждается следующими телеграммами, которыми Шифф обменялся с сыном, узнав о создании Временного правительства в России:

«Нью-Йорк, 21 марта 1917 г.
Джейкобу Г. Шиффу,
Отель «Гринбрайер»,
Уайт-Салфер-Спрингс (Западная Виргиния)

Вчера мы видели Блоха и Казенаве, которые, естественно, приветствуют наше решение. Кроме того, мы объяснили нашу позицию Морганам. Возможно, стоит телеграфировать также Касселю и Ревелстоку о следующем: на основании изменившейся ситуации в России и тамошних событий у нас больше нет причин воздерживаться от финансирования союзников. Мы не стремимся к совместным операциям, но сочли нужным сообщить Вам об изменении нашей позиции, предоставив Вам право, если Вы сочтете нужным, передать эти сведения другим заинтересованным сторонам. Подчеркиваем: мы никоим образом не стремимся вмешиваться в установившиеся связи Морганов, оказавших огромную помощь странам Антанты, а только уведомляем Вас об изменении нашей позиции. На второе апреля намечена специальная сессия конгресса.

Мортимер Л. Шифф».

«Уайт-Салфер-Спрингс (Западная Виргиния),
22 марта 1917 г.
Мортимеру Л. Шиффу,

Нью-Йорк

Нам следует проявлять осторожность и не выказывать слишком бурную радость, но можешь телеграфировать Касселю, что из-за недавних действий Германии и событий в России мы больше не будем воздерживаться от финансирования стран Антанты, если представится такая возможность. Мы ни на что не претендуем и ни в коем случае не намерены мешать Морганам, а просто желаем разъяснить перемену в нашем отношении. Дальше заходить не стоит, ибо, поскольку мы не нарушаем тайны, Кассель, разумеется, имеет право передать новость заинтересованным сторонам.

Джейкоб Г. Шифф».

[52]

6 апреля 1917 г., после того, как в России было создано Временное правительство, Шифф писал в ответ на телеграмму Бориса Каменки, председателя правления Коммерческого Азовско-Донского банка: «Позвольте заверить Вас: ничто не доставит мне большей радости, чем возможность содействовать новой России во всех или любых начинаниях… Если я правильно понял Вашу телеграмму, Вы хотите, чтобы я способствовал в предоставлении американской финансовой помощи Вашему Временному правительству. Единственный способ, каким можно осуществить Вашу просьбу в настоящее время, – обратиться к правительству Соединенных Штатов, которое только что получило от конгресса полномочия сделать соответствующее предложение странам Антанты. Кроме того, мы все обращаемся к нашему правительству, через прессу и иными способами, с просьбой, чтобы Россия получила помощь первой из стран-союзниц. Мне передали, что наше правительство и Ваше Временное правительство уже обменялись телеграммами о том, как наилучшим способом предоставить материальную и иную помощь. Конгресс выделил для этих целей очень большие суммы в распоряжение президента и министра финансов, и надеюсь, что средства на самые срочные нужды Вашей страны будут предоставлены нашей стороной без задержек.

Одновременно я, желая практически продемонстрировать свое участие, принял решение сделать пожертвование на военный заем, только что объявленный новым российским правительством; прошу подписать меня на сумму, равную 1 млн рублей, и передать облигации, которые, насколько я понял, выпущены по курсу в 85 %. Хотите ли Вы, чтобы я произвел платеж с помощью телеграфного перевода, или же мне лучше

заплатить здесь, перечислив средства на счет Вашего правительства? Думаю, что последнему, несомненно, приходится производить в нашей стране значительные платежи.

Жаль, что краткосрочные облигации под 5,5 и 6,5 процента, которые вынуждено было выпустить Ваше прежнее правительство несколько месяцев назад и которые никогда не пользовались большим спросом, сейчас можно приобрести лишь под 9,5 %, иначе, возможно, какие-то объемы военного займа можно было бы разместить здесь; не следует ожидать, что в нашей стране найдутся желающие подписаться на облигации пятипроцентного займа, за исключением тех, кто, как я, подпишутся по сентиментальным соображениям».

Он продолжал проявлять интерес к предоставлению займов Временному правительству до тех пор, пока у власти оставались умеренные; при этом он, однако, советовал государственному секретарю выяснить, насколько такое предоставление помощи допустимо для американского правительства. Однако после того, как к власти пришли большевики, Шифф более не поддерживал отношений с Россией, поскольку резко отрицательно относился к их политике и принципам.

В 1917 г. он приветствовал свержение царизма в России и начало того, что виделось ему республиканской или конституционной формой правления. 19 марта он послал телеграмму П.Н. Милюкову: «Будучи неизменным врагом тиранического самодержавия, безжалостно преследовавшего моих единоверцев, я хочу через Вас поздравить русский народ с тем, чего он столь чудесным образом достиг, и пожелать Вам и Вашим коллегам по новому правительству всяческих успехов в великой задаче, которую Вы столь патриотично взвалили на себя. Да благословит Вас Бог!»

5 апреля, за день до того, как Америка вступила в войну, Шиффу через барона Гюнцбурга сообщили о подписании декрета, устраняющего все ограничения российских евреев в правах. Вскоре после этого события Шифф писал Зангвиллу: «Практически за одну ночь династии Романовых пришел конец путем бескровной революции, которая росчерком пера также произвела эмансипацию евреев».

В письме Лиллиан Уолд от 25 апреля 1917 г. Шифф сравнивал данное событие с исходом евреев из Египта. 26 апреля, в письме Д.Г. Лайону он сообщает о своей радости, однако вместе с тем выражает и тревогу: «Прекрасно понимаю, какую радость Вы должны испытывать по поводу того, что произошло в России. Свершилось настоящее чудо! Я не ожидал, что при моей жизни в империи Романовых произойдет такая полная и бескровная

революция, как и то, что… с этой династией будет так внезапно и так всецело покончено. Я немного тревожусь, что все пройдет не так гладко, как мы надеемся, и что в России еще возможны беспорядки, но старое положение дел уже не вернется, что бы ни случилось».

После победы социалистической революции Шифф, как многие другие, считал, что новый строй недолговечен. 27 декабря 1917 г. он писал Борису Каменке: «Надеемся, что, когда нынешние страсти схлынут, Россия станет сильнее и здоровее, чем прежде… она станет страной свободы и демократии».

Хотя он относился к советскому правительству откровенно враждебно, его очень волновала грозящая евреям опасность со стороны армии адмирала Колчака, а позже – Деникина. 7 июля 1919 г. он писал А.И. Заку, возглавлявшему Русское информационное бюро в Нью-Йорке: «Из надежных источников в Сибири стало известно, что тамошняя обстановка, в том числе положение евреев, при пошатнувшемся Омском правительстве, самая неблагоприятная – и это еще мягко сказано. Я сам видел фотокопии циркулярных писем, рассылаемых неким комитетом, который подписывается именем царя и призывает к восстановлению самодержавия. В этих письмах население призывают громить евреев и утверждают, что… допустимы любые виды жестокости, вплоть до убийства, без малейшего вмешательства, более того, при попустительстве властей. Поскольку Вы представляете фракцию Омского правительства и ведете активную пропаганду в защиту адмирала Колчака, считаю своим долгом написать Вам, что доходящие до нас сведения очень беспокоят американских евреев. Считая, что Вы сумеете придумать действенный способ передать слова предупреждения Вашим друзьям в Сибири, которых Вы представляете, против тех мер, которые уменьшают сочувствие американского народа, остаюсь и т. д…»

И снова 4 декабря: «Благодарю за пересылку мне последнего номера «Сражающейся России». С особенным интересом я прочел статью, к которой Вы привлекли мое внимание: «Кто в ответе за еврейские погромы на юге России». Позвольте заметить, что… мы получили неопровержимые документальные доказательства из самого надежного источника, который только что вернулся в Соединенные Штаты после долгого пребывания в Сибири. Наш источник побывал к западу от Омска и своими глазами видел, что происходит там, где находится армия Колчака. По его словам, самые зверские и жестокие преступления по отношению к евреям совершались именно на той территории, которую контролирует колчаковский режим, и многие зверства напрямую вызывались

армейскими приказами. Рассказы нашего свидетеля почти невероятны, но не приходится сомневаться в том, что он говорит правду. Могу добавить, что я лично беседовал с человеком, побывавшим в Сибири. Он убежденный противник большевистского режима и не имеет никаких личных оснований бросать тень на правительство Колчака. Его единственным желанием было сообщить, в гуманных целях, факты как они есть, в надежде, что положению можно как-то воспрепятствовать».

Естественно, с начала войны Шиффа осаждали его друзья из Германии, прося о займах для себя в Америке. В письме Максу Варбургу от 13 ноября 1914 г. Шифф ответил: «Что касается просьбы разместить здесь казначейские билеты Германии, боюсь, пока не кончится война, твоей просьбы нельзя будет выполнить ни в коем случае».

Перед войной «Кун, Лёб и К°» и «Нэшнл Сити Бэнк» разместили в США на 25 млн долларов казначейских билетов

Австрии. Срок погашения половины казначейских билетов на сумму 12,5 млн долларов наступал 1 июля 1914 г.; оставшуюся часть необходимо было погасить 1 января 1915 г. Шифф боялся, что Австрия не сумеет рассчитаться из-за возникших трудностей с денежными переводами, и был очень рад, когда Австрия все же нашла возможность погасить долг. Он написал Максу Варбургу, который содействовал проведению этой операции, переехав из Гамбурга в Вену: «Должен откровенно признаться, что нам… очень повезло, не только потому, что у нас самих крупные вклады, но, даже больше того, потому что облигации были размещены через наше посредство».

Хотя его фирма принципиально не участвовала в предоставлении займов противоборствующим сторонам, отдельные сотрудники «Кун, Лёб и К°» могли поступать по своему усмотрению. С какими затруднениями столкнулся Шифф, можно понять из его письма Францу Филиппсону в Брюссель 11 января 1916 г.: «Позвольте напомнить, что моя фирма с начала войны воздерживалась от участия в государственных займах для какой-либо из воюющих сторон по причинам, которые здесь, возможно, слишком долго объяснять… С другой стороны, из личной дружбы к Вам был бы рад принять казначейских билетов на 1 млн франков под 5 % для себя, однако при условии, что я смогу вернуть эти билеты Вашей фирме по номиналу через три месяца после заключения мира. Если мое условие неприемлемо для Вас, я возьму казначейских билетов на 250 тыс. франков без всяких условий. Прошу сообщить мне телеграммой, согласны ли Вы принять первое или второе мое предложение».

Изменившаяся ситуация на американском и европейском денежном рынках во время и после войны окончилась тем, что международный и даже внутренний бизнес пришлось вести на различных основаниях. Во многих случаях такое положение окончилось установлением гораздо более тесных, чем раньше, связей между банковским сообществом и правительством, особенно Государственным департаментом. Большое значение имела связь Шиффа и его банкирского дома с китайскими делами.

18 июня 1915 г. Шифф писал Такахаси, что, по его мнению, для Японии и Китая полезны более близкие отношения, чем те, что уже существуют между двумя странами: «Китаю очень нужны административный талант и продуктивность, которые Япония способна передать китайскому правительству и применить при разработке огромных природных богатств этой страны».

В июне 1915 г., после отставки Уильяма Дженнингса Брауна, государственным секретарем стал Роберт Лансинг. Лансинг приходился зятем Джону У. Фостеру и унаследовал от последнего особый интерес к китайским делам, что потом сыграло очень важную роль при подписании Версальского мира. Но китайско-японские отношения активно обсуждались в Америке еще до вступления Америки в войну. Так, 10 октября 1916 г. Шифф писал Фрэнку Полку, советнику Госдепартамента: «Позвольте обратиться к Вам с целью выразить мои личные взгляды, которые, возможно, представляют интерес для государственного секретаря и для Вас, пусть даже госсекретарь и Вы не сочтете мои взгляды достойными особого рассмотрения. Отношения Соединенных Штатов с Китаем, а также с Японией уже давно занимают мои мысли в значительной степени, и, если Вы вспомните, что я говорил Вам лично в Бар-Харборе, я убежден, что для Китая будет лучше, если Японии позволят играть для него роль «старшего брата», чем если ей в этом помешают – последняя тенденция прослеживается особенно в нашей стране. Япония, в силу своей близости к Китаю, после визита Перри начала отдавать должное способностям и деловитости китайцев. По ряду других причин Япония понимает, возможно лучше, чем сам Китай, и, разумеется, лучше, чем другие страны, потребности Китая и способы, какими можно превратить Китай в современное государство. Ее следует скорее поощрить, чем отталкивать в решении задачи, которую Япония для себя поставила и в решении которой она значительно преуспела, пусть даже она занимается модернизацией Китая в большой степени из эгоистических соображений… По-моему, исправить положение можно, если мы будем заниматься

реорганизацией Китая вместе с Японией. Важно, чтобы мы до известной степени двигались с Японией рука об руку в деле модернизации, которую необходимо провести в Китае и для которой Китаю необходимы помощь и сотрудничество извне.

Больше, чем что-либо другое, Китаю понадобятся деньги, причем в таких объемах, которые Япония не может ему предоставить. По моему мнению, именно поэтому Япония будет приветствовать наше сотрудничество… Более того, я полагаю, что, если наше правительство и правительство Японии будут действовать в Китае сообща, деньги, которые непременно понадобятся Китаю, пусть даже в конечном счете они выльются в огромные суммы, можно будет в большой степени найти на наших денежных рынках. Таким образом, мы не только окажем огромную услугу Китаю и миру в целом, но и наша страна приобретет громадные преимущества, не считая самого важного – того, что так называемый японский вопрос, мягко выражаясь, неприятный и досадный, можно будет совершенно устранить».

Незадолго до вступления Соединенных Штатов в войну Лансинг, очевидно, предложил Шиффу и Генри П. Дэвидсону из банкирского дома «Дж. П. Морган и К°», чтобы американские банкиры завоевывали китайский рынок самостоятельно. 12 марта 1917 г. Шифф в связи с этим писал Лансингу: «Предложение не привлекает меня главным образом с деловой точки зрения, но мне кажется, что здесь усматривается возможность не только оградить американские интересы в Китае, но, более того… произвести глубокое и благоприятное впечатление на народ Японии».

В июне 1918 г. Лансинг пригласил, среди прочих, членов правления банкирского дома «Кун, Лёб и К°» на совещание в Вашингтон, где снова обсуждался вопрос о предоставлении займов Китаю. Приглашение Шифф принял 24 июня, поручив сыну, «который и прежде вел от моего имени переговоры по китайским делам», представлять его на совещании. Государственный департамент изменил свою позицию, изложенную У.Дж. Брайаном в 1913 г. Американские банкиры, со своей стороны, поставили условие, что им позволят заручиться содействием зарубежных банков и таким способом восстановить международный консорциум. Обсуждение вопроса затянулось, и в январе 1920 г. Шифф писал Такахаси: «Томас У. Ламонт из банкирского дома «Дж. П. Морган и К°» вскоре должен посетить Японию и Китай с целью ускорения решения по делам Консорциума… Как Вам, несомненно, известно, «Дж. П. Морган и К°» стоят во главе международной группы, членами которой являемся и мы. Группа поведет дела с Китаем, когда настанет

подходящее время для финансирования его потребностей».

В июле 1914 – апреле 1917 г., помимо финансирования стран Антанты, приходилось думать и о многих других делах, в которых Шифф играл главную роль. Выше уже упоминалась реорганизация «Миссури Пасифик» и ее дочерних предприятий.

В 1915 г. прошло несколько очень крупных операций с «Пенсильванскими железными дорогами». В начале года пришлось разбираться с остатком консолидированных ипотечных облигаций под 4,5 %, выпущенных в 1873 г. 18 февраля «Кун, Лёб и К°» заплатили за облигации одним чеком, самым крупным, который выписывался в Америке до того времени, на сумму чуть более 49 млн долларов. В июне выпустили серию общих ипотечных облигаций под 4,5 %; последнюю операцию покрыли чеком на сумму в 65 млн долларов. В августе того же года фирма конвертировала заемные франковые сертификаты «Пенсильванской железной дороги» под 3,5 % в долларовые облигации, чтобы облегчить их перевод из французских в американские инвестиционные холдинги. В результате банкирский дом «Кун, Лёб и К°» разместил в Америке таких долларовых облигаций на сумму около 37,5 млн долларов. В апреле 1917 г. фирма финансировала выпуск еще одной серии общих ипотечных облигаций «Пенсильванской железной дороги» на сумму еще в 60 млн долларов.

В ноябре 1914 г. «Кун, Лёб и К°» совместно с «Нэшнл Сити Бэнк» разместили на 5 млн долларов двухлетних казначейских билетов правительства Швеции, а в феврале 1915 г. фирма выпустила серию облигаций железнодорожной компании «Иллинойс Сентрал». За этим в ноябре 1915 г. последовал выпуск, совместно с банком «Спейер и К°», рефинансирующих пятипроцентных облигаций компании «Балтимор – Огайо» на сумму в 60 млн долларов, подписка на которые вскоре превысила установленную сумму. В марте 1916 г. началась реорганизация железнодорожной компании «Цинциннати, Хэмилтон и Дейтон», которая завершилась весной 1917 г.

Вступление Соединенных Штатов в войну и необходимость мобилизации нескольких миллионов человек и огромных поставок со всей очевидностью показали, что права и интересы отдельных железнодорожных компаний должны подчиниться требованиям государства. На время вся система железных дорог оказалась практически национализированной. В Вашингтоне создали Военно-железнодорожное ведомство, в состав которого вошли руководители некоторых крупнейших железнодорожных компаний. Позже министра финансов Макэду назначили генеральным директором Управления железных дорог.

Некоторые возникшие проблемы Шифф обсуждал в письме Сэмюэлу Ри 4 декабря 1917 г.: «Ваше письмо, написанное в воскресенье в Бринморе, пришло ко мне вчера после обеда, и я прочел его с огромным интересом. Сейчас Вы несете огромную ответственность вследствие Вашего активного участия в Военно-железнодорожном ведомстве, но Вы и Ваши помощники делаете большое дело и оказываете стране большую услугу, и я считаю, что в конечном счете благодаря работе Военножелезнодорожного ведомства железные дороги значительно выиграют в глазах общественного мнения.

Мистер Трамбалл недавно прислал мне копию своего плана региональной консолидации железнодорожных компаний, построенного во многом по французскому образцу. Вы, несомненно, уже видели его. Я склонен согласиться с предложением Трамбалла. Что Вы о нем думаете? Одно очевидно: правительство должно что-то предпринять, причем очень скоро, чтобы железные дороги и, возможно, некоторые крупные промышленные корпорации сохранили кредитоспособность. Значительная доля облигаций в полной мере кредитоспособных и в остальном процветающих корпораций должен быть погашен в следующем году, и с сегодняшней точки зрения с ними ничего нельзя поделать, если не поможет государство.

Мы ссужаем миллиарды долларов союзникам; почему бы правительству с помощью компетентной комиссии, которая оценит статус корпораций, нуждающихся в помощи, не предоставить им займы с целью предотвратить их банкротство? Если конгресс не пожелает вмешаться предложенным способом, придется объявить мораторий на погашение выходящих в тираж железнодорожных и корпоративных облигаций, что было бы весьма некстати».

26 февраля 1918 г. Шифф писал Роберту Флемингу: «В здешних финансовых кругах не делается абсолютно ничего, о чем стоило бы сообщать. Если не считать государственного финансирования, к которому стремятся все, осталось лишь такое финансирование… которое абсолютно необходимо для сохранения существующего положения. Ожидается, что на этой неделе конгресс наконец примет законопроект о железных дорогах, и тогда правительству придется решать, займется ли оно само необходимым для железных дорог финансированием или обратится за помощью к компаниям, которые сделают все возможное, чтобы обеспечить немалые средства, которые требуются для развития и оснащения существующих линий, а также для погашения выходящих в тираж облигаций. В большой степени об этом, несомненно, позаботится правительство».

Он подробно обсуждал проблему с Робертом С. Ловеттом, который входил в состав правительственной железнодорожной комиссии:

«5 июля 1918 г.

Уважаемый судья Ловетт!

После того как я имел удовольствие видеть Вас в прошлый понедельник, мои мысли были во многом заняты дискуссией по предлагаемому контракту между генеральным директором и железнодорожными компаниями. Допускаю, что я до некоторой степени неверно понял Вашу точку зрения, и потому позвольте еще раз изложить Вам нынешнюю ситуацию, как она представляется мне. Насколько я понимаю, после воззвания президента железные дороги согласились на предложенные изменения при условии, что они получат гарантированный доход, равный среднему чистому доходу каждой компании за три года, с 30 июня 1915-го до 30 июня 1917 г. Однако в связи с этим возникает другой вопрос: как добыть средства на развитие, прирост производственных мощностей, оборудование и другие расходы, которые обязаны сделать железные дороги по приказу правительства в нынешнем непростом положении.

Железнодорожное ведомство Соединенных Штатов настаивает на том, чтобы за государством сохранялось право удерживать из гарантированного дохода значительную сумму для предоставления новых сумм, израсходованных по его приказам. Если данное желание воплотится в жизнь, значительная часть компаний вынуждена будет либо сократить, либо приостановить выплату дивидендов, даже в тех случаях, когда правительство получает излишек сверх гарантированного дохода.

В тех случаях – а, насколько я понимаю, их достаточно много, – когда гарантия распространяется лишь на фиксированный залог, возможное удержание выплаты гарантированного дохода с целью обеспечения новых сумм вызовет дефолт по существующим ипотечным и простым облигациям и, таким образом, во многих случаях приведет к банкротству, если правительство потребует, чтобы компании несли расходы, за которые оно не собирается платить авансом, потому что у таких компаний нет ценных бумаг, которые они могли бы предоставить взамен нового капитала. Без труда можно увидеть, что, если следовать таким курсом, создавшееся положение непременно подорвет уверенность – и так не слишком большую в настоящее время – и, скорее всего, подтолкнет и акционеров, и держателей облигаций к попытке спасти что можно. Естественно, за этим последует общий крах на рынке всех

ценных бумаг. Думаю, нет нужды описывать Вам, какое действие это окажет на дальнейшее финансирование войны, точнее, на размещение «займа Свободы». Как мне кажется, немаловажно включить в контракт следующее условие: и акционеры, и держатели облигаций получают гарантию того, что во всяком случае не будут затронуты проценты и выплаты дивидендов по нынешнему курсу, поскольку они покрываются суммами, которые должны, по заявлению президента, подпадать под гарантию.

В тех вопросах, где компания по гарантии имеет полномочия на более крупную сумму, чем требуется для выплаты процентов и дивидендов, такой излишек может в первую очередь использоваться на капитальные расходы. Сверх этого необходимые средства должны авансом предоставляться государством, с тем чтобы компания выплатила их после того, как государство вернет компании ее имущество. Данная процедура вполне применима и когда речь заходит о более слабых компаниях, которые, в силу прежних прибылей, могут рассчитывать на суммы, меньшие фиксированного залога или равные ему. Риск потерь, который влечет за собой такой договор для государства, необходимо занести в категорию военных рисков и расходов страны, ибо, насколько я понимаю, если государство в результате каких-то своих действий, признанных им абсолютно необходимыми, лишит держателей облигаций процентов, ему не будет никакого оправдания; более того, данные действия будут приравнены к конфискации.

Кроме того, нельзя не иметь в виду, что, поскольку государство берет управление в свои руки, держатели облигаций больше не могут действенно защитить себя. До государственного контроля в случае дефолта компанию можно было реорганизовать и собрать деньги по соглашению акционеров или иными способами. Сейчас такое вряд ли возможно, поскольку право лишения выкупа закладной практически утратило свою ценность, ведь имущество находится фактически в государственной собственности. Если вдобавок государство произвольно делает вычеты из возможных доходов, точнее, из гарантированного дохода, нет основы, на которой можно было бы провести реорганизацию… Правом вычета, с возможностью прекращения выплаты дивидендов и отказа выплат фиксированного залога, можно пользоваться лишь в исключительных случаях; использования такого права достаточно для того, чтобы подвергнуть риску сохранение существующих размеров дивидендов и выплат фиксированного залога, что, как заверил нас президент, будет сохранено при любых обстоятельствах.

Принимая во внимание государственный контроль, мы больше не можем воспользоваться той же доказательной базой, что и прежде, и мне кажется очевидным: для того, чтобы защитить держателей облигаций, правительство, справедливости ради, должно быть готово финансировать, если понадобится, необходимые усовершенствования и развитие, даже если, в некоторых исключительных случаях, придется для подобных выплат выпустить ценные бумаги несколько сомнительной ценности. С другой стороны, у государства есть преимущество в виде кредита более процветающих компаний и излишка, полученного ими сверх установленного дохода. Не сомневаюсь, что, рассматривая положение в целом, государство не останется в проигрыше, имея дело с данным вопросом в широком смысле слова. Более того, такая политика, вместо того чтобы создавать предпосылки для будущего краха экономики и финансов, принесет с собой уверенность, столь необходимую для победы в войне, и еще более – для того, чтобы мы вышли из схватки окрепшими, закалившимися и получили возможность возглавить и поддерживать восстановление разрушенного мира.

Я уверен, что Вы… не истолкуете мои слова превратно. Простите, что я излагаю свои взгляды с такой откровенностью, но я искренне полагаю, что способен всесторонне видеть этот очень трудный вопрос и потому спешу указать на серьезные последствия, которые могут возникнуть, если не удастся найти разумный способ защитить держателей облигаций, а также акционеров, при подготовке долговременного контракта. Уверен, Вы согласитесь со мной в том, что искусное и конструктивное управление государственными делами высочайшего уровня, применительно ко всем нашим делам в нынешние нелегкие времена, в конце концов продвинет нас дальше всего.

Искренне Ваш,
Джейкоб Г. Шифф».

В феврале того же года компанию «Юнион Пасифик» убеждали урезать свои дивиденды. Шифф телеграфировал Ловетту: «Если не рассматривать то, что дивиденды «Юнион Пасифик» за последние три года находятся… в пределах ее средних чистых заработков, причем в последний год – фиксированное количество под государственные гарантии, и что ввиду этого приостановка выплат особых двух процентов будет сочтена лишением для акционеров, такой поступок, более того… значительно понизит стоимость железнодорожной собственности в целом, что, в свою очередь, неблагоприятно скажется на всех ценных бумагах и усугубит и без того очень трудные финансовые

и экономические условия, возможно, подорвав даже кредитоспособность государства, которую так важно надежно охранять. Более того, очевидно, что чем больше доходов в целом сократят, тем более уменьшится количество налогов, поступающих в государственную казну».

В июне, когда возник спор относительно того, на какой основе следует рассчитывать доходы «Миссури Пасифик» на время государственного управления железными дорогами, Шифф писал президенту компании Б.Ф. Бушу: «Как нам кажется, сейчас необходимо со всей возможной энергией… приложить все усилия и добиться от государства признания, что будет в высшей степени несправедливо выдавать компенсацию лишь за три предшествующих года. «Миссури Пасифик К°» достойна другого обращения и по крайней мере такого дохода, который, на основе доходов после ее реорганизации, обеспечит справедливое возмещение ее акционерам – как привилегированным, так и обычным».

27 июня Шифф телеграфировал Джону Скелтону Уильямсу, заместителю генерального директора железнодорожного ведомства, относительно десятилетних облигаций «Юнион Пасифик», которые его фирма была в состоянии разместить только «благодаря их исключительному характеру»: «Из-за того, что данная мера подтверждает целесообразность… политики генерального директора, в соответствии с которой железные дороги при достаточном кредитовании обеспечивают, по крайней мере частично, свои нужды через независимое финансирование, мы решили, что Вам небезынтересно будет узнать: объединившись в крупный синдикат, мы срочно разместили на 20 млн санкционированных Вами обеспеченных облигаций «Юнион Пасифик». По нашему мнению, необходимо помнить о том, что размещение железнодорожных бумаг высшего класса можно осуществить, если инвесторы получат достаточно привлекательные условия, однако граница между успехом и неудачей очень близка».

После перемирия ограничения на частное финансирование железных дорог были ослаблены. Через месяц банкирский дом «Кун, Лёб и К°» выпустил серию облигаций для компании «Чикаго и Норс Уэстерн». В письме Хьюитту от 11 декабря 1918 г. Шифф сообщал об успешной продаже облигаций и, воспользовавшись случаем, указал на важность операции: «Я попытался сегодня утром связаться с Вами, но, когда я позвонил по телефону, мне сообщили, что Вы на совещании, и потому я решил сообщить Вам, что серия пятипроцентных облигаций «Норс Уэстерн», предложенная сегодня при открытии, пользовалась огромным

успехом и спрос в несколько раз превысил предложение.

Надеюсь, Вам, как и мне, приятно, что эта первая попытка, после нашего вступления в войну, выпустить долгосрочные железнодорожные облигации при сравнительно скромном уровне процентов, как я и думал, нашла выход из тупика… Надеюсь и верю, что последствия данной операции будут в значительной степени способствовать оздоровлению на рынке инвестиций в целом. В особом выигрыше окажутся железные дороги, за что последним следует благодарить Вас».

Через несколько дней он писал сыну, который тогда находился во Франции: «Как мы телеграфировали тебе… серия пятипроцентных облигаций «Чикаго и Норс-Уэстерн» разошлась с огромным успехом. Более того, в прошлую среду через пятнадцать минут после открытия мы получили заявок почти на 70 млн долларов и вынуждены были из соображений самозащиты закрыть подписку. Замечательно, что мы нашли выход из тупика и снова проложили дорогу выпуску долгосрочных облигаций вместо краткосрочного финансирования, что, из-за возрастающего объема, становилось опасным…

Далее Шифф сообщал сыну, что, желая закрепить успех, какого удалось добиться с облигациями «Норс-Уэстерн», банкирский дом «Кун, Лёб и К°» вел переговоры с «Пенсильванскими железными дорогами» о выпуске пятипроцентных общих ипотечных облигаций. 27 декабря он снова писал сыну: «Что касается большого успеха облигаций «Пенсильвании», о котором ты уже слышал… все было проделано стремительно, так как положение на фондовой бирже выглядело не слишком многообещающим, и мы боялись, что, если затянем с выпуском и продажей до выходных, добиться успеха будет довольно трудно. Наша точка зрения оказалась правильной, и то, чего мы достигли, вполне вероятно, могло не повториться сейчас».

В том же месяце фирма Шиффа также приняла участие в выпуске пятилетних бумаг «Сент-Пол Терминал К°» под 5,5 %, спрос на которые значительно превысил предложение. Далее представители фирмы «Кун, Лёб и К°» начали переговоры с «Иллинойс Сентрал» о выпуске облигаций под 5,5 %; их предложили общественности в начале февраля 1919 г. на сумму 16 млн долларов. Позже в том же году Шифф пишет о крупной операции с компанией «Балтимор и Огайо».

В мае 1920 г. банкирский дом «Кун, Лёб и К°» выпустил на 50 млн долларов десятилетних ценных бумаг «Пенсильванских железных дорог» под 7 %, а уже в июне Шифф послал сыну несколько телеграмм, в которых сообщал о ходе еще одной

операции с «Чикаго и Норс-Уэстерн». 7 июня он, в частности, писал: «Норс-Уэстерн» еще в процессе». На следующий день он сообщил телеграммой, что произведена покупка облигаций на 15 млн долларов; а 10 июня сообщал: «Норс-Уэстерн» добились значительного успеха по части дивидендов».

Государство продолжало управлять железными дорогами еще некоторое время после перемирия, и вопрос о возвращении железных дорог владельцам, а также сроки и условия, на которых такое возвращение должно произойти, стали поводами для серьезных размышлений и частых переговоров. На протяжении многих лет, и особенно в период враждебности по отношению к железным дорогам, часто выдвигались предложения об их национализации. Такую точку зрения поддерживали многие противники крупных корпораций. Впрочем, контраргументы приводились не только финансовые. Главным возражением стало то, что управление такой обширной транспортной системой, которое включало бы в себя контроль над бесчисленным количеством чиновников и служащих по всей стране, будет способствовать такому сосредоточению власти в руках любой конкретной администрации, что она может сохраниться навсегда и даже угрожать американской форме правления. Такую точку зрения, в частности, выражали влиятельные сенаторы даже из южных штатов, чьи граждане в остальном придерживались антикорпоративных взглядов.

Фредерик Штраусс из нью-йоркского банкирского дома «Дж. и У. Зелигман и К°» представил на рассмотрение Шиффа план, рассчитанный на дальнейший рост контроля государства над железными дорогами. Шифф писал ему 26 марта 1919 г. из Уайт-Салфер-Спрингс: «Конечно, если Вы сторонник государственного владения и управления железными дорогами, Ваше предложение отвечает таким условиям; но лично мне кажется: государственный контроль оказался таким неудовлетворительным и затратным, что американский народ вряд ли его потерпит. Из-за этого не было бы лучше для таких в высшей степени интеллигентных людей, как Вы, склониться к предложениям, на основе которых железные дороги следует вернуть частным владельцам, не нанося им чрезмерного ущерба в ходе передачи?»

Штраусс ответил: хотя он не поборник национализации, если ее можно избежать, он считает ее неизбежной по причине условий, создавшихся за десять предшествующих лет. Шифф возразил ему еще в одном письме из Уайт-Салфер-Спрингс 10 апреля 1919 г.: «Когда правительство только реквизировало железные дороги, я придерживался мнения, что такая политика

принесет плоды, удовлетворительные как для народа, так и для держателей железнодорожных ценных бумаг, что железным дорогам больше не позволят вернуться в частные руки и к частному управлению. Однако все произошло наоборот, и потому сейчас кажется вполне определенным, что общественное мнение развернулось в противоположную сторону и больше не допустит никаких реквизиций и государственного управления. Поэтому я считаю, что обсуждение данного вопроса не имеет перспектив.

Даже без Ваших разъяснений мне очевидно… что Вы рассуждаете единственно с точки зрения держателя ценных бумаг. Это совершенно верно, и Вас можно только похвалить за то, что Вы не колеблетесь. К сожалению, ни широкая публика, ни конгресс не посмотрят на данный серьезный и важный вопрос с такой же точки зрения. Скорее всего – и в том заключается трагедия положения, – они допустят ущемление прав держателей ценных бумаг, вместо того чтобы допустить наименьшие жертвы со стороны грузоотправителей и работников. При таких огорчительных обстоятельствах, боюсь, почти ничего нельзя сделать, кроме того, чтобы вернуть железные дороги владельцам и добиваться, чтобы конгресс на следующей сессии принял наилучшие законы, способные по возможности уменьшить тяготы, с которыми наверняка столкнутся железные дороги.

Ни один план из тех, что были представлены до сих пор, как мне кажется, не имеет шансов быть принятым конгрессом. Государственную гарантию, скорее всего, невозможно будет получить, да она и не будет желательной, ибо, как Вы верно заметили, любая гарантия окажется не минимумом, а максимумом, в то время как предложение разделить чистый доход при определенных условиях с работниками практически неосуществимо. По моему личному мнению, сейчас можно только ждать, когда вопрос рассмотрит конгресс, и посмотреть, какие предложения будут внесены, а затем обсудить эти предложения в прессе в попытке убедить конгресс наконец поступить по справедливости в отношении всех заинтересованных сторон. Не могу сказать, что питаю чрезмерно большие надежды».

Штраусс продолжал излагать свою точку зрения и привел слова одного сенатора о том, что прецедент государственного контроля уже возникал, причем в самой нежелательной форме, когда Комиссия по торговле между штатами решала, какие доходы могут получить железные дороги. Дискуссия, касавшаяся многих вопросов, закончилась посланием Шиффа от 8 июля 1919 г., в котором он писал: «Что касается отношения государства к различным отраслям промышленности во время войны, речь идет об исключительно военной мере, которую невозможно сохранять,

за исключением тех времен, когда государству даются диктаторские полномочия».

Глава 17

Еще в 1878 г. Шифф состоял казначеем в американском комитете, который собирал средства для помощи евреям Оттоманской империи во время русско-турецкой войны. Таким образом проявлялось его желание смягчить разрушительное воздействие войны и стремление оказать помощь, которое проявилось и в последующие годы его жизни. Во время Балканской войны 1912 г. он снова перечислял средства в помощь пострадавшим. Но ранние операции несравнимы по масштабу с объемом помощи, какую он оказывал пострадавшим в годы мировой войны. Самая первая просьба о помощи поступила 27 августа 1914 г. из Палестины, через Генри Моргентау, тогдашнего американского посла в Константинополе. В тот день Шифф получил телеграмму от государственного секретаря Брайана: «Департамент получил телеграмму от американского посла в Константинополе, в которой он просит сообщить Вам, что еврейские благотворительные организации и колонии в Палестине нуждаются в срочной помощи. Он также просит выяснить, можете ли Вы собрать и передать средства на военном корабле. Государственный департамент планирует послать туда военный корабль в ближайшем будущем».

Шифф тут же послал телеграмму Луису Маршаллу, предложив немедленно устроить собрание Американского еврейского комитета. Собрание состоялось 30 августа и окончилось поступком, о котором Шифф сообщил Моргентау 2 сентября: «В прошлый понедельник я получил Вашу телеграмму, в которой предлагается что-нибудь немедленно предпринять для Палестины. Вы указали, что наилучший способ достичь желаемой цели – предоставить Свободному кредитному обществу под руководством доктора Раппина капитал в размере 50 тыс. долларов. Я сразу же ответил, что принимаю Ваше предложение и наделяю Вас полномочиями его исполнения. Позже в тот же день мы провели совещание исполкома Американского еврейского комитета, который одобрил мои действия. Комитет внес 25 тыс. долларов, я добавил 12 500 долларов. Мы надеемся, что недостающие 12 500 долларов предоставит Американская федерация сионистов. Как бы там ни было, вся сумма в 50 тыс. долларов будет в Вашем распоряжении, как только Вы сообщите, кому нужно перечислить деньги».

Представителям Еврейского колонизационного общества в Париже, после начала войны столкнувшегося с трудностями из-за того, что депозиты Общества находились в немецких банках,

Шифф, по их просьбе, 31 августа авансом перевел 200 тыс. долларов телеграфом.

Он принял активное участие в собрании, которое 25 октября провели в нью-йоркской синагоге «Эману-Эль». На собрании обсуждали возможное объединение различных комитетов помощи под руководством «Американского еврейского объединенного распределительного комитета (Джойнт)». Казначеем, а впоследствии и председателем данной организации стал зять Шиффа, Феликс М. Варбург. Шифф неустанно помогал собирать и перечислять крупные суммы и решал еще более важную задачу их справедливого распределения[52]. Он ездил по разным городам и произносил речи, пользуясь любой возможностью для получения точной информации о положении в Европе и помощи, какую необходимо оказать, так как по мере того, как развивались военные действия, общение становилось все более затруднительным.

В письмах он постоянно жаловался на трудности пересылки денег в нужные места. Так, 8 марта 1915 г. он пишет Максу Варбургу: «Было практически невозможно связаться с тобой по телеграфу, и только через десять дней мы получили ответ на наше предложение передать 25 тыс. фунтов в распоряжение Восточного комитета помощи евреям. Тем временем мы выслали 100 тыс. долларов из нашего фонда Международному кооперативному альянсу для русско-польской помощи и предложили такую же сумму нашему Государственному департаменту для помощи в немецкой Польше через американского посла в Берлине. Это предложение мы отозвали после того, как наконец получили твою телеграмму, в которой говорилось, что Восточный комитет готов употребить эту помощь, как мы желали. Надеюсь, мы сможем сделать еще что-то на этой неделе и будем продолжать переправлять в русскую часть Польши через Петроградское отделение МКА суммы, равные тем, что мы шлем в немецкую часть Польши».

Шифф не оставлял попыток помощи населению в Палестине, организуя поставки апельсинов в Нью-Йорк. Так, он внес аванс за эту поставку, а позже добавил еще денег и давал советы относительно наилучших способов совершения операции. 4 июня 1915 г. он писал Джулиусу Голдмену: «По-моему, теперь я понимаю положение, и, поскольку моим главным намерением является срочная помощь палестинским производителям апельсинов, я готов внести аванс в размере 100 тыс. франков на основе просьбы доктора А. Раппина, изложенной им в письме от 25 апреля прошлого года. Итак, мне нужно представить 100 тыс. франков в распоряжение комитета частями; эти суммы можно

отзывать время от времени, но поскольку, как Вы пишете сами, в Палестине в настоящее время очень трудно получить деньги, я бы настоятельно рекомендовал вести все дела через фирму «М.М. Варбург и К°», так как переводы, возможно, удастся быстрее и безопаснее проводить через Германию. Кроме того, я не сомневаюсь в том, что Варбурги лучше многих понимают необходимость поиска надежных способов для срочной переправки средств в Палестину, особенно если мы попросим их предпринять особые усилия в этом направлении».

В январе 1916 г. через посредничество разных организаций Шифф старался переправить лекарства в палестинские больницы, лишенные самого необходимого. Он обратился к Красному Кресту как к первой организации, способной выполнить такое поручение. 20 января он писал исполняющему обязанности председателя Эрнесту П. Бикнеллу: «Был бы очень признателен, если бы Красный Крест сумел поставить госпиталям в Иерусалиме, Яффе и Хеброне необходимые лекарства, без которых их в скором времени придется закрыть, и буду рад оплатить их стоимость, если Красный Крест не сумеет поставить данные медикаменты бесплатно».

Просьбы о помощи стекались к Шиффу из самых разных европейских источников. Просьбы поступали даже со стороны самых высокопоставленных особ, что видно из его письма к королеве Болгарии от 10 августа 1915 г.:

«Ее величеству королеве Болгарии Элеоноре
Ваше величество!

Несколько дней назад я получил Ваше письмо от 20 июня, которым Вы меня удостоили; за несколько недель до того доктор Эренпрайс также сообщал мне о пожеланиях вашего величества.

Как я уже подробно объяснил доктору Эренпрайсу, в настоящее время я нахожусь не в том положении, чтобы предоставить вашему величеству крупную сумму, на какие бы благородные цели она ни предназначалась. Как казначей нью-йоркского отделения Американского Красного Креста, я уже сделал существенный взнос на гуманитарные цели в эту организацию; взнос предназначается всем противоборствующим сторонам. Кроме того, я пожертвовал значительные суммы на срочные нужды несчастных жителей Бельгии, а также военным вдовам и сиротам в Германии, стране, в которой я родился, хотя моей второй родиной вот уже полвека является Америка.

В дополнение к вышесказанному, на мне как на еврее лежит обязанность перечислять значительные суммы моим нечеловечески угнетаемым и мучимым единоверцам в зоне

военных действий в России и в Палестине, где люди буквально голодают. Если ваше величество обдумает мои слова, Вы, несомненно, поймете, почему, к моему большому сожалению, я не могу выполнить Вашу просьбу…

Остаюсь послушным слугой вашего величества,
Джейкоб Г. Шифф».

Помимо переписки с разными областями Америки и Европы с целью помощи пострадавшим, Шифф принимал самое активное участие во всех муниципальных кампаниях, проводимых в Нью-Йорке в рамках общенационального сбора средств. 13 января 1915 г. он писал Луису Маршаллу, председателю Американского еврейского комитета помощи, объяснив, почему не сможет присутствовать на собрании: «Надеюсь, Вы уже понимаете, что я проявляю огромный интерес к работе Американского еврейского комитета помощи… Не знаю, когда еще после Средних веков, когда нашим предкам пришлось так долго и так сильно страдать, евреям Галиции, трех частей Польши и, в значительной степени, также и Палестины приходилось переносить такие жестокие страдания и лишения, какие переносят в настоящее время жители названных мною стран, где проживают около пяти миллионов евреев. Полученные мною письма очевидцев… превосходят все описания и угрожают не меньше чем уничтожением нескольким миллионам наших единоверцев, если срочно не предоставить им помощь».

В 1915 г. он, пользуясь своим общественным и личным влиянием, старался объяснить народу Соединенных Штатов, как сильно нуждаются люди за границей. 21 декабря, после собрания в Карнеги-Холле, он телеграфировал Джулиусу Розенвальду: «Жаль, что вчера Вас не было на собрании; Вы получили бы удовлетворение от того, в чем есть и Ваша заслуга… Я сам никогда не видел ничего подобного; желание помочь было поистине чудесным. По моим подсчетам, вчера удалось собрать свыше 200 тыс. долларов, и я не сомневаюсь, что дух, который пробудился вчера, способен на значительно более важные свершения, чем мы ожидали. Доктор Магнес превзошел себя в своем воззвании».

Работа по распределению помощи иногда сталкивалась с трудностями из-за резких различий по вопросу о том, каким странам следует оказывать помощь в первую очередь, а также из-за того, каким комитетам и посредническим организациям в Европе поручить распределять средства. Шифф в тот период всячески старался смягчить возникшие разногласия.

В 1917 г. ему поручили обратиться к Джону Д. Рокфеллеру-

младшему. В результате их переписки Фонд Рокфеллера пожертвовал 100 тыс. долларов в помощь пострадавшим. К этому времени сам Шифф внес на те же цели около полумиллиона долларов. Он согласился стать председателем в объединенной кампании помощи в Нью-Йорке и для сбора средств работы Еврейского комитета помощи армии и флоту. Обладая активной жизненной позицией, он не просто руководил работой; он лично обходил тех, кто, по его мнению, мог сделать крупные пожертвования. Шифф хранил у себя письмо с поздравлениями от президента Вильсона после успешного завершения кампании – тогда удалось собрать 5 млн долларов.

Шифф помогал собирать средства не только в Нью-Йорке, но и в других городах. Он стал почетным гостем на ужине, который устроили в Филадельфии 7 января 1915 г., и произнес там речь. Ни разу он не отказывался отправить приветственное письмо на собрания в другие города. 27 декабря 1918 г. он пишет сыну: «После того как я писал тебе в последний раз, я предпринял короткую поездку в Чикаго; уехал из дому вечером в прошлую субботу и возвращаюсь в среду утром. В знак признания к Джулиусу Розенвальду я поехал туда, чтобы помочь в открытии местной чикагской кампании по сбору еврейской военной помощи».

Кроме того, он принимал активное участие в кампаниях в Сент-Луисе, Хьюстоне (Техас), Бостоне, куда он ездил лично, Балтиморе – и все это в возрасте семидесяти одного с лишним года.

Шифф надеялся, что после подписания мирного договора в июне 1919 г. в благотворительных мероприятиях больше не будет необходимости. 26 сентября он написал Феликсу Варбургу, который тогда находился в Амстердаме, что он собирается рекомендовать учредить финансовую и коммерческую корпорацию с минимальным капиталом в 10 млн долларов, которая возьмет на себя работу по реконструкции и финансированию на деловой основе, поскольку уверен, что это единственный способ, каким можно правильно вести такого рода дела. Более того, нечто очень похожее было устроено через посредничество комитета «Джойнт».

В сентябре 1919 г. он выступил с пламенным воззванием:

«Они высоко несут свою Тору
Как знамя, что реет до небес,
Они доказали, как велик их дух,
Давайте докажем, как велик наш!

Позвольте обратиться к Вам, моим братьям, словами нашего еврейского поэта Израэла Зангвилла! Мы собрались под звездно-полосатым знаменем, под защитой которого мы пользуемся безмерными благами. Мы вольны жить своей жизнью и поклоняться своему Создателю по своему желанию. Позвольте мне обратиться к Вам, когда настают великие дни, чтобы Вы шире распахнули свои сердца и свои кошельки и помогли тем, чьей ужасной участи они избежали милостью Божией! Выполнили ли вы свой долг в этом отношении целиком, можете ли вы предстать перед Господом, когда вас призовет трубный глас, и ответить: «Вот я… Не стану отказывать моим братьям и готов предложить как жертву помочь облегчить их страдания, несчастья тех… кого грабят, мучат и убивают лишь по той причине, что они евреи». Если вы хотите, чтобы Всевышний в эти святые дни услышал ваши молитвы, услышьте сами вначале плач, который доносится к вам через воды, и обратите на него внимание!

Джейкоб Г. Шифф».

Трагическая гибель Израэла Фридлендера от рук бандитов на Украине, куда он отправился с миссией помощи, глубоко потрясла Шиффа. 13 июля 1920 г. он телеграфировал жене

Фридлендера: «Меня потрясла печальная судьба Вашего мужа, которого я высоко ценил и с которым дружил. Примите мои соболезнования… Ваша утрата невосполнима. Всевышний вознаградит Вас и Ваших детей за ту жертву, которую понес Ваш муж. На то Его воля, и Его воля будет исполнена. Надеюсь, Вы будете рассчитывать на меня как на друга».

С большим трудом Шиффа удалось уговорить, из-за слабого здоровья, не посещать собрания 9 сентября в память Фридлендера и его собрата-мученика Бернарда Кантора. Он направил собранию письмо: «Недавно, по возвращении домой, я нашел приглашение присутствовать на мемориальном собрании, которое должно быть проведено под покровительством Распределительного комитета «Джойнт» при содействии семинарии и других органов, в память профессора Фридлендера и доктора Кантора, которые, путешествуя в качестве уполномоченных Распределительного комитета «Джойнт» и предоставляя помощь от имени Американского фонда помощи евреям, пострадавшим от войны, трагически погибли на Украине. Я считаю большой честью и долгом присутствовать на мемориальном митинге в следующий четверг, но, к сожалению, из-за слабого здоровья врач велел мне воздерживаться от всяких волнений и особенно от многолюдных собраний. Поэтому вынужден отказаться от возможности воздать должное двум этим людям, которые пожертвовали жизнью, желая

принести помощь нашим страдающим братьям на Украине, и которые, в силу своей трагической гибели, навечно остались в сердцах наших единоверцев…

Я был знаком с профессором Фридлендером еще с тех пор, как он приехал в Соединенные Штаты, и всегда высоко ценил его и его дружбу. Его отличали подлинное бескорыстие и постоянное стремление служить лучшим интересам нашего народа, чего бы ни потребовало такое служение. Мыслями я буду с теми, кто соберется на мемориальное собрание в четверг, и я несказанно сожалею, что личные условия мешают мне прийти, ввиду чего прошу… зачитать мое письмо в числе речей на собрании».

Хотя после 1914 г. война и связанные с ней проблемы больше всего занимали Шиффа, у него были и другие дела, многие из которых требовали даже большего его внимания. В начале войны Америка переживала период экономического спада и безработицы, которые не закончились до тех пор, пока крупные иностранные закупки не способствовали росту заработной платы и цен – по крайней мере во многих отраслях. Более того, первые годы войны до некоторой степени усилили в Америке общественное недовольство и возмущение материальным неравенством. Шифф всегда остро чувствовал растущее недовольство существующими порядками, но был против того, чтобы просто критиковать трудности, не предлагая конкретных и приемлемых мер для исправления ситуации. В тот период он больше чем когда бы то ни было занимался трудовыми спорами. В 1915 г. в швейной промышленности создались условия, грозившие забастовкой, в которой приняли бы участие 50 тыс. человек. Президент Международного профсоюза работников швейной промышленности угрожал призвать к общей забастовке. Тогда и в нескольких последующих случаях Шифф встал на сторону рабочих. Так, 2 мая 1916 г. он писал знакомому: «Полагаю, что нынешних трудностей с рабочими в Вашей отрасли можно было бы избежать, если бы руководители Ассоциации промышленников проявили меньше упрямства».

Во время общей забастовки в 1916 г. он прямо поддержал бастующих швейников и лично послал в фонд помощи 12 500 долларов. В связи с этой забастовкой он занял столь прочную позицию, что 13 июля 1916 г. телеграфировал Сэмюэлу Гомперсу, президенту Американской федерации труда: «Гражданский комитет и я всерьез призываем Американскую федерацию труда оказать всяческое содействие… профсоюзу швейников, чтобы он выдержал то, что, по мнению членов Гражданского комитета, является вопиющей социальной несправедливостью».

Судя по всему, тогда Шифф испытывал особое возмущение,

потому что во всех других случаях он старался предотвратить забастовки и постоянно призывал к третейскому суду. Так, в декабре 1918 г. он проводил долгое совещание с президентом американской ассоциации производителей мужской одежды, на котором обсуждались меры по выборам беспристрастного председателя на встречах представителей промышленников и профсоюза.

Со временем Шифф все больше ценил личные качества Гомперса. В апреле 1919 г., узнав, что Гомперс попал в аварию, он предложил передать ему пожелания скорейшего выздоровления.

В письме Артуру Вудсу 19 августа 1919 г., одном из последних на данную тему, он говорит о необходимости контроля как капитала, так и профсоюзов: «Почти тридцать лет назад, после того как капитал… добился своего и буйно разросся, американский народ пришел к выводу, что капитал необходимо обуздать. Тогда дело окончилось принятием так называемого Закона Шермана; и позже время от времени принимались другие законы и подзаконные акты. Скорее всего, не за горами то время, когда здравый смысл подскажет американцам, что трудовые объединения также должны подпасть под контроль закона, чтобы предотвратить обстановку, которая сейчас сложилась у нас почти повсеместно. Хотя в целом американский народ терпелив, он не потерпит ничьей тирании, будь то тирания капитала или профсоюзов, и готов ограничить тиранические условия, какой бы ни была их причина».

Он продолжал бдительно следить за филантропическими предприятиями в США и, как всегда, склонен был призывать к профилактическим мерам. Так, когда у фермеров штата Нью-Йорк возник дефицит в семенах, 16 апреля 1917 г. Шифф писал Уильяму Ч. Осборну, хотя и считал, что предоставить семена должно законодательное собрание штата: «Мне не кажется, что Семенного фонда в размере нескольких сотен тысяч долларов, какой предлагаете собрать Вы, хватит на покрытие существующей потребности. Я скорее придерживаюсь того мнения, что… предоставить необходимую помощь фермерам нашего штата должно законодательное собрание… нельзя предоставлять дело частной инициативе, из-за чего собрать необходимые средства может оказаться трудным. Тем не менее, если речь идет о крайних мерах, я готов предоставить 35 тыс. долларов в любой достаточно крупный фонд, чтобы должным образом восполнить существующий дефицит».

Воодушевление, с каким в Америке собирали средства на военные нужды, заставило многих забыть о потребностях вполне мирных учреждений. В своей первой общей речи в мае 1917 г.,

выступая против политики финансирования войны главным образом через налогообложение, Шифф сказал: «Есть и другой вопрос, о котором нельзя забывать и который, напротив, заслуживает серьезного рассмотрения. Очень значительное число наших важных университетов, колледжей и прочих образовательных учреждений, больниц, сиротских приютов и фондов, не говоря о церквах… Ассоциации молодых христиан и др., которые способствуют улучшению граждан нашей страны, если не всего человечества в целом… существуют на дары и пожертвования так называемых состоятельных людей. Для нормальной работы этих учреждений, расположенных по всей стране, необходимо, чтобы богачи предоставляли средства в их поддержку».

А 14 июня он послал телеграмму профессору Сэмюэлу Маккьюну Линдзи: «Очень рад узнать, что Вы предпринимаете попытки провести налоговые вычеты на пожертвования видным филантропическим и образовательным учреждениям. Как человек, связанный со многими филантропическими организациями и особенно с теми, которые заботятся об интересах евреев, я считаю, что Ваши усилия очень важны, и желаю Вам успеха».

Через несколько дней он разослал телеграммы ряду сенаторов, призывая их голосовать за вычет таких пожертвований из подоходного налога.

От имени своей супруги и от своего, в ознаменование сороковой годовщины их брака, 6 мая 1915 г. он учредил крупный ссудный фонд для сестер милосердия, которые хотели бы пройти курсы подготовки для работы муниципальными медсестрами. Данное начинание, которому способствовал Шифф, обеспечив сотрудничество Красного Креста и «Поселения на Генри-стрит», возможно, имело более серьезные последствия, чем любые другие его благодеяния. В 1925 г. под началом Красного Креста работали 845 сестер милосердия. Затем на работу приняли еще 513 медицинских сестер. В то же время благодаря учрежденному им в 1915 г. ссудному фонду курсы переподготовки прошли 824 медсестры. Ссуды превысили 200 тыс. долларов. Косвенно «Сестринская служба общественного здравоохранения» вызвала появление к жизни Общества Красного Креста и службы общественного здравоохранения в других странах, и можно со всей определенностью сказать, что комиссии Американского Красного Креста способствовали зарождению муниципальной сестринской службы в Эстонии, Латвии, Литве, Чехословакии, Греции, Италии, Польше, Венгрии и Югославии. Так благодаря инициативе Шиффа человечеству была оказана

огромная услуга.

После того как Соединенные Штаты вступили в войну, «Больница Монтефиоре» передала в распоряжение Военномедицинского департамента Частный павильон и все восточное крыло основного комплекса зданий на Ган-Хилл-Роуд. Вначале подразумевалось, что Частный павильон будет возвращен больнице для ее нужд через шесть месяцев после заключения мира, но этот период был продлен до 1 июля 1920 г. Шифф принимал активное участие во всех процедурах передачи больничной собственности на военные нужды.

Очень сложным был вопрос о содержании больницы в период растущих цен и далеко не пропорционально увеличивающихся доходов. В первые годы войны Шифф заметил рост подушевого ежедневного содержания на 30 % и попросил одного из своих коллег по совету директоров проинспектировать больничную кухню и проверить, насколько экономично там ведутся дела. Он делал все, что в его силах, чтобы снизить расходы на управление и эксплуатацию, но, конечно, расходы невозможно было снижать до бесконечности. После того как больница присоединилась к Федерации еврейских благотворительных обществ, снизился рост ее отдельных доходов. Шифф пришел к выводу, что руководство больницей лучше передать в молодые руки. Принятое им в 1918 г. решение покинуть свое любимое детище, должно быть, было принято после очень тягостных раздумий. Во всяком случае, директора восприняли его слова всерьез. Наверное, ни один меморандум не способен более адекватно выразить взгляды его коллег, чем тот, что направили ему все члены правления 8 мая 1918 г.: «После очень долгой дискуссии по данному вопросу, проведенной всеми директорами, мы предприняли меры к тому, чтобы немедленно приступить к выборам руководства, и Вас, проголосовав стоя, единогласно переизбрали в правление на должность президента на следующий год…

Согласно общему мнению членов правления, выраженному на нашем собрании, едва ли нужно говорить Вам, что в первую очередь мы обдумывали серьезную утрату, которую понесет «Дом Монтефиоре» в том случае, если лишится услуг того, кто так превосходно руководил всеми делами. Неоднократно повторялось, что среди нас нет никого, способного сравниться с Вами своей энергией и интеллектуальными способностями, никто не способен так глубоко вникать во все проблемы, с которыми сталкивается наше учреждение, никто не способен вести его в эти критические времена с той редкой интуицией, которая всегда была характерна для Вашего руководства. Ссылаясь на Ваши слова, что на такой шаг Вас толкнул преклонный возраст, члены

правления, особенно те, кто работает в нашем учреждении уже давно, единогласно пришли к мнению: никогда эти выдающиеся способности не проявлялись столь ярко, как в последние годы. Кроме того, мы рады признакам доброго здоровья, каким Вас наградил Всевышний. Мы считаем: Ваш уход станет не только необдуманным шагом для всей нашей работы, но его неминуемость столь отдаленна, что сейчас не заслуживает обсуждения.

В то время как мы полагаем, что вышеупомянутых доводов вполне достаточно, чтобы Вы оставили всякие мысли об уходе с поста президента, Вы потребовали, чтобы мы рассмотрели вопрос всесторонне, оставив за скобками то, что Вы назвали естественным нежеланием порывать отношения, так много значившие для всех нас, и поэтому в соответствии с Вашей просьбой мы обдумали вопрос о Вашей отставке со всех возможных точек зрения. Вы уже много десятилетий являетесь лидером нашей общины. Великое здание нашего филантропического учреждения больше обязано в своем развитии Вам, чем кому-либо другому из нашего сообщества. Уверенность, с какой наше сообщество преодолевало многочисленные трудности, возникшие в ходе мировой войны, подтверждает наше мнение: Вы до сих пор по-прежнему руководите всей деятельностью нашей общины. Уйдя с поста президента «Дома Монтефиоре», одного из крупнейших учреждений нашего города, Ваша привязанность к которому общеизвестна, Вы не только дадите пищу для превратных истолкований, но и невольно разорвете связь, которая должна оставаться неприкосновенной на протяжении всей жизни. Сейчас мы нуждаемся в Ваших советах больше, чем когда бы то ни было. Поэтому, сознавая свою ответственность перед коллективом «Дома Монтефиоре», мы говорим также от имени тысяч Ваших сограждан, которые не желают Вашей отставки и будут безутешными, если узнают, что Вы обдумываете такой шаг».

Шифф повторил свою просьбу на следующий год и на сей раз настоял на том, чтобы его пожелание было выполнено. По случаю его отставки 3 января 1920 г. был дан ужин в его честь, на котором Уильям Голдмен дал Шиффу очень любопытную характеристику, назвав прошедшие 40 лет «эпохой Шиффа для американской еврейской общины».

Начало войны сопровождалось серьезными трудностями для существования так называемого Немецкого фонда, который Шифф основал в Корнелльском университете. Разумеется, стало невозможно привозить немцев в США, но в начале войны делались попытки привлечь к работе фонда компетентных

американцев. Так, в 1915 г. лекции читал Куно Франке; выступал с концертами Нью-Йоркский филармонический оркестр. Однако после вступления Соединенных Штатов в войну в стране выросли антинемецкие настроения. Иногда они проявлялись даже более резко, чем в европейских странах… Шифф понимал, что фонд, на его первоначальных основаниях, вызовет у американцев лишь неприязнь, но не мог прекратить его работу из практических соображений. 3 июня 1918 г. он сделал предложение президенту Шурману о необходимости изменений: «Мне кажется, что настало время, когда Фонд содействия немецкой культуре, который я основал при Корнелльском университете несколько лет назад, при более благоприятных условиях, необходимо упразднить. Если Вы согласны, буду рад получить юридический совет, в какой форме это лучше сделать. Не думаю, что здесь возникнут большие трудности с юридической точки зрения, поскольку попечители Корнелльского университета и я согласны. В таком случае хотел бы получить от Вас предложения, на какие иные цели можно будет направить доходы фонда. Заранее уверен, что и в последнем вопросе мы с готовностью согласимся».

Шурман договорился встретиться с Шиффом в Нью-Йорке 12 июня. Он предложил сохранить фонд, однако изменить его название и цели, так сказать, расширить тематику, чтобы он имел отношение не только к немецкой культуре, но и к человечеству в целом, а слово «культура» заменить на «цивилизацию». Результат этой встречи отражен в письме Шиффа Шурману от 17 июля 1918 г.: «Охотно принимаю Ваше предложение, чтобы фонд, который я учредил при Корнелльском университете несколько лет назад, отныне назывался так: «Фонд содействия человеческой цивилизации (вместо «немецкой культуры») Джейкоба Г. Шиффа». Если хотите, можете представить данное предложение попечителям Корнелльского университета от моего имени на первом же собрании, на котором Вы будете присутствовать. Я считаю, что данный поступок совершенно уместен; предваряя действия попечителей, хочу сказать, что не возражаю против Вашего предложения пригласить лектора на следующий год, на время Вашего отсутствия. Мне кажется, что даже если можно будет найти специалиста, который прочтет в зимнем семестре курс «Цивилизация Франции», это будет в нынешних условиях предпочтительнее, чем начинать с лекционного курса по «Цивилизации Древней Греции или Рима». Однако меня устроит все, что Вы сочтете нужным в данном отношении.

Кроме того, я согласен с Вашим предложением использовать общий доход фонда на покупку книг для университетской библиотеки, посвященных нынешней мировой войне, хотя мне

кажется, что к подобным приобретениям следует подходить с осторожностью, поскольку, вероятно, лучшая литература, посвященная тому, что происходит сейчас, будет написана после окончания конфликта, когда страсти улягутся и им на смену придут благоразумие и ясность суждений».

Через несколько дней, действуя по предложению Линдсея Расселла, президента «Японского общества», Шифф попросил попечителей обдумать вопрос о чтении в следующем году курса лекций по истории Японии, который «совпадал бы с нынешней сменой интересов американского народа». Еще через неделю он написал Расселлу, кого, по его мнению, лучше пригласить для чтения таких лекций.

Страсти, кипевшие во время войны во многих странах, оказались направлены против евреев. Для Шиффа, который большую часть своей жизни боролся за права своих единоверцев, за то, чтобы к ним относились как к людям, сообщения о вспышках антисемитизма стали одновременно источником печали и стимулом для новых усилий. Что касается его отношения к евреям как до, так и после вступления Америки в войну, он по-прежнему считал сепаратизм достойным порицания. Так, он возражал против формирования отдельных «еврейских» батальонов или полков; также он возражал против образования «еврейских» комитетов по подписке на военные займы. Когда Федерация еврейских фермеров Америки обратилась к нему за помощью в работе, он ответил, что сельское хозяйство – не религиозная деятельность и что даже в критическом положении он не желает помогать им отдельно от других; он намерен поддерживать и поддерживает сельскохозяйственные предприятия в целом.

Тем временем его интерес и участие в общей работе Американского еврейского комитета не ослабевали. В октябре 1914 г. он созвал небольшую конференцию, на которой обсуждалось отношение американских евреев к улучшению положения единоверцев в Европе после того, как там восстановится мир. Разумеется, Шифф не считал целесообразным дожидаться мира, для того чтобы улучшить положение евреев в Европе.

В начале работы комитетов помощи евреям за границей делались попытки внедрить в планы и комитеты по распределению помощи вопросы, имевшие отношение к так называемым национально-государственным устремлениям евреев, которые, вполне естественно, развивались в Восточной Европе, но находили свои отголоски и в Америке. 17 мая 1915 г. Шифф писал: «Вполне очевидно, что произошел серьезный разлом между

теми, кто хочет обособить существование евреев в Соединенных Штатах, и теми из нас, кто желает быть американцами в своих привязанностях, мыслях и поступках и одновременно евреями благодаря нашей вере и культурным достижениям нашего народа. Я вполне убежден, что американский народ не допустит образования большой обособленной еврейской группы с национально-государственными устремлениями и что от подобных устремлений пострадают сами евреи – если не мы, то наши потомки».

Нападки на Американский еврейский комитет вылились в призывы к созданию Еврейского конгресса, основанного на переписи населения, хотя в основном за нападками стояли члены Сионистской организации. Дискуссия свелась к конкретному вопросу: следует ли созывать конференцию еврейских организаций с целью обсуждения совместных действий от имени единоверцев за границей на время войны, или главным и первым поводом следует считать объединение всего еврейского сообщества в Соединенных Штатах на демократической основе. По этому поводу Шифф выразился предельно ясно: «Я не верю в предложение созыва большого Еврейского конгресса с целью обсуждения неназванных и нераскрытых вопросов. Это не может привести и не приведет ни к чему, кроме недоразумений как со стороны нашего народа, так и со стороны наших американских соотечественников. В том, что касается наших единоверцев, я всегда считал, что они должны стать неотъемлемой частью американского народа; иными словами, американцами иудейского вероисповедания. Попытки выделить наш народ в обособленное сообщество поощрять не следует, наоборот, следует препятствовать им всеми возможными способами. С другой стороны, мы не только имеем право, но и должны употребить все свое влияние, каким мы обладаем как американские евреи, для помощи нашим единоверцам за рубежом, особенно в России и странах Востока, вовлеченных в нынешнюю войну. Из-за этого я совершенно согласен с предложением провести конференцию представителей ведущих национальных еврейских сообществ с целью спокойного и взвешенного обмена мнениями по вопросу о том, что можно и должно сделать, чтобы обеспечить постоянное соблюдение гражданских прав и надлежащей защиты наших единоверцев на Ближнем Востоке. Необходимо выработать общую точку зрения, которая будет представлена на будущих мирных конференциях, когда бы они ни были созваны.

Я не колеблясь делюсь своим убеждением, что такой обмен мнениями, который я предлагаю, спокойный и взвешенный, на конференции, куда соберутся наши видные и авторитетные

представители, способен достичь большего, чем конгресс, какой навязывают американским евреям сионисты и другие. Их предложение, боюсь, в конце концов не принесет ничего, кроме вреда, и, возможно, разделит, вместо того чтобы объединить, что так важно, наших единоверцев в этой стране».

Дискуссия привлекла всеобщий интерес, что подтверждает письмо Шиффу президента Элиота, в котором он спрашивал о характере Американского еврейского комитета. 3 сентября 1915 г. Шифф ответил президенту: «Создавшееся у Вас впечатление, что Американский еврейский комитет будто бы всегда собирается на какие-то тайные заседания, неправильно. Он собирается, как и всякий другой комитет, на обычные заседания, не тайные и не публичные, а их протоколы затем публикуются. АЕК состоит из признанных руководителей и консервативных людей со всей страны, и если в комитете освобождается место, объявляются выборы по заполнению вакансии по рекомендациям людей из того округа, который нуждается в представлении; более того, в исполнительный комитет в основном входят люди, выдвинутые еврейским сообществом Нью-Йорка, которое можно назвать крупнейшей еврейской общиной в Соединенных Штатах. Поскольку Вы всегда проявляли такой интерес к делам нашего народа, я решил подробно объясниться, и если у Вас когда-либо возникнут вопросы в этом отношении, прошу Вас в любое время сразу же обращаться ко мне».

Шифф продолжал намеренно воздерживаться от участия в конгрессе; свою точку зрения он излагал не только в переписке со многими друзьями, но и публично. 7 мая 1916 г., выступая на ежегодном собрании Еврейского издательского общества в Филадельфии и отвечая на доводы своих оппонентов, он сказал: «Полагаю, что нахожусь в городе, где, как недавно утверждалось, евреи постепенно деградируют, потому что их склоняют встать под знамена агитаторов, пытающихся согнать евреев Соединенных Штатов в один компактный политический орган и которые под предлогом, что еврейский народ должен отныне находиться под руководством конгресса, избранного на демократической основе, очевидно, не имеют никакой другой цели, кроме захвата власти и вручения судьбы евреев горстке людей, чьи интересы не связаны с истинным иудаизмом и в целом бесперспективны. Их можно назвать евреями только в силу их сомнительных националистических махинаций».

Позже в той же речи, обсуждая организованное им издание серии еврейских классиков, Шифф говорил о языке идиш. Сторонники развития этого языка сочли его точку зрения весьма спорной и подвергли ее резкой критике[53]. Три дня спустя Шифф

написал Шолому Ашу, видному писателю на языке идиш. В одном из своих сатирических набросков Аш изобразил Шиффа. В ответ Шифф просил о встрече: «Прошу Вас позволить мне обсудить лично с Вами ту критику, которой я, как мне кажется, подвергся в Вашем сочинении. Я вовсе не возражаю против справедливой критики своих поступков, но хочу, чтобы люди, которых я уважаю, понимали скрытые мотивы, которые двигают мною во всех более-менее важных общественных делах…»

После беседы, которая состоялась 19 мая, он писал Ашу: «Рад, что, после того как Вы получили возможность лично поговорить со мной, Вы пришли к выводу, что обрушились на меня несправедливо, за что, как я Вам уже говорил, я вовсе не держал на Вас зла, даже до того, как получил Ваши заверения. Единственное, о чем я жалею, – о том вреде, который был причинен не мне, но многим тысячам из тех, кто, прочтя Вашу брошюру, усомнятся во мне, человеке, который почти полвека считает за честь трудиться на благо своего народа, – вреде почти невосполнимом…

Я был бы плохим лидером, если меня вообще можно считать таковым, если бы я бесстрашно не осуждал то, что считаю серьезной и судьбоносной ошибкой, к которой сейчас склоняют евреев Соединенных Штатов. Почти все мои действия в последние 50 лет определялись желанием служить моим собратьям, помогать не только в их физических потребностях, но даже более того, в их общем положении, и я продолжу делать все, что в моих силах, как бы превратно ни истолковывали мои поступки, как бы меня ни критиковали, как бы ни нападали на меня те, кто еще не понял, что значит быть американским евреем».

В речи на открытии Центрального еврейского института, которую Шифф произнес 21 мая, он снова поднял данный вопрос, и его речь многих задела. 26 мая он писал коллеге по комитету: «Относительно клеветнических нападок, с которыми обрушилась на меня пресса на языке идиш… мне кажется, будет лучше, если я не прямо сейчас, но вскоре выйду из состава Американского еврейского комитета. Вся ситуация, по моему мнению, – тщательно разработанная кампания против Комитета, поскольку я подвергался нападкам как один из его видных членов. Когда ко мне приходил Шолом Аш, он откровенно признался, что нападал на меня, потому что я препятствовал желанию еврейского народа созвать конгресс; и даже если бы меня цитировали верно, как в «Таймс», а не искажали мои слова, как в других изданиях, в моей речи, несомненно, отыскались бы другие изъяны и я в любом случае подвергся бы нападкам. Вы увидите, что продолжением станет злобная кампания против Американского еврейского

комитета и его замыслов».

Личные нападки глубоко задевали Шиффа, и на публичной встрече 4 июня он воспользовался случаем и произнес речь, равную по накалу библейским речам пророка Самуила после того, как Саул стал царем: «Я пришел сюда, чтобы сдать меч раздора. Пятьдесят один год я живу в Нью-Йорке; теперь мне почти семьдесят лет; и, по-моему, с тех пор, как я достиг сознательного возраста, не проходило ни дня, когда я не искал бы добра в моем народе».

Заметив, что представители прессы неверно истолковали его слова, он продолжал: «Я хочу зачесть вам отрывок из стенографического отчета, где приводятся мои точные слова. Отрывок невелик. Я прочту всего один абзац и прошу у вас немного терпения: «Мистер Шифф, говоря о евреях в России и Польше, сказал: «Я лучше, чем кто бы то ни было, понимаю своих угнетенных собратьев в России и Польше не только из-за того, что они переживают сейчас, но и из-за того, что они пережили за последние пятьдесят лет. Но мне пришло в голову – а я уделил вопросу немало размышлений, – что, если бы евреи в России и Польше сами не обосабливались, в силу дискриминационных законов, предрассудки и преследования, которым они подвергались, не дошли бы до той стадии, до которой все дошло, к нашему всеобщему сожалению».

Друзья мои, я не намерен отказываться ни от единого своего слова. Но… из-за того, что один-единственный репортер, который, возможно… не понял, что это значит, представил дело так, словно я взваливаю на евреев России и Польши ответственность за преследования, а пресса на языке идиш набросилась на меня, осуждает меня, даже угрожает мне, и нападки продолжаются даже сейчас, хотя через два или три дня после собрания в газете «День», выходящей на идиш, и в газете «Американский еврей» напечатали выверенный стенографический отчет. Для моих критиков нет никакой разницы; они игнорировали новые данные и продолжают игнорировать сейчас.

Подумайте, можно ли обвинять меня в таком преступлении? Подумайте! Меня, который на протяжении двадцати пяти лет в одиночку не давал правительству России получить займы на американских рынках… Вспомните! Меня, который в прошлом неустанно агитировал и убеждал президента Соединенных Штатов, о чем некоторым из вас должно быть известно, что необходимо аннулировать наш договор с Россией. Почему, по моим словам, этот договор следовало аннулировать? Не потому, что кто-либо из нас хочет поехать в Россию, но потому, что… когда Россия вынуждена будет открыть свои двери евреям,

американским или живущим в любых других государствах, она не сможет по-прежнему ограничивать в правах своих евреев и сохранять черту оседлости, которая находится в основе всех бед; и даже если до этого пока не дошло, друзья, последствие будет именно таким.

Но мои обвинители, не представители прессы на идиш, а те, кому разрешили здесь находиться, потому что… сейчас они не могут вернуться к себе на родину, как собирались, – эти беженцы пишут в еврейские газеты, что я своей речью лью воду на мельницу царского правительства, даю ему оружие, более действенное, чем пушки… Нет, друзья мои! Царское правительство радуется потому, что вы побиваете человека, который боролся с преследованиями, с антисемитизмом, насколько хватало его сил…

Почему на меня нападают? Я знаю, потому что меня заранее предупреждали об этом… Мне снова и снова повторяли, что, если я не прекращу выступать против созыва еврейского конгресса, на меня нападут на первого, как, возможно, на самого видного члена Американского еврейского комитета; что вера еврейского народа в меня будет поколеблена и я буду сломлен. Теперешние нападки – только часть тщательно продуманного плана. Что бы я ни сказал, и даже если бы слова и доводы вложил в мои уста сам Господь, меня все равно подвергли бы злобным нападкам, потому что таков был замысел, тщательно продуманный и разработанный.

Кто из знающих меня может сказать, что за время нашего знакомства я хоть раз отказывал в чем-то моему народу, отказывался прислушаться к его нуждам, отказывался помочь какому-либо делу, дожидаясь, пока мне подробно изложат еврейские проблемы, а не исследуя их самостоятельно в желании помочь? Кто скажет, что я не давал не только из моих средств, но ежедневно, ежечасно – могу добавить, днем и ночью – не отдавал бы самого себя, пусть встанет и обвинит меня!

В заключение могу сказать только одно: я оскорблен до глубины души. После всего, что произошло, сионизм, национализм, движение за создание еврейского конгресса и еврейские политики, какую бы форму они ни принимали, становятся для меня книгой за семью печатями. Я буду по-прежнему способствовать духовному развитию моего народа; буду оказывать содействие во всех конструктивных делах; и я буду по мере сил бороться за предоставление полных гражданских прав для наших братьев, живущих в зоне военных действий, особенно в Польше, России, Румынии и Палестине, ибо все они – плоть от плоти моей… Но на этом, друзья, мои

обязанности заканчиваются».

После данной дискуссии в прессе появилось множество хвалебных статей, которые были так же неприятны Шиффу, как и нападки. Одному другу он писал: «Льстивые панегирики еще более неприятны мне, чем недавние нападки идишской прессы, особенно когда, после того как столько было сделано, в моих единоверцев так откровенно вдалбливают признательность, хотя ни о чем подобном речь не шла. Я просто стараюсь исполнять свой долг так, как я его понимаю, и ни от кого не жду благодарности».

Вскоре после того состоялись переговоры представителей многих организаций, в том числе и группы, ратовавшей за созыв Еврейского конгресса. В результате определенных ограничений, о которых удалось договориться, большинство проголосовало за созыв конгресса, против чего Шифф ранее так энергично возражал. Он согласился с результатом, написав: «Что ж, пусть конгресс соберется, особенно потому, что его созвали бы в любом случае, чтобы сохранить единство американских евреев».

Но, согласившись на созыв Еврейского конгресса, он продолжал сомневаться и 21 июля 1916 г. писал Луису Маршаллу: «Я по-прежнему убежден, что Еврейский конгресс – это ошибка и что его результаты, особенно в перспективе, скорее принесут вред американским евреям, но поскольку, очевидно, «он должен быть», возможно, производимые сейчас приготовления – лучшее, чего можно было достичь. Во всяком случае, отрадно, что объединение многочисленных американских еврейских организаций… продемонстрирует наше единство перед лицом критического положения, в каком оказались евреи всего мира. Правда, я серьезно сомневаюсь, сохранится ли «джентльменское соглашение» о том, что на конгрессе не будут обсуждаться ни сионизм, ни национализм, ни постоянная организация евреев в Америке, так как вполне вероятно, что некоторые ведущие силы Еврейского конгресса сумеют преодолеть это ограничение. В таком случае те, кто договаривался о «джентльменском соглашении» для комитета конгресса, не смогут выполнить свои же условия и обеспечить соблюдение того, о чем они договорились на словах. Однако будь что будет, полагаю, сейчас невозможно ничего изменить, а значит, надо делать все возможное».

Однако в то время Еврейский конгресс не созвали, а после того, как Соединенные Штаты вступили в войну, многие сочли созыв Еврейского конгресса шагом нецелесообразным и неразумным. Такое решение было принято Комитетом конгресса 7 июля 1917 г. После многочисленных отсрочек, когда война

окончилась, конгресс был созван в Филадельфии 16 декабря 1918 г., и Шиффа наконец убедили его посетить.

Именно по его личной просьбе в 1919 г. Американский еврейский комитет послал своих представителей в Париж, чтобы помочь, по его словам, «евреям Восточной Европы представить свои требования на мирной конференции».

13 декабря 1918 г. он писал Израэлу Зангвиллу, в предвидении того, как будут сформированы некоторые новые государства: «Сегодня во Францию прибывает президент Вильсон, и мы должны надеяться, что вскоре будет достигнуто соглашение всеми, кто принимал участие в войне и заинтересован в том, чтобы прочный мир установился без лишних дебатов. Надеюсь также, что на мирной конференции уделят самое серьезное внимание еврейскому вопросу и найдут решение, свидетельствующее о том, что все страны, в которых проживают наши единоверцы, особенно маленькие государства – в чье желание поступать по справедливости с национальными меньшинствами я верю слабо, – впоследствии поступят по справедливости с нашими единоверцами *во всех отношениях.* Моя праведница-мать говаривала: «Из горничных, когда они выходят замуж, получаются самые тиранические хозяйки», и это в большой степени относится к так называемым малым государствам. Более того, судя по многочисленным отзывам, положение в Польше и Галиции делается все хуже и хуже, и у наших союзников складывается впечатление, что там не делают серьезных попыток предотвратить погромы и положить конец вопиющему положению. Сейчас я особенно имею в виду антиеврейские бойкоты в Польше, которые проводятся уже ряд лет, принося крайние разрушения и экономический вред еврейскому населению Польши».

2 января 1919 г. Шифф писал Луису Маршаллу: «Я со смешанными чувствами узнал о Вашем решении поехать на Версальскую мирную конференцию в составе делегации Американского еврейского конгресса. Жертва, которую Вы приносите, очень, очень велика во многих отношениях, но дело, ради которого вы идете на жертву, несомненно, достойно ее, и я вполне уверен, что при Ваших больших способностях, Вашей энергии и Вашем большом еврейском сердце никто другой не сумеет так действенно и энергично представить интересы не только американских евреев, но и евреев всего мира».

21 мая Шифф участвовал в большом митинге протеста в Мэдисон-Сквер-Гарден против ужасных зверств, которые, по сообщениям, применялись к евреям Восточной Европы; он послал президенту Вильсону в Париж телеграмму почти в две тысячи

слов, где описывал возмущение, поднявшееся в Соединенных Штатах после сообщений о том, что творится в Польше и на Украине. Он радовался, узнав, что в договор с Польшей, а затем с Румынией и другими странами включили пункт о защите прав национальных меньшинств, и выражал самое щедрое признание тем, кто способствовал их принятию.

В то же время Шифф пришел к выводу, что одним из результатов войны станет разрушение прежних еврейских центров, особенно религиозных и культурных центров в Восточной Европе, и что следует вместо них создать другое хранилище или центр еврейской религии и образования. В речи, произнесенной в апреле 1917 г. на митинге Лиги еврейской молодежи, он, по сообщениям, сказал[54]: «Обдумывая события последних недель, я пришел к выводу, который многих может удивить, – что у еврейского народа должна наконец появиться своя родина. Я не имею в виду, что следует создать еврейское государство, построенное на всевозможных «измах», из которых самым первым был бы эгоизм, а среди прочих – атеизм и агностицизм. Но я верю в еврейский народ и в миссию евреев и верю, что где-то должно быть огромное хранилище еврейской учености, в котором еврейская культура будет развиваться и двигаться вперед, не стесненная материализмом мира, и, возможно, распространит свои прекрасные идеалы на весь мир. Естественно, такой страной должна стать Палестина. Если так получится – а нынешняя война, возможно, приблизила воплощение этого идеала в жизнь, – все создастся не за день и не за год, а тем временем наш долг – поддерживать яркое пламя иудаизма».

В письме Зангвиллу он подробнее разъяснял свою позицию: «Возможно, в свете последних неожиданных событий настало время, когда мы должны всерьез задуматься о создании «еврейского очага» в Палестине. Я имею в виду, подчеркиваю, не еврейское государство, которое, по моему мнению, является утопией, нежелательной и нецелесообразной, но скорее собирание там лучших элементов нашего народа, чтобы предоставить им возможность развивать все, что внешний мир так стремится получить у евреев. Два дня назад у меня была возможность кратко выступить на данную тему на собрании Американской лиги еврейской молодежи, и с тех пор меня заваливают телеграммами и письмами, приветствуя мой переход в сионизм, в чем мои корреспонденты совершенно заблуждаются, ибо мне нравится Сион без всяких «измов».

Примерно в то же время Шифф познакомился с Элишей М. Фридманом, которому писал 15 мая: «Я бы охотно принял

сионизм, если бы не то, что сионизм и еврейский национализм стали синонимами».

И 5 июля: «Хотя я никоим образом не желаю считаться антисионистом, я очень сомневаюсь, что смогу заставить себя реально прийти к сионизму».

В сентябре у него состоялся разговор с Фридманом, содержание которого позже было передано Луи Брэндайсу и Юджину Мейеру-младшему. Когда Шиффу сообщили об этом, он написал:

«25 сентября 1917 г.

Уважаемый м-р Фридман!

Отвечаю на Ваше письмо от 21 числа текущего месяца: Вы совершенно верно выразили мои мысли, сказав Луи Брэндайсу и Юджину Мейеру-младшему, что я придерживаюсь того мнения, что «самая цель сионистского движения подвергается опасности из-за чрезмерного подчеркивания со стороны некоторых – точнее, многих – мысли о независимом еврейском государстве». Именно здесь, по моему мнению, корень всех зол. Меня невозможно убедить в том, что человек способен сохранять верность двум государствам, и даже если такие чистые и возвышенные сторонники американского гражданства, как судья Брэндайс, Мейер, судья Мак, Вы и, несомненно, ряд других людей, никогда не позволят своему американскому гражданству отойти на второе место или даже быть на равных с их еврейскими государственными устремлениями, большинство еврейских националистов в нашей стране считают по-другому…

Точно так же не верю я, несмотря на многочисленные речи сторонников такого подхода, что после недавней мировой войны целесообразно заручиться помощью и согласием великих держав ради учреждения независимого еврейского государства в Палестине; но я верю, что реально заручиться доброй волей Америки, Великобритании и Франции, во всяком случае, в отношении большого притока и расселения нашего народа в Палестине, если по договорам, заключенным после войны, Святая земля перейдет под юрисдикцию Великобритании или Франции. Более того, возможно добиться, чтобы великие державы дали нашему народу гарантию автономии в Палестине, как только количество наших единоверцев там станет достаточно большим, чтобы оправдать такой шаг.

Если такое решение – если хотите, называйте его компромиссом – будет в целом принято сионистами и националистами, по-моему, возможно будет объединить евреев всего мира на основе программы, которая приведет к

устойчивому притоку в Палестину излишков еврейского населения мира. В разработке такой программы я весьма заинтересован и охотно готов к сотрудничеству.

Пишу исключительно с целью разъяснить Вам и Вашим единомышленникам, что у меня на уме. Я понятия не имею, целесообразно ли в настоящее время принимать сделанное мною предложение, и тем не менее остаюсь в Вашем распоряжении, если впоследствии начнется новая дискуссия, о сути которой я написал выше…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Фридман так благожелательно воспринял слова Шиффа, что 28 сентября написал: «Едва ли мне нужно заверять Вас в том, что я считаю за величайшую честь сообщить моим единомышленникам о том, что Вы отождествляете себя… с движением».

Но Шифф не был готов к последнему шагу. 9 октября написал Фридману, что еще не обдумал все как следует, и предложил еще одну встречу. 17 октября он писал Зангвиллу о дискуссии: «Я все больше и больше склоняюсь к автономной Палестине под сюзеренитетом Великобритании, чтобы после войны достаточное число наших единоверцев поехали в Палестину, которая станет их новой родиной. Спустя какое-то время она станет еврейской страной и войдет в состав Британской империи, возможно, так же, как сейчас частью Великобритании является Трансвааль. Ведущие сионисты в нашей стране твердят, что именно к этому они стремятся; но когда я спрашиваю их: «Вы готовы недвусмысленно и публично заявить о своей позиции?» – я сталкиваюсь если не с отказом, то со всякими уловками и отговорками, почему так поступить нельзя. Таким образом, я снова и снова размышляю о восстановления еврейского независимого государства в Палестине и прихожу к выводу, что это сейчас и нецелесообразно, и нежелательно. По-моему, умные сионисты сами все понимают и цепляются за свою точку зрения только для того, чтобы прочнее контролировать своих нынешних последователей, не таких умных и дальновидных, как их лидеры».

20 октября Шифф имел длительную беседу с Фридманом, которую последний воспроизвел по памяти. В целом Шифф повторил свою мысль о создании поселений в Палестине под управлением какой-либо из великих держав. Фридман отметил, что именно английское правительство относится к сионизму самым благоприятным образом. Он считал, что можно будет добиться гарантий того, что, если еврейское население окажется в

большинстве, у евреев появится некоторая форма автономии, а большего нельзя и ожидать. Шифф с удовлетворением относился к словам американских лидеров сионизма о целях своего движения, которые они, правда, высказывали в частных беседах. В разговоре с Фридманом он добавил: если бы лидеры сионистов публично повторяли то же самое, что говорят с глазу на глаз, он стал бы сионистом, но в то же время он понимает, что подобные заявления, сделанные в современной накаленной обстановке, способны оттолкнуть от них часть их последователей. Шифф приветствовал предложение о созыве Международной сионистской конференции – ему не нравилось слово «конгресс», – в которой могут принять участие все евреи, независимо от того, каковы в прошлом были их политические убеждения. Под последним он имел в виду, что не следует препятствовать и бывшим гражданам воюющих стран. Эту конференцию, по его мнению, следовало созвать до начала мирных переговоров и сформулировать четкую программу, которую необходимо было представить мирной конференции; он выразил свою готовность подписать призыв к такой конференции.

Все вышесказанное подтверждено письмом Фридмана к Шиффу. Получив письмо, Шифф повторил свои возражения против национализма:

«26 октября 1917 г.

Уважаемый мистер Фридман!

…Устное заявление, которое я сделал, когда имел удовольствие принимать Вас у себя в прошлую субботу, и из которого Вы повторили мои робкие указания, обобщенные в Вашем письме, было правильно Вами понято, кроме того, что, как мне показалось, я вполне четко выразился: необходимо исключить все, что поставит под сомнение независимые национальные права еврейского народа и что в странах проживания диаспоры можно истолковать как призыв граждан иудейского вероисповедания становиться гражданами другого государства, помимо того, которому они, например американские евреи, обязаны хранить политическую верность. Позвольте просить Вас сообщить содержание этого письма тем, кому, как Вы говорите, Вы вкратце передали беседу, которая состоялась у нас с Вами в прошлую субботу, а также всем остальным будущим участникам предлагаемой конференции…»

Конференция состоялась 2 ноября; за ней последовали другие конференции и переписка. Очевидно, именно тогда Шифф ближе всего подошел к мысли о вступлении в сионистскую организацию:

«3 декабря 1917 г.

Уважаемый судья Мак!

Ваше письмо от 25 ноября я получил, вместе с вложениями, в числе которых послание к ведущим английским сионистам, ставшее в его окончательной форме результатом продолжительных консультаций и дискуссий между Луисом Брэндайсом, Вами, Юджином Мейером-младшим, Элишей Фридманом и мной и… получившее мое одобрение. Различные заявления в

Вашем письме я прочел внимательно и в целом согласен с ними, но мне кажется, что здесь будет уместно изложить мотивы, которые побуждают меня согласиться вступить в Сионистское движение.

Хотя я долго считался противником сионизма, мои возражения касались не сионизма как такового, но предложения восстановить независимое политически и суверенное еврейское государство в Палестине. Наоборот, я часто и много лет пользовался любым случаем для того, чтобы публично выразить свое признание заслуг сионизма в развитии у нашего народа так необходимого ему самосознания, в возвращении в лоно иудаизма многих из тех, кто собирался его покинуть, даже некоторых из тех, кто, в сущности, отказался от своих еврейских корней. По-моему, именно это составляет и еще долго будет составлять главную ценность сионистского движения. Я возражал, повторяю, не против сионизма как такового, а против так называемого еврейского национализма, попытки восстановить в Палестине независимое еврейское государство не с целью сохранения еврейского народа как хранителя своей веры, но главным образом по политическим мотивам… Как ни твердо я убежден в том, что нельзя считать евреем человека, который отрицает иудейское понимание Божества и не верит, что только в силу своей религии еврейский народ имеет право продолжать существовать как единое целое, я не могу поддерживать переселение евреев в Палестину, если в этой попытке религиозный мотив будет отодвинут на задний план.

Позвольте обратить Ваше особое внимание на речь, которую я произнес перед обществом «Менора» в Городском колледже Нью-Йорка в январе 1914 г. В той речи я более подробно выразил то, о чем пишу сейчас. Поскольку в той речи я изложил свои взгляды на сионизм, Сионистская организация перепечатала ее и распространяла в качестве своей пропаганды, хотя и вычеркнув из нее мои слова о неприятии мной национализма. Теперь, как и тогда, я твердо придерживаюсь мнения… что любая попытка

переселения евреев в Палестину не увенчается успехом, если сионизм не примет иудаизм как свою главную доктрину. Хотя я понимаю, что большие перемены, которые уже повлекла за собой страшная мировая война, и еще большие перемены, которые, скорее всего, вызовет ее окончание, должны подтолкнуть евреев собраться вместе, чтобы договориться об изменении к лучшему своего печального положения во многих странах и преодолеть разобщение в своих рядах, которое, к сожалению, зашло так далеко. Всего вышесказанного, как я понимаю, наилучшим способом можно достичь при помощи Сионистского движения и воплощения в жизнь так называемой Базельской программы.

Благодаря революции в России, одной из положительных черт которой стала отмена так называемой черты оседлости, несколько миллионов евреев, до тех пор вынужденные ютиться в черте оседлости, получили право уехать и селиться в местах по своему выбору, и нет сомнений в том, что после восстановления порядка в России ее еврейские обитатели постепенно расселятся по всем огромным российским владениям. Хотя в целом такое положение кажется желательным, в то же время это, вероятно, положит конец развитию еврейской культуры и еврейских идеалов, которые производила черта оседлости, потому что черта оседлости вынужденно – пусть даже в результате несправедливых и деспотических законов – стала своего рода еврейским центром, из которого евреи всего мира в значительной степени черпали духовные силы, всегда нужные для продолжения существования.

К таким взглядам я пришел прошлой весной, после начала русской революции; я воспользовался первым удобным случаем, чтобы публично высказать свои убеждения о желательности поисков еврейской родины – и Палестина становится тут вполне логичным выходом, – где еврейский народ снова смог бы развиваться по своим собственным законам, в собственной атмосфере еврейской жизни и идеалов в их чистоте, и снова стать центром, из которого евреи по всему миру смогут черпать религиозное вдохновение и развиваться. В результате продолжительных дискуссий с лидерами Сионистского движения и долгих переговоров я решил подписать поздравительное послание лорду Ротшильду и другим ведущим английским сионистам после декларации, сделанной недавно правительством Великобритании, и сходных заверений других стран Антанты. Это послание, окончательный текст которого стал результатом длительного и тщательного размышления… вместе с данным письмом к Вам можно считать основой, на которой я готов вступить в ряды сионистов, прекрасно сознавая, однако, что в этом всемирном движении представлены многие сильно

различающиеся между собой взгляды и концепции.

Если во всем вышесказанном меня хорошо поняли Вы и Ваши помощники, стоящие во главе Американской сионистской организации, я со своей стороны согласен принять Ваше любезное приглашение и вступить в ряды Университетского сионистского общества. Пользуясь случаем, благодарю Вас и других, с кем я, как и с Вами, имел дискуссии, за проявленные ко мне снисходительность и терпение.

Остаюсь

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Он снова пишет на данную тему Зангвиллу 12 декабря: «Как Вы справедливо предположили, декларация Бальфура по Палестине, о которой Вы сообщали мне в прошлом письме, стала достоянием гласности и не только вызвала широкое одобрение, но и стала предметом важной дискуссии. Несколько дней назад, после падения Иерусалима и перехода Священного города в руки Великобритании, не может быть сомнений, что дело сионизма далеко продвинулось вперед, и нам нужно молиться, чтобы Палестина больше никогда не выходила из сюзеренитета Великобритании.

Как я, кажется, уже Вам писал, я уже несколько месяцев веду активные переговоры с Луисом Брэндайсом и другими сионистскими лидерами, которые хотят, чтобы я официально принял сионизм и вступил в эту организацию. Я считаю, что мы пришли к полному взаимопониманию по всем жизненно важным пунктам, кроме того, что я хочу, чтобы мне позволили недвусмысленно высказать свою точку зрения. Я не вижу никакого разумного основания для появления в Палестине еврейского государства, чьим краеугольным камнем не являлся бы иудаизм, как не считаю я евреем человека, который не желает признавать иудейской концепции Бога. Если в конце концов мне не позволят сделать это заявление одновременно с моим вступлением в Сионистскую организацию, мне придется отказаться от вступления, ибо я ни на секунду не желаю выставлять себя в смешном виде, игнорируя в такой важный момент то, что я всегда считал и продолжаю считать основой всей моей жизни».

15 января 1918 г. он писал Зангвиллу: «Прилагаю копию письма, которое я около шести недель назад написал судье Маку; в нем все объясняется. Я по-прежнему стою у ворот, так как сионистские лидеры не сумели найти способ принять меня в свою организацию на основе деклараций, содержащихся в этом

письме».

И в тот же день он написал Луису Маршаллу: «Посылаю Вам дубликат письма, которое я направил судье Маку в ответ на приглашение, присланное мне несколько недель назад, вступить в Университетское сионистское общество. По нему до сих пор не предпринято никаких дальнейших действий, хотя судья Мак после первого приглашения еще раз предложил мне вступить в Сионистскую организацию… от чего я отказываюсь до тех пор, пока мое письмо не признают официально и не обнародуют».

С разных сторон предпринимались попытки убедить Шиффа изменить некоторые формулировки в своем письме, но он отказался и 24 января 1918 г. отозвал его:

«Уважаемый судья Мак!

Не получив никакого официального ответа на письмо, которое я направил Вам 3 декабря – более семи недель назад, – а 27 ноября я просил Вас предать мое письмо огласке… должен признать, что по форме и по содержанию мое письмо от 3 декабря остается неприемлемым для Вас и Ваших коллег из Американской сионистской организации. Поэтому, из самоуважения, я вынужден отказаться… от Вашего приглашения вступить в ряды Университетского сионистского общества. Позвольте в то же время заверить Вас и Ваших друзей, что, хотя я не вступлю в эту организацию, моя позиция относительно сионистского движения, которая Вам известна и которую я, более того, недавно объяснял публично, остается неизменной.

С наилучшими пожеланиями…

Джейкоб Г. Шифф».

26 апреля 1919 г., когда исход мирной конференции оставался неясным, он опубликовал в журнале «Нейшн» статью под названием «Необходимость родины для евреев», в которой, обозначив потребность какого-то выхода для эмиграции из стран Восточной Европы и ограничения въезда в страны Запада, он выразил надежду, что благодаря ирригации и другим современным методам ведения хозяйства Палестина могла бы, при мягком руководстве Великобритании, в конечном счете снова стать «страной, текущей молоком и медом» и представлять «источник еврейской учености и дальнейшего развития еврейской литературы».

Израэлу Фридлендеру, который поздравил его со статьей, он писал 28 апреля 1919 г.: «Относительно Вашего желания, чтобы Сионистская организация получила «полное преимущество», как Вы выражаетесь, моего сотрудничества: последнее зависит не от

меня, а от руководителей Сионистской организации, с которыми, как хорошо известно их лидерам, я давно готов сотрудничать, как только они оставят свои политические устремления и силы организации будут отдаваться практической и гораздо более важной работе по превращению Палестины в «очаг» для тех наших собратьев, кто хочет там поселиться, предоставив политические амбиции и убеждения своим потомкам и тем евреям, которые тогда будут фактически проживать в Палестине».

О том, что он и далее хотел поддерживать образовательную работу в Палестине, свидетельствует письмо Маку от 26 декабря 1918 г.: «В соответствии с достигнутой нами договоренностью настоящим подтверждаю, что намереваюсь сделать взнос в фонд Сионистской организации, который она создает для помощи общему образованию и сходным целям в Палестине, в размере 25 тыс. долларов… как только на счете указанного фонда соберется не менее 1 млн долларов. Предложение 25 тыс. долларов с моей стороны ограничено сроком до 1919 г. и потеряет силу в случае моей смерти до того, как сумма будет подлежать передаче, в соответствии с приложенными условиями».

Другая сторона согласилась с предлагаемыми условиями, и обещание было выполнено 10 июля 1919 г.

14 декабря 1919 г. Шифф созвал в Нью-Йорке конференцию, на которой сделал следующее заявление: «Я созвал вас после того, как судья Брэндайс и судья Мак, придя ко мне, сообщили, что Сионистской организации в нынешнем году требуется 10 млн долларов для восстановительных работ в Палестине, каковую сумму организация намеревалась срочно собрать у американских евреев. Я сразу же заявил: мне представляется очень вредным, когда американских евреев просят одновременно вносить деньги на восстановление Палестины и на помощь их собратьям в странах Восточной Европы через Еврейский распределительный комитет («Джойнт»)… Я предложил устроить дискуссию… чтобы проверить, не целесообразнее ли объединить кампанию Распределительного комитета («Джойнт») и Сионистской организации, чтобы они не страдали от одновременных, но раздельных кампаний…

Мы не можем вечно продолжать то, что, в конце концов, является не чем иным, как раздачей милостыни, и в значительной степени доводит до нищеты наших несчастных единоверцев на Ближнем Востоке; не за горами то время – если оно уже не пришло, – когда придется обдумать более серьезный и куда более важный вопрос, а именно, как вернуть евреев на Восток и снова поставить их на ноги. Пора американским евреям забыть о разногласиях, которые в этом отношении так давно их разделяют,

и объединиться с теми, кто до сих пор специализировался на сионистской проблеме. Тогда, объединившись, они вместе найдут решение еврейского вопроса, несмотря на все его огромные трудности. Они найдут решение, которое устроит всех и краеугольным камнем которого, по-моему, является Палестина».

Поскольку две кампании объединить не удалось, Шифф обратился к американским евреям со специальным посланием о строительстве в Палестине[55]. 16 января 1920 г. он писал Паулю Натану: «Возможно, Вам интересно будет услышать напрямую от меня, что *я не вхожу* в Сионистскую организацию и что мои отношения с сионистской деятельностью сводятся к следующему: я сочувствую делу восстановления Палестины, имея в виду учреждение там еврейского «очага» под эгидой Великобритании, но я нисколько не заинтересован в политике сионизма и создании еврейского государства».

В мае Шифф внес пожертвование в Еврейское колонизационное общество. Одним из последних поступков его жизни стала посылка 17 сентября 1920 г. телеграммы сэру Герберту Сэмюэлу, тогда высокому комиссару Великобритании, в ответ на запрос, можно ли разместить в Америке значительный заем на восстановительные работы в Палестине: «Поскольку предлагаемый Палестинский заем является по существу заимствованием, он нуждается в гарантии правительства Великобритании и, чтобы успешно разместить его здесь, должен быть произведен в долларах. Буду рад предоставить любое содействие. Сомневаюсь в выполнимости в настоящее время получения займа без гарантии».

Глава 18

Семья играла большую, возможно, даже самую большую роль в жизненной философии Шиффа. Хотя Атлантический океан отделял его от европейских родственников, он всегда поддерживал с ними тесную связь путем переписки и частых визитов. Братьев, сестру и их семьи он считал близкими родственниками, и они часто упоминаются в его письмах.

Для человека с такими развитыми родственными чувствами было вполне естественно, что его тесть, Соломон Лёб, в течение жизни образовал центр своей семейной группы, и Шифф не мог выказывать большего уважения и любви к Лёбу, будь тот даже его родным отцом. Так же крепко Шифф был привязан к братьям своей жены, Моррису и Джеймсу Лёбам. 27 мая 1886 г. он писал Касселю, что «Джеймс превосходный студент и всегда сдает экзамены с наивысшими баллами; Моррис, старший брат, решил стать ученым». Айзек Зелигман, женатый на его свояченице, Гуте Лёб, был еще одним его близким родственником. В письме президенту Элиоту Шифф называет его человеком «прекрасных душевных качеств и большого личного обаяния». Пол Варбург и его жена, Нина Лёб, также принадлежали к кругу близких друзей Шиффа.

После смерти тестя и тещи главой обеих семей фактически стал Шифф. Именно в его доме собирались все родственники. По пятницам к нему съезжались дети, сестры и братья м-с Шифф и другая родня. Перед ужином он читал субботнюю вечернюю молитву, и после этого растущая семья садилась за стол. Вечерняя трапеза завершалась его благословением, которое, однако, не ограничивалось только Шаббатом.

Сила его семейного чувства выражена в письме от 10 ноября 1890 г., в котором, объяснив, что он отдает большую долю своего времени общине, Шифф добавлял: «Но есть мой долг по отношению к жене и детям, который, по-моему, даже выше, чем мой долг перед общиной. Я положил за правило проводить вечер пятницы исключительно с семьей, от чего ни при каких обстоятельствах не могу уклониться».

На следующий год он писал другу: «Я уделяю своей семье чрезвычайно мало времени и часто вынужден укорять себя в том, что, пытаясь быть справедливым к другим, я несправедлив к самым своим близким».

Не проходило и дня, когда бы он не интересовался делами всех членов своей семьи.

При его сильно развитых родственных чувствах он заботился

о том, чтобы у его близких было достойное жилье. До 1884 г. Шиффы обитали в доме 35 по 57-й Западной улице, а потом переехали в новый дом по адресу: Пятая авеню, 932. Каждая подробность строительства и меблировки обсуждалась с предельной тщательностью – система отопления, трубы, ковры, часы подвергались подробнейшим его указаниям. Когда женился его сын, этот дом был передан молодоженам, а Шифф с супругой в декабре 1901 г. переехали в дом 965 по Пятой авеню.

В 1891 г. Шифф купил летнюю резиденцию на Рамсон-роуд, в окрестностях Си-Брайт (Нью-Джерси). Особняк стоял в парке размером около пятидесяти акров. В 1898 г. его перестроили и расширили. Позже Шифф купил большое имение на другой стороне Рамсон-роуд, бывший гольф-клуб, чья территория простиралась до реки Шрусбери. У него была крупная ферма, доставлявшая ему большую радость; он любил показывать гостям скот, сад, дорожки, красивую аллею из посаженных им деревьев. Его гостеприимство поражало воображение; он помнил о вкусах и особенностях каждого из тех, кто приезжал к нему в гости. Рано утром он выходил в сад и лично срезал каждой женщине в доме розу или другой цветок по сезону.

Он ревностно охранял квартал от незваных гостей и был активным членом «Ассоциации жильцов Рамсон-роуд». Во многом благодаря его стараниям улица стала одной из самых красивых в стране. Много лет Шифф ездил из Нью-Йорка в свое загородное поместье на судне «Сэнди Хук», где у него имелась отдельная каюта; там он встречался с друзьями, а иногда устраивал деловые встречи.

После 1903 г. у него появилась привычка проводить август и начало сентября в Бар-Харборе (штат Мэн), что наряду с его поездками в Европу составляло его отпуск. Даже живя на Рамсон-роуд, он пять дней в неделю ездил в Нью-Йорк. Шифф особенно радовался тому, что недалеко от его владений находился летний дом президента Элиота, и два семейства часто ходили друг к другу в гости. Его восхищение побережьем Мэна выражено в следующем письме:

«Нью-Йорк,
11 апреля 1918 г.
Дост. Суогару Шерли,
Председателю Комитета по ассигнованиям палаты представителей,
Вашингтон (округ Колумбия)
Уважаемый сэр!
Позвольте написать относительно ассигнований на текущий

год, которые, насколько я понимаю, рекомендовал сделать секретарь Департамента внутренних дел Лейн для охраны и развития национального монумента Сьер-де-Монт на острове Маунт-Дезерт. Последние пятнадцать лет в летний сезон я проживаю на острове Маунт-Дезерт; посетил почти все уголки острова и в своих путешествиях по всем Соединенным Штатам и зарубежным странам не встречал более привлекательного природного заповедника, чем остров Маунт-Дезерт. Я искренне верю, что остров – один из лучших даров Всевышнего жителям Соединенных Штатов, и только справедливо, чтобы они оказались достойными такого дара, заботясь о его надлежащих защите и сохранении.

Поэтому хочу поздравить правительство, которое взяло на себя заботу о большей части острова и распорядилось превратить его в национальный парк; остается надеяться, что государство позаботится и о надлежащем содержании вновь созданного парка на скромные расходы, которые могут потребоваться, чтобы парк стал истинной радостью для посетителей и служил на пользу жителям нашей страны, все больше которых посещают его. Хотелось бы, чтобы государство приняло меры по защите парка от лесных пожаров, которые, насколько я понял, бывают очень велики. Позвольте поэтому заручиться Вашей поддержкой, за которую Вам, помимо меня, благодарны все, кто близко к сердцу принимает здоровый и полезный отдых на лоне природы…

С уважением,

Джейкоб Г. Шифф».

Хотя он с большой неохотой относился к предложениям назвать что-то в честь него при его жизни, он согласился с тем, чтобы новую тропу на вершину горы Драй-Маунтин назвали в его честь, получив такое предложение от Джорджа Б. Дорра из Бостона. Его согласие было получено 17 мая 1920 г. К сожалению, тогда он уже не имел возможности наслаждаться пешими прогулками, которые он раньше так любил.

Его привязанность к Франкфурту сохранялась и поддерживалась частыми поездками к оставшимся там членам его семьи. Кроме того, он активно поддерживал тамошние благотворительные учреждения. Шифф основал благотворительные фонды в память своих родителей в сиротском приюте и больнице еврейской общины. Кроме того, он помогал университету, музеям и другим учреждениям, которые принадлежали городу в целом.

В любви к Франкфурту Шиффа поддерживала его жена; она через мужа подарила украшения для главной синагоги города.

Пересылая подарок, 11 августа 1902 г. он писал: «Те же чувства, которые, несмотря на мое долгое отсутствие в родном городе, я сохраняю по отношению ко всему, что составляет его наивысшие интересы, побудили мою жену выразить со своей стороны почтение, которое поддерживается в нашей семье к нашим корням. Ей кажется, что самым приемлемым способом, каким она может выразить свои чувства, является приношение Господу в том священном месте, где веками молились наши предки».

Шифф любил путешествовать. Он пять раз пересекал Американский континент, совершил двадцать поездок в Европу, дважды посетил Ближний Восток. Находясь в Америке и Европе, он часто предпринимал длительные автомобильные поездки. В те дни, когда только зарождалось воздухоплавание, он отважился подняться в воздух на цеппелине и потом описывал друзьям свои впечатления. При его консервативном складе характера полет на цеппелине стал очень смелым поступком. Шифф любил старину и с большой неохотой сменил упряжку лошадей на автомобиль. 22 сентября 1904 г. он писал Сэмюэлу Ри: «Я никогда не пользуюсь машиной, если это не служит соображениям удобства, и даже в таких случаях всегда испытываю неприятное чувство и радуюсь, когда выхожу из автомобиля. Вы, несомненно, слышали рассказ о человеке, который заставил своих детей идти по рельсам, потому что решил, что теперь там безопаснее, чем на дороге общего пользования».

Поскольку его сестра и братья жили в Европе и поскольку там же были сосредоточены многие его деловые и прочие интересы, Шифф часто совершал поездки за границу. В 1877 г., когда его мать была еще жива, он посетил ее с молодой женой и маленькой дочерью; они поехали во Франкфурт, где их ждал великолепный прием. Их визиты часто повторялись.

В 1911 г., во время одного из приездов Шиффа в Германию, с ним выразил желание познакомиться император. Камергер двора А. Эйленбург 30 мая телеграфировал Шиффу: «Его величество кайзер желает принять Вас… 3 июня, в 12 часов пополудни. Прошу сообщить, можете ли Вы продлить свое пребывание в Берлине».

О том, что встреча состоялась, свидетельствует телеграмма, посланная Шиффу 26 июня 1911 г. из яхт-клуба Киля Альбертом Баллином, который, очевидно, находился на борту личной яхты кайзера: «Его величество кайзер просил меня передать Вам свой самый теплый привет и заверить, что знакомство с Вами стало для него большим удовольствием; он с радостью вспоминает беседу с Вами. Присоединяю и свои сердечные приветы».

19 июля Баллин снова упомянул приятные воспоминания

кайзера об их беседе, о которой в архиве Шиффа записей не сохранилось. Однако 18 июня он писал Касселю из Тироля: «И в немецких, и в американских газетах подняли большую шумиху относительно моей аудиенции у кайзера. В статьях множество всяких домыслов, о чем я очень сожалею, так как боюсь, что кайзер может неверно истолковать эти газетные сплетни, если к ним привлекут его внимание».

Самая тесная дружба и самые близкие отношения за пределами семейного круга установились у Шиффа с Эрнестом Касселем[56]. Кассель, родившийся в Кельне пятью годами позже Шиффа, обосновался в Англии. В некоторых отношениях он походил на Шиффа: он также сделал чрезвычайно успешную финансовую карьеру и активно занимался благотворительностью. Однако во многих других отношениях они диаметрально расходились. Шифф был почти пуританином в своих привычках; он не курил, не играл в карты, не интересовался скачками и какими-либо видами спорта. Не то чтобы он не одобрял такие развлечения; но, помимо бизнеса и филантропической деятельности, он был человеком по преимуществу домашним, склонным брать на себя многочисленные обязанности и обязательства. Хотя Касселя также отличало сильно развитое чувство долга по отношению к своим близким, он не чуждался и радостей светской жизни. Он был спортсменом и входил в кружок близких друзей короля Эдуарда, когда тот еще был принцем Уэльским. Дружба Касселя с Эдуардом продолжалась и после того, как Эдуард взошел на престол. Кассель получал награды из рук королевы Виктории, короля Эдуарда, а также от нескольких иностранных правительств. Король крестил его внучку, теперь леди Луи Маунтбаттен.

Леди Оксфорд (Марго Асквит) называет Касселя «человеком властным по натуре, который, несмотря на скромное происхождение, стал финансистом богатых и знатных людей. Он не любил светской болтовни и сплетен; держался с достоинством, властно и мудро; он был наделен редким даром любить тех, о ком он заботился». Сэр Сидни Ли записал один анекдот, который ярко характеризует положение Касселя в Англии: однажды, выйдя из театра, король Эдуард спросил еще одного своего близкого друга, маркиза де Совераля, видел ли тот пьесу под названием «Как важно быть серьезным», главного героя которой зовут Эрнестом, и получил ответ: «Нет, сэр, зато я знаю, как важно быть Эрнестом Касселем!»

Вспоминая о 6 мая 1910 г., последнем дне жизни короля Эдуарда, сэр Сидни пишет: «Он пригласил к себе своего старого друга, сэра Эрнеста Касселя, в 11 часов, но, ввиду тяжести

состояния короля, сэру Эрнесту передали, что король плохо себя чувствует и не сможет его увидеть. Однако король настоял на том, что встанет, как обычно, и спросил, где его друг. Сэру Эрнесту тут же отправили второе послание, прося его приехать. Даже в тот день короля не покинула его обычная учтивость; несмотря на тяжелую болезнь он встал, чтобы приветствовать старого друга. «Я знал, что вы меня не подведете», – сказал он.

Они немного поговорили о дочери сэра Эрнеста, но вскоре стало очевидно, что силы страдальца убывают. Сэр Эрнест попрощался, понимая, что видит короля в последний раз».

31 мая 1910 г. Шифф писал Касселю: «Прекрасно понимаю, каким тяжелым ударом стала для Вас кончина Вашего доброго друга короля Эдуарда. В газетах пишут, что Вы навестили его за день до его смерти, и надеюсь, что Ваш поступок еще долго будет оставаться для Вас источником радости, а также что король Георг после своего отца продолжит дружбу с Вами».

Шиффа и Касселя познакомил общий друг, Луи Маркс; после смерти последнего, 16 февраля 1902 г., Шифф писал Касселю: «Я не могу забыть, что мы познакомились именно через него, благодаря ему я приобрел многолетнего друга и надеюсь, что наша дружба продлится еще много лет».

Судя по всему, их первая встреча состоялась весной 1829 г. В письме Касселю из Вены 15 апреля 1894 г. Шифф спрашивает: «Знаете ли, что вскоре будет пятнадцать лет, как мы с Вами встретились в первый раз? Срок долгий, но будем надеяться, что он составит лишь краткую часть того времени, в какое продолжится наша дружба. Я всегда сознаю, что более верного друга, чем Вы, у меня не было, и не считаю необходимым… выражать свои чувства к Вам».

Такие слова от обычно сдержанного человека значат очень многое; привязанность, которую Шифф сохранял к Касселю, была такого рода, которая понимает все, все прощает, на все закрывает глаза.

Начиная с 1880-х гг. и на протяжении сорока лет Шифф и Кассель постоянно переписывались. В письмах обсуждались семейные дела, личные и общественные проблемы, деловые интересы. Оба регулярно и подробно пишут о состоянии здоровья всех членов семьи; Шифф заботливо интересуется делами всех родственников Касселя. Когда заболевал кто-либо из их близкой родни, они обменивались телеграммами. Более того, каждое семейное происшествие становилось поводом для обмена письмами и телеграммами, и следующие свидетельства их дружбы, взятые из писем, главным образом выражают их отношение к тем или иным событиям в жизни друг друга.

Кассель заказал известному скульптору О. Сент-Годенсу барельеф с изображением двух детей Шиффа; очевидно, работа началась в 1882 г. Этот барельеф упоминается во многих письмах. 18 июля 1883 г. Шифф написал Касселю: «Обещаю со своей стороны держать Вас в курсе дела… я очень благодарен Вам за доброту, которую Вы выказываете нам в этом и во всех других делах».

15 сентября 1885 г.: «Сейчас у нас здесь почти не остается свободного времени, так как мы должны благодарить друзей и родных за их теплый прием. В ближайшее время моя жена будет очень занята обстановкой нашего нового дома. Вчера мы осмотрели свое новое жилье, которое нам очень понравилось. Оно светлое, просторное, в нем много воздуха.

Барельеф с изображением детей уже на месте; это настоящее произведение искусства. Конечно, для нас он ценен прежде всего тем, что всегда будет напоминать нам о великодушном дарителе, которого мы с гордостью называем своим другом».

И 12 октября 1885 г.: «Ваше любезное письмо от 29 сентября, из которого мы узнали, что Вы вернулись в Англию, доставило нам много радости. Я напишу Вам сейчас лишь о семейных происшествиях, а о делах – в завтрашнем письме. С прошлой недели мы вернулись в город и до тех пор, пока не сможем переехать в наше новое жилище, раскинули свои шатры в отеле «Бекингэм». Надеюсь, скоро Вы приедете к нам в гости. Мы сразу же прикажем обставить комнаты для Вас и Страззуло (камердинер Касселя. – *Авт.)*. Мы постараемся, чтобы Вам было у нас удобно. Пока не знаю, сколько времени мы сможем пробыть у Вас в Уолуорте».

По большей части письма к Касселю написаны Шиффом собственноручно; он считал, что только так можно сообщаться с близким другом. 8 октября 1886 г. он написал: «Ваши доброта и дружба поистине не знают границ». 2 июня 1889 г.: «Лишь несколько слов, чтобы рассказать Вам о библиотечном кресле, которое я заказал для Вас. Это диковинка, сработанная из окаменелого дерева, образцы которого в небольшом количестве найдены в Аризоне. Я не знал, где Вам больше захочется держать такое кресло, в поместье Комптон-Верни или в Лондоне, поэтому я приложил уведомление о поступлении, посланное на Трогмортон-стрит, чтобы Вы могли перевезти его, куда пожелаете».

30 декабря: «Не хочу провожать год, не послав Вам мои поздравления, которые завтра я передам Вам также телеграммой. Нам не требуется специального случая, чтобы выразить друг другу наилучшие пожелания. При мысли о том, что у меня есть

такой близкий и верный друг, во мне пробуждаются самые теплые чувства, и позвольте еще раз заверить Вас, что, за исключением моей семьи, ничто не доставляет мне такой радости, как Ваша дружба. Пусть Новый год принесет Вам и Вашим близким здоровье и счастье.

Меня известили о двух посылках от Вас, которые находятся на таможне. Их доставят через несколько дней, за что я сердечнейшим образом благодарю Вас. Моя жена напишет Вам обо всем лично. Кроме того, предоставляю ей побранить Вас за то, что Вы балуете нас».

Они собирались провести вместе часть лета 1890 г., и 10 июля Шифф писал: «Получил Вашу телеграмму относительно наших совместных путешествий и послал ответ в Берлин. Мы предпочли бы провести с Вами весь август, где Вы пожелаете».

Случай, который углубил их дружбу и придал ей почти священный характер, произошел в окрестностях Шамони, во Французских Альпах, 7 августа того же года. Две семьи – Шифф с женой, двое их детей и Кассель с сестрой и ее сыном – совершали восхождение на гору, когда дочь Шиффа Фрида поскользнулась и упала в глубокую расщелину. Ни секунды не колеблясь, Кассель прыгнул к девочке, которая сломала ключицу, и спас ее от более серьезных травм. Шифф собирался прыгнуть следом за ним, но племянник сэра Эрнеста, Феликс Кассель, тогда шестнадцатилетний мальчик, удержал его. Такая преданность закрепила дружбу Шиффа и Касселя и узы привязанности между их близкими. После несчастного случая в Лондон из Европы потоком шли телеграммы и письма, извещающие Касселя о постепенном выздоровлении девочки. 5 сентября Шифф писал из Франкфурта: «Я телеграфировал Вам из Рагаца, что, после того как сняли повязку, плечи Фриды выглядят нормально. Благодарю за Ваши любезные поздравления. Они для нас дороже, чем чьи бы то ни было, дорогой друг, ибо Вы пережили волнение вместе с нами. Теперь мы понимаем, как должны благодарить доброе Провидение за чудесное спасение нашего ребенка. Фрида снова чувствует себя хорошо, слава богу, и может двигать рукой, как прежде».

В годовщину этого события, в 1891 г., Шифф писал Касселю:

«Милый, дорогой друг!

Всю неделю мы вспоминали прошлый год и так часто мысленно были с Вами, что я не могу пропустить годовщину нашего путешествия в Мер-де-Глас, не написав Вам несколько строк. Мои близкие и я счастливы, что дружба, которая нас связывает, крепнет с каждым годом. Сегодня я снова выражаю

нашу благодарность за то, что Вы сделали для моей дочери 7 августа 1890 г., когда Господь спас нашу Фриду… и во второй раз подарил ее нам. Сама Фрида разделяет наши чувства, и ее юное сердечко полно благодарности к Вам…»

На следующий год Шифф написал: «Сегодня вторая годовщина происшествия в Шамони. Мы весь день думаем о Вас, и я понял, что непременно должен послать Вам несколько строк. Сейчас, когда я пишу, Фрида стоит рядом со мной и просит: «Передай м-ру Касселю, что для меня он самый любимый человек на свете». Надеюсь, Вы понимаете, какие чувства она к Вам испытывает».

И еще через два года Шифф написал из Зальцбурга: «Я не хотел пропустить 7 августа, не послав Вам привета. События четырехлетней давности очень живо стоят перед нашими глазами, и мы еще раз благодарим Всевышнего за то, что Он во второй раз подарил нам нашего ребенка. Годовщина этого дня снова напоминает нам, скольким мы Вам обязаны; надеемся, что Ваш ребенок всегда будет оставаться в добром здравии».

20 марта 1895 г., после того как Фрида вышла замуж, Шифф послал Касселю телеграмму от имени молодоженов: «Фрида и Феликс Варбург на заре своей семейной жизни шлют Вам и Вашим близким свою любовь, искренне благодарят за добрые пожелания и чудесный подарок. Большое спасибо за добрые пожелания и дружбу, какую Вы выказываете нашим счастливым детям».

4 июня 1899 г., когда Касселя должны были посвятить в рыцари, Шифф написал: «Вы знаете, как радуемся мы всему хорошему и доброму, что происходит с Вами, и я очень признателен, что Вы телеграммой сообщили мне об этом знаке признательности. Мы уже передали наши поздравления по телеграфу, и я еще раз хочу заверить Вас в том, как мы рады за Вас».

24 сентября: «Снова шлю Вам поздравления по случаю официального возведения в рыцарское достоинство, которое, как Вы написали, произошло перед Вашим отъездом в Швейцарию. Отрадно сознавать, что к Вам пришло заслуженное признание».

После 25-й годовщины своей свадьбы:

«14 мая 1900 г.

Дорогой друг!

На прошлой неделе мне удалось выкроить время только для того, чтобы написать Вам несколько строк в благодарность за Ваши поздравления по случаю нашей серебряной свадьбы. Сейчас я хочу их повторить. Как Вы обо всем узнали, я пока не понял, ибо

мы старались сохранить нашу серебряную свадьбу в тайне даже от наших друзей и родных в Нью-Йорке. Мы даже специально уехали за город. Но, как говорится, человек предполагает, а друзья располагают, и мы получили множество дружеских поздравлений по почте, телеграфу и пр… Предоставляю Фриде и Феликсу, которые едут в Европу тем же пароходом, что и это письмо… рассказать Вам о том, как мы праздновали, что было замечательно. Ваш чудесный подарок нас порадовал. Кроме того, мы очень признательны Вам и Моди (дочь Касселя. – *Авт.)* за добрые слова и пожелания, посланные нам по телеграфу, и моя жена просит передать слова благодарности за выражение Вашей дружбы.

Теперь у Вас появится возможность познакомиться с третьим поколением нашей семьи. Хотя такие маленькие создания представляют интерес только для самых ближайших родственников, мне бы хотелось, чтобы наши внуки, когда они вырастут и поумнеют, знали, какой Вы для нас близкий друг…»

После того как Касселя ввели в состав Тайного совета, 7 июля 1902 г. Шифф писал: «Для всех нас стало приятным сюрпризом, когда мы узнали, какая Вам оказана честь. Я уже передал наши поздравления по телеграфу. Знайте, едва ли найдутся те, кто радуется за Вас больше, чем мы с женой и детьми. Желаю Вам дальнейших успехов и всего самого наилучшего в жизни».

Любопытное воспоминание о тех днях, когда делался барельеф, можно найти в письме от 9 июня 1903 г.: «Фрида и Феликс пишут о том, какое огромное удовольствие они получили от частых встреч с Вами и Вашими дамами. Я очень рад, что Фрида с детских лет сохранила свою привязанность к Вам. На прошлой неделе я впервые за много лет увидел Сент-Годенса; он очень заботливо спрашивал о Вас, о Фриде и Морти, «ваших детях, чье терпение так я так испытывал в моей студии несколько лет назад». Я напомнил ему, что его «несколько лет назад» охватывает период в двадцать лет и что у детей, о которых он говорит, уже есть свои дети – одному из них почти столько же, сколько было Фриде, когда он делал барельеф. Да, дорогой друг, мы стремительно движемся вперед, но такова жизнь, и мы оба постараемся получить от жизни все, что можно, пока Бог дарует это нам».

Осенью 1903 г. Шифф и Кассель с семьями собирались вместе отправиться в путешествие по Ближнему Востоку и Италии. 30 сентября Шифф написал: «Лорд Ревелсток привез нам последние новости о Вас. Он также рассказал, что Вы поехали в Шотландию, но, когда мое письмо дойдет, Вы уже, наверное, вернетесь… Что касается Вашего предложения назначить отправление из Европы в

Египет на середину февраля, я предварительно уже заказал билеты из Нью-Йорка на 5 января. Мы отплываем во Франкфурт, пробудем там около четырех недель и надеемся встретиться с Вами, если это Вам удобно, 12–15 февраля в Бриндизи, Неаполе или любом порту по Вашему выбору… С нетерпением и большой радостью ждем встречи с Вами и Вашей сестрой на земле фараонов. Кроме того, мы очень счастливы оттого, что, возможно, вместе с Вами увидим Палестину».

Они обменивались многочисленными письмами и телеграммами, предвкушая совместную поездку. Однако их планы расстроила смерть Соломона Лёба в декабре 1903 г., о чем Шифф сообщил Касселю так: «Это была красивая, мирная смерть, достойно завершившая его гармоничную и почтенную жизнь».

Сэр Эрнест предпринял поездку в Египет один, и в апреле 1904 г. друзья встретились во Франкфурте. В конце месяца Кассель, должно быть, писал Шиффу о том, что с ним хочет познакомиться король Эдуард, так как 25 апреля 1904 г. Шифф пишет ему из Парижа: «Для меня будет большой радостью знакомство с королем, но, если аудиенция во время нашего короткого пребывания в Лондоне окажется слишком неудобной, надеюсь, Вы не станете себя слишком утруждать».

Аудиенция состоялась, и 10 мая Шифф телеграфировал Касселю: «Прошу Вас еще раз передать его величеству, как бережно я буду хранить воспоминание о визите, который мне позволили ему нанести».

18 сентября 1904 г. Шифф писал: «Мы с нетерпением ждем Вашего приезда, который принесет нам несказанную радость, и мы, конечно, надеемся, что Вы остановитесь у нас».

Затем он добавил, что договаривается о продолжительной поездке Касселя по Американскому континенту; он вызывался сопровождать друга, «если он этого заслуживает». Визит состоялся, и Шифф и Кассель отправились в поездку:

«25 декабря 1904 г.

Дорогой друг!

Как быстро летит время! Прошлые недели были такими замечательными, а теперь, когда я пишу эти строки, Вы уже пересекли половину океана, а через несколько дней я надеюсь узнать о том, что Вы благополучно вернулись домой. Однако мы очень благодарны Вам за то, что Вы подарили нам огромную радость своего общества, и мне кажется, если такое возможно, что мы стали даже еще ближе друг к другу за время этих прекрасных недель. Мои жена и дети чувствуют то же самое, и мы надеемся, что скоро мы увидимся снова.

Размер нашей дружбы и привязанности друг к другу слишком полны, чтобы искать выражения в виде круговой чаши, хотя последняя доставила мне большое удовольствие, особенно то, что ее украшают слова, написанные Вашей рукой. Чаша навсегда останется прекрасным напоминанием о счастливых днях. Благодарю Вас за нее…»

В конце 1907 г. они снова собирались вместе поехать в Египет. 5 декабря 1907 г. Шифф пишет Касселю: «Рад слышать, что Вы тоже прибудете в Египет 21 января. Мы очень счастливы в предвкушении встречи; как прекрасно без помех побыть вместе несколько недель!»

Возвращаясь к воспоминаниям о египетской поездке, 15 декабря 1908 г. он пишет Касселю: «Пирпойнт Морган недавно спрашивал меня, собираетесь ли Вы нынешней зимой в Египет. Очевидно, он сам собирается поехать туда, хотя не сказал ничего определенного на этот счет. Чем ближе время, когда мы в прошлом году отплыли в Египет, где встретились с Вами, тем больше мои мысли возвращаются к тем прекрасным дням, и мне хотелось бы снова испытать это удовольствие, но благое намерение – все, что у нас сейчас есть. Возможно, этой зимой мы тихо посидим дома и, может быть, хотя ничего еще не решено, совершим короткую поездку на Кубу, чтобы избежать здешней мартовской слякоти».

В феврале 1910 г. Шифф предложил сэру Эрнесту присоединиться к нему и миссис Шифф в поездке на Аляску. Дочь сэра Эрнеста в Египте тяжело заболела, и 31 марта Шифф пишет: «Не проходит ни дня, чтобы мы не думали о Вас. Жалею только об одном, что мы не можем быть с Вами лично, помочь Вам и Вашей дочери в это трудное время. Однако мы знаем, что Вы храбро вынесете испытание, которому Вас подвергает судьба. Судя по Вашей вчерашней телеграмме, еще неясно, когда Вы сможете покинуть Египет. Надеюсь, что климат в Каире и Александрии позволит Вам вынести его без каких-либо неудобств… Возможно, последние две недели в Египте достаточно весело благодаря приезду Рузвельта, хотя, наверное, у Вас нет времени для встречи с ним».

Затем последовали другие телеграммы и письма, посвященные состоянию больной – до ее смерти в начале февраля 1911 г.

После встречи в Швейцарии 28 сентября 1911 г. Шифф пишет: «Мы будем долго вспоминать прекрасные дни в Ридерфурке, и я навсегда запомню чудесные прогулки в Вашем обществе. Вы хвалите мою способность ходить; но я должен сказать, что мне было очень легко – и очень приятно – ходить с

таким превосходным вожаком».

В апреле 1913 г. Шифф писал из Таормины: «Ваше доброе письмо от 27 марта переслали мне из Палермо в Гиргенти… Здесь не нужно специально смотреть достопримечательности, потому что красивая природа и Этна сопровождает вас повсюду, если вулкан не закрыт клубами дыма – что, впрочем, бывает почти всегда.

В первый день мы встретили на улице леди Льюис с дочерью. Правда, нашу встречу нельзя назвать большим совпадением, так как улица здесь всего одна. Вчера мы вместе поужинали и встретили также м-ра Хиченса, который показался нам очень приятным человеком. Особенно мы заинтересовались им, потому что мы с женой всегда с удовольствием читали его произведения. Я узнал, что вы собираетесь купить «Сад Аллаха» в Бискре. Очевидно, Вы хотите и там приобрести себе пристанище!»

Вот лишь некоторые из многочисленных писем, которыми обменивались Шифф и Кассель. Они свидетельствуют об их тесной дружбе, которая продолжалась до дня смерти Шиффа.

Шифф был невысокого роста, средней комплекции, очень стройный. Его голубые глаза могли выражать как сострадание, так и возмущение. Он носил бороду, которая в поздние годы поседела, и всегда, по любому случаю тщательно одевался. В петлице у него обычно красовался цветок.

Шифф отличался старомодной набожностью в самом прямом смысле слова. Он почитал память своих родителей, что подтверждал разными способами. Он всегда помнил годовщины их смерти и носил в своем бумажнике две выцветшие фотографии отца и матери.

Он почитал героев, хотя довольно сдержанно и по-своему. Он питал высокое почтение к рангу. Правитель государства или человек, занимавший высокий пост, в том числе в церкви, ректор университета, великий художник или скульптор – на всех них он смотрел снизу вверх и со всеми рад был познакомиться. Но привлекал его скорее не успех как таковой, а уважение к способностям в той или иной области. В своей филантропической деятельности он так же уважал профессиональную подготовку, какую ценил в более почтенных и более широкоизвестных профессиях, хотя в то время не принято было признавать заслуги тех, кто профессионально занимался благотворительностью. Шифф не питал особого почтения к важным персонам. Если он кого-то и уважал, то ученых, не только потому, что традиции и любовь к знаниям были сильны в его семье, но и потому, что желал «сидеть у ног» других людей и учиться у них. Он готов был учиться у кого угодно, и в этом отношении ему очень помогали

любовь к человечеству и интерес к людям как таковым.

Сохранилось письмо, судя по всему, написанное рукой его отца во Франкфурте, датированное 10 октября 1823 г., в котором содержится следующая хорошо известная история: «Молодой человек, большой болтун, нанял учителя языков. Учитель потребовал от него вдвое больше, чем платили другие ученики, сказав: «С ним меня ждет двойная работа, потому что я должен научить его двум наукам: во-первых, молчать, а во-вторых, говорить».

У меня можно отобрать деньги и богатство, но не искусство и науку».

Шифф очень любил детей, что особенно очевидно по той привязанности, какую он питал к своим внукам. Не проходило и дня, чтобы он по пути домой под вечер не заходил либо к дочери, либо к сыну, чтобы повидать их. Иногда он бывал сильно поглощен делами или удручен поведением тех, кто разочаровал его, но, стоило ему увидеть ребенка, его улыбку, и он сразу же светлел; восстанавливалась вся его вера в человечество. Если он знакомился с мальчиком, то спрашивал, как тот учится. Когда он был уполномоченным министерства образования, то навещал школы и, бывало, подзывал к себе кого-нибудь из знакомых детей и разговаривал с ними. 18 мая 1892 г. он написал детям одного знакомого:

«Дорогие юные друзья!

Меня очень порадовала ваша милая записка, в которой вы приглашаете меня купить билеты на благотворительный фестиваль клубники… сбор от которого пойдет в помощь русским студентам. Хотя я уже купил несколько билетов… вкусности, которые ожидаются на фестивале, настолько соблазнительны, а желудок у меня такой большой, что я с радостью воспользуюсь случаем и куплю еще несколько билетов, поскольку каждый билет, как я понимаю, позволит мне съесть еще одну тарелку мороженого с клубникой; кроме того, я, наверное, приведу с собой друзей, которые помогут мне оправдать стоимость билетов. Прилагаю чек, который, не сомневаюсь, ваш отец с радостью для вас обналичит. Прошу прислать мне взамен двадцать билетов».

Его любовь к людям распространялась на животных и растения. Шифф разводил у себя в имении лошадей, коров и телят; он часто приходил приласкать животных, наблюдал за тем, как они растут.

Шифф остро чувствовал красоту природы. Он был «дитя света». Красивый закат или рассвет чрезвычайно сильно действовали на него, и он готов был пройти пешком много миль,

чтобы полюбоваться видом из какого-нибудь особенного места на горе или на равнине.

Его отличительной чертой была расторопность. Он всегда приходил на встречи вовремя и отвечал на все письма в день их получения. Такой же пунктуальности он требовал и от других. Ничто так не возмущало его, как когда он приходил на встречу вовремя и обнаруживал, что половина ожидавшихся гостей отсутствует. Известно было, что он, прождав десять или пятнадцать минут, уходил и отказывался подождать тех, кто позволял себе опаздывать. Он ненавидел расточительство, собирал куски оберточной бумаги и бечевки и собственными руками упаковывал в них газеты и журналы, которые собирал дома и которые ежедневно посылал в разные больницы и тюрьмы.

Он был жадным читателем, но больше всего любил серьезные книги, что соответствовало серьезности его натуры. Однако он не был лишен и чувства юмора; он любил хорошие анекдоты и сам умел их рассказывать; а при его многочисленных путешествиях и знакомствах ему, конечно, было что рассказать. Одному европейскому путешественнику, который прислал ему восторженное письмо с вершины горы Пайкс-Пик, он написал: «Очень рад узнать, что Вы достигли такого выдающегося положения, и я не сомневаюсь, что Ваше путешествие было очень интересным. Я сам поднимался на вершину Пайкс-Пик года двадцать три назад, но едва ли гора с тех пор сильно выросла».

Когда он послал другу свой фотопортрет в рамке и затем узнал, что фотография пришла к адресату изорванной, а рамка оказалась разбитой, он написал: «Видимо, кто-то меня преследует, пусть и в виде изображения!»

Пол Варбург, у которого имелось много возможностей наблюдать Шиффа, приводит любопытное описание одного способа, с помощью которого Шифф следил за своими многочисленными обязанностями: «Когда я думаю о м-ре Шиффе, прежде всего в памяти всплывает его маленькая серебряная записная книжка, которую он постоянно носил в кармане. В ней были две пластинки слоновой кости. Всякий раз, как ему приходило в голову какое-нибудь дело, рука его тут же ныряла в жилетный карман, оттуда извлекались пластинки слоновой кости, и он быстро записывал на них несколько слов для памяти. Сделав то или иное дело, он зачеркивал его. К вечеру обе пластинки оказывались исписанными сверху донизу. Прежде чем лечь спать, он добросовестно просматривал свои записи, проверяя, все ли сделано, а затем записи стирались и пластинки откладывались на следующий день.

Я приписываю успех м-ра Шиффа в немалой степени этой его

серебряной записной книжечке. Более систематического человека, чем он, я не встречал. Запись позволяла ему одновременно выкинуть дело из головы и в то же время заботиться о том, чтобы все было исполнено. Он проявлял внимание к самым разным вещам и ко всем подходил с одинаковой степенью добросовестности. В записях на его пластинках отражались и деловые мысли величайшей важности, и самые обычные, повседневные вещи. Многие тысячи забот, которые м-р Шифф проявлял к людям, возвышенных и земных, записывались заранее, и он переходил к ним в течение дня. Остается лишь восхищаться тем, как он находил время для таких мелочей наряду с крупными делами. Именно поэтому знаки его личной доброты и внимания оказывались гораздо более трогательными и внушительными. Уверен, что количество подарков, которые он дарил, не только в виде чеков, но и в форме самых разных вещей, которые он выбирал лично, значительно превышают тысячу в год. Но больше всего впечатляла меня та добросовестность, с какой он навещал разных знакомых, особенно тех, кто находился в стесненных обстоятельствах. Он ни разу не упускал случая выразить свое сочувствие – как по радостным, так и по печальным поводам.

Как в бизнесе он заботился одновременно о делах больших и малых, он весьма щедро тратил крупные суммы, но в то же время пунктуально следил даже за мелкими расходами и испытывал настоящий ужас перед расточительством. Он очень возмущался, когда узнавал, что деньги были потрачены впустую, а когда м-р Шифф возмущался, он умел выразиться четко и недвусмысленно. Людям, которые становились объектами его критики, приходилось нелегко; они очень старались, чтобы такого больше не повторялось. В этом отношении он был прекрасным воспитателем. Он был необычайно дисциплинирован, не только по отношению к самому себе, но также и к тем, кто работал с ним во многих областях, где он проявлял себя. Однажды мистер Шифф признался мне, что он по натуре лентяй. Я так и не понял, в самом ли деле он так считал, но если так, его сила воли, а также высокие и жесткие стандарты, которые он создал для себя в самом начале своего жизненного пути, помогли ему окончательно побороть зачатки лени…

Он был одним из самых работящих людей в фирме и никогда не давал понять своим сотрудникам, что он богач, который предоставляет трудную работу другим, если ему выпадало восполнять какую-то необходимость».

Шифф отказался присутствовать на занятиях религиозной школы в воскресенье, сообщив, что воскресенья он всегда проводит в «Доме Монтефиоре»; что домой он возвращается

около двух часов и что в тот вечер он согласился быть судьей на студенческих дебатах и потому приберег остаток дня для себя.

Последние двадцать лет жизни он питался умеренно, даже скудно. Живя в Нью-Йорке, он много ходил пешком; он всегда шел пешком от своего дома на Семьдесят восьмой улице до Пятьдесят девятой улицы, где находилась его контора. Дорога занимала около мили. Иногда он доходил до Четырнадцатой улицы, проходя почти три мили, прежде чем сесть в подземку и ехать на работу. Ничто не могло заставить его поехать на работу в автомобиле. В своем загородном поместье он каждый день ездил на велосипеде – даже после того, как отпраздновал семидесятилетие. В Бар-Харборе Шифф вплоть до 1919 г. совершал долгие прогулки, в том числе в горы.

Его друг Флеминг писал ему накануне его семидесятилетия: «Через сорок пять дней мне исполнится 73 года, и я считаю Вас по сравнению с собой юнцом. Конечно, ни Ваша проворная ходьба по Пятой авеню, ни стремительная езда на велосипеде по Рамсон-Роуд, ни легкое дыхание в горах на Лох-Кор не предполагают, что семидесятая веха сколько-нибудь помешала Вам… Мы далеко ушли от Давида, когда тот столь сокрушался о жизни за пределами его сил, и надеюсь, что оба мы с Вами будем – не скажу молодыми, но проживем еще много времени».

Хотя Шифф был человеком прогрессивного склада ума, он проявлял чрезвычайную консервативность в религии, этике, политике, бизнесе, манере одеваться и привычках. Европейское воспитание не позволяло Шиффу перенять привычку, обычную в Англии и сравнительно распространенную в Америке, когда мужчины беседуют друг с другом, не снимая шляп – не говоря уже об обычае оставаться в шляпе в своем клубе. Он отличался поистине старомодной вежливостью и вместе с тем нежеланием смущать других. Однажды президент крупной железнодорожной компании из Чикаго вошел в его кабинет и, не снимая шляпы, сел на диван. Шифф немного поговорил с ним, а затем вдруг встал, подошел к гардеробу, достал оттуда свой цилиндр, надел его, снова сел и как ни в чем не бывало продолжал беседовать с ошеломленным знакомым.

Хотя сам Шифф не курил, для друзей он всегда держал в доме превосходные сигары и курительные материалы. Рядом со столовой в его доме в Си-Брайте имелась небольшая комната, не предназначенная для каких-либо определенных целей. Отчасти из-за того, что Шифф терпеть не мог, когда что-то не используется, а отчасти потому, что дело происходило в то время, когда мужчины не курили в присутствии дам, эту комнатку обставили как каюту корабля. В ней Шифф держал несколько

своих любимых гравюр и фотографии своих ближайших друзей. Сюда он приводил друзей-мужчин и сидел с ними ровно двадцать минут. По истечении этого времени гостям предлагалось «присоединиться к дамам».

Однажды он спросил молодого друга, ответил ли тот на определенное письмо, и получил отрицательный ответ на том основании, что письмо было чисто официальным. Покачав головой, Шифф заметил, что положил себе за правило отвечать на все письма, и рассказал об Аврааме Линкольне, который однажды, гуляя с другом по Вашингтон-стрит, вежливо ответил на поклон проходившего мимо негра. Друг удивился, что президент кланяется «какому-то ниггеру», на что Линкольн ответил: «Неужели я позволю какому-то негру превзойти меня в обычной вежливости?»

Он не любил памятников в камне или бронзе. Когда в Нью-Йорке начали кампанию за сооружение памятнику барону и баронессе Гирш, Шифф выражал свое мнение не только в личных письмах, но и послал заметку в «Нью-Йорк тайме»: «Мое внимание привлекла брошюра с призывом от имени ряда известных людей, в которой просят вносить пожертвования на сооружение памятника покойным барону и баронессе Гирш.

Меня неоднократно спрашивали о причинах, по которым я воздерживаюсь от таких взносов. Несколько месяцев назад ко мне подошел один господин, тогда неизвестный мне, и просил меня войти в состав комитета, который возглавляет вышеназванную кампанию. Будучи лично знакомым с горячо оплакиваемыми бароном и баронессой, сотрудничая с Фондом Гирша по ряду различных дел и зная о намерениях, трудах и пожеланиях этих великих филантропов, я не колеблясь говорю: ничто не может быть дальше от их желаний, чем стремление к тому, чтобы их благородная жизнь была увековечена памятником из камня и железа. Более того, последняя просьба баронессы Гирш заключалась в том, чтобы над ее могилой не произносили ни речей, ни панегириков. Несомненно, благородная женщина имела в виду, что, если мир, которому они так помогли, не считает достойным памятником их замыслы и начинания, которые они с бароном постоянно воплощали в виде щедрых пожертвований, оказать им честь и увековечить их память не способны ни слова, ни памятники…»

Он хранил как сокровище записку от епископа Поттера, в которой тот одобрял его позицию.

Когда в 1904 г. начали кампанию по сооружению памятника генералу Армстронгу, Шифф занял точно такую же позицию и

предложил, чтобы сумму, которую намерены были собрать на памятник, направили на учреждение стипендии или премии имени генерала Армстронга в Хэмптонском университете. А в 1914 г., когда предлагали соорудить памятник Гроверу Кливленду, он предложил подарить собранные средства Колумбийскому университету.

Шифф любил простоту и терпеть не мог всякого рода нарочитость и показуху. Так, у него никогда не было собственной яхты, как у многих его друзей. Летом, путешествуя в свое загородное поместье и обратно, он садился на регулярные суда «Атлантик Хайленде». Его активное неприятие публичной признательности или почестей, оказываемых ему при жизни, сохранялось в течение долгого периода времени. Только иногда и при весьма особых обстоятельствах он делал исключение из этого правила, хотя, несмотря на его личные чувства, его имя начиная со сравнительно раннего времени часто появлялось в газетах. Его часто называли одним из ведущих финансистов в мире и одним из величайших филантропов.

В 1898 г., когда один лондонский журналист попросил Шиффа предоставить сведения для статьи о нем, он ответил: «Я никогда не давал санкцию на то, чтобы обо мне писали». На следующий год, когда в нью-йоркской «Геральд» появилась статья о нем как о филантропе, с его портретом, он написал в редакцию: «Могу лишь сказать, что публикация крайне смутила меня». Он не разрешал публиковать содержание частных бесед и интервью с ним. Когда редакция одной филадельфийской газеты пожелала прислать к нему специального корреспондента, он отказался. В другом случае, когда газета предложила прислать к нему своего представителя и собрать биографические сведения о нем, он велел секретарю написать, «что о себе он никогда и ни с кем не говорит». Прочитав статью, в которой упоминалось его имя, он написал автору: «Позвольте сказать, что я очень не люблю, когда обо мне говорят в весьма хвалебных тонах, в каких Вы сочли нужным упомянуть мое имя. Возможно, подобные упоминания льстят тщеславию некоторых, но, конечно, не получат моего одобрения».

В 1911 г., когда образовали «Комитет ста», который должен был организовать торжественный ужин в его честь, он отказался от предложения. По его словам, что бы он ни делал для общества, он всегда служил лишь распорядителем тех средств, которые подарены ему Всевышним. Хотя ему часто приходилось выступать публично, он невысоко ценил свое красноречие и обычно отказывался от предложений произнести речь.

21 июня 1913 г., когда в издательстве «Патнэм» предложили

издать его избранные речи и статьи, он написал: «Я высоко ценю Ваше любезное предложение и еще более того ценю добрые слова, в которые Вы вложили личное чувство, но даже если бы я пожелал воспользоваться Вашим предложением, я бы не смог так поступить, ибо никогда не хранил ни произнесенных мною речей, ни написанных мною статей, поскольку считаю все сказанное или написанное мною преходящим и не думаю, что моим высказываниям суждено произвести сильное впечатление на потомков».

Через неделю он написал другому корреспонденту: «Позвольте заверить Вас, что я тщательно обдумал Ваше заботливое предложение, но я не могу преодолеть чувства, что предложенное Вами издание не стоит осуществлять при моей жизни. Если после моей смерти моим детям и друзьям покажется, что, возможно, стоит поделиться публично произнесенными мною речами, они вольны поступать с ними по своему усмотрению».

Шифф взял за правило не опровергать и не комментировать высказываний о себе и своих делах, даже если они были далеки от правды. Когда в сентябре 1919 г. в одной статье написали, что организация, главой которой был Шифф, ведет переговоры с правительством Соединенных Штатов о выделении невозделанных земель в Америке под поселения еврейских семей из Польши и России, он написал: «Впервые слышу о таком замысле. Более того, если я глава этой астральной организации, то каково же мое жалованье? Хотя я бы не возражал… против опровержения, я считаю, что поступать так ошибочно, ибо едва ли мы склонны замечать всякую чушь, какая появляется в печати, а если мы поступим так в этом случае и не поступим в следующем, все подумают: раз мы не опровергаем написанного, значит, скорее всего, так и есть».

В преддверии своего семидесятилетия, когда ему предлагали различные публичные должности, он написал: «Миссис Шифф и другие члены моей семьи… настоятельно советуют мне теперь, когда моя жизнь клонится к закату, не менять позиции, которую я всегда занимал в отношение почестей, которые мне часто предлагались и которые я неизменно отклонял. Миссис Шифф и мои дети, которые, естественно, знают и понимают меня лучше, чем кто-либо другой, сознают, что при моем характере я лишь впаду в уныние, если приму почести, которые, как мне кажется, люди в целом должны всячески избегать».

Редактору газеты, который просил у него интервью в преддверии его юбилея, Шифф ответил: «Многие издания просили у меня об интервью и статьях в связи с моим семидесятилетием; более того, в той же связи мне предлагались

публичные и другие почести. Однако я решил на неделю моего грядущего семидесятилетия оставить город, провести юбилей исключительно с детьми и внуками и не делать никаких высказываний для печати, потому что, по-моему, нельзя создавать впечатления, будто я считаю себя достойным особых почестей или специально пытаюсь произвести на публику впечатление только потому, что за долгие годы моей жизни Всевышний так щедро одарил меня, позволив оказывать разные услуги и быть полезным моим современникам. Позвольте надеяться, что Вы поймете мои чувства; я высоко ценю проявленную Вами добрую волю».

Выше уже упоминался барельеф работы Сент-Годенса, который заказал Кассель в подарок Шиффу. Когда ему впервые предложили запечатлеть детей, Шифф не одобрил предложения, потому что сомневался, стоит ли привлекать такого великого художника, как Сент-Годенс, к частному заказу. Работа была выполнена только по настоянию Касселя. Однако, когда Сент-Годенс попросил разрешения выставить слепок с барельефа в Бостонском музее изящных искусств, Шифф согласился лишь «при условии, что со слепка уберут имена до того, как установят его на место».

Он согласился стать почетным членом Лондонской торговой палаты, а в 1916 г. – почетным доктором коммерческих наук Нью-Йоркского университета, хотя всего за несколько дней до того отклонил почетную степень другого колледжа. Он постарался объясниться в письме другу: «Недавно мне предложили сходные почести, но меня не привлекает степень, которой я никак не могу соответствовать. Степень доктора коммерческих наук не подпадает под такую категорию, и потому я решил, что могу ее принять».

Хотя основу данной книги составляют письма самого Шиффа, авторы воспользовались также воспоминаниями различных членов его семьи и друзей. Так, достойны упоминания мемуары Пола Д. Кравата, который начиная с 1899 г. был юрисконсультом в фирме Шиффа и у которого имелась исключительная возможность наблюдать его характер: «Самой любопытной чертой характера м-ра Шиффа было своеобразное сочетание мягкой доброты и бескомпромиссной суровости. Во многих отношениях он был добрейшим и мягчайшим из людей. Сейчас я говорю о такого рода доброте, которая отличается от умозрительной благожелательности. Многим даже самым благожелательным моим знакомым не присущи порывистая мягкость и страстная доброта, качества, в высшей степени свойственные м-ру Шиффу. Больше всего мне нравится вспоминать, как он совершал добрые

поступки по отношению к ребенку, говорил слова поощрения и одобрения другу или оказывал заботливую и дружескую услугу. Он был самым заботливым и обычно самым мягким из друзей. Часто, вызывая в памяти образ м-ра Шиффа, я вижу его таким, как часто встречал его в жизни: идущим по Пятой авеню утром перед Рождеством. Иногда мы встречались, когда я вел маленькую дочку покупать рождественские подарки. Всякий раз, когда он видел нас, он останавливался и с сияющим лицом обращался к моей дочке… Мы будем всегда помнить об этом. Такое воспоминание о м-ре Шиффе всегда остается счастливым и вдохновляющим.

Но, несмотря на его исключительную мягкость и доброту, о которых я говорил, мистер Шифф временами бывал не просто суров, но суров непоколебимо. По-моему, нетрудно объяснить такое противоречие в обычно мягком и добром человеке. Его совесть задавала очень высокие стандарты, которых он неуклонно придерживался. Поскольку он был очень строг к самому себе, так же строго и бескомпромиссно он требовал соблюдения высоких стандартов и от других. Думаю, этот анализ объясняет довольно частые резкие суждения мистера Шиффа о поведении других. Они не были грубыми или несправедливыми с его точки зрения, потому что он просто ждал от других приверженности тем же нравственным стандартам, которые задавал самому себе».

Еще одна оценка его характера содержится в воспоминаниях Макса Варбурга: «Джейкоб Шифф добился величайшей удачи, какой может удостоиться человек: он был независимой личностью. Среди важнейших черт его характера можно назвать развитое чувство долга; его непреклонную энергию как по отношению к себе, так и по отношению к другим; его искренность и его чувство гордости, которое оправдывалось убеждением в том, что он обязан выполнить особую миссию. Убеждение в своем высоком предназначении придавало ему уверенности и твердости в его решениях, которые никогда не оставляли его даже в критических ситуациях, с которыми он сталкивался часто. Более того, они побуждали его делать высказывания, которые, как он понимал, не доставят радости окружающему миру. Придя к тому или иному заключению, он должен был выразить его, независимо от того, как это повлияет на него лично.

Он питал глубокую привязанность к своей семье и обладал большой уверенностью в своих силах, которая определяла его курс при любых обстоятельствах. Свои решения он принимал сам и старался, со свойственным ему темпераментом, доводить до конца любой замысел, который он считал справедливым и правильным. И конечно, его воодушевляло глубокое религиозное

чувство и возникающий из него оптимизм, которые не оставляли его без соответствующих стимулов.

Его чувство долга проявлялось в сознательном пропорциональном распределении его времени. Не проходило ни одного дня, когда он не использовал бы наилучшим образом каждую минуту. Кроме того, он обладал счастливым даром стремительно переключаться с одного вида деятельности на другой. Строгая самодисциплина просматривалась также в его чрезвычайной корректности поведения во все времена. Ни за что не появлялся он одетым недолжным образом ни по одному поводу и всегда уделял пристальное внимание внешности своих близких.

Вспоминаю, что однажды мы вместе ехали из Гамбурга в Лондон, где он заранее договорился об интервью. Поездка по железной дороге его утомила, но это не помешало ему записать все вопросы в записной книжке. При этом он сверялся с толстым кодексом фирмы «Кун, Лёб и К°» – читая, что он написал, стирая и изменяя слова, борясь с усталостью, пока, с его известной энергией, он не дописал чрезвычайно острое интервью.

Его любовь к людям буквально не знала границ. Из своего дохода он выделял очень большую часть… на помощь нуждающимся. Если он делал для евреев больше, чем для других, то только потому, что он был убежден: христиане ничего для них не делают, а их страдания, особенно в России, а также среди эмигрантов в Америке просто невероятны. Он считал своим долгом употреблять все свое влияние, чтобы покончить с гонениями на евреев в России, и это его чувство в немалой степени объясняет то, что он предпринимал все, что в его силах, чтобы помочь японцам успешно вести войну. Он считал, что, стараясь положить конец средневековым условиям в царской России, он оказывает услугу не только евреям, но и всему человечеству.

Он объединял в себе самые разные черты души и разума. Несмотря на острый интеллект, который позволил ему добиться такого большого успеха, его сердце оказывалось еще сильнее, и в решающие моменты его темперамент следовал за сердцем. Он подавал всем, кто знал его, великий пример, который переживет его время – пример преданности долгу, отваги и добродетели».

Президент Элиот в своей краткой речи в память Шиффа[57]написал: «У меня была возможность наблюдать за работой ума многих попечителей Гарвардского университета, но никогда я не находил разум попечителя более интересным для изучения или более трогательным для дружбы и уважения, чем разум мистера Шиффа. Я не встречал более острого ума, более

пылкого и при этом проницательного дарителя больших и малых даров, более истинного поборника анонимности добрых самаритян или более благодарного патриота, как еврейского, так и американского».

Роберт С. Ловетт пишет: «Я свободно советовался с мистером Шиффом как с мудрым другом не только в тех областях, где он был признанным авторитетом… но часто и по многим другим. Я давно понял и часто находил новые доказательства тому, что он не только очень мудрый и верный друг, но и настоящий философ, который прекрасно разбирается в людях и событиях и поистине один из величайших людей нашей страны. Для меня вся жизнь мистера Шиффа, его способность ведения дел и отношений с другими, его идеалов была поучительной и вдохновляющей. Больше всех, кого я знаю, он был олицетворением доброты и учтивости по отношению ко всем.

Мистер Шифф был необычайно и сверхъестественно велик благодаря духовности его величия. В нашем городе много людей, чьи достижения чисто материальны – они зарабатывают деньги, успешно занимаются банковским делом, обладают проницательностью суждений, предприимчивы или соответствуют всем обычным критериям. Он же не только обладал всеми вышеперечисленными качествами. Выдающуюся, вездесущую, преобладающую цель в его жизни в течение нашего с ним знакомства можно назвать одним словом: добродетель и совершение добрых поступков. Он занимался бизнесом, занимался вдумчиво, как и следует… но названная мною цель всегда руководила им».

Хотя в пятьдесят лет Шифф жаловался, что устал, ссылался на преклонный возраст и поговаривал о выходе на пенсию, то были скорее преходящие мысли, а не устоявшиеся убеждения. Разменяв восьмой десяток, он по-прежнему энергично занимался бизнесом, хотя и передал многие дела своим партнерам, и активно участвовал в общественной и филантропической деятельности, в которых он не передавал другим почти ничего.

В августе 1919 г. он, как обычно, находился в Бар-Харборе и, будучи всегда твердо убежден в том, что физические упражнения необходимы для человека, ведущего в основном сидячий образ жизни, посвящал значительную часть лета прогулкам, в том числе по горам. Одна прогулка в обществе человека значительно моложе его продолжалась почти восемь часов. Шифф терпеть не мог даже признаваться в том, что устал. 14 августа он написал: «Если в последние недели я выглядел усталым, теперь вы судили бы обо мне по-другому. Вчера, например, я четыре часа гулял с некоторыми моими внуками по чудесному здешнему лесу и вовсе

не устал к возвращению домой. Однако я уже не так молод… и, несомненно, время от времени возраст сказывается на мне».

Начиная с того времени его здоровье определенно ухудшилось, и он жаловался на огромное напряжение, причиной которого стала война. 5 мая 1920 г. он писал Францу Филиппсону в Брюссель: «Последние несколько месяцев меня беспокоит примерно то же, что – возможно, более остро – беспокоило и Вас, и хотя сейчас я чувствую себя значительно лучше, не могу сказать, что совершенно излечился. Условия, которые создала почти повсюду эта ужасная война и возросшие труды – не в бизнесе, но в альтруистической деятельности, наваливаются на всех, у кого есть сердце, и, возможно, в моем возрасте мне уже тяжело все это выносить; если причина моего самочувствия именно в этом, я не должен удивляться, услышав, как пострадало Ваше здоровье ввиду всех испытаний и забот, с которыми пришлось Вам столкнуться. Поэтому я тем более рад получить заверения, что Вы совершенно поправились и Вы и Ваша семья сейчас в добром здравии. Надеюсь, так будет и впредь».

Зима 1919–1920 гг. стала для него трудным временем, хотя он никогда не был прикован к постели. 29 марта 1920 г. он принял решение не ехать на лето в Бар-Харбор, написав: «Я бы не смог… удержаться от искушения не подниматься по крайней мере в тамошние прекрасные горы, что мне строго запретил врач, потому что в прошлом году я, похоже, переусердствовал с этим».

В апреле он отправился в Уайт-Салфер-Спрингс, откуда писал: «Очень постараюсь, пока я здесь, восстановить сон, нервы и силы и с Божьей помощью надеюсь преуспеть, но во всяком случае мне было отпущено столько здоровья и счастья, что мне остается лишь поблагодарить за это Всевышнего».

В начале лета он уехал в Уайт-Плейнс, заняв летнюю резиденцию Пола Варбурга, который тогда находился в Европе.

18 июня 1920 г. в письме Такахаси, который тогда и сам болел, Шифф написал: «Я сейчас тоже чувствую себя не по номиналу, еще с прошлого лета, и не могу больше столько делать, сколько имел обыкновение раньше. Но мне пошел семьдесят четвертый год, и нельзя ожидать, что силы мои будут такими же, как прежде; вот чем я стараюсь себя утешить».

Тогда его состояние ухудшилось; ему стало трудно дышать, он почти не мог спать, но сила воли его не покидала. Он засиживался допоздна за чтением и написанием писем, так как ему удобнее было сидеть, чем лежать, а его натура требовала деятельности. И все же он был по-прежнему внимательным к своим гостям, никогда не забывал о мельчайших проявлениях учтивости, к которым привык. Катание на автомобиле как будто

облегчало его дыхание, и он планировал долгие поездки, часто выезжал кататься в одиннадцать часов вечера в надежде, что ему захочется спать. Он никогда не позволял считать себя инвалидом, возражал против присутствия медсестры или сиделки – или частых и регулярных приходов врача.

23 июля он писал Элиоту:

«Утром получил Ваше заботливое и доброе письмо от 20 числа текущего месяца. Правда, последнее время я не так хорошо себя чувствую, так как подвержен бессоннице, вследствие которой, как и следовало ожидать, страдает весь мой организм. Но я бодр и активен и надеюсь – по крайней мере, в том меня уверяют врачи, – что со временем, если я не буду нетерпелив, я все преодолею. Как Вы понимаете, я ничего не делаю без совета и одобрения миссис Шифф, и мне очень по душе Ваши слова о том, что так и должно быть. Жаль, что болезнь настигла меня прошлым летом в Бар-Харборе. Похоже, я перетрудился. Я должен был понять, что в моем возрасте лучше было бы не лазать по горам и не совершать долгих прогулок, как делал я в прошлые годы, но я совершил ошибку, за которую теперь расплачиваюсь.

Кроме того, как Вы справедливо заметили, обстановка в мире значительно огорчила меня и повлияла на меня, ибо нужны крепкие нервы, чтобы пережить то, что принесли нам прошедшие годы. Рад узнать Ваше мнение, что отлив сменяется приливом, но пройдет в лучшем случае год, а скорее всего, взаимное доверие между народами и всеобщее счастье вернутся уже не при нашей жизни.

Для меня и миссис Шифф очень печально, что в этом году мы не сможем поехать в Бар-Харбор, так как, с одобрения моего врача, я собираюсь попробовать пожить выше над уровнем моря. На следующей неделе мы едем в Диксвилл-Нотч (штат Нью-Гэмпшир), где, как нам сказали, во всех отношениях очень красиво, хотя мы-то знаем, что ничто не в состоянии сравниться с островом Маунт-Дезерт. Надеюсь, что мое письмо застанет Вас и миссис Элиот в добром здравии. С наилучшими пожеланиями от миссис Шифф и от меня…

Искренне Ваш,

Джейкоб Г. Шифф».

Не восстановив ни силы, ни сон, Шифф вернулся из Диксвилл-Нотч в Си-Брайт, где продолжал читать и писать. Даже в последнюю неделю своей жизни он ездил в Нью-Йорк на работу. 10 сентября он писал Дэвиду М. Бресслеру: «Придя сегодня на работу, я узнал, что Вы звонили вчера и справлялись о моем

здоровье. Очень ценю Ваше внимание. Слава богу, я постепенно поправляюсь».

Шли дни, и его болезнь становилась все очевиднее его близким, но Шифф не сдавался. Пост перед праздником Йом Киппур в тот год выпал на 22 сентября. Он не чувствовал в себе сил для того, чтобы пойти в синагогу, хотя был там за десять дней до того, в праздник Нового года, но настоял на том, что будет соблюдать строгий пост, и весь день посвятил молитве.

На следующий день, 23 сентября, он обычным поездом приехал из Си-Брайт в Нью-Йорк, в свой городской дом. Когда он вышел из машины, шофер поддержал его под руку, думая помочь ему подняться на крыльцо и войти в дом, но Шифф отбросил его руку и вошел сам. Следующие два дня он сидел в своем кресле и беседовал с членами семьи – по-прежнему истинный хозяин дома. В субботу, 25 сентября, он остался в постели и вечером того дня скончался, без мучений, когда закончился Шаббат.

Его похороны состоялись 28 сентября в синагоге «Эману-Эль» в Нью-Йорке. Здание было заполнено народом, и многотысячная толпа стояла на Пятой авеню, принося ему безмолвную дань памяти. Движение остановилось; Нью-Йорк прощался с Шиффом. Со всей Америки и из других частей света приходили телеграммы, письма, произносились речи в его честь, публиковались некрологи в газетах и других периодических изданиях. Из сотен писем и телеграмм отобраны лишь следующие:

«26 сентября 1920 г.

Позвольте выразить Вам свои самые искренние соболезнования по случаю кончины Вашего выдающегося супруга. С его смертью страна потеряла одного из самых своих полезных граждан.

Вудро Вильсон».

«Он был действенным созидателем добрых дел; он поддерживал все, что предназначалось для блага человека; его возвышенный ум… был так же велик, как его щедрость, которая не знала границ.

Уильям Г. Тафт».

«Штат потерял почетного гражданина, а человечество – великодушного друга.

Альфред Э. Смит».

«Его услуги для общества неоценимы; а его твердый характер

и великие достижения неизменно останутся в нашей памяти.

Чарлз Э. Хьюз».

«С глубокой скорбью узнал я печальную весть. Шлю Вам свое самое теплое сочувствие, ибо Вы потеряли лучшего из мужей, как я потерял лучшего из друзей.

Эрнест Кассель».

Но тысячи людей, которые пришли на его похороны, возможно, лучше любых слов свидетельствовали о его репутации и о том уважении, которое он вызывал.

notes

Примечания

1

Юридические документы, связанные с данной сделкой, приводятся в следующей книге: *Freimann A.* Stammtafeln der Freiherrlichen Familie von Rothshield. Франкфурт, частное издание, 1906. P. 65–68, 70–72. См. также: *Duschinsky C.* The Rabbinate of the Great Synagogue, London, from 1756–1842. P. 79 ff.; Alexander Dietz, Stammbuch der Frankfurter Juden. P. 257–260, 470. *(Здесь и далее примеч. авт.)*

2

Книга вышла в 1929 г. *(Примеч. пер.)*

3

Рузвельт в своих письмах выражал такую же точку зрения. См. *Bishop J.B.* Theodore Roosevelt and His Time. V. II. P. 43–49.

4

См. в этой связи его показания: the United States Industrial Commission (протокол от 22 мая 1901 г.), в «Докладе» комиссии (V. IX. P. 769–777); см. также: Review of the Evidence данной комиссии. P. v – viii, lxi.

См. Bishop's Roosevelt. Y. II. P. 41.

См.: *Schotter H.W.* The Growth and Development of the Pennsylvania Railroad Company, 1846–1926. P. 284, 289, 292, 309.

7

См.: Pennsylvania Railroad Information for the Public and Employees. 1925, октябрь.

8

См.: Cleveland, Powell, Railroad Finance. P. 24–25; Ripley, Railroads: Finance and Organization. P. 136–137; статья о Шиффе в: Philadelphia Press. 1903. 22 августа; New York World. 1905. 16 апреля.

9

Полностью текст письма приведен в: Pyle, Life of James J. Hill. Y. II. P. 42–46.

10

См. George Kennan, E.H. Harriman – A Biography. V. I. P. 119 ff; V. II. P. 369–372; см. также: Otto H. Kahn, Our Economic and Other Problems, 25.

11

См.: Pyle, Hill. V. II. P. 91 ff; Kennan, Harriman. V. I. 286 ff; *Meyer B.H.* A History of the Northern Securities Case (University of Wisconsin, Economics & Political Science Series. V. I. № 3. P. 215 ff).

12

См.: Carl Hovey, Life Story of J. Pierpoint Morgan. P. 249.

13

Полный отчет по делу см. в вышеуказанных работах, особенно: *Kennan, Harriman.* V. II. P. 77ff, где рассказывается о последующем росте дивидендов «Юнион Пасифик» в августе 1906 г., породившем много замечаний. Шифф в то время уже не входил в правление «Юнион Пасифик», так как подал в отставку 10 апреля и заново вошел в состав правления на короткий срок лишь после смерти Гарримана в 1909 г.

14

См.: *Kennan, Harriman.* V. II. P. 326–327.

15

См.: *Anna R. Burr*. The Portrait of a Banker: James Stillman. P. 270.

Тогдашним губернатором был сам Рузвельт.

17

См. биографию Стиллмена, написанную м-с Берр, в которой данные отношения описаны подробно.

18

В протокол рукой Шиффа были внесены замечания в скобках, однако их не включили в официальный протокол. См.: Testimony taken before the Joint Committee of the Senate and Assembly of the State of N. Y. To investigate Life Insurance Companies, etc. Albany, 1905. V. II. P. 1297–1364. 1056 ff; V. IV. P. 3307 ff, 3342–3343, а также: Report of the Committee, 22 февраля 1906 (V. X). P. 120 ff, 385 ff.

19

Пс., 120: 8.

20

Шифф написал статью, озаглавленную «Япония после войны», в которой эти вопросы рассматриваются весьма подробно. См.: North American Review. 1906 август. V. 183.P. 161–168.

21

См.: Herbert Croly, Willard Straight; см. также *Kennan, Harriman.* V. И. Chap. 18. P. 22.

22

Зах., 4: 6.

23

Should the Silver Law of 1890 Be Repealed? // Forum. 1891. Декабрь (Y. XII. P. 472–476).

24

Коммерческие банки, которые регистрируются, в отличие от банков штата, федеральными властями. Находятся под наблюдением Контролера денежного обращения; в их названии в обязательном порядке должно присутствовать слово «национальный». *(Примеч. пер.)*

25

Статья опубликована в «Анналах Академии». Y. 31. 1908. Январь-июнь. P. 372–376.

Его показания напечатаны в опубликованном отчете Комитета, часть 23 (62 конгресс, 3-я сессия, Д. 1593).

27

Шифф ссылается на так называемую легенду о решающем голосе Муленберга, утверждающую, что немецкий язык мог бы стать государственным языком США. Поводом для ее создания стала петиция, поданная в 1794 г. немецкими переселенцами из Вирджинии в палату представителей США с требованием публиковать законы также и на немецком языке. Петиция была отклонена при голосовании 42 голосами против 41. Голос «против» якобы отдал Ф. Муленберг, немец по происхождению. На самом деле Муленберг, спикер палаты представителей, не принимал участия в голосовании, но позднее заявил: «Чем скорее немцы станут американцами, тем лучше». В начале XIX в. большую часть переселенцев, прибывавших в США, действительно составляли немцы.

28

Памятная табличка с бюстом Митчела находится у входа в Центральный парк, на пересечении Девяностой улицы и Пятой авеню. *(Примем. пер.)*

29

The American Hebrew. 1917. 5 января.

30

См. Lillian D. Wald, The House on Henry Street; Report of the Henry Street Settlement, 1893–1913, опубликованный по случаю двадцатой годовщины «Поселения».

31

Статья вышла в январском номере журнала за 1904 г. (V. III. № 4. P. 81–82).

32

Написана в соавторстве с Мортимером Л. Шиффом.

33

Пс., 113: 1–2.

Быт., 22: 18.

35

Прит., 31: 28.

36

Числ., 11: 29.

Зах., 14: 9.

См. Publications of the American Jewish Historical Society. № 14.

Adventures in Idealism. Нью-Йорк, частное издание, 1922.

Jewish Charities. 1914. Июнь. Y. 4. № 11. P. 5–6.

См.: *Oscar S.* Straus, Under Four Administrations. P. 106ff.

42

См.: Straus, Under Four Administrations. P. 189–190; The Memoirs of Count Witte (Abraham Yarmolinsky, сост. и пер.). P. 161 ff; Kraus, Reminiscences and Comments. P. 156 ff.

См.: Kraus, Reminiscences and Comments. P. 162.

Перевод М. Достоевского.

См.: American Jewish Year Book. Y. 6, 11, 13, 14 (1904–1912).

46

Ответ Тафта напечатан в: Simon Wolf, Presidents I Have Known. P. 313–316.

47

В связи с этим см.: American Jewish Year Book, 5663, 1902–1903. P. 38 ff; Report of the American Jewish Committee, 9 ноября 1913 // Там же, 5675, 1914–1915. P. 382–387; см. также: Jewish Rights at International Congresses (Max Kohler) // Там же, 5678, 1917–1918. P. 154–160.

Ис., 2: 3.

49

См.: Theodor Herzl, Tagebucher. Y. III. P. 574 ff.

50

Зах., 14: 9.

51

См. также его речь «Сионизм и национализм», произнесенную на собрании общества «Менора» в Городском колледже Нью-Йорка 7 января 1914 г., опубликованную в: American Hebrew 16 января 1914 г. (Y. 94. № 12. P. 331).

52

Шифф представил свои соображения по созданию отдельного еврейского фонда помощи в статье «Еврейский вопрос сегодня», опубликованной в: Menorah Journal. Y. 1. № 2. 1915. Апрель. P. 75–78.

53

Речь опубликована в: American Jewish Year Book, 5677, 1916–1917. P. 423–425.

См.: Republican, Springfield. 1917. 24 апреля.

The New Palestine. 1920. 16 января.

56

О жизни и трудах Касселя см.: Dictionary of National Biography, 1912–1921. P. 97—100. Sir Sidney Lee, Ring Edward VII – A Biography. V. II. P. 60–63, 716–717; см. также: Margot Asquith, Autobiography. V. III. P. 199–201; V. IV. P. 127–128.

Menorah Journal. Y. VII. № 1. 1921. Февраль. P. 17 ff.